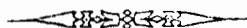

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

XVII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XVII

*Исследования в области
славянского языкознания*

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1959

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. Б. Бернштейн (ответственный редактор),
И. К. Бунина, Л. Б. Валев, И. Н. Мельникова, И. С. Миллер,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь), *С. А. Никитин,*
С. В. Никольский, П. Н. Третьяков

Л. А. Булаховский

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОММЕНТАРИИ К БОЛГАРСКОМУ УДАРЕНИЮ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 1. Сравнительно с сербохорватской и словенской (словинской) акцентологическими системами болгарская менее разнообразна. Болгарский язык не имеет этимологических (исторических), обладающих фонологическим значением в пределах слова интонаций и этимологических же количественных (квантитативных) различий¹. Выразительным фонологическим средством, как и в восточнославянских языках, в нем является ударение, в большинстве как раз наиболее влиятельных и численно значительных говоров и в литературном языке разноместное. Это ударение, вообще говоря, лишь довольно слабо, и то только по отношению к определенным группам слов (морфологическим группам), может быть уложено в более или менее четко ориентирующие правила употребления. Несомненно, однако, что многое теперь представляющееся ограниченным определенными словами (лексемами) и формами, при сопоставлении с древнейшей славянской акцентологической системой в целом, как она реконструируется преимущественно на основе сербохорватского и словенского языков, оказывается в большей или меньшей мере мотивированным. Болгарский язык утратил прежнюю систему количественных различий и интонаций, еще вполне отчетливую в других живых славянских языках — сербохорватском и словенском, отчасти (в отношении количества) — в языках чешско-словацкой группы, но рефлексы былого количества и интонации опознаются в ней и сейчас с достаточной определенностью; и в том и в другом отношении со своей стороны болгарский язык справедливо может считаться пополняющим или уточняющим наши сведения о фактах ударения (соответственно — количества и интонаций) глубокой славянской древности.

В отношении места ударения в словах, как сказано, болгарские гово-

¹ Некоторым болгарским говорам (говор Эркеча и др.) известны в определенных положениях долгие гласные. Но все до сих пор делавшиеся по этому поводу сообщения не оставляют места сомнению, что дело идет о фактах вторичного (производного) порядка и что соответствующий материал никак не может быть использован для каких-либо специальных соображений о том, что имело место уже в древнейшем славянском («протославянском», «праславянском») языке. См., в частности, замечания Ст. Младенова в кн. «Geschichte der bulgarischen Sprache». Berlin—Leipzig, 1929, § 94, стр. 180—181.

ры с разноместным ударением принципиально представляют продолжение древнейшей славянской системы, как она прямо отражена прежде всего в восточнославянских языках и в чакавском наречии сербохорватского (косвенно — в штокавском наречии и в словенском языке). Но вместе с тем болгарское ударение значительно больше, чем в упомянутых языках, отражает происшедшие и в соответственных парадигмах отдельных слов, и в целых морфологических категориях сдвиги в сторону удноображенья.

Далее, важная и едва ли не самая характерная особенность болгарской акцентологической системы та, что в отличие от всех других славянских языков (если не говорить о членных именах прилагательных) болгарский язык, несмотря на некоторые кажущиеся исключения относительно позднего времени, отразил различие двух древних интонаций долгот (акутовой и циркумфлексовой), а также акутовых долгот и рефлексов краткостей только в членных формах, т. е. в формах с элементом энклитического характера.

Не касаясь того, что потребовало бы значительного углубления в вопрос о древнейшей славянской акцентологической системе, вообще и о ее отношении к древнейшей индоевропейской системе, и не затрагивая многочисленных контроверз, связанных с этим кругом вопросов, ограничиваюсь указанием на наиболее элементарные данные, изложенные мною во втором томе «Курса русского литературного языка»².

§ 2. В отличие от ударения других славянских языков, болгарское, по сравнению с древнейшим славянским («праславянским»), вообще не является результатом действия каких-либо специальных фонетических законов, если таковым не считать общий факт утраты болгарским языком прежних количественных и интонационных различий у гласных звуков и звукосочетаний. Все специфические явления болгарского ударения, отличающие его от древнейшего славянского, соединяют в себе, — поскольку они не являются фактами индукционного или аналогического происхождения, — действие причин фонетико-морфологических, т. е. фонетических проявлений, ограниченных определенными морфологическими условиями, или, точнее, возникших в определенных морфологических условиях. Самое влиятельное условие, — условие, о котором надо говорить в первую очередь, — это изменение состава слова (имени существительного) путем присоединения к нему артикля (члена) местоименного происхождения. Все другие условия носили более узкий характер и действовали только в части говоров. Естественно поэтому, что характеристику болгарского ударения в сравнительно-историческом отношении мы далее даем при соответственных морфологических категориях.

О ГОВОРАХ С ФИКСИРОВАННЫМ МЕСТОМ УДАРЕНИЯ

§ 3. Общим вопросом относительно некоторых диалектов (говоров) болгарского языка и всего македонского является вопрос о причинах возникновения в них стабильного (прикрепленного по месту только к определенным слогам) ударения.

В этом отношении с полной определенностью, как отмечает Б. Цонев³, выделяются прежде всего области с ударением, фиксированным на

² Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II (Исторический комментарий). Киев, 1953, стр. 236—261.

³ Б. Цонев. История на български език, I. Изд. 2-е, София, 1940, стр. 353.

втором от конца слова слоге и там, где это возможно, на третьем от конца.

Напрашивающаяся догадка о роли иноязычного субстрата всего вероятнее по отношению к ударению, фиксированному на третьем слоге от конца (македонскому или, вероятно, точнее, по Б. Цоневу, средне- и западномакедонскому)⁴.

Но и по отношению к такому ударению эта догадка отнюдь не обязательна⁵. Фиксированное на третьем слоге от конца ударение могло исторически оказаться дальнейшим развитием того типа оттянутого ударения, который представлен, например, говором Тиквеша и Мориова, где ударение, по Цоневу (стр. 380), падает только на два слога — предпоследний или третий от конца — и не падает на последний (тип, по его терминологии, «съ ударение полуопределено — двусрично второ»⁶; стр. 353). Отсутствие в последнем говоре конечного ударения могло быть вызвано или специальной фонетической причиной, как например в некоторых штокавских говорах сербского языка и во многих говорах словенского, или даже одними явлениями морфологического (аналогического) порядка. Да и в пределах самого наречия с ударением, которое Цонев называет «определено третосрично» (стр. 353), легко представить себе фонетическую тенденцию (закон), параллельную штокавским говорам, лежащим в основе сербского литературного языка, — к общему передвижению ударения на предшествующий слог. При системе ударения без подударности конечных слогов вторая стадия рецессии должна была дать во всем существенном именно македонский тип (перед рецессией ударения с третьего до конца слова слога на четвертый от конца фонетическая тенденция могла остановиться).

Говоры с ударением типа польского языка — на предпоследнем слоге слова⁶, вероятно, получили его как результат отбора из того первоначального, уже очень относительного разнообразия, которое оставалось у них после утраты конечных ударений (ср. говоры тиквешско-мориовского типа). Надо думать, что влиятельным шагом в сторону ударения, фиксированного на предпоследних слогах, являлось у них, например, проявившееся предпочтение к ударению гласных у суффиксов, которые могли носить ударение на первом слоге слова *-йна*, *-йца*, *-йво* и под.; обобщение подударности тематических гласных у соответствующих форм глаголов на *-и(-ти)*, *-а(-ти)* и под.; отказ от подударности префиксов, и т. д., — в общем ряд удноображень аналогического рода. О том, что, вопреки когда-то высказанной Цоневым мысли о специальной близости такого ударения к польскому, нельзя делать никаких серьезных заключений по отношению к старине, верны замечания Младенова⁷.

Не следует при этом забывать и того, что по крайней мере некоторую роль мог сыграть и контакт носителей говоров, достаточно разнообразных по ударению отдельных слов и словесных категорий. Он открывал возможность, после некоторого колебания, склониться к более или менее определенным тенденциям в сторону обобщенных навыков употребления места ударений и в конце концов дать те результаты

⁴ Там же, стр. 384.

⁵ Как и Цонев, догадку о латинском субстрате, по-видимому справедливо, отклоняет относительно этой особенности, например, Ст. Младенов, см. указ. соч., § 91, стр. 178.

⁶ По Цоневу. См. указ. соч., стр. 380—384, Кайларско, Леринско, Костурско, Корчанско и Долна Прьспа.

⁷ Ст. Младенов. Указ. соч., § 93.

которые сейчас констатируются как диалектное завершение исторического процесса в этой стороне языка.

В какой мере отдельные диалектные области по месту ударения переходят одна в другую, достаточно хорошо знакомит упомянутый труд Цонева, в частности см. его характеристику состояния «костурского» (по счету Цонева, 5-го) типа ударения (на стр. 381)⁸.

Важно, что есть македонские говоры, по своему ударению определенно переходные к болгарским восточного типа. Таковы, например, как указывает А. М. Селищев в своей книге «Полог и его болгарское население», говоры к северу и востоку от Полога, «этого северномакедонского пограничного края, — говоры Скопской Черной Горы, Куманова, Кратова»⁹. В этих говорах «перенос акцента представлен только с конечного открытого слога»: *же́на, гла́ва, ду́ша, де́те, крѝло*. В конечном закрытом слоге акцент не передвинут на предшествующий слог: *овча́р, сиромáх човѝк, едѝн остѝн*. В формах аориста акцент находится в конце: *плето́(х), плетѝ́, станá*¹⁰. В формах настоящего времени представлен по говорам акцент на корневом слоге *плѝ́тем, плѝ́теш...*¹¹

Ту же акцентную систему имеют говоры Прешевского края. Но в Пчинской области нет переноса акцента с открытого конечного слога. Последний район на севере, где отражается перенос акцента с последнего открытого слога (кроме форм аориста), это район около Врани...¹².

Фонетический перенос ударения с конечного открытого слога отражен и в именах существительных среднего рода — *крѝлу, крѝсну* (ср. членные формы с сохранением старого места ударения — *крѝло́ту, крѝсно́ту*): литер. болг. *крѝло́, крѝсно́*, тогда как *ча́сту* (*пѝ́сту*), *че́нду*: членные формы с тем же местом ударения — полностью относительно места своего ударения отвечают старине (судя по *ча́сту*, в этой категории без болгарского переноса ударения с нисходяще-долгих слогов на следующий слог перед артиклем: литер. ѓ болг. *тесто́: тѝсто́то* (серб. *тѝсто*, словен. *testô*), *ре́го*, серб. (стар.) *че́до*. Конечное ударение форм множественного числа удержано, вероятно, под влиянием соответствующих членных.

Глагольные формы 1-го лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения объясняются действием того же общего закона — *бе́ра, де́ра* и под.; ср. литер. болг. *бе́ра, де́ра* и под.; но *бирѝш, дирѝш* и т. д. (последний слог закрытый), хотя здесь приходится

⁸ Ст. Младенов. Указ. соч., стр. 178, 179.

⁹ А. М. Селищев. Полог и его болгарское население. София, 1929, стр. 386, 387.

¹⁰ Т. е. надо думать, в формах 2-го и 3-го лица единственного числа подвергся индукции со стороны остальных форм аориста.

¹¹ Т. е., вероятно, отразил индукцию бывлой формы 1-го лица единственного числа и формы 3-го лица этого же числа.

¹² Эти простые вещи не учтены в вообще ценной статье Зб. Голомба «Z fonologii gwar Bogdan'ska (na t'e ogólnomacedońskim)» (в сборнике Польской Академии наук «Studia z filologii polskiej i słowiańskiej» Warszawa, 1955), и потому в его описании известных говоров Сухого и Высокой в окрестностях Салоник («Bogdańsko») в юго-восточной Македонии соответственные факты освещены неверно. Ясно, что приводимые им (перевожу примеры на обычное болгарское письмо, но со знаком смягчения согласных) *бра́да, ме́тла* представляют собою тип с фонетически оттянутым ударением (литер. болг. *брада́, метла́*), сохраняющимся на старом месте в членных формах — *брада́та, мѝтла́та*; ср. и мн. ч. — *бра́ди, но бради́те (-t'q)*, *ме́тлаи, но мѝтла́ите (-t'q)*, а *ѝзба, ѝзбата*, мн. ч. — *ѝзби, ѝзбите (-t'q)*, *ѝмба, ѝмбата*, мн. ч. *ѝмби, ѝмбите (-t'q)* соответствуют старому месту ударения (ср. литер. болг. *ѝзба, ѝмба*).

считаться также с возможностью и более специального фонетического условия, о котором см. в разделе «Глагол».

§ 4. Систему болгарского ударения, находящуюся на путях перехода к новой, описал Д. Молеров¹³. Он обратил внимание на любопытную особенность ударения своего родного села Банско (в этой особенности с ним сходятся и другие двенадцать сел Разлога): наряду с основным, обычным разноместным болгарским ударением, для говора характерно наличие с большой последовательностью проведенного потенциального сильного побочного ударения. Это побочное ударение выступает (точнее, может выступать) у трехсложных слов в заударном положении через слог от главного, если соответствующий слог закрытый: *к̀ладенѐц*, *г̀арванѐв*, *п̀р̀исладѐк*. В четырехсложных словах с начальным ударением правилом является наличие двух ударений независимо от характера соответствующих слогов: *к̀атер̀иц̀а*, *д̀етел̀ина*, *к̀у̀чет̀а*, *с̀естрин̀ите*. Но в тех четырехсложных, у которых исходным является ударение второго от начала слога, действует правило, параллельное трехсложным: а) *п̀ия̀вичѐф*, *валѐвичѐн*, *Радѐнич̀ин*, но б) *маг̀ес̀ниц̀а*, *п̀ия̀виц̀а*.

В пятисложных и больше — принципиально тот же ритм, причем, как и у трех- и четырехсложных, последние два слога с открытым вторым не получают подобного ударения: *к̀у̀ку̀вѝчин̀ото г̀рѐзде*, *маг̀ес̀ниц̀ата*, *кр̀ѡ̀ва̀виц̀ата*.

Но если за двумя заударными слогами следует та или другая энклитика¹⁴, четный за побочно ударяемым слог обычно становится побочно-ударяемым же: *к̀атер̀иц̀ата се к̀атѐри*; *б̀иво̀лиц̀ата си до̀йде*; *ѝска̀тѐ ле?* *к̀у̀ку̀виц̀ата ле?* *ц̀арев̀ин̀ата ми*; *г̀ла̀биц̀ата бѐх финал* и под.

О СЛЕДАХ ДРЕВНЕЙШИХ СЛАВЯНСКИХ ПЕРВИЧНЫХ ИНТОНАЦИЙ (ЯВЛЕНИЯ ФОНЕТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА)

§ 5. Как уже упомянуто, серьезное значение болгарских показаний заключается в том, что касается вопросов двух древнейших основных славянских интонаций (акутовой и циркумфлексовой). Можно, если не придавать значения немногим, обыкновенно получающим более или менее удовлетворительное объяснение, отклонениям, выставить некоторые общие правила. Двусложные существительные среднего рода типа былых *o-(jo/je-)* основ с исходной акутовой интонацией первого подударного слога, — интонацией, теперь отражающейся в сербском языке в виде нисходящей краткости, в словенском — в виде восходящей долготы, в чешском — в виде долготы, — остаются в членных формах болгарского языка с тем же местом ударения, которое принадлежало им искони в простых (нечленных). Например: серб. *ш̀ило*, словен. *šilo* (впрочем, из сербского), чешск. *šidlo*, болг. *ш̀ило*, *ш̀илото*; серб. (устар.) *чѐдо*; болг. *чѐдо*, *чѐдото*; серб. *с̀ало*, словен. *sálo*, чешск. *sádló*, болг. *с̀ало*, *с̀алото*; серб. *р̀ало*, словен. *rálo*, чешск. *rádló*, болг. *р̀ало*, *р̀алото*.

Двусложные существительные этого же типа с былой циркумфлексовой интонацией первого подударного гласного в членной форме фонетически получали ударение на гласном перед членом. Эта интонация, как известно, в сербском теперь отражается в виде нисходящей долготы (при рефлексе «ятя» — в је-кавском наречии — в виде

¹³ Д. Молеров. Вторично ударение в разложкия говор «Извѣстия на семинара по славянската филология при Университета в София за 1904 и 1905 год», стр. 173—182.

¹⁴ Кроме члена.

-йе-); в словенском — в виде нисходящей долготы ударения, переносящегося на следующий слог; в чешском — в виде краткости. Позже в ряде говоров (так и в литературном языке) ударение болгарских членных форм обобщилось и у простых (нечленных). Примеры: серб. *měso*, словен. *mesō*, чешск. *maso* — болг. *mesóto*: *mesó*; серб. *město* (*mǔjesto*), словен. *testō*, чешск. *těsto* — болг. *testóto*: *testó*; серб. *seno* (*sijeno*), словен. *senō*, чешск. *seno* — болг. *senóto*: *senó*.

Таким образом, перенесенное ударение у существительных этого типа — свидетельство, что гласному первого слога искони (в древнейшем славянском языке) принадлежала именно циркумфлексовая интонация.

§ 6. Литературный язык с большой определенностью сохраняет древнее различие типов акутированного, с одной стороны (с неподвижным ударением), и краткостного и циркумфлектированного (с ударением в членной форме, переносящегося на гласный звук члена -*ът*, -*а*) — с другой, также у имен мужского рода. Вот, впрочем очень неполный, список соответствующих слов, приводимых тут только как иллюстрации данного положения:

I. *bráta*, *bǔka*, *gáda*, *prága*, *sváta* и под.

II. *долá*, *носá*, *рогá*, *родá*; *ледá*, *медá*; *бегá*, *векá*, *видá*, *викá* 'крик', *гладá*, *гласá*, *градá* 'город', 'грѣбá' 'спина', *зверá* 'зверь'.

В сербском языке данным примерам соответствует в первой¹⁵ группе нисходящекраткая интонация [*brát*, *bǔk* (в значении 'буква'), *gád* и под.] и параллельная ей — в словенском (*brát*, *gád* и под.¹⁶); в русском языке у полногласных форм — ударения типа -*орó-*, -*олó-*. Во второй группе (в форме именительного падежа единственного числа) нисходящедолгая: серб. *нóс*, *рòг*, *рòд*; *лéd*, *мéd*; в косвенных падежах — у рефлексов краткостей (*о*, *е*) нисходящая краткость — в сербском и нисходящая долгота — в словенском, фонетически переносящаяся на следующий слог: *нóса*, *рòга*, *рòда*; *лédа*, *мédа*; *носá*, *рогá*, *родá*; *ледú*, *медú*. При рефлексах циркумфлексовых долгот — *бèг*, *брèг* и под.; словен. *bèg*, *brèg* и под.; в русском языке у полногласных форм ударение типа -*орó-*, -*олó-*.

Лишь отдельные заимствованные слова попали в сферу влияния второго типа; это, например, *класá* 'класс'.

В нескольких случаях имеем дело, однако, с отклонениями. *Гневá* — в Акад. и в словаре Беряшт. (в «Тълк. речник» — неподвижное) — расходится с показанием серб. *нѣв*. По-видимому, перенесенное ударение — факт относительно поздний. Возможно, что он стоит в связи с ударением глагола *гневá се* или с влиянием *ядóт*.

Димá не соответствует серб. *дѣм*, словен. *dím*, чешск. *dým*, отражающим белую акутовую интонацию корневого гласного, к которой ведут и теоретические соображения (-*ы* — рефлекс индоевропейского долгого монофтонга). Причина отклонения не ясна (ср. неясное и русск. в *дымú*).

Можно, впрочем, догадываться о влиянии созвучного *домá* (*домóт*) 'дом'. Как аналогия возможной связи представлений обращает на себя внимание древнерусское употребление *дым* в значении 'дом': «Съдумавше Поляне и вдаша (козарам) от *дыма* мечь» (Повесть временных

¹⁵ Приводим членные формы только в виде -*а* как более удобные с технической стороны.

¹⁶ Словен. *svat* в словаре М. Плетершника не первоначально и расходится с показаниями других источников, *svát*.

лет); ср. и другие примеры в «Материалах» И. И. Срезневского, I, стр. 764—765.

Плача́ расходится с показаниями серб. *pláč*, словен. *pláč* и чешск. *pláč*, фонетически соответствующими ударению глагола *plákatъ* (-а— сравнительно-исторически рефлекс долгого монофтонга, и ему первоначально должна была принадлежать акутовая интонация). Можно допустить, что в болгарском отклонение в свое время произошло в том же духе, как в украинском: род. п. ед. ч. *плачу́*.

При общелитер. *пра́га* в говорах относительно часто встречаются *прага́*, *прагѣт* (так в рифме, например, у Пенча Славейкова). Влияние близкого по звукам *праха́*?

Во многих отношениях спорно в сравнительно-историческом аспекте ударение *часá*. Оно расходится с показаниями сербского и словенского языков (*čas*, *čas*), указывающих на былую акутовую интонацию корневого гласного, которая должна предполагаться в данном случае и по теоретическим основаниям (корень слова **kēs*, т. е., с гласным, представляющим собою долгий монофтонг¹⁷. Но возможно, что на отклонение, подобное болгарскому, указывает чешск. *čas* (с краткостью). Ср. и нефонетические русские *в... часу́*, *два часá* и под.

Даже слово *град* (лат. *grando* 'атмосферный осадок'): серб. *гра́д* (словен. *grad* из серб.) теперь в членной форме не отличается от *град* 'город' и звучит *градá*.

§ 7. Третья категория, отразившая бывшее различие, с одной стороны, акутовой, с другой — циркумфлексовой (или краткостной) интонации гласного корневого слога, — образования имен существительных мужского рода со множественным числом на *-ове*. При былой акутовой интонации корневого слога у таких образований фонетической является подударность корневого слога; при былой циркумфлексовой или старой краткостной интонации корневого слога в членных формах ударение переносится фонетически на гласный перед членом *-ове́те*.

Соответствующие закономерности обнаруживают, например, такие слова:

1. *га́да*: *га́дове*; *кля́на*: *кля́нове*; *сва́та*: *сва́тове*;

2. *брега́*: *брегове́*; *гласá*: *гласове́*; *духа́*: *духове́*; *звукá*: *звукове́*; *врага́*: *врагове́*;

3. *рода́*; *родове́*; *рога́*: *рогове́*; *леда́*: *ледове́* и под.

Эта категория в литературном языке подверглась, однако, значительным разрушениям, почти сплошь в пользу подударности корневого слога, и это понятно: окончание *-оee* у очень большого числа имен существительных мужского склонения не представляет собою факта глубокой старины, а усваивалось отдельными словами, принадлежавшими в прошлом к *o*-основам, в разное время, в том числе, когда древнейшие интонации даже в их рефлексах на болгарской почве уже не различались. Языковое сознание должно было искать для различения типов — подударного на корне и на *-ове́те* — опоры в чем-то другом. Отчасти в духе старинных отношений должно было действовать различие места ударения в членных формах единственного числа, но, по-видимому, решающего (абсолютного) значения оно в этом отношении не приобрело.

¹⁷ Подробнее см. E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch, I. Heidelberg, стр. 137; ср. у Н. Ван-Вейка в «Indogermanische Forschungen», Bd. XL, стр. 277.

Среди диалектных фактов, приведенных Цоневым (указ. соч., стр. 360), — фактов, вопреки его собственному истолкованию их, иллюстрирующих принятый нами фонетический перенос ударения с циркумфлектированных в прошлом долгот на гласные перед присоединявшимися к именам существительным формами артикля (члена), — обращают на себя внимание некоторые, не согласующиеся с принятыми теоретическими основаниями. Это, во-первых, ударение в членной форме одного слова с исходным акутированным гласным корня; во-вторых, — в нечленных и членных формах некоторых былых охутона.

1) Не ожидалось бы ударение *гадовéте*, так как слово *гад* в древнейшем славянском языке, по всей видимости, имело акутированный гласный корня; ср. болг. литер. *га́дът*, *га́да* и ожидаемое в соответствии ему *га́дове*; серб. *га́д*, словен. *га́д*. Словен. *gād*, род. п. *gadā*, *gadū*, приводимое Р. Брандтом¹⁸ из старой грамматики Мурко, сомнительно. Диалектное *гадовéте*, очевидно, возникло в результате утраты былых интонаций по аналогии многочисленных случаев типа *гласове: гласовéте*.

2) Говор, по-видимому, издавна утратил во множественном числе различие типа с ударением на корне и былых охутона с ударением *-ове*. В нем поэтому *грéхове* звучит с ударением на корневом гласном (к старине ср. хотя бы русские ударения: род. п. ед. ч. *грехá* и т. д.), а не **грехóве*, как ожидалось бы; подобным образом — *да́ждове*, а не **да́ждóве*. Об особенностях ударения членных форм единственного числа у старого окситонного типа, благоприятствовавших смешению соответствующих слов с циркумфлектированным в прошлом типом, см. ниже, § 99. Приходится пожалеть, что список слов типа *-овете* на соответствующем месте у Цонева очень мал и потому на основании его трудно составить себе вполне уверенное представление специально о судьбе в говоре ударения членных форм от существительных былого окситонного типа. Единственное слово *да́ждовéте*, хотя оно и менее ценно, чем другие возможные (в корне его — редуцированный гласный), пожалуй, склоняет все-таки к предположению, что и здесь старинное ударение не было сохранено.

§ 8. Нарушение во множественном числе былых фонетико-морфологических отношений, характеризовавших членные формы имен существительных мужского рода на *-овете*, в настоящее время дает о себе знать двояко:

Во-первых, у ряда слов теперь уже не наблюдается фонетического переноса ударения с корневого гласного указанного исторического характера на окончание перед артиклем (членом) *те* и в таких случаях давно и в нечленной форме.

Во-вторых, по отношению к ряду слов нарушен былой параллелизм между членными формами единственного числа, иногда еще имеющими ожидаемый перенос ударения на *ъ* перед членом, и формами множественного числа, в которых теперь перенос уже не соблюдается.

К *крѣг*, например, членная форма звучит фонетически (серб. *крѣг*, словен. *krōg*): *крѣга*, *крѣгѣт*, но мн. ч. *крѣгове* (Акад. речник). У Бернштейна указания не сходятся: в первом издании (1947) — *крѣгѣт*: *крѣгове*; во втором (1953) — в обеих формах одинаково накоренное ударение. Для *вид* (серб. *вид*, словен. *vid*) в значении 'внешность' и др. Акад. речник дает *видѣт*, *видá*, но *видóвэ*; у Бернштейна в первом

¹⁸ Р. Брандт. Начертание славянской акцентологии. СПб., 1880, стр. 93.

издании *видѣтъ*, но *вѣдовѣ*, во втором — только последнее (фонетическое) ударение.

Для *зев* (серб. *зѣв*, *зѣјев*, но словен. *zèv*) словарь Бернштейна дает *зевá* при мн. ч. на *-ове*, Акад. — *зѣвѣтъ* (*зѣва*), *зѣвове*.

Наиболее редки примеры обратного отношения, когда ожидаемый перенос ударения с корневого слога осуществляется в форме множественного числа, но не осуществляется в членной форме единственного: *боговѣ*, но *богѣтъ*, *бога*; *зверовѣ*, но *звѣрътъ*, *звѣра* (Берншт.). По указанию, однако, Акад. речника — *зевѣтъ*, *звѣра*, т. е. в употреблении (может быть, даже более частом) существует и фонетическая форма.

О широкой распространенности различия ударения именно между нечленными и членными формами этого склонения (*градове*: *градовѣте*) упоминает, например, Б. Цонев¹⁹, но делает из этой констатации по отношению к ним (о формах женского склонения — *глава*: *главата*, *глави*: *главите* вопрос отчасти стоит иначе — см. ниже) неправильный вывод, будто такая подвижность ударения, характерная теперь для всех говоров с разноместным ударением, в то же время показывает, что соответствующая рецессия ('оттяжка', 'отмет') представляет новое, еще не законченное, до конца не осуществившееся явление, конец которого, однако, можно предвидеть уже и теперь. Вывод этот в его сути неоснователен: *градове* имеет, конечно, более старое ударение, чем *градовѣте*; нельзя тут игнорировать былых интонационных моментов, без признания действия которых в данном случае трудно обойтись, если даже допустить, что *градовѣте* только аналогически воспроизводит отношения единственного числа: *град*:*градѣтъ*.

При всем значении его указания на некоторые диалектные факты (без «выдвижки» ударения): *стáнове*, *сáдове*, *врáтове*, *мѣхове*; *зáби*, *крáка* и под., Б. Цонев²⁰ неверно толкует их отношение к членным формам: «Обаче щомъ се прибави членъ, у много отъ тѣхъ се възстановява старото (крайно) ударение»: *вратовѣте*, *гласовѣте*, *меховѣте*; *зѣбите*, *краката* и др. На самом деле отношение указанных форм обратное: первоначально ударение именно нечленных форм, а в членных оно оттянуто на слог, предшествующий члену.

§ 9. По-видимому, четвертою категорией, отразившею (в членных формах единственного и множественного чисел) передвижение ударения с корневого гласного, являются в болгарском языке потомки *ь*-основ. В единственном числе ударение с корневого гласного, надо думать, некогда циркумфлектированного или краткостного, фонетически переносилось на гласный артикля (члена) *-та*, а во множественном на гласный флексии *-и* перед артиклем (членом). Данное положение гипотетично и может быть принято в основном по аналогии трех первых категорий передвижения ударения, так как современные факты уже представляют выравненными древнейшие отношения — без различия былых интонаций корневого слога. Теперь является общим правилом то, что слова типа *кост*, *пещ*, *мед* 'медь', *смъртъ* (*смърт*) имеют в членной форме единственного числа ударение на *-та*, а в форме множественного числа *-ите*. Гипотеза о различии интонации, впрочем, подтверждается и историческими справками (о которых — ниже).

Быдые трехсложные *ь*-основы в древнейшем славянском языке принадлежали по ударению и интонации к двум основным типам: одному, широко представленному, — с ударением на начальном гласном (долгом

¹⁹ Б. Цонев. Указ. соч., I, стр. 363.

²⁰ Там же, стр. 360.

циркумфлексом или краткостном) и с циркумфлексовой (нисходящей) долготой или с краткостью заударного гласного, и другому — носившему ударение на внутреннем, по происхождению акутированном гласном слова:

1. **pro pǎstv*, **o bǎlstv*, **nǎrǫčb*;
2. **napǎstv*, **pečǎlb*, **pečétb*.

В нынешнем болгарском языке и без того малочисленный в прошлом второй тип количественно уменьшился за счет перевода в первый некогда принадлежавших к нему образований. Так, префиксальное слово *napastb* (ср. русск. *напáсть*, серб. *nǎpast* — из **nǎnǎst* < **nǎpǎstv*) теперь уже звучит в болгарском *nǎpast* подобно другим префиксальным; слово **tǎkanb* произносится *tǎkan*, хотя и остается, несмотря на утрату мягкости конечного *n'*, словом женского рода.

Судя по обобщению ударения на артикле *-ta* у всех слов на *-ost* (из *-ostb*) — *милостта* (ср. интонацию **mǐlǔ*: серб. *mǐlo*, словен. *mǐl*, русск. *мíлый*), *радостта* (серб. *rǎd*, словен. *rǎd*, русская форма женского рода ед. ч. *рǎда*), — можно предполагать, что и у этих образований тип с циркумфлексовой интонацией начального гласного подчинил своему влиянию другой — с акутовой. Если отдельные, загадочные в отношении своего происхождения образования с ударением *-ost*, о которых свидетельствует сербский язык (ср. хотя бы чакав. *drǎgost*, *mǔd-rǎost* и под., литер. штокав. *drǐ-gǎost* из **drǎgost*), — факты уже общеславянской («праславянской») древности, то и этот тип оказался, таким образом, утрачен болгарским языком, уподобившись первому.

§ 10. Тот факт, что в чешском языке, в котором двусложные слова с былым акутированным гласным сохраняют рефлекс последнего в виде долготы: *lǐpa*, *slǎva*, *sila*, бывшие трехсложные и многосложные с начальным ударением выступают с краткостью первого в прошлом подударного слога: *jahoda*, *slaviti* (русск. *ягода*, *славить* из **slǎviti*), а в сербском языке, в котором бывшие циркумфлектированные долготы в односложных и в старых двусложных словах сохраняют свое бывшее количество и интонацию: *glǎvu* 'гóлову', *zǐmu*, *tǐlo*, *sǐno*, но выступают с краткостью начального слога в трехсложных и многосложных словах, — этот факт давал некоторым ученым повод предполагать, будто в древнейшем славянском («праславянском») языке действовал «закон» о сокращении долготы в таком положении. Факты болгарского языка, по-видимому, противоречат этому «закону» как древнейшему славянскому: так, сербским *srǐce* (из **sǎrdǐce*), *brǎšno* 'мука' (укр. *бóгошно*) из **bǎr-šǐno*, *sǐnovi* (из **sǐnove*) отвечают болг. *srǐcǔeto* (и как отвлечение из этой формы — *srǐcǔe*), *brǎšnoto* (и как отвлечение *brǎšno*), *sǐnovǐete* и под. В согласии с болгарскими показаниями стоят и словенские с закономерным для словенского языка перенесением ударения с рефлексов бывших циркумфлектированных долгот на следующий слог с нисходящей же долготой: *srǐcǐe*, *brǎšnǐ* и под. Поскольку в словенском языке, кроме конечных слогов²¹, в виде долгот выступают и рефлексы краткостей и рефлексы неновоакутированных краткостей подвергаются передвижению ударения на следующий слог так же, как и рефлексы циркумфлексивных долгот, то естественно давно уже высказанное предположение, что и в словенском языке могло иметь место в положении, о котором идет речь, сокращение соответствующих долгот, но с сохранением циркумфлексивного характера. Так ли дело действительно обстояло или нет, в конце концов менее важно сравнительно со значе-

²¹ И односложных не исконно подударных: *bǎb* (из **bǎbǐ*), *kǎl* (из *kǎlǐ*) и под.

нием факта, что циркумфлексность гласных в начале трехсложных (и, надо думать, вообще многосложных слов) фонетически не утрачивалась, и это с полной определенностью вытекает и из показаний болгарского языка.

Именно болгарские факты (диалектные) дают поэтому, например, возможность конкретно подойти к одному трудному акцентологическому вопросу, возникающему на словенской почве. По показанию известного словенско-немецкого словаря М. Плетершника, слово «деверь» звучит или звучало в словенском языке *dever̂*, род. п. *dever̂ja*; из других источников Плетершник указывает, однако, *dēver* с род. *dēvera*. С этимологической точки зрения, скорее оправдывалась бы последняя интонация (рефлекс древнейшей акутовой): греч. *dāēr*, лат. *levir*, лит. устар. *dieveris*), (при *dieveris*), вост.-лит. дат. п. ед. ч. *dieveri* и под. Праформу Р. Траутманн восстанавливает как **dāiuer*²². Для балто-славянской эпохи это вряд ли верно (ср., вслед за И. М. Эндзелином высказывание К. К. Буги²³). Вероятнее исходить для нее из **-ēi*. Но *dever̂*, в соответствии обычным для словенского языка отношениям, указывает на нисходящую (по происхождению циркумфлексовую) интонацию первого (корневого) слога. По-видимому, такая же интонация отражена и в болгарском родопском говоре Широка Лъка, где имеем членную форму *d̂ver̂ôn*²⁴. Если так, становится вероятным предположение уже древнейших славянских вариантов слова — **dēverь* и **dēverь*. Как объяснить второй? Возможно, что в этом случае дает о себе знать известное явление, в свое время отмеченное А. Мейе. По показаниям литовского языка, в соответствующем слове ударение по месту его употребления не было устойчиво, ср.: им. падеж ед. числа *dieveris*; род. *diev̄ers* и *diever̄iēs*; им. мн. *dievers*; вост.-лит. дат. падеж. ед. числа *dieveri* и под.

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ

Об ударении oxytona мужского и среднего рода имен существительных

§ 11. Былые oxytona с краткостным гласным корня, как правило, выступают теперь в членных формах единственного числа мужского рода с ударением на корне: *бобѣт* (ср. русск. род. пад. ед. ч. *бобá* и т. д.); *волѣт* (русск. *вола́* и т. д.); *кошѣт* 'большая, ивовая корзина; верша и др.', ср. укр. *киш*, род. п. *кошá* и т. д. 'корзина большая, стоячая, для хранения муки или зерна', и др.; *полѣт* (русск. род. п. *полá* и т. д.); *колѣт*; *смókѣт* 'уж' (ср. словен. *smók* 'der Drache', род. п. *smóka* с открытым *o*, т. е. из былого предударного положения), *снопѣт* (русск. род. п. *снопá* и т. д.); *столѣт* 'стул' (ср. русск. род. п. *столá*) и т. д.

Это можно уверенно утверждать и для ряда говоров. Ограничусь упоминанием материала, известного мне непосредственно из говора Старого Крыма: *бобѣт* 'бобы (собирабельное)'; *волѣт*; *кошѣт* 'корзина'; *ножѣт*; *полѣт*; *смókѣт* 'род желтобрюхой змеи' (впрочем, наряду и с другим ударением — на гласном члена — *смукѣт*), *снопѣт*.

²² R. Trautmann. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923, стр. 43.

²³ К. К. Буга. *Kalba ir senovė*, I. Rīgā, 1923, стр. 217.

²⁴ L. Miletic. Die Rhodopemundarten der bulgarischen Sprache. Wien, 1912, стр. 184.

Факты следует, вероятно, понимать как восходящие к формам с но-вовакутовой краткостью корневого гласного в именительном падеже единственного числа после отпадения подударного в прошлом конечного редуцированного гласного. Параллельные свидетельства имеем в словацком с его *bób, vól* и под. и в некоторых русских говорах, например лекинском: *бѡб, снѡп* и под.

§ 12. Вообще древнейший («праславянский») окситонный краткостный тип на болгарской почве в единственном числе совпал с подударным акутированным, т. е. характеризуется в членной форме неподвижностью ударения имен существительных мужского рода, а во множественном числе сохранил ударение, параллельное своему древнейшему. Все примеры, впрочем, относятся только к словам с корневым *o*²⁵; *вѡлѣт* (*вѡла*): *вѡлѡве(те)* (древнейшее ударение **volu*; русск. род. п. ед. ч. *волá*); *нѡжѣт* (*нѡжа*), *нѡжѡве(те)*; *пѡпѣт*: (*пѡпа*), *пѡпѡве(те)* (русс. род. п. ед. ч. *попá*); *стѡлѣт*: (*стѡла*); *стѡлѡве(те)* 'стул: стулья' (русс. род. п. ед. ч. *стѡла́* с другим значением; ср. укр. *стїлѣць* 'стул').

Сюда же, вероятно, относится и *кѡсѣт* (*кѡса*) 'дрозд': *кѡсѡве* (Слов. Берншт.), укр. род. п. ед. ч. *косá*, хотя Акад. речник дает ударение мн. ч. *кѡсове* (надо думать, аналогического происхождения).

Подобное колебание — *снѡпѣт*, мн. ч. *снѡпѡве* (Слов. Берншт.), но у Герова — *снѡпове*; русск. род. п. ед. ч. *снопа́*; *кѡлѣт*: *кѡлѡве* (Слов. Берншт.), но Акад. речник — *кѡлове*. *мѡстѣт*: *мѡстѡве*, вероятно, отражает старый вариант ударения основного слова. Древнейшему ударению **mo'stъ*, род. п. **mo'sta* отвечают русск. род. п. ед. ч. *мѡста́*, серб. *мѡст*, род. *мѡста*, словен. *mŏst*, чешск. и словац. *most*; варианту **mostъ*, род. п. *mostá* — русск. род. п. *мостá*.

В таком случае, как *пѡстѡве* (русс. род. п. ед. ч. *пѡста́*), вероятно, относительно поздно устанавливается окончание *-ове* (ср. параллельную форму *пѡсти*), и потому отсутствует отражение древнейшей особенности ударения.

Особый вопрос — рефлексация имен существительных этого типа с былым редуцированным корневым гласным (не в сочетаниях типа **ъг, *ъл...*). В литературном языке нашего времени факты распределяются так: к неподвижному типу относятся *пѣн* 'пень'; *рѣт* 'холм, возвышенность'; *крѣст*, *крѣт*; к подвижному — *ден* (*деня́*), *дѣжд*, *лѣв*, *лѣх*, *сѣн* (*сѣнѣт* и *сѣнѣт*). По-видимому, прямо старину отражает более многочисленный второй тип. Понимать его со сравнительно-исторической точки зрения можно двояко. Вполне правдоподобно, что отсутствие переноса ударения на редуцированный корневой слог слова в членной форме — явление фонетическое. Не исключена, однако, и другая возможность (не более, впрочем, как возможность; вероятность здесь ниже), — та, что отдельные слова этого рода в давнее время (какое?) получили подобное тому, что наблюдается в сербском языке, аналогическое удлинение корневого гласного в нечленной форме и нисходящую интонацию на нем (ср. серб. *дѣжд*, род. п. *дѣжда*; *дѣн*, род. п. *дѣна*) и вошли благодаря этому в сферу влияния отношений подвижного типа с корневыми гласными полного образования.

У слова *пѣн* вместо ожидаемого фонетического **пен(ъ)*, видимо, стерлись давние отношения нечленной и членной форм.

Это очень вероятно и относительно *рѣт* (ср. и серб. *рѣт* того же значения с обобщением такого ударения в отдельных падежах, при

²⁵ От *еж* имеем *ѣжѣт* и *ѣжѡве*.

словенском *řt*, которое, надо думать, соответствует исходным отношениям *řtъ*, род. п. *řta*).

Серб. *кѣт* интонацией косвенных падежей (ср. род. п. *кѣта*, не **кѣта!*) свидетельствует о старом ударении, какое дает основание предполагать болг. *кѣтѣт* (при фонетически непервоначальном *кѣтѣт*). Ср. и русск. *кѣта* и под.

Болг. *крѣстѣт* вместо ожидаемого **крѣстѣт* приходится оставить без объяснения.

Иначе отразился древнейший окситонный тип ударения с корневыми долготными гласными. Он теперь не отличается от древнейшего же с циркумфлексивным или подударным краткостным гласным, т. е. в соответствующих словах, когда они выступают в членной форме единственного числа, ударение падает на *-ѣ(т)* или на его морфологический эквивалент *-а*, а в форме множественного числа — на *-е* окончания *-ове*: *грѣхѣт* (*грѣха*): *грѣхоуѣ*; *делѣт*: *делоуѣ*; *лекарѣт*: *лекарѣ*.

Этот факт легче всего понять, допустив, что старый окситонный тип с долготным гласным корня в какой-то период истории болгарского языка уподобился старому с подударным циркумфлектированным гласным корня и, таким образом, оказался усвоившим характерную для последнего особенность относительно места ударения в членных формах. Уподобление могло произойти, например, в период утраты интонационных различий по признаку и одной долготы корневого гласного в обоих типах, и, что гораздо менее вероятно, раньше, если в болгарском языке когда-то восходяще-долгая интонация, как результат переноса ударения на предшествующий долгий слог, подобно штокавскому наречию сербского языка, изменила свой характер в нисходящий.

§ 13. В литературном языке, как и в говорах, некоторое количество имен существительных среднего рода, по происхождению являющихся *о*-основами, сохранило в нечленных и членных формах свое древнее конечное ударение; например, *весло*: *весло́то*; *ведро*: *ведро́то*; *седло*: *седло́то*; *крило*: *крило́то*; *число*: *число́то*; *влакно*: *влакно́то*; *стѣбло*: *стѣбло́то*; *стѣкло*: *стѣкло́то* и под.

Их исконное конечное место ударения надежно свидетельствуется русским и другими славянскими языками, способными это обнаружить. К *стѣбло* см. укр. *стебло́*. Но вместе с тем есть несколько и таких старых охутона этого рода, которые в нечленной и в членной формах выступают с ударением, сравнительно с древнейшим славянским, отодвинувшимся в соответствующих словах на слог назад: *вино*: *вино́то*; *мя́ко*: *мя́кото*; *се́ло*: *се́лото*; *гу́мно*: *гу́мното*; *су́кно*: *су́кното*; *дѣ́но*: *дѣ́ното*.

В некоторых словах литературное ударение колеблется. Так, возможны ударения: *гнездо́* и *гняздо́*; *че́ло* и *че́ло*; *руно́* и *руно́*.

Вряд ли случаи этого рода следует относить на счет возможного влияния говоров с фонетической рецессией ударения с конечных слогов (таких говоров, кажется, очень мало, и они вообще не дают знать о своем влиянии в других формальных категориях). Скорее данное явление — аналогического происхождения и возникло по аналогии отношений у слов с былою подударностью корневого гласного, по происхождению циркумфлектированного, или краткостного, у которых сначала имело место различие в ударении между формами нечленной и членной. В первой ударение сохранялось на корневом гласном, во второй (см. выше, § 5) — оттягивалось на гласный флексии, т. е. типичны были отношения *ме́со*: *месото́*, *тѣ́сто*: *тестото́*. Позже под влиянием таких отношений к *селото́*, *вино́то*, *млекото́* стали образовываться

формы *сѣло*, *вѣно*, *мляко* и под., а еще позже — к ним приравнялись и членные.

Два трехсложных былых *oxytona* — *вретено* и *решето* — теперь имеют ударение на предпоследнем слоге. Условия и хронологию этого изменения точно определить трудно. Так как сербский и словенский языки указывают на то же бывшее место ударения, что и русский (*вретѣно*, *решѣто*, *vretěno*, *rešěto* с открытым *e*)²⁶, приходится думать, что изменение совершилось на самой болгарской почве. Можно догадываться, что совершилось оно в то время, когда некоторые двусложные слова этого же склонения вроде *село*, *чело* аналогически получили оттянутое ударение, чему, конечно, предшествовал период колебания между *селo* и *сѣло* и под.

Из исторических свидетельств

§ 14. Предполагаемые для имен существительных исходные отношения иллюстрируются фактами, например, Люблянской рукописи XVII в., изданной и описанной С. Аргировым²⁷. В этом памятнике читаем:

1. *гласѣть* 16^б, 62^а; *свѣтъть* 1^б, 3^а, 9^б, *тилѣть* 80^б; *домѣть* 27^а, 76^б; но: дат. п. ед. ч. *свѣту* 3^а, *вльку* 9^а; вин. п. ед. ч. *влька* 7^а, 21^а, *мъжа* 32^а и под.

2. *с(ы)новѣте* 11^а; *домовѣте* 30^а; но: *сѣнове* 11^а; *гладове* 10^б, *градове* 1^б, 17^а, 24^б, 26^а, *дѣгове* 86^б; *рѣгове* 76^б и под.

3. *мъжѣте* 4^б; *людѣтъ* 2^а, 23^а, 4^а; но *мъжѣ* 30^б, 32^а, 52^а, 84^а; *людѣ* 1^б, 22^б, 23^б.

4. *овцѣте* 37^б; *дѣскѣте* 51^а; но: *овце*; *кѣзы* 37^б; *дѣскы* 51^а.

5. *носѣте* 6^а, 8^б, *рѣцѣте* 6^а, 11^б, 20^б; но: *носѣ* 8^б, 81^б, 104^а.

6. *гвѣдѣте* 23^б, *костѣтъ* 53^а, 54^а, *рѣцѣте* 36^а; но *рѣчи* 5^б, 44^а и др.; *мислѣта* 77^б, *дѣщерѣтъ* 77^а; но *дѣщере* 77^а.

7. *месѣто* 28^а, *морѣто* 7^а, 18^а, 23^а, 25^а; но *мѣсо* 33^а, 34^а, 50^б, 61^б, *мѣре* 41^б, *пѣле* 54^а; *злѣто* 6^а, 9^а, 16^а.

8. *н(е)бѣто* 11^а, 12^а, *тѣлѣто* 14^б, 33^б, 34^а, 38^б; но: *тѣло* 14^б, 34^б.

9. *очѣте* 28^б, 34^б, 78^а, *оушѣте* 42^а; но *ѣчи* 25^а, 28^б, 33^а, *ѣщи* 41^б, 77^б.

При двусложной форме члена ударение с циркумфлектированных (тонально нисходящих) или краткостных слогов, по-видимому, переносилось на первый слог члена: *влькатѣго* 27^а: *влька* 7^а, 21^а (серб. *вѣк*).

В целом относительно показаний памятника надо заметить, что случаи колебания в нем не редки, но относятся они, за очень немногими исключениями, которые могут быть и просто описками, только к формам с бывшей циркумфлексовой (нисходящей) интонацией и обыкновенно представляют вполне прозрачные аналогические образования, вроде,

²⁶ Мало вероятностей в пользу того, что установившиеся в этих словах ударения — результат влияния оттянутого ударения множественного числа: семантические предпосылки для такого предположения очень сомнительны.

Особый вопрос — место ударения *рѣшето* в украинском языке, *рѣшата* в белорусском и *веретѣно* в украинском. Последнее, может быть, под влиянием польск. *wrzesciopo*. Словенского (диал.) *rešeto* (с неизвестной мне интонацией), упоминаемого в словенско-немецком словаре Мурко, объяснить не могу.

²⁷ С. Аргиров. Люблянская болгарски рукопись отъ XVII вѣкъ. «Сборник за народни умотворения...», т. XII, стр. 463—560 и т. XVI—XVII, стр. 291—313.

например: *ушитѣ* 77⁶, при фонетическом *оушѣте* 42^a, *моуците* 62^a и под.

При акутовой (былой восходящей) интонации корневого слога имеем последовательно сохранение ее на том же месте и в членных формах: *вѣрата* 52⁶ (серб. *вѣра*, *вјѣра*, русск. *вѣра*); *дѣмата* 76⁶, *дѣмыте* 43⁶ (русск. *дѣма* с другим значением); *жѣлите* 2^a (серб. *жѣла*, русск. *жѣла*); *крѣпата* (серб. *крѣпа*), *загрѣлото* (серб. *грѣло*). Из говоров к исходным (первоначальным) отношениям близок, например, материал села Чешнегир (Нова Махала, — Станимашно), описанный С. Георгиевым²⁸: *валѣити*, *забѣити* (стр. 431—432): *вѣлци*, *зѣби*; *главѣити*, *козѣити*; *глави*, *кози* (стр. 432—433); *укѣту*, *учѣити*, *ушѣту*, *ушѣити* (стр. 433—434): *ѡку*, *ѡчи*, *ѣшу*, *ѣши*. Но на былых акутовых гласных корневых слогов ударение, конечно, остается неподвижным и в членных формах; ср.: *кѣшитити*, *кѣкити* (серб. *кѣћа*, *кѣка*); *гѣрлуту*, *чѣдуту* (серб. *грѣло*, *чѣдо*) и под.

О передвижении ударения через слог

§ 15. Следы былого передвижения ударения с начальных циркумфлексированных или краткостных слогов на следующие через слог (по происхождению циркумфлексированный или краткостный) в литературном языке или отсутствуют, или являются не вполне определенными (ср. сказанное выше о множественном числе на *-овѣ(те)* и у былых ъ-основ в членных формах). Так, в литературном языке и, как кажется, в говорах нет никаких следов имевшегося, вероятно, в давнем прошлом передвижения ударения в членных формах у бессуффиксных префиксальных имен существительных мужского рода типа (типов) на гласный ѣ члена: *дѡбѣл*, *зѡдух* 'духота' и под.

Не переносится ударение на член и у имен существительных вроде *чѣмѣр* 'яд, отрава' (серб. *чѣмѣр*, словен. *četěr* из *četer*).

Не более, как серьезная вероятность, предположение, что случаи конечного ударения в образованиях среднего рода на *-иво* в конечном счете восходят к древнейшим членным формам *-ивѡто*. Имею в виду слова вроде *плѣтивѡ* 'вязание (изделие)' и под. в словаре Бернштейна; «Тѣлк. речник» (стр. 559) дает, однако, другое ударение — *плѣтѣиво*, а в старом словаре Н. Герова имеем только *лѣтѣиво*.

Сравнительно-исторические данные склоняют, однако, скорее к предположению исходных **pletivo: *pletivo:to*: ср. серб. *плѣтѣиво* 'Das Strickgarn, fila servientia texendō' (Караджич), словен. *pletivo* 'das Geflecht' из **pletivo*. Предположение о влиянии на единственное число множественного было бы очень сомнительно.

Ценны показания словаря Н. Герова для слова *сочиво* 'похлебка': это слово он дает с двумя ударениями — *сѡчивѡ*, и это вполне соответствует теоретическому соображению об исходных **sočivo: *sočivo:to*; ср. серб. *сѡчѣво* 'чечевица' (диал., например, в Дубровнике — 'похлебка'), словен. диал. *sočivo* 'die Hülsenfrucht' (из **sočivo*) и под его влиянием диал. же — *sočiva* женского рода.

Слово *четиво* Геров дает тоже с двумя ударениями — *чѣтивѡ*, «Тѣлк. речник» и словарь Берншт. — с окончательным. Оба ударения хорошо согласуются с теоретическими соображениями.

²⁸ См. ст. С. Георгиева в «Известия на Семинара по славянска филология при Университета», II. София, 1906—1907, стр. 411 и след.

Что касается *сечивó* 'ремесленное или земледельческое орудие (инструмент)', — такое ударение одинаково дают и «Тълк. речник», и словарь Берншт. (впрочем, у Н. Герова — *сѣчиво*), — то исходная интонация корневого слова здесь по происхождению, скорее, акутовая (**sěk* из **sěk*) и быть заменена циркумфлексовой могла только аналогически, как, по-видимому, в сербском — *сечѣва*, *сјечѣва* (только мн. число).

Слово *вариво* 'горох, бобы, чечевица (и другие стручковые); гороховый, бобовый', видимо, относительно ударения колеблется: «Тълк. речник» дает ударение, соответствующее русскому *váриво* (*váрево*), словарь Берншт. *варѣво*. Старину накоренного ударения поддерживает серб. *вáрѣво*. Исходная интонация корневого слога, по всей видимости (**á*), акутовая, и потому переноса на -о (в членной форме) даже и не ожидается.

§ 16. Материал и соображения, приведенные выше, думаю, не оставляют сомнения в принципиально важных в историческом отношении фактах: и болгарский, как и восточнославянские языки, не являющиеся вместе с ним в настоящее время языками «музыкального» («тонального») типа, сохранил (это признается большинством ученых-славистов) вполне определенные следы былой акцентологической системы, наряду с разноместным ударением характеризовавшейся также различием долготы и краткости (количеством) и интонацией гласных и некоторых дифтонгических сочетаний. Вопрос о том, когда же именно существовала эта былая система и когда она прекратила свое существование, чтобы смениться нынешней, — в данной статье не рассматривается. Не рассматривается и известная трудность, существующая также и по отношению к восточнославянским языкам, — почему болгарские памятники, не исключая и памятников старославянского периода²⁹, не дают надежных данных, вроде тех, какие налицо, например, для сербского языка, в пользу констатации еще «на глазах истории» болгарского языка элементов количественно-тональной системы.

В качестве аналогии можно пока сослаться на то, что по этому поводу следует сказать относительно восточнославянских языков³⁰.

Ударение форм множественного числа

§ 17. Ударение множественного числа двусложных существительных женского рода на *а* и *я* в болгарском языке принципиально не отличается от единственного: *сестра́*: *сестри́*, *земля́*: *земли́*. Представляет ли оно в этом отношении относительно поздние факты аналогического порядка? Во всяком случае не по отношению к бывшему окситонному типу, в единственном числе до сих пор хорошо сохраняющемуся, например, в русском языке: *женá*: *женѹ́*, *свечá*: *свечѹ́*, *иглá*: *иглѹ́*.

Ударения памятников древнерусского языка и стихотворные ударения поэтов XVIII и первой половины XIX в. еще с полной определенностью обнаруживают параллелизм между тем, что характерно для винительного падежа единственного числа, и тем, что в этом отношении характеризует именительный падеж множественного. Ср., например, ударения у поэтов первой половины XIX в. вроде: *бедѹ́* (вин. п. е. ч.

²⁹ Вопрос о знаках «Киевского миссала» в этом отношении скорее приходится решить в пользу их певческого, а не фонетического значения.

³⁰ Ср. в моей книге «Питання походження української мови». Київ, 1956, стр. 146—150.

*бедý), дырý (дырý), змеý (змею), игрý (игрý), плитý (плитý), сестрý (сестрý), слугý (слугý) и под.*³¹

За архаичность этой черты говорит также и сербский язык; ср., например, показания чакавского говора Нового: *brāzdě, plāsě, svīčě, kozě, sestrě, snakě, sově, tetě, ženě* (вин. п. ед. ч. *brāzdù, plāsù, svīčù; kozù, sestru* и т. д.), но: *brāde, glāve, rūke, gòre, lòze, vòde, zòre* и под. (вин. п. ед. ч. *brādu, glāvu, rūku gòru, lòzu, vòdu, zòru* и под.).

Вообще же болгарский и по отношению к именительному падежу множественного числа проявил себя, как и во многих других случаях, языком аналогического типа и с большой последовательностью провел и в былой подвижной парадигме единообразное ударение (по именительному падежу единственного числа): *брадá, брадý; главá: главý; земý: земý*.

Примечательны отдельные отклонения. Как в старом русском языке ожидалось бы (в соответствии вин. п. ед. ч. *слезý*) ударение именительного — винительного падежа мн. ч. **слезý* (мне оно, однако, не встречалось), так и для болгарского *ожидалось бы ударение *слзý*³². На самом деле ударение в этом слове, по крайней мере теперь, обычно падает на *корневой слог (ср. и серб. *сýзе*, а в чакавском говоре Нового под влиянием этой формы даже ед. ч. *sùza*).

Утверждение С. Младенова³³, что во всех болгарских говорах сохранились многочисленные архаические формы этого склонения с ударением корневого гласного, например: *жéни, дбски, бблхи, грéди, трéви, звéзди, лáви, брáди* и под., так, как оно сформулировано, нельзя считать правильным. Формы этого типа действительно распространены в говорах, но архаическими они, безусловно, являются только по отношению к старому подвижному типу ударения (ср. русск. *головá: голову*: мн. ч. *головы; бородá: бороду: бороды*); что касается типа с конечным ударением — *свечá: свечý, трубá: трубý* и под., то оттянутое ударение во множественном числе, по-видимому, факт едва ли не только аналогического порядка (результат уподобления подвижному типу).

Интересен факт корневого ударения у обращений *жéни, сестри*. Вопреки Младенову, это, по всей вероятности, не архаизмы, а продукты влияния соответствующих звательных форм единственного числа (с оттянутым ударением).

Не сыграл ли своей роли при обобщении у двусложных нечленных слов параллелизм ударения единственного числа, где в общей форме возобладало то, что было характерным для винительного? Показания говоров по этому вопросу таковы: в говоре Ропката предполагаемый параллелизм существует у некоторых форм: *тóта: тóми; рбта* ('пята'): *пéти; мбгла: мбгли*; но отсутствует, например, в случаях: *стрехб: стрéхи; грэдб: грéди; сестра: сèстри; жéна: жéни* и даже в *софрб: сòфри; торбб: тóрби*; в центральном наречии определенно против предположения о связи ударения старого винительного с общей формой множественного числа говорят приведенные выше *жéна: жéни* и т. д. Итог, таким образом, отрицательный: ударение единственного числа при диалектном оттягивании ударения на корневой гласный у данного типа вообще роли не сыграло, и мы должны констатировать

³¹ Более полный список — в моей книге «Русский литературный язык первой половины XIX века». М., 1954, стр. 150—154. Материалы из памятников — в «Курсе русского литературного языка», II, стр. 248.

³² С. Младенов. Указ. соч., § 82, стр. 168; считая нормативным именно его, а не *сблзи*, Младенов ссылается на форму у Хр. Ботева.

³³ С. Младенов. Указ. соч., § 82, стр. 168.

факт, что при обобщении ударения множественного числа то или другое направление этого обобщения определилось одной общей только возможностью выбора из двух существовавших типов.

Мы имеем, таким образом, по всей вероятности, между восточными славянскими языками и болгарским в отношении оттянутого ударения множественного числа факт параллельного аналогического развития.

Среднеболгарские памятники должны были, естественно, ближе стоять к исходному состоянию соответствующих форм.

§ 18. Описывая центральный родопский говор восточноболгарского наречия, Л. Милетич по поводу окончания множественного числа *-i* у имен мужского рода замечает: «Окончание множественного числа *-i* у односложных имен довольно редко: *pōrst — pōrsti, zōb — zōbi* (Бойково), употребительнее форма *zōbe* (Петвар и др.); *vōl'k' — vōlci*. Эта форма более употребительна у двусложных существительных *ōrēl — ōrli, petēl — petli* и др., но — наряду с *svēkōr — svēkri* существует также форма *svēkrove* (Ляково)»³⁴. Дело, однако, здесь, кажется (количество приведенных Милетичем примеров ограничено и не дает поэтому возможности утверждать это определенно), не в количестве слогов у соответствующих слов, или, по крайней мере, не в нем в первую очередь, а в том, что последняя группа слов — одушевленные, лучше других сохранившие старое окончание былых *o*-основ. Что касается *pōrsti* и *zōbi*, то возможно, что сохранение старого окончания именительного падежа множественного числа и у них находится в какой-то связи с преимущественной их употребительностью во множественном числе.

Нет никаких оснований считать обязанным какой-либо фонетической причине ударение множественного числа слова мужского рода *dedū* — к единственному *djādo* (Акад. словарь, ср. «Там роден съм! Там деди ми Днес почиват под земя», Вазов). Такое ударение, надо думать, возникло в результате приравнивания к семантически родственному слову *бащта*: *бащти* 'отцы'.

§ 19. Не представляет со сравнительно-исторической точки зрения чего-либо любопытного ударение имен существительных мужского рода в положении за количественными названиями чисел. Существительные, принадлежащие в других случаях к подвижному типу, не говоря уже о принадлежащих к неподвижному, в так называемой определенной форме множественного числа (на *-а*, *-я*) выступают с ударением нечленной формы единственного числа: *два врага, четири гласа, шест вола, пет дѣня*.

Обращает на себя внимание ударение старого трехсложного заимствования женского рода из греческого языка *хиляда* 'тысяча'. Словарь Н. Герова давал для этого слова два ударения — *хиляда*. Ср., однако, только *хилядо* — среднего рода. Тенденция использовать варианты ударения отложилась в виде употребления — *хиляда*, но мн. ч. *хиляди*, особенно — *двѣсте хиляди жител* и под.

§ 20. Множественное число двусложных слов среднего рода представляет в болгарском чистое обобщение ударения единственного числа. То же место ударения отражают и соответственные членные имена существительные: *крило*: *крила*, *ребро*: *ребра*, *седло*: *седла*, *село*: *сѣла*. Ср. с сохранением более архаического места ударения единственного числа, например, в Старом Крыме: *сѣла* 'сѣла' (к *сѣло*). При определенной выраженности этой тенденции, особое сравнительно-историче-

³⁴ L. Miletič. Указ. соч., стр. 128.

ское значение принадлежит отношениям у отдельных слов: *блато*: *блатá*; *гърло*: *гърлá*; *жито*: *житá*, *място*: *местá*, *ра́ло* ('соха'): *ралá*, *стадо*: *стадá*; *шýло*: *шилá*, *чéдо*: *чедá* и др.³⁵, в общем, вероятно, архаического характера. В литературном языке, впрочем, они, по-видимому, в известной мере утрачиваются; так, в словаре, составленном проф. С. Б. Бернштейном (1953), отмечаются такие отношения только при *блато*, *ра́ло* и *чéдо*.

Явление специально болгарского языка, чуждое другим славянским, — развитие противоположности ударения множественного числа единственному у некоторых слов среднего рода с ударением в единственном числе срединного слога: *горíво* 'горючее; топливо': *горивá*; *горчýло* 'горечь; горькая пища': *горчилá*; *игрáло* 'игрушка': *игралá* (Акад. речник); *желязо*: *железá* (в значениях 'железные предметы; оковы, цепи', в последнем значении — только множественное число); *желе́зце*: *железцá*.

Такое противопоставление не проведено, однако, у всех слов с срединным положением ударения: например, к *зеленýло* 'зелень; что-либо зеленое' множественное число звучит *зеленýла*, а не *зеленилá*, к *корýто* — *корýта*.

Возможно, что соответствующие случаи относятся, собственно, только к литературному (искусственному) употреблению.

§ 21. Одно из позднейших и при этом, по-видимому, чисто морфологических явлений болгарского ударения наблюдается у образований множественного числа, восходящих к былым собирательным на **-ьje*. Это случаи вроде *къщя́*, *нивя́* (к единственному числу женского рода *къща*, *нива*), имеющие оттенок собирательности и теперь³⁶. В литературном языке так только у этих двух слов. В говорах такие формы и ударения представлены несколько шире: см., например, материал из села Суворова (бывш. Шикирли-Китай) Измаильской обл. УССР, опубликованный в «Отчете о диалектологической экспедиции в болгарское село Суворово летом 1951 года»³⁷. Здесь отмечены подобные формы и у слов с особым суффиксом *-уря*: *женуря́* 'женщины', *мъжуря́* 'мужчины'. Литературные примеры образований этого рода к единственному числу слов мужского и среднего рода см. хотя бы в упомянутой в книге Л. Андрейчина: *циганя́*, *българя́*, *влася́* и под.; *гражданя́*, *офицеря́*; *биволя́*, *магаря́* (с оттенком пренебрежительности) (стр. 88); *лозе* — *лозя́*, *цвете* — *цветя́* (стр. 91). В Суворове см. еще *листо* = *листя́*, *перо* (*пиро*) = *перя́* (*пиря́*), — примеры, правда, от слов с конечным же ударением и в единственном числе.

Ударение остатков двойственного числа в общем малопримечательно. Форма множественного числа мужского рода *кракá* 'ноги' выступает с ударением, ожидаемым для членной формы у слова с былым циркумфлектированным гласным корня (ср. серб. *кра́к*, словен. *krak*, русск. *о́корок*). Характерно, между прочим, что она установилась в таком виде даже в говорах (так и в литературном языке), где членная форма единственного числа звучит так же. Более естественно это, конечно, для говоров, где соответствующая форма выступает как *кракѣт*.

³⁵ Ср. L. Miletic. Das Ostbulgarische. Wien, 1903, стр. 49.

³⁶ Л. Андрейчин. Грамматика болгарского языка. М., 1949, стр. 90.

³⁷ «Отчет о диалектологической экспедиции в болгарское село Суворово летом 1951 года». «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 3, М., 1953, стр. 117.

Форма мн. ч. *ръѣ* имеет, надо думать, не первоначальное ударение, а тоже заимствованное из членной (ср. польск. *гесе* из **госѣ* и под.). К интонации корневого слога ср. серб. вин. п. ед. ч. *рѹку* и под. Параллельно и обл. *нозе*. Mutatis mutandis это же относится к *очѹ, ушѹ* (об интонации корневого гласного последнего см. выше), *плещѹ*.

Любопытнее то, что со сравнительно-исторической точки зрения представляет два трехсложных слова среднего рода: *раменѣ* 'плечи' и *коленѣ* 'колени'. Если для слова *рамо* издревле могла действовать индукция параллельной формы типа *еп*-основы — *рама* — с типичным для этого типа ударением множественного числа, отличным от единственного, *-енá* (ср. и параллельное нынешнее ударение — *именá, раменá*), то *коляно* со срединным ударением в слове (русск. *колѣно*) могло только позже попасть в сферу влияния подобных слов, может быть, в первую очередь именно слова тоже со значением парности — *рамо* (ср. *коленѣ* и *коленá*).

§ 22. Л. Милетич³⁸ отметил в восточноболгарском наречии несколько интересных в акцентологическом отношении остаточных форм родительного падежа множественного числа у слов, исторически принадлежащих к *ā*- (*jā*) основам: *юдин*, например *дѣвет юдин* (к им. п. ед. ч. *юдѹна*); *стѹтин*, например *нет стѹтин* (им. ед. *стѹтина*); *недѣли*, например *две недѣли* (из **недѣль*: им. ед. *недѣля*). В этих формах наиболее естественно со сравнительно-исторической точки зрения видеть параллельные к тем с нисходящедолгим ударением, на которые указывают чакавское наречие сербского языка и словенский язык. Оно свойственно в этих языках именно форме родительного падежа множественного числа: чакав. (Novi) *besēd, livād, nedil, postil* и под. (к *besēda, livāda* и т. д.); словен. *kraljic, glušic* (к им. п. ед. ч. *kraljica, glušica*) и под.

Независимо от решения вопроса о происхождении такой интонации именно в форме родительного падежа множественного числа *-ā* (*-jā*) основ у слов с подударным срединным слогом, наличие такой интонации (иначе — «новоциркумфлексовой») не подлежит сомнению и с большой вероятностью может поэтому предполагаться и для одной из древних стадий болгарского языка. Факты выглядят таким образом, что на болгарской почве соответствующее ударение в трехсложных словах с подударным срединным слогом, делавшихся после отпадения конечных редуцированных в форме родительного падежа множественного числа двусложными³⁹, не оставалось на старом месте, а передвигалось к началу слова. Параллель такому явлению представляет то, что наблюдается в штокавском наречии сербского языка (включая литературный язык): *маслѹнá* (им. п. ед. ч. *маслина* из **маслина*); *кѹпрѹвá* (им. п. ед. ч. *кѹпрѹва*) и под.

Что касается мнения Милетича, будто остаток былой формы родительного падежа множественного числа представляет и *дѹши*: *пет дѹши убѹли* (ср. *дѹши* — им.-вин. п. мн. ч.), то это намного сомнительнее, так как форма не совпадает со старинной *душ(ь)*, имевшей к тому же в этом типе новоакутую (восходящедолгую) интонацию **dúš(ь)*. Если вариант литературного ударения множественного числа *дѹши* является исконным, параллельным русскому *дѹши*, то можно

³⁸ L. Miletich. Das Ostbulgarische, стр. 49.

³⁹ *Две недѣли* может быть фактом аналогического порядка, перенесенным на *пет...*, *шест...* из подобных сочетаний.

было бы думать, что он только закрепился преимущественно в сочетаниях с числами — в духе того, что характерно, например, для форм мужского рода. Если же литературное ударение общей формы множественного числа *дúши* (Акад.) возникло наряду с *душí* именно в результате того, что слово часто употреблялось в сочетаниях с количественными числительными⁴⁰, то всего вероятнее думать, что здесь сыграла решающую роль упомянутая аналогия распределения ударения в формах мужского рода.

ДВА ЧАСТНЫХ ЗАМЕЧАНИЯ

1. Об интонации винительного падежа

§ 23. В болгарском языке более, чем в других славянских, проявилась тенденция, очень сильная во многих говорах, подчинять именительный падеж единственного числа слов на *-а(я)* влиянию винительного. В литературном языке, однако, ударение соответствующих слов отразило эту тенденцию в относительно небольшой мере. Это наблюдается, например, в словах *зúма*, *срýда* 'среда (день недели)'; *пóра* 'возраст; время; пора'; ср. русск. *зимá : зúму*; *середá : сéреду (средá : срéду)*.

По-видимому, с былым ударением винительного падежа установились в основном слова, особенно часто употреблявшиеся во временном значении. Поэтому мало удивляет ударение и в слове *дóба* 'время; пора' сравнительно с укр. *дóба* 'время; пора; сутки' и словен. *dóba* с открытым *o*, т. е. из **doba'*, хотя обращает на себя внимание совпадение болгарского с сербским *дóба*, впрочем, несклоняемым и среднего рода (вероятно, под влиянием *време*).

2. Об ударении звательных форм

§ 24. Частично болгарский язык сохранил вынесенную уже из общеславянской древности особенность звательной формы единственного числа женского склонения на *a*. У некоторых двусложных слов с конечным ударением в именительном падеже единственного числа (иначе говоря, в основной форме) звательная форма звучит с ударением на первом слоге слова: *женá : жéно*; *сестрá : сéстро*; *момá* 'девушка': *мóме*. Ср. и серб. *жéно*, *сéстро* и под. *Жéни*, *сéстри* как формы обращения (Младенов. Указ. соч., стр. 168) обязаны своим ударением, видимо, соответствующим формам единственного числа (см. и выше).

Ударение префиксальных имен существительных и наречных образований

§ 25. Из того, что относится к области именного словообразования, наибольшее значение имеют показания болгарского языка относительно префиксальных имен существительных мужского склонения. В довольно большом количестве случаев эти показания, как показания и других родственных языков, отнюдь не могут быть отнесены к прямым, т. е. к таким, которые безоговорочно,

⁴⁰ Ср., в словаре С. Б. Бернштейна, по-видимому, ближе к фактическому положению: «*душá*... (мн. *душí*, в сочетании с количественными словами мн. *дúши*)»...

без предварительной специальной обработки можно считать восходящими к фактам древнейшего славянского языка. Это очень производительная категория, все время исторической жизни языка пополнявшаяся новыми и новыми словами, категория, установившиеся образцы которой время от времени подчинялись действию новых общих и частных условий, затемняющих восприятие первоначального фонетического ядра соответствующих форм. Но важно, что и сейчас некоторые фонетические предпосылки создания этой категории, как мне кажется, на болгарской почве довольно хорошо различимы.

Болгарское ударение префиксальных образований имен существительных примечательно, главным образом, в том отношении, что может служить к подтверждению догадок о древнейших особенностях ударения односложных по корню *o-(ie-)* основ⁴¹. Болгарские факты, относящиеся к этой словообразовательной категории, в большей или меньшей мере параллельны восточнославянским, особенно — украинским, и сербохорватским. Они говорят о значительном преобладании уже в прошлом напрефиксного ударения вообще, и, по различным основаниям, это преобладание приходится свести главным образом к таким особенностям.

1. По-видимому, искони образования с предметными значениями имели (преимущественно) напрефиксное ударение.

2. Образования с процессуальным значением имели, как правило, ударение на гласном корня.

3. Вероятно, те из них, у которых этот гласный был по происхождению циркумфлексовым, фонетически отдавали ударение префиксам. Всем ли, или только краткостным — нельзя определенно решить из-за многочисленности слов, копирующих старые образцы фонетического происхождения.

4. Довольно отчетливо обнаруживается, что полные краткостные гласные, впрочем почти исключительно *o*, ударение на себе удерживали. Вероятно, при этом свою роль играла долготность гласного предшествующего им префикса, фонетически задерживавшая движение ударения к началу слова.

5. Надо думать, что уже в глубокой древности тип с подударным префиксом краткостным или циркумфлексовым и с заударным корневым слогом краткостным или циркумфлектированным ассимилировал себе некоторые образования, корневого гласный которых по происхождению был акутированным. Древнейший пример — слово **pojasъ*. Корневого гласный этого слова восходит, как известно, к древнейшему индоевропейскому долготному *o*, и, таким образом, корневому гласному этого слова искони должна была принадлежать акутовая интонация, которая, по закону Фортунатова — де Соссюра, перетянула бы на себя ударение с предшествующего краткостного гласного. Этого, однако, не случилось, так как слово **pojasъ* по своим интонационным отношениям уподобилось типу, вероятно, исстари широко представленному, — «краткостный (или циркумфлектированный) подударный префикс + заударный циркумфлектированный слог корня»; ср. тепер. русск. *пояс.*, серб. *појас* и т. д.

6. Никаких сомнений относительно исходных отношений не представляет тип специфически десубстантивный с подударностью префиксов **ra-*, **ra-*, притом, бесспорно, акутового характера.

Примеры и замечания по отдельным рубрикам:

⁴¹ Подробнее — в моей статье о префиксальных образованиях в восточнославянских языках («Питання слов. мовозн.», кн. 5, 1958).

1. Специальная болгарская тенденция к распространению непrefиксного ударения очень отчетливо проявляется в новых ударениях русизмов. Так, заимствованное из русского языка слово *донос* звучит теперь в болгарском — *донос*; *набор* — *набор*; русск. *запёв*, хотя известно и с таким ударением, звучит также «на болгарский лад» *запёв*. Ср. и болг. *приток*: русск. *приток*; *заём*: русск. *заём*; *притвор* (церк.): русск. *притвор*; колеблется *зало́г* — *залог* (без дифференциации по смыслу).

Это не исключает, конечно, того, что в отдельных случаях и русизмы на болгарской почве остаются со своим ударением: *забой*, *навёс*, *укло́н*, *уро́к* и под.

2. Несмотря на эту тенденцию, сильно меняющую общую картину, еще легко видеть, что среди бессуффиксных префиксальных образований мужского рода с ударением на корне определено преобладают имеющие накоренное *о*: *завой* 'поворот, изгиб' (дороги), 'излучина' (реки), *запор* 'взимание подати и под.', *застой*, обл. *убой* 'разширен път между ниви за разминаване с кола'; *обор* 'хлев, стойло'; *порой* 'ливень; потоки воды после ливня', *потон* (устар. и обл.) 'потолок'; *присой* 'солнцепек; солнечная сторона' (см., впрочем, и *присоё*); *прозор* 'окно' (впрочем, редкое). Особенно важны в этом отношении сохраненные древнейшие славянские образования вроде: *закон*, *народ*, *повой*, 'повойник', *позор*, *покой*, *поток*, *потоп* и под.

§ 25. Сохранен в болгарском языке, хотя и представлен небольшим числом слов, несомненно уже древнейший славянский тип префиксальных образований женского рода на *-а (-я)* с редуцированным (впоследствии выпавшим) гласным корня и подударностью префикса, гласный которого имел во многих случаях новоакую интонацию: *ра́зпра*, *ра́зпря* 'распря'; *пря́спа* 'снежный сугроб'; *примка* 'силок; аркан; западня'. Ср. словен. *zátka*, *zámka*, *óžga* (без перехода восходящей интонации в нисходящую в закрытом слогe).

По образцу этого типа созданы отдельные позднейшие образования вроде: разгов. *затра* '1. Нищо и никакъв човек... 2. (обл.). Работа, която поглъща много време, а малка полза има от нея' («Тълк. речник») ⁴².

§ 27. Не помогают факты болгарского языка решить старый акцентологический вопрос о двух основных типах бессуффиксных префиксальных образований *а*-основ — с ударением на сократившемся корневом гласном долготного происхождения и другом, вероятно, искони значительно более редком, — с ударением на префиксе и сократившимся же гласным корня, но и они недвусмысленно свидетельствуют об очень давнем параллельном их существовании. Ср. примеры: 1. *поръка*, *забрава* 'забвение', *заслуга*, *разва́ла*, *разправа* 'спор; препирательство', *промяна*. 2. *засуха*, *загуба*.

Вместе с тем можно сказать, что показания болгарского языка дают лишний основанию считать по меньшей мере сомнительным существование в древнейшем славянском языке типа с конечным ударением. Русск. *похва́ла* надо считать явлением новым, возникшим под влиянием простого *хвала́*. Старина, вероятно, сохранена в болг. *похва́ла*, которому соответствует и укр. *похва́ла* (при, надо думать, более новом *похвалá*); ср. также чешск. и словц. *rohvala* (из **rohva'la*). Словен. *rohvála* в сравнительно-историческом отношении может восходить как к былому *rohvála* из **rohvála*, так и к подновлению **roh'vala*, параллельному серб. *пõхвала*, *пõфала*. Ничего неожиданного не представляет болгарское слово *пõтока* со старой подударностью префикса *ла-*, бесспорно

⁴² К теории происхождения этого типа см., например, «Порівняльно-історичні розвідки в ділянці слов. наголосу». — Наукові записки Інст. мовозна. АН УРСР», I, 1941, стр. 59—61.

акутированного по происхождению (ср. русск. *пáтока*, словен. *pátoka* и т. д.).

При префиксе того же рода — *пра-* показания болгарского языка любопытны в том отношении, что отражают пристрастие этого языка к специальному выделению префикса ударением: *п ráбаба* (ср. и у слов мужского рода *п ráдядо*), *п рап ráбаба*.

Впрочем, в большинстве обращающиеся в литературном употреблении слова с этим префиксом — книжного происхождения: *п ráмайка*, *п ра-родина* и под.

§ 28. Даже в языках с еще прозрачными остатками этих отношений, например в русском, определенно наметилась тенденция адвербиализировать сочетания подударных предлогов с соответствующими управляемыми именами существительными, т. е. употреблять их преимущественно в наречной функции: *на руки*, *под руку*, *на зиму*, *около* (ср. серб. *к доло* 'круг'); *наскоро*.

В болгарском языке, в котором старые («интонационные») отношения уже забылись, подударность предлогов в сочетании с именами еще резко стала одной из примет адвербиализации сочетаний. Остатками старых отношений еще можно считать, например, *дóреда* 'другим разом' (ср. серб. *рéd* 'ряд'); *на́вечер* 'завтра вечером' (ср. русск. *на́ вечер*), *на́двечер* 'под вечер; к вечеру'; *по́дрьки* 'под рукою; наготове'; *на́краки* (диал.), *о́ткраки* 'стоя' (ср. *кракът*, *крака*); *на́две* 'надвое', *на́три*; *на́преки* 'поперек' (ср. серб. *п réко*).

Характерны и колеблющиеся случаи вроде *на́есен* и *наéсен* 'осенью'; *по́дрька* и *подрька́* 'под руку; под рукой'; *на́сьне* и *насьне́* 'во время сна' и под.

Но на такие случаи подударности бывших предлогов, превратившихся в префиксы, как *о́тноги* (ср. русск. *от но́ги*) 'стоя на ногах', *до́земи* 'до земли; низко' (ср. русск. *до земл́и*); *на́земи* 'наземь'; *на́лето* 'следующим летом' (диал.) (серб. *лéто*; ср. аналогическое ударение и в русском языке — *на́ лето*, под влиянием *на́ зиму*); *о́тново* 'снова, опять' (при *отнóво*), — ср. русск. *за́ново*; *за́едно*, *на́едно* 'вместе, сразу', — нужно, конечно, смотреть как на нефонетические факты подражания определенным образцам адвербиализировавшегося типа.

При этом очень длинный ряд даже вполне адвербиализировавшихся образований остается с ударением первоначальных сочетаний предлогов с именами: *до́века*, *за́веки* 'навек', *до́вечера*; *накрíво*, *надб́лго* 'долго', *наведн́ж* (*наведна́ж*), *наедн́ж* и т. д.

Место ударения у суффиксальных образований имен существительных

§ 29. В словах с суффиксом *-ин* и суффиксами, сложенными с ним, обозначающих отдельных представителей народов, ударение падает на основную часть слова: *ру́син*, *францу́зин*, *евре́ин*, *ту́рчин*, *арнау́тин*, *тата́рин*, *бь́лгарин*. В большинстве образований, как и в других славянских языках, для этой категории значений нужно считаться с определенной индукцией множественного числа и его ударения (перед суффиксом). В большой мере это относится и к формам единственного числа слов со значением социальной группы на *-янин* (*-анин*): *гра́жданин*: *гра́ждане* (ср. русск. *граждан́ин*: *гра́ждане*); *се́лянин*: *се́ляне* (ср. русск. *селян́ин*: *се́ляне*)⁴³.

⁴³ Подробности об акцентологических особенностях этих образований см. в статье автора о колебаниях в русском литературном языке в кн. «Русский литературный язык первой половины XIX в.» М., 1954, стр. 147—149.

§ 30. Не имеющий достаточно определенного собственного значения суффикс имен существительных *-ей* (*-ѣй?*)⁴⁴ обычно неударяем: *гвоздей* 'гвоздь'; *бързей* 'стремнина, речной порог'; *плавей* 'речной нанос'; *сипей* 'обвал, оползень'; *търсей* 'высохшее болото, трясина'; *чървей* 'червяк'.

На начальную часть слова ударение обычно теперь падает и у слов разного происхождения, где *-ей* уже не является морфологическим (изолирующим) элементом: *търтей* 'трутень'; *репей*, *славей*; *шурей* 'шурин, деверь'; диал. *грэздей* 'кран; ключ'.

Для областного *иней* «Тълк. речник» дает ударение на первом слоге; словарь Бернштейна — на втором.

Арх. *старей* 'старейшина' дается в «Тълк. речник» с ударением на суффиксальном гласном. Возможно, что такое ударение получено словом непосредственно от предшествовавшего ему слова *старейшина*.

Возможно, что этому суффиксу уподобилось и старое окончание у *лишай*, звучащее в литературном языке обыкновенно *лишей*.

Уподобились словам на *-ей* и старые, уже древнейшие славянские слова: *славей* 'соловей' (у которого *e* изъ *ь*, русск. *соловѣй*, род. п. *соловьѣ* и т. д.), *репей* (ср. русск. *репѣй*; его ударение, впрочем, малопоказательно, так как могло возникнуть под влиянием *репѣйник*). Ср. и заимствованное из русского языка *ручей*, по ударению (вместо *ручѣй*) уподобившееся болгарскому типу слов на *-ей*.

Областное слово *иней* (литер. — *скреж*) имеет ударение, вынесенное уже из древнейшего славянского языка (ср. русск. *иней*; подробности в «Etymologisches Wörterbuch...» Бернекера, I, стр. 432).

Русскому *пырей* «растение *Triticum virens*, *Agropyrum virens*» в болгарском языке соответствует слово *пирей* с другим ударением. Если это, действительно, по происхождению славянское слово, как полагали, например, А. Преображенский (Этим. словарь русск. языка, II, стр. 151), Р. Траутман (Balt.-slav. etym. Wörterbuch, стр. 232), а не грецизм, как считают составители «Тълков. речника» (стр. 552), то болгарское ударение, независимо от произношения слова в древнейшее время, отражает общую особенность образований на *-ей*.

Заметим, что несомненное заимствование (из румынского) — слово, оканчивающееся на *-ей*, — *бордей* '1. землянка; 2. хижина; 3. трущоба', — осталось вне воздействия ударения слов с окончанием *-ей*.

§ 31. Образования мужского рода с суффиксом уничижительного значения *-ль(о)* у названий лиц (реже — животных) подударны на материальной части слова: *глѣзьло* 'баловень'; *дрѣпльо* 'оборванец, оборвыш'; *мѣхльо*, 'пентюх, олух' (ср. *мѣхъл* 'плесень'); разгов. *глѣхльо* 'глухой'; ср. и *бѣбльо* 'заика; мямля' с *л*, принадлежащим уже корню, — *бѣбля* 'заикаюсь, мямлю'.

§ 32. Ударение падает на материальную часть слова и у немногочисленных образований на *-ко* мужского рода: *бърборко* 'болтун'; *сѣчко* (*голям* 'январь'; *малък* 'февраль'). Так и у отприлагательных образований на *-чо*: *глѣхчо*, *глѣпчо*, *дѣвчо* 'глупец'; *шѣрчо* 'бестолковый человек', по отношению к людям обыкновенно с отрицательной окраской; *сѣвчо* 'серко (кличка животных серой масти)'; *врѣнчо* (диал.) 'конь или буйвол вороной масти'.

⁴⁴ Из других славянских языков этот суффикс в виде *-ej* (с рефлексом *-e-*) является более или менее определенным в словенском языке в значении существ (в названиях производных от прилагательных; в уменьшительных): *dědej* 'дедушка', *drūžej* 'супруг', *ljūbej* 'голубчик', *mālej* 'малыш' и под. Ср. W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, I. Göttingen, 1924, стр. 516. Место ударения то же, что в болгарском.

По происхождению оба типа — звательные формы с типичным для них ударением. По отношению к *-ко* иначе в украинском языке, но это особый вопрос.

§ 33. В образованиях имен существительных с суффиксом *-тел* (из былого *-тель*) ударение в известной мере сохраняет свою связь с ударением настоящего времени соответствующих глаголов. Хотя и в болгарском языке, подобно русскому, у этих образований произошли некоторые сдвиги в сторону обобщения ударения на гласном перед суффиксом⁴⁵, — у отдельных слов факты, однако, не параллельны тому, что наблюдается в русском. Так, при русском ударении *представитель*, отступающем от глагольного *представитъ*, в болгарском — чаще *представител* (возможно, впрочем, и ударение *представител*); подобное — в слове *съставител*: *съставител*; но при русск. *плаватель* (ср. *плавать*) в болгарском — только *плавател* (возможно, впрочем, что это русизм, — слово не известно, например, Н. Герову и не вошло в «Тълк. речник», — и усвоено книжным путем не точно относительно места ударения); русск. *исследователь* на болгарской почве получило ударение *изследовател*.

§ 34. Образования на *-ник*, в соответствии другим славянским языкам, принадлежат к двум типам: одному — подударному на гласном корня, другому — вследствие переноса ударения с конечного *-ъ* и затем обобщения его во всей парадигме — подударному на гласном суффикса.

Причина былого (исходного) распределения по тому или другому типу в настоящее время недостаточно определена. В русском языке в большей или меньшей мере еще опознается связь этих образований с соответствующими именами прилагательными.

Для болгарского языка, в котором у прилагательных почти сплошь подударен корневой гласный, такое отношение уже вовсе не играет роли.

К подударным на гласном суффикса в нем принадлежат, например, *властник*, *войник*, *врѣстник*, *дрѣвник*, *квасник*, *крѣвник*, *мазник*, *мртсник*, *мѣченик*, *годеник* 'жених' (к *го ден* 'обрученный, помолвленный').

К типу, подударному на корневом гласном: *грѣшник*, *дѣлник*, *зѣлник*, *кѣрник*, *нѣжник*, *празник*, *праведник*, *ѹмник*, *чѣтник*. Колеблются: *дѣлник*: *дѣлжник*; *душник*: *дѹшник*; *зимник*: *зѣмник*; *клетник*: *кѣтник*; *рѣчник*: *рѣчник*; *пещник* и *пѣщник* 'испеченный в печи маравай'.

До некоторой степени заметно преобладание ударения на *-ник* у названий лиц; на корне — у названий предметов и прочих; но различие это далеко от последовательности.

У префиксальных образований ударение обычно на гласном перед суффиксом: *изѣдник*, *наслѣдник*, *наставник*, *пресѣлник*, *прислѹжник*.

§ 35. Нет полной ясности в вопросе о месте ударения старых образований на *-ай*: с одной стороны, имеем ударение *слѹчай*, с другой — *обичай*. Сербский язык указывает на ударения *слѹчај*, местн. п. у *случају*, *обичај* — у *обичају*. Словен. *slučaj* — из сербохорватского; так, вероятно — и *običaj*. Исходное положение более или менее ясно для *слѹчај* < **slûčǎjъ*; акцентные отношения у слова *обичај* (русск. *обычай*), вероятно, вторичны — новое ударение на префиксе. Таким образом, болг. *слѹчай*, по-видимому, соответствует старине (русское литературное ударение XVIII и первой половины XIX в., а также народное *случай*, скорее всего, из *случајно*, *случајный* — с фонетическим переносом на

⁴⁵ Ср., например, *измерител*, при *измѣря* (русск. *измеритель*: *измѣрю*); *изпълнител*, при *изпълня*; *предсказател*, при *предсказвам* (русск. *предсказатель* к *предсказать*); *мѣчител*, при *мѣча* (параллельны отношения в русском); *предпазител* 'предохранитель', хотя глагол *предпазя*, и под.

гласный закрытого слога). В болг. *обича́й*, вполне возможно, — новое ударение под влиянием *обича́йно*, *обича́йни* и под.

Лишай соответствует сербскому *лишај* (из **lišājъ*, **lišāja* и под.), словен. *lišāj* из **lišaj* (разьян. *lišāj*). Русское ударение *лиша́й* вторично (из *лиша́йник?*).

Относительно *лишей* из *лишай* — см. выше.

§ 35а. Образования былых *о-* и *ѣ-*основ с подударною в древнейшем славянском языке флексией со сравнительно-исторической точки зрения обращают на себя внимание только тем, что в болгарском языке в соответствующих парадигмах, как видим, возобладало полностью ударение формы именительного-винительного падежа единственного числа, после того как в ней были утрачены былые *-ѣ(ь)*. В отличие от ударения таких форм — ударение гласного в суффиксе *-ан*, как ясно из показаний большинства других славянских языков, — прямое наследие древнейшего славянского языка. Болг. *дебела́н* 'толстяк', *готова́н* 'дармоед' и под. имеют себе соответствие в отношении места ударения с русскими образованиями вроде, например, *братáн*, род. п. *братáна*, *горла́н*, род. п. *горла́на*. Примеры из сербского и словенского языков см., например, в книге Р. Брандта «Начертание славянской акцентологии» (СПб., 1880, стр. 276). Надо, впрочем, заметить, что суффикс *-ан* в болгарском языке представлен бедно, и соответствующие образования с ним в меньшей мере, чем в других языках, являются производными от имен существительных (особенно — названий частей тела).

§ 36. Ряд древнейших славянских охутона мужского рода — с суффиксами, например *-а́къ*, *-ја́къ*, *-а́сь*, *-а́рь*, теперь, после отпадения соответствующих редуцированных гласных и утраты окончаний склонения, как и следует ожидать, характеризуется в болгарском языке ударением гласного суффикса. Это многочисленные образования типа *бърза́к* (диал.) 'тот, кто быстро ходит или работает'; *бреза́к* 'березняк', *бреста́к* 'вязник'; *бедня́к*, *веселя́к*, *добря́к*, *хубавеля́к*; *бера́ч* 'сборщик урожая плодов, овощей, винограда', *кова́ч*, *копа́ч*, *свира́ч* 'играющий на свирели; музыкант'; *свирка́ч* 'свистун'; *разказва́ч* 'рассказчик'; *грива́р* 'дикий серый голубь'; *овча́р*; *обуща́р* 'сапожник'; *кляка́р* 'склочник; кляузник' и под.

Все в древнейшем славянском языке окситонные суффиксальные образования мужского склонения в болгарском языке не обнаруживают в настоящее время никаких следов этой древней особенности и в членной и в нечленной формах обоих чисел одинаково имеют ударение на конечном гласном слова: *дива́к*, *проста́к*; *добря́к*, *веселя́к*, *орля́к* 'стая птиц'; *говеда́р*, *овча́р*; *дива́кът* (*дива́ка*): *дива́ци*: *дива́ците*; *орля́кът*: *орля́ци*: *орля́ците*; *говеда́рят* (*говеда́ря*): *говеда́ри*: *говеда́рите* и под.

§ 37. Примеров того, что образования с этими и ближайше им родственными суффиксами выступают также с ударением на корневой части слова или на основе, в болгарском языке меньше, чем в других языках. Из таких относительно редких случаев можно, например, отметить: *гривя́к* 'вид голубя (с белой шейкой); *Columba palumbus*', *хубавеля́к* (обл. 'красавец' — «Тълк. словник»), *хубавеля́к* (Андрейчин. Грамматика, стр. 63); *гривец* 'серый дикий голубь' (Слов. Берншт.; ни в Акад. словаре, ни в „Тълк. речнике“ слово в этом виде не отмечается).

У образований с суффиксом *-ар(ь)* в болгарском языке теперь определенно преобладает ударение на гласном суффикса. Не говоря уже о словах типа *млека́р*, *коза́р*, *овча́р*, *меса́р*; *риба́р*, *хлеба́р*; *бръсна́р* 'брадобрей, парикмахер', *пека́р*, *пѣда́р* 'полевой сторож; обездчик', — такое ударение теперь возобладало и у слов с многосложной основой, выступающей у тех имен существительных, от которых она вошла

в состав образований на *-ар*, с ударением не на конечном слоге; ср.: *биволър* 'погонщик буйволов': *бѣвол* 'буйвол'; *говедър* 'погонщик крупного рогатого скота': *говѣдо* 'крупный рогатый скот'; *гостилничър* 'содержатель ресторана': *гостѣлница* 'ресторан'; *аптекар*: *аптека*. Ср. и *главатър* 'предводитель' (уже со сложным суффиксом *-атар*).

Слов этого образования с ударением на основе (корне) совсем немного: это *лѣкар* (ср. и соответственное образование женского рода — *лѣкарка*), впрочем, в словаре Н. Герова указанное только с другим ударением, — *лѣкарка*⁴⁶, соответствующим и сербскому — *лѣкар* (из **лекър*), *пѣсар* (русизм?).

Определенность тенденции к обобщению ударения на *-ар* сказывается, в частности, в переводе в этот тип и некоторых русизмов, звучащих в русском языке с ударением на корне; ср., например, *знахар* (русск. *знáхарь*)⁴⁷.

В немногих словах с суффиксом *-иш* последний подударен: *мекѣиш* 'вид небольшого явора — *Acer tataricum*'; *сладкѣиш* 'пирожное; лакомство'.

Вероятно, этот суффикс исторически соответствует русскому *-иш*. Обращает, однако, на себя внимание, что в русском ударение при нем не во всех образованиях одинаково: *малѣиш*, род. п. *малѣиша*, *голѣиш*, род. п. *голѣиша*, но *мѣкиш*, *дѣтыш* и под.⁴⁸

Из редких суффиксов с конечным ударением упомянем еще: *-аш*: *богатѣиш* 'богатей'; *службѣиш* 'службист'; *търгѣиш* (русизм); (обл.) *дрѣглѣиш* 'худощавое, тощее животное'; из неодушевленных и без уничижительной окраски см. *пелинѣиш* 'попыновка, попынное вино'; обл. *лукѣиш* 'место, где посажен лук'.

К старым охутона (русск. *седок*, род. п. *седока*, *едок* — *едока*, *ходок* — *ходока*), теперь сохранившимся в болгарском языке как тип с ударением на гласном *-о-* лишь в сравнительно немногих словах, по происхождению, вероятно, относятся: *младок* 'молодняк; побег, росток; юноша'; *млечок* 'молочай'; *мѣток* 'тухлое яйцо'; и диал. *тѣлчок* 'молоток для толчения; сосуд, в котором толкут, и др.' (*тѣлчок* 'импульс' — из русского).

Достаточно определенного значения в образуемые с ним слова этот суффикс не вносит.

Может быть, родственно с этой группой слово *сѣук* 'суслик', но с другим ударением.

§ 38. Образования с суффиксом *-ец* (из *-ьць*) в болгарском языке, так же как и в русском и в других, теперь уже не представляют вполне выдержанной системы, отражающей отношения корневой части — в зависимости от происхождения ее гласного. Всего легче исходные отношения опознаются у немногих образований от старых охутона: они, как и следовало ожидать, характеризуются насуффиксным ударением: *вдовѣц*, русск. *вдова*, и под. Но от былых охутона мужского рода типа *вол* (русск. род. п. *вола*): членная форма *вола*; *поп* (русск. род. п. *попа*): членная форма *попа* — соответствующие образования чаще звучат *волец*, *попец* и под.

Вероятно, остаток глубокой древности представляет ударение в словах: *лучец* 'лучок': серб. *лѣк*; *грашец* 'горошек': русск. *горох*, серб. *грах*; *палец* 'большой палец': русск. *палец*, серб. *пáлац*; *старец*: русск.

⁴⁶ По болгарско-немецкому словарю Г. Вейганда (1922) *лѣкарь*, но *лекърка*.

⁴⁷ О проблематике ударения образований на *-арь* в восточнославянских языках см. «Сравнительно-исторические комментарии к восточнославянскому ударению». «Вопросы славянского языкознания», кн. IV, 1955, стр. 20—21.

⁴⁸ О суффиксах *-иш*: *-ушь* см. W. Vondrák. Указ. соч., I, стр. 636, 639. Единственного ударения не дают и другие славянские языки.

(ст.-сл.) *ста́рец*, серб. *ста́рац*; *бра́тец*: русск. *бра́тец*, серб. *бра́тац*; *хла́бец*: русск. *хла́бец*, серб. *хла́бац* — иначе говоря, в словах, производных от простых с исходной акутовой интонацией.

Ср. напрефиксное ударение у производных от слов с исходной краткостью или циркумфлексовой интонацией корневого гласного: *конéц* 'нитка и др.': русск. *конéц*, и др.; *борéц*; *косéц*; *праше́ц* 'порошок' (членная форма *праха́*; русск. и укр. *пóрох*, серб. *пра́х*, и под.); *светéц* 'святой': серб. *свѣт*, словен. *svēt* 'святой', серб. *свѣтац*; *вработéц* 'воробей': серб. *вработац*, укр. *горобéць*; *гласéц*: серб. *глас*, словен. *glás*, русск. *голос*, и под. Из отклонений можно отметить, например, *ветрéц* (ср. серб. *вѣтар*); такое же отклонение, впрочем, наблюдается и в украинском — *вiтрéць* (ср. русск. *на ветру́*). К старому колебанию ударения основного слова, вероятно, восходит колебание в диалектном *врелец* и *врелéц* 'кипяток'; ср. болг. диал. *врелó* 'горячий источник' при серб. *врело́* 'источник', *врело́* — женский род *врела́* 'горячий, горячая'.

Слово *бобец*, производное от *боб*: членная форма *боба́*, по указанию Х. Кодова⁴⁹, звучит с конечным ударением. Производное от *дъжд*: *дъжда́* имеет тоже ударение на суффиксе — *дъждéц* (ср. русск. *дождь*: род. п. *дождя́*).

Кодов же (стр. 77) указывает примеры колебания места ударения иногда у тех же самых слов: *бодéц* и *бодец*, *дворéц* и *дворец*, *квасéц* и *квасец*. Все его примеры относятся к образованиям от былых охутона и корней краткостных или циркумфлектированных. У тех и других на-суффиксное ударение, таким образом, со сравнительно-исторической точки зрения — древнейшее.

По-видимому, лишь в очень небольшом количестве случаев отклонения в сторону подударности корневого гласного можно считать мотивированными специальными моментами. Так, по мнению Кодова, ударение *дворéц* вызвано было потребностью отличить значение 'маленький двор' от *дворéц* 'дворец'.

В целом можно заметить, что исходные фонетические отношения при суффиксе *-ьц* на болгарской почве уже сильно разрушены аналогией, как, впрочем, и в других славянских языках.

§ 39. В отличие от довольно распространенных в восточнославянских языках суффиксов имен существительных *-ок*, род. п. *-ка*, т. е. с беглым *о*, *-ек*, род. п. *-ка* (то же), обыкновенно — при односложных корнях — носящем на себе ударение *кусóк*, *ростóк*; *рожóк*, *стожóк* (ударение на корне при них встречается очень редко — *лúчек*; но ср. ударение у слов с полногласием типа *-орó-*: *горóшек*, *порóжек*)⁵⁰ — в болгарском распространность их не велика. Не велико, в частности, и число слов этого рода с ударением на корне. Это — *мóмѣк* 'мальчик, парень' (с другим, однако, ударением множественного числа — *момци́*), *пѣтѣк* 'пятница', *пѣсѣк*.

Но у слов с двусложной и больше основой — *четвѣртѣк* 'четверг'; *остатѣк*, *почѣтѣк*, *завѣршѣк* и под.

Ударение у слова *мóмѣк* (при диал. *момѣк*), судя по множественному числу, новое. Об этом же говорит и серб. *мóмак* (из **мома́к*), при неясном, впрочем, ударении множественного числа — *мóмци*, рядом с ожидаемым *мóмци* (из **момци́*). Возникло это новое ударение,

⁴⁹ Х. Кодов. Подвижното българско ударение и неговото отношение към праславянското ударение. I. Съществителни имена. София, 1929, стр. 76.

⁵⁰ О них см. «Сравнительно-исторические комментарии к восточнославянскому ударению». «Вопросы славянского языкознания», кн. IV, 1955, стр. 28—29.

вероятно, под влиянием звательной формы *момче*, у этого слова особенно частой.

Ударение *пѣтък*, отличающееся от русского (устарелого в этом значении) *пятѣк*, серб. *пѣтак* (из **пѣта*к), словен. *pętek* (из **pęte*к), надо думать, получено этим словом от предшествующего в ассоциативном ряде *четвѣртѣк* 'четверг'.

По отношению к *пѣсък*, отклоняющемуся от показаний других славянских языков: русск. *песѣк*, род. п. *песка* (*пескѣ*), серб. *пѣсак* (из **пѣса*к), род. п. *пѣска*, и под., наиболее правдоподобна догадка о возможном влиянии благодаря деморфологизации слова — нескольких возможных слов на -ск-, вторично (непервоначально) получивших перед конечным согласным вставной -ъ-: *блѣсък*, *трѣсък* и под.

§ 40. Потомки имен существительных с бывшим редуцированным гласным формальной части слова, хотя бы и непроизводительной, предшествующим плавному согласному, и с конечным ударением, обыкновенно сохраняют ударение на последнем слоге слова: русск. *орѣл*: *орла*: болг. *орѣл*; русск. *козѣл*: *козла*: болг. *козѣл*; русск. *котѣл*: *котла*: болг. *котѣл*.

Обращают поэтому на себя внимание „отклонения“ вроде *ѣгл* 'угол': русск. *угол*, род. п. *угла* и т. д.; *вѣзел* 'узел': русск. *узел*, род. п. *узла* и т. д.; *бѣбър* (*бѣбър*): русск. *бѣбѣр* (*бѣбѣр*), род. п. *бѣбѣра* и т. д., и под.

Для *ѣгл*, принимая во внимание серб. *ѣгал*, словен. *ęgel*, род. п. *ęgla*, нужно предположить, по-видимому, изначальность такого именно места ударения и, наоборот, вторичность русского (из местн. п. ед. ч. — в *углѣ*?).

Мнимое исключение представляет, по-видимому, и слово *вѣзел* 'узел': нынешнее русск. *узел* с конечным ударением родительного падежа единственного числа и далее: *узла*. Русское конечное ударение последних форм, по-видимому, вторично. Это ясно из сербского *ѣзао*, род. п. *ѣзла*, диал. русск. (например, тотемского) *ѣзла*, русского ударения еще начала XIX в.: «И клятвою отца, как *ѣзлом* неразрывным, Привязан ты к земле, к страданьям непрерывным» (Озеро в Эдип в Афинах, 1804 г.); «Ты, царь, с народами священным *ѣзлом* связан» (Озеров. Фингал, 1805 г.), при употреблявшемся тогда и нынешнем⁵¹.

Значительные трудности связаны с объяснением ударения, как и огласовок, болгарских соответствий русскому слову *бѣбѣр*: род. п. *бѣбѣра* и т. д., *бѣбѣр* и под. Слово требует детального обследования его принадлежности и употребительности на болгарской почве. Спорны относящиеся к нему отдельные моменты (ср. хотя бы начальное *д* в сербском — *дѣбар* и в русск. диал. *дѣбѣр*).

§ 41. Есть в болгарском языке и некоторое количество имен существительных мужского рода с относительно легко выделяющимся, но непроизводительным суффиксальным элементом -ел, у которых ударение падает на материальную часть слова. Это слова вроде *мѣрзел* 'лень'; *щѣрбел* 'засурина'; *щѣрбина*; *щѣркел* 'аист'; *ѣрел* (ср. *ѣрельо* 'человек с гноящимися глазами'; *ѣрла* 'женщина с гноящимися глазами'). Суффикс -ел- у таких образований, вероятно, восходит к бывшему -ъл-. Вероятно, уже по образцу таких слов — *бѣкел* (*бѣкъл*) — ср. *бѣклица* 'фляга для вина', 'бутылочная тыква; баклага'.

⁵¹ Затруднения представляют только словенские формы *vęzel*, род. п. *vęzla* из **vęze*l, *vęzla* и т. д. с неясным с исторической точки зрения открытым о вместо ожидаемого о.

В том же роде еще менее многочисленные образования на *-er-*, почти сплошь деморфологизировавшиеся: *гѣщер* 'ящерица' (образование — уже древнейшее славянское); *гѣзер* 'ягодица; тупой конец языка', с возможным, впрочем, параллельным ударением — *гѣзѣр* (ср. *гѣз* 'зад' — словарь Берншт).

§ 42. У ряда суффиксов женского склонения, имеющих в первой своей части гласный звук, ударение падает на этот гласный — *ин-я*: *просекѣня* 'просящая, нищая'; *простакѣня* 'простачка', *рускѣня* 'русская', *срѣбкѣня* 'сербка', *немкѣня* 'немка'; *лѣжкѣня* 'лгунья', *сиромахѣня* 'бедная женщина; беднячка'. У имеющих гласный звук с согласным, за которым исторически выпал редуцированный гласный, — на предпоследний слог слова: *-алн(я)*, *-илн(я)*, *-арня(-ярня)*: *чакалня* 'ожидальная комната', *читалня* и под.

Суффикс, вероятно, относительно позднего происхождения *-ойк(а)* (суффикс очень ограниченного употребления) подударен на своем гласном: *немцойка*, *французойка*.

§ 43. Ударение суффиксов женского склонения на *а* в болгарском языке принципиально то же, что и в других славянских языках, сохранивших древнейшую систему ударения⁵². В болгарском только дальше, например сравнительно с сербским, пошел процесс унификации в сторону исконного ударения именительного падежа у суффиксов, сопровождавшихся в этом падеже ударением гласных флексии: *-ина* (в значении абстрагированного признака), *-ота*: *добринá*, *светлинá*, *топлинá*, *добротá*, *мекотá*, *смехотá*, что, впрочем, характерно и для русского языка.

Что касается распределения ударения суффиксов этого склонения по отдельным словам, то по этому поводу достаточно будет только несколько замечаний.

-ина. Сравнительно с русским языком обращают на себя внимание: *родѣна* 'родина'. Болгарское ударение, если слово это на болгарской почве исконно, по-видимому, старше русского, так как из **rodina* ожидалось бы именно **rodina*.

Нужно заметить, впрочем, что различие местом ударения при суффиксе *-ин(а)* значений абстрактных и конкретных не является проведенным в языке до конца с полной логической последовательностью. Из фонда слов древнейшего славянского языка накоренное ударение сохраняет до сих пор абстрактное *ѣстина* (ср. серб. *ѣстина*, словен. *istina* и т. д.). Слово *равнинá*, первоначально обозначавшее, вероятно, ровность, теперь с этим ударением употребляется в значении конкретного понятия «равнина». Подобное же случилось, по-видимому, со словом *планинá* (серб. *планина*: вин. п. ед. ч. *плáнину* 'лесистая гора') — теперь только 'гора' (ср. укр. *полонѣна* 'горная равнина; пастбище на вершине горы'). Чисто конкретное слово *седл-ов-инá* 'седло (горное)', углубление в горе' звучит с конечным ударением.

Конкретное областное слово *слáтина* — '1. Источник с медленно вытекающей из него водой; 2. Низкое место, куда стекает окрестная вода' (ср. серб. *слáтина* 'источник соленой воды', словен. *sláтина* то же), как видим, сохраняет старинное ударение на корневом гласном.

§ 44. Образования с суффиксом *-от(а)* имеют, как правило, конечное ударение без различия оттенков значения: *добротá*, *висотá*, *лекотá*, *мекотá*, *красотá*, *тѣлотá*.

⁵² Замечания об их отношениях к древнейшей системе см. в моей статье «Очерки восточнославянского ударения». «Филол. збірник», № 8. Киевский ун-т, 1954, стр. 41.

Ударение отстывает от общего правила только в словах *rábomá* и *síromá* 'бедная несчастная женщина'. В сравнительно-историческом плане с болг. *rábomá* совпадает, однако, словен. *rabôta* из **râbomá*. Вероятно, в обоих языках место ударения именительного падежа единственного числа заимствовано из винительного⁵³.

Ударение усложненного новым элементом того же суффикса *-омія*, с помощью которого «образуются существительные с оттенком отрицательного эмоционального отношения к данному понятию» (Л. Андрейчин), всегда падает на гласный предпоследнего слога: *беднотія*; *грозотія* 'безобразие, уродливость'; *мърсотія* 'грязь, нечистота', *простотія*.

Восточнославянскому ударению—русск. *сиротá*, укр. *сиротá*, белор. *сіротá* — не соответствует болг. *сіромá*. В сравнительно-историческом отношении факты понятны: восточнославянские языки сохраняют старое ударение именительного падежа из **sírotâ* > **sírótá*, а болгарский перенес в этот падеж ударение винительного падежа единственного числа или, скорее, именительного-винительного множественного. Поучительны для характеристики исходных отношений сербские—чакавские отношения (говор Нового): *sírotâ* и *sírótá*: вин. п. ед. ч. *sírotu*: им.-вин. мн. ч. *síróte*.

Любопытны своим разнообразием и факты словенского языка: *sírôta* из **sírotá* (Плетершник). Известно литературному языку и *síróta* (из **sírotá*).

В гайтальском говоре, по-видимому, отражены уже усложненные аналогичные отношения: *sârôta* (из **sírotá*), но вин. п. *sârúto*⁵⁴.

§ 45. Образования имен существительных с суффиксом *-иц(а)*, (*-ница*), (*-овица*) в настоящее время уже далеко не вполне обнаруживают свою связь с древнейшими отношениями, когда подударность гласного в материальной части слова определялась его былой акутированностью, а подударность гласного *-и-* суффикса — переносом ударения с корневого краткостного или циркумфлектированного гласного на акутированный гласный суффикса или окситонностью слова, от которого образовалось соответствующее производное. Отношения, однако, до сих пор довольно определенно напоминают восточнославянские⁵⁵.

1. *Крáвица* : *крáва*; *жáбица* (обл.) 'вид болезни скота' : *жáба*; *мрѣжица* : *мрѣжа*; *лýспица* (ср. *лýсна*) 'чешуя; шелуха'; *гѣрлицá* : *гѣрло*;

⁵³ С. Младенов («Geschichte...», § 83) отмечает, однако, в диалектном употреблении и *работáма* (восходящее, вероятно, к *rábomá* же: **работ(á)ма*). Он же указывает на среднеболгарские ударения вроде *по вѣсотѣ*, *съ вѣсоты*, *крáсотж*, *нѣцетж*, *прáвоты*. Состав указанных слов, если он не случаен, интересен, в частности, тем, что дает повод предполагать акутированный характер корневых гласных. Можно, таким образом, допустить существование древнейших форм вроде **prâvoita*, **vûsota* и под., являвшихся фонетическими. В дальнейшем они аналогически уступили место формам на *-omá* отчасти, вероятно, искони (уже в древнейшем славянском языке) носившим такое ударение, отчасти получившим его в именительном падеже единственного числа в результате переноса с начальных циркумфлектированных и краткостных слогов на конечный. Что касается упоминаемых Младеновым форм с ударением на предпоследнем слоге — *съ вѣсоты*, *на вѣсотж*, *добрóтѣ*, то это, вероятно, результат аналогических отклонений того же рода, как и восточнославянские, отложившиеся в виде получивших семантические разветвления различий *-omá*: *-ôma*.

⁵⁴ См. «Archiv für slavische Philologie». Bd. XXVII, стр. 205. Другие справки о судьбе этого слова на словенской почве см. в статье Ф. Рамовша «Jужнослов. филолог», II, 1921, стр. 230.

⁵⁵ О последних см. в моей статье «Очерки восточнославянского ударения», стр. 43—44.

ўлица; сўлица 'метательное копьё'; палица; вѣдлица 'удочка'; желѣзница; горница; житница; ластовица, луковица, габровица 'палка, прут из граба'; габров 'грабовый'.

2. Глушица 'плевел; ухвертка' (ср. серб. *глѹх*); редица (ср. *редá*, серб. *рѣд*); гълѣбѣца (ср. *гълѣб* 'голубь' — с ассимиляцией первого гласного второму); вошеница 'восковая свеча': *вѡсѣчен* 'восковой'; воденица 'мельница': *вѡден* 'водяной'.

3. Главѣца: *главá*; водица: *водá*; сестрица: *сестрá*; мушица: *мухá*; лисица, лесѣца (ср. русск. *лиса*; о первоначальности болгарского ударения *лиса* см. ниже). Эту группу, в отношении того, что касается производных от слов с былым подвижным ударением (ср. русск. *головá*: *голову*, *водá*: *воду*), частично можно сблизить в историческом отношении со второй.

Несколько чаще, чем в русском языке, в болгарском у слов на *-ниц(а)* встречается накоренное ударение: *бѡлница*, *грѡбница*, *пѣвница*, что, по-видимому, объясняется отсутствием в болгарском языке ударения имен прилагательных типа *бѡлнѡй*, *пѣвнѡй* и ассоциированностью соответствующих существительных по ударению с *бѡлен*, *грѡбен* и под. Встречаются, конечно, и случаи колебаний вроде: *главѣница* (устар., обл.) 'капитал; деньги; имущество'.

Стойки отношения типа *вѣрзан* 'связанный; завязанный'; *вѣрзаница* 'связка, пачка; узел; вязанка'; *хѡкам* 'браню, порицаю, ворчу'; *хѡкане* 'порицание; ворчание'; *хѡканица* 'ругань, брань, выговор' и под.

4. *Изпѡлица* — имя существительное, ассоциированное по значению с *испѡлу*; *навѣлица*: *навѣла*; *класáт*: *класáтица*; *главѡбѡлица*: *главѡбѡл*.

В общем отношения при этом суффиксе, как уже замечено, близки к русским, и принципиально распределение ударения по месту в слове обязано действию тех же причин и мотивов. А именно: производные от *охутона* (так даже и от позднейших) искони, что и вполне естественно, получали ударение на *-и-* суффикса; производные от слов, подударных на материальной части слова, — ударение, соответствующее ей; у производных от односложных слов с краткостными или циркумфлексовыми гласными — ударение искони переносилось на *-и-* суффикса как на первоначально акутированный гласный; то же имело место и в отношении теперь двусложных в именительном (винительном) падеже единственного числа подударных на первом гласном, по происхождению краткостном или циркумфлексом.

Более поздние отношения установились в случаях *-авица*: *трескá-вица* 'гроза' (к **трескáва?*); *лапáвица*, *хлápáвица* 'снег с дождем; распутица' и под.

Суффикс очень производителен, он послужил к образованию многих слов в разное время и особенно тогда, когда различие интонаций было утрачено и уже не могло служить опорой для различения места ударения в слове, — поэтому очень большое число слов относительно места ударения является теперь или мотивированным новыми отношениями, или вовсе не мотивированным, и больше того, — должно ли ударение у разных из них падать на материальную часть, или же на *-и-* суффикса, относительно них утверждать нельзя. Таковы, например, *гѣрбица* 'горбик'; *гѣсѣчица* 'небольшой гусь'; *стѡлица* 'столица'; *бѡлница* 'больница' (ср. *бѡлен*).

Поучительны некоторые случаи кажущихся «разрывов». См., например, *кѣдра*, но *кѣдрица*. Как показывает русский язык, первоначально ударение слова в единственном числе падало на конечный гласный, и

производное *кѣдрица* можно, таким образом, рассматривать как верное старым отношениям.

Ср. и относительно многочисленные колебания вроде *вонѣщѣца* 'грязнуха; неряха'.

Для слова *куница* Вейганд дает ожидаемое ударение — *куница* (ср. русск. *куница* и т. д., при словен. *kunica* и *kúnica*); Бернштейн, однако, — *кунѣца*. Новейшие изданные в Болгарии словари — «Тълк. речник» и Академический — этого слова вовсе не дают, и это заставляет отнести его вообще к сомнительным.

Из других расхождений полезно еще указать, например, на *граница*, совпадающее по месту ударения со словенским, но расходящееся, кроме русского (*граница*), и с серб. *граница* из **граница*, и на *гъсеница*, *въсеница*: русск. *гусеница*, укр. *гусениця*. Дело, однако, при сличении с другими славянскими языками выглядит так, что болгарское ударение старше русского и украинского; ср. словац. *húsenica*, чешск. *housesnice*, польск. *wsienica*, *gąsienica* с рефлексами долготы в первом слоге, что в сравнительно-историческом отношении указывает на былую подударность гласного *-e-*. На то же место ударения указывают и словен. *gosēnica*, *vosēnica*, серб. *гусјеница*, но с существенным различием в природе гласного перед *-en-*: в этих языках *-e-* *gesp.* *-je-* явно восходят не к *e*, а к былому *ě*.

В значении, главным образом, лиц слова на *-ица* по месту ударения тесно связаны с существующими именами существительными ни *-ик* и *-ец*:

1. *годеник* 'жених': *оденица* 'невеста'; но и: *просеник* 'хлеб из просяной муки': *просеница* 'просяная солома';

2. *грѣшник*: *грѣшница*; *срѣдник*: *срѣдница*; *годѣжник* 'сват': *годѣжница* 'сваха'; *наставник*: *наставница*.

Там, где существуют параллельные образования мужского рода на *-ец*, образования женского рода на *-ица* по своему ударению тесно ассоциируются с ними: *хубавѣц* 'красавец': *хубавица* 'красавица'; *мрътвѣц* 'мертвец': *мрътвица* 'бесплодная почва; стоячая вода'.

Ср. и *гѣрец* 'болтун': *гѣрица* и *гѣрица* 'болтунья'.

Случаи, где упомянутого параллелизма не наблюдается, очень редки, может быть, единичны: *юнец* 'бычок': *юница* 'телка' (словарь Берншт.). Обычное отношение, однако, несомненно, в языке существует и при этих словах; ср. *юница* 'млада, още не телила се крава, телица' («Тълк. речник»). Только такое ударение и в словаре Н. Герова; может быть, оно даже составляет правило.

В отличие от сербского языка, в болгарском, по крайней мере литературном, нет примеров давней подударности конечного гласного суффикса *-иц(а)* даже у отвлеченных.

Двойное ударение слова *сѣрвѣица* 'срубленное неотесанное дерево; дубина; палка', вероятно, в первом варианте связано с былым **сѣров* (ср. серб. *сѣров*); во втором — вызвано аналогией к производным от двусложных прилагательных с ударением на первом слоге.

Иногда встречаются случаи несоответствий — вроде *ледник* 'ледник': *ледница* 'ледник'.

Образования с многосложными основами обычно имеют ударение на материальной части слова: *послѣвица*.

Но в некоторых случаях, где связь производного слова на *-ица* с префиксальной основой не является тесной, возможно ударение и на гласном *-и-* суффикса; например: *повѣд*, *повѣт* 'побег, росток': *повѣица* 'повилика'.

§ 45. Образования с суффиксом *-б(а)* из *-ьб(а)* еще отчасти обнаруживают свою связь с давним действием закона Фортунатова — де Соссюра: *жálба, свáтба* — без переноса ударения на конечном *а* по причине акутированного (в прошлом) характера корневого гласного; но — *борбá, молбá; съдбá* при корневых гласных соответственно — кратким и циркумфлектированным; к последнему ср. русск. *сужу́* : *сúдишь*.

В сравнительно-историческом отношении нуждаются в объяснении *дрúжба, слúжба, прóсба*. *Прóсба*, однако, только воспроизводит русское ударение соответствующего слова (см. «Тълк. речник», стр. 694).

Ударение слов *дрúжба* и *слúжба* соответствует русскому, сербскому и косвенным показаниям чешского и словацкого языков и, вероятно, восходит к большой древности, но с точки зрения сравнительно-исторической представляется непервоначальным: в соответствии интонации (циркумфлексовой) корневых гласных ожидался бы, по закону Фортунатова — де Соссюра, перенос его на конечное акутированное *а*. Надо думать поэтому, что уже в отдаленное время в обоих этих словах закрепилось корневое ударение винительного падежа единственного числа. Вероятно, уже на самой болгарской почве возникли в духе старинных отношений, например, *гáлба* 'ласка; баловство' — к *гáля* 'нежу; ласкаю; балую'; *стрúжба* — к *стрижа́*; *éжба* 'распря, вражда, ссора' — к *éжа се* 'топорщиться, становиться дыбом'. *Кра́жба*, как ясно из *ж*, образовано от существительного *кра́жда* или русского *кра́жа* и усвоило его место ударения.

Делбá, вероятно, воспроизводит ударение глагола *деля́*. Это же правдоподобно для *веселбá* : *веселя́*. Литературное ударение *стрелбá* имеет соответствие себе в русск. *стрельбá*, но, скорее, из русского же и усвоено (ср. *стрѣлба* у Герова).

Ударение на корне естественно получают производные типа *нарédба, излóжба*.

Закономерно ударение на гласном *-и-* суффикса имеют образования на *-итба*: *берítба, вѣршúтба, женítба, косúтба, ловítба*.

§ 46а. На предпоследний слог слова ударение падает у образований женского рода на *-л(а)* в положении за предшествующим согласным звуком (эти образования соотносительны с мужскими на *-льо*): *крдáла* 'воровка'; *зяплá* 'ротозейка'; *грѣблá* 'горбунья'; *страхопѣзлá* (разг.) 'жалкая трусиха' и под. Далее, как и в других славянских языках, у многочисленных слов на *-к(а)*: *рúбка, теменúжка* 'фиалка' (ср. *теменúга*), *целúвка* 'поцелуй', *снúмка* 'снимок'; *почúвка* 'отдых', включая и образования от соответствующих суффиксов мужского рода: *артúстка, солистка, цигуларка* 'скрипачка'.

§ 47. Среди других славянских языков, в которых ударяемость конечного гласного в образованиях с суффиксом *-к(а)* выступает очень редко⁵⁶, болгарский язык обращает на себя внимание относительной частотой такого места ударения. Сюда относятся, например, слова *речкá* (при *рѣчка*), — Н. Геров, *стрелкá* 'стрелка часов; железнодорожная стрелка'; *зеленинкá*, уменьш. от *зеленина́*; *живинкá* — уменьш. от *живина́* 'животное'.

Все они представляют образования от соответствующих *охутопа* на *-а*. Ср. и *пришълкá* — образование женского рода к *пришълéу*,

⁵⁶ См. укр. *дочкá, мошкá* — собир. 'мошки' (оба слова — с корневым гласным, по происхождению редуцированным ъ); *мазкá* 'кровь' (от женского рода прилагательного?). Примеры Кодова из русского и сербского языков, стр. 75, вероятно, попали к нему из ненадежных источников.

соотносительное в конечном счете с подударной на окончании формой прошедшего времени единственного числа женского рода.

§ 48. Единичные слова женского рода со значением лиц, некогда принадлежавшие к типу склонения на *-ы* : *-ов* и вошедшие теперь в русский язык в склонение типа на *-овъ*, теперь в болгарском языке выступают с окончанием *-ъва* за согласным и носят ударение на *-ъ*-суффикса: *свекръва* 'свекровь', *етърва*, *ятърва* 'устар. ятровь; золовка, невестка'. Иначе *любов* — русск. *любовь* (ст.-сл. *любви*); *църква*, *чърква* 'церковь' — русск. *църковь*.

Вероятно, в первой группе первоначально в отдельных падежах было разное место ударения; ср. серб.-чакав. (Новый) *svekrva* : вин. п. ед. ч. *svekrvi* (**sve'kry*, **svekr'vъ*), *jetrva*, *jetrvi* (серб.-штокав., литер. *jêtrva*); от *svekrva* в Новом редко дательный падеж единственного числа имеет накоренное ударение — *svêkrovi*.

Любов, как и русск. *любовь*, первоначально имевшее корневой слог с циркумфлектированным гласным, получило свое ударение тоже из винительного падежа единственного числа. Ср., однако, *лѡква* 'лужа' (серб.-чакав., Новый, *lôkva*), *смѡква* (Новый — *smôkva*) с рефлексом в корне краткостного гласного. *Църква* осталось с накоренным ударением спорного происхождения (серб.-чакав., в Новом с рефлексом новоаккутовой интонации — *crikva*).

Для *тѡква* (Новый — *tikva*) нет вопроса, поскольку корневой гласный по происхождению акутовый (*-ы*).

§ 49. Образования с суффиксом *-н(я)* в значении действий (реже — их результатов), обыкновенно сопровождающихся чувством чего-то надоедливого, утомительного и под., и в болгарском языке, как и в других славянских, носят ударение на конечном гласном: *щетня* 'домашняя работа; домашние хлопоты'; разг. *псувня* (обычно во мн. ч.) 'ругань, брань'; *ругатня* (обычно во мн. ч.), — русизм; *свирня* 'игра на музыкальном инструменте'; *попрѣжня* 'ругательство; оскорбление; обида'.

§ 50. Некоторые собирательные на *-я* и *-ия* (с пренебрежительным значением, независимо от места ударения основного слова, чаще всего подударного на материальной части), получили конечное ударение: *глистия* 'глисты' (ед. ч. — *глист*), *циганя*, *турча*, *бълмаря*⁵⁷. Окончание *я* — вероятно, контаминация рефлекса старого собирательного *-ѣа* и *-је* (*-ѣе*) с обобщением из случаев с конечным ударением (ср. русск. *князьѣ*, *зятьѣ*, *шурьѣ* и под.).

§ 51. Отглагольные имена существительные среднего рода типа *игране*, *писане*, *питане* 'вопрос', *прилагане*, *ходене*, восходящие по своей основе к причастиям прошедшего времени страдательного залога, получили в болгарском языке ударение, совпадающее теперь обычно с ударением настоящего времени изъявительного наклонения; ср. *играя*, *пиша*, *питам*, *прилагам*, *ходя*.

Со сравнительно-исторической точки зрения ударение *писане*, *питане* представляет, однако, собою подновление ударений древнейшего типа **pisa'nъje*, **pyta'nъje* — по соответственным причастиям **pytanъ*, **pytana* и т. д.; **pisанъ*, **pisана* и т. д.

Тип *игране* формально не отличается от исходного **igrā'nъje*, вероятно, поддержанного в отдельных случаях на болгарской почве ударением настоящего времени изъявительного наклонения (ожидалось бы

⁵⁷ L. Miletič. Das Ostbulgarische, стр. 49.

**йране*). Что связь в этом отношении не была прямой, ясно, например, из отношений *копане* 'копание' при *копая*.

Ведущим остался тип с оттянутым ударением старых причастий страдательного залога, внешне в отношении ударения совпавший с формами настоящего времени изъявительного наклонения.

Образования на *-ние*, обозначающие действия, реже — результаты действий, «ведут свое происхождение от староболгарского языка и перешли в современный литературный язык через посредство церковнославянского и русского языков»⁵⁸. Этим вполне объясняется их обычное сходство по ударению с соответствующими русскими образованиями: *наводнение*, *нападение*, *наказание* и *под*.

§ 52. Образования с суффиксом *-ище(e)*, когда им принадлежит значение (значения), так или иначе связанное с местностью, обычно имеют ударение на материальной части слова: *зэмище*, *зэмлище* 'поля, принадлежащие какому-либо селу'; *гумнище* 'гумно'; *сэлище* 'селение'; *бранище* 'заповедный лес'. Ср. и книжное *поприще* (русское *поприще*).

Суффикс по происхождению, вероятно, *—*īst(e)*, с циркумфлектированным *i*. Есть, однако, довольно много отступлений от общей тенденции: *гнездище* 'логовище; берлога' (с ударением из *гнездо?*); *летнище* 'аэродром, летное поле'; *огнище* 'место, где был костер'; *попелище* и др.; *кладнище* 'место отдыха скота в полдень'; *хорище* 'открытая танцевальная площадка' (ср. *хорó* 'болгарский национальный танец'); *игрище* 'место для игр' (ср. *игра́*).

Отчасти это слова, отразившие ударение основных; отчасти — получившие свое ударение в результате утраты былого различия значений.

Образования со сложным суффиксом *-овище* имеют обыкновенно ударение на *-о-*: *летовище* 'летняя стоянка; летнее пастбище и др.', *логовище*, *летовище*.

У образований с *-ище(e)*, обозначающих увеличительность, можно подозревать исходную акутированность *-и-*. Поэтому при *күпище* 'навозная куча' (ср. *күпът*; серб. *күп* 'собрание') с перенесенным ударением — *носище*, *мэжище* (ср. *мэжът*, *мэжа́*, серб. *мүж*).

§ 53. Ударение как правило падает на предпоследний слог слова у образований на *-ало*, *-ило*; обычно со значением орудия действия: *тэпкало* (народн.) 'дэрво с дебел край за тэкане брашно в чувал'; *духало* 'поддувало; мехи'; *бутало* 'поршень'; *смукало* 'насос; соска'; *стэпало* 'ступенька, подножка; ступня ноги'; *стрэало* 'скребок'; *одеяло*; *бэило*, *чернило*; *бодило* 'колющий предмет'; *бесило* 'виселица'.

Исключения очень редки. Характерно — *тэркало* 'колесо', ассоциированное с глаголами *тэркалям* 'качу', *тэрколя́* 'прокачу' и, вероятно, в отношении ударения отразившее влияние слово *колелó*. С другой стороны, правдоподобно, что последнее, когда оно еще звучало **колесó*, само подверглось влиянию параллельного по значению **тэркало*. *Правило* (не со значением орудия!), — вероятно, русизм.

Тип с ударением на предпоследнем слоге возник, вероятно, уже в древнейшем славянском языке как отражение ударения многочисленных инфинитивов с таким местом ударения. Судя по русск. *правило*, слова, производные от инфинитивов с ударением корня, это ударение первоначально сохраняли.

§ 54. Суффикс *-ище(e)* из *-ище(e)* получает ударение на флективной своей части у слов, производных от соответствующих охутона: *перце́*: *перó*;

⁵⁸ Л. Андрейчин. Указ. соч. § 124, стр. 71.

стѣхлъцѣ: *стѣхлѣ*; *брашѣнцѣ*: *брашно* 'мука'; *сребръцѣ*: *сребро*; *седлъцѣ*: *седло*; *ребръцѣ*: *ребро*; *платѣнцѣ*: *платно*; *длетѣцѣ*: *длето*; *колелцѣ*: *колело* 'колесо'.

Давняя общеславянская тенденция снабжать краткостные и циркумфлексированные корни (в отличие от акутированных) подударным суффиксом *-ъсе* в общем отражена и в болгарском языке: *небуце* (серб. *небо*, словен. *nebo*), *сенце* (серб. *сѣно*, *сијено*, словен. *seno*), *езерце*: *езеро*.

У слова *сърдце* (из древнейшего славянского **sr̥dъse* конечное ударение, которого в древнейшую эпоху не было) ср. русск. *сѣрдце*, серб. *срце*, — из членной формы слова (в последней — с болгарским фонетическим переносом ударения с циркумфлексированного слога.

Употребление подударного *-це* на болгарской почве, кажется, обнаруживает некоторую тенденцию распространяться и на случаи, выходящие за пределы указанных положений: *говедце* (словарь Берншт.) — к *говѣдо*; ср. закономерное старое *говѣдце* (Акад. речник), *масълце*: *масло*: серб. *масло*.

Односложные в прошлом акутированные корни выступают, однако, обыкновенно в соответствующих образованиях с ударением на них: *житце*, *ралице*, *салице*, *шилце*, *масълце* и под.

На прежнее конечное место ударения слов среднего рода типа *о-* основ иногда указывает нынешнее конечное ударение образований от них на *-це*: *винце* (ср. простое *вино*): русск. *вино*; *млекце* (ср. простое *мляко*): русск. *молоко*; *селце* (ср. простое *село*): русск. *село*; *челце* (ср. простое *цѣло* и *чело*): русск. *чело*.

Более ново у таких образований накоренное ударение — *винце*, соответствующее возобладавшему ударению простых (непроизводных) слов: *вино*; к *дѣно*, кажется, только *дѣнце*.

У сложного суффикса *-енц(е)* — ударение на его первой части: *гнездѣнце* 'гнездышко'; *листенце* 'листочек'. Так же при образованиях (с пренебрежительным оттенком) на *-ленце*, восходящих к именам существительным на *-ле*: *братленце*, *градленце* и под.

Образования на *-ченце* обыкновенно несут ударение на корневой части слова: *братченце*, *волченце*, *дворченце*, *камъченце*, *хлѣбченце*; но *краченце* от *краче*, т. е. *краче-нце*, естественно, имеет ударение на *-е* перед *-нце*⁵⁹.

В немногих словах, усвоивших вместо *-це* суффикс *-ице*, находим конечное ударение, если соответствующее слово — производное от болгарского *oxytonon*: *личице* 'личико': *лице*; *сръдчице* (и с ударением на корне), — Герув: *сръдце*.

§ 55. Судьба потомков былых *et-* основ в болгарском языке такова: старые, унаследованные уже от древнейшего славянского языка слова, а также слова вообще старинного, хотя и не столь давнего происхождения распределяются по двум основным группам.

1. Одна из них с былой акутовой интонацией корневого гласного, естественно, удерживает ударение на корне: *агне*, *ягне* (мн. ч. *агнета*, *ягнета*), серб. *јагње*, род. п. *јагњета*; *яре* 'козленок', серб. *јаре*, род. п. *јарета*; *пйле* 'цыпленок; птенец', серб. *пйле* 'молодой петух', род. п. *пйлета*; *куче* (мн. ч. *кучета*) 'собака', серб. *куче*, род. п. *кучета* 'собачка' и под.

2. Вторая, исторически восходящая в большинстве случаев к формам, имевшим в «дославянский» период подударный гласный корня краткостный

⁵⁹ Что касается нынешнего членения элементов этого образования, см., впрочем, Л. Андрейчин. Указ. соч., § 128, стр. 74—75.

или циркумфлексовый (нисходящедолгий)⁶⁰, — с ударением на примете основы, т. е. в единственном числе на окончании: *телé*, серб.-чакав. *telè* (литер. *тэле* из **теле*); *прасé* 'поросенок; свинья', серб. *prâse*: им.-вин. п. мн. ч. *prâseta*; *жребé*, серб.-чакав. *ždrìbe*: *ždrìbeta* и под.

Исходные, древнейшие славянские отношения к парадигме, естественно, открывали путь для интенсивного действия индукции — выравниваний в ту и другую сторону. Так, соответствующие образования выступают в словенском в виде *tele* (из *telè*: *telèta*; *prasè*: *prasèta*, Плетершник) и *prasê* (из **prâse*), *prasêta* (из **prâseta*, Валявец, Rad Jugoslav. akad., 132, стр. 198); *žrebè*: *žrebèta* (Плетершник) и *žrebê* (из **žrêbe*, Шкрабец; ср. и Валявец, Rad, 132, стр. 198). В украинском языке, так же как в болгарском, — с конечным ударением: *теля́*, *порося́*, устар. *жереб'я́* (соответственно в косвенных падежах единственного числа и во множественном — на гласном основы).

Если искони, что вполне вероятно, существовал и третий тип ударения данной парадигмы — с ударением приметы ее во всех формах, то он, конечно, не мог не внести и своего влияния в тенденцию к выравниванию в последнем направлении у потомков второго типа. Для некоторых случаев нужно констатировать, однако, что отклонения индукции в парадигме древних *et*-основ иногда не соответствуют ожидаемому. В известный (вернее, неизвестный) период жизни болгарского языка прежде различие интонаций оказалось утраченным, и в результате этого языковое чутье лишилось опоры и для различения в данной парадигме места ударения не по одной только памяти. Не ожидалось бы, например, ударение *коте́* 'котенок' (ср. древнейшее славянское ударение основного слова — **kotъ*). *Котé*, действительно, существует, но только в областном употреблении («Тълк. речник»; Акад. речник дает без специальной ремарки оба ударения).

§ 56. Образования с суффиксом *-ств(о)* при односложном корне (основе) имеют, как и в русском языке, обыкновенно накоренное ударение: *брáтство*, *ра́бство*, *бу́йство* и под. Так — даже заимствованное из русского языка, где *родствó*, слово *рóдство*.

В словах с двусложной или многосложной основой обыкновенно сохраняется место ударения слова, от которого произведено данное: *богáтство*, *лука́вство*, *мнози́нство* (ср. *мнози́на*), *ма́йчинство* (*ма́йчин*); *дивáчество*. Но есть некоторое, относительно небольшое количество образований с двусложными основами, имеющих ударение на конечном гласном слова: *голéмство* 'высокое положение в обществе; высокомерие'; *естествó*; *празнeствó* и др. (ср. русск. *естество*, в начале XIX в. — *празднество*).

Специально надо отметить отношения вроде *мóмин*: *моми́нство* 'девственность': *мóмин* 'девичий': *момá* 'девушка'. В словаре Н. Герова, впрочем, *моми́нство*. Ударение на гласном *-и-* в *моми́нство* могло быть получено и от прилагательного *моми́нски* 'девичий; девственный'.

Слово *духовéнство*, в отличие от соответствующего русского *духовéнство*, в отношении ударения прямо ассоциировано с прилагательным *духовéн*.

Слова на *-еств(о)* с односложной основой в общем склонны к конечному ударению: *божeствó*, *тържeствó*, *мъжeствó*. В ряде случаев

⁶⁰ По-видимому, в древнейшем славянском языке в этом типе, по закону Фортунатова — де Соссюра, ударение в именительном-винительном падеже единственного числа оставалось на корне (-*р* окончания имело циркумфлексовый характер), а в других формах парадигмы переносилось на акутированное -*р*- середины слога.

в литературной практике и говорах наблюдаются колебания. Так, при *кѹмство* (Акад. речник) Кодов (стр. 79) отмечает только *кумствѹ*; «Тълк. речник» дает *кѹмствѹ*; при обычном *рѹбство* известно и *робствѹ* (Кодов, стр. 79); ср. русск. *рабство* и (в XVIII в.) *рабствѹ*. Мотивированными с точки зрения древнейших акцентологических отношений те или другие случаи нынешнего употребления считать, по-видимому, нельзя. Новая тенденция отражена в различении *госпѹдство* (видимо, из *го-сплѹдство > *госпѹдство* перед выпавшим редуцированным гласным): *госпѹдствѹ ти*, *госпѹдствѹ му*: энклиза соответствующих кратких форм личных местоимений способствовала отбору из обращавшихся в языке вариантов ударения — варианта с конечным ударением.

§ 57. Маленькую, но характерную группу имен существительных представляют по своему ударению образования среднего рода на -лѹ в положении за согласным звуком корня: *греблѹ* 'весло; грабли'; *леглѹ* 'постель'; *теглѹ* 'вес'; *облеклѹ* 'одежда'; 'костюм'; *потеклѹ* 'происхождение'.

Но ср. диал. *порѣкло* 'прозвище; родовое, фамильное имя', при устар. литер. *пореклѹ* 'происхождение'. Вероятно, тип с конечным ударением отразил в первую очередь влияние сходных форм единственного числа среднего рода прошедшего времени.

§ 58. Ударение падает на гласный суффикса -ле уменьшительного или уничижительного значения: *братлѹ*; *градлѹ* 'городишка'; *книжлѹ* — 'книжонка'⁶¹. Слова отчасти — мужского, отчасти — среднего рода.

§ 59. Ударение падает на гласный суффикса -м(о) у слов, где он чувствуется как самостоятельный суффикс: *писмѹ*; *везмѹ* 'вышивка'. Но, например, в слове *пасмо* — *пѹсмо* 'моток пряжи' ударение на корне (см. «Тълк. речник»), хотя известен и вариант *пасмѹ* (так в словарях Вейганда, Берншт.).

У префиксального существительного *повесмо* 'кудель; очески' преобладает ударение на окончании (в словаре Берншт. такое, но и *повѣсмо*); «Тълк. речник» дает *повѣсмѹ*, но *повѣсмо*.

Ударение сложений

§ 60. Ударение болгарских сложных имен существительных (*composita*) в сравнительно-историческом отношении малопримечательно. Слов этого рода народного происхождения в болгарском языке мало (*гроздобѣр* 'собирающие винограда'; *тѣрнокол* 'заступ' и под.), и имеющиеся сводятся к немногим типам, в основном совпадающим с русскими, а не с более разнообразными сербскими. Как и в русском, ударение в слѹжениях падает обычно на вторую часть слова: *листо-пѹд*, *далеко-глѣд*, *самолѣт*, *ветрогон*, *пешехѹд*, *лесовѹд*, *мореплѹвание*, *земледѣлие*, причем, поскольку в болгарском языке по известной причине (утрате мягкости конечных согласных) фактически утратилось отличие бывших ѹ-основ от о-основ, тип с ударением второго члена распространился и за счет таких ударяемых в русском языке на первом члене слов, как *рѹкопись*, *машинѹпись*, — болг. *бѣрзѹпис*, *машинѹпис*, *скоропис* (русск. *скѹрописѹ*).

Ударение первой части слова болгарский язык сохранил в относительно значительном числе случаев в общем у архаического типа,

⁶¹ *Книжлѹ* в словаре С. Б. Бернштейна, стр. 862, по-видимому, опечатка: см. *книжлѹ* — на стр. 325; только такое ударение и в Акад. речнике. Впрочем, там же, где стоит пример *книжлѹ*, напечатано и -лѣ(-ле), т. е. учитывается возможность подударности окончания соответствующих образований.

сделавшегося продуктивным, с первой частью — по происхождению формой повелительного наклонения 2-го лица единственного числа: *развэй-прах* 'мот, расточитель'.

Слово *лайкучка* 'Matricaria, ромашка' с таким ударением дает «Тълк. речник» 1955 г. (по словарям Герова и Берншт. на второй части — *лайкучка*).

Впрочем, особенно в случаях, когда вторая часть слова двусложна и более, сильна тенденция сохранять за ней самостоятельное ударение; ср. разг. *развэй-пьява* и *развей-пьява* 'легкомысленный человек; болтун, болтунья'; *лапни-муха* 'ротозей, дурень' (собственно — „глотни муху“); *лапни-шаран* — то же (собственно — 'глотни карпа'); *нехранимайко*, *нехранимайка* 'бездельник' («Тълк. речник»); *нехранимайко* 'негодяй; прохвост' (Берншт.); *нехранимайко* (Андрейчин), — собственно «не кормящий матери»; *варй-клэчка* 'скряга' («вари палку»), *варйклекчо* — Акад. речник; с ударением на *e* — «Тълк. речник» и словарь Берншт.⁶²

Ударение первой части сложения свойственно болгарскому языку также в случаях, где эта первая часть представляет собою имя прилагательное — определение к имени существительному, составляющему вторую часть: *Бял-град*, *Иванов-ден*, *Петров-ден*.

Ударение обеих частей сложения естественно у образований типов *педя-човек* 'человек очень маленького роста', *маймуно-човек* 'человек-обезьяна', *железо-бетон* (железо-бетон)⁶³, *англо-саксонец*; *северо-изток*, *юго-запад*.

Никаких специальных замечаний не требуют сложения — имена прилагательные.

Как и в русском языке, в болгарском обнаруживается характерное для одного вида сложений явление: слова мужского рода на *-ец*, существующие как самостоятельные с ударением на последнем гласном, — «становясь» второй частью сложения, получают ударение на предпоследнем слоге. Примеры: *борец*: *бикоборец* («борец» быков в цирке); *ловец*: *риболловец*; *творец*: *миротворец*; *писец*: *летописец*, *живописец*; *крадец*: *конкрадец*.

По этому образцу уже далее: *бързоходец*, *знаменосец*, *женолюбец*, *себелюбец*, *тютюнопродавец* (ср. русск. *продавец*: *книгопродавец*) и под.

Нет оснований предполагать в основе этого явления какую-либо причину фонетического характера. Отношения, вероятно, возникли как позднейший результат воздействия образцов «сложений», первоначально не связанных с простыми словами.

Русские «сложения» вроде *иноходец*, *иноронец*, *черномонец* и под. не требовали для своего появления предварительного существования простых *ходец*, *родец*, *морец*, а образовывались непосредственно от *иноходь*, *Черное море* и под., а далее как тип могли уподобить себе по ударению и случаи со второй частью сложений, существовавшей самостоятельно с ударением на гласном суффикса: *творец*: *миротворец* и под.

Надо иметь в виду и то, что в подавляющем своем большинстве случаи, о которых идет речь, — книжного происхождения (церковнославянизмы или заимствования из литературного русского языка).

⁶² Надо думать, что приравнение к этому типу представляет и *Царь-град* «Царьград, Стамбул, Константинополь».

⁶³ *Железо*, а не *желязо* указывает как будто на преобладание ударения на второй части сложения.

Ударение аббревиатур

§ 61. Новейшее явление в области болгарского ударения представляет возобладавшая тенденция выделять в сложениях-аббревиатурах их первую часть: *Нáркооп* «Народна кооперация»; *Нáрмаг* «Народен магазин»; *стéнлист* «стенная газета»; *Учком* «Ученически комитет».

§ 62. Болгарский язык имеет относительно большое количество субстантивных суффиксов иноязычного происхождения, из которых некоторые даже сделались производительными. В отличие от других языков, этим суффиксам в болгарском языке принадлежит обыкновенно фиксированное ударение. Таковы суффиксы *-джия* (за глухими согласными *-чия*), обыкновенно со значением профессии, занятия лица (турецкого происхождения; употребителен только в словах, заимствованных из турецкого же языка): *чорбаджия* 'хозяин; кулак; богач'; *бостанджия* 'огородник' (ср. *бостáн* 'огород'); *калайджия* 'лудильщик; паяльщик' (ср. *калáй* 'олово'); *кебапчия* 'шашлычник' (ср. *кебáп* 'жареное мясо'); *зарзаватчия* 'зеленщик' (ср. *зарзавáт* 'зелень; свежие овощи'); *-лия* со значением жителя определенной местности (турецкого происхождения; этот суффикс устарел и в образцовом литературном языке теперь обыкновенно не употребляется⁶⁴): *сливнелия*, *видинлия* и под. Редко в других значениях, например: *кусу́р* 'недостаток' (разговор.); *кусу́рлия* 'с недостатком'.

Естественно, особое внимание русских останавливает ударение западноевропейского (греко-латинского) суффикса *-ик*, падающего на последний слог слова: *проза́ик*, *грама́тик*, *академи́к*, *техни́к*, *хими́к*. Этот суффикс и его ударение — особенность заимствованных слов со значением лиц ученых и подобных профессий.

Специальных замечаний не требуют суффиксы *-ист* (греко-лат. происхождения), *-ат* (лат.), *-ант*, *-ент* (лат.), при которых ударение всегда на их гласном: 1. *адвока́т*, *депутáт*, *ренега́т*; 2. *статисти́ст*, *авантюри́ст*, *материали́ст* и т. д.; 3. *доце́нт*, *реге́нт*, *ае́нт*, *студе́нт* и т. д. Суффикс *-ат* с таким же ударением иногда входит и в склад слов с собирательным и другими значениями: *ректорáт*, *конкорда́т*.

Фиксированное ударение на последнем слоге слова принадлежит и словам с суффиксами *-иер*, *-ьор*, заимствованными из французского языка: *пенсионе́р*, *пионе́р*; *актьо́р*, *монтьо́р*, *режисьо́р*, *суфльо́р*, *шофьо́р* и т. д. Тот и другой обозначает лиц.

Образования с латинскими по происхождению суффиксами *-ор*, *-тор* (*-атор*, *-итор*, *-утор*) выступают в подавляющем большинстве случаев с предконечным ударением слова: *профе́сор*, *тра́ктор*, *се́ктор*, *спера́тор*, *дикта́тор*, *авиа́тор*, *експеди́тор*, *екзеку́тор*.

Как и русский язык, из которого перенято значительное число слов этого типа, болгарский воспроизводит в этом отношении латинское ударение именительного падежа единственного числа. Из очень редких исключений см. *ревизи́ор* (отклонение — уже в русском языке).

Несмотря на резкое преобладание случаев с подударностью суффикса *-джия*, в языке наметилась, однако, и довольно сильная тенденция в случаях, где предшествующая часть слова дву- и многосложна и существует в самостоятельном употреблении с начальным или срединным ударением, — сохранять самостоятельное ударение этой последней и

⁶⁴ Ср. Л. Андрейчин. Указ. соч., стр. 63.

в соответствующих образованиях с суффиксом *-джия*; например: к *бўдка* (русизм) соответствующее производное слово звучит в разговорном языке *бўдкаджия* 'продавец в будке' («Тълк. речник»); *поща* 'почта'; устар. *пощаджия* 'почтовый служащий; почтальон'; *сметка* 'счет' (в разных значениях), 'выгода' и др.: разг. *сметкаджия* 'сметливый человек и др.'; *завѣра* (истор. «греческое освободительное движение 1821—1828 гг., в котором участвовало и много болгар; заговор и восстание против турецкого ига»): *завѣраджия* (истор.) 'участник заверы', и под.

Зайствованный, ставший продуктивным суффикс *-и(я)* с первоначальным абстрактным значением имеет ударение на предпоследнем слоге: *розсипи́я* 'расточительность, мотовство; гибель'; *зидари́я* 'штукатурка; строительные материалы'; *смех-ор-и́я* 'смехота; смешные вещи'.

Очень продуктивен в болгарском разговорном употреблении суффикс с собирательным и отвлеченным значением уничижительной (презрительной) окраски: *-отия*. Представляет он собою продукт соединения славянского *-от(а)* с упомянутым иноязычным *-ия*. Ударение, как и в последнем, падает на предпоследний слог слова. Ограничиваемся из многочисленных немногими примерами: *дивоти́я* 'дикость'; *мъчноти́я* 'трудность, затруднение; мука'; *тежкоти́я* [нар.] 'трудность; тягота'; *страхоти́я* 'ужас'.

Замечания об ударении отдельных слов

§ 62. Несколько акцентологических вопросов связывается с ударением слова *господ* и этимологически родственных ему. Несомненно, болгарское ударение в этом слове старше русского. Об этом определенно говорят серб. *госпѡд*, словен. *gospōd* (из **go'spod*). Нет серьезных оснований для того, чтобы русское *госпѡдь* толковать как исходную форму именительного падежа единственного числа (по закону А. А. Шахматова—А. Лескина, из **gospo'dь* фонетически должно было бы получиться **go'spodь*), а в южнославянских формах видеть по происхождению ударение звательной формы. Как бы ни толковать возникновение русского ударения (влияние *госпѡдний?*), болгарское в сравнительно-историческом отношении сомнений не вызывает: это уже древнейшее славянское ударение. Особый вопрос — ударение производного слова женского рода — русск. *госпожа́*, серб.-чакав. *gospoja* и под. (фонетически ожидалось бы **gospo'dja*), но по поводу болгарского *госпожа́* вообще вопроса о его ударении не возникает, поскольку данная форма — несомненный русизм (не *госпожда*).

Ударение областных слов *крѣмен*, *рѣмен*⁶⁵ в болгарском языке отступает от русского — *кремѣнь*, *ремѣнь*; нет, однако, основания считать его со сравнительно-исторической точки зрения более новым. С ним совпадают укр. *крѣми́нь*, *рѣми́нь*, белор. *крѣмень*, *рѣмень* и серб. *крѣмѣн*, (диал., по Караджичу, — в Лике) *рѣмѣн*.

Насколько можно судить по фактам русского и словенского языка (в последнем — *krēten*, из **krēmēn*, род. п. *krēmēna*; *rēten* из **rēmēn*, род. п. *rēmēna*), у обоих этих слов издавна ударение по своему месту, видимо, колебалось. Теоретические основания [закон об отсутствии в древнейшем славянском языке положения «серединная подударная краткость (не новоакутового типа) за краткостью же»] склоняют к мысли о фонетичности у этих слов подударности начального слова. Возможно, впрочем, что в конечном слоге былого винительного падежа единственного числа, т. е. перед былым *ь*, ударение в древнейшем славянском

⁶⁵ Ср. литер. *крѣмик*, *крѣмък*, *рѣмък*.

языке с краткостного слога на предшествующий краткостный же не переносилось. Отсюда и колебания, выравненные в парадигмах; ср. и укр. *о́лень* при ударении конечного слога в других языках.

Кораб. Слово уже древнейшее славянское, заимствованное из древнегреческого языка⁶⁶; исходное место его ударения, однако, спорно: в пользу древнейшей окситонезы говорят восточнославянские показания и, согласное с ними, чешск.-слвц. *koráb*; ударение, параллельное болгарскому, отражено серб. *кòраб*. Условие для усвоения древнейшим славянским языком двух разных ударений было уже в языке-источнике: в древнегреческом соответствующее понятие обозначалось словами *κάραβιον* и *κάραβος*.

От древнейшего сербского ударения слова *кòсијер* 'нож для срезания винограда', т. е. в прошлом **kosěrě*, отклонилось болг. *кòсер* 'кривой садовый нож'. Не исключена, однако, возможность, что это слово заимствовано из какого-либо сербского говора с позднее оттянутым штокавским ударением. По-видимому, по образцу *кòсер* образовано на болгарской почве близкое по смыслу областное слово *ножер* 'нож у плуга' с таким же местом ударения, как у первого.

Орех. Литературное ударение этого слова отстывает от ударения русск. *орéх*, являющегося и древнейшим славянским. Только такое место ударения отмечалось и в словаре Н. Герова. Ср. у него же и параллельное *орáх*, вероятно, как и серб. *òрах*, под влиянием слова *грах* 'горох'. Причина отклонения (*а*, а не *я*) не ясна.

§ 63а. Серб. *кíла* расходится с русск. (обл.) *килá*, белор. (обл.) *килá*. В украинском — оба возможных ударения. Слвц. *кула* с закономерным именно для словацкого языка сокращением былой подударной долготы и болг. *кíла* поддерживают показание сербского.

Крúпа сол 'крупца соли'. Ударение в *крúпа* обращает на себя внимание прежде всего по сравнению с русским *крупá*. С последним ударением согласуются показания серб. *крúпа* 'град' (из **крúпа*) и слвц. *krúpa* (из **krúpa*). Болгарская форма, может быть, однако, не совсем одинока среди славянских языков, хотя, вероятно, в отношении своего ударения и является вторичной (непервоначальной). Так, в украинском и белорусском языках 'крупá' называется только во множественном числе — *крúпи*, *крúпы*, и это, можно предполагать, древняя особенность слова, отразившаяся на болгарской почве передачей ударения множественного числа — единственному.

Крѣма. Нельзя решительно утверждать, что такое болгарское ударение, расходящееся с русск. *корчмá* и серб. *крѣма*, со сравнительно-исторической точки зрения новее. Если даже не придавать большого значения укр. *кòрчма* (при *корчмá*) или белор. *кòрчма* (при *карчмá*), как, может быть, отразившим польское влияние, то заслуживает внимания, что место ударения этого слова колеблется и в словенском: *krěta* (Плетершник) и *krěta* (из **krěta*), Rad Jugosl. Akad., 44, стр. 68 (ср. и Р. Брандт: *kěrěta* и *kěrěmá*)⁶⁷. Слвц. *krěta* с кратким *г* тоже не говорит в пользу исходной подударности конечного гласного.

Ударение в слове *лиса*, расходящееся с русским (*лисá*), с исторической точки зрения не первоначально. По поводу него надо принять во внимание, что в этом виде слово употребляется вообще, только

⁶⁶ К этимологии — М. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, вып. I, стр. 621—622.

⁶⁷ Р. Брандт. Указ. соч., стр. 271.

когда речь идет о лисе в баснях и сказках. Ср. и такое сочетание с отклоняющимся от старинного ударением, как *кума-лиса* 'кума лиса' (в обычном, бытовом, употреблении слову *кума* принадлежит, как и в русском и др., исконное конечное ударение).

При сохранении старого ударения *рудá* (русск. *рудá*, серб. *рúда*), в литературном болгарском языке едва ли не шире употребляется более новое — *рúда*. Судя по словацкому *guda*, приходится, впрочем, считать с возможностью, что это уже очень древний вариант места ударения.

Рассуждая теоретически, русск. *скобá*, белор. *скабá*, как имеющие ударение на -а-, в этом отношении старше болг. *скоба*, серб. *ско́ба* (и *скобла*) (словен. *skôba*, согласно М. Плетершнику, — заимствование из других славянских языков), не отразивших действия закона Фортунатова — де Соссюра. Причина этого отклонения в двух южнославянских языках мне не ясна.

Трудно с полной определенностью решить вопрос, на чьей стороне бóльшая древность — на болгарской ли² — *скýла*, или же на русской — *ску́ла*. Если положиться на свидетельство словаря украинского языка Е. Желиховского и Г. Недельского с его *скýла* 'нарыв' и под., то вопрос надо было бы решить в пользу болгарского.

Не ясно со сравнительно-исторической точки зрения болгарское ударение названия птицы *со́ва* (ср. русск. *сова́*). Но вместе с тем примечательно, что и в некоторых других славянских языках это слово не осталось относительно ударения верным старине. Так, и в сербском языке, в штокавском наречии, имеем нефонетическое *со́ва* (ср. чакав. *Novi, souã*); в словенском, при обычном *sóva*, т. е. из **sova*, отмечается также *sôva* (словарь М. Плетершника — со ссылкой на М. Валявца), останавливающее на себе внимание, кроме места ударения, еще и необычным характером о — открытостью звука под нисходяще-долгим ударением. В чешском народном употреблении и диалектно (из писателей — у Неруды) при литер. *sova* выступает *šúva* т. е. с рефлексом долготы бывшего о.

Как бы ни обстояло дело с этими фактами других языков, для болгарского, в котором для этого понятия господствует наименование *кукумяка*⁶⁸, кажется возможна догадка, что вообще слово *со́ва* в нем не свое, а занесенное со стороны — из сербизированных говоров. Характерно, что, например, старый большой словарь болгарского языка Н. Герова его не отмечает. Не вошло оно и в болгарско-немецкий словарь Г. Вейганда.

Древность, сравнительно с русским и двумя другими восточнославянскими (*струна́*), по-видимому, на стороне болг. *стру́на*. В пользу этого говорят серб. *стру́на* (отсутствующее, впрочем, у Караджича) и слов. *struna*; ср. и в самом русск. *пристру́нить*.

Нет надежных данных также для решения вопроса о сравнительной хронологии болг. *стру́я* при русск. *струя́*.

Болгарское ударение *стри́ха* со сравнительно-исторической точки зрения, вероятно, древнее русского литературного ударения *стри́ха́* (издавна, однако, в употреблении и *стри́ха*). Характерно, например, что автор «Русского этимологического словаря» А. Преображенский (II, стр. 405), много лет работавший в Москве, замечает: «...стри́ха́, сост-ль такого ударения не слышал». С болгарским ударением

⁶⁸ Впрочем, в «Тълк. речнике» о *сова* говорится: «Вечерна птица, подобна (разрядка моя. — Л. Б.) на кукумявка, но по-голяма, *Strix flammea*. . .»

совпадает серб. *střěxa* и, вероятно, показание чешского языка — *střecha* из *pod střechou* — **podъ strěchoŭ*.

Отклонился болгарский язык от старины в ударении слова *měma*; ср.: серб. *měma*, серб.-чак. *tetã*, словен. *těta* с открытым *e*, т. е. из **tetã*.

Болг. *měma*, скорее всего, получило свое ударение от более употребительного *mětka* или из обращения.

Ударение слова *xула* не совпадает с русск. *хула́*. Судя, однако, по сербскому дубровицкому *xула* и древнерусскому ударению глагола *xулити*, можно предполагать, что старше именно болгарское. Для русского — вероятно отклонение от старины под влияние антонимичного *хвала́* (ср. хотя бы в „Слове о полку Игореве“: „Уже снесся *хвала* на *хулу*“).

Болгарское ударение слова *чѣта*, как и соответствующее ему серб. *чѣта*, сравнительно с русск. *четá*, в историческом отношении не ясно. Нет сомнения в том, что русское ударение этого слова старше. Болг. *чѣта* (и серб. *чѣта*) не может быть наследием древнейшего славянского («праславянского») языка, так как с подударного *-e-*, как по происхождению краткостного гласного, ударение должно было быть перенесено на конечное *-a*, как звук, по происхождению акутированный.

Как отклонения с конечным ударением обращают на себя внимание совсем немногие. Это, во-первых, два слова — названия деревьев: *брезã* и *липá*. Созвучных слов схожего значения как будто нет, и о их влиянии на данные не приходится думать. Очень мало вероятно было бы допущение воздействия названия дерева *елхá* 'елка'⁶⁹. Предполагаю, что свою роль в этом отношении скорее могли сыграть собирательные *брезáк* и *липáк*. Надо заметить при этом, что не редкость в болгарском языке, однако, и старое ударение — *брѣза*, в литературном, впрочем, вытесненное наконечным. Известный интерес представляет как соответствие и *леірó*, но в данном случае соответствие может быть, конечно и случайным, тем более, что для *леірó* возможно объяснение на самой полабской почве.

Что касается четвертого названия дерева, возможно, — с таким же отклонением, — *смрѣкá* (Младенов. Етимол. и правопис. речник., стр. 595), то причина расхождения его ударения, в первую очередь, с укр. *смерѣка* (при *смерѣк* мужского рода) 'европейская пихта' остается совершенно неясной. В отличие от формы слова, указываемой Младеновым, «Тълк. речник» дает, например, только *смрѣ́ка* (ср., однако, в словаре Н. Герова *смрѣ́ка* и *смрѣ́ка*). Последняя огласовка, по-скольку слово значит не только «дерево *Pinus montana*», а и растение «можжевелик, вереск — *Juniperus communis*», — всего вероятнее, могла отразить влияние довольно многочисленных названий растений на *-ика*, обычно с ударением на *-и*.

Вѣрба́, при русск. *вѣрба*. Болгарское ударение, как ясно из укр. *верба́*, белор. *вярба́*, серб. *врба* (из **врба*'), словц. *vřba* (из **vřba*'), не стоит в системе славянских языков одиноко. Отступление, скорее, представляет русская форма (ударение из множественного числа?). Если положиться на словацкий вариант у Калала — *vrba* (с кратким *r*), то возможно, однако, предположение, что место ударения в этом слове колебалось уже издревле. Возможно и предположение, что отдельные языки унаследовали, частично — обобщив, разные места ударения из

⁶⁹ Другое дело — вполне отчетливое влияние слова *елхá* ('ольха') на заимствованное из русского языка слова *елка*: *новогоднишна елхá*.

исходной парадигмы подвижного типа: **ǫbrba*, **ǫbrbo*. В пользу последнего предположения говорит серб. *врба*, с винительным падежом ед. ч. *врбу* (В. Караджич, впрочем, такого изменения интонации для слова *врба* не отметил).

Литературное болг. *менá* 'първа размяна на дарове при годеж; мальк годеж' в отношении своей архаичности поддерживается свидетельством сербского языка — *мéна*, *мијéна* с далеко уклонившимся значением («Der Mondwechsel und zwar der Neumond, novilunium», Караджич). В пользу такого же ударения говорит и др.-русск. *мѣна́*.

Нынешнее русск. и белор. *мéна*, как и укр. *міна*, своим ударением обязаны, вероятно, воздействию соответствующих префиксальных образований: *замéна*, *замі́на* и под.; ср. и болг. *размѣ́на*, *замѣ́на*.

Несмотря на точное соответствие болгарскому ударению *муха́* в серб. *му́ха*, серб.-чакав. *тиһá*, нет никакого сомнения, что в обоих этих языках место ударения новое, а старину сохранили восточнославянские языки — *му́ха* (ср. и словц. *tucha* из **túcha*). Сама краткость *у* в сербском определенно свидетельствует, что предударное положение этого звука здесь в сербском не исконно. Болгарское и сербское место ударения получено словом, по-видимому, от близкого по смыслу — *бълхá*, *бўхá* (чакав. *biһá*).

С сербским языком болгарский разделяет ударение *сърна́* (серб. *срна*, серб.-чакав. *srnǎ*). Русскому *сёрна* (впрочем, вероятно, книжного происхождения: ср. *е*, а не *ё*) соответствует словц. *srna* с кратким *r*, т. е. со словачким сокращением бывшего подударного гласного. Укр. и белор. *сáрна* заимствовано из польск. *sarna*. Чем вызвано южнославянское отклонение от древнейшего славянского места ударения в этом слове, трудно сказать. Влияние *коза́*?

Болг. *треска́* 'щепка' расходится с укр. *трі́ска* и серб. *трѣска*, но по месту своего ударения точно соответствует словен. *tręská*. Есть в последнем языке, впрочем, и неясный вариант — подударность на корне, но с необычной для словенского языка в таком положении краткостью гласного [см. словарь М. Плетершника с указаниями на *tręská*; *tręska* — со ссылкой на *Svetje Škrabca*; диал. (юго-вост.) штирийск. *tręska*. Мне известно еще диал. *trjęska* (в терском говоре в северо-восточной Италии⁷⁰)]. Н. Геров в своем болгарском словаре давал для ед. ч. *трѣска́*, но для множественного — оба возможных ударения⁷¹.

Хотя, таким образом, детали и не ясны, но нет серьезных оснований нынешнее болгарское ударение этого слова считать специально болгарским отклонением. Вероятнее другое — что именно болгарский язык здесь сохранил старину, а в украинском и сербском языках возобладало, — что вполне естественно для слова с таким значением (ср. и русск. *щепка*, а не **щѣпка*, вероятно под влиянием *щепки* > *щѣпки*), — ударение множественного числа.

Болг. *тѣга́* 'тоска, печаль' сохранило древнейшее славянское ударение. Это ясно, из серб. *ту́га* (из **tūga*) — *туга меје*, серб.-чакав. *tūgá*, белор. *туга́*, словц. *túha* (из **tūha*). Наоборот, новым следует считать украинское ударение *ту́га*.

⁷⁰ См. ст. И. А. Бодуэна де Куртене в Сб. ИОРЯС, т. 78, 1904—1905, стр. 853.

⁷¹ Любопытно, что Академический словарь церковнославянского и русского языка (П., 1867) как древнерусское ударение давал в значении 'жердь, кол' — *треска́* (так и Даль). Основания мне не известны. В пользу исходного конечного ударения слова говорят и словц. *trieska* с долготой первого слога.

Крамолá: русск. устар. *крамóла*, укр. устр. *коромóли* (pluralia tantum). Краткость гласного первого слога в чешском — *kramola*, при *kramol* — мужского рода, говорит в пользу большой древности конечного ударения, т. е. за соответствие болгарскому: перед подударным срединным -о- ожидалась бы долгота. Полной уверенности в данном случае, однако, не может быть, так как слово не исконно славянское, а заимствованное из средневекового лат. *carmula*.

Лобода: русск. *лободá*. В сербском чакавском (в Новом) именительный падеж единственного числа может иметь ударение на начальном и конечном гласном; винительный — только на первом. В литературном (штокавском) сербском — *лобóда* из **лобода**. В словенском — *lobóda* и *lobóda*. В сравнительно-историческом отношении ясно только второе — из **loboda**; открытое подударное о первого и отсутствие переноса ударения с рефлекса краткостного гласного загадочны. Болгарское ударение — вероятно, как и в чакав. *lòboda*, — из винительного падежа.

Хотя наличие вариантов болгарского литературного ударения *пещерá* и *пéщера* допускает в пределах самого болгарского языка довольно легкое и вероятное объяснение из исходного отношения — им. п. ед. ч. *пещерá*: вин. *пéщерь*, — со сравнительно-исторической точки зрения вопрос об этом слове сложнее: в объяснении нуждается русское ударение *пещéра* (церковнославянизм), диал. *печéра* (*печóра*) и огласовка суффикса в польск. *pieczara*⁷². Ср. и болгарские диалектные формы: *пиштирьж*⁷³.

Свободá. Наряду с этим, теперь нормативным ударением, преимущественно в стихах поэтов старшего поколения встречается ударение такое же, как в русском языке; с последним сравни *свобóдно*, *свобóден*.

В словаре Н. Герова ударения *свободá* и *свобóда* даются как параллельные. Близкородственное *слобода* (теперь — *слободá*) Геров также дает с двумя ударениями *слободá* и *слобóда*. Сербское ударение *слобóда* (из **слобода**) соответствует болгарскому, но производное от имени существительного прилагательное *слободан* заставляет предполагать для парадигмы наличие форм, подударных на корневом слоге; ср. словен. *svobóda*, *slobóda* (из **svoboda**, **sloboda** — М. Плeтершник, при расходящихся указаниях других источников: Метелко, Мурко, Янежич; Rad, 43 и т. д.). Русское ударение слова, по видимому, не первоначально и явилось как результат приравнения к прилагательному-наречию *свобóдно*. Видеть в конечном болгарском ударении отступление от старины нет никаких оснований. Исходная парадигма, скорее всего, являлась подвижной: **svoboda**: **svo'bodǫ**.

Слэзэнка (диал. *слэзэнка* — Н. Геров) 'селезенка'; теперь в литературном языке — сокращенное *слэзка*.

В первом своем виде слово по своим ударениям соответствует вариантам: серб.-чакав. *slèzena*, словен. *slèzèna* из **slèzena* — русск. *селезэнка*, укр. *селезінка*, белор. *селязэнка*. Первое ударение, вероятно, отражает индукцию исходного ударения винительного падежа единственного числа (именительный падеж единственного числа должен был бы звучать **selezena**), второе — перенос с циркумфлектированного слога на гласный в положении перед слабым редуцированным. Серб. *слезина*,

⁷² О польском слове см., в частности, А. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, 1927, стр. 407.

⁷³ «Сборник за народни умотворения...», т. XII, стр. 175 и 176; пэштура — т. VII, стр. 158.

вторичное — с новым суффиксом, представляет, надо думать, подновление древнейшего **slezena* (из **selzena*).

Суроватка (диал. *сурвѣтка*, *сурѣватка*, *сурѣтка*): русск. *сы́воротка*, укр. *сирóватка*, *сирватка*, белор. *сырóватка* (молочная); словен. *sírotka* (диал. *síratka*), по-видимому, из **sy'rvatka*⁷⁴. Место древнейшего славянского ударения в этом слове спорно: Болгарское ударение является, скорее всего, позднейшим — под влиянием адъективного образования — **суровѣт*.

Болг. *топóла* по ударению совпадает не с русск. *топóль*, а с укр. *топóля*, белор. *тапóля* и обращает на себя внимание, как и серб. *топóла* (с другим исходным ударением), твердостью л. Отношение ударения формы мужского рода к формам женского рода (словен. *topóla* — из **topola*, форма, которая вряд ли, однако, может считаться хорошо засвидетельствованной, совпадает с показанием сербского языка) относительно легко может быть понято при допущении первоначальной формы женского рода **to'polb*, род. п. **to'poli*, перешедшей в склонение типа *-ja* с характерным для таких случаев передвижением ударения. Обращает на себя внимание большая нестрога ударения и разноморфное морфологического образования родственных слов в словенском языке: *tópol*, род. п. *topóla*, т. е., судя по открытому о, исторически — *topòl*, **topola*, диал. (доленское) *tópol*, род. п. *topòli* т. е. — **topo'l*, **topo'li* и уже упомянутое *topóla*.

§ 636. Не ясна причина, по которой болгарский язык имеет оттянутое сравнительно с русским ударение в случаях вроде *кóпье* 'копье', *óстрие* (впрочем, при параллельном *остриѣ*).

Важно, что на то же место ударения, что и в русском, указывает также сербский — *кòпље*. По-разному, однако, может быть истолковано словен. *korjê*. Едва ли не искусственного происхождения словен. *ôstrje*, параллельное болг. *óстрие*.

Два сложные слова среднего рода с циркумфлектированным или краткостным по происхождению подударным гласным корня выступают, как правило, с перенесенным на окончание ударением — явно, из членных форм: *месó*, *сенó*, *тестó*, *чревó* (*червó*) „кишка“: укр. *чéрево* „брюхо, живот“, словен. *črèvo* (из **črêvo*), расходящиеся, впрочем, с серб. *црѣво*, *цријѣво* (с исходным конечным ударением); *просó*, *морé*, *полé*; *дрѣво*: серб. *дрѣво* **drěvo*.

Нет, однако, ожидаемого переноса в слове *íго*: *íгото* (ср. серб.-чакав. (Novi) *ígo*, словен. *igò* из **ígo*); впрочем, первоначально, может быть, по *-es*-основе: словен. род. п. *izěsa*. Исходные акцентные отношения в этом слове спорны: начальный гласный в нем, судя по лат. *jugum* и др., — из **iъ* = **ib*.

Известный интерес вызывает литер. *злѣто* вместо ожидаемого (ср. русск. *зóлото*, серб. *злѣто*, словен. *zlatò*) и действительно существующего *златó* (из *златóто*)⁷⁵. Литературное ударение может, конечно, быть в нем наследником употребления слова в нечленной форме. Но не исключено и подозрение, что *злѣто* в болгарском литературном языке исторически представляет, может быть, слово особого стилистического слоя вроде широко распространенного украинского (особенно в поэзии) *злѣто* (рядом с фонетическим *зóлото*), исторически являющегося полонизмом (*zloto*). Вопрос еще требует детального исследования и учета распространенности в народном языке соперничавшего с ним в таком значении турцизма *алтѣн*.

⁷⁴ Ср., однако, это слово у М. Фасмера («Russisches etymologisches Wörterbuch»).

⁷⁵ Ср., например, Кодов. Указ. соч., стр. 56.

Ударение заимствованных слов

§ 64. Замечания об ударении суффиксов иноязычного происхождения сделаны выше. Ударение гласных в других частях заимствованных слов требует относительно немногих общих замечаний.

Сравнительно с сербским языком, болгарский несколько менее последователен в отражении окончательного ударения тюркизмов (в большинстве — «турцизмов»). Так, хотя тюркизмам свойственно конечное ударение⁷⁶, тем не менее встречаются случаи с другим местом ударения в слове; например, в словах *бáлама* (разг.) 'дурак, глупец, простофиля'; *мýшмула* 'мушмула (дерево и плод)'; *тáраба* 'дощаной забор, ограда'; *сýбаша* — в прежнее время 'начальник турецкой полиции'.

Говоря о конечном ударении тюркизмов («османлизмов»), надо принять, однако, во внимание (и не только относительно таких суффиксальных образований, как упоминавшиеся выше на *-джия* и *-лия*), что при болгарском оформлении соответствующих слов ударение довольно часто оказывается на слог перед флексией. Так, «замужняя турчанка, госпожа, дама» по-болгарски называется *ханъма*. В турецком соответствующее понятие передается словом *hanım* с конечным ударением. Славянская примета женского рода *-а*, присоединившись к заимствованной из турецкого языка основе, вызвала изменение места ударения: слово стало звучать с ударением на предпоследнем слог. Отклонения наблюдаются иногда, впрочем, и без подобного условия: например, турецк. *tulumba* 'насос' соответствует болг. *тулúмба*, вероятно, в результате итальянского (диалектного?) посредства.

§ 65. Все существенное об ударении в болгарском языке слов, заимствованных так или иначе из древнегреческого, дает статья Ал. Милева⁷⁷. Для «ученых» и под. слов в статье справедливо учитывается роль латинского посредства, хотя и не принимается почти во внимание тот важный факт, что по крайней мере очень многие из таких грецизмов поступали в болгарский язык, по-видимому, еще через дополнительное — книжное русское — посредство. В результате этого грецизмам с окончанием *-ia* (*-eia*) в болгарском языке соответствуют теперь обыкновенно, как и в русском, слова с ударением на части слова, предшествующей этому окончанию: *географ́ия*, *демократ́ия*, *филосо́фия*, *филоло́гия*, *биоло́гия*; *дина́стия* и под.; но *харт́ия*.

То же воздействие латинского посредства (вероятно, также в большинстве случаев через русское) наблюдается у многочисленных слов на *-ика*, в конечном счете восходящих к греческим именам прилагательным на *-ική* (ср., например, *ρήτορικῆ τέχνη* 'риторика'), получивших ударение на предшествующей части слова: *акúстика*, *гимна́стика*, *диагно́стика* и под.

Вместе с тем, в отличие от русской языковой практики, культивирующей ударения латинского типа, отдельные «ученые» грецизмы в болгарском литературном языке получили, вероятно искусственное, подновление — сближение с правильным древнегреческим ударением. Так, в болгарском литературном употреблении, наряду с ударением, принятым

⁷⁶ Примеры: *шкѐмбѐ* 'живот, брюхо; желудок животных, рубец'; *шишѐ* 'бутылка'; *миндѐр* 'лавка вдоль стены'; *ферѐджѐ* 'верхнее покрывало у турчанок'; *бакѐиш* 'чайные; взятка'; *седѐф* 'перламутр'; *кюмѐр* 'уголь (древесный и каменный)'; *куршум* 'пуля'; *тюфѐк* 'тюфяк'; *чайр* 'луг'; *эюмбѐл* 'гиацинт'.

⁷⁷ Ал. Милев. Гръцките съществителни имена в български език. «Български език», 1855, № 2, в частности — стр. 141—147.

в русском языке, *програ́мма* (ср. лат. *prog_rámma*), существует и соответствующее греческому — *програма*.

Большая группа слов древнегреческого происхождения на -μα с родительным падежом на -ματος (среднего рода) в болгарском, как и в русском языке, является теперь в форме женского рода с ударением непосредственно перед этим окончанием (иногда в этом отношении отходя от древнегреческого языка; ср.: греч. πρόβλημα, θέσφιμα и под.). Под влиянием этого слово *анатема* 'анафема', имеющее в соответствии греческому ударение *анáтема* (так, например, в Акад. речнике), может выступать также и в виде *анатéма* (только так, например, в «Тълк. речник»).

Заметим, что слово *диплома* (так и параллельное, мужского рода, *диплом*), в отличие от русского языка, в болгарском сохранило ударение своего греческого источника.

Усвоенные в форме мужского рода слова *идиом*, *симптом*, как и в русском, имеют ударение, расходящееся с греческим, где выступает соответственно *иди́оμα*, *сѳмπτѳμα*.

Слово *ехо* обычно выступает в болгарском языке, как и в русском, с латинизированным ударением — на первом слоге слова. Однако возможно в нем и конечное ударение, которое может быть как приравнением («ученым» искусственным?) к древнегреческому, так и результатом аналогии на болгарской почве к двусложным подобным словам в нечленной и в членной форме (с перенесением в последней ударения на гласный перед членом).

Для русских примечателен факт сохранения в болгарском *сѳбота*, несмотря на происшедшее в слове звуковое изменение, ударения др.-греч. *сѳββατον* (позднейшего *сѳμβατον*).

§ 65. И в заимствованиях из других европейских языков болгарский нередко, сравнительно с русским языком, когда он с последним расходитя, оказывается в большинстве случаев по месту своих ударений более близким к первоначальным языкам-источникам, иначе говоря, в меньшей мере отражает воздействие в этом отношении языков-посредников. Так, болгарское ударение *орбита* (русс. *орбѳта*) точно соответствует лат. *orbĳta* (*orbĳta*).

Так, болг. *казѳно* (итальянизм) точно воспроизводит итальянское ударение — *casĳno* тогда как русск. *казѳно* заставляет предполагать промежуточное звено — французскую передачу слова. То же в случае болг. *домино* (игра): русск. *домѳно*.

Галлицизм *адрес* сохраняет французское место ударения, тогда как для русск. *адрес* естественно предполагать польское посредство с предконечным ударением в именительном-винительном падеже единственного числа. Болг. *паспѳрт* (галлицизм) соответствует по ударению французскому языку, — нынешнее русск. *паспѳрт* (сравнительно с ударением таким же, как в болгарском, примерно до 90-х годов XIX в.) — польскому (опять-таки, в именительном-винительном падеже единственного числа).

§ 67. С двумя ударениями известно в болгарском языке слово *талига* 'телега, повозка' — *тáлига* и *тали́га* (см. «Тълк. речник»). Судя по другим словарям, это старое заимствование из венгерского употребляется теперь предпочтительно с ударением на гласном -и (может быть, под влиянием других существительных на -ѳга-).

Впрочем, одно такое ударение давал уже словарь Н. Герова. По Р. Брандту⁷⁸, наоборот, было известно только *тáлега*. Решить,

⁷⁸ Р. Брандт. Начертание славянской экцентологии, стр. 113.

сохранилось ли в ударении *táliga* старое венгерское, или же это слово отразило какое-то влияние штокавского сербского, где *tálige*, — трудно.

§ 67а. Два возможных ударения в заимствованном из русского языка слове *кѣнки* 'коньки' понятны: ударение на окончании соответствует русскому; ударение на первом слоге отражает обычную для болгарского языка тенденцию к ударению *pluralia tantum*. Так как слово, судя по отсутствию в нем второго ъ, не адаптировало свою вторую часть под созвучный суффикс *-ѣк*, оно не подверглось и влиянию тех немногих болгарских образований, которым при нем известно окончательное ударение: *момѣк* : *момѣи* и под. Свою «независимость» оно обнаруживает и в том отношении, что не отражает обычного болгарского изменения *к* в *ѣ(и)* в форме множественного числа. Надо учесть также и ту возможность, что на болгарской почве слово могло войти в сферу влияния слов женского рода на *-ѣа* (ср., например, *куртѣа* при *кѣртѣа*, — русск. *кѣртѣа*).

§ 68. Интересно, что аналогией отношений *влас* : *власѣа*, *глас* : *гласѣа* и под. оказались захвачены на болгарской почве и некоторые (немногие) заимствованные слова, например: *тимѣа* 'спортивная команда' (из англ.), — при *тѣма*; *типѣа* (из греч.) при *тѣпа*.

Стоит при этом отметить, что даже совпадение вследствие такого переноса ударения некоторых слов с другими — болгарскими, не задержало данного процесса; ср.: *класѣа* (*класѣт*) 'класс' и *класѣа* (*класѣт*) 'колос'.

Надо, впрочем, заметить, что указания словарей особенно не совпадают в отношении как раз заимствованных слов; ср., например: *стилѣт* («Тѣлк. речник»): *стил*, т. е. *стѣла* (Берншт.); *стихѣт* («Тѣлк. речник») *стих* (Берншт., хотя *стиховѣ*); *телѣа* 'провода' (турецк.) — Берншт.; *тел* («Тѣлк. речник»).

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ

Замечания об ударении ныне безаффиксных прилагательных

§ 68а. Болгарское ударение двусложных форм прилагательных в основном является фиксированным на корневом слоге, т. е. «продуктом обобщения и результатом, таким образом, несомненного отхода от древнейшей славянской системы.

Следы старинных расхождений ударения в нечленных формах сохранились только в народных говорах. Согласно Цоневу⁷⁹, в некоторых балканских и среднегорских городках (Панагюриште, Коприщица, Сопот, Карлово, Калофер, Троян, Ловеч, Котел) еще и в его время слышались в единственном числе женского рода, например, ударения *младѣа*, *глухѣа*, *босѣа*⁸⁰. В говорах западнее и южнее такого рода случаев оказывалось все меньше, а в округах Кюстендилском (Кюстендилско) и Джумайском (Джумайско) такое ударение наблюдалось только в трех — четырех словах: *добрѣа*, *светѣа*, *божѣа*; *еднѣа* и *каквѣа* (стр. 361). Нельзя сказать, чтобы все отмеченные слова представляли собою именно то, чего можно было бы наперед ожидать по определенным теоретическим соображениям. В исключения из общей системы всего естественнее было попасть: *еднѣа* (числительное) и *каквѣа* (местоимение), — формам, исстари существо-

⁷⁹ Б. Цонев. История на български език, I, стр. 360.

⁸⁰ Ср. и L. Milelić. Das Ostbulgarische, стр. 62, — из Панагюришта — *живѣа*, *солѣа*, *босѣа*.

вавшим именно с таким местом ударения. Старое *oxytonon* представляло и *добрá* (ср. средний род — *добрó*, мужской род *добръ* и т. д., русск. *добрó*) (см. и отмеченное Милетичем *голá*, серб. *гóла*, средний род — *гóло* из **голо*). *Светá*, по-видимому, имеет уже древнейшее ударение этой формы, обязанное действию закона Фортунатова — де Соссюра (ср. серб. *свѣт* с нисходящей долготой); то же — *младá*, *глухá* и *живá* (серб. *млáд.*, русск. *мóлод*; серб. *млáда*, русск. *мóлодá*; серб. *глýх*, *глýха*, русск. *глухá*; серб. *жív*, *жívа*, русск. *живá*) и *босá* (с краткостным гласным *o*, с которого ударение, тоже фонетически, должно было быть перенесено на следующее *a*, как долгий акутированный гласный).

Труднее установить определенную точку зрения на ударение *божá*. Слово *божь* в этом виде, т. е. в нечленной форме, как чистая *je*-основа другим славянским языкам не известно, хотя, по теоретическим соображениям, оно, конечно, в давнем прошлом могло бы существовать. В говорах встречается с таким ударением и членная форма — *божí*, хотя ее вовсе нельзя было бы ожидать: даже прилагательные *oxytona* типа *o*- и *je*-основ в членной форме издревле получали на предшествующем гласном новоакутовую интонацию. Дело усложняется еще показанием словенского языка — *bóžji* с открытыми *o*, т. е. формой, восходящею к более ранней — **božji*. Факты эти остаются для меня в сравнительно-историческом аспекте неясными.

Что касается упоминаемого Цоневым (на 360-й стр.) *старá*, то это, по-видимому, как и в русском *старá*, — аналогическое ударение, появившееся уже в период утраты былых интонаций и количественных различий у слова (может быть, и у некоторых других), коренной гласный которого был по происхождению акутированным (серб. *стáра* — женского рода, т. е. имел ударение, не подлежавшее передвижению на следующий акутированный же слог).

Возможно, что, подобно украинскому ударению *старíй*, *старá*, *старé*, и диал. болг. *старá* своим появлением обязано воздействию члена ассоциативной пары *младá*.

Ударение префиксальных прилагательных

§ 69. Префиксальные образования имен прилагательных (качественных наречий) с ударением на первой части слова в болгарском языке немногочисленны. В подавляющем большинстве случаев это слова, производные от префиксальных же существительных с таким местом ударения: *пáгубен*: *пáгуба*; *óправен* 'сведущий' — вероятно, от существительного мужского рода *óправ* (Геров).

Реже случаи, где такая связь только предположительна: *óпрáтно*, *óпрвтьень*, *óпрвтно* 'молодцевато', 'молодцеватый' (Геров); *óпарничавый* (Геров); *óтврътный* (Геров): 'Отврътно мѣсто, ложе; самодивско мѣсто...'; *óтрьсный* (Геров) 'бодрый; сметливый'.

Несомненно старинный факт представляет образование *óпáк* 'оборотный' и др., хорошо засвидетельствованное относительно места ударения также в сербском — *òпáк*, *òпáка*, *òпáко*; ср. и словен. (диал.) *orák* — из **орак*.

Для слова *охóлен* 'живущий в довольстве, привольный' Геров дает ударение *óхолен*, *óхолный*. Слово, по всей вероятности, старое префиксальное⁸¹. Напрефиксного ударения в этом образовании, впрочем, не подтверждает сербский язык, а указания словенского сомнительны

⁸¹ Ср. E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch, I, стр. 395.

и взяты М. Плетершником из ненадежных относительно интонации источников.

§ 70. Замечание о префиксе *под-*. Этот по происхождению двусложный префикс (*под-, podъ*) в болгарских новообразованиях, по-видимому, обнаруживает тенденцию сохранять в отношении ударения некоторую «автономность»; есть некоторое (небольшое) количество слов, в которых, наряду с ударением материальной части, ударение может падать и на него: *пѳдбалкански* 'находящийся между Балканами ('Стара планина') и Средней горою (лесом) ('Средна гора)'; *пѳдначалнически* 'относящийся к подначальнику' (ср. *пѳдначалник*) и *под*.

§ 71. Вероятно, фактом только уже самого болгарского языка является двойное ударение префиксальных имен прилагательных типа *възсин, възжълт* и *под*.

Понятно, что разные словари могут по этому поводу давать различные указания. Ср., например: *възжълт* 'желтоватый', *възсин* 'синеватый', *възслаб* 'слабоватый', *възстар* 'староватый; пожилой', *възтесен* 'узковатый' и *под*. — словарь Берншт.; но *възсин, възтесен* — «Тык. речник» и там же: *въздълъг, възжълт, възкисел, възкѳс; въздълъг, възжълт, възкисел, възстар, възсѳх, възтесен, възтопѳл* и *под*. — «Речник на съвременния български книжовен език» (БАН, 1955 г.). Ни напрефиксное, ни накоренное ударение у таких образований определенного преобладания явно еще не получило, и мы наблюдаем только процесс формирования категории с преобладанием тенденции, по-видимому, в пользу накоренного ударения.

В духе отмеченной у префиксов со значением большего и наибольшего качества получать в именах прилагательных и наречиях ударение на себе подударным является и вносящий значение 'очень, весьма' префикс *пре-*: *прѳмил, прѳмлад, прѳстар, прѳмног*.

§ 72. Относительно стойко пристрастие болгарского языка к выделению ударением префиксов *по-* и *най-*, соответственно — со значением сравнительной и превосходной степени, при этом не только у прилагательных, но и у существительных и глаголов: *пѳ-стар, пѳ-чист, най-стар; пѳ-юнак, най-юнак; най-желая, най-обичам* 'особенно люблю'.

Это вполне определенное пристрастие не исключает, однако, параллельного употребления соответствующих образований с ударением, принадлежащим основным словам, когда они выступают без этих префиксов.

В отличие от префикса *въз-*, ударение, о котором идет речь, по-видимому, — факт, вынесенный болгарским языком уже из глубокой древности. Заключать об этом дают основание свидетельства *хрѳтя бы* украинского языка. Так, в последнем его западном говорах хорошо известно ударение *най-*, как и в болгарском, с параллельным на корневом слоге. Свидетельства в этом отношении украинского языка поддерживает кашубский⁸².

Ударение суффиксальных образований прилагательных

§ 73. *-ав(-ав)*.

Подударна обыкновенно материальная часть слова: *гѳшав* 'зобастый' (*гѳша* 'горло, гортань; зоб'); *жѳлав; ласкав; лепкав* 'клейкий'; *бляскав* 'блестящий'. Так и при **-ав*: *мѳршав* 'худой, тощий'.

⁸² О показаниях украинских памятников см. в моей статье «З історичних коментаріів до укр. мови». «Мовознавство», VIII, 1949, стр. 56.

Значительно меньше слов с этим суффиксом (с этими суффиксами), у которых ударение падает на суффиксальный гласный *-а-*: *кора́в* 'твердый, как кора'; *кафя́в* 'кофейного цвета', *пепеля́в*, *кестеня́в*, 'каштанового цвета' (при *-яв* — последовательно на *-я*⁸³).

Первоначальный акутовый характер гласного *-а-* суффикса делает вполне понятными исходные отношения: при подударных акутированных корнях (или соответствующей части основ) ударение должно было сохраняться на материальной части слова (*жи́ла: жи́лав; ла́ска: ла́скав; брусьи́ца — брусьи́чав*); при ударении флексии основного слова — падать на гласный суффикса (*ко́ра: ко́рав*).

Как замечено, у образований на *-яв* ударение падает на гласный суффикса: *кафя́в* 'кофейного цвета; коричневый', *кестеня́в* 'каштанового цвета'.

Судя хотя бы по таким парам, как *гурели́в* 'гноящийся (о глазе); переносно — грязный, невымытый'; *гуреля́в* (ср. *гу́рел* 'гной (на глазах)'; *пепели́в* 'пепельный; дымчатый (о цвете)': *пепеля́в* 'пепельного цвета', можно с большой вероятностью предполагать, что подударность суффикса *-яв* сравнительно с неподударным *-ав* поддержана влиянием образований с *-ив*. При циркумфлектированных или краткостных в прошлом односложных корнях или двусложных с подударностью первого слога — фонетически переносится на *-а-* (*-я*): *пéпел: пепеля́в*. Но вместе с тем ясно, что ряд образований (позднейших) уже не имеет прямой связи с первоначальными («интонационными») отношениями.

Неожиданным является ударение *кѣрвав*: ожидался бы фонетический перенос ударения с редуцированного *-ѣ-* на акутированное в прошлом *-а-* следующего слога. Это слово, однако, — общая загадка для всех способных это обнаружить южнославянских языков: серб.-чакав. (в Новом) *křvāv*, женский род — *křvāvā*, средний — *křvāvo*; словен. *křvāv* (из *křvāv*, словен.-резьян. *kārwošo* — твор. п. ед. ч.). Стоит упомянуть, впрочем не очень надежный, случай подобного ударения и в старом русском литературном языке (в комедии «Дурылом» М. Н. Долгорукого): «... Толпится целый день до кровавого (кровоавого?) пота». Обращает на себя внимание определенное свидетельство сербского языка (ср. и штокав. *křvāv*) в пользу исторически непервоначальной и труднообъяснимой циркумфлектированной интонации заударного *-ав-*.

§ 74. Образования с суффиксом *-ен* (женский род *-на* и т. д.: *-е-* — беглое, выпадное) сплошь подударны на материальной части слова: *бэ́ден, во́ден, стра́шен; наро́ден* (ср. *наро́д*), *учи́лищен* (ср. *учи́лище*), *безде́тен, плодonóсен, оби́чен* 'любимый'.

Прилагательное, производное от *война́*, естественно, звучит *воэ́нен*.

Сплошь подударны на гласном *-о-* или *-е-* сложного суффикса образования на *-овен* (*-евен*): *лэ́жовен* 'ложный', *грижэ́вен* 'заботливый; озабоченный'; *книжэ́вен* 'книжный', *тэ́жэ́вен* 'печальный'; *плаче́вен*.

При суффиксе имен прилагательных *-ен* (русск. *-ян*) со значением качества, относящегося к материалу, ударение падает преимущественно на основную часть слова: *гли́нен, ме́ден, ро́сен* (ср. укр. *рося́ний*), *ко́стен, дэ́рвен, дэ́счен, рэ́жен, ле́нен, стэ́клен, суќнен*.

⁸³ Случай ударения на суффиксальном гласном: *ко́рава* 'твердый, жесткий, зако- стеневший' единичны. Возможно, что при *ко́рав* свою роль сыграла непосредственная ассоциация с *ко́ра* — **ко́ра в*.

Уже древнейшее славянское образование (ср. русск. *лука́в*, серб. *лу́кав* и др.) представляет *лука́в*, сохраняющее в отношении своего ударения старину. При ожидаемом в духе общего правила *лу́нав* 'веснущатый', в словаре Бернштейна отмечается и другое ударение — *луна́в*. Причина этого отклонения для меня не ясна.

См. и *румен* 'румяный' (русск. *румян*, серб. *рѹмен* из **румен*), где *-ен* уже не выделяется как формальный элемент.

В немногих случаях — у производных от слов на *-но* с конечным ударением выступает ударение на гласном суффикса (в разговорном языке в таких случаях вместо *-е* произносят *-я*): *брашнѐн* (к *брашно*), разг. *платнѐн*, *платнѐн* (к *платно*), разг. *платнѐн*.

Ср., однако, упомянутое *сѹкмен* к *сѹкно* из былого *сукно*.

Производные от дву- и многосложных имен существительных с ударением на второй части слова, естественно, сохраняют это же место ударения: *бакѹр*: *бакѹрен* 'медный'; *коноп* 'конопля': *конопен*; *сапѹн* 'мыло': *сапѹнен*; *пирѹнч* 'бронза': *пирѹнчен*.

Со сравнительно-исторической точки зрения болгарское ударение прилагательных этого типа от односложных основ имен существительных (*кѹстен* и под.) — явление, развившееся уже на болгарской почве как продукт обобщения особенности, в древнейшее время принадлежавшей корням с акутированным гласным (ср. русск. *глиняный* к *глина*, *нитяный* к *нить*, — серб. *нит*, мужского рода, словен. *pit*).

§ 75. Имя прилагательное *зелѐн*, *-а*, *-о* теперь выступает в литературном болгарском языке с двумя разными ударениями — в зависимости от смысла слова. *Зѐлен*, равнозначное *зѐлев* 'капустный', обнаруживает место ударения, параллельное большой группе слов на *-ен*, соответствующих русск. *-ян(ый)*; см. *златѐн* и под. *Зелѐнѹ* 'зеленый', в отличие от русского *зѐлен*, аналогически отклонившегося от старого места ударения, остается в форме единственного числа мужского рода верным старине; ср. серб. *зѐлен*, *зелѐна*, *зелѐно* (из *зеленѹ* и т. д.), словен. *zelѐn*, *zelѐna* (из *zelena*) и т. д.

В формах женского и среднего рода единственного числа и во множественном числе в духе общей системы ударения имен прилагательных в болгарском языке отражена древнейшая окситонеза.

§ 76. Образования с суффиксами *-ив*, *-лив*, *-чив* относительно ударения в литературном болгарском языке однообразны — ударение в них всегда падает на гласный суффикса *-и*: *жалостѹив*, *милостѹив*; *привѹтлив*, *срдѹлив* 'легко сердящийся, вспыльчивый'; *талантлив*, *миризлив* 'пахучий', *каменлив* 'каменистый', *услужлив*; *влюбчив*, *доверчив*, *изменчив*, *находчив*, *обидчив*, *придирчив*, *отстъпчив* 'уступчив'.

Предпосылку для такого обобщенного ударения давали в качестве образца прежде всего слова, в которых корневое ударение с гласных циркумфлектированных и краткостных должно было фонетически переноситься на акутированное *-и* следующего слова: *ленѹив* (ср. серб. *лѐн* 'ленивый'), *червѹив* (ур. серб. *црв* 'червяк'), *срамлив* (ср. укр. *сромливий*: *сѹром* 'срам'), *ствахлив* (ср. серб. *стрѹх*). Существовали, конечно, и производные от охутопа вроде: *игрѹа*: *игрѹив*.

Надо серьезно считаться, однако, и с возможностью давнего существования также таких образований с суффиксами *-ив*, *-лив*, у которых ударение падало на *-и* и независимо от такой фонетической причины; ср. русск. *правдив* (ударение имени существительного — *пѹвда*); *боязлив* (ср. *боязнь*), *терпелив* (глагол *терпѹть*), *молчалив* (глагол *молчѹть*). Фиксированное ударение на гласном суффикса характеризует также образования на *-ат*, *-ит*, *-ист*: *окѹат* 'глазастый, зрячий'; *рогѹат*; *зѹбат* 'зубатый, зубчатый'; *срдѹит*; *честѹит* 'счастливый'; *четвѹртѹит* 'квадратный'; *блатѹист* (ср. русск. *болѹтистый*); *златѹист*; *сребрѹист*; *горѹист* 'лесистый'. Исходные образцы, вероятно, — того же рода, что и при суффиксах типа *-ив* и под. В сложном суффиксе *-овѹит* — ударение тоже на *-и*.

Наоборот, у образований на *-ест* (происхождение этого суффикса не ясно) подударным является гласный основы (корня): *зѣбест* 'зубчатый'; *топчест* 'круглый; шарообразный'; непосредственно перед суффиксом: *чѣпорест* 'суковатый' (к *чѣпор* 'сук')⁸⁴.

§ 77. У образований со сложным суффиксом *-ичѣк* (женский род *-ичка* и т. д.) ударение — на предшествующей части слова: *мѣничѣк* 'маленький'; нареч. *мѣничко* 'немножко'; *свѣтличѣк* 'светленький; светловатый'; *мѣличѣк* 'малюсенький'; *блѣзичѣк*, *мѣзничѣк* 'жирненький; гладенький'.

От общего правила отступает изолированное *гол-голенѣчѣк* (только в этом сочетании). Ср. 'свободное' *голичѣк*.

У слов, сплошь книжных, на *-ичен*, *-ически*, *-ишки* ударение, отчасти в отличие от русского языка, закрепилось на предпоследнем слоге: *драматѣчен*, *архѣичен*; *механѣичен*, *механѣически*; *исторѣичен*, *исторѣически*; *мѣченѣически*, *мѣченѣишки* (ср. *мѣченѣик* 'мученик'). Возможно, однако, что существует в редких случаях заимствованное из русского ударение *подвѣжничѣски* (ср. имя существительное *подвѣжник*).

• Суффиксальные имена прилагательные⁸⁵

§ 77а. Притяжательные (посессивные) прилагательные на *-ов(-ев)* обычно подударны на корневой или вообще материальной части слова: *брѣтов*; *кѣмов*; *кѣнов*; *учѣтелев*. Но в очень небольшой части случаев сохраняются производные от имен существительных с прежним (древнейшим славянским) конечным ударением — на суффиксальном гласном, например: *орѣлов* (*орѣл*: русск. *орел*, *орла* и т. д.), *попѣов* (русск. род. п. *попа* и т. д.)⁸⁵.

Образования от имен существительных женского рода на *-ин* также подударны на корневой или вообще материальной части слова: *мѣйчин*, *бѣбин*, *лѣлин* 'тетин', *тѣтин* 'теткин', *попадѣин*. Так и *сѣстрин*, *жѣнин*, несмотря на окончательное ударение существительного — *сѣстра жѣна*.

Со сравнительно-исторической точки зрения, по-видимому, такое место ударения у производных от охутона относительно ново (как и в русских словах *жѣнин*, *сѣстрин* и под.) и отражает в этом отношении влияние численно преобладавших образований от существительных, подударных на корневом гласном (почти сплошь по происхождению акцентированном). Вероятно, остатком старины являются областные слова (имена существительные) *тетѣин* 'муж тетки', производное от древнейшего по ударению **тетѣ* 'тетка' (ср. словен. *téta* 'сестра матери' с открытым *e*, т. е. из **teta*); *лелѣин* 'муж тетки' (хотя в этом случае ударение *лелѣ* и не засвидетельствовано). Не исключена, впрочем, возможность, что *лелѣин* без прямой связи с основным словом своим ударением копирует слово *тетѣин* с близким значением.

§ 78. На фоне многочисленных слов на *-ов*, *-ова...*, с Посессивным и производными значениями, имеющих ударение на материальной части слова, обращает на себя внимание небольшая группа, где наблюдается факультативное употребление ударения на гласном *-о-* суффикса. Группа эта — некоторые наименования производных от названий деревьев: *елѣов*

⁸⁴ В «Грамматике болгарского языка» Л. Андрейчина (стр. 252) упоминается *брадѣст*, т. е. с ударением на суффиксальном гласном. Это слово мне из других источников не известно.

⁸⁵ С производительными суффиксами.

⁸⁶ Некоторые другие, однако, связь с древностью утратили; см., например, *бѣбов* (русск. *бобр*, род. п. *бобра* и т. д.); *ѣжов* (русск. *еж*, род. п. *ежа* и т. д.).

'еловый' (к *елá* 'ель'), при более редком *éлов* (словарь Берншт.); *елхов* (к *елхá* 'ольха'), *елшов* (к разг. *елшá* 'ольха'); *габров* 'грабовый' (к *габър*) при *габров* (Акад. речник); *горунов* и *горунов* (к *горун* вид дуба — *Quercus sessiliflora*; Акад. речник); *орехов* при *орехов* 'ореховый' (см. *орех*); у Герова даже только — *оръховый*: *оръхъ* и *орáхъ*; *церов* и *церов* 'сделанный из чернильного дуба (*цер*), относящийся к чернильному дубу'; *яворов* («Тълк. речник», к *явор*); *брезов* и *брэзов* (к *брезá*).

Хотя в настоящее время соответствующее образование от слова *дѣб* 'дуб' звучит, кажется, только *дѣбов*, наиболее вероятно, что группа с ударением на гласном суффикса восходит к уже древнейшему славянскому ударению **drbo·vъ*.

§ 79. Особое место среди прилагательных (и наречий) занимают по своему ударению *горкiят* 'достойный сожаления; несчастный'; *горкó* (обычно с дательным падежом существительного или местоимения) — нареч. 'горько, горестно; увы!, горел!'; *тежкó* в сочетаниях *тежкó* (някому), которое имеет значение приблизительно 'жаль беднягу' и под. Ср.: «Настина, бабо, аз съм болнав и много болнав. *Горкó* ми.» (В. Друмев); «*Тежкó* ми и *горкó*».

Сдвиг ударения в этих формах, вероятно, позднейший, эмоционального характера, поддержанный еще, может быть, в некоторых случаях ролью соответствующих местоименных энклитик *ми*, *ни* и под. Вряд ли какую-либо роль сыграло в обоих случаях уже старое место ударения вроде серб. *гóрко*, *тéшко* (из **гòрко**, **тéшко**). Такие сербские ударения, по всей вероятности, не первоначальны и возникли под влиянием ударения единственного числа женского рода.

§ 80. Заимствованные через русское посредство суффиксы имен прилагательных, входящие в состав многочисленных европеизмов — преимущественно слов латинского и французского происхождения, — имеют сплошь, как и в русском языке, ударение на суффиксальном гласном: *гениáлен*, *материáлен*, *професиона́лен*; *элементáрен*, *пленáрен*, *эмоциона́лен*, *региона́лен*; *кооператíвен*, *обектíвен*, *стерíлен*, *сервíлен*; *академíчен*, *академíчески*, *практи́чен*, *практи́чески*; *нерво́зен*, *религио́зен*; *конституцио́нен*, *позицио́нен*⁸⁷, и отражают, таким образом, то, что в отношении ударения характерно для самих языков источников и языка-передатчика (русского).

Подударен же суффикс прилагательных-существительных, усвоенный болгарским языком в составе соответствующих турецких слов: *пара-ли́я* (устар. 'богач'; ср. *пара́* 'монета'); *късмет-ли́я* 'счастливец; удачливый человек' (*късмет* 'счастье'); *табият-ли́я* 'характерный; свое нравный' (устар. *табият* 'характер; обычай').

УДАРЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ

Ударение форм винительного падежа единственного числа личных и возвратных местоимений *мене*, *тебе*, *себе*, отступающее от русских *меня*, *тебя*, *себя*, укр. *менé*, *тебé*, *себé*, серб.-чакав. *менѐ*, *тебѐ*, *себѐ*, словен. *menè*, *tebè*, *sebè*, возможно, со сравнительно-исторической точки зрения, не является болгарским новообразованием, а восходит к еще общеславянской древности. Характерно, что такое ударение этих местоимений до сих пор сослуживает правило и в украинском языке, где эти формы в функциях родительного и винительного падежа так

⁸⁷ Ср. Л. Андрейчин. Грамматика, § 356.

звучат в положении зависимых от предлогов: *до мене, до тебе, у мене, у тебе* и под.⁸⁸

Согласно мнению А. Мейе, высказанному им уже в 1903 г.⁸⁹, именно *мене* и т. п., известное в таком виде, как думает он, уже старославянскому Киевскому Миссалу (последнее утверждение может, впрочем, быть предметом спора), представляет факт старины, а формы с ударением на конце слова отражают влияние форм с конечным по происхождению акутированным *-ě* (дательный и местный падеж), фонетически перетягивавшим в древнейшем славянском языке ударение с корневого *-e-* по закону Фортунатова—де Соссюра. Ср. с этим в Люблянской рукописи XVII столетия, характеризующейся в том, что относится к ударению, и другими архаическими особенностями: *тебе*, но *тебѣ*, *себѣ*⁹⁰.

Относительно новым является ударение в формах *него, нему, нея* (ср. старину в русск. *его, еѣ*, укр. *його, її* и под.), отразившее, может быть, влияние ударения *мене, тебе*. Нужно, впрочем, для *него, нему* считаться также с возможностью воздействия *того* (о последнем ниже). Укр. *у нього, у неї* представляют в известной мере уподобление отношениям *менѣ, тебѣ: у мене, у тебе*.

Характерно, что вопросительные *кого, кому* (сопровождавшиеся, конечно, специальной интонацией) в общем хорошо сохранили старину, хотя диалектам известно колебание ударения и при них.

Отличающееся от русского и других языков болгарское ударение *того* засвидетельствовано с XII в.: *раба того* в «Одесском Евангелии Григоровича»⁹¹. В этом же памятнике ряд примеров подобного ударения и в других местоименных формах: *сего, оного, самого, у него, никого; тому, сему, никому, къ чьому, комуждо*. Есть некоторые основания думать, что местоименная основа *to-*, в отличие от **je-*, искони имела ударение на корне⁹².

§ 81. Односложные имена существительные мужского рода с бывшими циркумфлектированными гласными, по-видимому фонетически, отдают ударение подобно членным формам, формам односложных личных местоимений: *син мѣ, син мѣ* (ср. серб. *сѣн*, словен. *sin*), *мъж ѹ, мъж тѣ* (серб. *мѣж*, словен. *tôž*), но *брѣт ти* (серб. *brѣt*, словен. *brѣt*), *зѣт му* (серб. *zѣt*, словен. *zѣt*)⁹³.

⁸⁸ St. Mladenov. Geschichte... § 87, думает поэтому, что болгарское ударение *мене* и под. отвлечено из положения за предлогами, — предположение, не лишенное вероятности.

⁸⁹ «Archiv für slavische Philologie», Bd. XXV, стр. 428—442.

⁹⁰ С. Аргировъ. Люблянская български рѣкописъ отъ XVII вѣкъ. «Сборник за народни умотворения...», т. XVI—XVII, стр. 302.

⁹¹ См. П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. М., 1893, стр. 226.

⁹² Ср. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. I, 1924, стр. 220. Любопытно отношение *того*, но с энклитикой *того-ва* в Шумене (L. Miletič. Das Ostbulgarische, стр. 51), — особенность, возможно, новая. Несомненно, аналогического происхождения (под влиянием формы единственного числа мужского рода) — установившиеся уже на болгарской почве, и притом не во всех говорах ударения *моя, мое, мои* и под. (старые — *моѣ, моѣ* и под. в говорах отметил, например, Л. Милетич в «Das Ostbulgarische», стр. 51; ср. и в Любл. рукописи XVII в. — *моѣ, своѣ* и под. Указ. соч., стр. 303).

⁹³ См. статью Б. Цонева в «Сборнике за народни умотворения...», т. VI, стр. 46; е го же. Към история на български език, сб. XIX, оттиск, 8 стр. Материал на это явление, естественно, не велик. Имеющиеся у меня данные не позволяют сделать определенного вывода, который вполне отвечал бы фактам, освещенным выше, — ограничена ли тенденция только циркумфлектированными корневыми гласными, или проявилась и в слогах с исконными краткостными.

Возможно, что старинный перенос нисходящедолгого (вторичного) ударения отражен в разговорном наречии *пощо — зощо* 'мало; поверхностно; кое-как' (**čyto*: **po. čyto*, **za. čyto*). Характер слова не позволяет, однако, говорить об этом с большой степенью уверенности.

ГЛАГОЛЫ

Настоящее (и будущее) время изъявительного наклонения

§ 81 а. В области ударения глагола большое значение принадлежит показаниям болгарского языка прежде всего в том, что касается настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения бывших классов — I (-e-), III (-je-) и IV (-i-).

Как язык, вообще говоря, сугубо аналогического типа — с далеко пошедшими выравниваниями, болгарский с большой последовательностью (о некоторых, однако, нарушениях ее см. ниже) осуществил тенденцию к тому, чтобы в парадигме общим стало древнее ударение, начиная со 2-го лица единственного числа, иначе говоря, к тому, чтобы оказалось устраненным особое (конечное) ударение 1-го лица единственного числа.

Случаи противоположного выравнивания — по 1-му лицу единственного числа в литературном языке, по-видимому, очень немногочисленны: может быть, *лепя́, лепи́ш* и т. д. («Тълк. речник»; так и в словаре Н. Герова); ср. русск. *леплю́: лепи́шь* и т. д., серб. *лепѣм, лепѣш* и т. д. 'обмазываю, оштукатуриваю', — чему соответствует и болгарское параллельное *лепи́ш* и т. д. (и под его влиянием и *лепя́* — словарь Берншт.). Надо заметить, впрочем, что в пользу уже древнейшего ударения на примете класса у этого слова говорит словенский язык с его *lepíš, lepí* и т. д. и славц. *lepím, lepís* и т. д. с рефлексом краткости корневого гласного; *лечя́, лечи́ш* и т. д.; ср. русск. *лечу́: лечи́шь* и т. д., серб. *лечѣм, лечѣш* и т. д.; в словенском — отклоняющееся накоренное ударение *lěčiti: lěčim* и т. д., по-видимому, взятое М. Плетершником из ненадежных в этом отношении источников.

§ 82. Ударение глаголов — потомков I класса (-e-) соответствует древнейшему славянскому, но с тем изменением, что в окситонном подтипе теперь и в формах 1-го и 2-го лица множественного числа оно падает, как в литературном русском, на конечный гласный основы -e-: *берём, берёте; плетём, плетёте*. К окончанию 1-го лица множественного числа см. диал. -мѣ, укр. *беремó, плетемó* (последнему соответствует и сербское).

Отстают глаголы: *стрижа́* (ср. русск. *стрижѣшь, стрижѣт* и т. д.), *лѣжа́* (ср. русск. *лжѣшь, лжѣт*, и т. д.), аналогически получившие ударение III класса (ср. русск. *вяжѹ: вяжѣшь, вяжѣт* и т. д.; *чѣшѹ: чѣшѣшь, чѣшет* и т. д.), но с частым обобщением основы 2-го и 3-го лица единственного числа и 1-го и 2-го множественного, в 1-м лице единственного и 3-м множественного (ср. русск. *стригѹ, стригѹт; лгѹ, лгѹт*).

Место старого *жѣж*: *жѣжѣши* заняло *жежя́, жежи́ш* и т. д., ассимилировавшееся спряжению IV класса.

Обращает на себя внимание, что аналогией ударения III класса оказались не захваченными глаголы с окончанием корня на -к-: -ч-. В этом отношении свою роль сыграло, надо думать, то обстоятельство, что они меньше напоминали глаголы III класса, так как в большинстве сохранили -к- в 1-м лице единственного числа и в 3-м множественного: *река́, рекя́т*;

сека́, сека́т; пека́, пека́т, тка́, тка́т и под.; хотя русскому *толкú* соответствует, однако, при *тѣлка́, тѣлчѣш...* (Н. Геров), и *тѣлчá...* в литературном языке теперь допускают только второе).

Из других глаголов I класса специального внимания заслуживают немногие.

Это прежде всего *йда*. Хотя, таким образом, ударение болгарского языка расходится с нынешним русским *идú, идѣшь* и т. д., несомненно, что древность здесь, что касается форм, начиная со 2-го лица единственного числа, на стороне болгарского. В пользу этого говорит и сам русский язык недавнего времени: *идú, но идѣт, идут* (по Толковому словарю под ред. Д. Н. Ушакова, — «*идѣшь* и т. д. устар., но *идут* простореч. и теперь»), и показания серб. *йдѣш* и т. д. (1-е лицо ед. ч. *йдѣм*) — аналогического происхождения. В русском языке колеблется в настоящем времени изъявительного наклонения ударение глагола *красть* (соответственно и в будущем): при литер. *крадú, крадѣшь* и т. д. — диал. *кра́ду, кра́дешь* и т. д. Показания других языков расходятся: укр. *кра́ду, кра́деш* и т. д.

Литературному русскому соответствуют серб. *кра́дем, кра́дѣш* и т. д. из **кра́де̑м, *кра́де̑ш* и т. д.; словен. *krádem, krádeš* и т. д. — из **kradȇm, *kradȇš* и т. д. Болг. *крада́* подтверждает древность свидетельств последней группы.

Интересен как бесспорный пример «расщепленной» индукции глагол этого класса *мога́*. **Мога́* (1-е лицо ед. ч.) по сравнению со 2-м лицом единственного числа и остальными формами настоящего времени отличалось своим ударением (фонетически перенесенным, по закону Фортунатова — де Соссюра, с корневого краткостного гласного⁹⁴ на следующий в этой форме, акутированный, по происхождению долгий).

По общей тенденции болгарского языка обобщать в парадигме ударение форм, начиная со 2-го лица — вместо древнейшего **мога́* установилось нынешнее ударение *мо́га*; но согласный *г* формы 1-го лица единственного числа остался, как видим, вне воздействия остальных форм парадигмы со звуком *ж*.

В болгарском языке выпал из системы былого III класса глагол *сте́на* — ‘стону’ (ст.-сл. *стенати, стѣнж стѣнжиши*), но место ударения, принадлежавшее ему в прошлом соответственно его классу (накоренное — начиная со 2-го лица ед. ч.), им сохранено и обобщено, как обычно в болгарском языке, с перенесением его в 1-е лицо единственного числа. Характерен некоторый параллелизм развития (кроме 1-го лица ед. ч.) с русским языком, в котором *сто́нешь, сто́нет* и т. д., но с другой огласовкой; болгарское существительное *стон* — русизм.

Очень сомнительно, что уже древнейшей славянской особенностью являлась та, которую в формах настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения обнаруживают глаголы с тематическим гласным *e* (и группой *-ne*). А именно: у глаголов этого типа наблюдается в случаях, где корневой гласный *-ѣ* — из старого редуцированного же гласного, а за ним идет *n*, — подударность этого *ѣ*. Например: *гѣна* ‘гну, сгибаю’; *жѣна* ‘жну’; *мѣна* ‘мну’ (лен, кополю); *опѣна* ‘натяну’. Ср. и *мѣкна* ‘извлеку, вытащу; утащу’.

Не перед *n* такое ударение встречается лишь в редких случаях; ср.: *лѣжа* ‘лгу’. Эту особенность болгарского языка можно было бы

⁹⁴ Указания на новоаккутовую интонацию в нескольких языках: словен. *tòpēt* (с *г* вместо *ž*), чешск. *mížeš, míže* и под. не исключают ее вторичности — подчиненная аналогия глаголов III класса.

объяснить как обязанную тенденции охранить ударением находившийся в слове под угрозой выпадения корневой редуцированный гласный; но, как ясно хотя бы из случаев вроде *тѣка* 'тку', *рѣва* 'кусаю зубами, клювом; рву', дело здесь не в этом. В старославянском — глагол III класса.

Сербский язык показывает, что особенность, о которой идет речь, в большей или меньшей степени не чужда и ему. Так, ему известны формы: *жѣнем* (или, по Караджичу, в Далмации, *жѣнем*, т. е. с аналогическим, из системы инфинитива, корневым *e*); *пѣнем* 'натягиваю' (такого же рода образование); *мѣнем*.

Подобные знает и словенский язык: *žanjem* (при аналогическом *ženjem*) 'жну', *manem* 'тру', *maknem* 'мкну' (*meknem* — *mekniti*), хотя *zapnem* и под.

Для корня **lǝg* тоже характерны показания: серб. *lǝgati*: *lǝžem*, словен. *legāti*: *lǝžem*, но сербская огласовка этого слова имеет в основном, по-видимому, специальные основания, так как образовавшаяся группа *lg-* на сербской почве стояла под угрозой фонетического перехода в **ug-* (ср. диал. *ugati*) и действие индукции со стороны слова **lǝžь* предохранило соответствующий глагол от некоторого отрыва от его этимологической группы (к последнему явлению ср. серб. *ожужак* 'март' из **лжужак*⁹⁵).

Совокупность приведенных данных как будто позволяет подозревать начатки характеризуемого явления на южнославянской почве; но источник аналогии для него остается в большой мере проблематичным. Опорным пунктом аналогии могли стать, например, глагольные формы **ženǝ*: **žēnešь* (ср. серб. *жѣнеш*), но словен. *žéneš* (из **žēnešь*), которому соответствует и укр. *женѣш*, не поддерживает такой догадки. Несомненно, уже древнейшим славянским было отношение **tonǝ*: **tōnešь*, и можно догадываться поэтому скорее об индукции, пошедшей от этого слова; но и при этом предположении остается серьезное сомнение, поскольку словенский язык, который мог бы это обнаружить, ничем не показывает, что влияние шло от слова с новоакутовой интонацией в корневом гласном (словен. **tǝnem*)⁹⁶.

Связь именно последнего слова со словами группы *-ьн-* очень своеобразно проявилась, однако, как раз на самой болгарской почве: здесь 'тону' и т. д. звучит *тѣна* и т. д. Ближайшая причина этого факта не ясна, но пройти мимо него, говоря об интересующем нас вопросе, вряд ли можно.

§ 83. Хотя у глаголов типа *виѣя, виѣш, виѣ, пиѣя, пиѣш, пиѣ*, при русск. *вью, вьешь, вьет, пью, пьешь, пьет*, литературное болгарское ударение находит себе подтверждение в сербском: *виѣjem, виѣjesh, виѣjē...; пиѣjem, пиѣjesh, пиѣjē...*, со сравнительно-исторической точки зрения оно, несомненно, ново. Это ясно, во-первых, из диалектных показаний; ср., например, старокрым. *vié* 'вьет', *viét* 'вьют' (при 1-м лице ед. ч. *vié* с ударением, оттянутым по специальной фонетической причине), *piéshь, piépiét* 'пьют' (1-е лицо *pié* с фонетической рецессией)⁹⁷; во-вторых, наряду с сербскими *виѣjem, виѣjesh* и т. д., с долготой *e* первоначально в заударном закрытом слоге, Караджич отмечает также *виѣjem (виѣjesh...)* с кратким *e*, т. е., вероятно, полученным в таком виде из подударного положения; в-третьих, в словенском языке выступают *pijém, pijèš* и т. д. (горенск.), литер. *pijém, pijèš* и т. д., т. е., как показывает восходящая интонация

⁹⁵ E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch, I. стр. 751.

⁹⁶ Слово *ženjem* 'жну' свое *-ǝ-* имеет явно из инфинитива.

⁹⁷ Ср., например, и *пиѣesh* и т. д. в центральном родопском наречии — L. Miletič. Die Rhodopenmundarten der bulgarischen Sprache, стр. 156.

корневого слога, с ударением оттянутым со следующего слога; так же *viĵet, viĵeš* 'вью'...

§ 84. Показания болгарского языка ведут к тому, что, действительно, нынешнее литературное ударение слова *плюю, плюёшь*... в сравнительно-историческом отношении новее того, которое было в обращении еще в первой половине XIX столетия — *плюю*⁹⁸, — болг. *плѳя, плѳеши* и т. д.

§ 85. В системе болгарского глагола особенно важное со сравнительно-исторической точки зрения значение имеет различие образования и ударения в потомках древнейшего класса **-āĳe-*.

1. *бāя, бāеш* и т. д.; *мāя* 'медлю; задерживаю'; *тāя; трāя* 'существую, живу; продолжаюсь; терплю; дожидаюсь';

2. *знāя, знāеш*... и *знам, знаш*...

3. *копāя, копāеш*...; *мотāя; игрāя; желāя; седлāя;*

4. *пĳтам* 'спрашиваю — укр. питаю'; *прегрāждам* 'перегораживаю'. *разбĳвам, разбĳрам; пĳташ, прегрāждаш, разбĳваш, разбĳраш* и т. д.

Вместе с материалом говоров эти данные нынешнего литературного языка ведут к таким выводам⁹⁹.

Тип 1 представляет собою сохранение древнего состояния: его **-āĳe-* фонетически отразилось в виде *-ae-*.

Тип 2. *Знāя* отражает старину, параллельную *лāя; знам* — воздействие *дам* и многочисленных глаголов 4-го типа.

Тип 3. Это тип с корневыми гласными в прошлом краткостными; было *-āĳe-* в этом типе тоже сохранилось как *-ae-*.

Тип 4 охватывает основы с долготным по происхождению гласным и, по-видимому, с наибольшим основанием может пониматься как обязанный своим появлением фонетическому отношению: долгий предударный слог (гласный), остававшийся долгим перед конфигурацией **-āĳe-*, перетягивал ударение на себя (с новоакутовой интонацией; см. ниже); *-ae-* в заударном положении стягивалось в долгое *a*, и затем соответствующие образования уподобились, как в ряде других славянских языков, глаголу атематического класса *dātib: *dāsi (dāšb)*. Влиянием этого типа, исторически все возраставшего в числе входивших в него слов, объясняются морфологические варианты также типов 2-го и 3-го.

4. По аналогии 4-го типа, наряду с *копāя* и *мотāя*, когда в болгарском языке различие долготных и краткостных гласных в корне уже не могло служить опорой для языкового сознания говорящих, возникли формы *копам* и *мотам*. Глаголы *зобам* и *совам* сейчас существуют только в таком виде (**зобāя, *совāя* исчезли). Заметим, что *желāя* не очень надежно как пример 3-го типа: слово это вряд ли народное.

Как смотреть на некоторые глаголы вроде *дѳлбāя, касāесе, ласкāя, ридāя, ругāя, страдāя* с корневыми гласными, не отличающимися от долготных? Отчасти это русизмы: *касāе се* и под., или вообще слова книжного образования и употребления: *оправдāя; ухāя* 'благоухаю' (Н. Геров его не включил в свой словарь).

На другие приходится смотреть как на отразившие, вероятно, влияние слов старого лексического состава с краткостными по происхождению корневыми гласными. Ср. *дѳлбāя* при, надо думать, фонетическом *дѳлбам* (в словаре Н. Герова), *страдāя* — при *стрāдам* (Геров) и под.

⁹⁸ Документацию см. в моей книге «Русский литературный язык первой половины XIX века», стр. 212—213.

⁹⁹ См. «Исследования в области грамматической аналогии и родственных явлений. Славянские атематические глаголы». «Учені записки Харків. держ. унів. ім. О. М. Горького», № 19, 1940, стр. 6 и след.

Что высказанные предположения имеют под собою довольно надежные основания, ясно хотя бы из аналогии сербских — чакавских фактов. Так, в описанном А. И. Беличем чакавском говоре Нового — *pítān, pítāš* и т. д., *darívān, darívāš, zívānz, zívāš* 'зеваю' (интонация I — долгая восходящая, по происхождению — новоакутовая), но *korān, korāš* и т. д., *sedlān* и т. д. (*sedlō*, как, вероятно, и в болгарском — с рефлексом *e*, а не *ě*).

Не вхожу здесь в рассмотрение ряда моментов, относящихся к отдельным славянским языкам (особых замечаний требовал бы по этим вопросам словенский) и не касаюсь другого понимания соответствующих явлений (прежде всего — А. И. Белича)¹⁰⁰, по моему мнению, не отменяющего предложенных выше объяснений.

§ 86. Различие двух типов ударения (уже древнейшее славянское¹⁰¹), у класса инфинитивов *-ова-/oja-* [в системе настоящего времени изъявительного наклонения *-у- ю- (-uŕ. . .)*, — ср. русск. *ра́довать, мило́вать, жа́ловать; ра́дую, мило́ую, жа́лую; зиму́вить, пирова́ть, дарова́ть, ночева́ть (-ова- > -эва-): зиму́ю, пирю́ю, дарю́ю, ночю́ю*] в болгарском литературном языке как непосредственное почти полностью утрачено. Второй тип отразил в образованиях настоящего времени, восходящих к былому *-ова-* (*-ова-*), влияние форм с *-уй-* (*uŕ*), и соответствующие примеры звучат теперь: *зиму́вам, пирю́вам, дарю́вам, ноцю́вам* и т. д.

Потомки первого типа, поскольку они (в единичных случаях) сохранились, ассимилировались второму (*милю́вам*: русск. *мило́вать; рату́вам*: русск. устар. *ра́товать*) или же вошли в новый большой тип на *-вам* и т. д. в положении за согласным корня: *вя́рвам* (из **вѣруй*), *ра́двам* (из **радуй*); *наси́лвам* — ср. русск. *ве́рую, ра́дую, наси́лую* и под.

§ 87. Для глаголов IV-го класса (класса *-и-*), почти, впрочем, только для образований с былыми инфинитивами на *-iti*, в довольно длинном ряде случаев важно в акцентологическом отношении различить принадлежность соответствующих глаголов к окситонному типу, с одной стороны, и к типу с подвижным ударением (подударное окончание в I-ом лице единственного числа настоящего-будущего времени изъявительного наклонения: ударение на корне с новоакутовой интонацией гласного в остальных формах этой категории) — с другой. Ср. хотя бы проблематику, затронутую в известном исследовании Н. В. Ван-Вейка¹⁰².

Ван-Вейк не использовал в этом своем исследовании показаний болгарского языка, и это, по крайней мере в нескольких случаях, определенно снизило значение сопоставляемых им фактов.

Учитывая основное направление индукции у болгарских глаголов и, в соответствии с этим, придавая поэтому как свидетельству о старине значение в парадигме настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения показаниям форм почти только начиная со 2-го лица единственного числа, можем получить от болгарского материала ценные данные.

Очень подробного анализа требовало бы положение о том, что болгарский язык вполне определенно сохранил древнее различие в ударении форм настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения между типами с неподвижным ударением на корне (русск. *ста́влю, ста́вишь; сла́влю, сла́вишь* — болг. *ста́вя, ста́виш; сла́вя, сла́виш*) и подвижным в пределах 1-го лица единственного числа — на окончании и накоренным

¹⁰⁰ «Акцентатске студије», 1913, и др.

¹⁰¹ В конечном счете восходящее к различению накоренного ударения акутированного (неподвижного) и циркумфлектированного (или краткостного) перенесенного.

¹⁰² N. Van-Wijk. Zur Betonung der Verba mit stammbildendem *i*. «Archiv für slavische Philologie», Bd. XXXVII, Heft. 1—2, стр. 1—43.

в остальных формах: (русск. *давлó, давишь; молю́, молишь; хожу́, ходишь* — болг. *да́вя, мо́ля* 'молю, прошу'; *ходя́*) — с одной стороны, и типом с ударением на примете класса *-i-* (типом, который, по надежным свидетельствам украинского и сербского языков, в 1-м и 2-м лице множественного числа носил ударение на окончаниях: русск. *гощу́, гостишь; дарю́, даришь* — болг. *гостя́, гости́ш* и т. д. 'угощаю...', *даря, дари́ш*) — с другой стороны.

Те или другие колебания между обоими типами имели, однако, место, по-видимому, уже с самого древнего времени и так или иначе заявляют о себе и в отдельных языках.

На болгарской почве самое заметное — это отступление от древнейшего славянского **govoriš, *govorí* и т. д. — *говоря́, говори́ш* и т. д. (префиксальное *отговоря́, отговори́ш* и т. д.). Но заслуживает при этом внимания, что подобное отклонение характеризует в настоящее время не только болгарский, но и сербский язык — *говори́м, говори́ш*, не говоря уже об украинском — *говорю́: говори́ш* и т. д. Старину, кроме русского, сохраняет еще только словенский — **govoriš, govorí* и т. д.

Глагол *мълвя́, мълви́ш* и т. д., вероятно, сравнительно с русским сохраняет древнейшее ударение, соответствующее имени существительному *мълва́*. Русские *молвить, молвлю, молвишь* и т. д. при *молва́* требуют особого объяснения. Словен. *mólvití, mólvitím* 'ворчать и под'. известно только из диалектных источников и спорно в интонационном отношении.

Глагол *строю́, строи́ш* по ударению совпадает с серб. *стро́јити, стрóјим* и т. д. (*штро́јити*), хотя слово в последнем сильно отличается по значению — 'выхолащивать, холостить; (о коже) дубить'. С русским ударением, в сравнительно-историческом отношении неясным, соприкасается, но только в настоящем времени изъявительного наклонения словен. *stróim, strójiš* ('поправляю; лублю и под.') (из **strojō, *strojīšb*?)

Болгарский язык вообще хорошо сохранил старые ударения глаголов IV класса, и в ряде случаев расхождения между отдельными языками его показания могут считаться решающими в пользу определенного старинного места ударения. Вот несколько примеров. Русск. *держу́: держи́шь* и т. д.: укр. *держу́: держи́ш* (при *дѣржиш*); серб. *др́жиш* из **држи́ш* и т. д.; словен. *držiš* и т. д. (при диал. терск. *dárshita*, — Uzhilo, 105, но *darshíjo*, там же, 16). Болг. *държá, държи́ш* и т. д. позволяет уверенно говорить об исходном ударении **dbržīšb* и т. д.

Русск. *терплю́: терпи́шь* и т. д.: укр. *терплю́: терпи́ш* и т. д. (при *тѣрпиш* и т. д.); серб. *тр́пиш*, словен. *trpiš*. Болг. *търпя́* и т. д. поддерживает уверенность в том, что исходное ударение падало здесь не на корневой слог: **tbrpīšb... *tbrpīmo, *tbrpīte*, т. е., что русское ударение в этом случае относительно ново.

Русск. *верчу́: верти́шь* и т. д. (устар. *верти́шь* и т. д.): укр. *верти́ш* и т. д.; серб. *вр́тиш* и т. д.; словен. *urtiš* и т. д. Болг. *въртя́, върти́ш* и т. д. говорит о старине именно **vrtīšb* и т. д.

В глаголах этого подкласса (с бывшими инфинитивами на **-ěti, *-áti*) исходное ударение на *-i-* (по происхождению акутированном) приходится, впрочем, предполагать и по теоретическим основаниям¹⁰³.

Болгарские показания важны и по отношению к некоторым спорным по месту ударения глаголам с бывшими инфинитивами на *-iti-*. Так, русск.

¹⁰³ В рассмотрение специальной трудности — долготы корневых гласных у некоторых образований в сербском языке — сейчас не входим.

плачу́: пла́тишь, хотя и поддерживаемое укр. *плачу́: пла́тиш* и серб. *пла́тиш* и т. д., возбуждает сомнения относительно своей древности. На существование древнейшего ударения *пла́тишь* и т. д. указывает уже, например, старое литературное произношение *плóтишь* и т. д., очевидно, — аналогического происхождения, — как и в других случаях, возникшее при переводе, под влиянием южнорусских говоров, глаголов этого типа ударения в подвижный тип (ср. *кошу́: ко́сишь* и под.). В этом понимании укрепляют словен. *platis* и болг. *платя́, плати́ш* и т. д.

Следует, впрочем, отметить, случай, где показания болгарского языка, по-видимому, дают факты относительно новые. Это образования с корнем *лож-: залóжа, залóжиш* и т. д., *полóжа, полóжиш* и т. д. Хотя такое ударение мы имеем и в современном русском языке (в севернорусском наречии даже *полóжить* и под.), его не следует возводить к глубокой старине: и соврем. русск. *ложи́шься, ложит́ся* и т. д., и серб. *лóжиш* и т. д. (из **ложи́ш* и т. д.), и словен. *položiš* и т. д.¹⁰⁴ говорят о первоначальности **ložiš* и т. д. Не исключена, впрочем, хотя и не очень вероятна, возможность, что уже в древнейшем славянском языке у этого слова наметились варианты **ložiš* и т. д., но с префиксом — **polo žiš* и т. д.

Отличаются от русского по месту ударения еще такие производные, как *покоя́ се* (русск. *покоюсь* и т. д.) — «Тялк. речник» — книжное; *присвоя́* — книжное; *заверя́* 'заверяю'; ср. и диал. *веря́ се* 'клятвенно заверяю, уверяю.' Литературное (?) *веря́* 'даю на веру' употребляется с двумя возможными ударениями: старейшим — на корне, соответствующим русскому (ср. акутовую интонацию слова *вбра́*: и.е. **vēr-*), и со сравнительно-исторической точки зрения более новым — на гласных основы. Ср. и *раня́*.

§ 88. Глагольные образования от имен существительных на *-от, -он* со значением звучаний, подударных на корневой (первой) части слова, обычно выступают с ударением, перетянутым на суффиксальный элемент: *ро́пот: ропóтя; трóпот: тропóтя* 'топочу'; *ше́пот: шепóтя; бóбот* 'шум, гам': *бобóтя* 'шумлю; рычу, ворчу и под.'; *рóмон* 'журчание; приятный шопот (листьев и др.); шелест': *ромóня* 'журчу; тихо говорю'; — ср. и *румóля; кикот́* 'хотот': *кикóтя се* 'хохочу'.

В основном этот тип глаголов восходит к былому общеславянскому III классу (с приметой *-je-*), типу, в котором, начиная со 2-го лица единственного числа, ударение с начального краткостного гласного фонетически перетягивалось на слог перед *-je-* и на соответствующем гласном возникала новоаккутовая интонация (ср. русск. *хлопочу́: хлопóчень* и т. д.).

Но при *шумол* (по словарю Берншт. — *шумól*) — *шумоля́* (по Герову — с ударением на *-о-* и на окончании). Весьма вероятно, что существительное *шумол* не первично, а, наоборот, представляет производное от глагола и этим объясняются его своеобразные акцентные особенности. *Шумоля́* входит в класс глаголов, восходящих к образованиям на *-i-* (IV класс) с ударением на конечном гласном; ср. и *трополя́* (при приведенном выше *тропóтя* — по III классу). Иначе — *румóля* (Геров, Вейганд).

В параллель древнерусским свидетельствам¹⁰⁵, с которыми частично совпадают показания живых южнославянских языков, нужно отметить

¹⁰⁴ Словен. *ložiš* и т. д. взято М. Плетершником из ненадежного источника.

¹⁰⁵ Подробно см. в моей книге «Курс русского литературного языка», II, стр. 252—254; Chr. S. Stang. La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пѣхотныхъ людей 1647». Oslo, 1952, стр. 62.

для болгарского довольно широко представленную даже в недавнем прошлом и в говорах, а отчасти сейчас и в литературном языке особенность ударения некоторых префиксальных глаголов в будущем (настоящем) времени изъявительного наклонения. Ряд образований с выпавшим в корне былым редуцированным гласным и с перешедшим в *й* гласным *и* в положении за предшествующим гласным префикса переносят (переносили) ударение на префикс: *дѡпра* 'коснусь, дотронусь' (теперь — обычно *допра́*); *запра* 'запру' (теперь обычно — *запра́*); *пѡчна* 'начну', и под.; *дѡйда* 'приду', *найда́*, *найма́* 'найму' и под. И принципиально соответствуют серб. *пѡчнѣм*, *на́дмѣм*, *ра́здрѣм*, *за́прѣм*.

Не все относящееся к теории таких образований ясно¹⁰⁶, но что подударность гласного звука в префиксе у них стоит в связи с наличием в прошлом редуцированного гласного срединного слога, не удержавшего на себе ударения, это не подлежит сомнению.

Что касается подобных образований с корневым *и* (*i*), то тут, как уже замечено, суть дела в другом: подударное во всех формах, кроме 1-го лица единственного числа, срединное *и* (*i*) утрачивало в положении непосредственно за гласным свой характер полного гласного звука и отдавало свое ударение, становясь второй частью вновь образовавшегося дифтонга, предшествующему полному гласному.

Известную роль при этом могло, конечно, сыграть наличие образа в виде довольно многочисленных образований с подударным гласным префикса при корнях с редуцированными гласными.

§ 87а. Болгарским говорам довольно широко известно в формах 1-го лица единственного числа настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения ударение, оттянутое на префикс¹⁰⁷, но сохраняющееся на гласном корня или основы в остальных формах этой грамматической категории. Ограничиваюсь примерами (привожу их без сопровождающих частиц *ше* и *да*) из описанного мною говора Старого Крыма¹⁰⁸.

1. *заплѣтъ* 'заплету': *заплѣтѣш*^в 'заплетешь'; *занѣсѣтъ* 'занесу': *занѣсѣш*^в, *напѣжѣтъ* 'напеку': *напѣжѣ*^в 'напечет'.

2. *зашиѣтъ* 'зашью': *зашиѣм* 'зашьем'; *наси́п*^в 'насыплю; налью': *наси́пѣш*^в 'насыплешь; нальешь'; *заплѣжѣтъ* 'заплачу'.

3. *пѡфале* 'похваляю': *пѡфа́лѣтъ*^в 'похвалят'; *нау́че съ* 'научусь'; *затѡре* 'затворю'.

4. *дѡткъм* 'дотку'; *дѡкъръм* 'пригону, приведу'.

5. *ѡбѣям* 'отсею' (но *засѣям* 'засею').

На префиксы с редуцированным гласным, впрочем, ударение в форме 1-го лица единственного числа, по-видимому, не переносится: *съшиѣя*.

Что действительно наблюдается во многих говорах указанного типа ударение на префиксальном гласном и у глаголов, оканчивающихся в 1-м лице единственного числа на *-ам*, представляет собою факт аналогического происхождения, с достаточной, думаю, определенностью видно из того, о чем почти мимоходом как о своем личном наблюдении упоминает Цонев (в указ. соч., стр. 365—366). В одном ахрчелебийском

¹⁰⁶ Некоторые подробности и соображения, относящиеся специально к украинскому языку, см. в моей статье «Порівняльно-історичні розвідки в ділянці українського наголосу». «Мовознавство», 19, № 5, стр. 76—80. См. у Н. Ван-Вейка в «Indogermanische Forschungen», Bd. XL, 1922, стр. 269—275.

¹⁰⁷ См., например, L. Miletič. Das Ostbulgarische, стр. 64—65; 159.

¹⁰⁸ «Ударение старокрымского болгарского говора». В кн. «Сборник в честь на академик Александр Теодоров-Балан». София, 1955, стр. 141—142. Принятые обозначения звуков — стр. 131—132.

говоре (Чокманово) он констатировал важное различие в месте ударения в зависимости от того, выступает ли соответствующая форма с окончанием *a* (из древнейшего носового *o*) или с аналогическим окончанием *-am*. Здесь говорят: *ízl'aza, pózlat'a*, но *да изл'ázам, да позлát'am*, т. е. в первом случае — в соответствии с принимаемой мною фонетической тенденцией (былою подударностью конечного *ъ* из носового *o*), во втором — так, как форма должна звучать без условия для действия упомянутого фактора.

Повелительное наклонение

§ 89. Со сравнительно-исторической точки зрения болгарское литературное ударение и ударение ряда говоров по отношению к формам повелительного наклонения представляет довольно многочисленные новообразования. Самое заметное — обобщение конечного ударения: *станí, станéте, гаснí, гаснéте, мажí, мажéте, плачí, плачéте* и под.: ср. хотя бы русск. *стань* (из **стáни*), *стáньте* (из **стáнъте*), *гасни*, *гасните*, *мажь* (из **мáжи*), *мáжьте*, *плачь* (из **плáчи*), *плáчьте* и под.

Этому правилу не подчиняются только слова с конечным *й*, выступающие с ударением предшествующего гласного: *знай, зна́йте, лай, ла́йте, мий, мийте* и под.; так и *бой се, бо́йте се, стой, сто́йте* и под., хотя в формах настоящего времени подударна примета класса: *бои́ш се, стои́ш* и т. д.

В юго-восточных говорах и некоторых западных действует тенденция, противоположная характерной для литературного языка и ряда народных говоров, — ударение в формах повелительного наклонения оттягивается на корень: *плéти, плéтите, плáти, плáтите, мблчи, мблчите*. Есть также и говоры (главным образом юго-восточные), верные старине.

Очень характерно в говорах то, что относится к префиксальным образованиям. В литературном языке, как и в ряде говоров, и у этих образований действуют указанные общие правила. Но в юго-восточных и в некоторых северо-западных говорах широко распространено ударение префиксальной части форм повелительного наклонения: *ízплети, ízплетете, нáбери, нáберете, ízбери, ízберете, óтбери, óтберете, óтвори, óтворете, зáпали, зáпалете*, и под., — явление явно новое, любопытное с точки зрения возможных именно у императивов специальных тенденций¹⁰⁹.

Трудно сказать что-нибудь определенное по поводу отмеченных Младеновым форм с отпавшим *и*: *дръж, дръжете* (от *дръжа, дръжиш*), при диал. *дръжи, дръжите*, и диал. *леж, лежете* (при обычных *лежи, лежете*). Можно только заметить, что первый глагол в русском языке также выпал по ударению из своего типа — *дръжишь* вместо более раннего *держишь* (ср. укр. *дérжиш* и устар., *держиш* хотя такой параллелизм в данном случае скорее только случайность). Хотя *връжи*, тоже с корневым *ж* остается верным старине, можно, однако, подозревать, что свою роль в отношении других слов сыграло в первую очередь слово *еж* (*яж*) из *ежд(ь)* 'ешь' атематического класса спряжения, за которым последовали созвучные *беж* (*бяж*) (вместо *бягай*); ср.: „канят ли те, *еж* (*яж*), гонят ли те *беж* (*бяж*) и *леж*“ (обычно — исконное *лежи*).

Хотя сравнение с другими славянскими языками и не оставляет места сомнению в том, что диалектное ударение императивов вроде *зéми*

¹⁰⁹ Все существенное см. в кн.: С. Младенов. *Geschichte der bulgarischen Sprache*, § 89, стр. 174—175.

„возьми“, *мблчи, науци, прогледни* действительно оттянутое с конечного слога, стоит отметить и тот не лишенный своей поучительности факт, что и в самих говорах с таким ударением (например, в орханийском) употребление подобных форм в связи с энклитизирующимися словами вроде *ми, ме, се* характеризуется сохранением (старого) конечного ударения, т. е. здесь говорят: *цафтѣ-ми, научѣ-ме, претрупѣ-ме, запалѣ-ме, задомѣ-се*¹¹⁰.

Что касается отношения ударения множественного числа к единственному, то по этому вопросу все существенное исчерпывается указанием Цонева (стр. 367) на то, что в южной группе говоров оттянутое ударение характерно только для 2-го лица единственного числа, и рецессия, таким образом, на множественное не распространяется, а в западной группе распространяется и на множественное (хотя эта группа не проводит рецессии ударения на префиксы; ср. *плѣти* и *плѣтите*, но также: *заплѣти* и *заплѣтите*).

Аорист

§ 90. В отношении ударения аористов, по Б. Цоневу¹¹¹, различаются три зоны. В первой (в основном западная группа, западно-центральные говоры и некоторые южные) ударение падает на примету класса глагола: *дигна́х* и *зидигна́х*; *моли́х* и *помоли́х*. Во второй (западная часть северной акцентной группы — области Ломская, Видинская, Раховская и др.) проявляется различие между ударением беспрефиксных и префиксальных глаголов: *дигна́х*, но *зиди́гнах*; *моли́х*, но *помо́лих*, — различие, пролагающее себе путь и в литературном языке. В третьей (северо-восточной — Шумен, Разград и др.; так и во всех родопских говорах) — ударение форм аориста совпадает с ударением настоящего (будущего) времени изъявительного наклонения: *ди́гнах*, *поди́гнах*; *мо́лих*, *помо́лих*; *дѣржа*, *дѣржа́х*; *да подарѣ*, *подари́х*.

Со сравнительно-исторической точки зрения наименьший интерес представляет, конечно, третий тип ударения, явно аналогический. Из двух первых, по всей вероятности, старше второй — с различием беспрефиксности и префиксальности.

Имперфект

§ 91. В целом болгарское ударение имперфекта (преходящего) не представляет со сравнительно-исторической точки зрения какого-либо специального вопроса: как хорошо известно¹¹², ударение имперфекта только воспроизводит выдержанные в парадигмах ударения соответствующих форм настоящего времени. Любопытно, однако, отступление от этого общего правила, наблюдающееся в некоторых босилградских говорах. Как отмечает, например, Цонев же (стр. 364), в некоторых говорах этой области ударение имперфекта, сравнительно с настоящим временем, оттянуто на один слог назад: *плѣтѣ* (1-е лицо ед. ч. — с отпавшим согласным *х*), *плѣтѣше* (2—3-е лицо ед. ч.), *плѣтѣмо* (1-е лицо мн. числа — с выпавшим *х*), *плѣтѣсте* (2-е лицо мн. ч.), *плѣтеа* 3-е лицо мн. ч.) — Горна Лисина; *кля́дѣ*, *кля́деше*, *кля́дѣме*, *кля́дѣте*, *кля́дѣя* —

¹¹⁰ См. Б. Цонев. История на български език, I, изд. 2-е, 1940, стр. 367.

¹¹¹ Б. Цонев. Указ. соч. Изд. 1-е, 1920, стр. 366.

¹¹² Ср. хотя бы Б. Цонев. Указ. соч., I. Изд. 2-е, 1940, стр. 363.

Долна-Любата. В с. Тльмино отмечается при этом специальное удлинение перед выпавшим *x* в 1-м лице единственного числа: *плётѣ*. Судя по приведенным у Цонева *плётѣме*, *плётѣте*, то же имеет место здесь и в формах 1-го и 2-го лица множественного числа, так же с выпавшим тавтосиллабическим *x* (ср. 3-е лицо множественного числа с гетеросиллабическим *x* — *плётеха*), а его указание на одну форму 1-го лица единственного числа — скорее всего неточная формулировка. Факты выглядят так, что выпадение тавтосиллабического *x*, по крайней мере в Тльмино, вызывало удлинение предшествующего гласного *e*; но, вероятно, не это удлинение здесь причина наблюдающейся рецессии. Если бы дело обстояло именно так, не ожидалось бы рецессии и в остальных формах — 1—2-го лица ед. ч. *плётеше*, 3-го лица мн. ч. *плётеха*, хотя не исключена, конечно, возможность, что последние представляют собою только продукты относительно позднего выравнивания парадигмы по 1-му лицу единственного числа и др.

Отбрасывая допущение в основном фонетического фактора в наблюдающейся в босилоградских говорах рецессии, нужно предположить, что она могла возникнуть здесь под влиянием оттянутого сравнительно с настоящим временем ударения аористных форм.

Л. Э. Калынь

КАТЕГОРИЯ ТВЕРДЫХ-МЯГКИХ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Настоящая работа посвящена рассмотрению категории твердых-мягких согласных фонем в белорусском языке. Рамки исследования непосредственно определены историей формирования белорусского языка. Формирование белорусского языка как самостоятельного языка одной из восточнославянских народностей относится к сравнительно позднему времени, главным образом к XIV—XVI вв. Структура большей части специфических белорусских особенностей такова, что они могли развиться только после падения редуцированных. Это аканье, появление [ы] на месте слабого [ъ] сочетаний *рѣ*, *лѣ* между согласными, переход [е] в [о] в известных положениях, развитие в части белорусских говоров дифтонгов [уо] и [иѣ] в новых закрытых слогах, появление долгих зубных согласных на месте зубных в сочетании с [j], изменение [л] в [ў], представленное в определенных морфемах, и некоторые др.

То обстоятельство, что формирование белорусского языка относится к эпохе после падения редуцированных, означает, что становление категории твердости-мягкости в ее специфических белорусских формах также относится ко времени после падения редуцированных. До падения же редуцированных категория твердых-мягких согласных фонем прошла общий путь развития как в говорах, легших позднее в основу белорусского языка, так и в говорах, на основе которых развились русский и украинский языки¹.

Как известно, в фонологическом становлении категории твердости-мягкости в восточнославянских языках веками, имеющими принципиальное значение, было смягчение полумягких согласных и падение редуцированных. Этим объясняется, что, несмотря на все те особенности, которые развились в белорусском языке в отношении твердости-мягкости, в целом эта категория за период существования белорусского языка как языка самостоятельной народности, а затем нации, так же как в русском и украинском, принципиальных фонологических изменений не претерпела. К началу своей истории белорусский язык унаследовал из древнерусского языка категорию твердости-мягкости согласных в том

¹ См. Л. Э. К а л ы н ь . Развитие категории твердости-мягкости согласных в русском языке. «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», 1956, т. XIII.

состоянии, к которому она пришла в результате смягчения полумягких и падения редуцированных: твердые и мягкие согласные представляли собой парные соотносительные фонемы, противопоставленные перед некоторыми гласными, перед некоторыми согласными и на конце слова; в определенных позициях противопоставление твердых и мягких фонем нейтрализовалось. При этом гласные [и] и [ы] были уже функционально объединены, представляя собой разновидности одной и той же фонемы. В дальнейшем белорусский язык развивает в области категории твердости-мягкости специфические особенности. Это развитие идет главным образом по линии расширения или сужения противопоставления тех или иных твердых-мягких фонем в том или ином положении. Кроме того, фонологической системе белорусского языка или отдельных его говоров придает своеобразие появление звуковых модификаций отдельных согласных фонем (ср. дзеканье и цеканье, изменение [в] и [л] в [ў] и некоторые другие особенности).

Анализ категории твердых-мягких согласных фонем в белорусском языке проведен по следующему плану.

1. Некоторые процессы в области белорусского консонантизма, обусловившие своеобразие категории твердости-мягкости в фонологической системе белорусского языка.

Эти вопросы выносятся в начало работы с тем, чтобы, выяснив фонологические последствия тех или иных фонетических процессов, не возвращаться к ним в дальнейшем исследовании.

2. Твердые-мягкие согласные фонемы в конце слова.

3. Твердые-мягкие согласные фонемы перед гласными (ударенными и безударными).

4. Твердые-мягкие согласные фонемы перед согласными.

Материалами исследования являются как показания западнорусских памятников письменности, так и данные диалектологии.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЛАСТИ БЕЛОРУССКОГО КОНСОНАНТИЗМА, ОБУСЛОВИВШИЕ СВОЕОБРАЗИЕ КАТЕГОРИИ ТВЕРДОСТИ-МЯГКОСТИ В ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА

Дзеканье и цеканье

§ 2. Особенностью, представленной в большей части белорусских говоров, является дзеканье и цеканье: произношение свистящих аффрикат [дз'], [ц'] в соответствии с общерусскими [д'], [т']. Дзеканье и цеканье ослаблено на южной окраине Белоруссии, где белорусские говоры взаимодействовали с русскими и украинскими, не знающими этого явления. Ранние случаи отражения дзеканья и цеканья в западнорусских памятниках письменности датируются началом XVI в., однако в языке это явление развилось раньше².

О возможных причинах возникновения дзеканья и цеканья, появившихся в ходе взаимодействия говоров, легших в основу белорусского языка, с говорами, положенными в основу украинского языка, с одной стороны, и русского — с другой, см. в статье Р. И. Аванесова «Вопросы образования русского языка в его говорах»³.

Возникает вопрос о том, как относятся согласные [ц'], [дз'] к согласным [т], [д], образуют ли согласные [т] и [ц'], с одной стороны, и [д]

² См. Е. Ф. Карский. Белорусы, II. Язык белорусского племени, ч. 1, 1903, стр. 435.

³ «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 134.

и [дз'] — с другой, пары фонем, соотносительные по твердости-мягкости. В белорусском, так же как и в русском языке, фонемы, образующие соотносительную пару, характеризуются тем, что они имеют одно звуковое различие и противопоставление их нейтрализуется в определенных фонетических позициях. Однако первое из этих условий не является абсолютно обязательным. Так, в некоторых русских говорах, знающих шепелявое образование фрикативных зубных, согласные фонемы [ш'], [ж'] (из [с''], [з'']) образуют соотносительную пару по твердости-мягкости с фонемами [с], [з]. Более чем одно звуковое различие отличает и согласные [т] — [ц'], с одной стороны, и [д] — [дз'] — с другой; второй согласный каждой пары отличается от первого наличием палатальности и фрикативного элемента. В звуковом отношении фонема [ц'] образует пару по твердости-мягкости скорее с [ц], чем с [т]. Однако функционально фонемы [ц'], [дз'] в белорусском языке объединяются с [т], [д]. Противопоставление [т] — [ц'] и [д] — [дз'] нейтрализуется в тех фонетических позициях, в которых обычно нейтрализуются противопоставления других согласных фонем, парных по твердости-мягкости.

Следует заметить, что в белорусском языке противопоставление твердых-мягких фонем вообще нейтрализуется менее широко, чем в русском языке. В русском языке в большей части говоров эта нейтрализация имеет место перед гласным [е] и перед согласными. В белорусском же языке противопоставление твердых-мягких фонем нейтрализуется лишь в положении перед согласными. Что касается положения перед [е], то в белорусском языке здесь употребляются не только мягкие, но и твердые согласные фонемы. Последнее имеет место в усвоенных белорусским языком словах польского происхождения (*люстэрка, майстэрня, тутэйшы, нэндза, камізэлька, пэрлы, пэўны* и т. д.), в отдельных белорусских словах (*сэрца, сардэчна, уздэчка, мястэчка*), а по говорам в окончаниях род., дат., местн. п. ед. ч. прилаг. ж. р. (*аднэй, маладэй, залатэй*), тв. п. ед. ч. сущ. ж. р. (*жанэйу*) или местн. п. сущ. м. р. (*сталэ, сынэ*).

Противопоставление фонем [т] — [ц'], [д] — [дз'] нейтрализуется в положении перед твердыми зубными. Ср. *пот — кос'ц'* и *пóтны, кóстны; адóя — падз'онка* и *дном, дн'ом*. Таким образом, согласные [т] — [ц'] и [д] — [дз'] образуют пары фонем, соотносительных по твердости-мягкости. Однако соотносительность их менее ярка, чем, например, соотносительность фонем [т] — [т'], [д] — [д'] в русском языке, так как в белорусском языке условия нейтрализации противопоставления фонем [т] — [ц'], [д] — [дз'] сужены не только по сравнению с условиями нейтрализации противопоставления [т] — [т'], [д] — [д'] в русском языке, но и по сравнению с условиями нейтрализации противопоставления остальных твердых-мягких зубных согласных фонем в самом белорусском языке. А известно, что чем больше таких фонетических условий, в которых происходит нейтрализация, тем ярче противопоставление соотносительных фонем и, наоборот, если противопоставление фонем вообще не нейтрализуется, то противопоставленность их не является противопоставлением соотносительных фонем.

Изменение общерусских [в], [л], [у] в [ў]

§ 3. В положении перед согласными и на конце слова в белорусском языке известен звук [ў], артикуляционно стоящий на грани вокализма и консонантизма. Этот звук выступает на месте согласных [в], [л] перед согласными и на конце слова, а также на месте безударного гласного [у]

в начале слова после слова, кончающегося на гласный, при отсутствии паузы между словами.

Возникает вопрос о месте [ǔ] в фонологической системе и отношении его к [в], [л], [у], с которыми [ǔ] может чередоваться, функционируя в одной морфеме.

Произношение [ǔ] на месте общерусского [в] перед согласными и на конце слова — древняя особенность говоров, легших в основу белорусского языка, она свидетельствуется западнорусскими памятниками уже с XIII в. После падения редуцированных согласный [ǔ] в белорусском языке представляет собой слабую фонему, в которой нейтрализуется противопоставление сильных фонем [в]—[в']⁴ в положении перед твердыми и мягкими согласными и на конце слова. Ср. в современных говорах: *крóў, карóў, дубóў, паўтарáц', крýда, айса́; жывы́ и жыўнас'ц'*; *кывы́ и крýда, пакрýдз'иц'* и т. д. Согласные фонемы [в], [в'], с одной стороны, и [ǔ]—с другой, исключают друг друга в одном и том же положении.

Появление [ǔ] на месте общерусского [л] в определенных морфемах на конце слова и перед согласными относится к более позднему периоду; западнорусскими памятниками оно свидетельствуется лишь с XV в. В системе современного белорусского языка согласный [ǔ] по отношению к [л] представляет собою совершенно самостоятельную фонематическую единицу: [ǔ] и [л] различаются во всех тех положениях, где представлен согласный [ǔ] (исключение составляет начало слова, перед согласным, так как [л] в этом положении отсутствует: перед ним развивается гласный [и] (ср. *ил'ва́, ил'ац'*); ср. *быў, даў, пайшоў — стóл, кóл, пасóл, гóл; вóўк — в'ас'óлка; дóўга — ил'ац'*; *баўтўшка — султáн; паўба́ды — пóлб'енный* и др. Таким образом, согласный [ǔ] по отношению к [л] является самостоятельной фонематической единицей. В связи с этим чередование *л/ў*, которое имеем в случаях типа *была́—быў*, должно квалифицироваться, как морфологизованное и характеризующее образование данных глагольных форм. Тем обстоятельством, что в фонологической системе белорусского языка [ǔ] функционально объединен с [в], а не с [л], объясняется появление по говорам [в] в случаях *човен* (Новогр. у., Кар. Бел. пес. № 3, стр. 127⁵); *повныи вёдра, проехив, дывжину, повин, човин, пошов* (Вит. у., Мат. б.-р., III, стр. 18); *лен дове́* (Гом. у., Кар. Зам. б.-р. нар., стр. 137); *ходыв, помн'ав, побыл'ив, пыв, на жóвтур, опран'ўс'а*. (Пруж. р-н, Зен., стр. 201).

В абсолютном начале слова перед согласными общерусский согласный [в] изменился в [у]. В фонологической системе современного белорусского языка всякая функциональная связь между [в] и [у], выступающими в соответствии с общерусским [в] в начале слова перед согласными, утрачена. Гласный [у] из [в] фонологически отождествился с начальным безударным [у], восходящим к общерусскому [у] (в белорусском языке слово *ужыва́ца* соответствует русским *вжива́ца* и *ужыва́ца*). В начале слова перед согласным после слов, оканчивающихся на гласный, на месте безударного гласного [у] выступает [ǔ]. Ср. *он ун'ос — ана ўн'асла́, он удав'ёц — ана ўдава́*. В этом случае [ǔ] является разновидностью слабой фонемы [у] (безударный гласный [у] функционирует в системе слабых фонем одного из безударных слогов). Таким образом, [ǔ] функ-

⁴ О теории слабых и сильных фонем см. Р. И. Аванесов. Кратчайшая звуковая единица в составе слова и морфемы. Сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 113—139.

⁵ Список принятых сокращений см. в конце работы.

ционирует как в системе консонантизма, так и вокализма, в первом случае представляя собой слабую фонему, в которой нейтрализуется противопоставление сильных фонем [в]—[в'], во втором выступая в качестве фонетически обусловленной разновидности слабой фонемы [у]. Несмотря на наличие одинакового с точки зрения физиолого-акустической элемента чередования ряды чередований $\begin{matrix} [в] \\ [в'] \end{matrix} \begin{matrix} \left\{ \begin{matrix} [\ў] \\ [у] \end{matrix} \right. \end{matrix}$ и $[у]—[\ў]$ не являются пересекающимися, так как фонологическая сущность этого общего элемента неодинакова в том и другом ряду чередований⁶.

Изменение зубных согласных в сочетании с [j] в долгие мягкие зубные

§ 4. Характерной чертой белорусского языка, представленной в большей части его говоров, является наличие долгих мягких зубных согласных, по своему происхождению восходящих к сочетаниям соответствующих твердых и мягких зубных согласных с [j] не на стыке приставки и корня. Ср. *жыц'ó, судз'á, рыс'у, палóз'а, адóн'а, кóл'а, л'ý*. На стыке приставки и корня долгие зубные согласные не появлялись: здесь перед [j] согласные [т], [д] сохраняли свое качество, а [с], [з] — смягчались не продлеваясь; что касается общерусских [т'], [д'], [с'], [з'], а также [л], [н] и [л'], [н'], то они перед [j] на стыке приставки и корня вообще отсутствовали. Губные согласные и [р], будучи перед [j] твердыми в любом положении в слове, в долгие не изменялись.

Возникает вопрос о месте долгих мягких зубных в фонологической системе современного белорусского языка. Наличие в языке рядом с формами *жыц'ó, судз'á, рыс'у, с'в'ин'á, л'ý* форм *хамjó, з'в'арjó, с'амjá, крб'ýжу, п'ý* позволяет и в синхронном плане рассматривать фонемы [ц'], [дз'], [с'], [н'], [л'], как соответствующие сочетаниям недолгих зубных согласных фонем с [j]. Но каких, мягких или твердых зубных фонем? Твердые губные фонемы перед [j] в современной белорусской фонологической системе представляют собой слабые фонемы, в которых нейтрализуется противопоставление соответствующих твердых и мягких губных сильных фонем. Так же обстоит дело и с долгими мягкими зубными: в них нейтрализуется противопоставление сильных твердых и мягких зубных согласных фонем в сочетании с [j], который ассимилируется предшествующим согласным.

Ср.	ц'	ц'j	<i>жыц'</i> — <i>жыц'ó</i>
		tj	<i>брат</i> — <i>брац'а</i>
дз'	дз'	дз'j	<i>грудз'</i> — <i>грудз'у</i>
		dj	<i>суд</i> — <i>судз'á</i>
с'	с'	с'j	<i>рыс'</i> — <i>рыс'у</i>
		cj	<i>касá</i> — <i>кас'ó</i>
з'	з'	з'j	<i>граз'</i> — <i>граз'у</i>
		zj	<i>пóлаз</i> — <i>палóз'е</i>

⁶ О рядах чередований см. Р. И. Аванесов. Указ. соч., стр. 122 и след.

н̄'	н̄'j	во́с'ен' — во́с'еñ'у
	н̄j	дно — адо́н'е
л̄'	л̄'j	мо́л' — мо́л'у
	л̄j	ко́л — ко́л'е

Таким образом, мягкие долгие зубные согласные в фонологической системе современного белорусского языка представляют собой слабые фонемы, в которых нейтрализуется противопоставление сильных твердых и мягких зубных согласных фонем в сочетании с [j]; при этом [j] ассимилируется предшествующими согласными. Можно заметить, что долгота мягких зубных выполняет ту же морфологическую функцию, которую по отношению к губным и [p] несет согласный [j]; ср. тв. п. ед. ч. *кроў'ју, іар'ју* и *граз'у*.

Если противопоставление твердых и мягких губных фонем нейтрализуется в твердой губной фонеме перед [j] в любом положении в слове, то противопоставление твердых и мягких зубных фонем со своей стороны нейтрализуется в долгой мягкой зубной фонеме только в сочетании с [j] не на стыке приставки и корня. На стыке приставки и корня противопоставление [д]—[дз'] нейтрализуется в [д], а [з]—[з'] преимущественно в [з'], причем согласный [j] сохраняется. Ср. *ад'јехаў, пад'јехаў, з'јэм, з'јэхаў*'.

В немногих белорусских говорах перед [j] не на стыке приставки и корня губные согласные так же изменяются в долгие мягкие губные, ассимилировав себе последующий [j]. Если это изменение проведено последовательно, то единственным доказательством в пользу синхронной функциональной связи между долгими мягкими согласными и соответствующими недолгими согласными являются формы, в которых перед [j] представлена фонема [p] (*пёр'ја, з'в'ар'јо, јур'ја*). Если же изменению в долгой зубной согласный подвергается и [p], то синхронная функциональная связь между долгими мягкими фонемами и соответствующими недолгими рушится. Долгие мягкие согласные (а [p] может быть и немягким) в этом случае должны квалифицироваться как самостоятельные фонемы, противопоставленные недолгим согласным фонемам. Ср. *жыц'о—ц'отка, судз'а—дз'адз'а, кас'о—с'омы, с'виñ'а—даўжын'а, л'у—л'удз'и, в'ераб'а—раб'ата, с'ам'а—м'аса* и т. д. Однако говоры с этой особенностью встречаются чрезвычайно редко. Один такой говор был зафиксирован в Витебском уезде, ср. *суд'дя, свацця, жыцце, подполя, щукар'ыб'бя кось, Юр'ря, звар'ре, пер'ря* (Мат. б.-р. III, стр. 18).

В немногих говорах противопоставление твердых и мягких зубных фонем в сочетании с [j] не на стыке приставки и корня нейтрализуется в недолгой мягкой зубной фонеме с ассимиляцией последующего [j] (*судз'а, жыц'о, кас'о, палоз'а, адон'а, кол'а*).

Отверждение [p']

§ 5. В большей части белорусских говоров согласный [p] соответствует как общерусскому [p], так и [p']. Отверждение [p'] относится к сравнительно позднему времени; оно отмечается в памятниках с XIV в. О позднем отверждении [p'] в белорусском языке свидетельствуют и структурные данные. Согласный [p'] отвердел после изменения [e] > [o] (ср. *бар'о́за, упал'ар'ок*), после формирования яканья (ср. *страл'ы, ракі, драм'учый*). Таким образом, до отверждения [p'] в соответствующих говорах фонемы

[p'] и [p] различались перед гласными [и (ы)], [y], [a], [o]. Вероятно [p'] и [p] были противопоставлены и перед твердыми губными и задненебными согласными, как это имеет место в современных восточных белорусских говорах, имеющих [p'] и в положении перед гласными. В говорах с отвердевшим [p'] согласный [p] относится к числу непарных твердых согласных фонем.

Отверждение мягких губных согласных с выделением [j] в положении перед гласными

В некоторых, главным образом юго-западных, белорусских говорах в положении перед непередними гласными, а именно перед ударенным [o], перед ударенным и безударным [a], перед [y], губные согласные утратили мягкость, выделив при этом дополнительную артикуляцию в виде [j]. Ср. *м'јот, в'јоска, в'јазц', п'јатно, п'ом'јац, м'јата, ур'ем'ю, с'ем'ю, в'ым'ю, в'р'ем'юшка*. Отсутствие примеров на отвердевший губной согласный перед ударенным [y] объясняется крайне ограниченным числом слов с мягким губным перед ударенным [y]: Отверждение губных (вернее, одного согласного [m']) имеет место перед безударным [e] на конце существительных, ранее оканчивавшихся на -*мя* (*ім'је, в'р'эм'је, с'ем'је*). Так как отверждение мягких губных и выделение [j] имеет место лишь перед непередними гласными, то образование форм типа *ім'је* свидетельствует о том, что отверждение губных произошло раньше изменения [a] в [e] в конце слов указанной группы существительных. После отвердевшего носового согласного [m] может развиваться не [j], а мягкий носовой согласный [n']. Ср. *с'іемн'е, т'іемн'е* (Пруж. р-н, Зем., стр. 139).

Отверждение мягких губных согласных с выделением последующего [j] является следствием специфики артикуляции мягких губных согласных. В то время как у зубных согласных мягкость достигается лишь определенным видоизменением основной артикуляции, палатальность у губных представляет собой отдельную самостоятельную дополнительную среднеязычную артикуляцию. Тенденция к утрате этой дополнительной артикуляции в положении, где она не поддерживается передней артикуляцией следующего гласного, ведет к отверждению мягких губных.

В части русских говоров губные отвердели на конце слова и перед согласными, сохранив, однако, мягкость не только перед гласными переднего ряда, но и перед непередними гласными. Последнее можно объяснить тем, что мягкость губных перед непередними гласными поддерживалась элементами передней артикуляции в начальной стадии образования этих гласных, которые, кроме того, и по своему происхождению были связаны с гласными передними ([o] из [e], [a] из [ä], в свою очередь, восходящего к [e]). В белорусских говорах тенденция к отверждению мягких губных согласных получила более широкое, чем в русских говорах, развитие. После падения редуцированных в белорусских говорах повсеместно мягкие губные не удержались на конце слова и перед согласными. Кроме того, в ряде говоров мягкость губных была утрачена и перед непередними гласными. Однако отверждение перед гласными не аналогично тому, которое имеем на конце слова и перед согласными: в то время как на конце слова и перед согласными дополнительная среднеязычная артикуляция утрачивается, в положении перед непередними гласными она выделяется в самостоятельный согласный. Известно, что в положении перед непередними гласными есть определенное противоречие между „мягкостью“ (палатализованностью) согласного и „твердостью“ (непалатализованностью) гласного (*п'а, л'о* и т. д.). В этом положении малейшая несинхронность основной (губной) и дополнительной (средне-

язычной) артикуляций, малейшее отставание последней ведет к отвердению губного согласного и появлению отдельной среднеязычной артикуляции, которая становится как бы переходной артикуляцией к гласным. Предпосылки несинхронности основной и дополнительной артикуляций мягких губных в положении перед непередними гласными заложены в самом качестве белорусских губных согласных, которые обладают гораздо более ярко выраженной лабиовелярностью, чем те же согласные в русском языке. В результате различие между основной, лабиовелярной, артикуляцией и дополнительной, среднеязычной, при образовании мягких губных в белорусском языке больше, чем в русском языке, что и обуславливает асинхронность этих артикуляций.

Если бы в белорусском языке сочетания губных с [j] были представлены только теми, которые явились в результате отвердения губных перед гласными, то сочетания [бj], [пj], [mj], [ўj] следовало бы квалифицировать, как фонематически нечленимые и противопоставленные фонемам [б], [п], [м], [в] в положении перед гласными непереднего ряда. Но так как в белорусском языке сочетания губных с [j] существовали до отвердения губных, то вновь возникшие сочетания губных с [j] приравнивались к старым и должны квалифицироваться, как состоящие из двух самостоятельных фонем (т. е. в слове *п'яты́й*, так же как и в *п'яны́й*, губная фонема находится перед самостоятельной фонемой [j]). Характерно, что фонема [в] перед «вторичным» [j] так же, как и перед исконным, реализуется в [ў] (ср. *заўжо́ў* так же, как *салаўжо́м*).

Отверждение губных с выделением [j] перед непередними гласными снимает в соответствующих говорах противопоставление твердых и мягких губных согласных фонем в положении перед непередними гласными.

ТВЕРДЫЕ-МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ НА КОНЦЕ СЛОВА

§ 6. В говорах, легших в основу белорусского языка, после падения редуцированных, в том числе и конечных [ъ] и [ь], на конце слова стали различаться твердые и мягкие зубные фонемы: [т]—[т'], [д]—[д'], [с]—[с'], [з]—[з'], [н]—[н'], [л]—[л']. В дальнейшем в большей части говоров в связи с оглушением звонких согласных на конце слова пары [д]—[д'], [з]—[з'] совпали с [т]—[т'], [с]—[с']. Развитие дзеканья и цеканья привело к изменению соотносительных пар [т]—[т'], [д]—[д'] в [т]—[ц'], [д]—[дз']. В современном белорусском языке, включая большую часть говоров, на конце слова различаются твердые и мягкие зубные согласные фонемы [т]—[ц'], [с]—[с'], [н]—[н'], [л]—[л'], а в некоторых северо-восточных говорах также [р]—[р']. Ср. *мост*, *сат*—*гос'ц'*, *молац'*; *нос*, *марос*—*вынос'*; *адз'ён*, *сын*—*дз'ен'*, *ко́ран'*; *стол*—*сол'*, а также *двор*—*цар'*. В тех говорах, где отсутствует оглушение согласных, на конце слова различаются еще фонемы [д]—[дз'], [з]—[з']. (Ср. говор Глусск. р-на, Янк., стр. 5).

В говорах южной окраины Белоруссии, не знающих дзеканья и цеканья, на конце слова естественно различаются [т]—[т'], а также, может быть, [д]—[д'] (в говорах, не знающих оглушения звонких согласных на конце слова). Ср. *мост*—*гос'т'*, *ягад*—*с'ад'* (Лун. р-н, Телен., стр. 117); *рад*—*во́чарад'* (Лоев. р-н, Ян., стр. 101).

В некоторых белорусских говорах противопоставление [с]—[с'] на конце слова значительно расширено в связи с изменением конечного сочетания [с'ц'] в [с']. Ср. *злось*, *тось*, *чесь*, *есь*, *дась*, *прясь*, *милось* (Лепел. у., Мат. б.-р., IV, 27); *злось*, *шесь*, *чесь*, *дась* (Игум. у., ів,

II, 15); *шерс'*, *ц'ес'*, *час'*, *дас'*, *ўлас'*, *шес'* (Красносл. р-н, Бир., стр. 189) и др.

§ 7. В белорусском языке на конце слова известны только твердые губные согласные фонемы. Это является следствием того, что губные согласные не сохранили мягкости после утраты конечного гласного [ь]. Предвосхищая несколько последующее изложение, следует сказать, что наметившаяся в некоторых русских говорах тенденция утраты губными согласными мягкости, не поддержанной передней артикуляцией следующего гласного, нашла в белорусском языке более широкое развитие. Так, в частности, неразличение твердых-мягких губных на конце слова является общеполорусской особенностью. Ср. *с'ем*, *дом*, *пограп*, *голул*, *кроў*, *кароў*, *л'убоў*. Твердость губных перед утраченным гласным [ь] фиксируют западнорусские памятники. Ср. *на црковъ* (гр. 1377, АЗР, I, № 5); *любовъ* (гр. 1427 г., *ib.*, № 33); *нелюбовъ* (гр. 1440 г., *ib.*, № 38); *избавъ* 22 (Сб. XV в.); *цркъвъ*, 95, *любовъ* 1486, *скорбъ* 1576, *свекровъ* 130, *кровъ* *ib.* (Лет. Авр. XV—XVI); *церъковъ* 2, *любовъ* 476, *чръвъ* (Кат. 1562); *кровъ* 186, 27, 326, *сетъ* 18, *всмъ* 586, *выбавъ* 85, *зоставъ* (Ев. 1581); *церковъ* (гр. 1588, АЗР, IV, № 6); *любовъ* 296, *кровъ* 476, *направъ* 7, *молвъ ему* 13, *деловъ* 185 (Б. Ск. XVI в.); *голубъ* 546, *справъ* (пов. накл.) 84, *цкъвъ* 276, *ро'завъ* 84 (ПС. XVI в.); *любовъ* 5, *кровъ* 536, *даловъ* 56, *голоубъ* 11 (Т. Т. XVI в.); *семъ* 170, *осмъ* 140 об, *црковъ* 152 об, 138 об (Бар. лет. XVI—XVII вв.) и т. д. Однако следует заметить, что подобные показания западнорусских памятников можно квалифицировать как фонетически значимые лишь в том случае, если они поддерживаются данными диалектов. Дело в том, что западнорусские памятники эпохи после падения редуцированных вообще характеризует тенденция писать букву *ъ* на месте этимологического [ь] после согласных, даже никогда не отвердевавших. Ср. фонетически незначимые написания *ъ* вместо *ь* на конце слова: *дождъ* 192, *печаль* 1926 (Кат. 1562 г.); *весъ* 16, (Кат. 1585 г.); *твънь* 566 (Пс. XVI в.); *шпцтъ* 105, *сутъ* 98 (Пс. XVII в.).

В некоторых говорах существительные с отвердевшим конечным губным *броў* и *голуб* стали склоняться по типу твердых основ. Ср. *голуб*, *голуба*, *голубу*, *голубом* (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18); *броў*, *бровы* (Мин. у., *ib.*, IV, 23; Орш., Сен., Мог. уу., *ib.*, I, 4; Дисн. у., *ib.*, II, 6; Новос. у., *ib.*, III, 14; Бык. у., *ib.*, II, 9).

Таким образом, в современном белорусском языке, включая большую часть говоров, на конце слова различаются фонемы [т]—[ц'] или [т'], [с]—[с'], [н]—[н'], [л]—[л']; многие говоры различают на конце слова [д]—[дз'] или [д'], [з]—[з']; в говорах, не знающих отвердения [р], на конце слова противопоставлены фонемы [р]—[р']. Только твердыми на конце слова могут быть [м], [п], [ў]; в говорах, не знающих оглушения согласных, на конце слова, кроме того, выступает [б]. Эти губные согласные на конце слова представляют собой слабые фонемы, в которых нейтрализуется противопоставление соответствующих твердых и мягких сильных фонем.

ТВЕРДЫЕ-МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ ПЕРЕД ГЛАСНЫМИ

Твердые-мягкие согласные фонемы перед ударными гласными

§ 8. Перед [и(ы)].

В большей части современных белорусских говоров, так же как и в эпоху непосредственно после падения редуцированных, в положении

перед [и(ы)] различаются фонемы [т]—[ц'] или [т'], [д]—[дз'] или [д'], [с]—[с'], [з]—[з'], [м]—[м'], [п]—[п'], [б]—[б'], [в]—[в'], [л]—[л'], [н]—[н']. Кроме того, в некоторых северо-восточных говорах в положении перед [и(ы)] противопоставлены фонемы [р]—[р']. В белорусском языке сфера противопоставления твердых-мягких фонем перед [и(ы)] значительно расширена в сравнении с русским языком в связи с развитием гласных [и], [ы] из общерусских редуцированных [и], [ы] и из [ѣ], [ь] сочетаний *ръ, ль, рь, ль* между согласными. Ср. *пусты́, асты́ў, залаты́—пус'ц'у́, ц'ўха; дым, малады́, вады́—адз'ўн, радз'ўма, вадз'ў; касы́, валасы́, сын—кас'ў, нас'ў, с'ўн'и; вазы́—в'аз'ў; мыйу, мыла—м'ўлы, м'ўма; сл'епы́, пыл—п'ўй, п'ўц; быў—б'ўц; вы́шал, вы́йу—в'ўц', в'ўй; лы́жка, злы́—м'ал'ў, л'ўй; адны́—н'ўжы; а так же ры́ба—цар'ў.*

В ряде говоров количество слов с гласным [и(ы)] под ударением пополнено словом *удырыць* с гласным [ы] вместо этимологического [а]. Ср. *удырыць, удырыла* (Мог. губ., Мат. б.-р., I, 3; Реч. у., *ib.*, IV, 29; Новогр. у., *ib.*; Слуц. у., Серб.стр. 50; Лоев. р-н, Ян., стр. 45).

Однако в говорах южных районов Белоруссии, переживавших процессы, общие с северноукраинскими говорами, противопоставленность твердых-мягких фонем перед [и(ы)] может быть значительно сокращена. В основе этого лежат неодинаковые причины. Так, в ряде говоров в положении перед [и] произошло отверждение мягких губных и зубных согласных, кроме [л']. При этом согласные отвердели перед [и] как ударным, так и безударным, восходящим к этимологическим *е, в, и*, но остались мягкими перед гласным [и] из *ѣ*, в том случае, если [и] такого происхождения в говоре имеется. С говорами подобного типа встречаемся в Лунинецком р-не Пинской обл.; ср. *пусты́, ады́н, нэсы́, быты́, выты́, пыты́*, но—*б'ўгты́, тоб'ў, в'ўт'ор, св'ўт, д'ўло, т'ўло* (Телен., стр. 123). Наличие гласного [и] из *ѣ* способствует сохранению противопоставления твердых-мягких согласных перед [и(ы)] в этом говоре; ср. *выў (виў) и выў)—с'в'ўт*.

Но существуют говоры, в которых при наличии отверждения согласных перед гласным [и] в соответствии с этимологическим *ѣ* выступает не [и], а некий другой гласный. В таких говорах отверждение согласных перед [и] практически ведет к тому, что для всех фонем (в некоторых говорах за исключением [л] и [л']), положение перед [и] становится положением неразличения по твердости-мягкости. Примером могут явиться некоторые говоры Пружанского р-на Брестской обл. Ср. *запл'еты́, приведы́, прынесы́, ходы́ и в'ўт'ор, ид'ўйте, нос'ўёте, у гнезд'ўё* (Зен., стр. 135).

Другой путь ликвидации противопоставленности по твердости-мягкости перед [и] распространяется только на губные фонемы и заключается в появлении мягких губных не только в соответствии с общерусскими мягкими губными согласными, но и в соответствии с общерусскими твердыми. Ср. *ми, ви, в'ўл'ес'ўи, в'ўрас'ўи, в'ўб'ўц', коб'ўлка, прив'ўк, б'ўк, гр'ўб'ў, хл'еб'ў* (Д.-Город. р-н, Ат. б.-р.); *мила, миш, ми, ви, винул, вихад, пил, бик, бил* (Новоз. у., Пол., стр. 15); *м'ўкайе* и *м'ўчыў'* (Лоев. р-н, Ян., стр. 138). В таких говорах положение перед [и] становится положением неразличения твердых-мягких губных фонем.

В белорусских говорах встречаются лексикализованные случаи употребления перед [и] мягкой фонемы в соответствии с общерусской твердой. Ср. *више, високий* (Бык. у., Мат. б.-р., II, 9; Игум. у., *ib.*, III, 15, Вит. у., *ib.*, III, 18 и др.); *високий, вимя* (Орш., Сен., Мог. уу., *ib.*, I, 4); *в'ўс'ўк'и, п'ўтан'а* (Лоев. р-н, Ян., стр. 78); *нўне, тўсяча* (Моз. у.,

Мат. б.-р., II, 10); *дзирка, дзира, дзиравый* (Свен. у., *ib.*, 13; Реч. у., *ib.*, 17; Мин. у., *ib.*, IV, 23 и др.).

Твердые-мягкие согласные фонемы образуют морфологические корреспонденции перед ударным [и (ы)] только в том случае, если этот последний входит в состав именных флексий. Перед гласным [и (ы)], входящим в состав глагольных флексий, представлены только мягкие согласные фонемы. Что касается флексий имен прилагательных, то перед ударенным гласным [и (ы)] в их составе представлены только твердые фонемы, так как прилагательные мягкой разновидности всегда несут ударение на основе.

Как известно, окончательное оформление функционального тождества гласных [и] и [ы] в русском языке ознаменовалось образованием морфологических корреспонденций между твердыми и мягкими согласными фонемами конца основы в положении перед гласными [и] и [ы]⁷. Этому способствовала, между прочим, унификация парадигм твердой и мягкой разновидности склонений: род. п. ед. ч. *золы—земль*, дат.-местн. п. ед. ч. *золѣ—земли*, местн. ед. ч. *окнѣ—кони* изменились в *золы—земли, золѣ—земль, окнѣ—конѣ*. Однако в части белорусских говоров подобная унификация имеет место не во всех перечисленных формах: она отсутствует в дат.-местн. п. ед. ч. сущ. ж. р. и местн. п. ед. ч. сущ. м. р. Ср. к *з'ал'ѣ* и к *з'амл'ѣ, на з'амл'ѣ; на акн'ѣ* и *аб кан'ѣ*. Таким образом, в части белорусского языка представлены реликты того состояния фонетической системы, когда гласный [и] находился в состоянии известной функциональной связи с [ѣ].

§ 9. Перед [у].

Как известно, в русском языке, включая большую часть говоров, перед гласным [у] противопоставлены лишь твердые-мягкие зубные фонемы, губные же фонемы перед ударенным [у] всегда тверды. Это обусловлено тем, что мягкость перед [у] предполагает йотацию в общеславянский период, а это вело к коренному изменению артикуляции губных и зубных согласных, кроме [л], [н], [р]. Мягкие зубные согласные фонемы, а по говорам и губные, появились перед [у] нефонетическим путем, в результате морфологической аналогии и словообразовательных процессов. Последнее относится и к белорусскому языку. Однако при этом в белорусском языке сфера употребления ударного гласного [у] не только после твердых, но и после мягких согласных фонем значительно шире, чем в русском языке. Причины подобного расширения функционирования ударного [у] неодинаковы по говорам.

Как в литературном языке, так и по говорам расширение употребления мягких зубных и губных фонем достигается за счет словообразовательных элементов. В белорусском языке весьма распространены суффиксы существительных *-ук, -уга*, прилагательных *-усен'к, -утк*; в говорах употребляется суффикс существительных *-ухн*. Кроме того, как в литературном языке, так и в говорах встречается некоторое число корней с гласными [у] после мягких губных или зубных согласных фонем.

В говорах употребление мягких фонем перед [у] расширяется за счет специфики образования некоторых грамматических форм. Ср. склонение числительного „два“ — *дз'в'ух, дз'в'ум, о дз'в'ух* (Орш., Сен. Мог. уу., Мат. б.-р. I, 4; Слуц. у., *ib.*, II, 5. Дисн. у., *ib.*, 6; Игум. у., *ib.*, 8; Вит. у., *ib.*, III, 18; Дрис. р-н, Гайд., стр. 32; и др.); обра-

⁷ См. Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки *i* и *y*. «Вестник МГУ», 1947, № 1, стр. 49.

зование причастий на *-уц* от глаголов второго спряжения с безударной основой — *кипящая* (Новогр. у., Кар., Бел. пес, 1, стр. 124). В результате в белорусском языке в положении перед ударенным [y] противопоставлены фонемы [т] — [ц'] или [т'], [д] — [дз'] или [д'], [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'], [л] — [л'], а также твердые и мягкие губные фонемы, хотя и не все; в северо-восточных говорах могут быть противопоставлены [р] — [р']. Ср. *тўже, тут, расту́т — с'ц'удз'оны, чысц'ўсен'к'и, карац'ўсен'к'а, капц'ўр, дз'ац'ўк, кац'ўк, бац'ўхна, ц'ўц'ка* (собака — Вил. у. Мап. б.-р., V, 31); *дуб, дўма, в'адц'ў — дз'ўбка, попадз'ўк, дз'адз'ўхно, маладз'ўхно, дз'ўрка* (Орш. у., Сен. Мог. уу., ib., I, 4), *б'индз'ўг, гадз'ўка, зладз'ўга; сўд, ласун, сўтачны, н'асц'ў — карас'ў, парас'ўк, пс'ўлка* (собака — Вит. у., ib., III, 18), *атс'ўл, дас'ўл* (Рогач. у., Раст., С.-б.-р., стр. 77); *зўб, в'азц'ў — в'аз'ўла, бл'из'ус'ен'ка, н'из'ўтк'и, поз'ўкуц* (поговорив — Орш. у., ib., IV, 32); *нўда, казнў, самнц'ў — н'ўхай, агн'ў, ван'ўчы, тан'ўс'ен'к'и, бл'изн'ўк, ман'ўка, брудн'ўха; плуг, халўпа, луг — л'ўты, мал'ўтк'и, л'ўб'иц', кл'ўч, цыпл'ўк; вўха, вўгал, ил'вў — нав'ўс'ен'к'ий. нав'ўтк'ий, дз'в'ўх; бўба, цыбўла — жараб'ўх; пўща — к'ип'ўщий*; в северо-восточных говорах *рўк'и — кр'ўк, цар'ў*. В Витебском у. отмечена старая форма прошедшего времени от глагола *реветь* — *вол зарюв* (Мат. б.-р., III, 18).

Во многих говорах, главным образом юго-западных, противопоставление твердых-мягких фонем перед [y] расширяется в связи с осуществлением определенных фонетических процессов. Так, в некоторых говорах, знающих в новых закрытых слогах дифтонг [yо], этот последний мог стянуться в [y] как после твердых, так и после мягких согласных. Ср. *тульки, братуц, нучь, вут, пунюс, вюрст, помюрло* (Рогач. у., Раст., С.-б.-р., стр. 169); *бур, сун, рус, нюс, цюмны* (Слуц. у., Мал. с. 8, 31); *сул, нуж, гнц'ў, прын'ўс, бўл'шы, вуз, нуч, пов'ўз, по ус'ўй* (Лун. р-н, Телен., стр. 116); *звущика вуз* (Гом. у., Раст., С.-б.-р. стр. 168); *нюс, повюс, разнюс* (Пин. у., Мат. б.-р. I, 1); *вуз, двур, вул, нуч, лисўв, разўв, л'ўд* (Пруж. р-н Зен., стр. 192) и др.

Особенно важным результатом изменения [yо] в [y] является появление гласного [y] после мягких согласных фонем, так как в этом случае может стать возможным различение по твердости-мягкости перед [y] таких согласных фонем, которые обычно в белорусском языке в этом положении не различаются; ср. *мўдры — пам'ўрла*, в то время как в большей части белорусских говоров [м] и [м'] перед ударенным [y] не различаются, так как нет слов, в которых бы фонема [м'] находилась перед [y].

В юго-западных говорах распространено изменение [ы], ударенного и безударного, в [y] под влиянием предшествующих губных согласных. Ср. *помўса, забўлоса, мўло, вўшей, вўем* (Моз. у., Мат. б.-р., II, 10); *бўйстрыя, копўчки, пўшна, вўпиць, не вўшла, вўезд, часовўе, му, вў, мўсьлями* (Реч. у., Кар., К вопр. гр., стр. 60—61); *бўци, вўшей, вўем* (Пин. у., Мат. б.-р., I, 1), *вўмуц, помўйница, памўк, кобўла, рукавў* (им. п. мн. ч.), *муш, вўведз'и* (Лун. р-н, Телен., стр. 65, 71); *вўкарм'иц, вўц'агн'а, памўй, бук, ву, му, астравў* (им. п. мн. ч.), *па грыбу, крупў н'е'ма, муш, мўла, звук* (=привык), *пул, вўйе* (Лоев. р-н, Ян., стр. 47, 48); *мўло, вўп'иц', пул* (Глус. р-н, Янк., стр. 7); *му, ву, вўрнац, вўл'изла, кабўлка, удавў* (род. п. ед. ч.) (Староб. Житк. р-ны, Мац., стр. 59); *вўмес'ц'и, помўса, прывўк, кабўлка, бук, бўйстры, пул, вўдры* (Д.-Город. р-н, Атл. б.-р., № 939); *вўпила, бабў, удовў, му, ву, з Масквў, снопў, вўберу* (Лен. р-н, ib., № 1000) и др. В подб-

ных говорах сфера противопоставления твердых-мягких губных фонем перед [y] расширяется, хотя расширение это и односторонне, так как при увеличении количества случаев употребления твердых губных фонем перед [y] количество случаев употребления мягких губных остается неизменным. Если учесть, что изменение [ы] в [y] обычно имеет место во всех морфемах и проводится весьма последовательно, то станет ясно, что употребление твердых губных фонем перед [и(ы)] в таких говорах практически становится невозможным. В результате положение перед [и(ы)] становится положением неразличия твердых-мягких губных согласных фонем (т. е. при наличии *в'иў, б'иў, п'иў, м'ўлы* отсутствуют *выў, быў, пыл, мыла*, так как эти последние изменились в *вуў, буў, пул, мўла*).

В белорусском языке твердые-мягкие согласные фонемы образуют перед [y] те же морфологические корреспонденции, что и в русском языке.

§ 10. Перед [o].

В белорусском языке появление различия твердых-мягких фонем перед [o], так же как и в русском языке, обусловлено изменением [e] в [o] в определенных фонетических условиях. Это изменение зафиксировано в западнорусских письменных памятниках, начиная с самых древних, главным образом в виде написания буквы *o* вместо буквы *e* после шипящих, реже после парных мягких согласных. Последнее, так же как и в русских памятниках, объясняется отсутствием соответствующих графических средств для передачи мягкости парных согласных в положении перед [o].

Изменение [e] в [o] в белорусском языке имело свою специфику, отличную от русского языка. Оно наблюдается только перед парными твердыми и задненебными согласными и на конце слова. Перед шипящими же и некоторыми другими поздно отвердевшими согласными подобного изменения не было. Закон перехода [e] в [o] в белорусском языке прекратил свое действие еще тогда, когда современные отвердевшие согласные были мягкими, т. е. раньше, чем в русском языке. В дальнейшем, однако, гласный [o] вместо [e] в отдельных случаях появлялся нефонетическим путем перед шипящими и даже перед парными мягкими согласными. Ср. *на кл'он'и, зел'онен'к'и, дз'ошево, ц'ошча* (Пруж. р-н, Зен., стр. 34); *адз'ожа* (Слуц. р-н, Мат. б.-р., III, 12); *адзёжа, дзёшыва* (Велик. у., Куз., стр. 180); *одзёжа, падзёш, цёща* (Орш. у., Мат. б.-р., IV, 32) и т. д.

В большей части белорусских говоров в положении перед ударенным [o] различаются твердые и мягкие фонемы [т]—[ц'] или [т'], [д]—[дз'] или [д'], [с]—[с'], [з]—[з'], [п]—[п'], [б]—[б'], [в]—[в'], [м]—[м'], [н]—[н'], [л]—[л'], а в некоторых северо-восточных говорах также [р]—[р']. Ср. *т'онка, кут'ок, т'ол'ка—ц'омна, кас'ц'ор, ц'олка; дом, добры—дз'орн, адз'онак; на сонцы, сол'—в'ас'олка, сомы; з'олата, з'орка—з'ол'ки, коз'ол; п'омач, п'оўны—п'ок, п'остры зап'орты; бок, бол—жараб'онак, баб'ор; в'окны, воўк, вол—в'оска, ав'ос, в'оў; п'ис'мо, м'оўна—м'ортвы, м'од; нос, новы, нож—п'ан'ок, н'ос; лошадз', лом—л'охка, л'он, кл'он, а также рог—уп'ар'од.*

По говорам сфера противопоставления твердых-мягких фонем перед [o] может быть неодинаковой. В основе этого различия лежат причины не только фонетического, но и иного характера. Так, при отсутствии во многих говорах перехода [e] в [o] в парадигме настоящего времени глаголов первого спряжения, в некоторых говорах этот переход отмечается в 1-м лице мн. ч., в результате чего, естественно,

увеличивается количество случаев употребления мягких согласных перед [о]. Ср. *нясём, дадзём, найдзём, зьядзём* (Вил. у., Мат. б.-р., V, 31); *н'ас'ом, в'адз'ом, жив'ом* (Дрис. р-н, Гайд., стр. 214); *нясём, вядзём* (Мит. у., Мат. б.-р., III, 18).

Следует заметить, что во многих юго-западных говорах при наличии в 1-м лице мн. ч. тематического гласного [о] перед ним выступает твердый согласный. Ср. *идом, ведом, гребом, завом, нясом, живом, дажнотом* (Игум. у., Мат. б.-р., II, 8, III, 15; Кар., Черв. гов., стр. 234); *идом* (Реч. у., Мат. б.-р., III, 17; IV, 30); *вярномся, приплывом, разьятомса* (Бобр. у., Серб., стр. 163); *живом, идом* (Мат. б.-р., II, 7); *нясом, пльвом, живом, грызом, кладом, рвом* (Слуц. у., Мал., стр. 18); *живом, идом, возьмом, прынесом, поплывом* (Моз. у., Мат. б.-р., II, 10); *н'асом, в'адом, в'азом* (Руд. р-н, Жид., стр. 39); *н'асом, в'адом, в'азом, кладом, жном, пл'атом* (Узд. р-н, Ром., стр. 290); *нясом, идом, вядом, вязом, парвом, жном* (Новоз. у., Пол., стр. 125); *пойдом, отнесом, покладом, доведем подметом, загребом* (Гом. у., Раст., С-б.-р., стр. 175); *нясом, вязом, вядом, грабом, идом* (Лун. р-н, Телен., стр. 99); *жном, кладом, грабом* (Глус. р-н, Янк., стр. 13) и т. д. Этой особенности белорусских говоров, видимо, может быть дано следующее объяснение. Осуществление фонетического изменения [e] > [o] в 1-м лице мн. ч. привело к тому, что глагольная основа в парадигме настоящего времени стала по существу иметь три разновидности: 1) основа на мягкий согласный перед гласным переднего ряда в 2—3-м лице ед. ч.; 2-м лице мн. ч.; 2) основа на твердый согласный перед непередним гласным в 1-м лице ед. и 3-м лице мн. ч.; 3) основа на мягкий согласный перед непередним гласным в 1-м лице мн. ч. В результате стремления к унификации парадигмы настоящего времени в соответствующих говорах в положении перед [о] в 1-м лице мн. ч. появился твердый согласный. Между прочим, видимо, тем же стремлением к унификации парадигмы настоящего времени объясняется во многих говорах отсутствие изменения [e] в [o] в 1-м лице мн. ч., несмотря на наличие благоприятных фонетических условий.

В юго-западных говорах значительному расширению сферы противопоставления твердых-мягких фонем перед [о] способствует изменение как после твердых, так и после мягких согласных ударного гласного [а] в [о] под влиянием последующего [ў]. Ср. *гноў, папоўся, доў, праддоў, зоўтра, зьлиздоў, наклдоў, паломоўся, трымбоў ба, хавоў, награвоўся, абудавоўся, на дадоў, завёў, выраблёў, узёў, накуплёў, ганёў, нанёўся* (Игум. р-н, Кар., Черв. гов., стр. 226, 227); *капоў, чытоў, наброўшы, прбоўды, казоў, пытоўся, устоў, купоўся* (Бобр., Слуц. уу., Серб., стр. 41, 50, 54); *троўка, муроўка, узёў* (Рогач. у., Раст., С-б.-р., стр. 168); *спытоўся, напоў, узёў, прынёў, нанёў, патрафлёў* (Вил. у., Мат. б.-р., V, 31); *настоўник, строўка, доў, уз'оў, Поў'лик, абарвоў, збудавоў, набл'удоў, зламоў, хавоў, казоў, уз'оў, падн'оў, страл'оў* (Узд. р-н, Ром., стр. 25); *троўка, проўда, уз'оў, доў* (Мин. р-н, Гап., стр. 9); *зоўтра, деў, узёў, казоў, стоў* (= ставь), *капоў, занёўся, клеўся, прынёў* (Мин. у., Мат. б.-р., I, 1; II, 7); *зоўтра, доў, казоў* (Руд. р-н, Жид., с. 32); *муроўка* (Лоев. р-н, Янк., стр. 4). Тот факт, что [а] изменяется в [о] перед [ў] любого происхождения, как из общерусского [в], так и из [л], свидетельствует о том, что изменение [а] в [о] стало осуществляться лишь после того как [л] > [ў], т. е. не раньше XV в.

Гласный [о] вместо [а] под ударением после твердых согласных может появляться и нефонетическим путем, обусловленным спецификой

акающего вокализма. Ср. *штон'ик'и* (общебелор.), *пад'орым*, *раб'одзим*, *ут'ойвай* (Слуц. у., Мат. б.-р., II, 5); *ут'ойвац'*, *нас'одз'ши*, *зн'ойдз'ем*, *ат'стойвайа* (Узд. р-н, Ром., стр. 38) и др.

Неясно происхождение [o] из [y] в слове *опохнуць*. Ср. *опох* (Вит. у., Мат. б.-р. III, 18); *опохнуть* (Себеж. у., *ib.*, IV, 26); *апохла* (Новоал. у., *ib.*, II, 11); *похнуть* (Мог. у., *ib.*, I, 13) и т. д.

Увеличению количества случаев употребления как твердых, так и мягких согласных перед [o], а в связи с этим и расширению сферы противопоставления твердых-мягких фонем перед [o] в белорусских говорах способствуют не только фонетические причины, но и причины морфологического характера. Так, в белорусских говорах широко представлено образование дат. и местн. падежей мн. ч. существительных м. и ср. р. с окончаниями *-ом*, *-ох*. Ср. *к паном*, *зубом*, *ў ляхох*, *садох* (Мин. у., Мат. б.-р., II, 7); *паном*, *гос'цём*, *па с'янём*, *людзём*, *у гос'цэх*, *ў с'янэх*, *ў людзэх* (Орш., Сен., Мог. уу., *ib.*, I, 4); *стал'ом*, *дам'ом*, *на вал'ох*, *кавал'ом*, *у сан'ох* и *гос'ц'ам*, *гус'ам* (Унд. р-н, Ром., стр. 218); *у гос'цэх*, *у людзэх*, *гос'цём*, *людзём* (Моз. у., Мат. б.-р., II, 10) и т. д. Существуют наблюдения, свидетельствующие о том, что в северо-восточных белорусских говорах эти окончания употребляются, главным образом, после мягких основ⁸.

В говорах с окончаниями *-ом*, *-ох* образуются формы род.-местн. и дат. падежей от некоторых числительных. Ср. *двох*, *двом* для м. и ср. р. и *дз'вёх*, *дз'вём* для ж. р. (Моз. у Мат. б.-р., II, 10); *дз'вёх*, *дз'вём* (Слуц. у. Мог., *ib.*, 1, 3, II, 5); *пяц'эх*, *пяц'ём*, *шас'ц'эх* (Слуц. у., Мал., стр. 17); *пяц'эх*, *пяц'ём*, *шас'ц'ём*, *дваццац'ём* (Реч. у., Мат. б.-р., III, 17).

В белорусских говорах, так же как и русских, окончание род. п. мн. ч. *-ов*, хотя и менее широко, но все же проникает в склонение существительных м. р. с мягкой основой и существительных ср. и ж. р. Ср. *рубл'ёў*, *акун'ёў*, *гвоздоў*, *кон'ёў* (Мин. у., Мат. б.-р., II, 5); *кан'ёў*, *рубл'ёў*, *акун'ёў*, *камен'ёў*, *смерц'ёў*, *цел'ёў* (Слуц. у., *ib.*, чуд., стр. 78); *дн'оў*, *трудоадн'оў*, *кашал'оў*, *кавал'оў*, *пал'оў* (Узд. р-н, Ром., стр. 211); *вярст'оў*, *кон'ёў*, *рубл'ёў*, *окун'ёў* (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18); *зяц'ёу*, *гвоздз'ёў*, *дн'ёў* (Рогац. у., Раст. С.-б.-р., стр. 84); *жардз'ёў* (Вил. у., Мат. б.-р., V, 31).

Многие белорусские говоры в форме 2-го лица мн. ч. настоящего времени сохранили ударение на конечном гласном [e], который нередко подвергался изменению в [o]. Ср. *п'еуц'ё*, *идз'еуц'ё*, *ясуц'ё*, *б'ярац'ё* (Мин. у., Мат. б.-р., II, 7, IV, 23); *спиц'ё*, *идз'яц'ё*, *стац'ё* (Игум. у., *ib.*, II, 8, III, 15); *стац'ё*, *сядз'яц'ё*, *сп'яц'ё*, *идз'яц'ё* (Вил. у., *ib.*, V, 31); *живит'ё*, *нисит'ё*, *кльдит'ё* (Себеж. у., *ib.*, IV, 26), *н'ас'иц'о*, *кладз'иц'о*, *п'айиц'о*, *нас'иц'о*, *жыв'иц'о* (Дрис. р-н, Гайд., стр. 215); *нясиц'ё*, *вядз'яц'ё*, *дз'ярыц'ё*, *дац'ё* (Новоз. у., Пол., стр. 25); *идз'иц'о*, *спиц'о* (Лун. р-н, Телен., стр. 99) и др.

Однако в белорусских говорах имеют место и такие процессы, которые способствуют сужению противопоставления твердых-мягких фонем перед [o]. Так, главным образом, в говорах южных районов Белоруссии мягкие губные согласные перед [o] отвердевают, выделяя при этом [j]. Ср. *м'ёт*, *пам'ётр*, *пав'ёт'у* (Слуц. у., Мат. б.-р., III, 12); *без нам'ётта*, *раб'ёнка*, *изьв'ёт'са*, *м'ёду*, *пам'ётрла*, *зап'ётр*, *п'ёс*, *м'ёд*, *зам'ётрз*, *баб'ётр* (Бобр. у., Серб., стр. 41, 54, 55); *в'ётрст*, *прив'ётз*, *в'ётв* (Гом,

⁸ См. М. Гайдукевич. Говоркі Дрысенскага раёна Віцебскай вобласці. Мінск, 1954, стр. 200 (канд. диссертация).

у., Раст., С.-б.-р., стр. 168); *мйот, айёс, кубйёлак, рабйёнак, мйотлы, бйёрдо, чапйёлк'и*, в этом же говоре отмечено произношение *ц'вёрды, чац'вóрты, у дз'вóх* с утраченным „вторичным“ [j] (Красносл. р-н, Бир., стр. 160); *айёс, памйёр, вос'мйом* (Пруж. р-н, Зен., стр. 92); *прыпйок; памйёр* (Глус. р-н, Янк., стр. 9); *айёс* (Лун. р-н, Телен., стр. 77), *вйоз* (Белост. у., Мат. б.-р., IV, 19); *пайёў, айёс, зайёз, жарабйёнак, замйёт, мйёдам, с'е^омйён, минамйёты* (Лоев. р-н, Ян., стр. 112—115). В результате в подобных говорах твердые-мягкие губные фонемы не противопоставлены перед [о], в этом положении представлены только твердые губные фонемы.

В белорусском языке твердые-мягкие фонемы образуют морфологические корреспонденции только перед [о], входящим в состав именных флексий (*кан'ом — акном, смалой — з'амл'ой, сноў — акун'ой, гадом — л'удз'ом, катóх — гас'ц'óх*). Что касается глагольных флексий, то перед гласным [о] в их составе по говорам представлены или только мягкие, или только твердые согласные фонемы. Перед ударным [о] в составе флексий прилагательных твердые-мягкие фонемы не образуют морфологических корреспонденций главным образом потому, что прилагательные мягкой разновидности всегда несут ударение на основе.

В немногих белорусских говорах, однако, морфологическая корреспонденция оказывается нарушенной и перед [о] в составе именных флексий. В этих говорах при наличии общего изменения [е] в [о] гласный [е] сохраняется в некоторых именных флексиях не только перед мягкими, но и перед твердыми согласными. Ср. *кавал'ём, агн'ём, кан'ём, дн'ём* и *з'амл'ейу, гус'ейу, граз'ейу*, хотя обычно в белорусских говорах гласный [о] под влиянием морфологической аналогии проникает и в эти последние формы (Красносл. р-н, Бир., стр. 88). Ср. *кан'ём, агн'ём, жардз'ём, гул'н'ейу*, хотя — *на кл'он'е, на пл'ос'е, галал'одз'ица, ц'омна, с'омы* (Глус. р-н., Янк., стр. 7); *гул'н'ейу, з радн'ейу* (Руд. р-н, Жид., стр. 36). Эта особенность может указывать на характер процесса изменения [е] в [о] в соответствующих говорах. Известно, что переход [е] в [о] может осуществиться не только в ходе органического процесса, но и под влиянием других говоров, знающих этот процесс. В последнем случае, усвоив [о] вместо [е] в основах, говор может сохранить [е] во флексиях, так как в противном случае речь шла бы о смене парадигм.

§ 11. Перед [а].

В положении перед [а] в большей части говоров противопоставлены по твердости-мягкости одинаково широко как зубные согласные фонемы [т]—[ц'] или [т']', [д]—[дз'] или [д']', [с]—[с'], [з]—[з'], [н]—[н'], [л]—[л'], так и губные [п]—[п'], [б]—[б'], [в]—[в'], [м]—[м']; кроме того, в некоторых северо-восточных говорах — [р]—[р']'. Ср. *астатн'и, любатá — ц'áнуц'*; *дэйц'е — дз'áдз'а, дз'эц'ел; сад, сам — с'адз', зэйтра, в'азáц' з'ац'*; *мáбыц' — м'áкк'и, м'áса; пáлка — пáтка, п'ац'*; *бáба — раб'áты; абв'инавáц'иц', прывáбны — в'áнуц'*; *в'аснá — вышын'á, доўжын'á; лáска — гул'áц', агл'áд, а также рад — р'áд.*

Однако в некоторых юго-западных говорах, знающих отвердение губных с выделением [j] перед [о], тот же процесс происходит и в положении перед [а]. Ср. *пйац', дз'араййáны* (Узд. р-н, Ром., стр. 143), *пъяць, мъясо, завъяз* (Моз. у., Мат. б.-р., II, 10); *пъять, мъята, дзеравъяному, сывярбъять, павъяў, мъяса, сьпъять, зайязан, камъячыть* (= колотить) (Бобр., Слуц., Серб., стр. 47, 63, 67); *мйáсо; зайяжа, рабйáта* (Слуц., Бобр., Староб. р-ны, Мацк., стр. 63);

п'яцъ, м'ясо (Слуц. у., Мат. б.-р., II, 5); *п'ять, окром'я, м'яса*; в этом же говоре губные согласные перед „вторичным“ [j] могут быть и мягкими: *п'ять, оп'ять* (Гом. у., Раст., С.-б.-р., стр. 168); *п'яцъ м'ясо, зав'яз* (Реч. у., Мат. б.-р., III, 17); *м'ясо, жырыб'я, в'яжут, м'ята, в'янут, сп'ят*; в этом же говоре после отвердевшего [м'] может развиваться не [j], а носовой согласный [н']: *мн'асо, мн'ата* (Пруж. р-н, Зен., стр. 52); *м'ята, п'яц'* (Глус. р-н, Янк., стр. 113); *п'яц', п'ятка, м'ята, м'яса, м'як'и, дз'ераў'яну* (Лоев. р-н, Ян., стр. 113); *п'яц', м'ясо, жараб'я, асаў'як, дз'ераў'яны, гаў'ядо, ў'ялы* (Красносл. р-н, Бир., стр. 158); *п'яц, ув'язка, м'ясо и мн'асо, аў'яс, п'ятка* (Лун. р-н, Телен., стр. 77); *п'яцъ, м'ясо, зав'яз* (Пин. у., Мат. б.-р. к м.-р. I, 1).

В результате в таких говорах твердые-мягкие губные фонемы оказываются непротивопоставленными в положении перед [а].

Твердые-мягкие согласные фонемы образуют морфологические корреспонденции только перед ударенным [а], входящим в состав именных флексий. Ср. им. п. ед. ч. *смалá* — *з'амл'á*; род. ед. *кан'á* — *акнá*; дат. мн. *брата́м* — *гас'ц'áм*; тв. мн. *брата́м'и* — *гас'ц'áм'и*; аб кавал'áх — *а валáх*.

§ 12. Перед [е].

В древнерусских говорах, легших в основу белорусского языка, перед гласным [е] употреблялись только мягкие парные согласные фонемы. В связи с изменением [е] (из *е, ъ*) в [о] сфера употребления гласного [е] значительно сократилась: он сохранился, в основном, лишь в положении перед мягкими, шипящими и некоторыми другими поздно отвердевшими согласными. Ср. в современных белорусских говорах: *ц'омный, с'ола, прив'оў, ус'о, ав'ос, л'он, н'ос, м'од* и *в'ас'ел'е, ц'ешча, падз'еж, дз'ешыва, куп'ец, кан'ец, м'эрзнуц', дз'ен'* и др. Изменение [е] в [о] в некоторых говорах отсутствует в отдельных словах в положении перед твердыми согласными на фоне широкого изменения [е] в [о]. Ср. *мед, пес, далéко* и *цёмный, сéла, привёў* (Моз. у., Мат. б.-р., II, 10); *пес, мед, прынес*; последнее, вероятно, под влиянием *принёсла*, в котором ударение на [е] перенесено уже после того, как закон перехода [е] в [о] перестал действовать в белорусском языке (Реч. у., *ib.*, III, 17) и т. д. Непереход [е] в [о] из-за того, что [е] получил ударение после прекращения действия закона изменения [е] в [о] в белорусском языке, имеют место в случаях *н'ёсла, прив'ёсла, зан'ёсла* (Красносл. р-н, Бир., стр. 89), *принёсла, помёрла* (Реч. у., Мат. б.-р., IV, 30); *умёрла* (Слуц. у., *ib.*, III, 12; Моз. у., *ib.*, II, 10); *принёсла* (Мин. у., *ib.*, 17; Новогр. у., *ib.*, IV, 25). В некоторых говорах, сохранивших во 2-м лице мн. ч. настоящего времени ударение на конечном гласном [е], этот последний не изменился в [о]. Ср. *сп'иц'е, стаў'иц'е*, но в первом спряжении *н'ас'иц'о, в'аз'иц'о* (Руд. р-н, Жид., стр. 40); *б'ерац'е, л'ёжыц'е* (Глус. р-н, Янк., стр. 13); *жыв'ац'е, пайац'е, г'ладз'иц'е, с'п'иц'е, стац'е* (Узд. р-н, Ром., стр. 288а); *н'ес'ец'е, в'ез'ец'е, дз'м'ец'е, дз'муйец'е* (Красносл. р-н, Бир., стр. 312) и др.

Изменению в [о] во многих говорах как северо-восточных, так и юго-западных не подвергся тематический гласный глаголов первого спряжения [е] не только в положении перед мягкими и шипящими согласными, но и перед твердыми (ср. 1-е лицо мн. ч. *н'ас'ём*).

Из сказанного ясно, что в белорусском языке после изменения [е] в [о] сфера употребления гласного [е] осталась все же более широкой, чем во многих русских говорах, переживших тот же процесс перехода [е] в [о]. При этом в говорах, образовавших позднее северо-восточное

наречие белорусского языка, сочетания согласных с [e] пополнились в результате изменения [ě] в [e] (в юго-западных говорах этимологическому [ě] соответствует [иe] или [и]).

Таким образом, на протяжении истории белорусского языка и его говоров удельный вес гласного [e] в фонетической системе и в связи с этим сфера употребления мягких фонем перед [e] была неодинаковой. Однако в большей части современных белорусских говоров в положении перед [e] наряду с мягкими фонемами возможны и твердые парные согласные фонемы. В появлении твердых согласных фонем перед [e] могут играть роль причины различного характера. С гласным [e] после твердых согласных как зубных, так и губных произносятся старые польские и некоторые другие заимствования, получившие широкое распространение в белорусском языке или отдельных его говорах. Ср. *чвэ́ртка* (польск. *czwartka*), *без* (= черемуха, ср. польск. *bez* 'сирень'), *гарсэ́т* (Лоев. р-н, Янк., стр. 138); *в'идэ́л'цы* (польск. *widetki*); *бес*, *л'устэ́рко* (польск. *lusterko*), *стэ́л'мах* (польск. *stelmach*) (Красносл. р-н, Бер., стр. 170); *ме́бл'а* (польск. *mebel — meble*), *бе́л'ка* (польск. *belka*) (Волоковс. р-н, Стеш., стр. 5); *бес*, *бе́л'ка*, *гарсэ́т*, *видэ́л'цы*, *кам'изэ́л'ка* (польск. *kamizelka*), *стэ́л'мах*, *л'устэ́рка* (Узд. р-н, Ром., стр. 148); *чвэ́ртка* (Авг. у., Кар., Зам. б.-р. гов., стр. 279); *пы братэ́рську* (польск. *braterski*) (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18); *зда́ль* (= скамейка), *камизэ́лка* (Вил. у., *ib.*, V, 31); *видэ́лцы*, *тутэйшы* (польск. *tutejszy*), *пэ́ўня* (польск. *rewny*), *зубэ́рня* (Моз. у., *ib.*, IV, 23); *пэ́вэн* (Пин. у., Мат. б.-р. к м.-р., I, 1); *бавэ́лна* (польск. *bawetna*), *шкарпэ́тка* (польск. *skarpetka*), *сма́ртэ́льны* (польск. *śmiertelny*), *вэдлуг* (польск. *według*), *мэ́нчыць* (польск. *mezczyć*) (Слуц. у., Мал., стр. 166, 171, 189, 193).

Характерно, что в некоторых говорах фонемами [т], [д] перед [e] сохраняются в старых польских заимствованиях и переходят в [ц'], [дз'] перед передними гласными в новых заимствованных словах (общественно-политическая, хозяйственная, научная лексика, названия предметов нового быта), что противоречит нормам современного литературного белорусского языка. Ср. *стэ́л'мах*, *л'устэ́рка* и *па́рцэ́йны*, *дз'у́рэктар*, *па́ц'уфо́н*, *у ц'у́йа́тры* (Узд. р-н, Ром., стр. 149); *стэ́л'мах*, *сал'е́дера*, *л'устэ́рка* и *ц'е́а́тры*, *дз'ел'е́гэ́ткайу*, *ма́ц'ема́ц'уку*, *па́ц'уфо́н* (Красносл. р-н, Бир., стр. 170).

Твердые согласные перед [e] встречаются также и в некоторых, видимо, исконно белорусских словах. Ср. *са́рце*, *ву́здэ́чка*, *м'астэ́чка* (общebelорусские); *спасэ́не*, *ста́рва* и *сыце́рва*, *бэ́змэ́ртны*, *сква́рны* (Игум. у., Кар., Черв. гов., стр. 230, Мат. б.-р., III, 15); *гна́здэ́чка* (Новоз. у., Пол., стр. 16); *сма́рыд*, *ста́рва*, *умэ́ршых* (Орш., Сен., Мбг. уу., Мат. б.-р., I, 4); *спасэ́не* (Слуц., Бых. уу., *ib.*, II, 5, 9); *спасэ́нне* (Лепел., Вит., Город. уу., *ib.*, IV, 27; Велиж. у., Куз., стр. 188); *гна́здэ́чко* (Новогр. у., Кар., Бел. пес., № 6, стр. 128); *чвэ́рыш* (= говоришь, Новогр. у., Мат. б.-р., IV, 21.). Причина появления твердого согласного перед [e] в этих словах недостаточно ясна. Не лишено возможности, что здесь также сказалось влияние польского произношения, широко распространенного в прошлом, между прочим, в среде привилегированных классов. Ср. следующее замечание об одном из говоров Витебского уезда: «...э вм. е слышится там, где есть влияние на говор панства и в особенности — шляхетства, как бы намеренно гэкаю́щаго, кэкаю́щаго, тэкаю́щаго, чтобы отличить свою речь от „хамской“» (Мат. б.-р., III, 18).

Однако в большей части белорусских говоров, знающих не только твердые, но и мягкие согласные фонемы перед [e], наличие сочетаний

твердых согласных фонем с [e] отнюдь не всегда обусловлено иноязычным влиянием. Гласный [e] после твердых согласных мог явиться в результате некоторых фонетических и морфологических процессов. Среди фонетических процессов такого рода следует отметить изменение редуцированного [ы] в [э] в окончаниях прилагательных и местоимений им. п. ед. ч. м. р. и род. п. ед. ч. ж. р., результатом чего в этих формах явилось окончание [эй]. В дальнейшем уже нефонетическим путем окончание [эй] распространилось на формы других падежей прилагательных — дат., тв., местн. ед. ч. ж. р. и на тв., п. ед. ч. сущ. ж. р.; им. п. мн. ч. прилагательных стал образовываться с помощью окончания -эя. Ср. *аднэй, худэй* (род. п. ж. р.) (Новоал. у., Мат. б.-р. III, 14); *тэй, однэй* (род. п. ж. р.), *кривэй* (им. п. ед. ч. м. р.), *шклянэя вочи* (Орш., Сен., Мог. уу., ib., I, 4); *тэй, аднэй* (род., дат., тв., местн. падежи ж. р.) (Дисн. у., ib., II, 6); *густэй ичмень, сляпэй* (им. п. ед. ч.), *мыладэй, зылатэй* (род. п. ед. ч.), *гнядэй* (им. п. ед. ч.), *зимлянэй, мидавэй* (тв. п. ед. ч.), *кривэй, домовэй* (им. п. ед. ч.), *тэй* (дат., тв., мест. падежи ед. ч.) (Вит. у., ib., III, 18); *сляпэй, залатэй, мыладэй, кривэй, однэй, шэй; с головэй* (Себеж. у., ib., IV, 28) и т. д.

В немногих говорах гласный [e] после твердых согласных является на месте [o] в новых закрытых слогах; ср. *вэр, нэх, вэл, вэс, худэ-бонка, сл'езэн'ка* (Лун. р-н, Мац., стр. 56); а также на месте гласного [o] в открытых слогах — *падатры сэпли, часэўка* (=пояс) (Игум. у., Кар., Черв. гов., стр. 229), и на месте гласного [a] — *лэдна, тэта, бэгна* или *багна* (Орш., Сен., Мог. уу., Мат. б.-р., I, 4).

В говорах главным образом центральных областей Белоруссии⁹ существительные как с твердой, так и мягкой основой образуют им. п. мн. ч. с ударенным окончанием [e], перед которым твердые согласные не смягчаются. Это [e] (из ё) распространилось из вин. п. мн. ч. существительных с мягкой основой. Ср. *снапé, гадé, валé, сватé, братé, л'асé, дамé, халадé, штанé, шын'ал'é, кавал'é, вугл'é, з'ац'é* (Узд. р-н, Ром., стр. 202); *журавé, рыбé, снапé* (Игум. у., Кар., Черв. гов., стр. 228, 234); *цвятэ, журавэ, сватэ, сярпэ, медз'вядз'э* (Бобр., Слуц. уу., Серб., стр. 54, 55, 70, 98, 166); *валэ, сватэ* (Слуц. у., Чуд., стр. 77); *панэ, сталэ, братэ* (Мин. у., Мат. б.-р., IV, 23). Реже ударенное окончание [e] представлено в род. п. ед. ч. сущ. ж. р. с твердой основой, где оно явилось по аналогии с формами мягкой разновидности. Ср. *бочка вадэ, воз травэ, ад зямлэ* (Сокол. у., ib. I, 2).

Неясны причины появления ударенного гласного [e] после твердых согласных в наречиях *анэгдысь, кудэйма, кудэю, тудэю* (Слуц. у., Мал., стр. 30, 178); *кудэ* (Авг. у., Кар., Зам. б.-р. гов., стр. 279); *кудэю, сюдэю, тудэю* (Мин. у., Мат. б.-р., II, 7; Пин. у., Мат. б.-р. к м.-р., I, 1); *одтэли, одтэтуль* (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18).

Таким образом, в большей части современных говоров в положении перед гласным [e] употребляются не только мягкие, но и твердые согласные. В результате положение перед [e] становится таким, в котором твердые-мягкие как зубные, так и губные согласные фонемы противопоставлены. Ср. *ц'ен', ц'эм'а, з'ац'э — л'устэрка, тутэ'йшы, смартэл'на, м'астэчка, стэрва, сватэ, густэй; дз'ен', дз'эц'и, у вадз'э, м'адз'в'адз'э — в'идэл'цы, вуздэчка, гадэ, худэй; с'эм'а, с'ена, на страc'э — сэрца, спасэ'а, л'асэ; з'э'л'а, наз'э — кам'изэл'ка; м'еу', м'эрка, зам'эрзнуц' — мэнчыц', дамэ; п'еи, п'эриа — пэй'а, сл'апэ'й,*

⁹ См. Е. М. Романович. Говоры Узденского района Минской области. Минск, 1953, стр. 204 (канд. диссертация).

снапé; б'эраг, аб'эд — бэз, бэ́лка, грыбэ́; в'эрна, в'ерх — чвэ́ртка, вэ́длуг, м'идава́й, с галава́й, журава́; л'эта, нал'э́жыц' — валэ́, смалэ́, с залэ́й; сагн'эм — аднэ́й, панэ́. Это противопоставление по говорам представлено не одинаково широко. Так, в говорах, развивших [е] после твердых согласных в ходе упомянутых фонетических и морфологических процессов, названное противопоставление основывается на более широком материале, чем в говорах, получивших гласный [е] после твердых согласных в основном лишь в лексических заимствованиях.

В южных районах Белоруссии существуют говоры, в которых мягкие согласные утратили мягкость перед [е]. При этом в одних говорах перед [е] отвердели как губные, так и зубные согласные, в других — только губные. Согласные отвердели перед [е] ударным и безударным любого происхождения — из *e, ь, ё*; однако если в говоре представлен безударный гласный [е] из [а], то согласные перед ним мягкие (ср. говор д. Хорево Пруж. р-на, где рядом с *тэ́шча, одэ́жа, бэ́рдо, тел'а́, бедá* представлено *м'ек'у́на, пám'еу́', дэ́в'еу́'*; Зен., стр. 205). Перед дифтонгом [иэ] из *ё* и из *e* в новых закрытых слогах согласные также не отвердевают.

Ср. говоры, в которых перед [е] отвердели губные и зубные согласные: *вэ́рбы, овэ́с, бэ́лы, вэ́чара, дэ́точок* и *дз'и́еу́'и* (Лун., Пин. р-ны, Мал., стр. 65); *вэ́сэлы, овэ́с, лэ́жачы, нэ́сэш, вэ́дэш, одэ́жа, тэ́шча, мэ́рзнуты* (Лун. р-н, Телен., стр. 110); *бэ́рдо, мед, мэ́рзлы, одэ́жа, тэ́шча, пен', верх, цен', кладэ́, стэ́рла, несéш, конэ́ц, овэ́чка* и *с'и́ем, п'и́еч, и́ечм'и́ен'*; [л'] перед [е] не отвердел (Пруж. р-н, Зен., стр. 31, 50, 123); говоры, в которых перед [е] отвердели только губные согласные: *мед, живе́, удовэ́ц, ц'епэ́ра* и *ведз'эм, прин'ес'эм* (Пин. у., К вопр. отв., стр. 51); *купэ́ц, торгова́ц, варабэ́й, салава́й, бэ́лыи, мэ́л, вэ́с, мэ́сто, зама́цу'и́ў, одэ́жа, сэ́но и дз'и́ень, п'и́еч* (Пин. у., Мат. б.-р. к м.-р., I, 1); *овэ́чка, звэ́ра, вэ́чор, мэ́рзнуц', мэ́ду, умэ́р, жмэ́д'а, на бэ́рэз'и* и *одз'э́жа, н'ес'э́ш, вэ́дз'э́ш, ус'э́* (Лун. р-н, Телен., стр. 165). В говорах с отвердением губных и зубных согласных перед [е], аналогичное отвердение может быть представлено перед [и] (ср. говор деревень Горск, Сосновка Пруж. р-на, Зен., стр. 135, 192, 197; некоторые говоры Лун. р-на Телен., стр. 123); при этом отвердение перед [и] всегда сопровождается отвердением губных и зубных согласных перед [е].

Отвердение согласных перед гласными переднего ряда — процесс общий для говоров юга Белоруссии и северноукраинских говоров. По замечанию Е. Ф. Карского¹⁰, структура отвердения согласных в белорусских говорах позволяет представить последовательность развития этого явления как в белорусских, так и в украинских говорах. Отвердение происходило раньше перед [е], а затем перед [и]. Этим объясняется наличие таких говоров, в которых мягкие согласные отвердели только перед [е] и сохранились перед [и], и отсутствие говоров с обратным соотношением (т. е. с отвердевшими согласными перед [и] и мягкими перед [е]). В положении перед [е] отвердению раньше подверглись губные согласные, а затем и зубные. Ср. говоры, в которых отвердели только губные согласные и только в положении перед [е]. Таким образом, отвердение началось с согласных с наиболее резко выраженной лабиовелярной артикуляцией и в положении перед наименее узким гласным переднего ряда.

¹⁰ См. Е. Ф. Карский. К вопросу об отвердении и неумягчительности звуков *e* и *i* в малорусском наречии. «Изборник Киевский, посвященный Т. Д. Флоринскому». Киев, 1904, стр. 86.

В плане хронологического приурочивания отвердения согласных можно заметить, что оно происходило после падения редуцированных и продления [e] в новых закрытых слогах: отвердевая перед [e], согласные сохраняли мягкость перед [e], впоследствии изменившимся в [ie] или [yō]. Это отвердение имело место после изменения ударенного и безударного [ĕ] в [e] (разумеется, речь идет о говорах, в которых подобное изменение имело место) и до изменения безударного [a] в [e]. Что касается перехода [e] в [o], то в некоторых говорах он, видимо, предшествовал отвердению согласных перед [e]. Ср. д. Хореве Пруж. р-на — *бёрдо, мед, мёрзлы, одёжа, тѣшча, бедá, берý, ден', весна́, несú, тел'á и с'обстра, полоу'он, замкн'оно, ц'омны, ц'оплы, памйор, оуйос, паўс'убой, в'ишн'убойка* (Зен., стр. 35, 255); д. Горски того же р-на — *мед, мёрзлы, бёрдо, несéш, ведéш, стёрла, потёрты и вйорст, зайубз, оуйос, с'ола, т'омны, т'оплы, полот'он, замкн'он* (Зен., стр. 123, 307); некоторые говоры Лунинецкого р-на, в которых перед [e] отвердели только губные согласные — *дзвэры, у чэц'вэрг, умэр, жмэн'а, с пэршаго, вэчор, забэжала, ц'епэр, овэчки, з мэдам, мэшок, пэсок, бэрэ́, вэла́ и п'ос, св'окар, аййос, пэрэуйубз, заййубз* (Телен., прилож., стр. 158—167).

Легко заметить, что твердые согласные представлены перед [e], не изменившимся в [o] в силу определенных фонетических причин (положение без ударения, с одной стороны, перед шипящими и поздно отвердевшими согласными — с другой). Во всех же тех случаях, где фонетические условия способствовали изменению [e] в [o], представлен гласный [o] после мягких согласных; исключения представляют случаи *стёрла* и *мед*, но в последнем слове изменение [e] в [o] отсутствует во многих говорах, не знающих отвердения согласных перед [e].

В говорах Лунинецкого р-на, знающих отвердение перед [e] как губных, так и зубных согласных, как будто есть данные в пользу того, что отвердение согласных происходило до перехода [e] в [o]: ср. *вэсэлы, овэс, берэза*; однако тут же имеются примеры, свидетельствующие об обратном соотношении: *кл'он, св'окор, пов'ус, прын'ус, по'ус'уй*. (Телен., стр. 115).

Отвердение согласных в положении перед [e] ведет к тому, что для соответствующих согласных фонем положение перед [e] становится положением неразличения по твердости-мягкости.

§ 13. П е р е д [yō].

В некоторых юго-западных говорах существует как самостоятельная гласная фонема дифтонг [yō]. Этот дифтонг первоначально развился после падения редуцированных на месте [o] в новых закрытых слогах. Затем с ним совпал дифтонг [yō], явившийся в результате того, что гласный [e], получивший также дополнительную долготу в новом закрытом слоге, подвергся действию закона изменения [e] в [o] (если гласный [e] краткий изменялся в [o], то [e] долгий в [yō]). Таким образом, дифтонг [yō] стал употребляться как после твердых, так и после мягких согласных. Пока употребление дифтонга [yō] было ограничено положением в закрытом слоге, дифтонг не мог считаться самостоятельной фонемой. Лишь в немногих говорах с [yō] из [o] в новых закрытых слогах мог совпасть дифтонг [yō] из старого [o] под восходящим ударением, который с самого начала употреблялся как в закрытом, так и в открытом слоге (ср. *вудля, коруова, болуто, вудл* — Лун. р-н, Телен., стр. 171). Однако в дальнейшем дифтонг [yō] начинает проникать в открытые слоги, часто по аналогии с формами, где [yō] находился в закрытом слоге (ср. *м'уддам* как *м'удд*, *ц'ютотчка* как *ц'ютотка*).

Освободившись, таким образом, от фонетической обусловленности положением в закрытом слоге, дифтонг [yo] выступает в фонологической системе как сильная фонема. При этом дифтонг [yo] появляется на месте [o] любого происхождения, не только из [o], [ɔ], но и из [e], [ɛ] (ср. *судон* — Лоев. р-н, Янк., стр. 41; *помюр* — Моз. у., Мат. б.-р., II, 10). В результате, в некоторых юго-западных белорусских говорах в положении перед [yo] противопоставлены по твердости-мягкости как зубные, так и губные согласные фонемы. Ср. Узденский р-н Минской обл.: *тôк, на кустôх, м'атôм — ц'отачка, ц'опла, ц'омны; па л'асôх, н'асôм, расôл, сôх* (р. мн.) — *пас'ôлк'и; лôжак, сталôй, валôх — на пал'ôх, вал'ôнк'и, кл'ôн, рубл'ôй; нôч, жнôм, бл'инôх — кан'ôм; вôск, живôм, хвôст — вав'ôрка; камôрка — м'ôт* (Ром., стр. 54, 144, 333). Слуцкий у. Минской губ.: *тôрба, стôйп, тôйсты — цюсмны; нôч — нюос; сталôй — люох, мôцно — мюот* (Мал. стр. 8, 11, 20). Мозырский у. Минской губ.: *братôй — дзицюом; люог, селюodka — волюс; во ўсюом, помюр, лôд, понюосса, привюуса* (Мат. б.-р., II, 10). Свенцицкий у. Виленской губ.: *мнôго — нюос; бôр, штô, лябюodka, люод, люон*. Пружанский р-н Брестской обл.: *братôй, у густôм — верец'ôн, до ц'отк'и; л'есôй — э ус'ôй* (тв. п. ед. ч.); *разôй — аз'ôр; нôч, мнôго на л'еснôй — в'ишн'ôйка, трудодн'ôй, гн'ôзда, пон'ôс; голôй, болôт, залôйка — здал'ôка, кл'ôн, кол'ôс* (Зен., стр. 31, 37, 91, 123, 291). Лунинецкий р-н Пинской обл.: *столôм — ковал'ôм; воуô'а, болôто, нôч, домôй; но чаще в этом говоре дифтонг [yo] как после твердых, так и после мягких согласных фонем стягивается в [y]* (Телен., стр. 171, 190). Новогрудский у. Минской губ.: *мнôго, панôм, однôй, пôйде, бôр и весюод* (Мат. б.-р., IV, 29). Краснослободский р-н Бобруйской обл.: *стôл, братôх, пл'етôм, мастôй — ц'отка, м'ец'ôлка; узôр, на вазôх, в'езôм — аз'ôр; нôш, бл'инôй, жнôм — н'ôс; плôт, калô'е, сталôй — кл'ôн, рубл'ôй, кавал'ôм* (Бир., стр. 58, 62, 91).

§ 14. Перед [ië] [ê].

В юго-западных белорусских говорах в качестве самостоятельной фонемы существует дифтонг [ië], восходящий к старому [ê], а также к [e] в новых закрытых слогах. Ср. *хлиëп, зьвиëр, биëлы, дзиëт, сьлиëт, циëло, пиеч, пиекло, мящиëлица, пасьциëль, на сасиë* (Слуц. у., Мал., стр. 8, 9, 12); *б'иëлы, л'иëто, с'иëно, п'иëч, иечм'иëн', кам'иëн'* (Красносл. р-н, Бир., стр. 85); *хл'иëб, л'иëс, в'иëк, св'иëт, дз'иëд, п'иëч, с'иëм* (Пруж. р-н, Зен., стр. 31) и т. д.

В некоторых говорах перед [ië] могут быть представлены не только мягкие, но и твердые парные согласные фонемы. Последнее стало возможным в результате проникновения в им. п. мн. ч. существительных окончания [ië] (из вин. п. мн. ч. сущ. с мягкой основой), перед которым твердые согласные не смягчаются. Ср. *валë, смалë, пудë, дз'адë, хамутë, сынë, часë, снапë, гарбузë, карас'ë, з'ац'иë, кавал'ë* (Узд. р-н, Ром., стр. 203); *вольиë, столиë, полиë, паныë, сватыë, кониë, сыныë* (Новогр. у., Мат. б.-р., IV, 29); *папыë, валыë, снапыë, айсыë, дубыë, паныë, кавалиë, рублиë* (Слуц. у., Мал., стр. 14). В результате в подобных говорах создается возможность противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед [ië]. Ср. *ц'иëло, з'ац'иë — хамутыë; дз'иëд — кудыë; с'иëно, с'иëм, карас'иë — часыë; на наз'иë — гарбузыë; л'иëта, кавал'иë — стальиë; п'иëч — снапыë*.

§ 15. Анализ различия твердых-мягких согласных фонем перед ударенными гласными показывает, что система противопоставления в этом положении твердых-мягких фонем в том виде, в каком она была унаследована белорусским языком из древнерусского непосредственно

после падения редуцированных, претерпела ряд важных изменений. Как известно, в древнерусском языке непосредственно после падения редуцированных твердые-мягкие зубные и губные согласные фонемы различались перед [и(ы)], [а], будучи только мягкими перед [е], [ѣ(іе)], только твердыми перед [о] [ѡ(уо)]; что касается гласного [у], то перед ним весьма ограничено были противопоставлены по твердости-мягкости зубные фонемы, и не различались твердые-мягкие губные.

В белорусских говорах, во всех или части, в результате различных процессов, как фонетических, так и морфологических и словообразовательных, развивалось противопоставление твердых-мягких согласных фонем перед ударенными [о], [е], [іе], [уо]. Таким образом, перед любым гласным твердые-мягкие фонемы стали различаться.

Специфической чертой части белорусских говоров является выделение группы губных согласных фонем, как имеющих ярко выраженную тенденцию утратить различие по твердости-мягкости перед непередними гласными (перед [о], [а], вероятно, и перед [у])¹¹, т. е. в таком положении, где мягкость губных согласных не поддерживается передней артикуляцией последующего гласного. Подобная тенденция, видимо, связана с более сильной, чем в русском языке, лабиовелярностью губных согласных, что, между прочим, проявляется и в лабиализующем влиянии губных согласных на соседние гласные (ср. изменение [ы] в [у], [а] в [о]).

Некоторые белорусские говоры, пережившие общие процессы с североукраинскими говорами, знают отверждение согласных перед гласными переднего ряда [и], [е], в связи с чем перед этими гласными утрачивается противопоставление по твердости-мягкости. В этом процессе губные согласные также обнаруживают наиболее сильную тенденцию к отверждению.

Твердые-мягкие фонемы перед безударными гласными

§ 16. Как известно, перед безударными гласными может быть представлена та же система различия твердых-мягких фонем, что и перед ударенными гласными, в том случае, если система безударных гласных не отличается от системы гласных под ударением. В белорусском языке подобное состояние системы вокализма было нарушено весьма рано в связи с изменением [е] в [о] под ударением, утратой [ѣ] как самостоятельной фонемы первоначально без ударения, а затем в значительной части говоров и под ударением, развитием в некоторых говорах дифтонгов под ударением в новых закрытых слогах и, наконец, в связи с развитием аканья. Изменения в системе безударного вокализма влекли за собой изменения в системе противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед безударными гласными. Обратимся к анализу различия твердых-мягких согласных фонем перед безударными гласными в белорусских говорах.

Твердые-мягкие согласные фонемы перед гласными первого предударного слога

§ 17. Многие северо-западные говоры характеризуются диссимилятивным аканьем и диссимилятивным яканьем. При этом типе вокализма в первом предударном слоге, перед слогом с [а] под ударением,

¹¹ Ср. отверждение губных перед безударным [у]: *уремью* (Рог. у., Раст., С.-б.-р., стр. 168); *с'емйу, вымйу* (Узд. р-н, Ром., стр. 227). Отсутствие примеров на отверждение губных перед ударенным [у] можно объяснить тем, что наблюдателю не встретилось слов с мягким губным перед ударением [у], так как подобные слова весьма редки.

выступают гласные [ы], [у], [ъ] после твердых, [и], [у] — после мягких согласных. Что касается положения не перед ударенным [а], то здесь представлены гласные [ы], [у], [а] после твердых и [и], [у], [а] после мягких согласных. Таким образом, в подобных говорах в слоге перед ударенным [а] твердые-мягкие фонемы противопоставлены перед [и(ы)], [у] и не различаются перед [ъ], нейтрализуясь в этом положении в слабой твердой согласной фонеме. В слоге не перед ударенным [а] твердые-мягкие фонемы противопоставлены перед предударными [и(ы)], [у], [а].

В слоге перед ударенным [а].

Перед [и(ы)].

В слабой фонеме [и(ы)] реализуется сильная фонема верхнего подъема [и(ы)] и гласные фонемы неверхнего подъема. Появление [ы] после твердых согласных в соответствии с сильными фонемами неверхнего подъема обусловлено неустойчивостью артикуляции гласного [ъ], который, в частности, под влиянием соседних артикуляций может принять более высокое образование и измениться в [ы]; ср. *увяжа́йеш, настый-а́шчы́а, пыйма́'и, сызна́'ул'на́а* в говорах с диссимильтивным аканьем. (Дрис. р-н, Гайд., стр. 39, 40). Например: *Матыл'ка́, стыйа́ў — с'у'ина́; дыша́'у, здыва́'у — дз'ика́'а, дз'ида́'м'и; насыпа́'й, сызна́'ул'на́а — с'истра́; призыва́'у — з'има́, з'имла́; ныра́'у — прын'исла́; глыта́'у, глыза́ — разл'ива́'у, л'ижа́'у; пыта́'у, пыпа́'ўшы — п'ила́, п'ин'ка́; быва́'у, быза́р — б'ида́; выда́ — в'иза́'у, в'ина́; умыва́'у, мыха́'у — с'м'ийа́'цы.*

Перед [у].

Предударная слабая фонема [у] является эквивалентом сильной фонемы [у], а после твердых согласных, кроме того, и эквивалентом сильных фонем неверхнего подъема, что обусловлено артикуляционной неустойчивостью гласного [ъ], который под влиянием согласных, в особенности губных и задненебных, легко приобретает лабиализацию и несколько более высокое образование, что ведет к изменению [ъ] в [у]. Ср. *сува́т', гусука́* (Бых. у., Маш. б.-р., II, 9); *тува́ришов, вузза́в, пусубля́в, тувпа́тца, булува́тца, лума́юць* (Клим. у., Раст., С.-б.-р., стр. 170); *гутава́в, пусубля́ць, пужа́ру* (Черик. у., ib., стр. 169); *гусука́, ныкрусува́лыся, намурдува́лыся* (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18); *пупула́м, пупа́ў, з'умыва́ў, гадува́ў, на хутара́х* (Дрис. р-н, Гайд., стр. 39). Следует заметить, что употребление мягких согласных перед ударенным [у] весьма ограничено. Как известно, сочетания мягких губных и зубных согласных фонем, не имевших исконной мягкости, с [у] в белорусском языке, так же как и в русском, явились сравнительно поздно в результате различных морфологических и словообразовательных процессов. Это обстоятельство обусловило употребление названных согласных фонем перед [у], главным образом, на стыке корня и суффикса, основы и флексии, т. е. преимущественно в ударенных и заударных слогах. Что касается предударного [у], то перед ним могут употребляться [л'], [н'] и в немногих случаях некоторые другие мягкие зубные фонемы. Мягкие губные фонемы перед предударным [у] в белорусском языке неизвестны. Из сказанного ясно, что различение твердых-мягких фонем перед предударным [у] основывается на широком употреблении твердых согласных фонем перед предударным [у] при весьма ограниченном употреблении мягких согласных фонем в этом положении. Ср. *лу́а, булува́'у, кл'уча́, л'уба́'а; суха́р — с'уда́; дура́к — дз'ура́; туда́ — ц'урма́, муу́'уа́*; но в белорусском языке, включая говоры, нет случаев употребления перед предударным [у] согласных [з'], [п'], [б'], [в'], [м'].

Во избежание повторений следует заметить, что подобное употребление твердых и мягких согласных фонем перед предударным [у] имеет место в говорах с любым типом предударного вокализма.

Перед [ъ].

В слабой фонеме [ъ] реализуются сильные фонемы неверхнего подъема. Ср. *стѣйаѣ, здѣваѣ, сѣма, зѣвал, снѣрад, глѣза, пѣпаѣшы, бѣзор, вѣда, мѣхаѣѣ*. Кроме того в говорах, знающих изменение предударного [ъ] в [ы], может иметь место обратный процесс — редукция [ы]. В подобных говорах в предударном [ъ] реализуются сильная фонема верхнего подъема [и(ы)] и сильные фонемы неверхнего подъема. Ср. *сѣма, вѣда и прыбѣваѣе, павазѣвал'и, пѣтан'н'и* (Дрис. р-н, Гайд., стр. 45).

В слоге перед ударенным „не а“

Перед [и(ы)].

Слабая фонема [и(ы)] является эквивалентом сильной фонемы [и(ы)] в первом предударном слоге: *дышѣ — дѣ'икоѣ, сынѣк — с'идз'ѣц'; нырѣнѣ — аш'имѣ, глыбѣкий — л'изнѣ; пыл'ѣц' — п'ил'ѣц'.*

Перед [у].

Слабая фонема [у] является эквивалентом сильной фонемы [у] в первом предударном слоге. Значительно реже, чем в слоге перед ударенным [а], в предударном [у] реализуются сильные фонемы неверхнего подъема в соседстве с губными и задненебными согласными. Появление [у] в этом случае обусловлено, видимо, аналогией со стороны форм, в которых [у] явился на месте [ъ] как в первом, так и во втором предударном слоге. Ср. *пуѣду, пуплѣв, пугѣкаю, гулусѣк, вурѣты, пулѣзу, пупѣм, вудѣй, свѣю, двурѣм* (Рогач. у., Раст., С.-б.-р., стр. 168); *лубѣк, гулусѣк — л'убѣу, тугѣй — у ц'урм'ѣ.*

Перед [а].

В слабой фонеме [а] реализуются сильные фонемы неверхнего подъема как после твердых, так и после мягких согласных фонем: *с табѣй — ц'агло, с'ц'анѣю; дамѣй — дз'ац'ѣй, дз'арѣш; салѣма — с'адло; завѣ — з'алѣны; насѣк — н'ас'ѣм; платѣк — зѣгл'анѣ, л'атѣк; пагѣда — п'акѣ, п'ац'ѣ; балѣта — б'арѣза; вадѣ — в'адз'ѣ; марѣз — м'ажѣю.*

§ 18. В юго-западных говорах наиболее распространенным типом предударного вокализма является недиссимилятивное аканье и сильное яканье, при которых в первом предударном слоге независимо от качества гласного под ударением как после твердых, так и после мягких согласных представлены гласные [и(ы)], [у], [а]. В результате в подобных говорах твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены перед предударными слабыми фонемами [и(ы)], [у], [а].

Перед [и(ы)].

Слабая фонема [и(ы)] является эквивалентом сильной фонемы [и(ы)] в первом предударном слоге. Ср. *дымѣк, дышѣц' — дѣ'икаѣа; сынѣк, насыпѣц' — с'идз'ѣц, с'ил'н'ѣйшы; зазывѣц' — з'имѣю; глытѣц' — л'изѣц', пытѣц' — п'илоѣю; и т. д.* Противопоставление твердых-мягких согласных фонем перед предударными [и(ы)] может быть весьма сужено в говорах, знающих изменение [ы] в [у] после твердых губных согласных.

Перед [у].

Слабая фонема [у] является эквивалентом сильной фонемы [у] в первом предударном слоге. Кроме того, во многих юго-западных говорах [у] появляется в первом предударном слоге после твердых губных согласных в соответствии с сильной фонемой [и(ы)]. Ср. *пупѣц',*

адмукáц' (Лун. р-н, Телен., стр. 66); *путáйеу'а*, *вукáзувац'*, *вуц'áгуў*, *бучк'ў*, *на плуты*, *вудáз'иц'*, *умувáўс'а* (Лоев. р-н, Ян., стр. 63); *спамул'ўласа*, *папутáйсá*, *прыпул'ўласа* (Глус. р-н, Янк., стр. 7); *колухáлоса*, *бук'ў*, *подумáласа*, *вудз'ў* (= выйди) (Моз. у., Мат. б.-р., II, 10); *путáц'*, *вурéзывае*, *вухóдз'иць* (Реч. у., Кар., К вопр. гр., стр. 61); *букá*, *путáйеуца* (Староб., Житк. р-ны, Мац., стр. 59) и др. При последовательном проведении этого явления в соответствующих говорах может ликвидироваться различие твердых-мягких губных фонем перед предударным [и(ы)], так как в этом положении становится возможным лишь употребление мягких губных фонем. Однако в систему различения твердых-мягких согласных фонем перед предударным [у] переход [ы] в [у] изменений не вносит. Расширяя сферу употребления твердых губных фонем перед предударным [у], это изменение никак не отражается на употреблении мягких фонем в этом положении. В результате противопоставление твердых-мягких согласных фонем перед предударным [у] продолжает основываться на широком употреблении твердых согласных фонем и весьма незначительном употреблении мягких согласных фонем в этом положении.

Перед [а].

Слабая фонема [а] является эквивалентом сильных фонем неверхнего подъема в первом предударном слогe: *стáйáў*, *такóй* — *су'анá*; *здавáў* — *дз'ац'ей*, *салóма* — *с'адлó*, *зав'эш* — *з'ал'óное* и т. д.

В некоторых юго-западных говорах с сильным яканьем губные согласные отвердели перед ударенным [а], выделив при этом дополнительную артикуляцию [j] (см. об этом выше); что же касается положения перед предударным [а], то здесь мягкие губные не отвердевали (т. е. *п'áтый*, но *п'ат'ў*). Возникает вопрос, чем вызвано подобное разграничение в поведении губных согласных перед [а] ударенным и безударным, тем более, что в окружающих говорах губные отвердели и перед предударным [а] (ср. Пруж. р-н, Зен.; Лун. р-н, Телен.). Здесь может быть дано следующее объяснение. Вероятно, в части белорусских говоров, как это предполагал и Е. Ф. Карский, яканье развилось не непосредственно на основе различия предударных гласных неверхнего подъема, а на основе еканья. Отверждение губных перед [а] происходило тогда, когда соответствующим говорам было присуще еканье *я* в первом предударном слогe гласный [а] отсутствовал; когда же в этих говорах развилось сильное яканье, то отверждение губных перед [а] не было актуальным процессом и губные сохранили мягкость перед [а], появившимся в первом предударном слогe.

§ 19. В юго-западных говорах южной части Белоруссии (некоторые районы Бобруйской, Полесской, Пинской, Брестской, Гомельской, Гродненской областей)¹² в первом предударном слогe представлено недиссимилятивное аканье и еканье. При этом типе предударного вокализма твердых согласных фонем представлены гласные [ы], [у], [а], после мягких — [и], [у], [е]. Гласные [а] и [е], обладая в системе гласных первого предударного слога одинаковыми дифференциальными признаками, представляют собою разновидности одной и той же слабой фонемы; употребление этих разновидностей фонетически обусловлено положением после твердого или мягкого согласного. В результате твердые-мягкие фонемы оказываются противопоставленными перед предударными слабыми фонемами [и(ы)], [у], [а:е].

¹² См. И. В. Бирилло. Говоры Краснослободского района, Бобруйской области. Минск, 1953, стр. 109 (канд. диссертация).

Перед [и(ы)], [у] специфика противопоставления твердых-мягких фонем та же, что и в рассмотренных выше говорах с сильным яканьем.

Перед [а:е]: с *табóй, ста́йц' — ц'еб'е́, ц'егло́; даро́га — дз'еру́га; сало́ма — с'едло́; заву́ — з'евáй; у насу́ — ун'есу́; плато́к — пл'ету́; пан'о́с — п'ен'о́к; бало́та — б'ел'мо́; вада́ — в'еду́, маха́ц' — м'еша́ц'.*

§ 20. На юге Белоруссии существуют говоры, характеризующиеся рядом особенностей, свойственных северноукраинским говорам. Среди этих особенностей следует отметить, как имеющие непосредственное отношение к системе противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед безударными гласными, оканье с частичным или полным различием предударных гласных неверхнего подъема после мягких согласных и более или менее широкое отвердение согласных перед гласными неверхнего подъема. Не имея систематических сведений об окающих белорусских говорах, рассмотрим различие твердых-мягких согласных фонем перед предударными гласными лишь на материале отдельных окающих говоров.

1) Некоторые окающие говоры Лунинецкого р-на (см. Телен., стр. 117) в первом предударном слоге после общерусских мягких согласных различают гласные неверхнего подъема [е] (из этимологических *e, ъ*), [а] (из этимологического *a*), [и] (из *ě*). Однако мягкие согласные, губные и зубные, в этих говорах отвердели перед этимологическими [и], [е], сохранив мягкость перед [и] из *ě*. Кроме того, мягкие губные отвердели перед предударным [а], выделив при этом самостоятельную артикуляцию в виде [j]. Таким образом, в названных говорах в первом предударном слоге после твердых согласных представлены гласные [ы], [у], [о], [е], [а], после мягких зубных — [и], [у], [а], после мягких губных — [и], [у]. В результате оказывается, что твердые-мягкие зубные фонемы противопоставлены перед предударными [и(ы)], [у], [а], нейтрализуя противопоставление в слабой твердой фонеме перед [о], [е]; твердые-мягкие губные фонемы противопоставлены перед [и(ы)], [у], нейтрализуя противопоставление в слабой твердой фонеме перед [о], [е], [а].

Перед [и(ы)]: *дымо́к, дыкóйа — д'идáм'и* (в говоре нет дзеканья) и цеканья); *сынóк, сын'н'ийшы — с'идóй, лыс'ет', лызат' — у л'ису́, пы́льт'* (пилить и пылить) — *п'иту́х', быка́ — б'идá, атмыва́т' — м'ин'ат'.*

Перед [а]: *ташчу́ — пот'агнóу, сама́ — дес'ат'и́, у лапт'áх — гл'ажу́;* только твердые губные — *базáр, свал'и́ц', паром;* общерусские мягкие губные отвердели — *п'ят'и́, заўйа́жы́, м'ясн'ий.*

Перед [о]: с *тобóйу, домо́й, сове́т, позов'и́, ного́у, голово́йу, попола́м, бол'шы́, вороб'ы, моро́з.*

Перед [е]: *Пепло́, дер'у́га, село́, зел'о́ны, нес'ы́, лежа́т', пеклы́, бер'ы́, весло́, умерла́.*

Перед [у] в окающих говорах специфика различения твердых-мягких согласных фонем та же, что в акающих говорах.

2) В окающем говоре д. Хорево Пружанского р-на (см. Зен., стр. 33—43) в первом предударном слоге после общерусских мягких согласных представлены гласные [е] (из этимологических *ь, e, ě* и из *a*), [а] (из *a*), [и], [у]. При этом согласные губные и зубные, кроме [л'] отвердели перед [е] ударенным и безударным любого происхождения; мягкие губные отвердели перед предударным [а]. Таким образом, в этом говоре после твердых согласных представлены предударные гласные [ы], [у], [е], [о], [а], после мягких зубных — [и], [у], [а], после мягких губных — [и], [у]. Твердые-мягкие зубные согласные фонемы противопоставлены

перед предударными слабыми фонемами [и(ы)], [у], [а]; перед [о], [е] противопоставление твердых-мягких зубных фонем нейтрализуется в слабой твердой фонеме. Твердые-мягкие губные согласные фонемы противопоставлены перед [и(ы)], [у], нейтрализуясь в слабой твердой согласной фонеме перед [о], [е], [а]. Система противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед предударными гласными в этом говоре отличается от аналогичной системы в рассмотренном выше говоре более широкой сферой употребления твердых согласных фонем перед [е] (так как это [е] выступает не только на месте этимологических *e, ъ*, но и *ѣ*); кроме того, противопоставление твердых-мягких согласных фонем перед предударным [и(ы)] основывается на менее широком употреблении твердых согласных фонем перед [ы], что обусловлено отсутствием отвердения согласных перед [и] в разбираемом говоре.

3) Среди окружающих белорусских говоров есть такие, в которых отвердели только губные согласные и только перед [е]. Такие говоры представлены в с. Добучино Пружанского р-на (Зен., стр. 302), в Пинском у. (Кар., К. вопр. отв., стр. 51, 86), в Лунинецком р-не (Телен., стр. 162). В говорах Лунинецкого р-на в первом предударном слове после твердых согласных представлены слабые фонемы [ы], [у], [о], [а]; после общерусских мягких — [и], [у], [е] (из *ь, е, ѣ*), [а] (из *а*), губные согласные отвердели перед предударным [а], выделив [i]. Отвердели губные и перед [е], но при этом после отвердевших губных в соответствии с этимологическими *e, ѣ* может выступать гласный [а]. Ср. *пекú, берú, бедá, веслó, ведрó, мешóк* и *пакú, барú, бадá, ват-рáк, вадрó, машóк, пасóк*, но — *к'ип'яткú, п'ятáк, в'язáц'*.

Таким образом, в этом говоре твердые-мягкие зубные согласные фонемы противопоставлены перед предударными слабыми фонемами [и(ы)], [у], [а], а так же перед [о:е], так как предударные [о] и [е] представляют собою разновидность одной и той же слабой фонемы среднего подъема, наличие или отсутствие лабиализации которой обусловлено положением после твердых или после мягких согласных фонем.

Противопоставление перед предударными [и(ы)], [у], [а] ничем принципиально не отличается от аналогичного противопоставления в говорах предыдущего типа.

Перед [о:е]: *с тобóйу — ц'еплó; домóй — дз'ерýга; сол'иц' — с'елó; золá — з'емл'á; у носú — н'есú; ломáц' — л'етáц'.*

Что касается твердых-мягких губных согласных фонем, то они противопоставлены перед [и(ы)], [у], нейтрализуясь в слабой твердой согласной фонеме перед [о], [е], [а].

Возникает вопрос о происхождении гласного [а] (из *e, ѣ*) после отвердевших губных. В этом вопросе много неясного. Нельзя предположить, что гласные [е] и [ѣ] совпали в [а] после губных прежде, чем эти последние отвердели, так как в этом случае остается неясным, во-первых, почему [е] и [ѣ] совпали в [а] только после губных согласных (в говоре Лунинецкого р-на после зубных не отмечен [а] из *e, ѣ*); во-вторых, почему губные, отвердевая перед этимологическим [а], выделили [i], а перед [а] из *e, ѣ* — нет. Первое недоумение может быть в известной степени рассеяно в связи с имеющимися указаниями на существование в Пинском у. говора, в котором перед [а] на месте *e, ѣ* представлены не только отвердевшие губные согласные, но и отвердевшие зубные. Ср. *вадý, васóлый, паснú, варнúсь, вазúць, васнú, барúсь, манé и залéный, насúте* (= несите), но — *дзядáми, лясá* (Мат. б.-р. к м.-р., I, 1).

Возникает мысль о том, что [а] на месте е, ё явились уже после того, когда предшествующие согласные отвердели.

Произношение типа *бада́, ватра́к, машо́к* возникло, видимо, в следующей смене явлений. Сначала в соответствующих говорах гласные [е] и [ё] в первом предударном слоге совпали в [е], затем перед этим [е] согласные отвердели. Гласный [е] после твердых согласных обладает более задней и открытой артикуляцией, чем после мягких согласных. В положении после сильно лабиовеляризованных белорусских губных согласных эта артикуляция может усугубляться, в результате чего гласный сближается с [а]. Таким образом, произношение *бада́* явилось в следующей последовательности: *б'ёда́ > б'еда́ > беда́ > бада́*. Изменение [е] в [а] могло иметь место и после отвердевших зубных согласных.

Ср. аналогичное понижение артикуляции гласного [е] после отвердевших согласных в юго-западных украинских говорах: *ба́раг, Фадар, тра́ба, параху́дити, вара́тэну, паравіс*¹³.

Твердые-мягкие согласные фонемы перед гласными второго предударного слога

§ 21. В акающих белорусских говорах слабые фонемы второго предударного слога, так же как и в первом предударном слоге, различают две степени подъема — верхний и неверхний.

Слабая фонема верхнего подъема [у] во втором предударном слоге является представителем сильной фонемы [у] (ср. *бугай'у́, будав'у́, вучан'у́ца, мухам'ор, сухар'у́* и др.). В некоторых юго-западных говорах в слабой фонеме [у] после твердых губных согласных реализуются сильные фонемы верхнего подъема [и] и [у], что является результатом лабиовеляризующего воздействия губных согласных на гласный [у]. Ср. *вун'има'у́, вунас'у́, вун'има'ю́* (Лун. р-н., Телен., стр. 66); *вупив'ае* (Реч. у., Кар., К вопр. гр., стр. 61). Кроме того, в северо-восточных говорах, реже в юго-западных в слабой фонеме [у] второго предударного слога реализуются сильные фонемы неверхнего подъема после твердых согласных, что становится возможным в результате изменения в [у] гласного [ъ], представляющего собой слабую фонему, в которой в северо-восточных говорах могут реализоваться сильные фонемы неверхнего подъема. Лабиализация [ъ] имеет место, главным образом, в соседстве с губными и задненебными, т. е. наиболее лабиовеляризованными согласными. Ср. *пуцулова'лися, пувяз'ьлі, суслова'я, сувяр'шэнная, тувкачо́м, пузур'ькі, пугуля'ць, пумуг'аець, пусубля'ць, публижа́ла* (Черик. у., Раст., С-б.-р., стр. 169); *сувяр'шэнных, бугур'одица́* (Гом. у. іб., стр. 168); *пугубл'эня, путам'у́, бугач'ов, пусматр'ю, нучува'ць, булува'тца* (Клим. у., іб., стр. 170); *пугусло́, мулад'ого, зулот'ого, пудужда́ли, вуласа́ми* (Рогач. у., іб., стр. 169); *нучува'ць* (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18); *бугур'одзица* (Игум. у., іб., 15); *пумылажа́ла, бугур'одзица* (Велиж. у., Куз., стр. 180); *пустух'у́, пулуча'ць, мул'чуга́н* (Дрис. р-н., Гайд., стр. 50).

Осуществление этих фонетических процессов расширяет в соответствующих говорах сферу употребления слабой фонемы [у] во втором предударном слоге после твердых согласных фонем. Что касается положения после мягких согласных фонем, то здесь слабая фонема [у] представлена лишь после [л'] — *кл'учава'йа, л'убата́, л'убава'ца*.

¹³ См. Ф. Т. Ж и л к о. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 92.

В результате перед [y] второго предударного слога противопоставлены лишь [л'] — [л]: *л'убатá* — *луґавы*; остальные зубные, а также губные согласные фонемы перед [y] второго предударного слога по твердости-мягкости не различаются, нейтрализуясь в слабой твердой фонеме.

Слабая фонема [и(ы)] во втором предударном слоге является представителем сильной фонемы [и]. Кроме того, в некоторых говорах, как юго-западных, так и северо-восточных, в варианте слабой нелабиализованной фонемы верхнего подъема [ы], выступающем после твердых согласных, реализуются сильные фонемы неверхнего подъема, что стало возможным в результате фонетического изменения в [ы] гласного [ѣ], представляющего собой слабую фонему, в которой реализуются сильные фонемы неверхнего подъема в положении после твердых согласных. Ср. *выйавáц'*, *пыдн'имáйуц'*, *мыладз'ош* (Дрис. р.-н., Гайд., стр. 50), *гвызюкú гвызюкóв* (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18); *пы дварú, тыпары, пымыладз'эла, сыкытáць, вырытá* (Орш., Сен., Мог. уу., ib., I, 4). В некоторых северо-восточных говорах или в говорах, находящихся на стыке юго-западного и северо-восточных наречий, в слабой фонеме [и] после мягких согласных фонем могут реализоваться сильные фонемы неверхнего подъема. Ср. *дз'ив'анóста, ц'ираз л'эс, с'ирадá, з'ирнав'ых, н'ив'идáц'*, *л'исн'ик'ú* (Дрис. р.-н., Гайд., стр. 61). Перед слабой фонемой [и(ы)] второго предударного слога противопоставлены по твердости как зубные, так и губные согласные фонемы. Ср. *тылавóга, тыпары* — *ц'ишына́; дымаво́га* — *дз'икаваты́; сыравáты, сыкаты́* — *с'ин'авáты; зылатóга, з'имава́ц', з'ирнав'ых; выхадз'úц', вырытá* — *в'иновáты; мылавáр, пымыладз'эла* — *м'илава́ц', у м'идз'в'адз'áх.*

Изменение [ы] в [y] после твердых губных согласных, естественно, сокращает сферу противопоставления твердых-мягких губных согласных фонем перед слабой фонемой [и(ы)] второго предударного слога.

Слабая фонема неверхнего подъема второго предударного слога варьирует свое качество по говорам.

Во многих юго-западных сильно якающих говорах слабая фонема неверхнего подъема во втором предударном слоге как после твердых, так и после мягких согласных представлена гласным [а]. Говоры такого типа представлены, например, в Руденском р-не (Жид., стр. 30), Волковыском р-не (Стеш., стр. 4) и др. В слабой фонеме [а] реализуются сильные фонемы неверхнего подъема. Перед [а] второго предударного слога противопоставлены по твердости-мягкости как зубные, так и губные согласные фонемы. Ср. *тапары́, старык'ú* — *ц'ажалó; дара-йáна* — *дз'ас'ац'ú; садав'úна, саб'ира́ц',* — *с'арадá, с'анажáц'; *зал'а-тáц' — зал'анúха, з'арнав'ых; наб'арú* — *н'абажáта; пачамú* — *п'ад-з'ас'áт; баразнá* — *б'ал'ак'ú; вајавáц' — в'араб'эй; маладз'э́ц' — м'адз'-в'адз'эй.*

В некоторых юго-западных говорах как с еканьем (ср. Красносл. р.-н., Бир., стр. 92), так и сильным яканьем (ср. Слуц., Староб. р-ны, Мац., стр. 70) в первом предударном слоге слабая фонема неверхнего подъема во втором предударном слоге представлена гласным [а] после твердых согласных и гласным [е] после мягких согласных. Несмотря на то, что гласные [а] и [е] имеют различную физиолого-артикуляционную характеристику, в отношении степени подъема, они должны рассматриваться, как варианты одной и той же слабой фонемы неверхнего подъема. Гласный [а] в системе слабых фонем второго предударного слога после твердых согласных, а гласный [е] в той же системе после мягких согласных противопоставлены остальным фонемам на основе

одного и того же дифференциального признака: [а] и [е] в системе гласных второго предударного слога являются наиболее открытыми гласными. При этом гласные [а] и [е] второго предударного слога исключают друг друга в одном и том же положении, употребление их обусловлено твердостью или мягкостью предшествующей согласной фонемы. Перед слабой фонемой [а:е] противопоставлены по твердости-мягкости как зубные, так и губные согласные фонемы. Ср. *тапары* — *ц'ежалó*; *дарага́я* — *дэ'ес'ац'у́*; *саб'ира́ц'* — *с'ерада́*; *зал'ежа́ц'* — *з'ернави́х*; *вајава́ц'* — *в'ераб'ей́*; *маладз'е́ц'* — *м'едз'в'адз'ей́*.

Среди белорусских акающих говоров есть и такие, в которых во втором предударном слоге после мягких согласных фонем слабая фонема неверхнего подъема представлена безразлично как гласными [а], так и [е]. Ср. говор Узденского р-на, где рядом с *з'ел'ану́ха*, *дэ'ес'ац'у́*, *ц'лепава́ты*, *б'ел'ак'у́*, *ц'еплына́* имеет место *п'атачо́к*, *м'асайе́т*, *ц'аплына́*, *л'ас'н'ак'у́*, *з'амл'ак'у́*, *п'авуны́*. (Ром., стр. 75). В говорах такого типа слабые фонемы второго предударного слога различают три степени подъема: верхний [и(ы)], [у], средний [е], нижний [а]. При этом слабая фонема среднего подъема употребляется только после мягких согласных.* В результате оказывается, что твердые-мягкие согласные фонемы различаются перед слабыми фонемами [и(ы)], [у], [а] и нейтрализуются в слабой мягкой фонеме перед слабой фонемой [е].

В северо-восточных говорах во втором предударном слоге слабая фонема неверхнего подъема представлена после твердых согласных фонем гласным [ъ], который в своих более открытых оттенках сближается с [а], и гласным [ь], реже [е], после мягких согласных фонем. Гласные [ъа], с одной стороны, и [ъе] — с другой, представляют собой варианты одной и той же слабой фонемы неверхнего подъема, употребление которых обусловлено твердостью или мягкостью предшествующего согласного. В гласном [ъа] реализуются не только сильные фонемы неверхнего подъема, но в ряде случаев и сильные фонемы верхнего подъема [и] и [у]. Ср. *сэндучо́к*, *вал'азайц'у́*, *ваган'ал'и́* (Дрис. р-н., Гайд., стр. 62). Перед слабой фонемой неверхнего подъема [ъ/а:ь/е] противопоставлены по твердости-мягкости как зубные, так и губные согласные фонемы. Ср. *стэрач'о́к* — *с'ц'эрац'у́*; *дараго́га* — *дэ'ес'ац'у́*; *сэб'ира́лис'* — *с'внажа́ц'*; *п'падз'е́цца* — *п'рав'у́ты* и т. д.

§ 23. Окающие говоры южных районов Белоруссии обычно характеризуются полным оканьем, т. е. в этих говорах слабые гласные фонемы различают три степени подъема не только в первом предударном, но и в остальных безударных слогах. Представленное в этих говорах более или менее широкое отвердение согласных имеет место и перед соответствующими гласными второго предударного слога.

В говоре деревень Горск и Сосновка Пружанского р-на (Зен., стр. 121, 192) во втором предударном слоге после общерусских твердых согласных представлены гласные [ы], [у], [о], [а], после общерусских мягких — гласные [и], [у], [е], [а]. Слабые фонемы [и(ы)], [у] являются представителями соответствующих сильных фонем верхнего подъема, слабые фонемы [о], [е], [а] — соответствующих сильных фонем неверхнего подъема. При этом согласные зубные, кроме [л'], и губные отвердели перед [и], [е]; губные согласные, кроме того, отвердели перед [а], выделив при этом самостоятельную артикуляцию в виде [j]. В результате в этом говоре твердые-мягкие зубные согласные фонемы противопоставлены перед слабой фонемой второго предударного слога [а], весьма ограниченно перед [у], нейтрализуя противопоставление в слабой твердой фонеме перед слабыми фонемами [и(ы)], [о], [е]. Твердые-мягкие губные фонемы

вообще не противопоставлены перед слабыми гласными фонемами второго предударного слога: перед [а] мягкие губные отвердели, а перед [у] второго предударного слога мягких губных вообще не было. Фонемы [л]—[л'] противопоставлены перед слабыми фонемами второго предударного слога [и(ы)], [у], [а] и [о:е].

Перед [и(ы)]: *тышына́', дымахо́д', сынева́ты, зымова́ц', выходы́ц', мылова́ц'* и *лысавáты—л'изогу́б*.

Перед [у]: Как и в акающих говорах, перед [у] второго предударного слога противопоставлены только [л']—[л].

Перед [о]: *топоры́, доро́гой, золоти́го, носовы́, боро́знá, во́јева́ц', молодóга*.

Перед [е]: *тесно́та, сенажа́ц', земл'аны́, невели́ка, перап'ы́, берайи́, о медведз'áх*.

Перед [а]: *старык'у́—ц'агачо́м; дал'еко́—дз'ац'уко́м; балава́ц', парово́з, м'ясо́жд*.

Перед [о:е] противопоставлены фонемы [л]—[л']: *локото́к—л'ес-н'ик'у́*.

В говоре д. Хорево Пружанского р-на (Зен., стр. 43) при оканье мягкие зубные (кроме л') и губные согласные отвердели лишь перед гласными [е] из е и ё; губные согласные, кроме того, отвердели перед [а], выделив при этом [j]. В результате в этом говоре во втором предударном слоге после твердых согласных представлены гласные [ы], [у], [о], [а], [е], а после мягких—[и], [у], [а]. В отличие от говоров предыдущего типа здесь твердые-мягкие согласные фонемы, как зубные, так и губные, противопоставлены перед слабой фонемой [и(ы)] второго предударного слога.

В некоторых окающих говорах Лунинецкого р-на (Телен., стр. 163) отвердению подверглись только мягкие губные в положении перед [е] (из е и ё) и перед [а], причем в последнем случае губной согласный выделял дополнительную артикуляцию в виде [j]. В этих говорах во втором предударном слоге после твердых согласных представлены гласные [ы], [у], [о], [а], а после твердых губных еще и [е]; после мягких зубных согласных представлены гласные [и], [у] (только после [л']), [е], [а], после губных—только [и]. В результате твердые-мягкие зубные согласные фонемы оказываются противопоставленными перед слабыми фонемами второго предударного слога [и(ы)], [у] (только после [л']—[л]), [а] и [о:е]; твердые-мягкие губные фонемы противопоставлены только перед [и(ы)], нейтрализуя противопоставление в слабых твердых фонемах в положении перед остальными слабыми гласными фонемами, выступающими во втором предударном слоге. При этом, если после зубных согласных фонем гласные [е] и [о] функционально объединены в одну слабую фонему, то после губных согласных фонем гласные [о] и [е] представляют каждый самостоятельную слабую фонему.

Перед [и(ы)]: *дымохо́д—дз'икава́ты; сырова́ты—с'ин'ева́ты; мылава́р—м'илава́ц'*.

Перед [у]: *лу́гавáйá—л'убашá*.

Перед [а]: *старык'у́—ц'агачо́м; дал'еко́—дз'ац'уко́м; балава́ц', м'ясо́жд*.

Перед [о:е]: *доро́га́йá—дз'ес'ац'у́; золоти́йá—з'ел'ен'у́ха; но—во́јева́ц', боро́знá, поло́в'у́на, молодóга, пере́jechaц'́, медз'в'идз'á*.

В говорах, знающих в первом предударном слоге [а] на месте этимологических е, ё после отвердевших губных, аналогичное явление отмечается и во втором предударном слоге. Ср. *парапы́вся* (Пин. у., Мат. б.-р. к м.-р., I, 1).

Твердые-мягкие согласные фонемы перед гласными заударных слогов

§ 23. В акающих белорусских говорах в неконечном заударном слоге слабые гласные фонемы различают две степени подъема, при этом слабая фонема неверхнего подъема варьирует свое качество по говорам.

Слабая фонема верхнего подъема [и(ы)] выступает в соответствии с сильной фонемой [и(ы)]. Кроме того, по говорам в [и(ы)] могут реализоваться сильные фонемы неверхнего подъема; после твердых согласных [ы] может соответствовать сильной фонеме [у]. Ср. *вóсим-дз'ис'ат, сызна'ц'ил'найа, в'ын'исл'и* (Дрис. р-н., Гайд., с. 115); *з д'эткymi, рысла'кыл'ся, н'овыга, д'удычка, б'едныга* (Орш., Сен., Мог. уу., Мат. б.-р., 1, 4); *раск'ынула* (Вит. у., ив., III, 18).

Перед слабой фонемой [и(ы)] неконечного заударного слога противопоставлены по твердости-мягкости как зубные, так и губные согласные фонемы. Ср. *то'устым'и — раш'ц'уина; п'асынак — нав'ес'ил'и, кр'ес'ива; р'азныйа — пак'ойн'ица; м'алыйа — в'ыл'ижа; в'ып'ятац' — в'ып'ил'и*.

Слабая фонема верхнего подъема [у] обычно соответствует сильной фонеме [у]. Кроме того, в некоторых говорах в связи с изменением [ы] в [у] после твердых губных, в [у] заударного неконечного слога могут реализоваться сильные фонемы верхнего подъема [и(ы)] и [у] после твердых губных согласных. Ср. *крас'увуйа ш'ырму в'ис'ац'* (Лоев. р-н., Янк., стр. 97). Перед [у] неконечного заударного слога противопоставлены по твердости-мягкости зубные и некоторые губные согласные фонемы. Ср. *м'атушка — ба'ц'ушка; р'адуга — дз'адз'ухна; в'ысушыц' — пр'ос'учы* (Бых. у., Мат. б.-р., III, 16); *ст'укнул'и, к'йнуўс'а — к'он'ух'и, в'ын'ухаў; м'амушка — вр'ем'ушка*.

В говорах, знающих отверждение мягких губных перед непередними гласными с выделением последующего [j], аналогичный процесс имеет место и перед [у] неконечного заударного слога. Ср. *вр'ем'юшка* (Рогач., Гом., Клим. уу., Раст. С.-б.-р., стр. 57). В подобных говорах, естественно, твердые-мягкие губные фонемы оказываются непротивопоставленными перед [у] неконечного заударного слога.

Слабая фонема неверхнего подъема во многих юго-западных говорах выступает в виде гласного [а] как после твердых, так и после мягких согласных. Твердые-мягкие согласные фонемы оказываются противопоставленными перед [а] заударного неконечного слога. Ср. *ла'стайка — ма'ц'ары; в'ыдана — ув'йдз'ала; в'ызаву — в'оз'ара; в'ысатка — в'ос'ан'у; мар'ознайа — в'ын'асла; в'йлачак — в'ал'анк'и, кр'опл'ам'и; ба'бам'и — в'ыб'ал'у; сыр'оватка — прыв'аска, в'ыв'ал'и; за'мараск'и — в'оз'м'ац'а*.

В части юго-западных говоров слабая фонема неверхнего подъема после мягких согласных представлена гласным [е]. В этих говорах гласные [а] и [е] являются разновидностями слабой фонемы неверхнего подъема, употребление которых обусловлено твердостью-мягкостью предшествующего согласного. Ср. *ла'стайка — ма'ц'еры, в'ыдана — ув'йдз'ела* и т. д.

В северо-восточных говорах гласная фонема неверхнего подъема в заударном неконечном слоге представлена гласными ъ, ь после твердых согласных и гласными ъ, е после мягких согласных. Твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены перед слабой фонемой [ъ/а]: [ь/е] заударного неконечного слога. Ср. *ла'стѣйка — ма'ц'ь(е)ры; в'ыд'ана — ув'йдз'ь(е)ла* и т. д.

§ 24. В акающих говорах в заударном конечном закрытом слоге слабые фонемы различают две степени подъема; слабая фонема неверхнего подъема варьирует свое качество по говорам.

Слабая фонема верхнего подъема [и(ы)] соответствует сильной фонеме [и(ы)]; кроме того, в ряде говоров в [и(ы)] конечного закрытого слога реализуются сильные фонемы неверхнего подъема. Ср. *во́лыс, по́йдз'иц', н'ём'иц, вы́п'ир* (Дрис. р-н, Гайд., стр. 156). Перед [и(ы)] конечного закрытого слога противопоставлены по твердости-мягкости зубные и губные согласные фонемы. Ср. *с гэ́тым — про́ц'иў, дрэнных — м'ёл'н'ик, вы́мыў, — ко́м'ин, з но́вым — пада́с'унав'ик*.

Слабая фонема верхнего подъема [у] соответствует сильной фонеме [у]. Кроме того, [у] в конечном закрытом слоге может явиться после твердых губных в результате лабиализации [ы] (ср. *на но́вух — Лун. р-н, Телен., стр. 66; в новух — Моз. у., Мат. б.-р., II, 10*), а в окончаниях местн. п. ед. ч. м. р., род., дат., тв. местн. падежей прилагательных в результате сужения гласного [о] в конечном закрытом слоге¹⁴. Фонетически возникнув после твердых согласных, гласный [у] затем распространился и на мягкую разновидность склонения прилагательных. Гласный [у] из [о] в названных формальных элементах имеет место главным образом в юго-западных говорах. Ср. *у чы́стум поли, на жо́ўтум, у гу́стуй лазіе, у ви́шнёвум садо́ўчку, жь жо́ўтнуй муки, на верхнью́й палі́цы, на сіню́м моры* (Слуц. у., Мат. б.-р., II, 5; Мал., стр. 9, 24, 36, 128); *аб гэ́тум, у чы́стум* (Мин. у., Мат. б.-р., IV, 23), *у здорóвум, при ка́ждум, во вся́кум, на чорну́й, в гэ́туй, на сивум, на слéпуом, у суседню́м, у синю́м* (Моз. у., *ib.*, II, 10), *у в'ас'о́лум, у жо́ўтум, на чы́рво́нцум, у с'у́н'ум, у в'ас'е́н'ум, у л'ётн'ум, у но́вуй, ц'о́мнуй, у с'у́н'уй, на шо́стуй* (Узд. р-н, Ром., стр. 96, 98, 331) и т. д. Слабая фонема [у] вследствие действия морфологической аналогии в некоторых говорах выступает в безударном окончании 3-го лица мн. ч. второго спряжения в соответствии с сильной фонемой [а] после мягких согласных. Ср. *ко́сцюць, купю́ць, носю́ць, ловю́ць* (Вил. у., Мат. б.-р., V, 31); *возю́ць, хвалю́ць* (Слуц. у., Чуд., стр. 85).

Осуществление упомянутых фонетических и морфологических процессов приводит к тому, что в некоторых говорах в слабой фонеме [у] конечного закрытого слога реализуются сильные фонемы верхнего и неверхнего подъема. В результате перед [у] конечного закрытого слога оказываются противопоставленными по твердости-мягкости зубные и губные согласные фонемы. Ср. *вы́дуў, ў ка́ждум — ходз'уц'; ро́зум — во́з'уц'; вы́нуц' — ко́н'ух, с'у́н'уй; го́луп — пупра́ўл'ус', хва́л'уц; о́тл'уск — то́п'уц'; у но́вух — ло́в'уц'* и т. д. В тех говорах, где [у] выступает только в соответствии с сильной фонемой [у], твердые-мягкие зубные согласные фонемы перед слабой фонемой [у] конечного закрытого слога противопоставлены менее широко, а твердые-мягкие губные фонемы вообще не противопоставлены.

Слабая фонема неверхнего подъема в заударном конечном закрытом слоге после твердых согласных представлена гласным [а] во всех акающих говорах. После мягких согласных слабая фонема неверхнего подъема представлена гласными [а] или [е] или тем и другим — в юго-западных говорах, и гласными [ь], [е] — в северо-западных говорах. В результате в юго-западных говорах твердые-мягкие согласные фонемы могут быть

¹⁴ См. Е. Ф. Карский. Белорусы, II, 1, стр. 115.

противопоставлены перед слабыми фонемами [а], [а:е]. В том случае, если слабая фонема неверхнего подъема после мягких согласных представлена как гласным [а], так и [е], то твердые-мягкие согласные фонемы оказываются противопоставленными перед [а] и нейтрализуют противопоставление в слабой мягкой согласной фонеме перед [е]; при этом [е] представляет собой не вариант слабой фонемы, как это имеет место в тех говорах, где слабая фонема неверхнего подъема после мягких согласных представлена только гласным [е], а самостоятельную слабую фонему; такие говоры имеют место в Краснослободском р-не (Бир., стр. 160). В северо-восточных говорах твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены перед слабой фонемой неверхнего подъема [а:ь/е].

Перед [а]: *л'э́тас', у хатах, у гэтай — вьц'ар; в'э́даў, пайэ́дз'аш, в'у́дз'ал; л'э́сам — вос'ан'; б'аро́зай — тьдз'ан'; ц'ал'онак — дз'эн'ах, п'э́с'н'рай; во́лас, дз'э́лай — па́л'ац, по́лам; вьпаў — пры́п'ак; цэ́бар — кў́б'ал; вьзваў — п'э́в'ан; до́мам — па́м'ац'.*

Перед [а:е]: *л'э́тас' — вьц'ер; в'э́даў — пайэ́дз'ем; л'э́сам — вос'ен'* и т. д.

Перед [а:ь/е]: *л'э́тас' — вьц'ьр; в'э́даў — в'у́дз'ел; л'э́сам — вос'ьн'* и т. д.

В говорах Краснослободского р-на: *л'э́тас' — ў го́с'ц'ах; в'э́даў — хо́дз'ац', у гр'у́дз'ах; л'у́сам — ко́с'ац', но́с'ац'; ц'ел'онак — на ко́н'ах, скры́н'ац'; вьзваў — ста́в'ац'; до́мам — па́м'ац'; и — вьц'ер, в'у́дз'ел, в'ос'ен', тьдз'ен', дз'эн'ех, па́л'еу, па́м'еу'.*

В некоторых говорах отвердение губных с выделением [j] перед этимологическим [а] имеет место и в конечном безударном закрытом слоге. Ср. *пам'яц'ь* (Реч. у., Кар., К вопр. гр., стр. 35). Этот фонетический процесс не затрагивает системы противопоставления твердых-мягких губных согласных фонем перед слабой фонемой неверхнего подъема в конечном закрытом заударном слоге; лишь в тех говорах, где слабая фонема неверхнего подъема представлена после мягких согласных гласным [а], уменьшается количество случаев уподобления гласного [а] после мягких согласных в конечном закрытом слоге. В говорах Узденского р-на представлены формы тв. п. ед. ч. *с'эм'ям, в'эм'ям* (Ром., стр. 227), т. е. с отвердевшим губным перед [а] из [е]. Однако эти формы явились не фонетически, а по аналогии с им. п. ед. ч. *с'эм'я, в'эм'я*.

§ 25. В конечном заударном открытом слоге в части акающих говоров слабые гласные фонемы различают две степени подъема. Подобные говоры, между прочим, представлены в Узденском р-не (Ром., стр. 170).

Слабая фонема неверхнего подъема [и(ы)] выступает в соответствии с сильной фонемой [и(ы)]. Кроме того, [и] в некоторых говорах выступает в соответствии с [е] во флексии местн. п. ед. ч. имен существительных. Перед [и(ы)] противопоставлены по твердости-мягкости зубные и губные согласные фонемы. Ср. *хаты, го́нты, па́ты — ма́ц'и, ла́пц'и; йа́гады — лу́дз'и; ма́л'уны — ко́н'и; са́мы — са́м'и; бу́лбы — го́луб'и*.

Слабая фонема [у] выступает в соответствии с сильной фонемой [у]; лишь в некоторых говорах, в связи с лабиализацией [ы] после твердых губных, в [у] конечного открытого слога может реализоваться сильная фонема [и(ы)]. Перед слабой фонемой [у] конечного открытого слога противопоставлены твердые-мягкие зубные и губные согласные фонемы. Ср. *к сав'эту — дз'о́цц'у; с'э́ну — скры́н'у; к са́лу — цыбу́л'у; в йа́му — па́льм'у, у́м'у* (Дисн. у., Мат. б.-р., II, 6).

Слабая фонема неверхнего подъема представлена гласным [а] как после твердых, так и после мягких согласных фонем. Ср. *хата* — *идз'ўц'а*; *дз'эда* — *й'эдз'а*; *с вóза* — *вóз'а*; *с'эна* — *стáн'а*, *скрýн'а*; *сáла* — *вóл'а*; *мáма* — *пл'эм'а*.

В части акающих белорусских говоров в конечном открытом слоге слабые гласные фонемы различают не две, а три степени подъема. Кроме слабых фонем верхнего подъема, здесь представлены слабые фонемы среднего и нижнего подъема; последняя как после твердых, так и после мягких согласных фонем представлена гласным [а]. Что касается слабой фонемы среднего подъема, то в части говоров она выступает только после мягких согласных фонем, будучи представлена гласным [е]. В этих говорах твердые-мягкие согласные фонемы различаются перед слабыми фонемами конечного открытого слога [и(ы)], [у], [а], нейтрализуя противопоставление в слабой мягкой согласной фонеме перед [е]. Ср. в говоре Дрисенского р-на (Гайд., стр. 140): *ахвóта* — *идз'ўц'а*; *праўда* — *дз'áдз'а*, *дз'аўчына* — *купáл'н'а*; *мáма* — *урэм'а*; и *выхадз'ўц'е*, *на дапрóс'е*, *у калхóз'е*.

В другой части говоров слабая фонема среднего подъема выступает не только после мягких, но и после твердых согласных фонем; в последнем случае она представлена гласным [о] и соответствует сильной фонеме [о]. Такие говоры представлены в Краснослободском, Слуцком и Старобинском районах Бобруйской обл., (Бир., стр. 130; Мац., стр. 120), в Глуском р-не Минской обл. (Янк., стр. 8). В подобных говорах твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены перед слабыми фонемами конечного открытого слога [и(ы)], [у], [а] и [о:е]. Ср. *рабóта* — *кáц'а*; *праўда* — *дз'áдз'а*; *дз'еўчына* — *купáл'н'а*; и *тáто* — *на мбс'ц'е*; *сўмно* — *ц'áгн'е*; *вёл'мо*, *прамо* — *кўм'е*, *на дóm'е*; *бабо* — *гóлуб'е*; *бывáло*, *мáло* — *пóл'е*.

Мягкие губные согласные перед этимологическими [у], [а] в конечном открытом слоге по говорам могут отвердевать, выделяя при этом [j]. Ср. *врэм'я*, *пл'эм'я*, *па врэм'ю* (Слуц., Староб. р-ны, Мац., стр. 63); *ўм'я*, *с'эм'я*, *вým'ю* (Узд. р-н., Ром., стр. 331); *урем'я*, *урем'ю* (Рогач. у., Раст. С.-б.-р., стр. 168) и т. д.

§ 26. Как уже говорилось, окающие белорусские говоры характеризуются полным оканьем. В связи с этим слабые фонемы всех безударных слогов, в том числе и заударных различают три степени подъема. Слабые фонемы верхнего подъема представлены гласными [у], [и(ы)], слабая фонема среднего подъема — гласным [о] после общерусских твердых и гласным [е] после общерусских мягких согласных, слабая фонема нижнего подъема представлена гласным [а]. Специфика противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед гласными заударных слогов определяется характером отвердения мягких согласных перед гласными в соответствующих говорах. Так, в говоре д. Горск Пружанского р-на (Зен., стр. 121), где мягкие зубные, кроме [л'], и губные согласные отвердели перед [и], [е], а губные, кроме того, и перед [а] и [у], твердые-мягкие зубные согласные фонемы противопоставлены перед заударными [у], [а], и не различаются перед [и(ы)], [о], [е]; противопоставление мягких губных согласных фонем нейтрализуется в твердой слабой фонеме перед всеми заударными гласными. Фонемы [л] — [л'] противопоставлены перед заударными [и(ы)], [у], [о:е], [а].

Перед [и(ы)]: *тоўстым'и*, *навёсыў*, *разны́е*, *пáкóйнык*, *выпыл'и*, *вým'ю*, *мáты*, *мýльйе* — *въл'изу*.

Перед [y]: *ма́тушка* — *ба́ц'ушка*, *стúкнул'и* — *кóн'ух'и*, *са́лу* — *по́л'у*; *ба́бу*, *вре́мйу*.

Перед [o]: *чы́сто*, *з гóродом*, *кóлос*, *у ц'óмной*, *кúбок*, *з дóмом*.

Перед [e]: *прос'и́ете*, *бúдем*, *óсен'*, *зал'и́зем*, *хло́пец*, *дéвер*, *вы́веду*.

Перед [a]: *ха́та* — *ка́ц'а*, *с'у́лам* — *ка́пл'ом*, *ра́нам'и* — *в'и́шн'ам'и*; и — *ма́ма*, *вре́мйа*, *па́мйац'*.

В говоре д. Хорево Пружанского р-на (Зен., стр. 33), где зубные и губные согласные отвердели перед [e], а губные также перед [y], [a], твердые-мягкие зубные фонемы противопоставлены перед заударными слабыми фонемами [и(ы)], [y], [a] и не различаются перед [o], [e]; губные согласные фонемы противопоставлены по твердости-мягкости перед слабой фонемой [и(ы)], не различаясь в слабой твердой фонеме перед [y], [o], [e], [a].

В некоторых говорах Луинецкого р-на (Телен., стр. 162) отвердели только губные согласные перед [e] любого происхождения и перед этимологическими [a], [y]. В подобных говорах твердые-мягкие зубные согласные фонемы противопоставлены перед заударными слабыми фонемами [и(ы)] [y], [o : e] и [a]; твердые-мягкие губные фонемы противопоставлены перед [и(ы)], и не различаются перед [y], [o], [e], [a]. При этом если после зубных согласных фонем гласные [o], [e] являются вариантами одной и той же слабой фонемы среднего подъема, то в положении после губных согласных фонем те же гласные представляют собой самостоятельные слабые фонемы.

§ 27. Анализ различения твердых-мягких согласных фонем перед безударными гласными в белорусских говорах позволяет сделать следующие выводы.

В акающих говорах во всех предударных и заударных слогах, кроме конечного открытого, различается не более трех слабых фонем — лабиализованная и нелабиализованная верхнего подъема и нелабиализованная неверхнего подъема. Слабая фонема неверхнего подъема может выступать в различных вариантах в зависимости от твердости-мягкости предшествующих согласных фонем. В заударном конечном открытом слоге в некоторых говорах слабые гласные фонемы различают три степени подъема. В северо-восточных говорах это различие имеет место лишь в слоге после мягких согласных фонем в связи с выделением в самостоятельную фонему гласного [e]. В некоторых же юго-западных говорах слабые гласные фонемы заударного конечного открытого слога различают три степени подъема как после твердых, так и после мягких согласных фонем; при этом слабая фонема среднего подъема представлена гласным [o] после твердых и гласным [e] после мягких согласных. Общим для всех акающих белорусских говоров является различие твердых-мягких согласных фонем перед слабой фонемой [и(ы)] любого безударного слога. Твердые-мягкие зубные согласные фонемы противопоставлены перед [y] любого безударного слога; что касается твердых-мягких губных согласных фонем, то они могут быть противопоставлены перед [y] заударных слогов и то лишь в тех говорах, которые не знают отвердения мягких губных перед непредними гласными. Большей части акающих белорусских говоров свойственно различие твердых-мягких согласных фонем перед слабой гласной фонемой неверхнего подъема; исключение составляют говоры с диссимилятивным яканьем и аканьем, где в слоге перед ударенным [a] противопоставление твердых-мягких согласных фонем нейтрализуется в слабой твердой фонеме перед слабой фонемой [ь]. Перед слабой

фонемой неверхнего подъема во втором предупредном слоге и заударных слогах, кроме конечного открытого, и перед слабой фонемой нижего подъема в конечном открытом слоге твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены во всех белорусских акающих говорах. Перед слабой гласной фонемой среднего подъема конечного открытого слова в одних говорах твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены, в других это противопоставление нейтрализуется в слабой мягкой согласной фонеме.

Специфика противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед безударными гласными в акающих белорусских говорах обусловлена не только характером безударного вокализма, но и спецификой отвердения мягких согласных перед гласными (в говорах южных районов Белоруссии оканье и отвердение согласных перед гласными всегда сопутствуют друг другу). В акающих говорах во всех безударных слогах слабые фонемы различают три степени подъема. При этом гласные [o] и [e] могут представлять собой самостоятельные слабые фонемы или выступать в качестве вариантов одной и той же слабой фонемы среднего подъема в зависимости от того, имело ли место в соответствующих говорах отвердение согласных перед гласным [e] или нет. Наименее широко перед слабыми гласными фонемами в акающих говорах противопоставлены твердые-мягкие губные согласные фонемы. Это связано со склонностью белорусских губных согласных утрачивать мягкость. В акающих говорах мягкие губные согласные отвердели перед этимологическим [a], [y], в первую очередь они подверглись отвердению и перед гласными [e] (любого происхождения) и [и]. Таким образом, в говорах, знающих отвердение согласных перед [e], [и], твердые-мягкие губные фонемы вообще не противопоставлены перед слабыми гласными фонемами. Более широко перед слабыми гласными фонемами противопоставлены твердые-мягкие зубные согласные фонемы; так, в говорах, где перед гласными отвердели только мягкие губные, твердые-мягкие зубные согласные фонемы противопоставлены перед слабыми фонемами [и(ы)], [y], [a], [o:e] любых безударных слогов.

ТВЕРДЫЕ-МЯГКИЕ СОГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ В ПОЛОЖЕНИИ ПЕРЕД СОГЛАСНЫМИ

§ 28. В говорах, легших в основу белорусского языка, как и в других древнерусских говорах, было представлено ограниченное количество сочетаний согласных, которые при этом в большей своей части были однородны в отношении твердости-мягкости. После падения редуцированных во всех древнерусских говорах явились новые, ранее неизвестные сочетания согласных. Вновь возникшие сочетания согласных были следующих типов: $t(\text{ѣ})t$, $t(\text{ѣ})t'$, $t(\text{ѣ})t$, $t'(\text{ѣ})t'$. Наша задача состоит в том, чтобы проследить те процессы, которые имели место в перечисленных сочетаниях на протяжении истории белорусского языка.

Наиболее всестороннее освещение этого вопроса может быть дано на основе сочетания показаний письменных памятников и данных диалектологии. Однако характер материала, который может быть почерпнут из западнорусских письменных памятников, требует специальных замечаний. Как известно, после падения редуцированных буквы ѣ и ъ в древнерусских памятниках приобрели значение знаков твердости и мягкости. Особенно последовательно в этом значении буквы ѣ и ъ употребляются на конце слова. Что касается положения в середине слова, то здесь употребление букв ѣ и ъ не всегда бывает фонетически значимым, так как

названные буквы в тех или иных морфемах могут долго удерживаться по традиции. При этом следует также помнить, что в разных частях древней Руси в период после падения редуцированных вырабатывались свои орфографические приемы, налагавшие, в частности, отпечаток и на употребление букв *ѣ* и *ѡ*. В связи с этим одинаковые данные следует квалифицировать по-разному в зависимости от того, из памятников какой части древней Руси они почерпнуты и какова орфографическая система памятника. Так, если при анализе данных памятников письменности северо-восточной Руси случаи употребления буквы *ѣ* на месте этимологического [ь] мы часто можем отнести к числу фонетически значимых, т. е. отражающих утрату мягкости согласных в том или ином положении, то для памятников западной Руси аналогичные написания могут трактоваться по-иному. Дело в том, что в западнорусских памятниках получил весьма широкое распространение орфографический прием, состоящий в употреблении буквы *ѣ* на месте этимологического [ь] как в середине, так и на конце слова, в том числе и после согласных, никогда не отвердевавших в белорусских говорах. В этих же случаях часто буква *ѡ* вообще опущена, в связи с чем мягкость предыдущего согласного оказывается необозначенной. Ср. *дождь*, 192; *печаль*, 1926; *седьмого*, 26; *писма*, 1; *осное*, 88 (Катех. 1562 г.); *впять* (Сб. XV в.); *детми*, 88; *будте*, 66; *людми*, 116; *прозба*, 56 (Ев. 1581 г.); *судба*, 37 б (Б. Ск., XVI в.) и т. д.

В западнорусских памятниках, начиная с самых ранних, буква *ѣ* вместо этимологического [ь] широко употребляется в суффиксах (в отличие от памятников северо-восточной Руси, где буква *ѡ* в суффиксах долго и упорно сохраняется). Ср. *мазовѣскимъ*, *итѣство* и *сѣ польскимъ*, *краковскою*, *судомирскою*, *сирлѣзскою*, *куиѣвскою*, *люблинскою*, *польскою*, *на львовѣѣ* (гр. 1340 г., АЗР, I, № 1); *вѣ нятѣство*, *опрѣѣца* и — *муѣского* (Ст. 1347 г., *ib.*, № 2); *угорѣстии кони*, *брашеѣвѣский*, *на Сочавѣскомъ*, *отъ Ормѣнѣского*, *до Татарѣской и мунтянѣский*, *крестьянѣского*, *Сачаѣвское на головномъ*, *Илвовского*, *Молдавской* (род. п. ед. ч.) (гр. 1407 г., *ib.*, № 21); *кѣ Смоленѣску*, *у Витебѣску* (гр. 1427 г., *ib.*, № 33); *литовѣский*, *панѣствѣ*, и *подолский*, *киевской*, *Хохлевский* (гр. 1438 г., *ib.*, № 37); *царя Татарѣского*, *земли Молдавѣское*, *земли Литовѣское* (гр. 1442 г., *ib.* № 70); *Псковѣскому*, *Московѣскому* (гр. 1440 г., *ib.* № 38); *слепѣѣѣ*, 28; *подобенѣство*, 18; *королевѣство*, *ib.*, *челлѣдѣники*, *ib.*, *небестѣное*, 25; *леѣѣмерѣство*, 606; *словенѣского*, 30 (Ев. Т., 1570—80 гг.); *лакомѣства*, 71; *ерозолимѣски*, 26 (Ев. 1581 г.); *подобенѣству*, 171 б; *хрѣстианѣство*, 172 б; *жидовѣство*, *ib.*, *воинѣство*, 174 б; *жидовѣскии*, 17, 173 и *боларѣску*, 175; *морѣскии*, 176 (Ск. Сив. XVI в.); *немѣѣѣѣѣ*, *панѣства* и *гетманѣское*, *курлянѣского* (Акт. Лит. XVI в.); и т. д. Среди памятников XV в. есть и такие, в которых *ѡ* в суффиксах сохраняется. Ср. Радз. лет. XV в., где буква *ѡ* в суффиксе *-ѣск* употребляется весьма последовательно, а в суффиксе *-ѣѣ* совсем отсутствует¹⁵. В свете данных белорусских говоров, не сохранивших мягкость согласных перед суффиксами, начинавшимися на *ѡ* до падения редуцированных (исключение в некоторых говорах представляет [н'] перед суффиксом *-ск*), написания с *ѣ* вместо *ѡ* в суффиксах можно было бы отнести к числу отражающих отвердение предшествующих согласных. Однако наличие написаний типа *печаль*,

¹⁵ См. В. Ганцов. Особенности языка Радзивиловского списка летописи. «Известия II отд. АН», т. XXXII. Л., 1927, стр. 215.

опять ослабляет доказательную силу написаний типа *челадъники, подобенство, словенского*.

Большую фонетическую значимость имеют случаи написания буквы *ь* вместо этимологического *ѣ*, поскольку употребление буквы *ь* в западно-русских памятниках в отличие от *ѣ* не связано с какими-либо вновь сложившимися орфографическими приемами. Вообще обозначение так называемой ассимилятивной мягкости в западнорусских памятниках не распространено: нередко встречаются памятники, где нет ни одного случая передачи такой мягкости. После этих предварительных замечаний обратимся к рассмотрению судьбы твердых-мягких согласных фонем в положении перед согласными в белорусском языке.

Губные согласные фонемы

§ 29. Перед твердыми губными, зубными и задненебными согласными.

После падения редуцированных в говорах, легших в основу белорусского языка, к старым сочетаниям губных согласных с твердыми зубными прибавились новые, а также явились ранее неизвестные сочетания губных с твердыми губными и задненебными согласными. Вновь явившиеся сочетания были следующих типов: *t(ѣ)t* — *об(ѣ)мыти, в(ѣ)лал, м(ѣ)ного, сум(ѣ)ка*; *t'(ѣ)t'* — *п(ѣ)таха, дроб(ѣ)ны, б(ѣ)рати, скром(ѣ)ны, п(ѣ)са, им(ѣ)ла*. В сочетаниях типа *t(ѣ)t*, однородного в отношении твердости-мягкости, никаких изменений не произошло. Что касается сочетаний типа *t'(ѣ)t'*, то губной согласный в положении перед последующим твердым согласным утратил мягкость. Общебелорусской чертой является неразличение твердых-мягких губных согласных фонем в положении перед твердыми согласными: противопоставление твердых-мягких губных фонем в этом положении нейтрализуется в твердой губной слабой фонеме. Ср. *лампа, млын, сумна, гумно, дарэмна, думка; зак'ипваць, раптам, птаха, пса, аптэчаны, к'эпска, плуг, в'апрэўк, шапка; абмыць, абываць, блыха, блудз'іць, дробны, брат*. Противопоставление фонемы [в] и [в'] в положении перед твердыми согласными нейтрализуется в слабой фонеме [ў]. Ср. *крыўда, паўтарачь, аўса, дз'эўка*.

§ 30. Перед мягкими губными, зубными и задненебными согласными.

После падения редуцированных среди вновь появившихся сочетаний губных согласных с последующими мягкими губными, зубными и смягченными задненебными согласными были сочетания типа *t(ѣ)t'* — *лѣб(ѣ)ви, об(ѣ)вити, об(ѣ)мен, лап(ѣ)ти, об(ѣ)тянуть, сум(ѣ)ки*; и *t'(ѣ)t'* — *п(ѣ)нисты, в(ѣ)се, п(ѣ)се*.

Памятники дают некоторые указания на смягчение губных согласных в положении перед мягкими зубными, в том числе перед *l-epentheticum*. Ср. *объяжиласа* 32 (Пс. XVI в.), *высокоумльви* 1206, *землею* 110 и *установлено* 125 (Лет. Авр. XVI). Однако эта тенденция не получила развития в белорусском языке. Общебелорусской чертой явилось сохранение твердости губными согласными в сочетании *t(ѣ)t'* и утрата мягкости тем же согласным в сочетании *t'(ѣ)t'*. Губные согласные не получили мягкости даже в положении перед согласными тождественной артикуляции, т. е. перед мягкими губными согласными. Ср. *лампе, дамбе, кримн'а, на гумн'е, ц'амн'ець, з'амл'а, ц'амк'і, к'емк'и, лапц'и, апц'агнуць, пс'ар, пл'оскаць, пн'істы, кр'упн'ик, сопл'и, л'іпк'и, абв'іць, абдз'ірала, бл'ин, дробн'ан'к'и*.

Противопоставление фонем [в] и [в'] в положении перед мягкими губными, зубными и задненебными согласными нейтрализуется в слабой фонеме [ў]. Ср. *н'и ўм'эшвайс'а, пакр'ўдз'иц', зайз'атас'ц', журай'л'а, страўн'ик, дз'еўк'и*.

§ 31. Перед [j].

После падения редуцированных губные согласные в некоторых случаях столкнулись с последующим [j]. Западнорусские памятники главным образом фиксируют твердость губных согласных перед этим [j].

Ср. *п'яныя* 1096, но и *шб'ава са* 21, *звели* 27 б (Пс. XVI в.); *незаб'еш* 266, *п'ю* 38; *дерев'е* 536 (Ев. Т. 1570—1580 гг.); *вороб'ев'ь* 116, 71, *розум'е* 43 (Ев. 1581 г.); *любов'ю* 36; *п'аница* 666, 866 (Т. Т. XVI в.); *п'ючи* 239, *Дем'ян, урков'ю* 157 (Бар. лет. XVI—XVII вв.); *здоров'а* 366 (Пс. XVII в.); *коп'и* (Лит. лет. Крас. XV—XVI вв.); и *об'ид'н'ем* 84 (Кат. 1562 г.).

Неразличение твердых и мягких губных согласных фонем в положении перед [j], нейтрализация их противопоставления в твердой губной слабой фонеме стали общебелорусской чертой. Ср. *п'яны, аб'ява, с'ам'я*; фонемы [в] и [в'] нейтрализуются в [ў] — *салаў'я*.

§ 32. Перед шипящими и [ц].

Перед шипящими и [ц], которые в белорусских говорах всегда тверды, противопоставление твердых и мягких губных фонем нейтрализуется в твердой губной фонеме; противопоставление [в] и [в'] нейтрализуется в [ў]. Ср. *аб'ым ш'елы, им'ч'ца, jamш'ык, срам'ца; пшан'ица, куп'ца, голуп'ца, пчал'а; аб'ж'ыты*.

Зубные согласные фонемы

§ 33. Перед твердыми губными.

До падения редуцированных в говорах, легших в основу белорусского языка, как и в других древнерусских говорах, с последующими твердыми губными могли сочетаться только твердые зубные согласные (ср. *два, двор'ь, твар'ь, сват'ь, осла* и т. д.). В результате падения редуцированных количество подобных сочетаний увеличилось; кроме того, появились сочетания мягких зубных с последующими твердыми губными согласными. Мягкие зубные согласные, столкнувшись после падения редуцированных с последующими твердыми губными согласными, сохранили свою мягкость. Благодаря этому твердые и мягкие зубные согласные фонемы оказались противопоставленными перед твердыми губными. В современных белорусских говорах в названном положении различаются [т] — [ц'] или [т'], [д] — [дз'] или [д'], [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'], а в северо-восточных говорах также и [р] — [р']. Ср. *брытва, твар — ц'ма*, а также *шас'у'ма* (тв. п. мн. ч.; Реч. у., Мат. б.-р., III, 17); *адб'ыц', двор — жан'идз'ба, хадз'ба, дз'му, в'едз'ма*, а также *эдз'мо, с'адз'мо* (диал. форма повел. накл.); *см'отрац', сват, спаткац', воспа — пис'мо вос'мы; размат'ац', разбой, развал'иц' — ваз'му, каз'ба*; а в некоторых северо-восточных говорах также *в'арба, с'у'ерва — бар'ба*. Следует заметить, что в белорусских говорах согласный [р'] сочетания* *tbrt* перед губными согласными отвердел повсеместно.

По говорам в связи с отверждением мягких губных согласных в положении перед гласными расширяется противопоставление твердых-мягких зубных согласных фонем перед твердыми губными. В этих случаях мягкость зубных согласных, ассимилятивная по своему происхождению, превращается в мягкость, фонологически самостоятельную; слабая фонема, в которой нейтрализовалось противопоставление сильных

твердых и мягких фонем, становится сильной фонемой. Ср. *дз'вэры* (Лун. р-н, Телен., стр. 200); *ц'вэрдое, чац'вэрты, дз'вэох*, которые явились из *ц'вэорды, чац'вэорты, дз'вэох* (Красносл. р-н, Бир., стр. 160).

В одном из говоров Витебского уезда отмечено отверждение [д']. (в говоре нет дзеканья) перед твердым губным в случае *женидба* (Мат. б.-р., III, 18).

§ 34. Перед твердыми зубными согласными.

После падения редуцированных в положении перед твердыми зубными согласными твердые зубные сохраняли свое качество, а мягкие отвердевали. В результате положение перед твердыми зубными в белорусских говорах явилось позицией нейтрализации противопоставления твердых и мягких зубных согласных фонем; в положении перед [т], [д], [с], [з], [н], [л], [р] представлены только твердые согласные фонемы [т], [д], [с], [з], [н], а также [р] не только в твердоэрых, но и в мягкоэрых говорах. Ср. *аттўда, атсадз'ўц', сўтнас'ў', тлўста, тлўмачыцў', траўка; адд'ўцў', нэндза, адзавў, шкэды, дно, б'ыдла, друг, падрэны; рост, ст'ав'ўцў', рассыпацў', засланка, срэчны; здацў', гвозд, баранна, злы, зраўнавацў'*; согласный [н] перед зубными согласными представлен в ограниченном количестве случаев: это слова с суффиксом -ск, которому предшествует [н], и слова польского происхождения, в которых [н] перед зубными согласными выделился из носового гласного — *жэнск'и, конск'и, нэндза* (ср. польск. *pedza*); *рта, б'орда, в'ерста, в'эрны, зм'эрзла, ўм'эрла*. В немногих белорусских говорах, как северо-восточных, так и юго-западных, согласный [н'] сохранил свою мягкость перед суффиксом -ск, некогда начинавшимся на гласный [ь]. Ср. *женьский* (Вит., Себеж., Леп. уу., Мат. б.-р., III, 18; IV, 27, 28; Свен. у., ib., III, 13, Орш., Сен., Мог. уу., ib., I, 4; Бых. у., ib., II, 9); *жёнски, деревьски* (Слуц. у., Чуд., стр. 67); *конск'и, жэнска* (Узд. р-н, Ром., стр. 154); *кўнск'ий, панск'ий* (Лун. р-н, Телен. стр. 7). В этих говорах создается известная возможность различения фонем [н]—[н'] перед твердыми зубными согласными. Ср. *жэнск'и—сэнс*.

§ 35. Перед твердыми задненебными согласными.

После падения редуцированных как твердые, так и мягкие зубные согласные в положении перед твердыми задненебными сохраняли свое качество. В результате перед твердыми задненебными оказались противопоставлены фонемы [т]—[ц'] или [т'], [д]—[дз'] или [д'], [с]—[с'], [з]—[з'], [н]—[н'], а в мягкоэрых говорах также [р]—[р']. Ср. *пахотка, рэтка, сотка, ц'отка—бац'ка, рэц'ка, дз'ац'ка; каска* (= сказка), *в'иск, вўска—Вас'ка, п'ес'ка* (= собака; Вит. у., Мат. б.-р., III, 18); *р'анка—з'ал'ан'ўс'ен'ка, аган'кў, ман'ка*; а так же *г'орка—г'ор'ка*.

В некоторых говорах согласный [н'] перед [к] в составе суффикса -еньк отвердевает. Ср. *плах'енка* (Волоковис. р-н, Стеш., стр. 6); *Пятрова ночка маленка, ня выпалася паненка*, в этом случае [маленка] могло явиться по аналогии с [паненка] (Новогр. у., Мат. б.-р., IV, 24).

В отличие от части русских говоров белорусские говоры не только твердоэрые, но и мягкоэрые утратили мягкость согласного [р'] сочетания **trrt* не только перед зубными и губными согласными, но также и перед задненебными. Лишь в немногих мягкоэрых говорах встречаются отдельные случаи произношения [р'] названного происхождения перед задненебными согласными. Ср. *царькэвныя, цецв'іры, цуцв'ірыя, пыпярхнўся* (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18); *царькэўны* (Велиж. у., Куз. с. 81).

§. 36. Перед мягкими губными согласными.

В положении перед мягкими губными согласными твердые зубные согласные подвергались смягчению в древнерусских говорах еще до падения редуцированных¹⁶. Процесс этот продолжился и во вновь появившихся после падения редуцированных сочетаниях твердых зубных согласных с последующими мягкими губными. Ср. некоторые примеры из западнорусских памятников: *збѣрѣти* 13 б (Т. Т. XVI в.) *гатьвѣскимъ* 72 б (Лит. лет. Крас. XVI в.); *есми* 28 (Пс. XVI в.); *безъвѣсти* 170, *изъ семя* (Бар. лет. XVI—XVII вв.). Что касается мягких зубных согласных, то они, столкнувшись после падения редуцированных с последующими мягкими согласными, не меняли своего качества (ср. в белорусском языке *ц'ме*, *хадз'б'э*, *у п'ис'м'э*, *ваз'м'у*, *дз'м'еш*). В белорусских говорах фрикативные согласные [с], [з], с одной стороны, и взрывные [т], [д] — с другой, проявили неодинаковую склонность к смягчению в положении перед мягкими губными. Согласные [с], [з] в названном положении смягчаются как в корнях, так и на стыке приставки и корня. Ср. *ня разьбярэ* (Игум. у., Кар., Черв. гов., стр. 231); *звязда*, *ни зместа*, *звьяня*, *збѣраючы*, *звенчаў*, *зъ вянком*, *зъ мятай* (Мин. у., Мат. б.-р., II, 7; IV, 23); *звязда*, *свѣет*, *слезьми* (Слуц. у., Мал., стр. 12); *звязда*, *звесна*, *змирный* (Себеж. у., Мат. б.-р., IV, 26); *звяръгѣ* (Орш., Сен., Мог. уу., ib., I, 4); *сьп'ять*, *у свѣтках*, *звышніцамі*, *звяръгѣ*, *святая*, *у свѣт*, *сьперва*, *змирны*, *змякинай*, *звязда*, *сьмерц*, *зъ бярозе*, *зъ мѣлым* (Бобр. у., Серб., стр. 2, 8, 42, 46, 70, 156, 162); *святэй*, *звезды*, *збѣралыя*, *свѣиньней*, *свѣет*, *дысьвиданья*, *змирный*, *зъ мякны* (Велиж. у., Куз., стр. 179, 183); *святы дзень* (Дисн. у., Мат. б.-р., II, 6); *свѣякроў*, *на свѣт*, *звязда* (Свен. у., ib., III, 13); *зверху*, *свѣкры* (Новоз. у., Раст., С.-б., стр. 63); *изъвѣйся*, *разьвешу*, *зъ вярбы*, *сьпелага*, *зъ вечара*, *разьбѣй*, *сьпицы* (Старод. у., ib.); *пас'в'іў*, *з'в'эз'л'и*, *с'в'атá*, *з'б'эгал'і*, *пас'п'эл'и*, *на с'п'ин'э*, *с'м'атáна*, *з'в'аздá*, *ас'м'іна* (Узд. р-н, Ром., стр. 152); *звизда*, *низьмерную*, *змяя* (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18) и т. д.

Что касается взрывных согласных [т], [д], то они смягчались перед мягкими губными во всех положениях в слове, кроме стыка приставки и корня. В этой последней позиции в белорусских говорах всегда представлены твердые [т], [д]. Ср. в литературном белорусском языке: *дз'в'ер*, *дз'в'е*, *бац'в'іўн'е*, *мац'в'ей*, *чац'в'ерг*, *м'едз'в'эдз'*, *Дз'в'іна*, но — *адв'эс'ц'и*, *адм'эна*, *надб'іц'*, *адв'эчны*. То же в говорах: *чац'в'ер*, *дзве*, *адв'ет* (Слуц. у., Мал., стр. 20; Мат. б.-р., II, 5); *дз'в'ух*, *цец'в'эра*, *прадз'в'ігáемс'а*, *ўмс'ц'в'анна*, *цусудáрс'ц'в'еннай*, *падв'из'áц'*, *атв'ет*, *атв'ичáйеу'*, *атв'ажы* (Дрис. р-н, Гайд., стр. 105); *цв'ярóзы*, *дзв'іну*, *дзве*, *зац'в'ярдз'ей*, *атв'ет* (Вил. у., Мат. б.-р., V, 31); *ц'в'орды*, *чац'в'ер*, *дз'в'эры*, *м'адз'в'эц'*, *бац'в'іўн'а*, *патп'эчак*, *патп'эц'и*, *падв'эс'ц'и*, *адм'эрац'*, *адв'эзл'и*, *падб'іц'*, *падм'эц'иў*; в этом говоре взрывные зубные не смягчаются и в составе суффиксов — *у багáцтв'и*, *у сус'эцтв'и* (Узд. р-н, Ром., стр. 140, 149, 223).

Что касается согласных [н] и [н'], то в положении перед мягкими губными согласными представлен только согласный [н']: *кан'в'э*, *ган'б'э*. Таким образом, в положении перед мягкими губными противопоставление фонем [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'] нейтрализуется в [с'], [з'], [н'].

Неодинаковая судьба взрывных зубных согласных в разных положениях в слове привела к тому, что зубные согласные фонемы [т] — [ц']

¹⁶ Ср. написания *разьвѣрзиса* 81а в Архангельском ев. 1092 г. (изд. Моск. публ. б-ки и Румянц. музея, 1912 г.); *ўсьмь*, 177а; *двѣженъ*, 17в, в Добриловом ев. 1164 г. (см. «Киевские университетские известия», 1884, № 1).

[д]—[дз'] оказались противопоставлены по твердости-мягкости в положении перед мягкими губными. Ср. *дз'в'е—адв'азай*. Чередование *дз'//д* в *дз'в'е*—*два* перестает быть фонетически обусловленным.

В мягкоэрых говорах смягчению в положении перед мягкими губными подвергается и согласный [р]. Ср. *цёрви, вербина, но верба, кармилиц* (Велиж. у., Куз., стр. 186, 191, 200), *разарвэ* (Бобр. у., Серб., стр. 74).

§ 37. Перед мягкими зубными согласными.

Западнорусские памятники отражают главным образом смягчение согласных [с], [з], [н] в положении перед мягкими зубными согласными. Ср. *болзыниво* 225 об (Радз. лет. XV в.); *антиохий* 32 (Лет. Авр. XV в.); *казни* 46, *басни* 186 (Кат. 1562; г.); *возлюблѣнь* 15 (Кат. 1585 г.); *антихрте* 12, *свѣтлосѣти* 396 (Пс. XVI в.); *изсиляет* 16 (Т. Т. XVI в.); *вазѣна* 406, *дасѣтли* 24, *лисѣте* 29, *миласѣть* 336, *очиѣть* 326, *старосѣте* 40, *тесѣлинь* 19, *сьлепый* 326, *ѣпусѣтит* 51, *обольсѣтили* 60 б (Ев. Т. 1570 г.). Написания, которые могли бы свидетельствовать о смягчении согласных [т], [д] перед мягкими зубными, встречаются редко. Ср. *подь лѣты* (Гр. 1440, АЗР, I, № 30), *шкодльвиыхъ*, 89 (Сб. XV в.), но и *шкодльвий* (Гр. 1420 г., АЗР, I, № 27); *справѣдливость* 86 (Кат. 1585 г.). Фонетическое значение этих написаний подвергал сомнению Е. Ф. Карский, видя в них резкое противоречие данным современных белорусских говоров¹⁷.

В качестве отражающего смягчение [д] перед мягкими зубными можно принять написание *ѡдѣвѣтати* 90 (Сб. XV в.) в том случае, если допустить, что буквой *ѡ* передается согласный [ц'], явившийся из [т] (восходящего к [ц]) перед [в']; ср. такого происхождения [ц'] в случае *ц'вет*, весьма распространенном в белорусских говорах. Во всяком случае, если в древних белорусских говорах и существовали элементы смягчения согласных [т], [д] перед мягкими зубными, то в дальнейшем они не нашли развития в белорусском языке. В современном белорусском языке в положении перед мягкими зубными смягчаются только согласные [с], [з], [н]. Что касается взрывных зубных согласных, то в положении перед мягкими зубными не только [т], [д] не смягчаются, но и некогда представленные в этом положении [ц'] или [т'], [дз'] или [д']—отвердели. Ср. в литературном языке: *пус'ц'у́, хвас'ц'у́шча, с'ц'удз'оны́, рас'с'м'а́жа́, с'л'у́зка, ц'ас'л'ар, с'н'еда́ц; з'дз'и́л'е́н'е, раз'з'ав'иц, ба́жз'л'у́вы, к'у́з'н'а; [н]* перед мягкими зубными встречается лишь в иноязычных словах: *п'е́н'с'и́жа, ма́н'ц'о́р; но—а́тц'а́гн'у́, па́тс'а́ка́ц, тл'а́, атн'а́ц, аддз'ал'а́ца, дл'а́, дн'ом*. То же в говорах: *посья, ня узлюбилы, с казьянятами, зьліес, сьличная пани, мысьли и аддѣзираў* (Слуц. у., Мал. стр. 20); *сьляпэй, мерзьниць, асьлеп, зь лесы́м, гвосьдики, сьлина, ня сьнилась и дни, для* (Велиж. у., Куз., стр. 180, 186, 201); *зь дятлы, усе зьнистожэна, бяс сьтякол, упразьник, ў адном месьця, жызьни, равесьница, асьлепла, апосья, ва сьне, зьдзелаў, зоры позьния и сподница, дни, саредни* (Игум., Бобр. уу., Серб., стр. 4, 8, 14, 39, 41, 42, 46, 47); *б'арэз'н'ик, улас'ц', гас'ц, с'л'иман, л'ас'н'ик, з'л'ез'ли, г'аз'дз'е́чка, з'л'и́ц, с'н'е́, ж'из'н'а и поўдн'а, л'етн'айа, ватн'ик, спадн'и́ца, радн'е́ю, падл'и́ц, атс'е́йал'и* но и—*ау'ц'е́рл'и, адз'дз'ал'и́у* (Узд. р-н, Ром., стр. 149, 150, 154) и т. д. Согласные [н] и [н'] перед мягкими зубными согласными в исконно белорусских словах отсутствуют. Лишь в некоторых говорах представлен согласный [н'] перед [с'] суффикса -ск. Ср.

¹⁷ См. Е. Ф. Карский. Белорусы, II, 1, стр. 346.

женьськи, меньських, мужчынськага, хрэсьцяньськия, азьми ирданьськия вады, ля жытиньскага гаю (Игум., Бобр. уу., Серб., стр. 34, 46, 62, 70, 16); *женьський* (Орш., Сен., Мог. уу., Мат. б.-р., I, 4, Моз. у; *ib.*, II, 10); *Бых. у., ib.*, 9; *Вит. у., ib.*, III, 18; *Реч. у., ib.*, 17); *Брянськ, Миньськ, Пиньськ* (Новоз. у., Пол., стр. 16); *у граждан'с'ку, у Мин'с'ку, у Фин'л'ан'с'ку* (Красносл. р-н, Бер., стр. 178); *женьський, деревеньський, куоньський* (Новогр. у., Мат. б.-р., IV, 29).

Таким образом, общебелорусской чертой является неразличение твердых-мягких зубных согласных фонем перед мягкими зубными. В положении перед [ц'] или [т'], [дз'] или [д'], [с'], [з'], [н'], [л'] фонемы [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'] нейтрализуют противопоставление по твердости-мягкости в [с'] [з'], [н'], а [т] — [ц'], [д] — [дз'] в [т], [д]. В мягкозрых говорах согласный [р] перед мягкими зубными может смягчаться. Ср. *варьнуць* (Велиж. у., Куз., стр. 180). Однако перед [р'] зубные согласные не смягчаются.

§ 38. Перед мягкими задненебными согласными.

В положении перед мягкими задненебными не на стыке приставки и корня различаются фонемы [т] — [ц'] или [т'], [д] — [дз'] или [д'], [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н']. Ср. *бўтк'и — бац'к'и, дз'ац'к'и; каск'и — Вас'к'и; ранк'и, банки — мал'ен'к'им'и, аган'к'и*. Что касается стыка приставки и корня, а также предлога и последующего слова, то здесь перед мягкими задненебными согласный [с] смягчается. Ср. *с'к'инала, с'к'идавац, но — зг'инуў, сх'ўтрас'ц'у* (Дрис. р-н, Гайд., стр. 102); *уськин'аў*; то же не на стыке приставки и корня — *с'кирт'амы* (Игум. у., Серб., стр. 41, 146); *раськин'уў, сь ким.* (Велиж. у. Куз., стр. 181); *сь ким* (Дисн. у., Мат. б.-р., II, 6; Себеж. у., *ib.*, IV, 28; *Вит. у., ib.*, III, 18; Старод. у., Раст., С.-б., стр. 63). Таким образом, на стыке приставки и корня, а также предлога и последующего слова фонемы [с] и [с'] не противопоставлены. По существу не противопоставлены по твердости-мягкости в этом положении и остальные зубные согласные фонемы, так как перед мягкими задненебными не только на стыке предлога и корня, но и вообще в начале слова представлены только твердые зубные согласные фонемы; [ц'], [дз'], [с'], [з'], [н'] перед задненебными как на стыке предлога и корня, так и вообще в начале слова не выступают.

Количество сочетаний согласного [с'] с [к'] по говорам расширено за счет сохранения мягкости согласными [с'] суффикса -ск, которая некогда была обусловлена предшествующим гласным [ь]. Ср. *жаноський, могилейський* (Вит. у., Мат. б.-р., III, 18); *сураський, бапський, магілейський, свойський* (Велиж. у., Куз., стр. 198), *женьських, меньських* (Игум. у., Серб., стр. 76); *княўськи, чудоўськи, козлоўськи* (Слуц. у., Мал., стр. 12, 51; Чуд., стр. 57) и т. д.

В говорах б. Витебского у. отмечено образование притяжательных прилагательных от местоимений [наш], [ваш] с помощью суффикса -ск; при этом согласный [ш] основы опускается. Ср. *наський, васський, наських*, по этому же принципу образовано прилагательное *обчисьякая старыста* (Мат. б.-р., III, 18).

§ 39. Перед [j].

После падения редуцированных зубные согласные в ряде случаев столкнулись с последующим [j]. В говорах, легших в основу белорусского языка, зубные согласные перед [j] повели себя неодинаково на стыке приставки и корня, с одной стороны, и в остальных положениях в слове — с другой. По свидетельству западнорусских памятников, перед [j] на стыке приставки и корня, а также предлога и последующего слова смягчились согласные [с] [з]. Ср. *тых границь розьв'ханье* (Гр. 1421 г.,

АЗР, I, № 30); *сь евлашко**, *сьакова* 396 (Сб. XV в.); *извездомъ* 213 (Радз. лет. XV в.); *зьели* 276 (Пс. XVI в.); *изытзыка, изьаснитса* 8 (Т. Т. XVI в.); *звѣжч^алися* 171, *на томъ звезде* 145, *звѣхаль* 140 об (Бар. лет., XVI—XVII вв.). Что касается согласных [т], [д], то письменные памятники не дают сколько-нибудь определенных указаний на судьбу этих согласных в положении перед [j] на стыке приставки и корня. Это и понятно. Как показывают современные белорусские говоры, [т], [д] в этом положении не смягчались. Поэтому фонетически значимым могло явиться написание с буквой *ѣ* после *т*, *д*, оканчивающих приставки. Но такое написание является в то же время этимологическим и потому не может считаться фонетически значимым.

Однако смягчение согласных [с], [з] перед [j] также получило развитие не во всех белорусских говорах. В современных белорусских говорах перед [j] на стыке приставки и корня, а так же предлога и последующего слова согласные [т], [д] не смягчились, а согласные [с], [з] в одних говорах смягчились, а в других — нет. Ср. *адъѣхаць, зьесьць* и *зь Яремш* (Мин. у., Мат. б.-р., II, 7, IV, 23); *адъѣзду, зьесьць, зь јим, зь ејю* (Слуц. у., ів., II, 5; Мал., стр. 131; Чуд., стр. 65); *звѣв* и *звѣсьць* (Бых. у., Мат. б.-р., II, 9); *отъѣхайся, подъѣжджала, зъѣхалися, зъѣжджая* (Новогр. у., ів., IV, 24; Кар., Бел. пес., № 2, 3, стр. 126, 130); *звѣсьць, зъѣў* (Дисн., Моз., Новоал., Свен., Реч., Лепел. уу. Мат. б.-р., II, 6, 10, 11; III, 13, 17; IV, 27); *узъѣхаў* (Игум. у., ів., II, 8); *звѣсьць* (Орш., Сен., Мог. уу., ів., I, 4); *з'јѣу, з'јѣшай, з'јой, з'јамы, адјѣхай* (Лоев. р-н, Ян., стр. 137); *зъѣтыго, зъѣсьци* (Вел. у., Мат. б.-р., III, 18); *звѣсь* (Велиж. у., Куз., стр. 183); *зьякога* (Мгл. у., Раст. С.-б.-р., стр. 63); *атъѣхали, не зъѣла, зъѣсь* (Бобр. у., Серб., стр. 54, 132, 170) и т. д. Общебелорусской чертой является наличие твердого согласного перед [j] в слове *дьявол*: *дјáвал* или *дјáбал*. Таким образом, в положении перед [j] на стыке приставки и корня противопоставление твердых-мягких зубных фонем нейтрализуется в недолгой слабой фонеме.

Перед [j] не на стыке приставки и корня в говорах, легших в основу белорусского языка, так же как и в других древнерусских говорах, зубные согласные смягчались. Однако в дальнейшем, видимо в конце XIV в., в древних белорусских говорах смягченные зубные согласные перед [j] не на стыке приставки и корня подверглись специфическим изменениям: они ассимилировали последующий [j] и удлинились. В памятниках эта особенность находит отражение, хотя и не широкое, с XV в.¹⁸

В современных белорусских говорах долгие мягкие зубные согласные [ѣ] (*жыѣ'о*), [дз'] (*судз'á*), [с'] (*кас'о*), [з'] (*палóз'á*), [н'] (*адн'á*), а в мягкоэрых говорах и [р'] (ср. *звьярьре, перья* — Велиж. у., Куз., стр. 183) являются весьма распространенными. При этом, как было показано выше, долгие мягкие зубные согласные представляют собой слабые фонемы, в которых нейтрализуется противопоставление мягких и твердых сильных зубных фонем в сочетании с [j] не на стыке приставки и корня.

В некоторых говорах, главным образом западных районов Белоруссии, долгие мягкие зубные согласные утратили долготу; здесь произносят — *жыц'о, судз'á, кас'о, палóз'á, адон'á*. В этих говорах противопоставление твердых и мягких зубных фонем в сочетании с [j] не на стыке приставки и корня нейтрализуется в недолгой мягкой фонеме.

¹⁸ См. Н. Не д е ш е в. Исторический обзор важнейших звуковых и морфологических особенностей белорусских говоров. — РФВ, 1884, № 3—4, стр. 53.

В очень немногих говорах зубные согласные перед [j] не на стыке приставки и корня не продляются и не ассимилируют себе последующий [j], при этом зубные согласные смягчаются. Ср. *судзья* (Слуц. у., Мат. б.-р., III, 12); *судз'я́, кас'я́, адон'я́, плац'я́, колос'я́* (Узд. р-н, Ром., стр. 155; Красносл. р-н, Бир., стр. 179). В подобных говорах противопоставление фонем [т] — [ц'], [д] — [дз'], [с] — [с'], [з] — [з'], [н] — [н'] перед [j] нейтрализуется в [ц'], [дз'], [с'], [з'], [н'], но в отличие от предыдущей группы говоров без ассимиляции последующего [j].

§ 40. Перед шипящими и [ц].

В говорах, легших в основу белорусского языка, мягкие зубные согласные в положении перед шипящими согласными и [ц], с которыми они столкнулись в результате падения редуцированных, отвердели. Отверждение это проходило, видимо, не сразу, а по мере отверждения самих шипящих согласных и [ц]. Ср. написание, свидетельствующее даже как будто о смягчении твердого зубного согласного перед [ж]: *изъ живота* 30 (Т. Т. XVI в.). Однако в современных белорусских говорах в положении перед [ш], [ж] [шч], [ж], [ч], [ц] представлены только твердые зубные фонемы [т], [д], [с], [з], [н]. Ср. *атшыц', аджыц', адшчапц', атчп'яц', касцá, м'янышы, лаз'янышык, жанчына, канцы*; в сочетании с [ц] согласные [д], [т] образуют свистящую аффрикату с долгим затвором — *мала^тца, а^тца*; согласные [с], [з] в сочетании с [ш], [ж] образуют долгие шипящие [ш], [ж], а в сочетании с [ч] — согласный [шч] — *шыты, жыц', шчыс'ц'яц'*.

§ 41. Фонемы [л] и [л'].

Согласные фонемы [л] и [л'] в литературном белорусском языке и аналогичных говорах противопоставлены в положении перед губными, зубными, задненебными согласными, твердыми и мягкими. Но при этом различие [л] и [л'] перед согласными в белорусских говорах представлено менее широко, чем в русском языке, в связи с переходом [л] в [љ] перед согласными в определенных морфемах. Ср. *илба́ — страл'ба́, полб'енный — страл'б'е, калмык — шéлма, малва́ — ма́л'ва, малв'е — ил'в'е, кувáлда — ил'да́, кувáлдз'е — вил'дз'е, илáц' — н'эл'га, м'элк'и — гáл'к'и*. Подобное различие стало возможно в связи с тем, что в соответствующих говорах согласные [л] и [л'] после падения редуцированных, столкнувшись с последующими губными, зубными и задненебными согласными, сохранили свое качество.

Однако среди белорусских говоров имеется много таких, в которых согласный [л'] отвердел перед твердыми зубными согласными, главным образом [н], [з], а также перед [ц]. Ср. *палцы, видэ́лцы, силно* (Мин. у., Мат. б.-р., II, 7); *зылнó, цап'я́лна, пáлцы, кóлца, кас'я́лна* (Узд. р-н, Ром., стр. 151, 832); *стралцýз, купална, нóчка, волны, палцы, скольки илну, видэ́лцы* (Слуц. у., Мат. б.-р., III, 12; Мал., стр. 25, 27, 168; Чуд., стр. 64); *даволны, ко́лца, салцэ, силно, видэ́лцы* (Игум., Моз. уу., Мат. б.-р., II, 8, 10); *вудз'я́лна, пáлцы* (Глус. р-н, Янк., стр. 9); *довольный, силно, палцы, видэ́лцы, стралцы* (Реч. у., Мат. б.-р., III, 17); *силна, доволны, балную, палцы, стралцы* (Бобр. у., Серб., стр. 46, 66, 76); *силно, довольный, малцы, стралцы, палцы* (Пин. у., Мат. б.-р. к м.-р., I, 1); *калнула, доволна, палцы* (Новоз. у., Пол., стр. 14); *доволна, ползы* (Житк., Староб. р-ны, Мац., с. 63) и т. д. Значительно реже [л'] утрачивает мягкость перед губными, задненебными согласными и [ч]. Ср. *малчышка* (Рогач. у., Раст., С.-б.-р., стр. 62); *пасъцелку* (Игум. у., Кар., Черв. гов., стр. 230); *столко, велмош* (Житк., Староб. р-ны, Мац., стр. 63). В западнорусских памятниках часты случаи пропуска буквы ѣ после л, встречаются и случаи употребления буквы ѣ

вместо *ь* (ср. *пильными* 16, Кат. 1562 г.). Однако подобные написания в западно-русских памятниках могут являться всего лишь следствием того или иного орфографического приема¹⁹.

Следует заметить, что рассмотренное отверждение [л'] не вносит существенных изменений в систему противопоставления фонем [л]—[л'] перед согласными в современных говорах. Отверждение имеет место, главным образом, перед согласными [н], [з], [ц], а перед этими согласными фонемы [л]—[л'] не противопоставлены и в говорах, не знающих отверждения [л'] перед согласными: в этих говорах перед [ц], [н], [з] может быть только согласный [л']. При этом перед [ц] согласного [л] вообще никогда не было, а перед [н], [з] был, но затем изменился в [ў], так как сочетания [лн], [лз] как раз находились в таких морфемах, где этот процесс имел место (ср. *поўна, воўны, поўзац*). Перед шипящими согласными и [ц] фонемы [л] и [л'] не противопоставлены. Перед [ш], [ч] представлена только мягкая фонема [л'], а перед [ц] по говорам только [л'] или [л]. Ср. *Пол'ша, бол'шы, мал'чэй, кол'ца*; примеры на [л] перед [ц] см. выше.

Как известно, в русском языке фонемы [л]—[л'], хотя и ограниченно, но противопоставлены перед [ч]. В белорусском же языке это противопоставление отсутствует в связи с тем, что сочетание [лч] находится главным образом в составе таких морфем, где осуществилось изменение [л] в [ў]. Ср. *воўчы, жоўч, майча́н'е*.

В положении перед [й] в большей части белорусских говоров противопоставление фонем [л] и [л'] нейтрализуется в [л']: *кол — кол'а, мол' — мол'у, л'иц' — л'у*.

§ 42. Анализ различия твердых-мягких согласных в положении перед согласными позволяет сделать некоторые общие выводы.

Противопоставление твердых-мягких согласных фонем в положении перед согласными, оформившись в говорах, легших в основу белорусского языка, после падения редуцированных, широкого развития не получило, уступив в этом отношении русскому языку (во всем многообразии его говоров). В белорусских говорах мягкие согласные, столкнувшись в результате падения редуцированных с последующими согласными, обнаружили более последовательную, чем в русском языке, тенденцию к отверждению. Так, в белорусских говорах повсеместно отвердели согласные перед твердыми зубными согласными суффиксов, начинавшихся некогда на гласный *ь*, а также отвердели мягкие губные перед *l-epentheticum*. В результате, если по русским говорам твердые-мягкие зубные согласные фонемы могут быть противопоставлены перед твердыми губными, задненебными, зубными согласными (*проз'ба — избá, ба́нка — ба́н'ка, мороз'Аый — зна́йу*), а твердые и мягкие губные в некоторых говорах — перед твердыми зубными и [л'] (*скром'ный — мно́го, воп'л' — пл'ёск*), то в белорусских говорах противопоставлены только твердые и мягкие зубные согласные фонемы и только в положении перед твердыми губными, а так же перед задненебными согласными; в немногих говорах, кроме того, представлено различие [н]—[н'] перед [с]. Согласный [р'] сочетания **trrt* во всех белорусских говорах, в том числе и мягкоэрых, отвердел перед любыми согласными. В результате даже в мягкоэрых говорах [р]—[р'] перед твердыми губными и задненебными фонемами противопоставлены менее широко, чем во многих русских говорах. Менее широко, чем в русском языке, противопоставлены перед согласными

¹⁹ См. Е. Ф. Карский. Белорусы, II, 1, стр. 396.

фонемы [л] и [л'], что связано в значительной степени с изменением [л] в [ў] перед согласными в определенных морфемах.

В белорусских говорах согласные оказались гораздо менее, чем в русском языке, подвержены ассимилятивному смягчению. В результате этого противопоставление твердых и мягких губных согласных фонем в положении перед любыми согласными, в том числе и перед мягкими губными, нейтрализуется в соответствующей слабой твердой губной фонеме; противопоставление фонем [т]—[ц'], [д]—[дз'] нейтрализуется в слабых фонемах [т], [д] не только перед твердыми зубными, но и перед мягкими зубными, а также перед мягкими губными фонемами и [j] на стыке приставки и корня. В твердых слабых фонемах нейтрализуется противопоставление твердых и мягких зубных согласных фонем (кроме [л]—[л']) перед шипящими и [ц]. Все это увеличивает удельный вес твердых согласных фонем в положении перед согласными и сужает соответственно сферу употребления мягких согласных фонем в том же положении.

Для белорусского языка характерно отчетливое разграничение положения на стыке приставки и корня, с одной стороны, и в остальных частях слова—с другой, в отношении реализации некоторых парных по твердости-мягкости согласных фонем. Так, неодинаково реализуются твердые-мягкие зубные фонемы перед [j] на стыке приставки и корня, с одной стороны, и в других положениях в слове—с другой. То обстоятельство, что фонемы [т] и [ц'], [д] и [дз'] реализуются неодинаково перед мягкими губными фонемами на стыке приставки и корня, с одной стороны, и в других положениях в слове—с другой, создает предпосылку для различения названных твердых-мягких зубных согласных фонем перед мягкими зубными (ср. *дз'в'ер*—*адв'азы*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 43. Как уже было сказано, белорусский язык к началу своей самостоятельной истории унаследовал из древнерусского языка категорию твердости-мягкости в том виде, в каком она оформилась в результате смягчения полумягких согласных и падения редуцированных: твердые и мягкие согласные представляли собой парные соотносительные фонемы, противопоставленные на конце слова, перед некоторыми гласными и отчасти перед согласными; в определенных позициях противопоставление твердых и мягких фонем нейтрализовалось.

Те изменения, которые категория твердости-мягкости претерпевала в ходе истории белорусского языка, сводились к расширению или сужению противопоставления тех или иных групп твердых-мягких согласных фонем в том или ином положении; наряду с этим претерпевала изменения и система нейтрализации противопоставления твердых-мягких фонем.

Изменения эти были обусловлены как фонетическими процессами в области вокализма и консонантизма, так и процессами в области морфологии, словообразования и лексики.

К эпохе после падения редуцированных относится ряд существенных изменений в системе белорусского вокализма. Некоторые из этих изменений были непосредственно обусловлены оформлением твердости-мягкости согласных в самостоятельную фонологическую категорию. Как известно, в языках, переживших смягчение полумягких согласных до падения редуцированных, падение редуцированных привело к тому, что твердость-мягкость согласных изолировалась от качества последующего

гласного; противопоставление твердых-мягких слогов перестало существовать. Твердость-мягкость согласных стала самостоятельной фонологической категорией: если до падения редуцированных сочетания *та* — *т'а* различались равно как согласными (*т* — *т'*), так и гласными (*а* — *а́*) элементами, то после падения редуцированных те же сочетания различаются согласными фонемами при тождественности гласной фонемы: различие в более переднем или более заднем образовании гласного [а] (т. е. *а* и *а́*) фонологически не имеет значения, оно обусловлено качеством предшествующей гласной фонемы.

Выделение твердых-мягких согласных в самостоятельные фонемы обусловило в соответствующих языках устранение противопоставления передних-задних гласных фонем одного подъема, как потерявшего в известной степени фонологическую значимость и обусловленного твердостью-мягкостью предшествующих согласных фонем.

В белорусском языке этот процесс нашел свое выражение в изменении [е] в [о] в определенных фонетических условиях²⁰.

Это изменение в области вокализма вело к расширению противопоставления твердых-мягких согласных фонем: позиция различения перед [о] — совершенно новая, неизвестная даже согласным йотовой артикуляции в общеславянский период.

Позднейшие изменения в области белорусского вокализма, не будучи связаны с развитием категории твердости-мягкости, оказывали на нее существенное влияние, так как способствовали расширению или сужению противопоставления твердых-мягких согласных фонем в том или ином положении. Расширение противопоставления твердых-мягких фонем может быть связано с появлением новых позиций различения, с одной стороны, и оформлением более яркого различия в тех позициях, где раньше твердых-мягкие согласные были слабо противопоставлены, — с другой.

Появление новых позиций различения может быть обусловлено, во-первых, развитием новых гласных фонем, употребляющихся как после твердых, так и после мягких согласных, и, во-вторых, появлением известных и ранее гласных фонем в таких позициях, где раньше они не употреблялись.

Оформление нового положения различения твердых-мягких согласных фонем имело место в некоторых юго-западных белорусских говорах в связи с развитием в них новой гласной фонемы [y̯] (ср. *братy̯оў* — *дз'иц'y̯ом*).

Появление старых гласных фонем в новых позициях в части белорусских говоров обусловлено изменением [o̯] новых закрытых слогов в [e], в результате чего гласный [e] стал употребляться после твердых согласных, что явилось предпосылкой различия твердых-мягких согласных фонем перед [e] (ср. *вер* — *в'эра*, *нех* — *сагн'эм*).

Оформление более яркого различия твердых-мягких согласных фонем в старых позициях (главным образом, перед непередними гласными) связано с расширением употребления непередних гласных в положении после мягких согласных. Так, в белорусских говорах, знающих дифтонг [y̯o̯], этот последний мог стянуться в [y] как после твердых, так и после мягких согласных. Особенно важным результатом изменения [y̯o̯] в [y] является появление гласного [y] после мягких согласных

²⁰ В данном случае не упоминается функциональное отождествление переднего и непереднего гласных [и] и [ы] в одну фонему, так как это явление относится еще к общерусской эпохе.

фонем, так как в этом случае расширяется различие по твердости-мягкости перед [у] таких фонем, которые обычно в белорусском языке нешироко противопоставлены в этом положении, а именно губных и большей части зубных фонем (ср. *братѹ* — *ц'ѹмны*, *мѹдры* — *пам'ѹрла*). Расширению противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед непередними гласными способствовало изменение [а] в [о] в юго-западных говорах (ср. *гн'оў* — *ган'оў хавоў* — *зав'оў*).

Фонетические процессы, ведущие к расширению употребления непередних гласных после твердых согласных (ср. в юго-западных белорусских говорах изменение [ы] в [у] после твердых губных) не вносят ничего нового в систему противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед соответствующими непередними гласными, так как непередние гласные после твердых согласных всегда употреблялись достаточно широко.

Однако и в более позднюю эпоху не только фонетические изменения в системе вокализма влияли на категорию твердости-мягкости согласных, но и сама эта категория продолжала оказывать в ряде случаев организующее воздействие на систему вокализма. Так, в белорусском языке, где сложилось различие между системами вокализма ударенных и безударных слогов, организация системы вокализма безударных слогов находится в прямой зависимости от системы твердых и мягких согласных фонем.

Говоря о фонетических изменениях в области консонантизма, повлиявших на систему противопоставления твердых-мягких согласных фонем, следует прежде всего упомянуть группу губных согласных фонем. Губные согласные фонемы, сильно лабиовеляризованные в белорусском языке, содержат известное противоречие между основной артикуляцией и артикуляцией мягкости, которая представляет собой отдельную и самостоятельную среднеязычную артикуляцию. В связи с этим мягкие губные могут отвердевать, что приводит в белорусском языке к сужению противопоставления твердых-мягких губных фонем: общебелорусской особенностью является неразличение твердых-мягких губных фонем на конце слова и перед согласными, а в южных белорусских говорах и перед гласными, за исключением [и].

Судьбу, сходную с судьбой противопоставления твердых-мягких губных фонем имело в белорусском языке противопоставление фонем [р] — [р'] : отверждение согласного [р'] повело к устранению из фонологической системы фонемы [р'], а следовательно, и к ликвидации противопоставления [р] — [р'].

Сильное, так называемое «переходное», смягчение общерусских согласных [т'], [д'] в белорусском языке привело к их артикуляционному изменению ($m' > ц'$, $d' > дз'$). Однако сохранение функциональной связи между мягкими фонемами, появившимися в результате переходного смягчения старых мягких зубных, и твердыми зубными фонемами способствует тому, что соотносительность по твердости-мягкости в соответствующих группах зубных согласных не разрушается, хотя мягкий член противопоставления и претерпевает артикуляционные изменения.

Переходное смягчение зубных согласных, в результате которого появились долгие мягкие зубные согласные в определенных позициях, вносит некоторые изменения в систему нейтрализации противопоставления твердых и мягких фонем, не касаясь системы их противопоставления.

Не оказало влияния на противопоставление [в] — [в'] и изменение [ѹ] в [ў] в определенных условиях.

Важное значение для развития противопоставления твердых-мягких согласных фонем имели морфологическая аналогия и процессы в области словообразования, которые обуславливали различие твердости-мягкости в таких положениях, где, согласно фонетическим закономерностям, оно было невозможно. Так, в некоторых белорусских говорах, знающих фонему [ӣе], благодаря морфологической аналогии создается возможность различения твердых-мягких согласных фонем перед [ӣе] (ср. *дз'ӣед — пуды̄е, сталье̄е — кавал'ӣе*).

Как говорилось выше, гласный [ӣе] (восходящий к ё) распространился в им. п. мн. ч. из вин. п. мн. ч. существительных с мягкой основой. Аналогичное морфологическое явление представлено в говорах центральных областей Белоруссии, но здесь гласный [ё] во всех положениях, в том числе и в окончании им. п. мн. ч. совпал с [е]. В результате в этих говорах создается возможность противопоставления твердых-мягких согласных фонем перед [е], поскольку становится возможным употребление [е] после твердых согласных (ср. *дз'ен — гадё*).

Морфологическая аналогия и словообразовательные процессы, обуславившие употребление гласного [у] после мягких согласных, способствовали расширению противопоставления твердых-мягких согласных фонем в положении перед [у].

К числу нефонетических явлений, оказавших влияние на категорию твердости-мягкости в белорусском языке, относятся иноязычные лексические заимствования. Так, получившие широкое распространение в белорусском языке или отдельных его говорах старые польские лексические заимствования создают предпосылку различения твердых-мягких согласных фонем перед [е].

Таким образом, в белорусском языке в результате как фонетических процессов в области вокализма и консонантизма, так и под влиянием нефонетических явлений сложилась система фонем, соотносительных по твердости-мягкости.

Систему твердых-мягких фонем образуют соотносительные по твердости-мягкости зубные и губные согласные фонемы. Лишь в немногих юго-западных белорусских говорах губные фонемы не противопоставлены по твердости-мягкости.

В большей части белорусских говоров как зубные, так и губные твердые-мягкие согласные фонемы противопоставлены перед всеми гласными; твердые-мягкие зубные фонемы различаются также на конце слова и перед некоторыми согласными.

Нейтрализация противопоставления фонем, соотносительных по твердости-мягкости, является выразителем их функциональной связи. При отсутствии нейтрализации противопоставление соответствующих фонем не является противопоставлением фонем соотносительных. Чем четче выражена нейтрализация, тем ярче функциональная связь между соотносительными фонемами.

В синхронном плане нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем может быть активной и пассивной. Значение активной нейтрализации противопоставления фонем имеет такое неразличение их, при котором в одной и той же морфеме может быть представлена как сильная фонема, противопоставленная другой сильной фонеме, такая и слабая, в которой нейтрализуется противопоставление названных сильных фонем.

С другой стороны, может быть такое неразличение твердых-мягких фонем, которое лишь условно можно назвать нейтрализацией противо-

поставления соответствующих фонем. Это имеет место в том случае, если в данном положении употребляется только одна из соотносительных по твердости-мягкости фонем и при этом она находится в такой морфеме, что никогда не может оказаться в положении различения твердых-мягких согласных фонем. Подобное неразличение принимает значение нейтрализации только рядом с активной нейтрализацией первого типа. Это пассивная нейтрализация.

В белорусском языке активная нейтрализация противопоставления твердых-мягких согласных фонем имеет место перед некоторыми согласными, а для губных фонем — и на конце слова (ср. *пот* — *кос'у'* и *пóтны*, *кóстны*; *óз'им'и* — *хáмы* и *óз'им'ю*, *хам'ю*; *дрóб'и* — *зубы* и *дроп*, *зуп* и др.).

Примером пассивной нейтрализации может служить неразличение [т] — [т'], [д] — [дз'] в положении перед [л'] (ср. *дл'а*, *тл'а*).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ЗАПАДНОРУССКИХ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ

- А. Виш. XVI, АЗР — Акты, относящиеся к истории западной России, т. I—IV. СПб., 1846, 1848, 1851.
- Акт. Лит. XVI в. — Акт Литовской метрики XVI в. Цит. по исслед. Г. Э. Кунцевича „Акты Литовской метрики о бегстве кн. А. М. Курбского“. ИОРЯС, т. XIX, кн. 2. М., 1914.
- Бар. Лет. XVI—XVII вв. — Барколабовская летопись XVI в. Цит. по исслед. Н. Т. Войтович „Язык Барколабовской летописи. (К истории белорусских говоров конца XVI — начала XVII вв.)“ (Канд. диссертация).
- Б. Ск. XVI в. Библия Скарины XVI в.
- Ев. 1581 г. Евангелие 1581 г. Цит. по исслед. А. А. Назаревского „Язык евангелия 1581 г. в переводе В. Негалевского“, „Университетские известия“. Киев, 1911, № 8, 11, 12.
- Ев. Т. 1570—1580 гг. Евангелие Тяпинского 1570—1580 гг. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „К истории звуков и форм белорусской речи“. Варшава, 1893.
- Кат. 1562 г. Лютеранский катехизис 1562 г. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „Два памятника старого западно-русского наречия“. ЖМНП, 1893, № 8.
- Кат. 1585 г. Католический катехизис 1585 г. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „Два памятника старого западно-русского наречия“, Там же.
- Лет. Авр. XV—XVI вв. Летопись Авраамки XV—XVI вв. Цит. по изд. в „Полном собрании русских летописей“, т. XVI. СПб., 1889.
- Лит. лет. Крас. XVI в. Литовская летопись из сб-ка гр. Красинских XVI в. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „О языке так называемых литовских летописей“.
- Пс. XVI в. Псалтырь XVI в. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „Западнорусские переводы псалтыри XVI—XVII вв.“, Варшава, 1896.
- Пс. XVII в. Псалтырь XVII в. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „Западнорусские переводы псалтыри XVI—XVII вв.“, Варшава, 1896.
- Радз. лет. XV в. Радзивидовская летопись. Цит. по исслед. В. Ганцова „Особенности языка Радзивиловского (Кенигсбергского) списка летописи“. ИОРЯС, т. XXXII. Л., 1927.
- Сб. XV в. Западнорусский сборник XV в. Цит. по исслед. и изд. Е. Ф. Карского в ИОРЯС, т. II, кн. 4, 1897.
- Ск. Сив. XVI в. Сказание о Сивилле XVI в. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „Западнорусское сказание о Сивилле пророчице по рукописи XVI в.“. Варшава, 1898.
- Т. Т. XVI в. Тайна Тайн XVI в. Цит. по исслед. Е. Ф. Карского „К истории звуков и форм белорусской речи“.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

- Бир. Бірыла. Гаворкі Чырвонаслабадскага раёна Бабрускай вобласці. Мінск, 1953 (канд. диссертация).
- Гайд. М. Гайдукевич. Гаворкі. Дрысенскага раена Віцебскай вобласці. Мінск, 1954 (канд. диссертация).
- Гап. П. Н. Гапанович. К вопросу о народнодиалектной основе современного белорусского национально-литературного языка (Говоры Минского р-на Минской области). Минск, 1954, автореферат (канд. диссертация).
- Жид. М. А. Жидович. Гаворкі Рудзенскага раена Мінскай вобласці. „Матэрыялы першай дыялекталагічнай канферэнцыі БССР“. Мінск, 1950.
- Зен. И. И. Зенько. Говоры Пружанского района Брестской области. Минск. 1953 (канд. диссертация).
- Кар., Бел. пес. Е. Ф. Карский. Белорусские песни с. Березовца Новогрудского у. Минской губ. РФВ, Варшава, 1884.
- Кар., Зам. 6-р. нар. Е. Ф. Карский. Заметки по белорусскому наречию РФВ, 1916, № 3.
- Кар., К вопр. гр. — Е. Ф. Карский. К вопросу о границе белорусских говоров. РФВ, 1905, № 1—2.
- Кар., К вопр. отв. Е. Ф. Карский. К вопросу об отвердении звуков *е* и *и* в малорусском наречии. „Изборник Киевский“.
- Кар., Зам. 6-р. гов. Е. Ф. Карский. Заметки по белорусским говорам. — РФВ, 1901, № 3—4.
- Кар., Черв. гов. Е. Ф. Карский. Червенский говор (Из белорусской диалектологии). „Известия по русскому языку и словесности АН СССР, т. III, Л., 1930.
- Куз. О. П. Кузьмин. Материалы для изучения говоров Велижского уезда. Там же.
- Мац. Ю. Ф. Мацкевич. Дыялектныя асаблівасці паўднёва беларускіх гаворак. „Матэрыялы першай дыялекталагічнай канферэнцыі“. Мінск, 1950.
- Мал. С. Малевич. Белорусские народные песни. „Сб. ОРЯС“, 1907, т. 82, № 5.
- Мат. 6-р. Материалы для изучения белорусских говоров: вып. I — ИОРЯС, 1897, т. II, кн. 2; вып. II — ИОРЯС, 1898, т. III, кн. 3; вып. III — ИОРЯС, 1898, т. IV, кн. 3, 4; вып. IV — „Сб. ОРЯС“, т. 75; вып. V — „Сб. ОРЯС“, т. 82; вып. VI — „Сб. ОРЯС“, т. 88.
- Мат. 6-р. к м.-р. Материалы для изучения северномалорусских говоров, а также переходных от белорусских к малорусским (Полесье), вып. 1.
- Пол. Ант. Полевой. О языке населения Новозыбковского у. Гомельской губ.. Минск, 1926.
- Раст., С.-б.-р. П. А. Расторгуев. Северско-белорусский говор. — „Исследования в области диалектологии и истории белорусских говоров“. Л., 1927.
- Ром. Е. М. Романович. Говоры Узденского района Минской области. Минск, 1953 (канд. диссертация).
- Серб. И. Сербов. Белорусы-сакуны. Краткий этнографический очерк. „Сб. ОРЯС“, т. 94, № 1. Пг., 1915.
- Сеш. Т. Ф. Сешкович. Говоры Волковыского района Гродненской области. Минск, 1954 (автореферат, канд. диссертация).
- Телен. Д. С. Телентюк. Лунинецкие говоры (Исследование в области русской диалектологии), Пинск, 1949 (канд. диссертация).
- Чуд. Н. И. Чудовский. Материалы для изучения белорусских говоров. Слуцкий говор. РФВ, 1898, № 3—4.
- Янк. Ф. М. Янковский. Глуские говоры. Минск, 1954, автореферат, канд. дисс.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ УЕЗДОВ И РАЙОНОВ

Авг. Августовский у.	Волковыс. Волковыский р-н.
Белост. Белостокский у.	Глус. Глуцкий р-н.
Бобр. Бобруйский у.	Гом. Гомельский у.
Бых. Быховский у.	Город. Городокский у.
Велиж. Велижский у.	Д.-Город. Давид-Городокский р-н.
Вил. Вилейский у.	Дисн. Дисненский у.
Вит. Витебский у.	Дрис. Дриссенский у.

Житк. Житковичский р-н.
Игум. Игуменский у.
Красносл. Краснослободский р-н.
Клим. Климовичский у.
Лен. Ленинский р-н.
Лепел. Лепельский у.
Лоев. Лоевский р-н.
Лун. Лунинецкий р-н.
Мгл. Мглинский у.
Мин. Минский у.
Мог. Могилевский у.
Моз. Мозырский у.
Новоал. Новоалександровский у.
Новогр. Новогрудский у.
Новоз. Новозыбковский р-н.

Орш. Оршанский у.
Пин. Пинский у.
Пруж. Пружанский р-н.
Реч. Речицкий у.
Рогач. Рогачевский у.
Руд. Руденский р-н.
Свенц. Свенцянский у.
Себеж. Себежский у.
Сен. Сенненский у.
Слуц. Слуцкий у.
Сокол. Сокольский у.
Староб. Старобинский р-н.
Старод. Стародубский р.
Узд. Узденский р-н.
Черик. Чериковский у.

М. А. Михайлов

СУФФИКСЫ ИМЕН ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЛИЦА В СЕРБОЛУЖИЦКОМ ЯЗЫКЕ

Серболужицкий язык (термин, объединяющий, собственно, два самостоятельных языка: верхнелужицкий и нижнелужицкий) отличается некоторыми особенностями, которые нельзя считать присущими исключительно этому языку, но которые выразились в нем в более сильной степени, чем в большинстве других западнославянских языков. Эти особенности требуют и определенного подхода к изучению материала серболужицкого языка, особенно если предметом исследования не является какой-либо строго определенный диалект, т. е. если работа не носит такого характера, как, например, исследование Л. В. Щербы „Востоchnолужицкое наречие“.

Важнейшие из этих особенностей проявляются, с одной стороны, во взаимоотношениях серболужицкого языка с немецким, с другой — во взаимоотношениях верхнелужицкого и нижнелужицкого литературных языков с разговорными диалектами. Обе эти особенности тесно связаны между собой.

Разрозненность серболужицкого населения и перемешанность его с немецким постоянно приводили к возникновению таких языковых черт, которые были территориально ограничены, результатом чего явилась чрезвычайная диалектная дробность на очень небольшой территории. Многие такие черты были ограничены не только территориально, но не прививаясь во всей серболужицкой области, они оставались случайными и исчезали, просуществовав очень недолго.

Значительная часть таких черт была результатом влияния немецких диалектов, окружавших и даже пронизывавших диалекты серболужицкого языка. И хотя при таком положении смешение форм разных языков само становилось новой формой¹, т. е. приобретало устойчивость, постоянно возникающие в течение продолжительного времени новые смешения приводили к тому, что наряду с устоявшимися элементами в любой период истории серболужицких диалектов в них можно найти массу элементов случайных и неустойчивых. К 30-м годам XX в. вышли из употребления многие заимствованные из немецкого языка слова, отмеченные в словаре Пфуля (1866), а в различных серболужицких

¹ Л. В. Щерба. Преподавание иностранных языков в средней школе. М., Изд-во Акад. пед. наук, 1947, стр. 55.

текстах встречается среди заимствований множество слов, не употребительных в современных диалектах².

Начало серболужицкой письменности, если судить, по крайней мере, по первым ее памятникам, относится к XVI в. Несмотря на то, что в последующие века количество памятников постепенно возрастает, вплоть до XIX в. они почти все относятся к церковной литературе³, т. е. не отличаются жанровым разнообразием. Как правило, они невелики и по объему.

Поэтому когда в XIX в., особенно во второй его половине, относительно интенсивное развитие письменности потребовало выработки норм литературного языка, нормализаторы встретились с большими трудностями. Они не могли опираться на традиции существовавшей до этого серболужицкой письменности, так как таких традиций либо попросту не было, либо они были очень слабы. Обращаясь к народному языку, создатели серболужицких литературных языков также испытывали трудности. Смешение народного языка с немецким, о котором говорилось выше, требовало выделения из народной речи элементов, действительно соответствующих по духу серболужицкому языку, а не представляющих чужеродных наслоений.

Понятие „народный язык“ применительно к серболужицкому языку вообще отличается иным содержанием, чем обычно. Если, например, в худшие для чешского языка годы, когда в городах господствовал немецкий язык, в деревнях крестьянство все же оставалось носителем национального языка, то в серболужицкой области и для сельского населения характерна „испорченность“ языка немецким влиянием, следствием чего явилась разнородность языка, наличие множества неустойчивых элементов, разноязычных по своему происхождению. Отсюда применение термина „национально-сознательный лужичанин“ к лицу, чисто говорящему по-лужицки, чувствующему характерные черты родного языка и воспринимающему обилие немецких элементов в речи большинства говорящих по-лужицки как вульгаризацию национального языка.

Таким образом, опираясь на народный язык, серболужицкий литературный язык опирался тем самым на нечто гораздо более неопределенное и расплывчатое, чем другие литературные языки, основанные на диалекте.

Несмотря на значительный рост серболужицкой литературы, особенно в конце XIX и в XX вв., несмотря на расширение сферы применения литературного языка, литература эта в количественном отношении не может идти ни в какое сравнение, например, с чешской или польской. Этот факт вместе с теми особенностями, которые отмечены выше, привел к тому, что литературный серболужицкий язык отличается слабой нормативностью. Такое положение, особенно по отношению к языку науки, сохранилось до сих пор⁴.

Важно учитывать одно интересное противоречие, выразившееся в наиболее сильной степени в развитии литературного языка именно у лужичан. С одной стороны, закономерности развития художественной литературы, появление художественных произведений крупных жанров, развитие журнального дела, появление научной литературы (носившей, в основном, научно-популярный характер) — все эти факты не могли не

² Н. Н. Bielfeldt. Die deutschen Lehnwörter im Obersorbischen. Leipzig, 1933, стр. XII—XIII.

³ А. Frinta. Lužičti Srbové a jejich písemnictví. Praha, 1955, стр. 46 и 171.

⁴ См. предисловие к словарю Якубаша — F. Jakubaš. Hornjoserbsko-němski słownik. Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. Budyšin — Bautzen, 1954.

вызвать языкотворческих процессов, различных новообразований в самом широком смысле слова, а не только в отношении лексики. И авторы, писавшие на серболужицком языке, вносили в литературный язык черты родных им диалектов, а также создавали совершенно новые элементы, в соответствии с известными им закономерностями серболужицкого языка. С другой стороны, этот дух новаторства был ограничен строгими рамками, определяемыми вполне сознательным отношением сторонников национальной самобытности серболужицкого языка к той цели, за которую они боролись. Всякий, кто писал по-лужицки, стремился обращаться к народу, а поэтому стремился и в новообразованиях быть понятным народу. Этим объясняется особая забота лужицких писателей о том, чтобы даже используемые ими новшества не противоречили органическим особенностям родного языка или, по крайней мере, других славянских языков, родственных серболужицкому (здесь в первую очередь нужно назвать чешский язык как язык народа, с которым у лужичан издавна существовали особенно тесные культурные связи). И если какие-либо языковые черты, возникшие под влиянием немецкого языка, противоречили языку лужичан с точки зрения деятелей серболужицкой культуры, последние выступали против них.

Разумеется, в истории литературного серболужицкого языка были нововведения, которые потом признавались неудачными. Сюда относятся, например, многочисленные глагольные формы типа *daleć* и *dalować* при *dalić*, приведенные в словаре Пфуля и представляющие лишь созданные автором словаря формы, которые были устранены в словаре Краля⁵. Неправильное отношение к новообразованиям отражено также в замечании редакции журнала „Часопис Матицы Сербской“, предпосланном словам с суффиксом *-el*, собранным Радысербом-Велой, о том, что большую часть образований автор слышал из уст народа, а часть создал сам в духе народного языка⁶.

Совсем немного среди новообразований литературного языка таких, которые возникли под влиянием немецкого языка и не соответствуют общеславянским особенностям серболужицких диалектов, например ослабление исконных видо-временных отношений, против которого выступали нормализаторы серболужицкого литературного языка (см. ниже, стр. 156).

В результате действия всех этих факторов создалось такое положение, что литературный серболужицкий язык представляет систему хотя и неустойчивую, но отличающуюся, сравнительно с диалектами, меньшим количеством черт, чуждых славянским особенностям серболужицких диалектов.

Все сказанное относится к серболужицкому языку в целом. Если же противопоставлять верхнелужицкий язык нижнелужицкому, отмеченные выше особенности проявляются в нижнелужицком языке сильнее, чем в верхнелужицком, потому что нижнелужицкий язык подвергся более сильному влиянию немецкого, а нижнелужицкая литература менее развита.

Перечисленные особенности серболужицкого языка в сочетании с относительно небольшим количеством текстов обусловили цель настоящей работы, заключающуюся в том, чтобы выявить наиболее общие

⁵ См. рецензию Бильфельдта на словарь Краля (ZfslPh, Bd. 7, 1930, № 1—2, стр. 276)

⁶ J. Radyserb-Wjela. Naše substantiva z wukóncom *-el*. —ČMS, 1907, стр. 90.

особенности категории имен существительных действующего лица в серболужицком языке. Главное внимание обращается при этом на те особенности, которые отличают серболужицкий язык от других западнославянских языков и позволяют сделать некоторые замечания, имеющие значение для сравнительной грамматики западнославянских языков.

Серболужицкий язык использован в работе в следующих границах (см. также ниже, стр. 205—206). В основу положен верхнелужицкий литературный язык в том виде, как он отражен в произведениях художественной литературы различных писателей второй половины XIX—XX вв., включая произведения современных авторов. Использован материал журнала „Часопис Матицы Сербской“ (за редкими исключениями, все номера за 1848—1855, 1859—1902 и 1931—1933 гг.). Язык этого журнала важен потому, что в нем, наряду с произведениями художественной литературы, помещалось много статей научного и научно-популярного характера, а также различных корреспонденций и информационных сообщений, т. е. текстов, разнообразных в стилистическом отношении⁷. Кроме того, журнал имеет большие заслуги в выработке норм литературного языка.

Диалектный материал затронут лишь в той мере, в какой он отражен в сборнике народных песен Смолера и Гаупта и в сборниках пословиц и образных выражений Радысерба-Велы. Кое-что из диалектных фактов можно было почерпнуть в „Часописе Матицы Сербской“ и в исследовании Шнеевайса, посвященном народным обычаям лужичан.

То, что работа опирается на литературные тексты, а не только на словари, дает возможность более точно определять значение изучаемых образований и, главное, частоту употребления, что особенно важно для такого языка, как серболужицкий. В связи с важностью определения частоты употребления, в работе приводятся все примеры, встретившиеся в использованной литературе, даже если они однородны. Последние не дают полностью лишь в тех случаях, когда факт широкого употребления данного образования ясен.

Из верхнелужицких больших словарей за основу взята лексика новейшего словаря Якубаша. Примерами, взятыми из этого словаря, дополнен материал, почерпнутый из литературы. В тех случаях, когда речь идет о явлении мало продуктивном, примеры словаря использованы целиком. Словари Пфуля и Краля⁸ использованы для проверки многих фактов. Закономерности, вскрытые в таких пределах, вполне достаточны для решения задачи, поставленной в работе.

Материал нижнелужицкого языка взят только из словаря Муки⁹, в котором собрана лексика почти всей нижнелужицкой литературы¹⁰. Так как нижнелужицкие тексты не использованы, данные нижнелужицкого языка приводятся лишь для сравнения и, как правило, только в случаях соответствий. Подход к словарю Муки тот же, что и к словарю Якубаша.

Факты, относящиеся к истории языка, вскрываются исключительно на основании сравнения с историей аналогичных фактов в других

⁷ М. И. Семиряга ошибочно пишет, что „журнал печатал статьи исключительно научно-исследовательского характера“ (М. И. Семиряга. Лужичане. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 169).

⁸ P f u h l. Zužiski-serbski slownik. Budyšin, 1866; J. K r a l. Serbsko-němski slownik hornjołužiskeje řeče. Budyšin, 1931.

⁹ Е. М у к а. Słownik dołnoserbskeje řeču, т. I. Пр., 1921; т. II—III. Praha, 1928.

¹⁰ См. рецензию Швель на словарь Муки (ZfslPh, Bd. 6, № 1—2, 1929, стр. 273—279).

западнославянских языках. Два сохранившихся небольших текста XVI в.¹¹ не смогли дать ничего для решения затронутых вопросов.

Сведения, касающиеся других западнославянских языков, берутся из специальных исследований, посвященных словообразованию, а также из общих трудов грамматического характера.

* * *

К категории имен действующего лица принято относить не только отглагольные, но и отыменные образования, производные от имен существительных, имеющих значение действия. Такие имена существительные сходны с инфинитивом в том смысле, что они, как и инфинитив, выражают действие абстрактно. Благодаря различным корневым гласным, выступавшим в родственных глагольных и именных корнях, для некоторых имен действующего лица, существовавших в праславянском языке, можно с несомненностью установить их отглагольное или отыменное происхождение. Но в других случаях гласные глагольных и именных корней совпадают с очень давних времен. Благодаря процессам аналогии в истории отдельных славянских языков этих совпадений становится все больше. В связи с этим, если производящая основа выступает в имени действующего лица без инфинитивного показателя, что обычно для образований с суффиксами на гласный, требующими предшествующего согласного, при совпадении корневых гласных глагольного и именного корня невозможно решить, является имя действующего лица отыменным или отглагольным производным.

В этой работе в сомнительных случаях имена действующего лица рассматриваются как отглагольные производные. Для серболужицкого языка вопрос о том, является ли, например, имя действующего лица *dohladar* 'наблюдатель' производным от *dohladač* 'наблюдать' или *dohlad* 'наблюдение', решить трудно. То же можно сказать применительно к польскому языку, и ученые, занимающиеся польским словообразованием, уделяют этому вопросу мало внимания. По-другому обстоит дело в чешском языке, где частично вследствие сохранения старых, частично вследствие возникновения новых долготно-краткостных отношений и связанных с ними фонетических изменений гласных не только корней, но и приставок, имена действующего лица довольно четко разделяются на две группы: производные от глаголов и производные от имен действия. Отглагольное или отыменное происхождение имен действующего лица можно установить на материале чешского языка в гораздо большем количестве случаев, чем на материале серболужицкого или польского языков¹².

Несмотря на нечеткость границ самого понятия „имя действующего лица“ (строго говоря, это понятие должно включать отглагольные производные, обозначающие лицо, производящее действие, — без каких-либо дополнительных оттенков в значении), можно указать на два объективных критерия, помогающих отнести то или иное образование к категории имен действующего лица.

¹¹ A. Leskien. Das sorbische Testament von 1548. — AfsI Ph, Bd. I, Heft II, стр. 161—249; K. H. Meyer. Der oberwendische (obersorbische) Katechismus des Warichius (1597). «Slavische Forschungen», Heft 1. Leipzig, 1923.

¹² Некоторые примеры установления старой связи производных с именными или глагольными основами на материале чешского языка см. в работе: Л. А. Булаховский. Отношения глагольных и именных образований в чешском языке. «Науковні записки». Київський державний університет ім. Т. Г. Шевченка, т. X, вып. III, 1951, стр. 47—68.

1) Производное имя существительное предполагает однократное совершение действия. При многократном действии часто появляется возможность сближения отглагольного имени существительного с другими словообразовательными категориями и даже полного перехода в них. Если действие может служить характеристикой какой-либо профессии, совершается в определенных, ограниченных условиях, направлено на определенный объект¹³ и при этом совершается лицом постоянно, отглагольное имя существительное, имеющее значение лица, сближается с категорией имен, обозначающих представителей профессии. Если действие, выраженное производящим глаголом, постоянно и может служить характеристикой поведения человека, отглагольное имя существительное со значением лица сближается с категорией имен, обозначающих лицо по качеству¹⁴ и т. д. Сказанное, разумеется, не означает, что производные имена существительные, указывающие на лицо, для которого характерно действие неоднократное, не относятся к категории имен действующего лица. Наоборот, большинство имен действующего лица предполагает как раз многократное действие. Этот факт показывает, насколько ограничен первый критерий.

2) Сохранение глагольного управления при отглагольном имени существительном. Это управление сохраняется либо без всяких изменений (*herc na tarakawu* 'музыкант, играющий на таракаве', ср. *hrać na tarakawu* 'играть на таракаве'), либо с изменениями, носящими регулярный и закономерный характер (например, родительный падеж при отглагольном имени существительном вместо винительного падежа прямого дополнения при производящем глаголе: *škitać kulturu* 'защищать культуру'—*škitar kultury* 'защитник культуры'). В связи с тем, что контекст не всегда дает употребление с управлением, этот критерий также имеет ограниченный характер.

Важность подачи примеров в контексте определяется тем, что только контекст может показать наличие указанных критериев. Примеры, использованные в этой работе, обычно располагаются в таком порядке, что на первом месте приводятся те, которые представляют имена действующего лица в узком смысле слова, а затем уже примеры, которые можно охарактеризовать, как имена действующего лица в широком смысле слова, т. е. те отглагольные образования со значением лица, которые приобретают дополнительные оттенки значений, сближаясь с другими словообразовательными категориями.

* * *

Работа охватывает почти все суффиксы, используемые в серболужицком языке для образования имен действующего лица. Не рассматриваются лишь те суффиксы, которые характерны для единичных образований (например, *-k-a* в *točka* и *weřka*). Из суффиксов, имеющих важное значение для имен действующего лица, совершенно не затронут *-nik*. Этот суффикс представляет меньший интерес, если речь идет о выявлении специфических особенностей серболужицкого языка. По происхождению, имена на *-nik* представляют либо производные от имен существительных, либо производные от имен прилагательных на *-ny* (в последнем

¹³ М. М. Покровский. Несколько вопросов из области семасиологии. «Филологическое обозрение», XII, 1, стр. 81—82.

¹⁴ М. Dokulil. Některé typy názvů osob podle činnosti v českém jazyce (Činitelská jména tvořená příponami se základním -c-, -š). „Naše řeč“, 1956, № 3—4, стр. 60.

случае суффиксом правильнее считать *-ik*). Значение имени действующего лица для образований на *-nik* вторично и объясняется частым изменением словообразовательной структуры слова в тех случаях, когда производящее имя существительное или имя прилагательное тесно связаны с действием. Подобные факты нередки и в других западнославянских языках и представляют обычно результат самостоятельных изменений в каждом из этих языков.

Имена действующего лица женского рода использованы очень незначительно: только для суффиксов *-ar* и *-čel*, поскольку в этих случаях производные женского рода образуются от имен действующего лица мужского рода наиболее простым путем (присоединением суффикса *-k-a*), а существование имени действующего лица женского рода в наиболее сильной степени предполагает наличие соответствующего образования мужского рода.

Значительное внимание уделено противопоставлению имен существительных, образованных разными суффиксами от одной основы. Только в таком противопоставлении наиболее ярко вскрывается значение суффикса.

В работе почти нет ссылок на специальную литературу по серболужицкому словообразованию, так как литература эта ограничена лишь несколькими статьями, дающими обычно простой перечень примеров¹⁵.

В приведенных в работе примерах орфография источников сохраняется без изменений.

СУФФИКС *-AR* 16

Удельный вес суффикса *-ar* в производных именах существительных очень велик.

В отыменных образованиях основное ядро составляют слова, обозначающие лицо по ремеслу, профессии, занятию: *blidar* 'столяр' (*blido* 'стол'), н.-луж. *blidař, blido; haptýkar* 'аптекарь' (*haptýka* 'аптека'), н.-луж. *aptejkař, aptejka; hornčar* 'гончар' (*hornc* 'горшок'), н.-луж. *gjarncar, gjarnc; murjer* 'каменщик' (*murja* 'стена'), н.-луж. *muřar, muřa; rybar* 'рыбак' (*ryba*), н.-луж. *rybař, ryba; wuhler* 'угольщик' (*wuhlo*), н.-луж. *huglař, hugel; zamkar* 'слесарь' (*zamk* 'замок'), н.-луж. *zamkař, zamk; holbjer* 'кто разводит голубей' (*holb*, род. п. *holbja*), н.-луж. *gotubjař, gotub; čelar* 'кто пасет телят' (*čelo* 'теленки'), н.-луж. *šeletař, šele*, мн. ч. *šeleta; husar* 'кто пасет гусей' (*huso*), н.-луж. *gusař, gus; kozar* 'кто держит или пасет коз' (*koza*), н.-луж. *kózař, kóza; kónjer* 'кто разводит лошадей', 'торговец лошадьми' (*kónj*), н.-луж. *kónjař, kónj; kruwar* 'работник, ухаживающий за коровами', 'пастух' (*kruwa*), н.-луж. *krowař, krowa; swinjer* 'кто пасет свиней' (*swinjo*); н.-луж. *swiñař, swiña; wowčer* 'овчар' (*wowca* 'овца'), н.-луж. *wojcař, wojca; mlokar* 'ведущий молочное хозяйство' (*mloko*), н.-луж. *mlokař, mloko; pčolar* 'пчеловод' (*pčola*), н.-луж. *colkař, colka; trawar* 'косец', 'кто жнет траву' (*trawa*), н.-луж. *tšawař, tšawa; rowar* 'могильщик' (*row* 'могила'), н.-луж. *rowař, row; zelar* 'знахарь' (*zele* 'зелье', 'травы'),

¹⁵ J. Wja c s ł a w k. Serbska bibliografija. Berlin, 1952, стр. 139—140.

¹⁶ В верхнелужицком языке после мягких согласных выступает фонетический вариант суффикса: *-er*, в связи с переходом *a > e* между мягкими согласными в верхнелужицком языке (К. Е. Mucke. Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen Sprache. . . Leipzig, 1891, стр. 36). Согласный *r* суффикса раньше был мягким. До сих пор мягкость *r* сохранилась в косвенных падежах (*pjekarja*). В именительном падеже единственного числа *r* давно отвердел, но мягкость его обозначалась вплоть до введения с 1 января 1949 г. новых правил орфографии.

н.-луж. *zelař, zelo; bubnar* 'барабанщик' (*bubon* 'барабан'), н.-луж. *bubnař, bubon; husler* 'скрипач' (*husla*, чаще *husle* 'скрипка'), н.-луж. *guslař, gusle; knihar* 'переплетчик', 'книготорговец', 'заведующий библиотекой' (*kniha*), н.-луж. *knigtař, knigty* (имеет только форму мн. ч.); *basničkar* ('рассказчик сказок', 'сочинитель' (*basnička* 'сказка', 'басня'), н.-луж. *basnickař, basnicka; hwězdar* 'астроном', 'астролог' (*hwězda*), н.-луж. *gwězdař, gwězda; powinar* 'журналист' (*powiny* 'газета'), н.-луж. *powinař, powiny* и т. д.

Семантически словам, обозначающим лицо по профессии, близки те образования, которые обозначают лицо по должности, положению: *farař* 'пастор', 'приходский священник' (*fara* 'приход'), н.-луж. *farař, fara; hospodar* 'хозяин, глава семьи' (ср. *hosпода*, употребляющееся иногда в значении 'хозяйство'), н.-луж. *góspodař, góspoda; chěžer* 'домовладелец' (*chěžq* 'дом'); *mócnar* 'властитель', 'монарх' (от прилаг. *mócnu* 'сильный', 'могущественный'), н.-луж. *mócnar, mócnu; wuměňkar* 'крестьянин, отдавший имущество детям' (*wuměňk* 'домик, выделенный старому крестьянину'), н.-луж. *umjenkař, umjenk*.

Функции суффикса *-ar* в производных от имен существительных словах не ограничиваются обозначением лица по профессии или должности. Часто он выражает и другие отношения, характеризующиеся большим разнообразием: *awtar* 'едущий на автомобиле' (*awto*); *husličkar* 'музыкант, играющий на малой скрипке' (*huslički* 'малая скрипка'); *křižer* 'кто несет крест в праздничной процессии' (*křiž* 'крест'); *kolesar* 'велосипедист' (*koleso* 'велосипед'); *pěškar* 'путешествующий пешком' (*pěšk* 'пешеход'); *krušwar* 'любитель груш' (*krušwa* 'груша'); *mamkar* ласк. 'сыночек' (*mamka* 'мамочка'); *mudrostar* 'умный, ученый человек' (*mudrost*); *powotar* 'новатор' (*powota* 'новость', 'новизна'); *protykar* 'фантазер' (ср. выражение *protyki dzětać* 'строить воздушные замки'); *přisłodnikar* 'льстец', 'клеветник' (*přisłodnik* то же); *pychar* 'гордец', 'высокомерный человек' (*pycha* 'высокомерие'); *škleňkar* 'пьяница' (*škleňčka* 'стаканчик'); *wašničkar* 'своевольный, капризный человек' (*wašničko* 'каприз'); *winkar* 'пьяница' (*winko* 'вино'); *wudmar* 'насмешник', 'кто любит давать прозвища' (*wudmo* 'прозвище') и т. д. Н.-луж. *doprědkař* 'передовой человек' (*doprědk* 'прогресс'); *fryjař* 'жених' (*fryja* 'свадьба'); *swažbař* 'свадебный гость' (*swažba* 'свадьба') и т. д.

Значения многих приведенных слов могут подсказать приблизительную хронологию их возникновения. Эти примеры неоднородны по времени образования. Наряду с обозначением понятий, известных народу с давних времен, здесь есть и слова, которые могли возникнуть лишь в значительно более позднее время, на определенной ступени культурного развития. Сотни подобных примеров, приводимых в любом большом словаре, свидетельствуют о длительной и устойчивой продуктивности суффикса *-ar* в отыменных образованиях в истории серболужицкого языка. О живой продуктивности этого суффикса говорит также колебание между твердым и мягким *r* в некоторых словах на *-ar* и вытеснение суффиксом *-tar* суффикса *-tor* и суффиксом *-ar* суффикса *-or* в иноязычных заимствованиях (производность слова здесь часто не ощущается): *inspektor* у Якубаша и ... *inspektor* ryčerskeje akademije ... (ČMS, 1851—1852, 77), ... *inspektor* jeneho wustawa... (JP₃₅); *rektor* у Якубаша и *rektor* (ČMS, 1853—54, 63), но и ... *subrectora* ... (ČMS, 1862, 45); *profesor* у Якубаша и ... *professor* w Draždžanach ... (ČMS, 1848, 192); ... *professorja* Mädlerja ... (ČMS, 1859, 17); ... *professorjow* a wučerjow ...

(ČMS, 1851—1852, 57), но и... *professor* na staroměstskim gymnasiu... (ČMS, 1859, 48); н.-луж. *direktař* в словаре Муки.

Объем значений суффикса *-ar* настолько широк, что в нижнелужицком он чрезвычайно продуктивен в образованиях, обозначающих лицо по национальности и происхождению из какой-либо местности, города, деревни и т. д.¹⁷, т. е. в той группе слов, для которой в славянских языках обычно характерны специфические суффиксы: *Afrikan* и *Afrikanař* (*Afrika*); *Amerikan* и *Amerikanař* (*Amerika*); *Łužycan* и *Łužycar* (*Łužyca*); *Francozař* от более старого *Francoza* 'француз'; *Awstrijař* (*Awstrija*); *Žylowař*, *Łutowař*, *Komorowař*, *Bórkowař*, *Husokař*, от названий деревень *Žylow*, *Łutow*, *Komorow*, *Bórkowy*, *Husoka*; *Błotař* 'житель Лужицких болот' (*Błota*). В верхнелужицком языке суффикс *-ar* в таких случаях не употребителен (ср. *Łužičan* от *Łužica*; *Budyšan* от *Budyšin*; *Pražan* от *Praha*, *Radworjan* или *Radworčan* от *Radwor*; *Kamjenčan* от *Kamjenc*; *Chróščan* от *Chróšćicy*).

Суффикс *-ar* широко присоединяется в серболужицком языке к глагольным основам. Начальный гласный элемент суффикса требует, чтобы производящая основа оканчивалась согласным звуком. Так как большинство производных образовано от основы инфинитива, она выступает в усеченном виде, без гласного инфинитивного показателя. Такая усеченная основа, как правило, совпадает в бесприставочных глаголах с глагольным корнем. Поэтому многие отглагольные производные с суффиксом *-ar* могут считаться произведенными от глагольных корней.

В сомнительных случаях, когда глагольный корень совпадает с основой родственного существительного, мягкость конечного согласного производящей основы обычно является показателем производности от глагола, так как для серболужицкого языка не характерно смягчение согласного перед суффиксом *-ar*, явление, часто встречающееся в других западнославянских языках¹⁸ (см. ниже, стр. 172). Поэтому, например, *trubar* следует считать производным от *truba*, а *trubjer* — от *trubić*; *knotar* нужно связывать с существительным *knot*, а *knoćer* — с производным от существительного глаголом *knoćić*; *krjudžer* и *swědžer* являются производными от глаголов *krjudžić* и *swědžić*, а не от существительных *krjud* и *swědk*.

Независимость подобных образований от грамматической характеристики производящего глагола (от глагольного класса, особенностей инфинитива или основы настоящего времени, глагольного вида, и т. д.) иллюстрируется примерами, приведенными ниже (стр. 136—169).

1) Образования от глаголов I класса [инф. *-c*, *-ć*, наст. вр. *-u*; н.-луж. соответствия — *-c*, *-ć*, *-ś*; *-u* (*-om*)].

1. *pjes*, *pjeku* 'печь' — *pjekar* 'пекарь'; н.-луж. *pjas*, *pjaku* и *pjacom* — *pjakař*.

... *piwařc* a *pjekař*... (W₄₉); *Pjekař* džěše ze žonu... (W₁₆); *Měc* nuzne kaž *pjekař* před róčnym časom (MH₇₆); *Zpjekarjom* jěsć (MH₅₂).

¹⁷ В. Šwela. Grammatik der niedersorbischen Sprache. Bautzen, 1952, стр. 81.

¹⁸ Смягчение в широко распространенных *wowčer* (*wowca*) и *hornčer* (*hornc*) — долуужицкого происхождения (см. А. Meillet. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, II partie. Paris, 1905, стр. 213). Нижнелужицкие соответствия *wojcař* *gjarncar* — формы более новые, с вторичным *c* (см. К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 159—160).

2. *teptać, tepcu* (иногда *teptam* — по V классу) 'топтать' 'мять ногами' — *měchiteptar* 'кто раздувает меха'.

Měchiteptař (W₇₉).

3. *napisać* (сов.), *napišu* (или по V кл. *napisam*) 'написать', 'подписать' — *napisar* 'кто написал, подписывает'; н.-луж. *napisaś, napišu* или *napišom* — *napisař*.

Примеры см. ниже, на стр. 151.

4. *pokazać* (сов.), *rokažu* (или *pokazam*) 'показать', 'указать' — *pokazar* 'указатель'.

Пример ниже, на стр. 169.

5. *thać, tžu* 'лгать' — *thar* 'лгун'; н.-луж. *tdgaś, tdžu* — *tdgař*.

Łharjej wěry njeje... (Př₆₇); *Łharjej so jazyk zajětři* (Př₆₇); *Łhař krydnje bolacu plampu* (Př₂₈₂); *Žadyn thař njeje wjertliwy dosć...* (Př₁₈₇); ...*thoř změje tajku plistu...* (ČMS, 1891, 45).

6. *mjesć, mjetu, mjećeš* 'мести', 'подметать' — *mjećer* 'кто подметает'; н.-луж. *mjasć, metu* и *mešom, mešoš* — *mješař*.

В дальнейшем производном женского рода: *Čiste kućiki mjećeřku khwala* (Př₁₄).

7. *plesć, pletu, plećeš* 'плести' — *plećer* 'кто плетет'; н.-луж. *plasc, pletu* и *plešom, plešoš* — *plešař*.

В сложном... *korbyplećeř...* (ČMS, 1886, 128) ('кто плетет корзины').

8. *wjesć, wjedu, wjedžeš* 'вести' — *wjedžer* 'предводитель'; н.-луж. *wjasć, wedu* и *wěžom, wěžoš* — *wježar*.

Пример ниже, на стр. 157.

9. *njesć, njesu, njesesh* 'нести' — *njeserka* (женск. р.). О значении см. ниже, стр. 157. Это единственный пример, где фонетический вариант суффикса *-er* выступает после твердого согласного. Возможно, здесь сказывается влияние других производных от глаголов на *-sc* (примеры 6—8). Ср. еще *přasc* 'прять' — *předžer* 'кто прядет', *klasć* 'класть' — *kartykladžer* 'кто раскладывает карты' и *jěsc* 'есть', спрягающийся особю, 3-е лицо мн. ч. *jědža* — *jědžer* 'едок', н.-луж. *jěsc* — *jěžar*.

10. *drěć, drěju* 'драть' — *drějer* 'кто дерет, выдирает'.

Hdyž běchu pjerjodrějerki wšo pjerjo dowudrěle... (BS₁₇).

11. *hrać, hraju* 'играть' — *hrajer* 'актер'; н.-луж. *graś, graju* — *grajař*.

...*hrajeř Narodneho Dźiwadła...* (ČMS, 1897, 153); ...*hrajerjej Narodneho Dźiwadła...* (ČMS, 1895, 160); *Hrajerjo a lud žadaju nowe kruchi...* (ČMS, 1898, 41); ...*hrajerjow Serbskeho ludoweho dźiwadła...* (BM₅₀); ...*režiser...* а *hrajer* (BM₁₅); *Před wjeselohru samej, kotrejež hrajerjo...* (ČMS, 1862, 65).

12. *kryć, kryju* 'крыть' — *kryjer* 'кровельщик'.

Wot kryjerja Kućki... (ČMS, 1888, 69).

В сложном (с тем же значением); *Třěchikryjerjej...* (ČMS, 1897, 158); ...*třěchikryjerjej Donatej...* (ČMS, 1902, 80); ...*na třěchikryjerja...* (ČMS, 1933, 86); ...*na třěchukryjerja...* (ČMS, 1931, 132 и ČMS, 1933, 86).

13. *překřić, překřiju* (сов.) 'переименовать' — *překřijer* 'кто переименовывает'.

...*fašistiskich překřijerjow...* (NS₁₁₈).

14. *leć, liju* 'лить' — *lijer* 'литейщик', 'кто отливает' (о металле); н.-луж. *laś, lěju* и *lějom* — *lejař*.

...w ciwilu *lijer* w Borsigowych twornjach... (JB₅₁); ...tón samy *lijer*, kiž je wony zwón... lał (ČMS, 1901, 39). Из словаря Якубаша можно добавить сложные: *rudulijer* 'кто плавит руду', *zwonolijer* 'кто льет колокол', *železolijer* 'литейщик'.

15. *myć*, *myju* 'мыть' — *myjerka* (только ж. р.) 'судомойка', вообще 'та, кто моет'.

...*myjerka* čisí... *sudobja*... (DW₆₉); ...tóčka a tež *myjerka*... (DW₇₂); ...*skazam sej myjerku*, zo by mi pomhała... *jstwy*... *wumyc* (DP₇₅).

В диалектной форме: *Škrjekawa je mójerka*... (SH, I, 257).

16. *syć*, *syju* 'сеять' — *syjer* 'сеятель'; н.-луж. *seś seju* и *sejom* — *sejař*. *Syjeř* drje syje... (Př₂₄₄); *Skupy syjeř* — *khudy žnějeř* (Př₂₂₁); *Jedyn je syjeř*, a *druhi je žněčk* (Př₄₉); *Šywy žohnuje syjeř*... (Př₁₃₄); *Kóždy syjeř*, *hdyž na zahon stupi*... (ČMS, 1901, 122); ...*syjeřka lenu*... (ČMS, 1902, 68).

17. *wěć*, *wěju* 'веять' — *wějer* 'веяльщик'; н.-луж. *wjaś*, *wěju* и *wějom* — *wějař*.

Wějeř ma *wětříkej do wočow hladać* (Př₁₅₅);

18. *znać*, *znaju* 'знать' — *znajer* 'знаток'.

Znajerjej swěta... (Přx); ...*znajer Čišinskeho*... (BW₁₆); ...*znajeř wšelakich jazykow*... (ČMS, 1889, 43); ...*znajeř delnołužiskeje ryče*... (ČMS, 1866, 414); ...z *hlubokim znajerjom*... *serbskeje ryče*... (ČMS, 1855, 18); ...*pola znajerjow*... *serbskołužiskeje literatury* (ČMS 1889, 43); ...*znajeř ptačiny* (ČMS, 1893, 22); ...*znajeř serbskeje literatury*... (ČMS, 1896, 54); ...*znajerjej serbskeho pismowstwa*... (ČMS, 1896, 60); ...*znajeř hebrejskeje řeče*... (DP₇₀); *Znajerjo městnych wobstejnoscow*... (ČMS, 1899, 82); ...*znajeř ludowych stawiznow*... (ČMS, 1900, 67); ...*znajeř*... *serbskeho a němskeho pismowstwa* (ČMS, 1900, 67); ...*znajerjow*... *domizny* (NS₂₄₄); ...*hlubokeho znajerja našeje řeče*... (ČMS, 1933, 10); ...*kuždy znajeř widzi*... (ČMS, 1898, 85); *Hudźbny znajeř*... (ČMS, 1887, 105). В сложных: *Rěčowznajeř*... (MH₃₀) ('знаток языков'). Якубаш приводит еще *ludžiznajer* 'знаток людей'.

Wuznać (сов.), *wuznaju* 'исповедовать' — *wuznajer* 'исповедующий', хотя в этом значении обычно образование от глагола другого класса (от *wuznawać*). Пример ниже, на стр. 159.

19. *žnjeć*, *žnjeju* 'жать' (траву) — *žnějeř* 'жнец'; н.-луж. *žněć*, *žněju* и *žnějom* — *žnějař*.

...*khudy žnějeř* (Př₂₂₁); ...*přińdže k žnějerjam*... (ČMS, 1891, 110); ...*žnějeř pak hižo tu dže*... (ČMS, 1931, 72).

В -j-, предшествующем суффиксу в образованиях от этой группы глаголов (т. е. от глаголов I класса с односложной основой инфинитива на гласный корня, примеры 10—19), следует видеть производность от основы настоящего времени, что подтверждается и корневым гласным в *lijer*, н.-луж. *lejař* при инфинитивах *leć*, н.-луж. *laś* и формах настоящего времени *liju*, н.-луж. *lěju* (см. прим. 14 на стр. 137). Глаголы подобного типа, различающиеся корневым гласным в основах инфинитива и настоящего времени, редки. Можно еще добавить *kleć*, *kliju* 'проклинать' — *klijer* 'проклинаящий'; н.-луж. возвр. *smjaś se*, *směju se* 'смеяться' — *smějař* 'насмешник'; н.-луж. *plaaś*, *plěju* и *plějom* 'плыть' — *plějař* 'пловец'. Производность от основы настоящего времени

подтверждается и другими образованиями от глаголов такого типа, приведенными в словарях Пфуля, Якубаша и Муки:

bic, biju 'бить' — *bijer* 'бьющий'; н.-луж. *biš* (иногда *bijaš*), *biju* — *bijař*, в сложном *postronkibijer* 'кто стегает постромками'; *čuc, čuju* 'пробовать', 'нюхать' — *čujer* 'пробующий', 'нюхающий'; *duc, duju* 'дуть' — *dujer* 'дующий'; *ruc, ruju* 'рыть' — *rujer* 'роющий'; н.-луж. *rys, ruju* и *rujom* — *rujař*. Ср. сложное *rowrujer* 'могильщик', приведенное Шнеевайсом¹⁹; *trěc, trěju* 'тереть' — *trějer* 'кто трет'; н.-луж. *piš, piju* и *pijom* 'пить' — *pijař* 'пьяница'; н.-луж. *šys, šuju* и *šujom* 'шить' — *šujař* 'шьющий'; н.-луж. *wótsceš, wótsceju* и *wótscejom* 'отрубить' — *wótscejař* 'палач'; н.-луж. *žrěš, žrěju* и *žrějom* 'пить', *žrějař* 'пьяница'.

Нижнелужицкие *młař* 'мельник' и *róznař* 'кто познает' — от *młaš, mleju* и *mlejom* 'молоть' и *róznaš, róznaju* и *róznajom* 'познать' помечены в словаре Муки как неправильные и ошибочные в отличие от *mlejař* и *róznajař*. Глагол *thać*, н.-луж. *tdgaš*, хотя и относится к I классу и имеет односложную основу на гласный, образует настоящее время по другому типу (так как гласный не входит в состав корня), а потому дает и производное с суффиксом *-ar* другого типа: *thar*, н.-луж. *tdgař* (см. пример 5 на стр. 137). Этим также доказывается производность разбираемых имен существительных от основы настоящего времени²⁰.

О причине отсутствия образований от глаголов II класса см. ниже, на стр. 159.

2) Образования от глаголов III класса [инф. на *-eć*, наст. вр. *-u-*, *-iš*; н.-луж. соответствия *-eš, -im (-ym), -iš (-yš)*].

1. *wobsedzeć* 'обладать', 'владеть' — *wobsedzer* 'обладатель', 'владелец'; н.-луж. *hobsejžeš — hobsejžař*.

...*wobsedzer* stroweho konja... (JB₁₈); ...*chce rad... husle měc a prosy... wobsedzerjow* tajkich... (ČMS, 1888, 97); ...*wobsedzer* palenca (BS₇₄); ...*wobsedzer* „Kraloweho mlyna“... (Př_{XII}); ...*wobsedzerja* kubla... (JB₃₃); ...*z wobsedzerjom* kubla... (JB₃₇); ...*wobsedzeř*... *ryčeřkubla*... (ČMS, 1894, 82); ...*wobsedzeř* wulkeho ... *wobsedzenstwa* (NW₇₅); ...*wobsedzerjow* statokow... (ČMS, 1896, 45); *Wobsedzeř* knježoho dwora... (DP₆); ...*wobsedzerjo* twornje (JB₅₃); ...*wobsedzer* někotrych twornjow... (BS₃₂); ...*wobsedzerjej* Towarnje... (ČMS, 1895, 165); ...*wobsedzer* sławneho... města Krakowa... (NS₂₀₈); ...*wobsedzeř* přewjele žada... (ČMS, 1895, 78); ...*němskich wobsedzerjow*... (ČMS, 1886, 86); ...*kajkosć wobsedzerjow*... (ČMS, 1895, 88).

Sobuwobsedzer — 'один из владельцев', 'совладелец'.

...*sobuwobsedzeř* fabriki... (DP₂₄).

2. *ředstejeć* 'возглавлять' — *ředstejer* (иногда *ředkstejer* или *prjódkstejer*) 'глава', 'староста'; н.-луж. *ředstojař (ředkstojař)*.

¹⁹ Edm. Schneeweis. Feste und Volksgebräuche der Sorben, vergleichend dargestellt. 2. Aufl., Berlin, 1953 (Veröffentlichungen des Instituts für Slavistik, № 3), стр. 67.

²⁰ Относительно происхождения поморских *daјoř* 'дающий' и *znajoř* 'знаток' Лорентц высказывает два предположения: либо в этих формах выступает вариант суффикса *-oř*, требующий смягчения предшествующего согласного и вызывающий появление *j*, либо перед нами производные от основ настоящего времени *daј-*, *znaj-* (F. Lorentz. Gramatyka pomorska, zeszyt 6. Poznań, 1936, стр. 731). Так как серболужицкий язык обнаруживает сходные черты с поморским в употреблении этого суффикса (см. ниже, стр. 170—171), а варианта суффикса, вызывающего неоправданное смягчение предшествующего согласного, в серболужицком языке нет (см. выше, стр. 135), второе предположение более вероятно.

...gmejnskeho *předstejerja*... (NW₂₂); ...za swojeho *předstejerja*... postaji (ČMS, 1848, 10); ...*předstejerjow* towařstwa... (CMS, 1848, 23); ...gmejnski *prědkstejer*... (ČMS, 1860, 56); ...gmejnski *prjódkstejer*... (ČMS, 1848, 190; ČMS, 1865, 358).

3. *widźec* 'видеть' — *widžer* 'провидец'; н.-луж. *wizeš* — *wizař*.

Widžerjo a *wěšcerjo*... (ČMS, 1890, 19);

Su to tak mjenowani *widžerjo* (ČMS, 1891, 7).

4. *ćišćec* 'печатать' — *ćišćer* 'печатник', 'печатающий', н.-луж. *šišćaš* — *šišćař*.

Jeho redaktorjo... jeho *ćišćerjo*... (ČMS, 1866, 374).

В сложном *knihićišćer* 'книгопечатник': *knihićišćer*... Kühn (JP₁₅)

5. *zdźeržec* (сов.) 'содержать' (в хорошем состоянии) — *zdźeržer* 'содержащий', 'сохраняющий'.

Образно (о солнце): *Džak, Zdźeržerjo, budź tebi!* ... *Džak, Zdźeržerjo, či wěčnje!* (HS₃₈).

Из словаря Якубаша можно добавить: *čerpjeć* 'терпеть', 'страдать' — *čerpjeř* 'кто терпит', 'страдаец', *mjelčeć* 'молчать' — *mjelčer* 'молчаливый человек' (н.-луж. *melcaš* — *melcař*); из словаря Краля: *zawidźec* 'завидовать' — *zawidžer* 'завистник' (н.-луж. *zawizeš* — *zawizař*).

3) Образования от глаголов IV класса [инф. на *-ić* (*-yć*), наст. вр. *-u*, *-iš*; н.-луж. соответствия *-is* (*-yś*), *-im*, (*-ym*), *-iš* (*-yś*)].

1. *bědźić* (у Пфуля возвратный: *bědźić so*) 'бороться' — *bědžer* 'борец', 'воин'.

... *Serbojo, trašni bědžerjo* (ČMS, 1931, 63); ... *khrobłosc bědžerjow* (ČMS, 1859, 74); ... *bědžerjow* za wuskutkowanje tuteje... *ideje*... (ČMS, 1898, 118); ... *w přenich rjadach... bědžerjow* (ČMS, 1898, 117); ... *na row dobreho bědžerja*... (ČMS, 1855, 52).

2. *brašćić* 'сватать', 'быть сватом' — *brašćer* 'сват'.

Na *brašćerja* někotryžkuli po kwasu klijje (Př₈₀).

3. *brojić* 'транжирить', 'тратить' (деньги или время) — *brojer* 'мот', 'растратчик'; н.-луж. *brojš* — *brojař*.

Brojer sebi samomu kradnje (Př₉); *Buchtować kaž bohaty brojer* (MH₆₆); По lichowniku *brojer* (Př₁₀₅); *Brojerjej* rucu zwjazac (MH₄₀); *Stó na račej wupuši jězdzi? Brojer* (W_{12,80}). В образном употреблении: *Njeroda — je brojerka* (Př₂₁₄).

4. *brodźić* 'бродить', 'слоняться' — *brodžer* 'слоняющийся'.

Brodžer — je njelepy wodžer (Př₁₉₃).

5. *bydlić* 'жить' — *bydler* 'житель'. В словаре Якубаша приведено только *bydlar*, в котором суффикс *-ar* объясняется близостью значения слова к той категории образований, которая обозначает лицо — жителя города, деревни и т. д. (см. выше, стр. 136); н.-луж. *bydliš* — *bydlař*.

В образном употреблении: *W stwičkach drobni bydlerjo*... (W₇₁); *Kóžda [khežka] haji bydlerja*... (W₇₁).

6. *budźić* 'будить', 'пробуждать' — *budžer* 'кто будит, пробуждает'. ... *najwjetšeho Serba, basnika a budžerja* (BW₁₇); ... *móžeše być z budžerjom njewustawajej wołacym a napromiacym*... (BW₂₃).

7. *česćić* 'почитать' — *česćer* 'почитатель'; н.-луж. *cesćiš* — *cesćař*.

... *česćer* božeho mjena... (ČMS, 1848, 18); ... *pokornu česćer*... (ČMS, 1898, 55). См. также стр. 166.

8. *čwělić* или *čwilić* 'мучить' — *čwěler* (*čwiler*) 'мучитель'; н.-луж. (у Якубицы) *cwiliš* — *cwilař*.

Образно: *Zle swědomje je... čwiler a drač* (Př₁₈₁).

9. *haćić* 'делать запруду', 'препятствовать' — *haćer* 'чинящий препятствие'.

To čas-*haćerjo* njech błazni wuknu... (BSP₅₅).

10. *hanić* 'ругать', 'поносить' — *hanjer* 'ругатель', 'оскорбитель'.
...přećiwo tym *hanjerjam* (JNS₃₁); ...*hanjerjej*... rozkoć... hłowu zaklatu (BN₆₇); *Hanjerjcy* šwaricu (hubu) najlěpje z mjedowej całtu zatykaš (Př₂₇₅).

11. *hidźić* 'ненавидеть' — *hidžer* 'ненавистник'.
...wulkeho *hidžerja* Słowjanstwa... (NS₂₂₁); ...*hidžerjo* běchu sej wumysleli... srědki, wuškodžec festiwalej (NS₂₂₅).

В сложном *ludźihidžer* 'человеконенавистник'.

12. *hromadźić* 'собирать' — *hromadžer* 'собиратель'.
...*hromadžer* tuteje wulkotneje ...zběrki (Př_{III}); ...zaslužbny *hromadžer* na tutym polu... (ČMS, 1933, 50); ...njeje tón *hromadžer* nimo nic dawał (W₇).

13. *knježić* 'господствовать, править' — *knježer* 'правитель'; н.-луж. *kněžys se* — *kněžar*.

...su ...swojim *knježerjam* wobstajnje swěrnny lud... (ČMS, 1848, 19); Frankojš su naši *knježerjo*... (JNS₁₃); ...we swojim chcemy *Knježerjo* być, njewólnicy nihdy! (JNS₄₈); ...jako *knježer* knježić... (JNS₅₆); Образно: Zuma je kralowa, *Knježerka* wulkotna... (ČMS, 1887, 68).
...*knježer* hór... (об орле) (BW₁₅₃).

14. *knoćić* 'подрывать', 'подстрекать' — *knoćer* 'подстрекатель'.
Knoćerjo... běchu sej wumysleli wšelake srědki, wuškodžec festiwalej (NS₂₂₅).

15. *krjudźić* 'бичевать' — *krjudžer* 'кто бичует', 'мучитель'. Пример ниже, на стр. 166.

16. *křiwdźić* 'обманывать', 'оскорблять' — *křiwdžer* 'обманщик', 'оскорбитель'.

Kwětki *křiwdžerjej* na row sadžec (MH₄₄).

17. *chwalić* 'хвалить' — *chwaler* 'хвалящий'; н.-луж. *chwalis* — *chwalar*
Пример см. ниже, на стр. 176.

18. *lěpić* 'лепить', 'клеить' — *lěpjer* 'кто лепит', 'каменщик'.
Lěpjer ma snano doma džerawe scěny (Př₇₀); Wopluskany, jako by z *lěpjerjom* mučenki teptał (MH₂₅); Zaplacany, kaž *lěpjer* (Př₂₆₇); Zabrudženy kaž *lěpjer* (MH₂₂); Złótnik wo złoće řeči a *lěpjer* wo hlinje (Př₃₁₂).
Образно: (łastojčka)...je *lěpjer* a murjer (W₃₃). В сложном: *pecyljeref*. 'печник' (SH, I, 44).

19. *lićić* 'считать' — *lićer* 'кто считает'.

Jako chyše *lićer* to...do listna připisać... (ČMS, 1886, 4).

20. *łojić* 'ловить' — *łojer* 'ловец'; н.-луж. *lojs* — *lojař*; пример ниже, на стр. 175.

21. *tućić* 'мутить' — *tućer* 'кто мутит'; н.-луж. *tušis* — *tušar*.

...politiscy *tućerjo* (ČMS, 1888, 50). В сложном *ludźimućer* 'подстрекатель'.

22. *myslić* 'мыслить' — *mysler* 'мыслитель'.

...je hłuboki *mysler*... (DS₁₇).

23. *nućić* 'принуждать' — *nućer* 'кто принуждает'.

Образно: Hłod je wustojny wučer a *nućer* (Př₃₉); Brjuch je surowy *nućer* (Př₉).

24. *pakosćić* 'делать гадости', 'воровать' — *pakosćer* 'воришка'.

...Šerachowskich *pakosćerjow* (ČMS, 1887, 69); ...zo by *pakosćerjam* domoj kadžił (WP₃₄).

25. *palić* 'жечь' — *paler* 'поджигатель'; н.-луж. *pališ* — *palař*.
Palerjowa rokuta (ČMS, 1894, 80).
26. *piplić* 'заниматься пустяками' — *pipler* 'занимающийся пустяками'.
 ...to su *piplerjo* (ČMS, 1862, 73).
27. *ptačić* 'платить' — *ptačer* 'плательщик'; н.-луж. *ptašiš* — *ptašař*.
Lóžki zajimař, ćežki ptačeř (Př₇₁); *Sy ptačeř, kaž čert wobradžeř* (ČMS, 1895, 135).
28. *ptodźić* 'создавать', 'чинить' — *ptodźer* 'создатель'.
 ...wěry *ptodžeř*... (BW₃₅₀); ...*ptodźerjo* tajkich *złoscow*... (ČMS, 1902, 69); ...*Na wšěch jeho ptodźerjow*... (ČMS, 1898, 46).
29. *radźić* 'советовать' — *radźer* 'кто советует'.
 ...wótcowscy *zmysleneho radźerja*... (ČMS, 1895, 151).
30. *rjedźić* 'чистить', 'наводить чистоту' — *rjedźer* 'очищающий', 'наводящий чистоту'.
 ...za *rjedźerja*... řečenja a pisanja... (ČMS, 1894, 71); ...rubriku z napisom «*rjedžeř* a *porjedžeř*» (ČMS, 1895, 153). В женском роде: *Ródna rjedžeřka rada ruče rano rjedži* (Př₁₁₉); ...*rjedžeřce hrodu*... (KR₉₈). Образно: *Ta pěkna ródna rjedžeřka* (о щетке) (W₂₁).
31. *robočić* 'работать на барщине' — *robočeř* 'кто плохо, вяло работает'.
Robočeř romałku přaha (Př₁₁₉); *Robočeř přeměnk, je-li so z robotu rózdrje* (Př₁₁₉).
32. *skiwlić* 'горевать', 'жаловаться', 'скорбеть' — *skiwler* 'нытик'.
Skiwlerjo maju za to, zo je Serbstwo... *morwe* (NS₈₆).
33. *slědźić* 'следить', 'узнавать', 'разведывать' — *slědźer* 'кто разведывает', также 'исследователь', н.-луж. *slěžiš* — *slěžař*.
 ...wupóslachu *slědźerjow*, zo bychu jeho přebytk *namakali* (DP₆₀); ...*lakomnych slědźerjow* za *dobrymi městnami*... (ČMS, 1933, 6); ...*wuznamneho slědźerja*... (ČMS, 1933, 76); *Wobaj wuznamnaj slědźerjej*... (ČMS, 1933, 16); ...*němskemu slědźerjej Schulenburgowej*... (NS₁₆₉).
34. *stražić* 'охранять' — *stražeř* 'охраняющий', 'сторож'.
 ...*stražeř Wojerowskeho muzejika*... (NS₄₅); ...*jandželow-stražeřjow*... (NS₂₈₁); *Kóždy stražeř so přez nóc zhubi*... (KSB₅₂); ...*pólny stražeř* (ČMS, 1893, 57).
35. *sudźić* 'судить', 'обсуждать' — *sudžeř* 'кто обсуждает'.
Lubi sudžeřjol (обращение к читателям) (W₁).
36. *swěčić* 'светить' — *swěčeř* 'кто светит'.
Wulki swěčeř (о мифическом существе) (ČMS, 1894, 83).
37. *swědčić* 'свидетельствовать' — *swědčeř* 'кто свидетельствует'.
 Образно: *Rozom, třělba to je swědčeř naš*... (BSP₅₉).
38. *sydlić* 'селиться' — *sydler* 'поселенец'.
 ...k *słowakskim sydlerjam*... (NS₁₇₀); ...*Wuslužency-sydlerjo*... (NS₇₆); ...*sydlerjow*, a to *němskich tkalcow* (NS₇₆); ...*němscy sydlerjo*... (ČMS, 1900, 77); ...*němskich sydlerjow*... (ČMS, 1900, 74); *Nowosydler* 'новосел': *Nowosydlerjo njechachu wostać nježenjeřcy*... (NS₇₆). В образном употреблении: ...*nowosydlerjo* w *našich hatach* — *ondatry* (NS₄); *Prasydler* 'древний обитатель': ...*prasydlerjo* a *něhduši knjezojo nad krajom*... (BM₄₁).
39. *šćepić* 'колоть' — *šćepjer* 'кто колет, раскалывает'.
 ...*wokoło budkow, pod kotrychž třěchami*... *šćepjerjo džěłachu*... (BM₃₅).

40. *škodzić* 'вредить', 'губить' — *škodzer* 'губитель'.
...wëry *škodzer*... (BW₃₅₀).
41. *točić* 'шлифовать' — *točer* 'шлифовальщик'.
...*točerjej* w skleńčerni... (BM₄₆). У Якубаша еще сложные: *drjewo-točer*, *kamjenjetočer*, *rohotočer* и *skleńcutočer* 'резчик по дереву', 'резчик по камню', 'резчик по рогу' и 'шлифовальщик стекла'.
42. *tołmačić* 'переводить' — *tołmačer* 'переводчик'.
...*tołmačer* 136. khërluša... (ČMS, 1859, 9); ...*prédowanja* z pomocu *tołmačerja*... (ČMS, 1888, 37); ...*wot tołmačeri* wobdawany (ČMS, 1888, 37).
43. *trapić* 'мучить' — *trapjer* 'мучитель'.
Trapjerjej rohi pokazać (MH₄₂). Образно: *Khudoba* je *trapjerka* (Př₆₈).
44. *trubić* 'трубить' — *trubjer* 'трубач'; н.-луж. *tšubiš* — *tšubjař*.
...*pósła sakski nawjednik* ...*trubjerja*... (WH₃₀); ...*wotpósła trubjerja* z prózdny (WH₃₀); ...*sakski trubjer*... (WH₆₂).
45. *twaric* 'строить' — *twarjer* 'строитель'; н.-луж. *twaris* — *twařař*; в сложном *husletwarjer* 'скрипичный мастер'.
...*sławneho husletwarjerja*... (ČMS, 1888, (96)).
46. *wěšćic* 'предсказывать', 'пророчествовать' — *wěšćer* 'предсказатель', 'пророк'; н.-луж. *wěšćis* — *wěšćař*.
Wěšćer sam swojeho wosuda njewě (Př₃₀₅); ...je to wšo někajki *wěšćer* předprajił (ČMS, 1891, 57); ...za *wěšćerja* rjanoscow našeje domizny... (NS_{XIII}); ...z *wěšćerjom* swojeho naroda... (BW₁₈); ...*basnika*, *wjednika* a *wěšćerja*... (BW₂₄). В женском роде: *Do émy so měřiš*, *hdyž wěšćerkam wěřiš* (Př₁₉₅); *Wěšćerka* kaž *Sibylla* (MH₃₁); *Stara wěšćerka* zastupi... (BN₄₃); ...*wěšćerki* wěšćachu...*njezbožo*... (DS₃); ...*wjerčachu* so *jazyki wěšćerkow*... (DS₆₃); ...*wěšćerka* přichodneho *njezboža* (KSB₇). В образном употреблении: *Nahły dešćik* do wëncu — *wěšćer wulkoh* 'богатства' (Př₂₁₂); *Zymskich mrózow wěšćerka*.
Hišće kćeje asterka (BW₉₇); *Zuma* je *wěšćerka*... *wěšćerka* *Zas* přichodnoh' žiwjenja (ČMS, 1887, 68).
- У Якубаша приведены сложные *wjedrowěšćer* 'пророк, предсказывающий погоду' и *złowěšćer* 'предсказывающий зло'.
47. *wučic* 'учить' — *wučer* 'учитель'; н.-луж. *hucys* — *hucar*.
...je wony *krawc* *wjele krućiši wučer* był hać *tutón wučeny wučer* (ČMS, 1896, 73); ...*wučer* serbskeho luda... (KŠ₄₂); ...*wučer* tehdyšeje *Serbowki* (NW₇); ...*Otto* se sebi...*spokojnosć wučerjow* *wudobył*... (AL₁₃); ...*wučobnik* a *wučer*... (BM₉); ...*uniwersityny wučer*... (ČMS, 1901, 73); *wučerjo* a *studenći* (DP₁)... *jeho wučer* *Čelakowský*... (SH, введение); ...*jeho wučer* *Pjech* (ČMS, 1848, 7). В женском роде: *Najlěpša wučerka* *mać*... (BW₁₂₃). В сложном *džěćiwučer* 'учитель детей': ...*tež džěćiwučerjo*, *stařši* kaž *młódsi*... (ČMS, 1848, 22). В сочетании, близком к сложному слову: *pisma wučer* 'обучающий грамоте': ...*prédarjow*, *pisma wučerjow*... (ČMS, 1860, 9). В образном употреблении: *Hłod* je *wustojny wučer* a *nućer* (Př₃₉); *Skoda* je *droha wučerka* (Př₃₀₀); *Nuza* je *kruta wučerka* (Př₉₅).
48. *wudzić* 'удить' — *wudzer* 'удильщик'; н.-луж. *hužis* — *hužar*. *Wućeže* nětk *wudžer* *wudu*... (ČMS, 1894, 121); ...*Kulowscy wudzerjo*... (ČMS, 1894, 121); ...*wobaj wudzerjej* *wučahnyštaj čwački* (BW₆₁).
49. *želic* 'оплакивать' — *želer* 'оплакивающий'.
Образно: *Łužica* kaž *asterka*
Kće 'šće — *mortwych želerka* (BW₉₇).

50. *přestupić* (сов.) 'совершить преступление' — *přestupjer* 'преступник'.

... hdyž je egiptowski paša jenemu *přestupjerjej* zakon... wukładował (ČMS, 1931, 93).

51. *zastupić* (сов.) 'быть представителем', 'заместить' — *zastupier* 'представитель', 'заместитель'; н.-луж. *zastupiš* — *zastupjať*.

... pola *zastupjerjow* šule Creuzeroweje... (ČMS, 1890, 3). *Zastupjerjo* Maćicy... (ČMS, 1933, 84); ... *zastupjerjo*... serbskich organizacijow... (ČMS, 1933, 77). ... *zastupjer* stata (BS₂₀); ... *zastupjerjow* Łužičanow... (NS₄); ... *zastupjer* Serbow při sakskej krajnej synodze (ČMS, 1898, 117); *zastupjer*... wólbneho wokrjesa... (ČMS, 1898, 114); ... *zastupjerjo*... gmejny (wsy)... (ČMS, 1897, 103); ... wot *zastupjerjow* towarstwa serbskich burow... (ČMS, 1894, 153); ... *zastupjerjo* města Budyšina... (ČMS, 1895, 78); ... Z kóždeje wsy kóždeje wosady hospodarjo... jeno *zastupjerja* mjez sobu wola (ČMS, 1886, 59); ... Čěskimi a słowakskimi *zastupjerjami*... (BSP₁₆₁); ... cyrkwinski *zastupjer* (ČMS, 1933, 82); ... měščanskich *zastupjerjow* (ČMS, 1853—54, 57); Njewjesćiny nan abo jeho *zastupjer* (ČMS, 1901, 24).

52. *lišćić so* 'льстить' — *lišćer* 'льстец'.

Lišćerjowe majkanje... (BP₂₆); Lišćak će za tři wječory zmota, *lišćerka* za jedyn wječor (Př₇₁).

53. *modlić so* 'молиться' — *modler* 'кто молится'; н.-луж. *móldiš se* — *módlar*.

Modler kaž Baruch (MH₂₈); *Skhilena* hłowa *modlerku* njećini... (Př₁₂₃); *Modlerka* kaž klóšterniška (MH₂₈).

Для образования от небольшого количества верхнелужицких глаголов IV класса, характеризующихся чередованием согласных в основе, используется основа настоящего времени.

1. *kazyć* (*kažu*) 'губить', 'уничтожать' — *kažer* 'губитель'.

Serbow najhórši *kažerjo*... (Př₁₂₂). Ср. еще в сложных *hrykažer* 'кто портит игру' и *měrkažer* 'нарушитель мира'.

2. *skazyć* (сов.) (*skažu*) 'погубить' — *skažer* 'губитель'; н.-луж. *skazyś* (*skažu* и *skazym*) — *skazař*.

Z mjecemi a hlebijemi *Skažerjo* so zebrachu... (ČMS, 1898, 45); Pjerun, bóh, *skažer* njeprěcelow (BW₃₅₆).

3. *nosyć* (*nošu*) 'носить' — *nošer* 'кто носит'; примеры см. ниже, на стр. 155.

4. *prosyć* (*prošu*) 'просить' — *prošer* 'кто просит', 'нищий'; н.-луж. *pšosyś* (*pšosym*) — *pšosař*.

Njezastorć mje *prošerja!* ... *prošu* će, Daj mi kapku lubosće (BSP₁₃₅).

... wěm, zo žaneho *prošerja* njewotpokaže. Tuž *prošu* wo škričku lubosće (DS₁₀₆); ... haj samo *prošer* ma swojeho wósla... (ČMS, 1931, 87); Jónu tam spaše *prošer*... (ČMS, 1897, 87); Za młode do korčmy *nošer*, na stare w pastyrni *prošer* (Př₂₃₃); Zhotawał so Pólski kral za *prošerja* (SH, I, 87); Bohaty skupc ze zamysłom trada, hórje hač *prošer* (Př₅); Tehodla je bez Serbami... maľko *prošerjow* (SH, I, 22); *Prošer* 'za swój mjech na ramjo (SH, I, 103); Rady smoj *prošerjam* dawalej... (SH, I, 283); Młyńk... njeby žaneho *prošerja* wotpokažał... (ČMS, 1894, 99).

5. *wozyć* (*wožu*) 'возить' — *wožer* 'кто возит', пример см. ниже, на стр. 156.

Ср. еще *razyc* (*ražu*) 'чеканить' — *pjenjezyražer* 'кто чеканит монету'.

Об образованиях от глаголов движения, относящихся к IV классу *honić, jězdzić, chodzić, nosyc, wodzić* и *wozyc* см. ниже на стр. 155—156.

4) Образования от глаголов V класса [инф. -*ać* (-'eć), наст. вр. -*am*; н.-луж. соответствия -*aś, -am*].

1. *woteběrać* 'подписываться' (на газеты) — *woteběrar* 'подписчик'; н.-луж. *woteběraś — woteběrať*.

... *wotebjerar* přenjeje posyłki... (ČMS, 1855, 66); ... dla njedostatka *woteběrarjow*... (ČMS, 1896, 112); ... *woteběrarjow* podźělnych listow... (ČMS, 1895, 76).

2. *zběrać* 'собирать' — *zbërar* 'собиратель'; н.-луж. *zbëraś — zbërať*.
... *zbërarjo* dobrowólnych darow... (ČMS, 1895, 164); ... *zbërať*... tuteje... *zbërki* (Př_{III}); *Starši zbërarjo* wo njej ničo njezapisachu (ČMS, 1897, 97); *Tón sbërať*... (W₆); ... *žadyn wot serbskich zbërarjow*... (ČMS, 1891, 14).

3. *blawkać* 'лаять' — *blawkar* 'лаяющая собака'.

Mjeńši pos a *hórši blawkar* (Př₇₆); *Suchi pos*, *hdyž je so nažrať*, je *najhórši blawkar* (Př₁₃₂).

4. *bluwać* 'рвать', 'блевать' — *bluwar* 'кого рвет'; н.-луж. *bluwaś — bluwať*.

... *połmorwych, zdrjenych* a *zmotanych bluwarjow* (NS₁₆₀).

5. *cofać* 'отступать', 'отходить', 'уступать' — *cofar* 'кто уступает'.

Cofar so *krwaweho khribjeta* *zminje* (ČMS, 1891, 68).

6. *čitać* 'читать' — *čitar* 'читатель'; н.-луж. *cytaś* (у Муки приводится как заимствование из верхнелужицкого) — *cytať*.

Čitarjo *powěsćow*... (ČMS, 1900, 73); ... *horliwy čitať* „*Serbskich Nowinow*“ a *čitar* *serbskich knihow* z *cyła*... (ČMS, 1868, 79); ... *wučeny čitarjam* *tutoho časopisa*... (ČMS, 1895, 3); ... *wot čitarjow*... *čitany* (DP_V); ... *čitarjam* *našich serbskich nowin* (ČMS, 1894, 134); ... *to wšo*... *zawostaji* *we wutrobach čitarjow* *hluboki začišć* (WP₁₁); ... *přikhadžeju* k *čitarjej* *zle duchu*... (ČMS, 1897, 41); ... *miłemu čitarjej*... (SH, I, 26); *Luby čitarjo* a *rjana čitařka*... (DW₁₀₁). В сложном *nowinyčitar* 'читатель газеты'.

7. *dawać* 'давать' — *dawar* 'дающий'; н.-луж. *dawaś — dawať*.

Khudžinka zarupa dawarjej z *tym*, zo *Boha* za *njeho prosy* (Př₆₆). В сложных *džětodawar* 'работодатель', *chłěbodawar* (то же), *jařmožnudar* 'подающий милостыню', *zakonjedawar* 'законодатель'.

8. *podawać* 'подавать', 'снабжать' — *podawar* 'кто подает, снабжает'.

... *podawarjow* *tworow*... (DS₇); ... *na njewěstych podawarjow*... (ČMS, 1891, 147). В женском роде: *podawařcy* *hórškeje butry* (DP₇₉).

9. *předawać* 'продавать' — *předawar* 'продавец'; н.-луж. *pšedawaś — pšedawať*.

Předawať *hubu* *trjeba*... (Př₁₀₉); *Bóle so předawať* *zaroća*, *mjenje jomu wěrja* (ČMS, 1891, 68); ... *bóle so předawať* *droži* (Př₁₅₆); *Předawar* *so hněwa*... (BW₁₃₇); *Spisowať* a *předawarjo* *darmo džěłaja*... (DZ_{VIII}).

10. *wudawać* 'издавать' — *wudawar* 'издатель'; н.-луж. *hudawaś — hudawať*.

Wudawarjam *delnjoserbskeje* «*Pratyje*»... (ČMS, 1895, 70); *Wudawarjow* *delnjoserbskich spisow*... (ČMS, 1862, 112); *wudawať* *toho łopjena*... (ČMS, 1894, 48); *wudawať* «*Missionskeho Pósla*»... (ČMS, 1898, 56);

...z *wudawarjom*... rukopisow... (ČMS, 1898, 86); ...*wudawarjam* delnjoserbskich knihow... (JP₈); ...*wudawař* tutych khěrlušow... (JP₂₆); ...redaktor a *wudawař* «Jutrniki»... (ČMS, 1899, 59); ...*wudawař* zběrki... (ČMS, 1900, 9); ...*wudawar* serbskeho słownika... (KŠ₄₁); ...poslědni spis... bórzy potom noweho *wudawarja* namaka... (ČMS, 1902, 43); ...do rukow *wudawarja*... (ČMS, 1895, 152); ...*wudawař*, syn spisačela... (JP₁₂).

Sobuwudawař 'один из издателей', 'издающий совместно с кем-либо'.

Tón *sobuwudawař* tychhlej zbjerkow... (SH, I, 7); ...poimenowany *sobuwudawař*... (SH, I, 6—7).

11. *dobywać* 'побеждать' — *dobuwar* 'победитель'; н.-луж. *dobuwaś* — *dobuwař*.

...mócnu a sylnu *dobuwař*... (ČMS, 1896, 80); ...Alexander *dobuwař* rěka (ČMS, 1933, 64); ...Njemrě *dobuwař*... (ČMS, 1933, 64); ...žadyn *dobuwař*... (SH, I, 7).

12. *zadobywać* 'вламываться', 'вторгаться' — *zadobuwar* 'кто вторгается'.

...cuzeho *zadobuwarja*... (NS₈₀); ...wuspěšnje so wobaraše před *zadobuwarjemi* (NS₈₇); ...podcisnjena wot... *zadobuwarjow* (NS₁₂₄) Wězo je so *zadobuwar* hladał... (BM₂₇) ...přećiwo němskim *zadobuwarjam*... (KŠ₁₇).

13. *zdobywać* 'завоевывать' — *zdobuwar* 'завоеватель'.

...wot němskich *zdobuwarjow*... (ČMS, 1901, 126).

14. *wudrěwać* 'выдирать' — *wudrěwar* 'живодер'.

...njenasytnych *wudrěwarjow* (DS₃).

15. *dźětać* 'делать', 'работать' — *dźětar* 'работник'.

Dyrbi *dźětař* na mzdu łakać, dawa rady na so čakać (Př₁₉₆).

Sobudźětar 'сотрудник'.

...*sobudźětarjo* we wšelakich serbskich časopisach... (ČMS, 1866, 371); ...běše *sobudźětař* při wulkich nowinach... (ČMS, 1893, 68).

В сложном: *synodźětař* 'косец'.

...blótowskich *synodźětařow* (NS₅₃); ...ći trawarjo a *synodźětařjo*, kiž kólowokoło syno korja... (NS₅₅).

16. *herjekać* 'вопить', 'кричать' — *herjekar* 'крикун'.

...horstka *herjekarjow* (JB₈₃); ...fašistiskich *herjekarjow* (NS₂₃).

17. *hladać* 'смотреть' — *hladar* 'зритель'; н.-луж. *glědaś* — *glědař*.

...hdyž bychu *hladarjo*... jabłuka... mjetali (ČMS, 1894, 99); ...*hladarjo* běchu najbóle džěci... (ČMS, 1894, 99).

18. *jebać* 'обманывать' — *jebar* 'обманщик'.

Wy sće *jebař*! (ČMS, 1862, 82).

19. *jednać* 'примирять' — *jednar* 'примиритель'.

A wón běše kaž prawu nan tež naš *jednař*... (ČMS, 1898, 119).
Образно: Smjerc je dobra *jednařka* (Př₁₂₅).

20. *jěchać* 'ехать верхом' — *jěchar* 'всадник'.

...konjej a *jěcharjej*... (DP₄₃); ...turkoskythiskim *jěcharjam*... (ČMS, 1901, 49—50); ...*jěcharjom* na běłym koniku... (NS₃₆); ...wobćežneho *jěcharja* (NS₁₅₉).

21. *najimać* 'нанимать', 'снимать' — *najimar* 'съемщик'; н.-луж. *najmaś* — *najmař*.

Najimař Barthel... (ČMS, 1889, 94).

22. *wotnajimać* — *wotnajimar*, значение то же.

...*wotnajimar* Barthel... (ČMS, 1889, 94).

23. *zajimać* 'занимать' — *zajimar* 'кто занимает'; н.-луж. *zajmaś* — *zajmař*.

Łóžki *zajimar*, *ćežki płaćeř* (Př₇₁).

24. *kawkać* 'глазеть', — *kawkar* 'глазеющий'.

...*wobćežni kawkarjo*... (NS₃₂); ...*cuzych kawkarjow*... (NS₃₂); ...*wóipnych kawkarjow*... (NS₃₉).

25. *zakliwać* 'проклинать' — *zakliwar* 'проклинающий'.

Radši pod płonem ležeć, dyžli so pod třěchu lehnyć, ndžež *zakliwar* leži (Př₁₅); *Zakliwar* wukliwa sebi helu (Pž₁₇₃); ...*Žlokanc, zakliwar* abo *njedočink*... (NS₂₈₈).

26. *kować* 'ковать' — *kowar* 'кузнец'; н.-луж. *kowaś* — *kowař*.

Kowaj mi *kowarjo* konika... (SH, I, 82); Stare *železo kowarjej* słuša a starý kón dračeji (Př₁₃₀); ...*kowař* ze wsy... (CMS, 1851—52, 55); Čorny młynk a běły *kowař* njejstaj wjele hódnej (Př₁₄); ...*koprowy kowař* (CMS, 1931, 76); *Worcel* a *žel'ezo kowař* džjeła... (SH, I, 53). Так приидже čert junu po *kowarja*... (KSB, 35).

27. *kusać* 'кусать' — *kusar* 'кусающий', *pjerokusar* 'грызущий перо'. ...*temu pjerokusarjej*... (CMS, 1862, 72).

28. Широко распространенное *lěkar* 'врач' сейчас является производным от имени существительного *lěk* 'лекарство'. Однако исторически оно могло быть произведено и от глагола V класса *lěkać*, не отмеченного в словарях Якубаша и даже Пфуля, но приведенного в словаре Бозе²¹; н.-луж. *lěkař*.

Posłuchaj *lěkarja*, *prjedy* hać jeho *trjebaś* (Př₁₀₆); Ty *dryś* *posłać* k *ljekarej*, *Tón* tež *pomhać* *nemóže*... (SH, I, 203); *Hdyž lěkař* do domu *přindže*, *nawuknje* *khłóšćak*, što *posćenje* je (Př₃₂); ...*prawiznik* abo *lěkař* (CMS, 1894, 69); ...*lěkarjo* běchu *jemu* *pop* *zaso* *porjadnje* *splatali*... (JB₄₇); *lěkař* při *lipsčanskej* *khorowni* (NW₁₂); *Pola lěkarja* *tohorunja* *hišće* *njesy* *był* (AL₁₃); ...*pósla* *prezes* *po lěkarja* (AL₆₆); ...*młodeho lěkarja*... (NW₆).

В образном употреблении: *Kholowy* a *pikeša*... *trjebataj* *husto lěkarja* — *zaplatu* (AL₅₃); *Hdyž* *snadž* *ty* *khora* *sy*, *Lěkař* *sym* *twój!* (HS₂₄).

29. *naliwać* 'наливать' — *naliwar* ист. 'кравчий'; н.-луж. *nalewaś* — *nalewař*.

A *naliwarjo* *slěborni* Tam *wino* *porjedzachu* (CMS, 1862, 29).

30. *ludać* 'лстить', 'обманывать' — *ludar* 'лстец', 'обманщик'. Образно: *Liščawa* — je *ludařka* (Př₂₀₉).

31. *tamać* 'ломать', — *tamar* 'ломающий'; обычно в сложном *mandželstwořamar* 'нарушающий супружескую верность'; н.-луж. *tamaś* — *mandželstwořamař*.

Štóz *mući* *mjez* *mužom* a *žonu*, je *mandželstwa-tamař* (Př₁₄₂). В женском роде: ...*bě* *to mandželstwořamařka* (CMS, 1891, 113).

kamjenjořamar (или *kamjenjetamar*) 'кто добывает камень'.

...*před kamjenjořamari*... (BM₃₅). Ср. еще *wobrazořamar* 'иконоборец'.

32. *řapać* 'хватать' — *řapar* 'кто хватает'; н.-луж. *řapaś* — *řapař*.

...*hitlerowsy řaparjo*... (NS₂₄₉).

33. *řomhać* 'помогать' — *řomhar* 'помощник'; н.-луж. *řomagaś* — *řomagař*; пример см. ниже, на стр. 176.

²¹ E. Bose. Wendisch-deutsches Handwörterbuch nach dem oberlausitzer Dialekte. Grimma, 1840.

34. *zanjechać* 'пренебрегать' — *zanjechař* 'кто пренебрегает'.

Zanjechar kemšow pokradnje Bohu a sebi (Př₁₇₄).

35. *podpěrać* 'поддерживать' — *podpěrar* 'кто поддерживает', 'опора'; н.-луж. *pódpěraś* — *pódpěrař*.

Imiš běše *podpjerař* Šerbow... (ČMS, 1898, 119); ...*podpjerarjo* serbskeho pismowstwa... (ČMS, 1851—52, 70); ...*podpjerarjej* serbskeho pismowstwa... (ČMS, 1866, 373); ...*podpjerarjo*... tohole wažneho wustawa... (ČMS, 1892, 3).

36. *spěwać* 'петь' — *spěwar* 'певец'; н.-луж. *spīwaś* — *spīwař*.

...bě jara pilny zabawjeř a wosebje tež *spěwar* (ČMS, 1933, 53); *Spěwarŕka* běše holca... (NW₁₀₇); *Wjesoła spēwarŕka* — spēchliwa džěłařka (Př₂₃₀); Dale mój *spěwar*... njewědzeše (ČMS, 1893, 85); ... spēw *spěwarjow* a *spěwarŕkow*... (DS₉₇); *Spěwarjo* su mjenowani při textach (ČMS, 1893, 81); *Spjewartow* a *spjewarŕkow* mēna... smój mój stajilój (SH, I, 7); ... narodne pjesnički su, ... sebi lubosć... čitelnikow a *spjewarjow* dobyłe (SH, I, X); *Wječor* doma *spěwarjo* Wusypuja poľne měški (BW₅₆); *Spěwar* kaž paškowronc (MH₃₀); Spēw je hižo słyšeć prjedy hač je *spěwarŕka* widžeć (KK₇); ...trubadora t. r. *spěwarja*, kotryž přez krajiny dróhujō... spēwa... (ČMS, 1933, 56); ...grekski *spěwar* Homer spēwa... (DS₈₉); koncertneje *spěwarŕki*... (ČMS, 1898, 27); *Spěwarja* swobody serbskeje... (BSP₁₂₄).

Образно (ó птицах): A štomy placaju do rukow, A *spěwarjam* so kľonja z ľukow (BW₂₆₅); ...Z juha hdyž *spěwarjo* ćahnu... (BW₃₀₆).

37. *писаць* 'писать' — *pisar* 'кто пишет', 'писатель'; н.-луж. *pisas* — *pisar*.

...*pisar* tutech słowow... (ČMS, 1901, 40); Janko, ty dha sy mi *pisar* (HP₉); ...zdomom z *pisarjom* Fabricijom... (WH₁₀); ...kopica byzantinskih *pisarjow*... (ČMS, 1901, 48); W zastarsku bě papjera *Pisarjam* šće njeznata... (W₅₄); Jena *pisarka* je Serbowka, — tež někotři z předsydstwa powoľanskeho zwjazka su Serbja (BM₅₁); Budyski měščanski *pisar*... (BM₅₃); ...*pisar* Pomorčanskeho ludoweho kubľa... (NS₁₈₆); ...zastojnicy a *pisarjo*... (ČMS, 1892, 59); ...cyľa črjoda *pisarjow* (AL₆₈); ...ryćeřkubleř a jeho *pisar* (ČMS, 1886, 157); ...jako tajny *pisar*... (ČMS, 1901, 47).

38. *ptokać* 'стирать' — *ptokar* 'кто стирает'; обычно в женском роде *ptokařka* 'прачка'; н.-луж. *pařkaś* — *pařkař* (*pařkařka*).

Saty wěša *ptokařka*... (W₄₅).

39. *rozpřescěrać* 'распространять' — *rozpřescěrar* 'распространитель'. Nowa křesciřanska wučba móžeše so Serbam z ćežka zalubić, hdyž jeje *rozpřescěrarjo*... (ČMS, 1900, 76).

40. *přahać* 'запрягать' — *přahar* 'кто запрягает'; н.-луж. *pšęgaś* — *pšęgař*.

Woľ njewě wo swojej mocy, hewak by *přaharja* na rohach roztrěsľ (Př₁₆₂).

В сложном *kozupřahar* 'кто запрягает козу': ...«*kruwarjo*» abo «*kozupřaharjo*»... (BM₁₃).

41. *pytać* 'искать' — *pytar* 'искатель'; н.-луж. *pytas* — *pytar*.

...*pytar*... ludowych pēsňjow a bajkow... (Př_{X1}).

В сложных *pokladopytar* (DP₉) 'кто ищет клад' и *złotopytar* 'золотоискатель': ...zbožalaćnych *złotopytarjow*... (W₇₆).

42. *rejwać* 'танцевать' — *rejwar* 'танцор'.

...*rejwarjo* so rozwołnje wjerća... (BŠ₈₈); ...dokelž so hišće žadyn *rjewar* k njej namakaľ njebě. (KSB₃₄); Pisane kwěćece na kľobukach *rejwa-*

rjow kiwaju z bantami, čerwjene a módre suknje *rejwarkow* lětaju... (NS₃₃); *Rejwarka* wjertliwa — do džěła klibora (Př₂₁₉).

43. *rubać* 'рубить' — *rubar* 'мясник'; н.-луж. *rubaś* — *rubař* 'дровосек'.
...pšimeno Šaskich mjaso *rubarjow* (SH, I, 21).

44. *runać* 'выравнивать', 'вправлять' — *runar* 'костоправ'; н.-луж. *rownaś* — *rownař*.

...ludowych lěkarjow a *runarjow*... (ČMS, 1900, 62); ...nan běše při swojim skalarskim džěle tež *runař* (Př_x).

45. *postuchać* 'слушать' — *postuchar* 'слушатель'; н.-луж. *póstuchaś* — *póstuchař*.

...*postuchař* profesora dr. Leskiena w Lipsku ... (ČMS, 1891, 130); ...*postuchař* chemie w Praze (ČMS, 1859, 48); ...basnjeř, spěwař, komponista, *postuchař* (ČMS, 1860, 95); ...čučiweho *postucharja*... (ČMS, 1933, #55); Měješe wulku wušiknosć, najprjedy wćipnosć *postucharjow* zbudzić (DW₁₀₉); ...swojich swěrných *postucharjow* wučese... (ČMS, 1900, 91).

46. *přescěhać* 'преследовать' — *přescěhar* 'преследователь'; н.-луж. *pšescigaś* — *pšescigař*.

Přescěharjej pjaty pokazać (MH₄₁).

47. *suwać* 'спекулировать' — *suwar* 'спекулянт'; н.-луж. *suwaś* — *suwař*.

...bohateму *suwarjej* ... (DK₄₀).

48. *wusywać* 'сеять' — *wusywar* 'сеятель'.

Переносно: pilnemu spisowaćelej, *wusywarjej* a žnjeńcarjej tež na poli wědomosćow... (ČMS, 1898, 58).

49. *šcowkać* 'лаять' — *šcowkar* 'лающая собака'.

Najhórši *šcowkar* najmjenje do pohow kusa (Př₈₂).

50. *šcuwać* 'науськивать', 'натравливать' — *šcuwar* 'подстрекатель'; н.-луж. *šcuwaś* — *šcuwař*.

...*šcuwarjam* k noweј wójnje (JB₃₆); *Šcuwarjo* a paduši... (JB₆₇); ...horstka wójnskich *šcuwarjow* (JB₇₆).

51. *škitać* 'защищать' — *škitar* 'защитник'.

...Serbstwa *škitar* (JNS₆₀); *Škitarja* Łužicy herbskeje... (BSP₁₂₄); ...*škitař* wšeje hódnotneje kultury... (WP₁₀); ...*škitař* ...zakońskich prawow serbskeje šule (ČMS, 1901, 57); ...jeho *škitařka* kežorka Katrna... (DP₆₅).

52. *šwikać* 'стегать бичом', 'хлестать' — *šwikař* 'погонщик'; н.-луж. *šwikaś* — *šwikař*.

Hdyž woł by swoje mocy znał, by *šwikařja* na rohi wzał (Př₂₀₀).

53. *tamać* 'проклинать' — *tamar* 'хулитель'.

...tón *tamař* nic nam nješkodzi... (ČMS, 1887, 72).

54. *truhać* 'стричь', 'брить' — *truhar* 'парикмахер'; н.-луж. *tšugaś* — *tšugař*.

...korčmarjo a *truharjo*... (NS₁₂₀); ...wuhładkowany łazeńk (*truhař*)... (DS₇).

В сложном *brudytruhar* (или *brodutruchar*) с тем же значением: *Brudytruhař* (W₂₆).

55. *třihać* 'стричь' — *třihař* 'парикмахер', 'кто стрижет' (например, овец); н.-луж. *stšigaś* — *stšigař*.

Łazeńk abo *truhař* a *třihař*... (DS₇); ...młode *třihařki*... (ČMS, 1866, 370). В сложном *wosytřihař* 'парикмахер': *Před wosytřihařjom* (W₈₄).

56. *tutkać* 'лакаты', 'пить' — *tutkar* 'пьяница'; н.-луж. *tutkaś* — *tutkař*.
...hdžež serbscy *tutkarjo* wot nazdala zjězdźowachu so na tuni palenc (NS₁₁).

57. *powědać* 'рассказывать' — *powědar* 'рассказчик'; н.-луж. *powědaś* — *powědař*.

...měnja ludowi *powědarjo*... (ČMS, 1895, 26); ...pokračowaše *powědar* (BM₄₀); Ty sy rodženy basnik-*powědar* (NS₁₈₄); ...*powědarjo* Jurij Winger, Mikławš Andricki... (BM₅₆); ...do kraja wumysłow Vekkenstedtowych *powědarjow*... (ČMS, 1891, 11); Moja *powědarika*... je mi takle powědała... (ČMS, 1896, 9); Stare *powědariki* přadu dołhu nić (Př₂₉₈).

58. *Připowědać* 'объявлять', 'провозглашать' — *připowědar* 'провозглашающий'; н.-луж. *pšipowědaś* — *pšipowědař*.

Připowjedař z wótrym hłošom Do wšoh' luda wołaše... (ČMS, 1866, 4); Jězdnicy će *připojdarjo* Po wšěm měsće jězdźachu (ČMS, 1866, 3).

59. *wjazać* 'вязать', — *wjazar* 'кто вяжет'; н.-луж. *wězaś* — *wězař*; в сложном *knihiwjazar* 'переплетчик'.

...K swojemu knihikurcej a *knihiwjazarjej*... (AL₁₁₄).

60. *wobarać so* 'защищаться' — *wobarar* 'защищающийся'.
...*wobarař* před škódnymi wotpućeni ludoweho wjednistwa (ČMS, 1892, 47).

61. *worać* 'пахать' — *worar* 'пахарь'.

...dobry *worař* (SH, I, 116).

62. *zacrěwać* (*zacrěwać*) 'презирать' — *zacrěwar* (*zacrěwar*) 'кто презирает'.

Zacrěwar wšěchžkuli bójskich wěcow... (NW₂₇).

63. *wuznawać* 'признавать', 'исповедовать' — *wuznawar* 'сторонник' 'исповедующий'.

M. Müllerowa wučba ... doby sebi wjele *wuznawarjow* (ČMS, 1890, 8).
...židža, jako *wuznawarjo* nabožnistwa... (ČMS, 1865, 351).

64. *žadać* 'требовать', 'желать' — *žadar* 'претендент'.

...konsistorium ... dawa tež tajkich *žadarjow*, wo kotrychž serbskosći njeje přepokarane, pruhować (ČMS, 1862, 93).

65. *smykać so* 'кататься на коньках' — *smykar* 'конькобежец'.

...drobni *smykarjo* zetkawaју so w hokeju na lodže... (NS₂₀₃).

66. *stawać so* 'вставать' — *stawar* 'кто рано встает'.

Jedyn zažny *stawař* přez dwanaće lěhakow dže (Př₅₀).

67. *rozbuchać* 'взорвать' — *rozbuchar* 'кто взрывает'; н.-луж. *roz-buchaś* — *rozbuchař*.

...tež tutón njewinowaty móst při brodže *rozbucharjo* zničichu... (NS₂₈₇).

68. *rozćiskać* 'разбросать', 'промотать' — *rozćiskar* 'кто разбрасывает', 'мот'.

Po hrabaku *rozćiskař* přińdže (Př₁₀₃).

69. *wobdžětać* 'обработать', — *wobdžětar* 'кто обрабатывает, репетирует'.

To je nimo spěwarjow wosebje zaslužba dra. Jurija Pilka, jich *wobdžětarja* a zarjadowarja (ČMS, 1898, 28).

70. *dohladać* 'присмотреть' — *dohladar* 'надсмотрщик'; н.-луж. *doglědaś* — *doglědař*; пример см. ниже, на стр. 158.

71. *wothladać* 'ухаживать', 'заботиться' — *wothladar* 'кто ухаживает, заботится'.

Zaspanc njemóže khorym *wothladař* być (Př₃₁₀); ...ma dobreju *wothladarjow* sobu... (DS₉₅₋₉₈); ...jeje *wothladařka*... (DW₂₀).

72. *zakitać* 'защитать' — *zakitar* 'защитник'.

...přećela a *zakitarja* tutoho klóštra... (DP₇₁); ...najlépšich přećelow a *zakitarjow*... (ČMS, 1865, 273—274); ...*zakitarjo* tohole wažneho wustawa... (ČMS, 1892, 3); ...hórskich popow *zakitař* (ČMS, 1860, 65); ...kiž *sće zakitar* naš sylny w nuzy... (JNS₁₀); *Zakitař* kaz jandžel pěstón (MH₃₁).

73. *wuklucać* 'эксплуатировать' — *wuklukar* 'эксплуататор'.

...skupym a chcyćiwym ...*wuklukarjam*... (NS₁₇₆); ...kapitalistiskimi *wuklukarjemi* (BW₁₉).

74. *dochować* 'сохранить' — *dochowar* 'хранитель'.

...*dokhowař* pomjatnika... (ČMS, 1859, 38—39); ...*dokhowař* zběrkow... (ČMS, 1859, 48).

75. *wuchować* — *wuchowar* с тем же значением; пример см. ниже, на стр. 157 и *zachować* — *zachowar* с тем же значением.

76. *wunatakać* 'найти', 'изобрести' — *wunatakař* 'кто нашел, изобрел'; н.-луж. *hunatakaš* — *hunatakař*.

...*Wunatakařja* tajkeje ...myslički (DW₁₀₄).

77. *napisać* 'написать', 'надписать' — *napisar* 'кто надписывает'; н.-луж. *napisaš* — *napisař*.

...je *napisař* wučišćeć chcył... (ČMS, 1863, 83).

78. *spisać* 'написать' — *spisar* 'кто пишет', 'писатель'.

...*spisař* někotrych w zandženym lětstotku ćišćanych serbskich knihow... (ČMS, 1888, 97); ...*spisař* tuteho abejceja... (ČMS, 1866, 395); *Spisař* tuteho słownika... (ČMS, 1859, 87); ...spěw, kotrehož *spisař*... (ČMS, 1860, 127); *Spisarjo* serbskich knihi tuteho časa... (ČMS, 1851—52, 71—72).

79. *wopytać* 'посетить' — *wopytar* 'посетитель'; н.-луж. *hopytaš* — *hopytař*.

...*wopytarjej*... (NS₁₅₁); ...*praji wopytař*... (NS₁₅).

80. *Připostuchać* 'слушать' — *připostuchar* 'слушатель'; н.-луж. *pšipostuchaš* — *pšipostuchař*.

Ruki *připostucharjow* ...džakowachu so řečnikej placajo (BM₅₇); ...kedźbnych *připostucharjow*... (DW₁₀₉); ...tehdon mi jeho *připostucharjo* hišće po lětdžesatkach ...na jeho ...hrónčka spominachu (ČMS, 1931, 68).

81. *zastarać* 'заботиться', 'опекать' — *zastarar* 'опекун'.

Jeho serbska wosada widžeše we nim swojeho nana, wupušćene syroty swojeho *zastararja*... (ČMS, 1898, 119).

82. *wobstarać* 'заботиться' — *wobstarar* 'кто заботится'; н.-луж. *hobstaraš* — *hobstarař*.

Wotročk, ródny *wobstarař* (ČMS, 1855, 11).

83. *Potorhać* 'разломать' — *potorhar* 'кто ломает'.

Ale *potorharjo* njeběchu so prašeli wjesnjapow (NS₁₉₄).

84. *napowědać* 'подсказать' — *napowědar* 'суфлер'; н.-луж. *napowědaš* — *napowědař*.

...*napowědař* (souffleur) bě Ota Wićaz (ČMS, 1898, 18).

85. *spowědać* 'исповедоваться' — *spowědar* 'исповедующийся'.

Zasakły spowědař Bohu do woćow lže (Př₁₇₅).

86. *wuwotać* 'вызвать' — *wuwotaŕ* 'глашатай', 'герольд'; н.-луж. *huwotaś* — *huwotaŕ*.

...*wuwotaŕ* srjedźneho wěka... (NS₁₇).

87. *dokonjeć* 'довершать', 'доканчивать' — *dokonjer* 'кто завершает'; н.-луж. *dokonaś* — *dokonaŕ*.

Čeść dokonjanemu džělu a jeho *dokonjerjam* (ČMS, 1890, 4).

88. *Wukonjeć* 'исполнять' — *wukonjer* 'исполнитель'.

...*wukonjer* Hórnikoweho wotkazanja... (CMS, 1895, 76).

89. *zachadźeć* 'шуметь', 'нействовать', 'бушевать' — *zachadźer* 'крикун'.

Ćichi mužik *zachadźerja* spřewinja (Př₁₅).

90. *měšeć* 'смешивать', 'скрещивать' — *měšer* 'кто скрещивает'; н.-луж. *měšaś* — *měšaŕ*.

Rozrisać kaž *měšer* wowsy a borany (MH₈₄).

91. *Přewinjec* 'осиливать', 'подавлять' — *přewinjer* 'кто подавляет'; н.-луж. *pšewiñaś* — *pšewiñaŕ*.

...*dyrbjachu přewinjerjo* sebi dowěru podćisnjeneho luda ... *dobyć* (ČMS, 1888, 36).

5) От глаголов IV класса или от парных глаголов несовершенного вида V класса образованы следующие слова:

1. *wubudźić*, *wubudźeć* 'пробуждать' — *wubudźer* 'кто пробуждает'. ...*naš wubudźer* E. Smolej... (DW₂₉); ...*wubudźerjej* a *wodźerjej* Serbow... (CMS, 1864, 244).

2. *zbudźić*, *zbudźeć* 'пробуждать' — *zbudźer* 'кто пробуждает'; н.-луж. *zbuziś* — *zbuzar*.

...z našim wulkim *zbudźerjom* Janom Arnoštom Smolerjom (ČMS, 1933, 7); ...*narodneho zbudźerja* Arnošta Muki... (ČMS, 1933, 76); ...z našim *zbudźerjom* Janom Arnoštom Smolerjom (ČMS, 1933, 77); ...do rjadu wonych *zbudźerjow*... (CMS, 1901, 57).

3. *wobydlić*, *wobydleć* 'жить', 'проживать' — *wobydler* 'житель'; н.-луж. *hobydlaś* — *hobydlaŕ*.

...*wobydleri* jednotliwych serbskich wsow... (ČMS, 1886, 5); ...*wobydlerjow* tamnych wsow... (ČMS, 1851—52, 49—50); ...*wobydlerjow* wjeski... (KR₃₂); *Wobydlerjo* pólnje bróžnje... (KR₃₀); ...*němscy wobydlerjo* ze wsow... (CMS, 1886, 63); ...*wobydlerjo* při wodach, potajkim młynkojo a rybarjo (ČMS, 1894, 85); Čorni *wobydlerjo* Sudana... (ČMS, 1931, 94); ...*wobydlerjow* z broncoweje doby (KŠ₁₁); ...bě tam wokoło 400 do 500 *wobydlerjow* (BM₃₅); ...*lubosć* k domiznje a jeje *wobydlerjam* (NS₄₃); *Wobydler* městačka Altenberga (ČMS, 1899, 126);

...*Wobydlerjow* někotrych městnow... (ČMS, 1895, 138); Русцы *wobydlerjo* při jězorje Wodl (ČMS, 1894, 119); Wódni *wobydlerjo* (ČMS, 1894, 106); ...*wobydler* z Njemskeho splaha (SH, I, 22); ...českimi *wobydlerjami*... (ČMS, 1896, 13); ...z wokolnymi *wobydlerjami*... (ČMS, 1896, 10). *prawobydler* 'древний, исконный житель'.

...*wuhnaće* serbskich *prawobydlerjow* z jich sydlišćow... (ČMS, 1900, 73); ...*prawobydlerjow* našeje zemje (CMS, 1891, 83); ...*wopomnjeće prawobydlerjow*... (ČMS, 1891, 52).

4. *wonješesćić*, *wonješesćeć* 'обесчестить' — *wonješesćer* 'обесчестивающий'.

Milec rodu *wonješesćerjo!* (BN₅₃).

5. *zdzělic, zdželeć* 'сообщать' — *zdzeler* 'кто сообщает'. ... *zdzeler*... *pożortowacych wusłowow*... (Př_{XII}).

6. *pohonić, pohonjeć* 'погонять' — *pohonjer* 'погонщик'.
... *pohonjer* z mócnym sochorom (ČMS, 1931, 90); ... *kóždy pohonjer* ze swojim wóslom... (ČMS, 1931, 88); ... *tak zo ma kóždy pohonjer*... 8, 10 abo 12 mulow pod sobu... (ČMS, 1931, 88).

7. *zahubić, zahubjeć* 'губить', 'уничтожать' — *zahubjer* 'кто уничтожает'.

... *wulkich zahubjerjow*... *łužiskich Serbow* (ČMS, 1887, 109); ... *zahubjerjo wašnjow powuch*... (BN₆₂).

8. *zjednočić, zjednoćeć* 'объединять' — *zjednoćer* 'кто объединяет'.
В образном употреблении: *to ta zjenoćečka sylna je mocow rozdrjebjenych: křesćanstwo* (BN₅₈).

9. *přetolić, přetoleć* 'переводить' — *přetoljer* 'переводчик'.
... *njewěmy, hać je njeznaty přetoljer* *to mjeno w ludu słyša*... (ČMS, 1894, 77); ... *wot basnjerjow a přetoljerjow*... (ČMS, 1891, 133); *Serbski přetoljer* *so njeje podpisał* (ČMS, 1866, 392); ... *pózdniši přetoljerjo*... (ČMS, 1862, 47).

Sobupřetoljer — 'один из переводчиков', 'переводящий совместно с кем-либо'.

... *sobupřetoljer* *Serbskeje Cyrkwinskeje Agendy* (ČMS, 1898, 56).

10. *zatožić, zatožeć* 'основывать' — *zatožer* 'основатель'; н.-луж. *zatožys* — *zatožar*.

... *zatožer* *serbskeho naklada*... (BSP₁₆₅); *zatožerjow* *moderneje serbskeje spisowneje řeče*... (BSP₁₆₅); ... *zatožerja* *serbskeho belletristiskeho časopisnistwa*... (ČMS, 1894, 71); ... *zatožerja* *toho kollegia*... (ČMS, 1896, 16); ... *zatožerja* *wsy Mósta*... (ČMS, 1896, 51); ... *zatožerjam*... *klóštra*... (DP₆₉); ... *zatožerjow* *serbskeho Maćičneho doma*... (ČMS, 1895, 75); ... *wo* ... *zatožerju* *a redatoru serbskich časopisow* (ČMS, 1895, 153); ... *zatožerjej* *abo fundatorej fary*... (ČMS, 1897, 72); ... *zatožerjow* *Maćičneho doma*... (ČMS, 1897, 77); ... *hłownych zatožerjow*... *Maćicy Serbskeje*... (ČMS, 1898, 22—23); ... *zatožer*... *katholskeje cyrkwe*... (ČMS, 1899, 58); ... *zatožer*... *časopisow za džěci*... (KŠ₄₁); ... *ze zatožerjom*... *studentskeho časopisa*... (ČMS, 1933, 9); ... *z woprawdžitym zatožerjom* *hłownych skhadžowankow*... (ČMS, 1933, 9); Образно: ... *spěw bě zakład a zatožer* *wšeje hudžby* (ČMS, 1887, 113).

sobuzatožer — 'один из основателей'.

... *Črjódka sobuzatožerjow* *Maćicy*... (ČMS, 1898, 32); ... *sobuzatožer* *našeje Maćicy*... (ČMS, 1848, 22); ... *sobuzatožer* «*Serbowki*»... (ČMS, 1862, 54).

11. *zapalić, zapaleć* 'поджигать' — *zapaler* 'поджигатель'.

Zapalerja *knježich bróžnjow*... (JK₂₆); ... *prećiwo zapalerjam* *wójni*... (NS₂₃).

12. *predptačić, predptaćeć* 'заранее оплачивать' (при подписке на газеты и журналы) — *predptaćer* 'подписчик'.

... *z najmjejša 200 predptaćerjow*... (ČMS, 1889, 50); ... *dla njedostatka predptaćerjow*... (ČMS, 1893, 68).

13. *spokojić, spokojeć* 'успокаивать' — *spokojer* 'успокоитель', 'утешитель'.

Образно: ...nadzija rjenišich časow, tuta wěčnje młódna *spokojeřka*... (ČMS, 1898, 54).

14. *znjekojić, znjekojeć* 'беспокоить' — *znjekojer* 'нарушитель спокойствия'.

Tam je bładnik *znjekojerjow* do tonidłow zawjedł (ČMS, 1893, 63).

15. *wudospoćnić, wudospoćnjeć* 'дополнять', 'довершать' — *wudospoćnjer* 'кто дополняет'.

Za *wudospoćnjerjow* jenož připominam... (ČMS, 1865, 337).

16. *pozłóćić, pozłóćeć* 'позолачивать' — *pozłóćer* 'кто покрывает золотом'.

...*pozłóćerja* Grundmanna... (ČMS, 1888, 69).

17. *zaprajić, zaprajeć* 'заговаривать' — *zaprajer* 'кто заговаривает'.

Zaprajer njeje był dosć mócnu (ČMS, 1897, 43); *Słopotać kaž zaprajeřka*... (MH₈₅).

18. *wotprosyć (wotprošu), wotprošeć* 'просить об отпущении грехов умершему' — *wotprošer* 'кто просит об отпущении грехов умершему'.

Tam cělny cáh pozastanje a *wotprošeř* swoje wotprošowanje dźerži (ČMS, 1901, 115); *Wotprošeř* Nuglan z Miłogaza (CMS, 1893, 85).

19. *porjedzić, porjedzeć* 'исправлять', 'улучшать', 'реформировать' — *porjedžer* 'кто исправляет, улучшает' н.-луж. *póřežiš, póřežaš — póřežař*.

...*porjedžerja* sameho jich serbskeho řečenja a pisanja... (ČMS, 1894, 71); ...najwažniši *porjedžeř*... (ČMS, 1894, 63); ...rubriku z napisom «rjedžeř a *porjedžeř*» (ČMS, 1895, 153); ...wažniwy *porjedžeř*... (ČMS, 1899, 82).

20. *sadžić, sadžeć* 'набирать' — *sadžer* 'наборщик'; н.-луж. *sajžaš — sajžař*.

...hač runje ma wěsće tež jeho *sadžer* někotoryžkuli zmyłk na swědomju (ČMS, 1859, 92).

21. *přisporić, přisporjeć* 'приумножать' — *přisporjer* 'кто приумножает'.

...Serbow wěry *přisporjerja*... (ČMS, 1851—52, 63); ...*přisporjerjam* spěwanskich swjedženjow... (ČMS, 1860, 104).

22. *Stajić, stajeć* 'строить' — *stajer* 'строитель'; в сложном *kachlestajer* 'печник'.

...na *kachlestajerja*... (ČMS, 1931, 132); Tón druhi bje *kħachljestajer* (SH, I, 44).

23. *zestajić, zestajeć* 'составлять' — *zestajer* 'составитель'.

...je trjeba, zo někotři młódzi... «Serbsku bibliografiju» *zestajeju*, hdyž dotalnaj jeje *zestajerjej* w našim času wustawataj (CMS, 1894, 60).

24. *rozswětlic, rozswětlec* 'просвещать' — *rozswětler* 'просветитель'.

Hrabja běše z *rozswětlerjom*, měješe wumjełske zajimy... (ČMS, 1933, 46).

25. *wuswobodzić, wuswobodžeć* 'освобождать' — *wuswobodžer* 'освободитель'.

...hišće džensa njemóže dowuchwalić *wuswobodžerjow*, z kotrymiž je so tehdy wutrobnje spřećelił (NS₁₇₁).

26. *zasydlic, zasydleć* 'заселять' — *zasydler* 'поселенец'.

...na wsy... wot němskich *zasydlerjow* založene... (ČMS, 1899, 128).

27. *wobšudzić, wobšudžeć* 'обманывать' — *wobšudžer* 'обманщик'; н.-луж. *hobšužiš — hobšužař*.

Tak Bóh *wobšudžerjow* štrafuje! (ČMS, 1900, 89).

28. *podtłóćić, podtłóćeć* 'угнетать' — *podtłóćer* 'угнетатель'.

...*podtłóćerjow* Serbow... (DW₅₅).

29. *třelić, třelec* 'стрелять' — *třeler* 'кто стреляет'; н.-луж. *stšelaš — stšelař*.

...hóntwjeř abo z cyła *třeleř*... (ČMS, 1897, 10); Jelenča hóntwa chce dobreho *třelerja* widžeć (Př₅₀); ...*třeleř* do nich zaprisnje (W₂₂).

30. *stworić, stworjeć* 'создавать' — *stworjer* 'создатель'.

Stworjer melodije... (ČMS, 1933, 55).

31. *wobradzić, wobradзец* 'одаривать' — *wobradźer* 'даритель'.

Dawaćeř kaž čorny Jurij *wobradźer* (MH₂₆).

32. *přewodzić, přewodзец* 'проводать', 'сопровождать' — *přewodźer* 'проводатый'; обычно — 'участник похоронной процессии'; н.-луж. *pšewožiš — pšewožař*.

Kmótrička, bjez *přewodźerja* Sama tola njekhodź ty! (ČMS, 1860, 80); Junu njemóžeše žaneho *přewodźerja* dóstać, tuž džěše čumpajo sam. (ČMS, 1894, 103); Nimam bjez toho žaneho *přewodźerja* a přez móscik je strašne hićo (ČMS, 1894, 103); Wódne džěći swojim *přewodźerjam* ženje ničo złe nječinjachu... (ČMS, 1895, 21); ...Z jeho najswěrněšej přecelnicu, *přewodźerku* a pomocnicu... (ČMS, 1933, 12); ...wón je twój *přewodźer* tón dobry sprawny na puću k njebju... (ČMS, 1900, 117); *Přewodźer* kaž jandžel Rafael (MH₂₀); Stóž ma wulke přecelstwo, tón ma wjele *přewodźerjow* (Př₁₄₃); Tón dyrbyeše... za smjerću jako *přewodźer* hić (KSB₅₁); Po pohrjebje spěšnje *přewodźerjo* wotjědžechu... (DS₂₅); *Přewodźerjo*, hdyž so wot rowa domoj wróća... (ČMS, 1901, 116); Syły *přewodźerjow* běchu přišly z Budyšina... (ČMS, 1895, 146); ...najnutrniši džak wšitkich *přewodźerjow*... (ČMS, 1933, 78).

33. *zabawić, zabawjeć* 'забавлять' — *zabawjer* 'кто забавляет'.

...mój susod a přiskładny *zabawjer*... (Př₁₁₁); ...jaga pilny *zabawjer* a wosebje tez spěwař (ČMS, 1933, 53).

34. *wožiwić, wožiwjeć* 'оживлять' — *wožiwjer* 'кто оживляет'.

В образном употреблении (о солнце): *Wožiwjerjo* krasny, Witaj na zemju! (BSP₄₂).

35. *zežiwić, zežiwjeć* 'кормить' — *zežiwjer* 'кормилец'; н.-луж. *zežywiš — zežywjarař*.

...je chcył być jej *zežiwjer* — a wona sej sama zaslužbu pytaše... (KR₈₃); Jozef, *zežiwjer* Jězusu (DB₁₃). Образно (об Обществе Матицы Сербской): Wona je duchowna *zežiwjerka* wšěch dobrych prócowanjow... (ČMS, 1898, 36).

Об образованиях от глаголов VI класса см. ниже, на стр. 160 и след.

6) В образованиях от так называемых глаголов движения обычно используется кратная (итеративная) основа:

1. *běhać — běžeć; běhar* 'бегун'; н.-луж. *běgaš — běgař*.

Žiřate nahi za *běharja* njejsu (Př₁₈₉); *Běhar* kaž Halštrowski šewc (MH₂₆). Также о лошадях — 'рысак' или о верховых верблюдах: ...spěšne *běharje*... (ČMS, 1931, 84); ...ale bur z tajkimi *běharjemi* ničo započěć njemóže... (ČMS, 1931, 86); Do pusciny zwučene kamele su dobre *běharje*... (ČMS, 1931, 91).

2. *ćahać — ćahnýć; ćahar* 'кто тянет' (об упряжной лошади); н.-луж. *šěgaš — šěgnuš; šěgař*.

Najaty kón, hubjenu *ćahar* (Př₈₂); ...twjerdy *ćahar*... (ČMS, 1901, 123); ...sylne *ćaharje*... (ČMS, 1931, 84). В образном употреблении (о тракторах): ...železnych *ćaharjow*... (NS₂₁).

3. *honić* — *hnać*; *honjer* 'кто гоняет', 'загонщик'; н.-луж. *góniš* — *gnaś*, *gónař*.

...*bórzy pokazowaše so wot honjerjow honjena wšelaka dźiwina...* (DP₇₈); ...*hajnicy z honjerjemi...* (DP₇₈); ...*honjeř a drač* (W₁₇).

4. *jězdźić* — *jěc*; *jězdzer* 'ездок'; н.-луж. *jězdźiš* — *jěs*; *jězdzař*.

Hdyž je muž hubjeny *jězdzeř*, njech žonje wotežku da (Př₃₀).

5. *chodźić* — *hić*; *chodzer* 'ходок'; н.-луж. *chóžjši* — *hys*; *chóžzař*.

...*nócnym khodzerjam...* (ČMS, 1894, 83); ...*khodzeř pónoćny...* (W₆₅).

6. *nosyć* (*nošu*) — *njesć*; *nošer* 'кто носит', 'носильщик'; н.-луж. *nosyś* (*nosym*) — *ńasć*; *ksíconosar* 'крестоносец'.

Jich přewodžeše něšto domoródnych *nošerjow* (DS₉₆); Za mlóde do korčmy *nošeř*, na stare w pastyrni prošeř (Př₂₃); Njetk budž ty ta korčmařka, Ja 'cu być ta *nošeřka!* (SH, I, 57); ... Zetkaštej štyrjoch *nošerjow* Kiž ljubku k rowu njesechu... (ČMS, 1889, 59); ... Wy lubi štyrjo *nošerjo...* Stajće to ćeło delje (SH, I, 161); Z *nošerjej* wotnjasetaj Janskeho (JNS₅₈); ...*nawjednik...* wobdari kóždeho *nošerja* bohaće (WH₇₁); ...*nošerjej* Narodneho myta... (KŠ₃₃); ...*nošerjo* tuteje barby... (NS₂₆₆); ...*nošeř* idealneho zmyslenja... (ČMS, 1898, 58); ...*nošerjo* přichoda smy! (BSP₁₄₇); ...*dla nošerce* kradnjeneho kožucha... (JB₆₂).

В сложных: *listonošer*, *nowinowošer* 'почтальон'. ...*listonošer* z kistu. (AL₁₁₃); Při brjoze *listonošer...* bjesaduje z pólcajom — cólmarjom (NS₆₈); Serbow jenički *Nowinowošer* (ČMS, 1887, 132).

Swěcownošer 'кто носит свечи': Tajcy duchowje mjenuja so *swěcownošerjo...* (ČMS, 1890, 34).

Mječtnošer 'оруженосец', вообще 'воин': ...zo dyrbja khudži robotnicy za winy *mječenošerjow* ćeřpjeć (DW₄₅).

Wołmunošerka — образно об овце (*wołma* 'шерсть').

Wowčeř piska, wjedže k domu Běle *wołmunošerki...* (ČMS, 1855, 13).

Ср. еще *bróninošer* 'оруженосец', *křižnošer* 'крестоносец', *ćełonošer* 'кто несет гроб'.

7. *pluwać* — *pluć*; *pluwar* 'пловец'; н.-луж. *pluwaś* — *plěś*; *pluwař*.

Najlěpši *pluwař* snano so we lužičcy tepi (Př₈₂); *Pluwarjo* so tež tepi (Př₁₀₀); Tež lěpšeho *pluwarja* móže wódný muž hrabnyć (Př₁₄₈). Образно (о лебеде): Hordy *pluwař* jězora... (W₁₄).

8. *wodźić* — *wjesć*; *wodzer* 'водитель', 'руководитель'; н.-луж. *wóžiš* — *wjasć*; *wóžař*.

...*wodzeř* sersbskeho towařstwa... (ČMS, 1931, 74); ...*wodzerjej* Serbow... (ČMS, 1864, 244); ...*dołholětny wodzeř* evang. Serbow... (ČMS, 1898, 117); ...*wodzerja* serbskeho naroda... (ČMS, 1895, 145); ... *wodzerjom* našeho serbskeho naroda... (ČMS, 1895, 154); ...z druhimi... towařstwami, wosebje z wrótsławskim, kotrehož *wodzeř* bě tehdom Smoleř... (ČMS, 1865, 259); ...*najswěrnějšich wodzerjow...* (ČMS, 1894, 64); ...*wótcinski wodzeř...* (ČMS, 1895, 148); ...*wótcinca a ..wodzerja...* (ČMS, 1898, 117); *Brodzeř* — je njelepy *wodzeř* (Př₁₉₃); ...*hlowny wodzeř* wudaća... (ČMS, 1901, 49); ...*wodzeř* serbskeho... seminara... (ČMS, 1902, 9); ...*wodzerjo* reformacije... (ČMS, 1902, 45); ...*wodzeř* tych časow... (ČMS, 1931, 70); ...*wodzeř* botaniskeje zahrody... (ČMS, 1902, 46); *Wodzerjo* wójskow... (ČMS, 1866, 393); ...*hudźbny wodzeř...* (ČMS, 1886, 163). Образно: Библија је *wodzeřka* — do Božeho kralstwa (Př₁₉₂). В сложных *rejewodzer* 'кто водит хоровад', *stwowodzer* 'опатор'.

9. *wozyć* — *wjeźć*; *wożer* 'кто возит'.

...*wożer chłéba a krupow*... (JB₇).

Однако значение некротных глаголов движения не является препятствием для образования производных имен существительных с суффиксом *-ar*, о чем свидетельствуют такие примеры:

1. *wjedźer* 'вождь' (от *wjesć* → *wjedu*, *wjedźeś*); н.-луж. *źeźar* (*wjasć* — *źedu* и *źežom*).

...Serbow *wjedźerjo* (JNS₅₃); ... *wjedźerjam* serbskeho ludu (ČMS, 1902, 88).

В сложном *pismowjedźer* (*pismawjedźer*) 'письмоводитель'.

...*wón bě*... *jeje přèni pismowjedźeř*... (ČMS, 1895, 149); ...*pismawjedźeř* twarskeho wubjerka (ČMS, 1895, 168); ...*k pismawjedźerja*... (ČMS, 1848, 182); *z pismawjedźerjom* starožitnostneho wotrijada... (ČMS, 1896, 55); ...*Začepak hako pismawjedźeř*... (NW₄₅).

Ср. также н.-луж. *plějar* от *plěś* (см. выше, стр. 138) и *bronĩnasar* 'оруженосец'.

2. *njeserka*, употребляющееся только в женском роде (от *njesć* в значении 'нести яйца'), 'несушка' (о курице) объясняется тем, что в значении 'нести' глагол употребляется только с некротной основой.

Sto mi rjana kokoška chce hdyž njeserka njeje (Př₁₇₆).

Преимущественное образование от итеративных основ объясняется тем, что глаголы движения с такой основой выражают действие более отвлеченно, абстрактно. С этим же связано образование отглагольных производных с суффиксом *-ar* в подавляющем большинстве случаев от глаголов несовершенного вида.

Категория вида как в верхнелужицком, так и в нижнелужицком языках является живой категорией. Совершенный и несовершенный виды четко противопоставлены друг другу. Подавляющее большинство глаголов выступает как парные глаголы совершенного и несовершенного вида. Форма настоящего времени глагола совершенного вида имеет значение будущего времени. Для глаголов несовершенного вида будущее время может быть только составным²². Образования деепричастия настоящего времени от глаголов совершенного вида и деепричастия прошедшего времени от глаголов несовершенного вида не характерны. Образования типа *Ja budu wustupić*, *ja budu zapalić*, *ja budu dobyć*; *z datami k nam troštar přĩndže* (в значении 'приходит'); *zastyšo*, *zastyšacy* и т. д. встречаются очень редко и являются результатом влияния немецкого языка²³.

Противопоставление видов в серболужицком языке даже глубже, чем в других западнославянских языках, так как к приведенным фактам проявления этого противопоставления в глагольных формах, свойственным и другим западнославянским языкам, присоединяется еще одно специфически серболужицкое противопоставление: образование простого прошедшего времени в строгом соответствии с видом глагола. Глаголы несовершенного вида образуют имперфект, совершенного вида — аорист²⁴. Важность этого противопоставления определяется тем, что аорист и имперфект достаточно четко различаются личными формами (в формах

²² К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 478; P. Wowčerck. Kurzgefaßte obersorbische Grammatik, Phonetik und Morphologie. 2. Aufl., Berlin, 1954, стр. 77—78; В. Šwela. Указ. соч., стр. 91.

²³ К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 479; P. Wowčerck. Указ. соч., стр. 77—78, 142—143; J. E. Smoleř. Přichodny čas serbskeho słowjesa. — ČMS, 1859, I, стр. 7; М. Н ó р н и к. Najpřihodniše grammatiske twórby a wukóncey. — ČMS, 1891, II, стр. 135.

²⁴ К. Е. Муске. Указ. соч., стр. 478; P. Wowčerck. Указ. соч., стр. 78, 143.

всех лиц глаголов II и IV классов и некоторых глаголов I класса и в формах 2-го и 3-го лица единственного числа глаголов остальных классов)²⁵.

Характеристика вида производящего глагола не отражается на значениях производных имен существительных. *Wuchowar* 'спаситель', образованное от глагола совершенного вида *wuchować*, может употребляться, обозначая производителя действия, который это действие еще не закончил: *Wukhowanje njebě tak lohke. Znjeboženi přimachu so za čołmowu kromu a bě strach, zo wukhowarjow sobu do hata potornu* (DS₁₀₉₋₁₁₀).

Zachowar 'хранитель' от глагола совершенного вида *zachować* 'сохранить' в следующем примере обозначает лицо, неоднократно совершавшее действие: *Bartko je był škitar a zachowar zakonškich prawow serbskeje šule* (ČMS, 1901, 57).

Napowědar 'суфлер' от глагола совершенного вида *napowědać* 'подсказать' уже своим обозначением представителя профессии предполагает неоднократное исполнение действия.

Контексты, в которых встречаются примеры 67—87 (на стр. 150—152), где существительные образованы от глаголов совершенного вида, показывают много случаев, подтверждающих независимость значений производных имен существительных от видовой характеристики производящего глагола. Другие примеры, приведенные выше и образованные от глаголов несовершенного вида, также не обнаруживают преимущественного обозначения производителя действия несовершенного или многократного, т. е. таких черт, в которых можно было бы видеть отражение несовершенного вида производящего глагола.

Независимость от вида производящего глагола иллюстрируется также одинаковостью значений параллельных форм, производных от глаголов совершенного и несовершенного видов.

1. *dohladać* (сов.) — *dohladować* (несов.) 'присматривать'; *dohladar* — *dohladowar* 'надсмотрщик'; н.-луж. *doglědaš* — *doglědowaš*; *doglědar* — *doglědowař*.

... *najlěšich wotročkow a dohladarjow*... (DS₈₃); *z dohladowarjemi a z čeledźu*... (DS₉₇); ... *dohladowar nad džělačerjemi*... (ČMS, 1892, 39).

2. *zakitać* (сов.) — *zakitować* (несов.) 'защищать'; *zakitar* — *zakitowar* 'защитник'.

... *zakitarjo złotej swobody!* (BN₁₄); ... *starej wěry zakitarjo*... (BN₆₂); ... *zakitarja ludu serbowskiho*... (BN₆₅); ... *zakitowar swobody*... (NS₂₂₁); ... *přečelow a zakitowarjow měra*... (NS₂₃₂).

3. *spisać* (сов.) — *spisować* (несов.) 'писать', 'сочинять'; *spisar* — *spisowar* 'писатель'.

Wulki džěl darichu spisarjo sami... (ČMS, 1892, 39); ... *plódny serbski spisowar*... (ČMS, 1894, 55).

4. *zastupić* (сов.) — *zastupować* (несов.) 'представлять', 'защищать'; *zastupjer* — *zastupowar* 'представитель', 'защитник'.

... *zastupjerjo narodnych naležnosći*... (ČMS, 1897, 72); ... *zastupjerjo města Budyšina*... (ČMS, 1898, 21); ... *zastupowarjej Serbskich naležnosći*... (ČMS, 1892, 66); ... *zastupowar krala abo knježaceho wjeřcha*... (ČMS, 1900, 53).

5. *wopytać* (сов.) — *wopytować* (несов.) 'посещать'; *wopytar* — *wopytowar* 'посетитель'.

²⁵ Vlad. Mohelský. Mluvnice hornolužické srbštiny a slovník hornoserbsko-český, 1948, стр. 42.

Wšědny wopytar pobjohow... (NS₁₅₆); ...wopytarjow z najdalšich kóncow Serbskeho kraja (ČMS, 1860, 98); ...Wopytowarjo... swětoweje wustajeńcy... (ČMS, 1889, 97) Mjez wopytowarjemi bě tež... Luhowskeho... syn... (DW₂₄).

6. *wuznać* (сов.) — *wuznawać* (несов.) 'исповедовать' (религию); *wuznajer* — *wuznawar* 'исповедующий' (религию).

.. *Wuznajerjo* wšelakeho wuznaća... (ČMS, 1848, 28); ...*židža* jako *wuznawarjo* pabožnistwa... (ČMS, 1865, 351).

Подобные параллельные формы различаются лишь в некоторых случаях частотой употребления, но не оттенками своих значений. Словарь Муки не отмечает никакой разницы значений для многих параллельных форм, образованных от парных глаголов совершенного и несовершенного видов:

požnaš (сов.) — *požnawaš* (несов.) 'узнавать', 'исповедовать'; *požnajař* — *požnawar* 'кто узнаёт, исповедует', 'приверженец'.

pšeglědaš (сов.) — *pšeglědowaš* (несов.) 'осматривать', 'проверять', 'контролировать'; *pšeglědař* — *pšeglědowar* 'смотритель', 'экзаменатор'.

pšesěgaš (сов.) — *pšesěgowaš* (несов.) 'переезжать'; *pšesěgař* — *pšesěgowar* 'переселенец'.

pšišěgaš (сов.) — *pšišěgowaš* (несов.) 'приближаться', 'приезжать'; *pšišěgař* — *pšišěgowar* 'пришелец', 'приезжий'.

skazyš (сов.) — *skazowaš* (несов.) 'губить'; *skazař* — *skazowar* 'губитель'.

spytaš (сов.) — *spytowaš* (несов.) 'искушать'; *spytař* — *spytowar* 'искуситель' и т. д.

Несмотря на отсутствие связи значений имен существительных на *-ar* с видом производящего глагола, остается фактом преимущественное образование от глаголов несовершенного вида.

В тех случаях, когда парные глаголы совершенного и несовершенного вида относятся соответственно к IV и V классам, нельзя говорить о производности от того или иного вида, поскольку суффикс инфинитива (*-i-* и *-e-*) не входит в образование с *-ar*, а мягкость конечного согласного производящей основы может свидетельствовать о производности от глагола как IV, так и V класса. Так в примерах 1—35 на стр. 152—155.

Большинство существительных с суффиксом *-ar* образуется от глаголов несовершенного вида, что проявляется в ограниченном количестве образований от приставочных глаголов I класса, которые, как правило, имеют совершенный вид; в полном отсутствии образований от глаголов II класса (*-nyć*, н.-луж. *-nyš*), которые в большинстве имеют совершенный вид²⁶; в отсутствии образований от приставочных глаголов IV класса, которые все принадлежат к совершенному виду, и в преобладании среди образований от глаголов V класса таких, которые включают основу несовершенного вида.

²⁶ Здесь имеет значение также то обстоятельство, что даже те глаголы II класса, которые характеризуются несовершенным видом, обозначают перемену состояния, а глаголы с таким значением вообще не дают названий действующего лица; см. М. D o k u l i l. Některé typy názvů osob podle činnosti v českém jazyce (Činitelská jména tvořená příponami se základním -c-, -č). «Naše řeč», 1956, № 5—6, стр. 128. Правильность этого замечания Докулила подтверждается наличием в нижнелужицком языке образований *kšadnar* 'вор' и *huknar* 'учащийся' от глаголов II класса несовершенного вида *kšadnuš* 'красть' и *huknuš* 'учиться', не обозначающих переход из одного состояния в другое. Для *huknar* в словаре Муки приводится верхнелужицкое соответствие *wuknjer*, имеющее то же значение и образованное от глагола несовершенного вида *wuknyć* 'учиться'.

Сам по себе факт образования слов на *-ar* от глаголов несовершенного вида связан с семантикой этих производных (большинство их подразумевает неоднократное, обычное совершение действия: название представителей профессий и т. д.) и не является характерной чертой одного серболужицкого языка. Эта закономерность свойственна, например, словацкому языку в отношении ко всем суффиксам, обозначающим действующее лицо²⁷.

Но этот факт помогает уяснить своеобразие серболужицкого языка среди других западославянских языков: большое количество случаев образования имен существительных на *-ar* от глаголов VI класса, которые все, как бесприставочные, так и приставочные, характеризуются несовершенным видом.

7) Образования от глаголов VI класса (инф. на *-owaś*, наст. вр. *-uju*; н.-луж. соответствия *-owaś*, *-uju*).

Глаголы этого класса очень продуктивны в серболужицком языке. У них три основных источника. Как и в других славянских языках, они получили особую продуктивность в образовании приставочных глаголов несовершенного вида. Кроме того, они образуются от других частей речи. Наконец, в форме глаголов VI класса обычно заимствуются глаголы из других языков²⁸. Среди заимствованных серболужицким языком из немецкого большинство — глаголы VI класса^{28a}.

Образованием от основы глагола несовершенного вида, кроме примеров, приведенных выше на стр. 158—159, объясняются также производные:

1. *nadběhować* 'атаковать', 'набрасываться' — *nadběhowar* 'атакующий', 'набрасывающийся'.

...najwostudlišeho *nadběhowarja* — *bledžaka*... (NS₁₈₃).

2. *dočahować* 'завершать процессию, движение', — *dočahowar* 'закрывающий', 'завершающий движение'.

Cyle na kóncu pak jako dočahowarjo čampaju so zbytni hólcu... (NS₃₀₋₃₁); *Či bjezholěni dočahowarjo* (NS₃₁); ...*posledni kemšerjo — dočahowarjo*... (NS₄₁); *Za mnu surowy ludowy policist durje zaprasny dočahowarjam* (NS₂₃₀). Образно (о зимующих птицах): *dočahowarjo zymu*... (NS₂₀₂).

3. *přičahować* 'приходить', 'приезжать', 'приближаться' — *přičahowar* 'приезжающий', 'приближающийся'.

...*přičahowarjo z druhich stronow*... (ČMS, 1899, 78); ...*cuzym přičahowarjam*... (ČMS, 1900, 74); ...*němskim přičahowarjam*... (ČMS, 1900, 77); ...*jako přibuwcy abo přičahowarjo*... (ČMS, 1886. 3—4); *Zamožići přičahowarjo płačachu šulske pjenjezu*... (ČMS, 1901, 75).

4. *počesćować* 'почитать' — *počesćowar* 'почитатель'.

...*jeje najswěrnši počesćowar!* (NS₁₈); ...*počesćowarjo a přečeljo zahrodniskeho wuměłstwa*... (NS₁₅₀).

5. *zhibować* 'сгибать', 'гнуть' — *zhibowar* 'кто гнет, сгибает'.

Zhibuj so prjedy, hač zhibowar přińdze (Př₁₇₉).

²⁷ Belo L e t z. Mená činitel'ského značenia (Kmeňoslovné úvahy, Spisy jazykového odboru Matice Slovenskej v Turč. Sv. Martine, sv. 3., 1943), стр. 115.

²⁸ Объясняя это явление в чешском языке, Майер предполагает, что большое значение имел суффикс второго слабого спряжения древневерхнемецкого глагола *-ol*, т. е. с гласным *o* (как в *-owati*) (A. Mayer. Die deutschen Lehnwörter im Tschechischen. «Forschungen zur Sudetendeutschen Heimatkunde», Heft 3. Reichenberg, 1927, стр. 54). Однако решающим здесь, конечно, была высокая общая продуктивность славянских глаголов этого класса.

^{28a} См. словарь в кн.: Н. Н. Bielfeldt. Die deutschen Lehnwörter im Obersorbischen. Leipzig, 1933. См. также глаголы в речи лужичан, испытавших влияние немецкого языка в наибольшей степени (там же, стр. XXVI—XXVIII).

6. *dohladować* 'присматривать', 'наблюдать' — *dohladowar* 'наблюдатель', 'инспектор' (ср. *dohladar* от сов. *dohladać* — образование, употребляемое в том же значении, но значительно более редкое, стр. 157); н.-луж. *doglědowaś* — *doglědowař*.

...*zarjadowař* а *dohladowař* (DW₅₆); *Dohladowař*, kiž jich hlada... (ČMS, 1891, 58); ...*dohladowař* jich swarješe... (CMS, 1891, 111); ...*dohladowař* dwórnišća... (ČMS, 1898, 21); ...*ščinichu* jeho za krótki čas za *dohladowarja*... (DP₄₁); ...k temu postajenych *dohladowarjow*... (ČMS, 1848, 184); Tutaj duchownaj *dohladowarjej*... (CMS, 1886, 59); ...*dohladowař* а wučer... Serbowki (NW₇); ...*dohladowarjo* nad serbskim duchownistwom а serbskimi šulemi... (CMS, 1900, 49); ...zastojnstwo řečneho *dohladowarja*... (NS₂₈₄); ...*dohladowař*... seminara... (CMS, 1896, 16); ...*policajski dohladowař*... (DP₈₄); ...*wokrjesnym dohladowarjam*... (CMS, 1886, 181); ...*krajny šulski dohladowař*... (CMS, 1898, 121); ...*šulskimi dohladowarjemi*... (CMS, 1886, 59); ...*šulscy dohladowarjo*... (DW₈₀); *Dohladowařka* njewědžeše або njechaše wědзец hdze holěcy stej. (WP₅₅).

7. *přihladować* 'смотреть' — *přihladowar* 'зритель'.

Přihladowař w dziwadle... (ČMS, 1887, 125); ...njeje jeno *přihladowař*, аle tež sobuskutkowaca wosoba... (CMS, 1889, 46); *Přihladowarjo* wšak so na tym jara wjeselachu... (DW₇₄); ...jako *přihladowar*, kaž w cyrkusu... (BS₅₉); ...nad kotrymiž so *přihladowarjo* njemało džiwaja... (CMS, 1931, 86); ...*přihladowarjam*, kiž so nutř do jstwy tłōčachu... (DW₇₅); ...*syła wěpnych přihladowarjow*... (CMS, 1898, 21); Křiki а biće а zelenje mjez *přihladowarjemi* (KR₁₅); ...*džakowni přihladowarjo* а *připoslušarjo* (NS₁₄₂); ...*hdyž wosebje rjany wobraz přihladowarjej wudře wukřik wobdžiwanja*... (NS₁₄₂); ...*předmět wobrazow njemóže přihladowarja* tak jimać а sputać... (NS₂₃₇); Mni bě hižo jara zajimawe, sej wobhladować tych *přihladowari* (BM₃₆); ...*přihladowarjam* je so to jara lubiło (BM₃₇); ...*nihdže njejsym wohladała pobožnišich přihladowarjow* hać tych *džělačeri* а *burow*... (BM₈₅).

8. *wobhladować* 'осматривать' — *wobhladowar* 'кто осматривает', 'зритель'.

...*wobhladowar* а *wobhladowany*... (NS₃₉).

...*woni dokonjeja wobhladowarja* sputać а *zahoric* а *dobyc* за měrowy bój... (NS₂₃₈).

9. *wuklukować* 'угнетать' — *wuklukowar* 'угнетатель', параллельно *wuklukar* с тем же значением, но от глагола совершенного вида (*wuklukać*); образование от глагола совершенного вида употребляется реже (см. выше, пример 73, на стр. 151).

...«*błudnych čertow*» а «*wuklukowarjow*»... (JB₄₂);

wukkowuklukowar — 'крупный угнетатель': ...*cybnjeneho wukkowuklukowarja*... (NS₁₃₈).

10. *wukładować* 'объяснять', 'толковать' — *wukładowar* 'толкователь'; н.-луж. *hukładowaś* — *hukładowař* параллельно и *hukładař* от *hukładaś*).

...*wukładowař* Ditmara... (CMS, 1897, 103); ...*wukładowař* serbskich ležownostnych mjenow... (CMS, 1933, 72).

11. *kipować* 'покупать' — *kipowar* 'покупатель'; н.-луж. *kipowaś* — *kipowař*.

Předawař hubu trjeba, а *kipowař* woći (Př₁₀₉); Spěšny *kipowař* (HS₄₅).

12. *schadzować* со 'сходиться', 'собираться' — *schadzowar* 'участник собрания'.

A hdyž so tych *skhadźowarjow* prašeće: To tych Serbow Łužiskich towařstwo je (ČMS, 1931, 73).

13. *zličbować* 'считать' — *zličbowař* 'кто ведет счет, подсчитывает'.
...*lěsniski zličbowař*... (ČMS, 1895, 159); ...*zličbowař* А. В. Černý... (ČMS, 1895, 160).

14. *donošować* 'доносить' — *donošowar* 'доносчик' (параллельно *donošer* от *donosyć*, *donošu* или *donošec*).

...*potom tež kopnu kóždeho donošowarja* porjadnje do rée (JB₄₅); Tuž sebi naja znatu *donošowarčku*, zo by jej wučušliła... (WP₅₁).

15. *přednošować* 'докладывать', 'читать лекцию' — *přednošowar* 'докладчик', 'лектор'.

...*njeda so přednošowar mylic a rěčeše dale*... (BM₅₃); *Přednošowar bě skónčil* (BM₅₇).

16. *roznošować* 'разносить', 'распространять' — *roznošowar* 'кто разносит, распространяет' (параллельно *roznošer* с тем же значением, от *roznosyć*, *roznošu* или *roznošec*); н.-луж. *roznosowaś* — *roznosowař*.

...*powyšenje rabatta za roznošowarja*... (ČMS, 1887, 81).

17. *wotnošować* 'относить' — *wotnošowar* 'кто относит' (параллельно *wotnošer* от *wotnosyć*, *wotnošu* или *wotnošec* с тем же значением).

...*wobkedźbowaše wotnošowarjow*, zo jemu njebychu žito nihdže druhdže wotnosyli (ČMS, 1862, 31).

18. *znošować* 'сочинять музыку' — *znošowar* 'композитор'.

...*hěrcni znošowarjo*... (SH, I, XI); ...*znošowarjo* najnowšeho časa... (SH, I, 5—6).

19. *dopisować* 'переписываться' — *dopisowar* 'корреспондент'.

Dopisowař Maćicy... (ČMS, 1900, 140); K tomu *dopisowař* přidawa... (ČMS, 1900, 105).

20. *spisować* 'писать', 'сочинять' — *spisowar* 'кто пишет', 'писатель' (ср. *spisar*, имеющее то же значение, образованное от глагола совершенного вида *spisać*; обе формы: от глаголов совершенного и несовершенного вида, — встречаются одинаково часто) (см. выше пример 78, на стр. 151).

...*jako spisowař*... «*Missionskeho Pósla*»... (ČMS, 1898, 56); ...*wot ewangelskich spisowarjow* wobstarane knihi (ČMS, 1866, 372); ...*zo přeni spisowarjo* tutón... *prawopis njewobkhowachu*... (ČMS, 1851—52, 66); ...*bjez mjena wudawarja* abo *spisowarja*... (ČMS, 1894, 48); ...*wot serbskich spisowarjow* a *nowinarjow*... (ČMS, 1891, 132); ...*za serbskich spisowarjow*... (ČMS, 1851—52, 99); ...*serbscy spisowarjo*... (ČMS, 1851—52, 64); ...*pilneho serbskeho spisowarja*... (ČMS, 1896, 61); ...*ale Nukso boji*, zo *spisowař* žaneho nakładnika njenadeńdže... (ČMS, 1860, 45); ...*pólski spisowař*... (ČMS, 1862, 115); ...*spisowař* Ramuřt ze Lwowa... (ČMS, 1893, 77); ...*knjeza spisowarja*... (ČMS, 1898, 52); ...*našeho njesprócnjeho spisowarja*... (ČMS, 1898, 53); *Mjena spisowarjow* X. *zwjaska* (ČMS, 1894, 159); ...*Spisowař* a *predawarjo*... (DZVIII); ...*serbska spisowarčka*... (ČMS, 1900, 105).

21. *napisować* 'писать', 'надписывать' — *napisowar* 'кто пишет, подписывает' (ср. *napisar* с тем же значением, от глагола совершенного вида *napisać*); н.-луж. *napisaś* — *napisowaś*; *napisař* — *napisowař* (см. выше пример 77, на стр. 151).

Němscy napisowarjo, kiž za cuzu ryč žaneho *prawopisa* měć njemóžachu... (ČMS, 1863, 36); *Čim radšo* na njeho jako *napisowarja* spominam... (ČMS, 1860, 7).

22. *wopisować* 'описывать' — *wopisować* 'кто описывает'; н.-луж. *hopisowaś* — *hopisować* и параллельно *hopisař* от глагола совершенного вида *hopisaś*.

...*wopisować* serbskich kulturnych městnow... (ČMS, 1933, 10); ...*wopytować a wopisować*... (NS₇₂).

23. *zapisować* 'записывать' — *zapisować* 'кто записывает', 'секретарь' (параллельно *zapisar* с тем же значением, употребляющееся реже, от глагола совершенного вида *zapisać*); н.-луж. *zapisowaś* — *zapisować*.

...*zmylk zapisować* abo *wudawarja*... (ČMS, 1901, 94); ...*ani předsydy, ani zapisować*... (DS.); ...*zapisować* a *wubjerkownika*... (ČMS, 1933, 85); ...*pokładnik a zapisować* skupiny... (NS₂₅₄); ...*zapisować* ma *pisać* protokole... (NS₂₅₆); ...*zapisować* *wubjerka* (ČMS, 1900, 139).

24. *prěpytować* 'исследовать', 'ревизовать' — *prěpytować* 'исследователь', 'ревизор' (*prěpytar* с тем же значением от глагола совершенного вида *prěpytać*; употребляется очень редко).

...*Sakskich prěpytowaćjow*... (ČMS, 1900, 49); *Tuž prěpytowaćjo* dowolichu, zo smě wěc při starym wostać... (ČMS, 1900, 49); ...*prěpytowaćja* stawiznow... (ČMS, 1901, 48); ...*prěpytowaćjo* serbskich bajow... (ČMS, 1891, 53); ...*swědomity prěpytować*... (ČMS, 1889, 108).

В сложном *rěčepřěpytować* 'исследователь языка'.

...*wulkjeho ryčjepřěpytowaćja* *Dobrowskjego*... (ČMS, 1848, 13).

25. *Spytować* 'искушать' — *spytować* 'искуситель'; н.-луж. параллельные формы *spytować* и *spytar* (устаревшее) от *spytowaś* — *spytas*.

Tón spytować nutřka je hórši, dyžli tón z wonka (Př₁₅₂); *Z božim słowom spytowaćja* wotpokazać (MH₅₁); *Dži spytowaćjo, dži! Twój směch* mje njemyli (HS₅₀).

26. *wopytować* 'посещать' — *wopytować* 'посетитель', параллельно *wopytar* с тем же значением от глагола совершенного вида *wopytać*, употребляющееся так же широко. См. выше пример 79, на стр. 151, и пример 5, на стр. 158 и след.

...*mjez njeličomnymi wopytowaćjemi*... (ČMS, 1898, 37); ...*kóždy wopytować a wopisować*... (NS₇₂); *Serbska wustajeńca, měješe docyła 45730 wopytowaćjow*... (ČMS, 1933, 75); *Maks Kěžnik* *swojeho wopytowaćja* *hakle wuhlada*... (JB₅₅); *Jenož wuske, jara wuske zdachu so stwy a stwički wopytowaćjomaj*... (BM₂₂).

27. *wurězować* 'вырезать' — *wurězować* 'кто вырезает'.

...*Stej... Y... a... S* *wot wurězowaćja* *prěmjenjenej*... (ČMS, 1888, 38).

28. *poskićować* 'предлагать' — *poskićować* 'кто вносит предложение'.

...*poskićowaćja*, ...*kotrehož poskićenja*... (ČMS, 1898, 61).

29. *skomudźować* 'пропускать', 'упускать' — *skomudźować* 'кто пропускает, зевает'.

Wotstorkować — *skomudźować* (Př₂₃₁).

30. *prěsmykować* 'провозить контрабандой' — *prěsmykować* 'кто провозит контрабандой'.

...*kak su prěsmykowaćjo* *chcyli sčonikow wojebać*... (DW₁₁₁).

31. *wotstorkować* 'откладывать' — *wotstorkować* 'кто откладывает' (см. выше пример 29).

32. *zastupować* 'представлять', 'защищать' — *zastupować* 'представитель', 'защитник' (параллельно *zastupjer* в том же значении от глагола совершенного вида *zastupić*; образование от этого глагола употребляется даже чаще. См. пример 51 на стр. 144).

...swojich zastupowarjow w Krakowskich uniwersitnych murjach (ČMS, 1901, 75); ...najlěpšeho přečela a najspomožnišeho zastupowarja... (ČMS, 1898, 115).

33. *posudźować* 'судить', 'обсуждать' — *posudźowar* 'кто судит, обсуждает, критикует'.

Tež najkrućiši *posudźowarjo* njenamakachu ničeho, štož mohli ji porokować (DS₅₈).

34. *zaškitować* 'защищать' — *zaškitowar* 'защитник'.

...*zaškitowarjo* domjaceho zboža (ČMS, 1891, 29—30).

35. *přiwisować* 'примыкать', 'присоединяться', 'быть сторонником' — *přiwisowar* 'сторонник' (при *přiwisar* от параллельной формы несовершенного вида *přiwisac*; употребляется редко).

...*přiwisowar* wótčinskih towarstwow... (ČMS, 1898, 58); ...*přiwisowarjo* Dideota, Voltaire... (DP₆₂); ...je Serb *přiwisowar* swobody, swobodneje mysle (ČMS, 1902, 67); ...zahorjenu *přiwisowar*... (ČMS, 1898, 54); ...mjenje *přiwisowarjow* mjez serbskej čeledźu... (ČMS, 1886, 177).

36. *wuwičować* 'обучать' — *wuwičowar* 'кто обучает'.

...zarjadować a *wuwičowar* swjedžeńskeho dźiwadła... (ČMS, 1898, 16); ...dyrbjeli pak... *wuwičowarja* bóle wobdźiwać, kiž je... to dokonjał, nic snano z pukami a hrubymi słowami, ale jenož z dobrym (ČMS, 1931, 86); ...surowa *wuwičowarka*... (NS₂₁₉).

37. *zwičować* 'обучать' — *zwičowar* 'кто обучает', 'инструктор'.

...serbskich rejwarjow — *zwičowarjow*... (NS₂₃₃). В сложном *ćěto-zwičowar* 'физкультурник'.

В серболужицком языке почти каждый приставочный глагол IV класса (на *-ic*, н.-луж. *-iš* — сов. вида) имеет по два соответствующих глагола несовершенного вида: кроме глагола V класса (*-ec*, н.-луж. *-'as*) также глагол VI класса: *přinjesć* — *přinošec* и *přinošować*; *přińc* — *přichadźec* и *přichadźować*; *rozdźělić* — *rozdźělec* и *rozdźělować*; *pohonić* — *pohonjeć* и *pohonować*; *wohrozyć* — *wohrožec* и *wohrožować*; *zhubić* — *zhubjeć* и *zhubjować*.

То же явление отражается в нижнелужицких формах: *hob'esyš* — *hob'esaš* и *hob'esowaš*; *róžycyš* — *róžycas* и *róžycowaš* и т. д.

Такие парные образования несовершенного вида различаются незначительным видовым оттенком типично глагольного характера²⁹. Многие из этих форм VI класса — серболужицкие новообразования, так как в других славянских языках формами несовершенного вида в подобных случаях являются соответствия серболужицким глаголам на *-ec*, *-as*³⁰.

Указанная особенность глагольной системы отражается в производных именах существительных с суффиксом *-ar* в виде параллельных образований, дополняющих группу производных с этим суффиксом от глаголов VI класса. О какой-либо разнице в значениях таких параллельных образований говорить так же невозможно, как и о разнице значений параллельных форм, образованных от парных глаголов совершенного и несовершенного вида.

1. *zbudźić* — *zbudźec*, *zbudźować* 'пробуждать'; *zbudźer* — *zbudźowar* 'кто пробуждает'.

...z našim wulkim *zbudźerjom*... Smolerjom... (ČMS, 1933, 7); ...narodneho *zbudźerja* Arnošta Muki... (ČMS, 1933, 76); ...do rjadu wonych

²⁹ Р. Wowčerк. Указ. соч., стр., 156.

³⁰ J. P. Jordan. Grammatik der wendisch-sorbischen Sprache in der Oberlausitz, im Systeme Dobrowsky's abgefaßt. Prag, 1841, стр. 82.

zbudzerjow... (ČMS, 1901, 57); ...*zbudżowarjow* našeho... Serbstwa... (CMS, 1888, 97); ...*zbudżowař* młodych Serbow... (CMS, 1862, 55); ...*zbudżowař* narodneho hibanja... (CMS, 1898, 58).

2. *zhromadzić* — *zhromadžeć, zhromadżować* 'собирать'; *zhromadżer* — *zhromadżowar* 'собиратель'.

...*zhromadżeř* a *założeř*... (ČMS, 1862, 44); ...*bez tych wot zhromadżowarja* pšiwdatych hłosow... (SH, I, 6).

3. *prełožić* — *prełožec, prełožować* 'переводить'; *prełožer* — *prełožowar* 'переводчик'.

...*wubérac* přihódne originale a *pytać prełožerjow...* (ČMS, 1898, 40); *Pilni prełožowarjo* započinachu wupłody druhich narodow do serbsčiny *prełožować* (BM₅₅); ...*wot wšelakich prełožowarjow...* (JP₁₄).

4. *załožić* — *załožeć, załožować* 'закладывать', 'основывать'; *załožer* — *załožowar* 'основатель'; н.-луж. *załožař* — *załožowar*.

Imiš bě tež załožeř... wšelakich towařstwow a wustawow... (ČMS, 1898, 113); ...*zahorjeny załožowar*... wótcinskich towařstwow... (ČMS, 1898, 58).

5. *požćić* — *požćeć, požćować* 'давать взаймы'; *požćer, požćowar* 'заимодавец'; н.-луж. *póžycyś* — *póžycas, póžycowas; póžycar* — *póžycowar*.

Zajimak požćerjam pod škórnje přindže (Př₁₇₃); *Požćowar* zajimcej na hłowu porska (Př₁₀₈).

6. *wobstražić* — *wobstražeć, wobstražować* 'охранять'; *wobstražer* — *wobstražowar* 'кто охраняет'.

...*wobstražerjo*... domjaceho zboža (ČMS, 1891, 29—30); ...*wobstražowařka* polow... (ČMS, 1891, 115).

7. *podtłóćić* — *podtłóćeć, podtłóćować* 'угнетать'; *podtłóćer* — *podtłóćowar* 'угнетатель'.

...*přećiwo němskim podtłóćerjam*... (NV₂₂); ...*Podtłóćowarjo* serbskeje narodnosće... (ČMS, 1888, 50); ...*podtłóćowarjej* dželaćerjow... (DS₅).

8. *wusměšić* — *wusměšeć, wusměšować* 'высмеивать'; *wusměšowar* 'насмешник' (ср. *wusměšeř* в словаре Пфуля).

...*wosebje so surowje wjeći* svojim *wusměšowarjam*... (ČMS, 1894, 83); ...*ći wusměšowarjo*... (BS₅₉).

9. *potłóćić* — *potłóćeć, potłóćować* 'угнетать'; *potłóćowar* 'угнетатель' (ср. *potłóćer* в словаре Пфуля).

...*přećiwo wuklukowarjam* a *potłóćowarjam* luda... (NS₂₃₇); ...*postajenje roboćanow přećiwo jejich potłóćowarjej* (WP₉); *Lětstotki dołho su so Serbja*... *přećiwo* svojim *potłóćowarjam* *zběhali*... (JNS₄); ...*po wuhnaću potłóćowarjow*... (NS₄₄); ...*serbscy burja stajachu hrody, w kotrychž běchu jich potłóćowarjo žiwi* (BM₂₀); *Zo holčo serbske bě slowjanske, potłóćowar* *njeprida*... (KR₉).

Ср. также подобные параллельные формы, приведенные выше: *donošer* — *donošowar*; *roznošer* — *roznošowar*; *wotnošer* — *wotnošowar* (примеры 14, 16, 17 на стр. 162).

Различие между этими параллельными формами, так же как и различие между параллелями, образованными от парных глаголов совершенного и несовершенного видов, касается лишь частоты их употребления. В большинстве случаев формы от глагола VI класса более употребительны, о чем можно судить и по пометам в словарях.

Много производных с суффиксом *-ar*, соотносительных с глаголами VI класса, образованными от других частей речи (иногда также от глаголов — при наличии итеративных форм) или заимствованными из немецкого языка.

1. *bjesadować* 'беседовать' — *bjesadowar* 'кто беседует', 'собеседник'.
...*dobry bjesadowar* (NS₁₁₂); ...*mudry bjesadowar-filozof*.. (NS₁₀₅).
2. *cyganować* 'бродяжничать' — *cyganowar* 'бродяга'. ...*cyganowarjo*
z mandolinami... (NS₂₄₇); ...z měšćanskimi *cyganowarjemi* (NS₂₄₇); ...*cy-*
ganowarjow wšěch družin a wuhotowanjow (NS₈₈).
3. *cychnować* 'неистовствовать', 'бушевать' — *cychnowar* 'буян'.
Prjedy *cychnuja* wšitcy, a potom je jeno knjez Nichtó *cychnowař* byl (Př₁₁₂).
4. *scěhować* 'следовать' — *scěhowar* 'последователь'.
.. *scěhowar* Jurija Surowina... (NS₁₄₃).
5. *česćować* — *česćić*, *česćeć* 'чествовать' дают параллельные формы,
не различающиеся значением: *česćowar* — *česćer* 'почитатель'.
...*mjena česćowarjow* njeboheho... (AL₉); ...*česćowarja* serbskeho
wašnja... (ČMS, 1866, 399); ...*jeho česćowarja* a přećela... (ČMS;
1895, 155); ...*jeho jeho młódsich česćowarjow* (ČMS, 1895, 155),
...*česćowarjo* našeho njezapomniteho Michała Hórnik... (ČMS, 1887, 69);
...*česćowarjej* džěłow Měrcina Nowaka... (NS_x); ...*zakosćenym česćo-*
warjam prusowstwa... (NS₁₇₆); ...*zemrjeteho česćowarja*... (ČMS, 1895,
146). Ср.: ...*česćeř* a šuleř M. Müllera... (ČMS, 1890, 7).
6. *čwilować* (*čwělować*) 'мучить' — *čwilowar* (*čwělowar*) 'мучитель';
ср. *čwiler* (*čwěler*), см. выше пример 8 на стр. 140).
Běchu to moji čwilowarjo? (JK₆). Образно (о комарах)... *drobne*
čwělowarki... (NS₆₃).
7. *drohować* 'путешествовать' — *drohowar* 'путешественник'; н.-луж.
drogowaś — *drogowar*.
...*cuzomnicy a drohowarjo*... (SH, I, 23); *Drohowař*... *zakhowa* je
swojej dnjownicy... (SH, I, XI); *Wotchadžaceju kwasneju drohowarjow*...
(BM₉).
8. *dwělować* 'сомневаться' — *dwělowar* 'сомневающийся'.
...*dwělowarjam* abo přećiwnikam... (ČMS, 1888, 41).
9. *fotografować* 'фотографировать' — *fotografowar* 'фотограф'.
...*knjeni dwórska fotografowařka*... (ČMS, 1897, 151).
10. *kedźbować* 'наблюдать' и приставочные с тем же значением
nakedźbować, *wobkedźbować* — *kedźbowar*, *nakedźbowar*, *wobkedźbowar*
'наблюдатель', 'инспектор', 'контролер'.
...*hudźbnje zdžěłaneho kedźbowarja*... (ČMS, 1888, 9); ...*najwyšeho*
ministerialneho nakedźbowarja wšitkich sakskich gymnasijow... (ČMS,
1892, 51); ...*bjezdžakny wobkedźbowar* sedži na štomje... (ČMS, 1897,
34); ...*wučěnym słowjanskim wobkedźbowarjam* našeho pismowstwa...
(ČMS, 1898, 41).
11. *knihować* 'вести учет' — *knihowar* 'бухгалтер'.
...*wyšeho knihowarja*... (BM₁₆).
12. *pokračować* 'продолжать' — *pokračowar* 'продолжатель'.
Na *Fredegarja slědowachu* mnozy *pokračowarjo* (ČMS, 1901, 50);
...*pokračowarja* Kosmasa z Prahi... (ČMS, 1901, 56).
13. *krjudować* 'бичевать' — *krjudowar* 'кто бичует', 'истязатель';
параллельно *krjudzić* (несов.) — *krjudžer*;
...*krjudowarjemi* a mordarjemi... (KR₁₁); ...*krjudžerjow* a nje-
přećelow... (BW₁₉₈).
14. *kubłować* 'воспитывать' — *kubłowar* 'воспитатель'; н.-луж. *kubłow-*
waś — *kubłtaś*; *kubłowař* — *kubłtař*.
...*jako wučěř a duchowny kubłowar*... (ČMS, 1890, 99).

15. *kwasować* 'справлять свадьбу' — *kwasowar* 'свадебный гость'.
Kwasowar (W₄₄).
16. *lichować* 'заниматься ростовщицеством' — *lichowar* 'ростовщик'.
Z lichowarjemi hori čert helu (Př₁₈₂); *Lichowar* požčuje tak, zo by za wosmak rad šesnak wróceny měl (Př₇₀); *Lichowar* tež smjerdžakej smjerdži (Př₇₀); Jeho su *lichowarjo* wobstupili (MH₈₈); Na wsach su *lichowarjo*. Nizku dań dawaja, wysoku žadaja (DZ₁₇).
17. *lubkować* 'ухаживать', 'любезничать' — *lubkowar* 'ухаживающий', 'любезничающий'; н.-луж. *lubkował* — *lubkowar*.
... Wy sće jenož *lubkowarjo* a nic mužowje (DP₆₂).
18. *lubować* 'любить' — *lubowar* 'любитель', иногда 'возлюбленный'; н.-луж. *lubował* — *lubowar*.
... *lubowar* słowjanskich spěwow... (ČMS, 1862, 54); ... *lubowarjo* serbskeho spěwa... (ČMS, 1860, 106); ... *lubowarjow* našeho Časopisa... (ČMS, 1866, 414); ... horcy *lubowar* swojeho droheho serbskeho luda... (ČMS, 1898, 58); ... přečel, *lubowar* a dobročel serbskeho luda (ČMS, 1900, 65); ... wulkich *lubowarjow* zajacow... (DW₇₉); ... fanatiski *lubowar* přirody (NS₉₇); ... přečel a *lubowar* přirody... (NS₁₀); ... *lubowarjo* wjesneje swobody... (JNS₃); ... radosće za swojich *lubowarjow* (NS₁₃₀); ... Wósom je róžkow a bokow je šesć, Jich *lubowar* móže traš na smjeće zlězć (W₄₁); ... twójimi najlěpšimi *lubowarjemi*... (ČMS, 1855, 14); ... njebě wuwučeny hudźbnik, ale jenož jeje wulki *lubowar* (diletant) (ČMS, 1933, 53); Hribař a *lubowar* (ČMS, 1894, 14).
19. *pěstować* 'воспитывать' — *pěstowar* 'воспитатель', 'покровитель'.
Tu matej so jako *pěstowarjej* wosebje mjenować Adolf Černý a Ludwik Kuba (ČMS, 1894, 68); Agentow abo «dowěrnikow», «*pěstowarjow*»... (ČMS, 1902, 91); Na polu wumělskeho spěwa... płaci jako zakładnik, plahowar a *pěstowar* kantor K. A. Kocor (ČMS, 1933, 50); ... pod dohladom *pěstowarkow*... (NS₁₃₇); ... fachowa šule za serbske *pěstowarki*... (KŠ₄₀); Tu wostanu jenož *pěstowarki*... (BM₂₂).
20. *plahować* 'разводить' — *plahowar* 'кто разводит'.
... *plahowar* rybow (BM₆₀); ... sowjetskich *plahowarjow* rybow (BM₆₀); ... *plahowarjow* žlotych rybičkow... (NS₂₄₄); ... *plahowar* a *pěstowar*... (ČMS, 1933, 50).
21. *romnikować* 'ставить памятники' — *romnikowar* 'любитель ставить себе памятники'.
... po smjerći swojeho třećeho mandźela, toho *romnikowarja*... (NS₁₉₂).
22. *pućować* 'путешествовать' — *pućowar* 'путешественник', 'путник', 'странник'; н.-луж. *pućował* — *pućowar*.
... přińdže k wudowje *pućowar*... (ČMS, 1895, 144); ... *pućowar*, kiž do Budyšina přińdže... (ČMS, 1895, 155); ... cuzemu *pućowarjej*... (ČMS, 1887, 103); ... Swěca *pućowarjej* w émowej nocy (BW₃₂₂); A *pućowarjej* pod nohu Na horach piškoce ze sněha (BW₃₀₈); ... šwikajo z křudom a zatrašejo *pućowarjow* (ČMS, 1890, 29); Hdyž *pućowar* to wobkrući... (KSB₁₁); ... Cuzbnik abo *pućowar* (ČMS, 1895, 125); Naši *pućowarjo* na kamjelach jěhajo překročichu kruch pusćiny... (DS₉₆); ... žadyn z... *pućowarjow* njeskhorje na móřsku khorosć (DS₉₆); ... samotnemu nócnemu *pućowarjej*... (ČMS, 1897, 116); Naše swětło falšne je, *pućowarjam* strašne... (KK₃₀); ... mučnemu *pućowarjej*... (ČMS, 1900, 126); Horcota a tužnota dusytej *pućowarja*-kolesarja (NS₅₀); ... *pućowarja*..., hdyž takle dunda po tej runej dróze... (NS₇₄); Njedaleko šule wita krasna

lipowa aleja *pućowarja* (KS₂₅); ... spisaćeljo a *pućowarjo*... powjedaja... (ČMS, 1851—52, 77—78).

23. *wipućowac* 'выезжать', 'выселяться', — *wipućowar* 'кто выезжает, выселяется'.

... *wipućowarjo* ze zapadnoněmskich krajín... (KŠ₅).

24. *putnikowac* 'путешествовать', — *putnikowar* 'путешественник'.

... *putnikowar*, rućiwši so na Čornobóh bjez płašća a předešćnika (NS₂₄₈).

25. *rejowac* 'танцевать', — *rejowar* 'танцор'.

Ludžo w žurli smějo wutrajnym *rejowarjam* přikleskuja... (BS₈₈).

26. *zarjadowac* 'распоряжаться', 'приводить в порядок', 'управлять', — *zarjadowar* 'управляющий', 'распорядитель'.

... *zarjadowarjo* Pječoweho wotkazanja (ČMS, 1865, 347); ... zo budže wuzwoleny *zarjadowar* wšě nuzne džěła... dokonjeć (ČMS, 1931, 130); ... *zarjadowar* a dohladowar... (DW₅₀); ... *zarjadowar* a wuwučowar swjedžeńskeho džiwadła... (ČMS, 1898, 16); ... jich *zarjadowarja* (ČMS, 1898, 28); ... *zarjadowarja* domu... (ČMS, 1933, 83); ... hłowny *zarjadowar* měšćanskeje šule... (ČMS, 1888, 31).

27. *rysowac* 'рисовать', — *rysowar* 'рисовальщик'.

... *rysowar* a lithograf (ČMS, 1894, 56); ... molerjo a rězbarjo a *rysowarjo*... (NS₂₃₇); ... humoristiski *rysowar* a basnjeř (ČMS, 1933, 53).

28. *sabotowac* 'саботировать', — *sabotowar* 'саботажник'.

... škódnikow a *sabotowarjow*... (NS₂₂₅).

29. *sněhakowac* 'кататься на лыжах', — *sněhakowar* 'лыжник'.

... čarpu, kajkuž měwaju *sněhakowarjo*... (BS₃₁).

30. *spěchowac* 'способствовать', 'ускорять', — *spěchowar* 'покровитель'.

... Běše ze *spěchowarjom* skoro kóžděho serbskeho spisowacela (ČMS, 1933, 10); ... *spěchowar* wšelakich towařstwow... (ČMS, 1898, 113); ... *spěchowarjej* wužitnych skutkow... (ČMS, 1892, 66); ... *spěchowarjo* zboža serbskeho (BN₁₄); ... *spěchowarja* přiběranja pólnych rostlinow... (ČMS, 1891, 120); ... *spěchowar* wótčinskich zaměrow... (ČMS, 1898, 58); ... zaslužbnemu *spěchowarjej* ludowědy... (ČMS, 1933, 71); ... přećeljo a *spěchowarjo* narodopisa... (ČMS, 1898, 16); Młode serbske narodne žiwjenje naby... z dohom wubjerneho *spěchowarja*... (ČMS, 1895, 149); ... jejny zahorjenu přiwisowar a *spěchowar*... (ČMS, 1898, 54). В образном употреблении: ... tola čista lubosć, *spěchowarka* rjanych skutkow... (NW₉₀).

31. *stražowac* 'сторожить', 'охранять', — *stražowar* 'кто сторожит, охраняет'.

Образно (о цаплях): ... hač so tymaj *stražowarkomaj* bóle bližić njemóžu (NS₂₀).

32. *prócowac* so 'стараться', 'проявлять усердие', — *prócowar* 'кто старается, проявляет усердие' (обычно в значении „деятель национального возрождения“).

... narodnych *prócowarjow*... (BW₁₆); ... delnjoserbskeho *prócowarja*... (NS₁₄₃); ... naši načolní *prócowarjo*... (NS₂₁₇); ... narodny *prócowar*... (KŠ₄₁); ... serbskeho *prócowarja*... (KŠ₂₅); ... narodneho *prócowarja*... (ČMS, 1933, 76); ... tutym *prócowarjam* scěhowachu... (ČMS, 1933, 50).

33. *škitowac* 'защищать', — *škitowar* 'защитник', (параллельно *škitar* от *škitac*, имеющее то же значение, см. выше, пример 51 на стр. 149).

...*škitowař* tamnišeho jesuitskeho kollegia... (ČMS, 1896, 19); ...*škitowařka* přećiwo khodotam (ČMS, 1897, 30); ...*škitowarja* pastyrjow... (ČMS, 1897, 102—103). Ср. ...*škitar* tych ludow... (BN_{III}).

34. *šnipować* 'нюхать' — *šnipowar* 'кто нюхает табак'.

Šnipowař kaŝ stary Fryca (MH₃₁); *Šnipowař* (W₉₁).

35. *wikować* 'торговать на ярмарке' — *wikowar* 'торговец на ярмарке'; н.-луж. *wikowař* — *wikowař*.

Wikowar ze zeleninu... (JB₈₇); ...*wikowarja* ze drastu... (DP₃₀); ...konjacemu *wikowarjej*... (DP₃₀); ...*Wikowarjo* powédachu, zo su ju we wulkim měšće na hermanku widźeli (JK₂₃); ...njejsym *wikowar* (NS₁₇₁); Hdyž blázn na wiki stupa, so *wikowař* směje (Př₂₈); Kulowski *wikowař* z čežka pjenjezy za wopuš wjaza (Př₆₁); Po dobrych wikach sej *wikowař* wjesoły hwizda (Př₁₀₂); *Wikowařki* počachu tute njewidžane listy w svojich korbačh wukładować... (ČMS, 1889, 48).

36. *wojować* 'воевать' — *wojowar* 'боец', 'борец'; н.-луж. *wojowař* — *wojowař*.

Jan Skala, serbski *wojowar* z Wajmárskeje doby... (KŠ₁₉); Hdyž so *wojowař* bjez konja wróci... (ČMS, 1931, 84); ...mócnemu *wojowarjej* Achillej (DS₄₇); ...*wojowař* jeničcy mudreje mysle... (ČMS, 1901, 57); ...njebojazny *wojowar* wo zdžerženje narodnosće... (BW₂₃); ...mlódstnych *wojowarjow* měra... (NS₂₂₆).

sobuwojowar 'кто борется совместно с кем-либо', 'соратник'.

...zmužiteho *sobuwojowarja* we wojowanju přećiwo... zezadkarjam a ćémnikam (NS₁₈₂).

37. *žohnować* 'благословлять' — *žohnowar* 'кто благословляет'; н.-луж. *žognowař* — *žognowař*.

Šłopotać kaŝ zaprajeřka (*žohnowařka*) (MH₈₅).

В связи с небольшим количеством нижелужицких соответствий из словаря Муки можно еще добавить: *bachtowař* (и *bachtwař*) 'хвастаться' — *bachtowař* (параллельно *bachtař*) 'хвастун'; *bubnowař* 'бить в барабан' — *bubnowař* 'барабанщик'; *camprowař* 'участвовать в масляничных проводах' — *camprowař* 'участник масляничных проводов'; *głosowař* 'голозовать' — *głosowař* 'кто голосует'; *gramowař* 'ненавидеть' — *gramowař* 'ненавистник'; *guslowař* 'колдовать' — *guslowař* 'колдун'; 'чародей'; *hudrogowař* 'выходить', 'выезжать'; — *hudrogowař* 'выходец'; *katowař* 'мучить', 'казнить'; — *katowař* 'мучитель', 'палач'; *kóstkowař* 'играть в кости' — *kóstkowař* 'игрок в кости'; *lazowař* 'читать' — *lazowař* 'читатель'; *martrowař* 'мучить' — *martrowař* 'мучитель'; *mukowař* 'торговать мукой' — *mukowař* 'торговец мукой'; *telegrafowař* 'телеграфировать' — *telegrafowař* 'телеграфист' и т. д.

* * *

Если оставить в стороне неоднократно приводившиеся примеры производных имен существительных на *-ar*, не имеющих значения лица, в которых прозрачно образное употребление, то слова на *-ar*, не обозначающие лицо, единичны. Это *blawkar* (см. стр. 145), *šćowkar* (см. стр. 149), *njeserka* (см. стр. 137 и 157), *ćahar* (см. стр. 155). Кроме этих примеров, из словарей можно было бы привести еще несколько, но все они не являются характерными. Ср., например, широко употребляющееся *pokazar* и *pokazowar* 'указатель' (от *pokazać* — *pokazować*). ...němski *pokazař*... (ČMS, 1865, 353); Druhi *pokazař* pjesničkow (SH, I, 1); ...serbski *pokazowař*... (ČMS, 1859, 40); ...němski

pokazowař... (ŠMS, 1865, 356); *Pokazowař* po hłownym worřijeću... (ŠMS, 1897, 161).

Явлением, общим многим языкам, представляется приобретение суффиксом действующего лица значения орудия действия³¹. Особое развитие оно получило в последнее время, когда наиболее продуктивные суффиксы действующего лица используются в языках для создания технической терминологии.

В серболужицком языке суффикс *-ar* — самый продуктивный из относящихся к этой категории. И если он не получил распространения для обозначения орудий, приборов и т. д., это нужно объяснить как старой продуктивностью суффикса *-ak* в отглагольных образованиях, не имеющих значения лица, так и особенностями серболужицкой литературы³².

Для дальнейшего важны следующие выводы:

1) Суффикс *-ar* чрезвычайно продуктивен в серболужицком языке в отглагольных образованиях.

2) Присоединение суффикса к глагольной основе не зависит от класса глагола. Отсутствие образований от глаголов II класса объясняется как совершенным видом большинства этих глаголов, так и их семантикой (см. выше, примеч. к стр. 159). Образования от глаголов VI класса не менее часты, чем от других.

* * *

Рассматриваемый суффикс появился еще в праславянском языке в иноязычных заимствованиях (*-arji*). В его распространении большую роль играли заимствованные слова как из романских, так и из германских языков, и трудно в этом вопросе отдать предпочтение какой-либо одной из этих двух языковых групп³³.

Количество предположительно праславянских образований, встречающихся в древнейших источниках славянской письменности (в древнейших старославянских памятниках), исчерпывается несколькими примерами³⁴. Суффикс *-arji* присоединялся лишь к именным основам. Только в поздних старославянских памятниках, отражающих и в других отношениях более новые черты, встречаются отглагольные производные. Лишь несколько древних отглагольных образований распространены во всех славянских языках (русск. *пекарь*, серб. *pekar*, польск. *piekarz*; русск. *писарь*, серб. *pisar*, чешск. *pisar* и некоторые др.).

Особую продуктивность суффикс приобрел в западнославянских языках³⁵, а среди них, по мнению Майера, в чешском³⁶.

³¹ М. М. Покровский. Семасиологические исследования в области древних языков. «Ученые записки Моск. ун-та», вып. 23, 1896, стр. 76—77, 79.

³² Научная литература на серболужицком языке относится почти исключительно к области гуманитарных наук (Семиряга. Указ. соч., стр. 78—79). Аналогично употребление русск. *-мель* в народном языке, где этот суффикс имеет очень небольшое распространение, обозначая не лицо, а прибор или орудие труда, тогда как в технической терминологии он является наиболее продуктивным в обозначении орудий действия (см. Г. О. Винокур. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. «Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы», т. V, 1939, стр. 33 и след.).

³³ Подведение итогов определения происхождения суффикса *-arji* в общеславянском языке см. в работе: V. Kiparsky. Die gemeinslavischen Lehnwörter aus dem Germanischen. «Annales Academiæ scientiarum Fennicæ», назв. также по-фински: Suomalaisen Tiedekatemiaan toimituksia, Bd. XXXII, 2. Helsinki, 1934, стр. 271.

³⁴ A. Meillet. Указ. соч., II, стр. 211.

³⁵ W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, Bd. 2. Göttingen, 1906, стр. 391.

³⁶ A. Mayer. Указ. соч., стр. 54.

Древнейшие памятники западнославянских языков показывают как продолжение праславянских норм, так и отклонения от них.

Материал словаря Гебауэра дает множество примеров отыменных образований (в старочешском языке праславянскому *-arjī* соответствуют *-ař*, *-ář*, *-eř* и *-ieř*) и значительно меньшее количество отглагольных образований:

barvievř 'красильщик' (*barviti* 'красить'); *běhař* 'бегун' (*běhati* 'бегать'); *bujař* 'распутник' (*bujěti* 'распутничать'); *hledař* 'искатель' (*hledati* 'искать'); *klepař* 'кто при работе стучит молотом' (*klepati* 'стучать'); *kovář* 'создатель' (*kovati* 'ковать', 'создавать'); *krajiěř* 'кто режет' (*krajiěti* 'резать'); *křivdivěř* 'кто учиняет несправедливость' (*křivdiviti* 'чинить несправедливость'); *lékař* 'врач' (*léčiti* 'лечить'); *lhář* 'лжец' (*lháti* 'лгать'); *ludař* 'обманщик' (*lúđiti* 'обманывать'); *metař* 'танцор', 'кто скачет' (*metati se* 'танцевать', 'скакать'); *milěř* 'любownik' (*militi* 'любить'); *modlář* 'кто молится' (*modliti se* 'молиться').

Среди отглагольных образований нет ни одного, которое не обозначало бы лица.

Такая же картина открывается в древнейших польских памятниках и в других источниках старопольского языка (суффикс *-arz*): в них гораздо больше отыменных, чем отглагольных образований. Лишь единичные образования употребляются для обозначения предмета (Дорошевский приводит среди названий предметов только отыменные производные)³⁷.

Отклонение от ранних норм употребления суффикса (в пределах обозначения лица) проявляется, таким образом, в появлении отглагольных образований.

В современных чешском и польском литературных языках не развилось никаких отклонений от этих норм. Имена существительные, обозначающие представителей профессии и представляющие отыменные образования, составляют основную массу слов с этим суффиксом. Чешский суффикс *-ař*, (*-ář*, *-eř*, *-iř* < *ieř*), польск. *-arz*, словц. *-ár* (*-iar*) являются наиболее продуктивными в этих языках при образовании отыменных производных со значением лица³⁸.

Много слов такого рода, обозначающих старые понятия, вышло из употребления, но еще больше появилось новых.

Образования со значением предмета немногочисленны.

Эта общая характеристика отыменных производных в чешском, польском и словацком литературных языках целиком применима к серболужицкому языку. Характерная особенность серболужицкого языка проявляется лишь в отглагольных образованиях.

В чешском, польском и словацком языках есть и имена существительные, образованные рассматриваемым суффиксом от глагольных основ. В отличие от серболужицкого языка, таких примеров значительно меньше, чем отыменных образований³⁹. Лишь поморский язык, как

³⁷ W. J. Doroszewski. Monografie słowotwórcze. III. Formacje z elementem *-r-* w części sufiksальной. «Prace filologiczne», XV, 2, 1931, стр. 297—300; J. Łoś. Gramatyka polska, II. Słowotwórstwo. Lwów — Warszawa — Kraków, 1925, стр. 42—43.

³⁸ Fr. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny, část I. Praha, 1951, стр. 295; N. Ułaszyn. Słowotwórstwo (в коллективном труде: F. Benni, J. Łoś. K. Nitsch, J. Rozwadowski, N. Ułaszyn. Gramatyka języka polskiego, Kraków, 1923), стр. 222; B. Letz. Tažkosti z připonou *-ár* (*-iar*) (Kmeňoslovné úvahy), стр. 31.

³⁹ Trávníček. Указ. соч., стр. 319; Ułaszyn. Указ. соч., стр. 220; Letz. Mená činiteľ'ského značenia (Nomina agentis) (Kmeň. úvahy), стр. 113.

можно судить по примерам, приведенным у Лорентца, сближается в этом отношении с серболужицким: в нем, наряду с высокой продуктивностью этого суффикса в отыменных образованиях, имеется много производных, образованных от разнообразных глаголов⁴⁰.

В западославянских языках суффиксы действующего лица, употребляемые в отглагольных образованиях, распределяются в значительной степени в зависимости от особенностей глагола: от его принадлежности к тому или иному спряжению, от особенностей инфинитивной основы. Ограниченность употребления суффикса проявляется в ограниченности числа глаголов, с которыми он может сочетаться.

В чешском языке суффикс, продолжающий праславянский *-arji*, присоединяется лишь к инфинитивам на *-ati* (исключая *-ovati*) и *-iti*, в польском — к глаголам на *-ić(yć)* и *-ać* (не *-ować*), в словацком — к основам глаголов IV и V классов. Образования от других глаголов единичны⁴¹. И даже в этих пределах употребление суффикса ограничено другими, гораздо более продуктивными суффиксами.

Особая продуктивность суффикса *-ar* в отглагольных образованиях в серболужицком языке проявляется не только в широкой возможности присоединения его к глаголам самых различных классов, но и в образовании очень характерной группы производных на *-ar* от глаголов VI класса, соответствий которым нет в других западославянских языках.

При этом количество соответствующих глаголов в других западославянских языках в общем не менее велико, чем в серболужицком языке. Они составляют большинство среди глаголов, образованных от имен существительных, прилагательных, в иноязычных заимствованиях и в парных итеративных формах или в производных приставочных глаголах несвершенного вида⁴² (в истории польского языка лишь в последней категории произошла замена многих форм на *-ować* формами на *-ywać*⁴³). Поэтому отсутствие образований с суффиксами *-ař*, *-arz*, *-ar* нужно объяснять исключительно тем, что для таких глаголов в образовании действующего лица используются другие суффиксы, более продуктивные, большинство которых утратило продуктивность в серболужицком языке благодаря распространению суффикса *-ar*.

Случаи со связанными основами, когда производные представляются соотносимыми не с основой, а с глагольным корнем (типа чешск. *malíř — malovatí*; польск. *drukarz — drukować, garbarz — garbować, tynkarz — tynkować, handlarz — handlować, karbarz — karbować, kwestarz — kwestować* — такие отношения часты в польском и поморском языках⁴⁴; словц. *maliar — malovat'*⁴⁵) скорее говорят за прямое заимствование из

⁴⁰ F. Lorentz. Gramatyka pomorska, zeszyt 6, Poznań, 1936, стр. 731—733.

⁴¹ Trávníček. Указ. соч., стр. 319; Ułaszyn. Указ. соч., стр. 219; B. Letz. Mená čin. značenia (Кмеň. úvahy), стр. 113—114.

⁴² Trávníček. Указ. соч., стр. 376—388; Mayer. Указ. соч., стр. 58; Ułaszyn. Указ. соч., стр. 239; Łoś. Указ. соч., стр. 111; W. Kaestner. Die deutschen Lehnwörter im Polnischen. I. Teil. Einleitung und Lautlehre. Leipzig, 1939, стр. 122; еще больше примеров для польского языка в работе: G. Korbut. Wyrazy niemieckie w języku polskim pod względem językowym a ciwilizacyjnym, Wydanie wznowione, Warszawa, 1935, стр. 130—133.

⁴³ Łoś. Указ. соч., стр. 111; K. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławiński, S. Urbanićzyk. Gramatyka historyczna języka polskiego, 1955, стр. 247.

⁴⁴ Doroszewski. Указ. соч., стр. 300; Lorentz. Указ. соч., стр. 731.

⁴⁵ Этот пример Letz считает единственным, где имя на *-ar* соотносимо с глаголом на *-ovat'*, но выражает сомнение в его производности от этого глагола (Mená čin. znač. — Кмеň. úvahy, стр. 113).

немецкого или латинского языков, а не за производность на славянской почве.

Подобные примеры встречаются и в серболужицком языке.

1. *Dwěler* 'кто сомневается' (*dwělować* 'сомневаться').

Dwěler kaž Domaš (MH₂₆).

2. *Moler* 'художник' (*molować* 'писать красками'); н.-луж. *mólar*, *mólowaś*.

Molerjo a *basnjerjo*... (ČMS, 1862, 85); ... *po wolijowej molbje mi njeznateho molerja*... (ČMS, 1889, 134); *moleř* a *rysowanski wučer*... (ČMS, 1896, 146); *Komu moluja molerjo křidła*...? (W₃₀); ... *ludowych molerjow*... (ČMS, 1900, 61); *Molerjo radži schadžace nalěčo njemoluja* (BM₅₈); *A njebjo pyri so a pali, W hrě barbow njewuprajnych kćěje*... *Hdy molerjo su tajke znali?* (BW₃₁₄).

3. *mordar* 'убийца' (*mordować* 'убивать'), н.-луж. *mórdar*, *mordowaś*.

... *mordarjej* *swojeho nana* (WH₅₃); ... *mordarjemi* *swojich bratrow* (KR₁₁); ... *mačerje mordařka*... (SH, I, 100); ... *mordarja třoch wosobow*... (DW₄₁); *Hlej, jeho maćeř — mordařka — je moju maćeř skónćwała* (KK₂₈); ... *mordarjej na křižu Bóh woda* (NW₁₀₀); *Za čo dyrbjałoj dwaj być mordařej?* (KR₁₅); ... *krewje lačny mordar*... (JNS₄₇);

Sebjemordar или *samomordar* 'самоубийца';

... *duše samomordarjow*... (ČMS, 1893, 55); ... *sebjemordarjow*... (WP₄₈). Образно: *Huba zła — je mordařka* (Př₂₀₃).

Из приведенного сопоставления вытекает, что высокая продуктивность разбираемого суффикса в западнославянских языках, о которой говорит Вондрак (см. выше, стр. 170), проявляется лишь в отыменных образованиях. В производных от глаголов продуктивность суффикса велика в серболужицком, возможно, еще в поморском, а не вообще в западнославянских языках.

В серболужицком языке нет неоправданного смягчения предшествующего суффиксу согласного, частого в польском и словацком⁴⁶ (объясняющегося аналогией к формам, производным от мягких основ).

О смягчении в *woźcer* и *hornčer* см. выше (примеч. к стр. 136).

Вопрос о том, отражаются ли в серболужицком языке два древних интонационных типа образований с суффиксом *-ar*, неразрешим вследствие неразработанности исторической фонетики серболужицкого языка.

* * *

Безусловно большое влияние на распространение суффикса *-ar* в серболужицком языке и его соответствий в других западнославянских языках оказал немецкий язык. Влияние это было продолжительным. Оно исходило как от литературного немецкого языка, так и особенно от его диалектов, прилегающих к славянским областям. Общая картина такова, что количество производных на *-ar* пропорционально влиянию немецкого языка. Серболужицкий и поморский языки, испытывавшие это влияние в наибольшей степени, показывают и наибольшую активность суффикса⁴⁷. Встает вопрос о том, в каких особенностях употребления суффикса можно увидеть влияние немецкого языка.

⁴⁶ В истории польского языка количество примеров со смягчением согласного возрастает, см. Łoś. Указ. соч., стр. 42—43; о таких же примерах в словацком: Letz. *Tažkosti z rýřnou -ar (-iar)* (Кмеň. úvahy), стр. 33.

⁴⁷ Данные полабского языка, которые были бы в этом отношении очень интересны, настолько скудны, что не позволяют ничего сказать о продуктивности суффикса (T. Lehr-Spławiński. *Gramatyka połabska*. Lwów, 1929, стр. 154).

Неверно относить за счет влияния нововерхненемецкого языка появление верхнелужицкого *-er* на месте *-ar*, как это делали Миклошич и Вондрак⁴⁸. Суффикс *-er* в приводимых ими словах является фонетическим изменением суффикса *-ar* после мягкого согласного (см. стр. 133).

Ошибочным представляется также видеть воздействие немецкого языка в сочетании суффикса *-er* с глагольными основами, как склонен думать Вондрак⁴⁹. Хотя немецкий суффикс *-er* (др.-в.-нем.-*ari*) тоже присоединялся вначале к именным основам, а впоследствии стал использоваться в отглагольных образованиях⁵⁰, такой переход представляет обычное явление, встречающееся во многих языках.

Вследствие всего этого следует считать, что влияние немецкого языка сказалось лишь в общей активизации суффикса на почве серболужицкого языка.

СУФФИКС -AK

Употребление суффикса *-ak* в верхнелужицком и нижнелужицком языках различно. Но это различие касается в основном лишь количества образований.

Присоединяясь главным образом к инфинитивной основе глаголов, суффикс *-ak* дает множество производных, обозначающих приборы, аппараты, орудия действия, вещества, предназначенные для произведения действия, а также используется в научной терминологии — в терминах, связанных по своему значению с действием: *čerpak* и *čěrak* 'черпалка' (*čěrać* и *čěrać* 'черпать'); *hibak* 'мотор', 'двигатель' (*hibać* 'двигать'); *hrějak* 'нагреватель', 'батарея', 'радиатор' (*hrěć*, *hrěju* 'греть'); *mjenowak* 'именительный падеж' (*mjenować* 'называть'); *młóćak* 'молот' (*młócić* 'молотить'); *množak* 'множитель' (*množiť* 'множить'); *mydlak* 'косточка для бритвы' (*mydlić* 'мыть'); *pokazowak* 'стрелка часов' (*pokazować* 'показывать'); *přebijak* 'пробойник' (*přebić*, *přebiju* 'пробить'); *přejak* 'желательное наклонение' (*přeć*, *přeju* 'желать'); *přidžeržowak* 'держатель', 'зажим', 'рукоятка' (*přidžeržować* 'держать'); *přijimak* 'радиоприемник' (*přijimać* 'принимать'); *připalal* 'зажигатель', 'зажигалка' (*připalić*, *připaleć* 'зажигать'); *připowěšak* 'прицеп' (*připowěšuć*, *připowěšu*, *připowěšec* 'прицеплять'); *rěćak* 'громкоговоритель' (*rěčeć* 'говорить'); *rozsyćak* 'передатчик' (*rozsyćać* 'передавать' — о радио); *rozsylnjak* 'усилитель' (*rozsylnić*, *rozsylnjeć* 'усиливать'); *rozwiwak* 'проявитель' (фото) (*rozwiwać* 'проявлять'); *šrubowak* 'отвертка' (*šrubować* 'завинчивать'); *časak* 'топор' (*časać* 'тесать', 'рубить'); *wohrěwak* 'термос' (*wohrěwać* 'согревать'); *wurunowak* 'регулятор' (*wurunować* 'регулировать'); *wysyćak* 'передатчик' (*wysyćać* 'передавать' — по радио); *wuzběhak* 'лебедка' (*wuzběhać* 'поднимать'); *zawěrak* 'складной нож' (*zawěrać* 'закрывать') и множество др.

В нижнелужицком подобных примеров значительно меньше. Можно привести: *pócerak* 'ковш', 'черпак' (*póceras* 'черпать'); *cesak* 'гребень' (*cesas* 'чесать'); *rozcesowak* 'гребень' (*rozcesować* 'расчесывать'); *swěšak* 'маяк' (*swěšić* 'светить'); *zarězowak* 'инструмент для надрезания клепок' (*zarězować* 'надрезать'); *zasuwak* 'дверная задвижка' (*zasuwać* 'запирать на засов'); *žaglak* 'горелка' (*žaglić* 'гореть').

⁴⁸ Fr. Miklosich. Vergleichende Stammbildungslehre der slavischen Sprachen. Wien, 1875, стр. 90; Vondrák. Указ. соч., стр. 432.

⁴⁹ Vondrák. Указ. соч., стр. 431.

⁵⁰ М. Д. Степанова. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, стр. 161.

Употребление суффикса *-ar* в образованиях, имеющих значение лица, и наоборот, *-ak* — в словах, обозначающих не-лицо, иллюстрируется множеством параллелей подобного типа: *budżak* 'будильник' — *budżer* 'кто будит' (*budzić* 'будить'); *časak* 'гребень' — *časar* 'кто причесывается' (*časac* 'причесываться'); *dawak* 'дательный падеж' — *dawar* 'кто дает' (*dawac* 'давать'); *dejak* 'доильный аппарат' — *dejer* 'кто доит' (*dejić* 'доить'); *dzerżak* 'рукоятка' — *dzerżer* 'кто держит' (*dzerżec* 'держать'); *haşak* 'огнетушитель' — *haşer* 'пожарник' (*hasyc*, *haşu* 'гасить'); *honjak* 'самолет-истребитель', 'яхта' — *honjer* 'загонщик' (*honić* 'гнать'); *chodżak* 'нога' — *chodżer* 'ходок' (*chodzić* 'ходить'); *lěhak* 'шезлонг' — *lěhar* 'соня', 'лентяй', 'лежебока' (*lěhać* 'лежать'); *lětak* 'листовка' — *lětar* 'летчик' (*lětać* 'летать'); *ličak* 'числитель' — *ličer* 'кто считает' (*ličić* 'считать'); *naliwak* 'водяная мельница' — *naliwar* ист. 'кравчий' (*naliwać* 'наливать'); *poşak* 'балка' — *poşer* 'кто носит' (*nosyc*, *noşu* 'носить'); *nućak* 'смирительная рубашка' — *nućer* 'кто принуждает' (*nućić* 'принуждать'); *palak* 'горелка', 'зажигалка' — *paler* 'поджигатель' (*palić* 'жечь'); *pisak* 'ручка' (для письма) — *pisar* 'кто пишет' (*писаć* 'писать'); *prīcahowak* 'отвертка' — *prīcahowar* 'переселенец' (*prīcahowac* 'притягивать', 'приближаться', 'приезжать'); *rozbuchowak* 'взрывчатое вещество' — *rozbuchowar* 'кто взрывает' (*rozbuchowac* 'взрывать'); *rubak* 'клык' — *rubar* 'кто рубит' (*rubac* 'рубить'); *truhak* 'рубанок' — *truhar* 'строгальщик' (*truhać* 'строгать'); *warjak* 'кипятильник', 'керосинка', 'примус' — *warjer* 'кто варит' (*waric* 'варить'); *wjazak* 'сноповязалка' — *wjazar* 'вязальщик' (*wjazac* 'вязать'); *zapisowak* 'регистрирующий аппарат' — *zapisowar* 'кто записывает, ведет протокол' (*zapisowac* 'записывать'); *žnějak* 'жнейка' — *žnějer* 'жнец' (*žnjeć*, *žnjeju* 'жать') и т. д.

Гораздо меньше таких противопоставлений в нижнелужицком языке. Из словаря Муки можно, например, привести: *kłoşak* 'колотушка', 'валек' (но и 'тот, кто ворует плоды, стуча по дереву палкой') — *kłoşař* 'вор плодов' (*kłoşić* 'бить', 'сбивать фрукты с деревьев'); *lětak* 'самолет' (но и 'летчик') — *lětar* 'летчик' (*lětać* 'летать'); *naduwak* 'мех в кузнице' (но и 'хвостун') — *naduwar* 'хвостун' (*naduwaš se* 'надуться', 'хвастаться'); *nalewak* 'воронка' — *nalewar* ист. 'кравчий' (*nalewaš* 'наливать'); *rězak* 'соломорезка', 'лесопильный завод' — *rězar* 'резчик; по дереву' (*rězaš* 'резать'); *sajżak* 'орудие для посадки' — *sajżar* 'насаждатель' (*sajżaš* 'сажать'); *strělak* 'лук' — *strělar* 'стрелок' (*strělaš* 'стрелять'); *şkarak* 'зубочистка' — *şkarar* 'кто ковыряет' (*şkaraš* 'ковырять'); *ştapak* 'кол', 'кинжал' — *ştapar* 'подстрекатель', 'буян' (*ştapaš* 'колоть'); *tşugak* 'рубанок' — *tşugar* 'строгальщик' (*tşugaš* 'строгать').

Суффикс *-ak* в верхнелужицком языке присоединяется также к основам имен существительных и прилагательных (для нижнелужицкого отыменные образования с этим суффиксом не характерны). В таких производных, обозначающих лицо, можно усмотреть оттенки эмоционального характера (сочувствия или насмешки): *bosak* 'босьяк' (*bosy* 'босой'); *brodak* 'бородач' (*broda* 'борода'); *dybak* 'охрипший человек' (*dyba* 'хрипота'); *htupak* 'глупец' (*htupy* 'глупый'); *hoćak* 'бедняк' (*hoćy* 'бедный'); *chromak* 'хромой' (*chromy* 'хромой'); *chudak* 'бедняк' (*chudy* 'бедный'); *njelepak* 'глупец' (*njelepy* 'глупый'); *prostak* 'бестолочь' (*prosty* 'бестолковый'); *skrupak* 'скряга' (*skupy* 'скупой'); *toľtak* 'толстяк' (*toľsty* 'толстый'); *wětrak* 'ветрогон' (*wětr* 'ветер'); *wudmak* 'кто дает обидные прозвища' (*wudmo* 'прозвище') и т. д.

Широкое распространение суффикса *-ar* в отглагольных образованиях, имеющих значение лица, а в верхнелужицком также наличие отыменных образований с суффиксом *-ak*, в которых выступает

эмоциональная оценка, привело к тому, что при употреблении суффикса *-ak* в отглагольных образованиях, обозначающих лицо, производные также приобретают ясно выраженную субъективную оценку презрения, насмешки, иногда сочувствия. Наиболее ярко это выступает в тех именах на *-ak*, которые образуют параллели к формам на *-ar*. Параллельные формы различаются при этом исключительно наличием или отсутствием субъективной оценки.

1. *běhak* — *běhar* 'бегун', первое — иронически *běhač* ('бегать').

Syđak a *lěhak* — *b'dže* *po-prošeň* = *běhak* (Př₂₃₄); *Běhak* a *lětak* ma často z padanja bolacy nós (Př₂).

2. *tojak* в сложном *fjeňkitojak* ('кто ловит новые денежки' — *fjeňki*) — *tojer* 'ловец' (*tojič* 'ловить').

Fjeňkitojak — *nórtybrojak* (Př₁₉₇); *Mudry tojer toji...* (Př₂₁₆).

3. *modlak* 'кто молится неискренне', 'ханжа' — *modler* 'кто молится' (*modlič so* 'молиться').

Modlak dže njewě, što modlitwa rěka (Př₇₇); ... *swjatarski modlak* a *pobožnostkar...* (NS₁₇₀); *Modler je hinajki čłowjek hač modlak* (Př₇₇); ... *pobožny modler...* (W₄₇).

4. *myslak* 'тугодум', также 'кто мыслит неправильно, ошибается' — *mysler* 'мыслитель' (*myslič* 'мыслить').

Myslak sy... Ale twoje mysle jebaja (DB₂₆); ... *wulki...* *basnik* a *mysler* (JNS₃).

5. *njedžetak* 'бездельник' и, без отрицания, *džetar* 'кто работает', 'работник' (*džetač* 'работать').

Z prózdneje šklé — njech njedžetak je (Př₂₃₅); *Wjesoła spěwařka — spěchliwa džetařka* (Př₂₃₀).

6. *njexchwalak* 'кто не хвалит, порицает' (иронически) — *chwaler* 'кто хвалит' (*chwalič* — 'хвалить').

... *kritiscy rozprawnicy — njexchwalacy...* (NS₂₉₃); *Zastanješ z horščemi dawač, zamjerznej khwalerjam huba* (Př₁₇₅).

7. *podpěrak* — *podpěrar* 'кто поддерживает' (первое — иронически) (*podpěrač* 'поддерживать').

Podpěrak kaž rowalak (Př₂₅₁); ... *woporniweho podpěrarja...* (ČMS, 1895, 151).

8. *romhak* 'плохой помощник' — *romhar* 'помощник' (*romhač* 'помогать').

Romhaka na romoc njeproš (Př₁₀₅); *Prawa wutroba romharja horjeka pyta* (Př₁₀₈).

9. *rowěđak* 'рассказывающий небылицы' — *rowěđar* 'рассказчик' (*rowěđač* 'рассказывать').

Powěđak kaž njebolak (MH₂₉); ... *rowěđarja bajkow* a *rowěšćow...* (NS_{XIII}).

10. *rejwak* 'плохой танцор' — *rejwar* 'танцор' (*rejwač* 'танцевать').

... *hudźbnicy* na jewišću abo *rejwarjo* w žurli (BS₈₈); *Bóle so při hercu wjerći a sylnišo tepta, bóle so rejwakej zda* (Př₇).

11. *wojowak* 'плохой боец' — *wojowar* 'боец', 'воин' (*wojowač* 'воевать').

Переносно (о раке)... *tónle wojowak Pšed tobu bójny čeka znak...* (W₇₄); ... *njebojazny wojowar...* (BW₂₃); ... *dobri wojowarjo...* (SH, I, 21); ... *dobywařski wojowař...* (ČMS, 1933, 5).

12. *ročak* 'кто легкомысленно клянется' противопоставлено *ročer* 'кто клянется, заверяет', приведенному в словаре Краля (*ročič so* 'клясться').

Ročak ma zeľharny jazyk (Př₂₉₅).

13. *sudžak* 'критикан', противопоставляется *sudžer* 'кто судит, обсуждает' (см. пример 35 на стр. 142) (*sudžič* 'судить', 'обсуждать').

Когда слово, образованное суффиксом *-ak* и обозначающее не-лицо, приобретает значение лица, оно приобретает одновременно и характер субъективной оценки, отличаясь этой особенностью от соответствующих образований с *-ar*.

1. *lětak* 'листовка', при обозначении лица — 'тот, кто бестолково бегаёт, суетится' (ср. *lětar* 'летчик', *lětać* 'летать').

Běhak a *lětak* ma často z padanja bolacy nós (Př₂); *Swětak*-je nablazny *lětak* (Př₂₂₄).

2. *pisak* 'ручка для письма' или, в применении к лицу, 'писака' (ср. *pisar* 'кто пишет', пример 37 на стр. 148 (*писаць* 'писать')).

Pisak kaž *šmórak* (MH₂₈); *Tón pisak* tam hišće *писаць* nawuknje... (JB₁₂₇); *Pisár* tuteho nekrologa... (CMS, 1896, 61).

3. *spěwak* 'певчая птица' или, о человеке, 'плохой певец' (ср. *spěwar* 'певец', пример 36 на стр. 148) (*спěваць* 'петь').

В приведенных примерах с суффиксом *-ak* характер субъективной оценки придается словам только суффиксом. Производящие глаголы не имеют такого значения. Ср. еще образования подобного типа:

1. *chcujak* 'жадный человек' (*chcuć* 'хотеть').

Chcujak, je *častokróć* *tradać* (Př₄₈).

2. *chilak* 'подхалим' (*chilić so* 'кланяться').

Khilakej so na tył *pluwa* (Př₂₈₂); ... *chilak* a *lizak*... (JB₃₆).

3. *tažak* 'подхалим' ('пресмыкающийся'), 'бродяга' (*tažuć, tažu* 'ползать', 'пресмыкаться'); н.-луж. *tažak* и *tažar* (*tažys*).

Pod-nohi-tažak je *zaspěty* *pos* (Př₁₀₂); ... *nóсны* *tažak* a *dyrdom-dejnik*... (NS₁₅₅); ... *lěnich* a *tažak* (NW₂₇).

4. *lubjak* 'не выполняющий своих обещаний' (*lubić* 'обещать').

Lubjak ma *kuši* *romjatk* (Př₂₈₃); *Lubjak* ma *kozacy* *měrkuš* (Př₇₁).

5. *smějak* 'зубоскал' (*smjeć so, směju so* 'смеяться').

Smějaka maju za *Hłupikec* *Libu* (Př₁₂₄).

6. *šijak* 'кто шьет' (иронически) (*šić, šiju* 'шить') — в сложном *knefle-samošijak* 'кто сам себе пришивает пуговицы'.

... *towaństwo „kneflesamošijakow“* (DW₁₀₃).

7. *wěřjak* 'легковерный человек' (*wěrić* 'верить').

Wobšudzić wěřku (*wěřjaka*) kaž *powjedna liška* *hłupeho wjelka* (MH₈₈).

8. *wuběrak* 'кто слишком придирчиво и долго выбирает' (*wuběrać* 'выбирать').

Wuběrak so *lohka* *dosć* *truhnje* (Př₃₀₈).

Эмоциональный характер суффикса проявляется также в том, что производящими глаголами обычно выступают такие, которые уже сами по себе имеют уничижительное значение. Большинство образований носит именно такой характер. Для многих таких глаголов в словарях не засвидетельствовано производных на *-ar*. Из приведенных ниже примеров лишь очень небольшая группа образований не характеризуется субъективной оценкой.

1. *bledžak* 'болтун' (*bledzić* 'болтать'), ср. *bledžer* с тем же значением.

Bledžak *blabori* *wjacy* *hać* *wě* (Př₄); *Bledžakej* *kazaju* *do šiškow* *hić* (Př₄); *Dubowski* *korčmar* *bohudžak* *njeje* *bledžak*... (NS₆₇); ... *najwo-studlišeho* *nadběhowarja* — *bledžaka* (NS₁₈₃).

2. *bojak* 'трус' (*bojeć so* 'бояться').

Wojak *njej* *bojak*, *ale* *woječk* *je* *boječk* (Př₂₃₀).

3. *brojak* 'мот', 'расточитель' (*brojić* 'транжирить, проматывать') (ср. *brojer*, пример 3 на стр. 140).

Brojak bórzy na poslednju nitku přińdze (Př₉); *Brojak* a skupak staj jedyn kaž druhu njeńódnaj Božeho dara (Př₂₇₁); *Brojakej* bórzy móšeń dno zhubi (Př₂₇₁); *Lěhak* a *brojak* přińdzetaj na smjeće (Př₂₈₃).

4. *čaroscák* 'ленивый работник' (*čaroscíc* so 'лениво работать').

Carosćakej je přeco časa dosć (Př₂₇₂).

5. *wulcečinjač* 'хвастун' (*wulce činić* 'хвастать').

... wot megalomanije wobsydnjeneho *wulcyčinjača*... (NS₁₃₈).

6. *čušlak* 'проньера', 'шпион' (*čušlić* 'вынюхивать', 'высматривать'). (ср. *čušler* в том же значении).

Čušlak a *nušlak* staj bratraj (Př₂₇₂); ... je wón zawěsće někajki cuzy *čušlak*... (NS₁₇₄).

7. *dlijak* 'медлительный человек' (*dlijić* 'медлить').

... zo ty čakał na *dlijakow*... (NS₁₆₂).

8. *dudak* 'музыкант, играющий на волынке' (*dudać* 'играть на волынке'), н.-луж. *dudlak* — *dudliš*.

... wot *dudaka*... (CMS, 1887, 103); ... *dudakowe* variacije... (ČMS, 1887, 103).

9. *dundak* 'бродяга', 'путник' (с оттенком иронии) (*dundać* 'шляться', 'шататься'); н.-луж. *dundak* — *dundaš*.

... dwunohaty *dundak*... (NS₂₀); ... *dundacy*, kiž rućuja... (NS₅₉);

... *dundaka-hribarja*... (NS₁₁₇); ... tajki *dundak* daloko a šěroko po swěće wokoło přińdze... (DW₉₈); Z pomocu wěsteho *dundaka*, kiž so w krajnje husto wokoło brudzeše... (DW₄₈); Dreždžanscy *dundakojo* a jebakojo (DZ₃₂); Łažaty kaž *dundak* (MH₁₆); *Dundakam* dawać, to njerodže polěkować rěka (Př₂₃).

10. *hampak* 'обжора' (*hampać* 'жадно глотать').

... za blidom *hampak* (Př₁₉₅).

11. *hanjak* 'суетливый, бегающий взад и вперед человек' (*hanić* 'бегать', 'носиться') (ср. *hanjer* с тем же значением); н.-луж. *gańak* — *gańaš*.

Hanjak so bórzy do palca kornje (Př₂₇); *Hanjak* so bórzy z dycha wujachli (Př₂₇₄).

12. *himpak* 'хромой' (*himpać* 'хромать').

Klasak so rady na *himpaka* hórši (Př₅₅).

13. *hłodzak* 'голодающий' (*hłodzić* 'голодать') (ср. *hłodžer*, имеющее то же значение).

Hłodžakej daj... (Př₂₀₂).

14. *hněwak* 'сердитый человек' (*hněwać* so 'сердиться') (ср. *hněwar* то же); н.-луж. *gniwak* — *gniwaš* se.

Hněwak či rady z rjasćomaj rěči (Př₂₇₈).

15. *hordžak* 'гордец' (*hordzić* so 'гордиться') (ср. *hordžer* в том же значении).

... přećiwo knježim *hordžakam*... (BS₁₇); Smjerc wutrije sej z *hordžakom* rić (Př₁₂₆).

16. *hrabak* 'скупец' (*hrabać* 'жадно хватать', 'захватывать'); н.-луж. *grabak* — *grabaš*.

По *hrabaku* rozćiskať přińdze (Př₁₀₃).

17. *huzak* 'непоседа' 'беспокойный человек' (*huzać* so 'ерзать').

Hladaj so *huzaka* kiž so na přistojne žorgički khmuri (Př₄₁).

18. *chětrowak* 'храбрец' (*chětrować* 'действовать отважно').

Chětrowak sej šiju zwinje (Př₆₅); Khrobolić so kaž *chětrowak* (MN₇₄).

19. *chlemjak* 'крикун' (*chlemić* so 'вопить', 'кричать').

Jedyn *khlemjak* cyłu korčmu khlemjakow paćini (Př₄₉); ... *hermanski khlemjak* (Př₄₁).

20. *chtóšćak* 'лакомка' (*chtóšćić* 'лакомиться') (ср. *chtóšćer* в том же значении); н.-луж. *chtóšćak* и *chtóšćar* — *chtóšćiš*.

Hdyž *lěkar* do domu přińdže, nawuknje *chtóšćak*, što posćenje je (Př₃₂); *Khtóšćak* rodži wšak wo suchi khlěb, ale dosć lěpjeny z butru... (Př₆₅).

21. *chrobolak* 'храбрец' (*chrobolic* со 'быть храбрым').

To sej *chrobolako* hižo zwažiš? Njewěš, zo će zničić móžu w hněwje (JNS₃₇).

22. *jakotak* 'заика' (*jakotac* 'заикаться'); н.-луж. *jěkotak* — *jěkotas*.

Hdyž *jakotak* rěči... (W₅₀); *Jakotak* rady powědać wučí (Př₄₈).

23. *Jebak* 'обманщик' (*jebac* 'обманывать') (ср. *jebar* с тем же значением, пример 18 на стр. 146).

Jebak a paduch staj z jeneho hnězda (Př₄₉); *Jebak* přez paducha dže (Př₉); Lěpši hračk a lestniši *jebak* (Př₇₀); Bóh *jebaka* z *jebakom* khosta (Př₅); Žadyn hermank bjez *jebakow* njeje (Př₃₁₃); Sy-li *jebak*, njeprěstuř wjacy mój próh... (DS₆); ...z ruku khostacej nječesneho *jebaka*... (BN₆₇); Drezdžanscy dundakojo a *jebakojo* (DZ₃₂).

24. *Kepsak* 'халтурщик', 'плохой работник' (*kepsac* 'портить').

Mišter kaž *kepsak* (MH₂₈); *Kepsaka* sý sebi najal, što so na kersanje hóršiš? (Př₃₅).

25. *klacak* 'хромо́й' (*klacac* 'хромать') (ср. *klacar* в том же значении); н.-луж. *klěcak* — *klěcas*.

Klacak tež dóńdže, hdyž dołho dosć štyńka (Př₅₅); *Klacak* so rady na himpaka hórši (Př₅₅).

26. *lampak* 'медлительный человек' (*lampac* 'волочить ноги', 'переваливаться с боку на бок').

Do džeła *lampak*... (Př₁₉₅); *Lampakej* pohi činić (MH₄₁).

27. *lěhak* 'соня, лежебока' (*lěhac* 'лежать') (ср. *lěhar* в том же значении).

Lěhak a brojak přińdžetaj na smjeće (Př₂₈₂); Sydak a *lěhak* — b'dže ро-прошеń-běhak (Př₂₂₁); *Lěhak* sej wulěha prošeřski měh (Př₁₈₈).

28. *lišćak* 'льстец' (*lišćić* со 'льстить') (ср. *lišćer* с тем же значением, пример 52 на стр. 144).

Lišćak éi před hubu šlapnje, štož tebi do huby słuša (Př₁₁); *Lišćak* rěka čornemu běle... (W₂₃); *Lišćak* će za tři wječory zmota... (Př₇₁); *Lišćak* kaž šelmowski šelma (MH₂₈); ...njewěš božedla *lišćakej* (BP₂₈).

29. *lizak* 'подлиза', 'приживальщик' (*lizać* со 'подлизываться') (ср. *lizar*).

Trójcy je hłury, kiž *lizakam* wěri (Př₁₅₂); *Lizak* dawa sej knježim na hłowu pluwać (Př₇₁); ...chilak a *lizak*... (JB₃₈); Mazany *lizak* (JB₄₂).

30. *ludak* 'льстец', 'обманщик' (*ludac* 'льстить', 'обманывать') (ср. *ludar*, пример 30 на стр. 147).

Ludakej mjezwočo (wobličo) wotkryć (MH₄₁).

31. *thajak* 'лжец' (*thac* 'лгать').

.. «Kajke to lžěl!» *thajakej* praja, byrnjež by z wěrnosću rěčał (Př₅₃); Bajak je lóžkobyc *thajak* (Př₁₉₁).

32. *maslak* 'медлительный человек' (*maslic* со 'быть медлительным').

Njemasylny, kaž khromy *maslak* (Př₂₄₉); Serbscy *maslakojo*... pak džensa hišće spja... (NS₂).

33. *mědmazak* 'подхалим', 'льстец' (от *měd* 'мед' и *mazać* 'мазать').

Mědmazak ma lojeřski zamysł (Př₇₄).

34. *mějак* 'имущий', *njemějak* 'неимущий' (*měć* 'иметь').

Njemějak zda so mējakej stepć (Př₉₂).

35. *mjelćak* 'молчаливый человек' (*mjelćec* 'молчать').

Mjelčakej ze slěborom hubu wotamknyć (MH₅₆); *Mjelčaka* njeboli jazyk (Př₇₆); *Mjelčak* nikoho njepreradži (Př₇₆); *Mjelčak* wjele wójnam wobara (Př₂₈₄).

36. *mórčak* 'ворчун' (*mórčec* 'ворчать').

Mórčako, njewitaj k nam (Př₇₈).

37. *mumlak* 'беззубый человек, который жуёт с трудом' (*mumlic* 'с трудом жевать'); н.-луж. *mumlak* — *mumliš*.

Je, kaž stary *mumlak* (Př₂₄₄); *Mumlakej* srjódku, a kusakej skórku (Př₇₉).

38. *nadpěrak* 'подстрекатель' (*nadpěrać* 'подстрекать', 'возмущать') (ср. *nadpěrar* с тем же значением).

*Nadpěra*ka nadpěra čert (Př₈₁).

39. *naduwak* 'хвастун' (*naduwać* со 'хвастаться') (приведенное у Пфуля *naduwar* является производным от *naduwać* 'надувать' и имеет значение 'музыкант, играющий на волынке'); н.-луж. *naduwak* и *naduwař* (*naduwaš se*)

... Ты njejsy *naduwak* (NS₁₈₄). Ja z tajkim *naduwakom* njewobkhadžuju (DS₁₀); Тón *naduwak* z kralom na přemo jězdži... (Př₁₅₁).

40. *njebolak* 'обманщик', 'лгун' (*njebolic* 'рассказывать небылицы', 'болтать вздор').

Njebolakej jazyk zwjazać (MH₄₁); Hdyž *njebolak* počina, maju so mudri z durjemi won (Př₃₃); Woklep njeje спор, *njebolak* njeje' поп (Př₂₃₁). Hdy je *njebolak* mudry? Hdyž mjelči (W_{26,84}).

41. *njekurjak* 'некурящий' (*kuric* 'курить').

Wosebje *njekurjak* je přećiwо tutym drobnym... dračikam nimale biez mосу (NS₅₉).

42. *nušlak* 'кто выслеживает, вынюхивает' (*nušlic* 'выслеживать', 'вынюхивать' (ср. *nušler*).

Čušlak a *nušlak* staj bratraj (Př₂₇₂); *Nušlakej* nós wotrězać (MH₁₁).

43. *pakosćak* 'мелкий воришка', 'хулиган' (*pakosćic* 'хулиганить', 'воровать') (ср. *pakosćer*, пример 24 на стр. 141).

Prjedy *pakosćak*, poslědy paduch (Př₁₁₃); *Pakosćak* ma dołhe porsty... (Př₉₆); *Pakosćak* njetrjechi nimo šibjeńčnej korčmy... (Př₉₆).

44. *piplak* 'занимающийся пустяками' (*piplić* 'заниматься пустяками') (ср. *pipler*, пример 26 на стр. 142).

Šiplak a *piplak* (ČMS, 1894, 74); Ach tón *piplak*! (BP₃₃).

45. *podrožnjak* 'кто передразнивает' (*podrožnjec* 'передразнивать') (ср. *podrožnjec*); н.-луж. *pódražnjak* — *pódražnaš*.

Podrožnjak — je worisak (Př₂₁₆).

46. *powalak* 'кто валит, опрокидывает' (*powalic* 'повалить') (ср. *powaler*).

Podpěrak kaž *powalak* (Př₂₅₁).

47. *póžerak* 'обжора' (*póžerać* 'жадничать', 'жадно заглатывать'); н.-луж. *póžerak* и *póžerař* — *póžeraš*.

Póžerak ma wjetše woči, hać brjuch (Př₁₀₈).

48. *prašak* в применении к человеку: 'надоедающий вопросами' (*prašec* 'спрашивать').

... za njewotbitneho *prašaka* (NS₁₈₆).

49. *prawowak* 'истец' (*prawowac* 'предъявлять иск', 'возбуждать процесс').

Prawowak — so wali znak (Př₂₁₇); *Prawowak* — trjeba wulki zak (Př₂₁₇); *Prawowak* ma z ředka hdy prawo (Př₁₀₉).

50. *přečinjak* 'расточитель', 'мот' (*přečinjec* 'транжирить', 'разбазаривать') (ср. *přečinjec*).

Přečinjak kaž wony zhubjeny syn (MH₂₉); Dokelž pak *přečinjak* njejsym, tuž tute pjenjezy do křiny kładzech... (NW₅₉); *Přečinjak* a hračk je (DW₂₈); ... *přečinjak*, hračk a pičk (DS₁₄); ... muža *přečinjaka* (DL₁₄).

51. *přistodžak* 'клеветник', 'льстец' (*přistodžec* 'клеветать').

Přistodžak je hórši raducha (Př₂₉₄).

52. *skomlak* 'ворчун' (*skomlic* 'ворчать').

Skomlaka z bjesady šwiknu (Př₁₂₃).

53. *skomudžak* 'кто опаздывает, пропускает' (*skomudžic* 'опоздать', 'пропустить') (ср. *skomudžer*).

Skomodžak — je škodowak (Př₂₂₁); Pomalak — je *skomudžak* (Př₂₁₆).

54. *smjerdžak* переносн. 'отвратительный человек' (*smjerdžec* 'вонять', переносн. 'вызывать отвращение'); н.-луж. *směržak*—*směržeš*.

Lichowar tež *smjerdžakej* smjerdži (Př₇₀).

55. *snuchlak* 'шпион', 'шпик' (*snuchlic* 'вынюхивать', 'выслеживать').

Snuchlak kaž hajnikowy slědnik (MH₃₀).

56. *sonjak* 'мечтатель', 'фантазер' (*sonic* 'мечтать', 'фантазировать').

... za wurojnych *sonjakow*... (NS₁₃₁).

57. *spěrak* 'упрямец' (*spěrać so* 'упрямиться', 'сопротивляться') (ср. *spěgar* с тем же значением).

Spjerakej rjar złamac (MH₄₂); Staty muž njeje 'ni tulak, 'ni *spjerak* (Př₁₃₁).

58. *sydak* 'лентяй', 'бездельник' (*sydać* 'часто сидеть') (ср. *sydar* в том же значении).

Sydak a lěhak — b'dže ro-prošeń-běhak (Př₂₂₄).

59. *šepjerjak* 'упрямец' (*šepjerić so* 'упрямиться').

Šepjerjak a zadžerak (CMS, 1894, 75).

60. *šiplak* 'педант', 'придирающийся к пустякам' (*šiplic* 'заниматься пустяками', 'придирается') (ср. *šipler* с тем же значением).

Šiplak a riplak (CMS, 1894, 74).

61. *škarak* 'подстрекатель' (*škarac* 'подстрекать', 'возмущать', 'волновать'); н.-луж. *škarak* — *škaras*.

... nic *škarakow* rodžerować... (JB₄₂).

62. *škerjedžak* 'склочник' (*škerjedžic* 'затевать склоку').

Mjeńši *škerjedžak*, a wjetšu *škerjedu* čini (Př₇₆).

63. *škodowak* 'кто приносит вред' (*škodowac* 'вредить', 'портить').

Skomodžak — je škodowak (Př₂₂₁).

64. *šmórak* 'кто пачкает' (*šmórac* 'пачкать').

Pisak kaž *šmořak* (MH₂₉).

65. *tulak* 'подхалим', 'низкопоклонник' (*tulic so* 'гнуться', 'покоряться', 'приспособляться').

Tulakej njewef... (Př₁₅₃).

66. *tutak* 'пьяница' (*tutać* 'пить', 'лакать').

Wón je *tutakowy* bratr (MH₅₈).

67. *wěřjak* 'легковерный человек' (*wěřic* 'верить').

Wobšudžic wěřku (*wěřjaka*)... (MH₈₈).

68. *wobwěšowak* 'вешатель' (*wobwěšowac* 'вешать').

... *wobwěšowak* serbskich prócowarjow... (NS₂₄₈).

69. *wujebak* 'обманщик' (*wujebać* 'обмануть', 'обсчитать', 'обвесить') (ср. *wujebar* с тем же значением).

... b'dže *wujebak* zwjěcha (Př₁₅₃).

70. *wupěrak* 'хвастун' (*wupěrać so* 'хвастаться').

Wupjerak jědze na šamały kónc (Př₁₇₁); *Wupjerak* — so wali znak... (Př₂₃₂).

71. *zabiwak* 'убийца' (*zabiwać* 'убивать').

... *rozzłobjeny zabiwak* (NS₂₄).

72. *zadżerak* 'драчун' (*zadżerać so* 'драться').

Zadżerak njech so z ćelcami bodże (Př₁₇₂); *Zadżerak* susod je čertowa wobrada (Př₁₇₂); *Zadżerak* — je smjerdny ptak (Př₂₃₃); *Wukadźić zadżeraka* z bjesady (MH₈₉); ... *zadżerak* Storkany do błóta pada (BW₅₈).

73. *zajimak* 'кто занимает, берет взаймы' (*zajimać* 'занимать' (ср. *zajimar*, пример 23 на стр. 147).

Zajimak požčerjam pod škórnje přińdže (Př₁₇₃).

74. *zandželak* 'кто закрывает глаза' (*zandželeć* 'закрывать глаза').

Zandželaka so njećiń, rak će za slepeho změja. (Př₁₇₄).

75. *zapěrak* 'упрямец' (*zapěrać* 'противоречить', 'упрямиться').

Zapjerek druhdy za prawom stejí (Př₁₇₁); *Zapjerek* póndže přebity domoj (Př₁₇₄).

76. *zawidżak* 'завистник' (*zawidžec* 'завидовать') (ср. *zawidžer*).

Khudy — je *zawidżak* druhdy (Př₂₀₆); *Zawidżaka* žaha pali, hdyž so susodowe kubło roji (Př₁₇₆); *Zawidżak* woči bolacej krydnje, hladajcy na druhich zbože (Př₁₇₆).

77. *złobjak* 'злбный человек' (*złobjić so* 'злиться').

... *toho złobjaka*... (JB₃₅).

78. *zywak* 'кто зевает' (*zywać* 'зевать') (ср. *zywar*, то же).

Zywak je wustudły towař (Př₁₈₆); *Jenički zywak* naćini zywatu stwu (Př₅₁).

79. *žebtrak*, реже *žebřak* 'попрошайка' (*žebrić* 'попрошайничать'); н.-луж. *žebtrak* и *žebřař* (*žebřiš*).

žebtraka so kóždy rad zminje (Př₁₈₈); *Žebtrak* kaž drapa (MH₃₂); ... *ani krošika* za brunych *žebtrakow* njeměwaše... (JB₄₃).

80. *ženjak* 'желающий жениться' (*ženić so* 'жениться'); н.-луж. *žeňak* — *ženiš se*.

Ženjakej makoјćko nawarić (MH₄₂).

Словарь Якубаша дает еще значительное количество образований с суффиксом *-ak*. Эти образования не противоречат особенностям, показанным выше, а потому приводить их нет необходимости.

Словарь Муки не дает возможности показать параллели, образованные суффиксами *-ar* и *-ak* и различающиеся лишь наличием или отсутствием субъективной оценки. Такие параллели, очевидно, не характерны для нижелужицкого языка и отмечены в нем лишь в виде отдельных случаев (например, *jězdžak* 'человек, который много и бестолково ездит' и *jězdžeř* 'ездок', 'пассажир'). В остальном нижелужицкий язык сходен с верхнелужицким, и большинство приводимых Мукой примеров образовано от глаголов, имеющих значение действия, которое осуждается, оттенком, который перенесен и на производные имена существительные с суффиксом *-ak*.

К приведенным уже нижелужицким соответствиям можно добавить: *badorak* 'несносный болтун' (*badoriš* 'болтать'); *bajak* 'болтун' (*bajaš* 'болтать'); *baslak* 'плохой работник' (*basliš* 'плохо работать'); *bažlak* 'пустомеля' (*bažliš* 'болтать'); *blabak* 'брюзга', 'ворчун', 'хвостун' (*blabiš* 'хвастаться', 'ворчать'); *doběrak* 'кто добирает остаток', также 'наследник' (*doběraš* 'добрать') (в.-луж. *doběrak* — *doběrać*); *dražňak* 'кто дразнит' (*dražniš* 'дразнить'); *drěmak* 'соня' (*drěmaš* 'дремать'); *dřeworubak* 'дровосек' (*rubaš* 'рубить'); *dudlak* 'волынщик' (*dudliš* 'играть на волынке'); *gněšak* 'кто давит, мнет', также 'болтун' (*gněšiš* 'давить', 'мять', также 'болтать'); *grajak* 'игрок', 'музыкант', также 'азартный игрок' (*graš*, *graju* и *grajom* 'играть'); *grapsak* 'жадный человек' (*grapsaš* 'жадно хватать'); *hužěrak* 'кто таращит глаза' (*hužěraš* 'таращить глаза'); *klekotak* 'болтун' (*klekotaš* 'болтать'); *knorak* 'ворчун', также 'бедняк', 'нищий' (*knoraš* 'ворчать', также 'терпеть голод'); *knybrak* 'скупец' (*khybřiš* 'скупиться',

‘жадничать’); *kurcak* ‘ворчун’ (*kurcaś* ‘ворчать’); *kusak* ‘кто кусает’ (*kusaś* ‘кусать’) (в.-луж. *kusak* — *kusać*); *kwakak* ‘пустомеля’ (*kwakaś* ‘болтать’); *kwicak* ‘визгун’ (*kwicaś* ‘визжать’) (в.-луж. *kwječak* — *kwječeć*); *łatak* ‘кто ломает, разрушает’ (*łataś* ‘ломать’); *nalęgak* ‘хромой’ (*nalęgaś* ‘хромать’); *pimplak* ‘нытик’, также ‘хворающий’ (*pimpliś* ‘ныть’, ‘хныкать’, также ‘хворать’); *plapotak* ‘болтун’ (*plapotaś* ‘болтать’) (в.-луж. *plapotak* — *plapotać*); *pobijak* ‘погонщик’, также ‘кто избивает’ (*pobijaś* ‘бить’, ‘избивать’); *pořežak* ‘кто исправляет, чинит’ (*poręžaś* ‘исправлять’, ‘чинить’) (в.-луж. *porjedžak* — *porjedžeć*); *rownak* ‘костоправ’ (*rownaś* ‘вправлять’) (в.-луж. *runak* — *runać*); *rozuwak* ‘слуга’ (*rozuwaś* ‘разувать’); *santrak* ‘болтун’ (*santriś* ‘болтать’); *sejak* ‘сеятель’, ‘сеяльщик’ (*seś* — *seju* и *sejom* ‘сеять’); *sřebak* ‘пьяница’ (*sřebaś* ‘пьянствовать’); *šemřak* ‘непоседа’ (*šemřiś se* ‘беспокойно двигаться’); *šepotak* ‘шептун’, ‘наушник’, ‘клеветник’ (*šepotaś* ‘шептать’) (в.-луж. *šeptak* — *šepać*); *škrabak* ‘чесальщик шерсти’, ‘скобляльщик’ (*škrabaś* ‘скоблить’, ‘скрести’) (в.-луж. *škrabak* — *škrabać*); *škrějak* ‘плавильщик’ (*škrěś* — *škrěju* ‘плавиться’); *šmótlak* ‘тунеядец’, ‘бродяга’ (*šmótlis se* ‘бродяжничать’, ‘шляться’); *štyřak* ‘бунтовщик’, ‘подстрекатель’ (*štyřiś* ‘подстрекать’); *šyblak* ‘нерешительный, мешкающий человек’ (*šyblis se* ‘действовать нерешительно’, ‘мешкать’); *tořak* ‘обольститель’, ‘обманщик’ (*toriś* ‘обмануть’, ‘завлечь’); *wawřak* ‘пустомеля’ (*wawřiś* ‘городить чепуху’); *wijak* ‘метальщик’ (*wiś* — *wiju* и *wijom* ‘мотать’); *wořak* ‘крикун’ (*wořaś* ‘кричать’) (в.-луж. *wořak* — *wořać*); *worak* ‘пахарь’ (*woraś* ‘пахать’); *zadorak* ‘сварливый человек’, ‘спорщик’ (*zadoraś* ‘спорить’, ‘противодействовать’); *zogolak* ‘крикун’ (*zogoliś* ‘шуметь’, ‘галдеть’).

Обращает на себя внимание небольшое количество соответствий в верхнелужицком и нижнелужицком языках. Если исходить из верхнелужицких примеров, то незначительное количество нижнелужицких соответствий могло бы объясняться меньшим количеством образований с суффиксом *-ak* в нижнелужицком языке по сравнению с верхнелужицким. Однако и для относительно небольшого количества случаев, присущих нижнелужицкому языку (на стр. 182—183 приведены почти все примеры, указанные в словаре Муки), в верхнелужицком языке можно, как показано, найти очень мало соответствий. Такой факт может говорить лишь о том, что производные на *-ak* в основной своей массе возникли в верхнелужицком и нижнелужицком языках самостоятельно. Это обстоятельство вполне понятно, так как имена на *-ak* уже по своему характеру могут удовлетворять главным образом потребности разговорной речи и возникать самостоятельно в верхнелужицких и нижнелужицких диалектах. О преимущественном употреблении образований на *-ak* в разговорной речи свидетельствуют и источники приведенных в этом разделе примеров.

* * *

Суффикс *-ak* в славянских языках имеет относительно недавнее происхождение и в памятниках старославянского языка почти не встречается⁵¹. Поэтому значения суффикса *-ak* развились в значительной степени самостоятельно в каждом языке. Тем интереснее некоторые сходные особенности, которые можно наблюдать в западнославянских языках.

⁵¹ А. Meillet. Указ. соч., II, стр. 329; в очень многих случаях в различных славянских языках суффиксом следует считать *-k*, а *-a-* это — элемент глагольной основы (Vondrák. Указ. соч., стр. 457).

В чешском и польском языках суффикс *-ak* со значением лица (чешск. *-ák*) присоединяется к глагольным основам очень редко⁵². Лишь словацкий язык дает значительное количество образований⁵³. Однако в диалектах производные с этим суффиксом иногда представляют основную группу имен действующего лица⁵⁴.

В подобных образованиях специального оттенка эмоционального характера суффикс *-ak* не имеет. Такой оттенок в словах, приводимых Вондраком и являющихся отглагольными образованиями, связан со значением основы⁵⁵. То же можно сказать о примерах, приведенных у Дорошевского и Лорентца⁵⁶. Таким образом, присоединение суффикса *-ak* к основам глаголов, имеющих уничижительное значение, составляет характерную черту всех западнославянских языков. Лишь в отыменных образованиях, имеющих значение лица, ясен характер субъективной оценки, придаваемый производному слову не основой, а суффиксом⁵⁷. Особенно ярко такой характер проявляется в тех случаях, когда образования на *-ak* противопоставлены словам, образованным от той же основы, но другим суффиксом⁵⁸.

Особенность верхнелужицкого языка в употреблении суффикса *-ak* состоит, таким образом, в проникновении эмоциональной стороны значения суффикса в отглагольные образования, что проявляется в противопоставлениях образований на *-ak* образованиям на *-ar*.

СУФФИКС *-ćel*

Суффикс *-ćel* (н.-луж. *-śel*) является наиболее ярким примером суффикса действующего лица: он присоединяется исключительно к глагольным основам, а образованные им слова обозначают только лицо. В словаре Якубаша приводятся лишь два примера, не имеющих значения лица: *husćićel* 'конденсатор' (от *husćić* 'сгущать', 'конденсировать') и *sporićel* 'множитель' (от *sporić* 'множить').

Под влиянием суффикса *-ar* суффикс *-ćel* изменился во многих словах в *-ćer* (н.-луж. *-śer*). Иногда вместо образований на *-ćel* (*-śel*), которые следует считать в основном более старыми, выступают новообразования на *-ar*.

Таким образом, старые слова на *-ćel* (*-śel*) испытывают влияние образований на *-ar* в двух отношениях.

Благодаря этим изменениям часты параллельные формы, в которых, как правило, никакой разницы в значениях усмотреть невозможно.

Как и суффикс *-ar*, *-ćel* присоединяется к грамматически разнообразным глаголам. Присоединяясь исключительно к инфинитивной основе, суффикс *-ćel* требует лишь единственного ограничения: основа должна оканчиваться гласным. Поэтому суффикс *-ćel* не дает образований от глаголов с основой инфинитива на согласный (об отклонении *wjedzićel* см. ниже, стр. 190).

⁵² Fr. Trávníček. Указ. соч., стр. 318; Ułaszyn. Указ. соч., стр. 220.

⁵³ B. Letz. Mená čín. značenia (Kmeň. úvahy), стр. 110—111.

⁵⁴ В диалектах Силезии и Поморья, см. W. J. Doroszewski. Monografie słowotwórcze. Formacje z podstawowem *-k-* w części sufiksальной, Prace filologiczne, XIII. Warszawa, 1928, стр. 203 и след.

⁵⁵ W. Vondrák. Über die persönlichen Schimpfwörter im Böhmischem. — AfslPh, 12, 1890, стр. 70—71.

⁵⁶ F. Lorentz. Указ. соч., zesz. 5. Poznań, 1935, стр. 680.

⁵⁷ A. Belić. Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Dementiv- und Amplifikativsuffixe. — AfslPh, Bd. 23, Heft 1—2, 1901, стр. 155; B. Letz. Podstatné mená značenia zhoršeného (Pejorativa) (Kmeň. úvahy), стр. 70.

⁵⁸ A. Belić. Указ. соч., стр. 149; W. J. Doroszewski. Monografie słowotwórcze. Formacje z podstawowem *-k-* . . . , стр. 210.

Примеры гораздо менее многочисленны, чем в образованиях на *-ar* и *-ak*.

1) Образования от инфинитива на *-ać*.

1. *zběrać* 'собирать'—*zběračel* 'собиратель' (ср. *zběrar*, пример 2 на стр. 144)

...*zběračel* narodnych spěwow... (ČMS, 1933, 50); ...*zběračel* přisłowow... (BM₅₄); ...*zběračel* njeby podarmo so prócowa! (ČMS, 1892, 41); Wot serbskich *zběračelow*... (ČMS, 1897, 84); ...zaslužby dotalnych serbskich *zběračelow*... (ČMS, 1887, 102); Z nowišich *zběračelow*... (ČMS, 1897, 87); ...wón ...podpjerowaše druhich *zběračelow*... (ČMS, 1895, 150); W druhej bajcy samsneho *zběračela*... (ČMS, 1897, 43); ...tež druzy serbscy *zběračeljo* wo tym ničo njewědza (ČMS, 1894, 114); Zo bych tajkim *zběračelam* a dospołnosći zběrki poslužil... (ČMS, 1887, 47); ...ani w ludu ani pola druhich *zběračelow* njenadeńdzechmy wobtwěrj dženje toho zdželenja... (ČMS, 1897, 89).

2. *dawać* 'давать'—*dawaćel*, *dawaćer* 'дающий' (ср. *dawar*, пример 7 на стр. 145).

Za tym hač *dawaćel*, za tym tež dar (Př₁₇₅); Dary so najlěpje bjeru, hdyž ma so či *dawaćer* džakować za to, zo wozmjěš (Př₁₇); *Dawaćer* kaž čorny Jurij wobradžer (MH₂₆); ...tajki *dawaćer*, kaž čorny Jurij (čert) wobradžer (Př₂₂₉); ...*dawaćerjow* je mała ličba! (ČMS, 1890, 56).

В сложном *džětodawaćer* 'работодатель'.
...swojich njesčeplywych *džětodawaćerjow*... (DS₂₆).

3. *dodawać* 'подавать'—*dodawaćel* 'кто подает'. Слово употреблено о машине, но в форме винительного падежа, равного родительному, проявляется образность этого употребления:

...čaka na swojeho *dodawaćela* (NS₁₉₈).

4. *džětać* 'делать', 'работать'—*džětaćer* 'работник', 'рабочий' (ср. *džětar*, пример 15 на стр. 146). В этом слове нигде не выступает суффикс *-ćel*; н.-луж. *žětaš*—*žětašer*, *žětaš*.

Rychły lambora, rychli *džětaćerjo* (Př₁₂₀); Hdyž *džětaćerjam* mzdu krótiš... (Př₂₉); *Džětaćer* kaž twjerdy suk (MH₂₆); *Džětaćerjam* na ruki hladać (MH₅₉); Dobry hejtman je lěpši, dyžli džewjeć *džětaćeri* (Př₁₉); ...w přěnich rjadach... *džětaćerjow* a bėdžerjow (ČMS, 1898, 117); ...wobdarjeneho *džětaćerja*... (ČMS, 1895, 149); ...wustojnych *džětaćerjow*... (ČMS, 1887, 106); ...pilnych *džětaćerjow*... (DS₁₈); ...sprócni *džětaćerjo*... (KSB₂₃); *Džětaćerjo*, kotrychž 400 na měsće džětachu... (AL₇₅); ...dobry *džětaćer* a hospodař (ČMS, 1894, 111); ...*džětaćerja* na knježim dworje... (JB₂₈); ...knježi *džětaćerjo*... (WP₅₂); ...z jenym pohončom abo *džětaćerjom*... (JB₃₁); ...*džětaćerjo* a ratarjo... (BM₈); ...*džětaćerja*, kotryž běše zdobom mały rólnik... (JB₁₀₅); ...džěto wšěch *džětaćerjow* po swěće... (JB₅₀); ...wjesni *džětaćerjo*... (JB₁₉); ...žnjeńskich *džětaćerjow*... (ČMS, 1855, 9); ...lěsny *džětaćer*... (JB₉₀); ...skalnych *džětaćerjow* (ČMS, 1886, 135); ...podkopkowy *džětaćer* (DP₃₁); ...fachowy *džětaćer*... (JB₅₁); ...*džětaćerjo* w kopalnjach a fabrikach... (ČMS, 1899, 77); ...*džětaćer* w papjerniku... (ČMS, 1848, 63); ...*džětaćer* při železnicy... (ČMS, 1899, 136).

Sobudžětaćer 'сотрудник' (ср. *sobudžětar*, пример 15 на стр. 146).

...*sobudžětaćer* Domowiny... (NS₁₇₁); ...bu bórže swěrnym *sobudžětaćerjom* J. A. Smolerja... (BSP₁₆₅); ...namaka pola *sobudžětaćerja* nóclech... (DP₃₁); ...sebjе a swojich *sobudžětaćeri*... (ČMS, 1893, 71).

5. *skazać* 'заказать' — *skazaćel* 'заказчик' (ср. *skazar* в словарях Пфуля и Якубаша с тем же значением).

Hdyž sebi *skazaćel* po wěc přińdže... (DS₅);

6. *Spisać* 'написать' — *spisaćel* 'написавший', также 'писатель' (ср. *spisar*, пример 78 на стр. 150).

...*spisaćel* knižki... (ČMS, 1902, 46); ...*spisaćel* „žiwjenja Karla Wulkeho“... (ČMS, 1901, 50); *Spisaćel* tutoho nastawka... (ČMS, 1901, 6); ...*spisaćel* tutych knižičkow... (W₈); ...*spisaćela*... knihi... (NW₇₃) ...*spisaćel* tutychle knižkow... (W₁); ...serbscy *spisaćeljo*... (ČMS, 1851—52, 63); ...jeneho svojich... najpłodnišich *spisaćelow*... (ČMS, 1894, 64), ...ze žiwjenjopisami serbskich *spisaćelow*... (ČMS, 1894, 67); ...nastawacym *spisaćelam*... (ČMS, 1895, 153); ...po romskich *spisaćelach*... (ČMS, 1901, 46); ...ze sławnym lékařskim *spisaćelom*... (ČMS, 1902, 25); ...znamjeniteho serbskeho řečespytnika a *spisaćela*... (ČMS, 1895, 71); ...wudawať, syn *spisaćela*... (JP₁₂).

7. *sktadaćel* в значении 'композитор' — очевидно, под влиянием чешского *sktadatel* в том же значении, тем более, что пример встретился в переводе с чешского:

...hdy by *sktadaćela* njebył dźeržať přikład, kotryž měješe před sobu... (ČMS, 1889, 155).

Глагола, который мог бы быть производящим для этого образования, в словарях нет. Однако ср. *sktadowar*, переведенное в словаре Пфуля и как 'композитор'.

8. *zastarać* 'опекать', 'заботиться' — *zastaraćel*, *zastaraćer* 'опекун', также 'настоятель' (ср. *zastarar*, пример 81 на стр. 151).

přińdže jeje *zastaraćel* a rjekny, zo njetrjeba nětko dale do šule chodzić (BS₈); ...*zastaraćel* so rozhori... (BS₇); ..., *zastaraćer* klóštra... (DP₃₂).

samozastaraćel 'заботящийся о себе сам', 'кормящий себя сам'; в образном употреблении:

...a zo njebychu je zarjadowali do *samozastaraćelow*... (NS₂₇₉).

9. *žadać* 'требовать' — *žadaćel* (у Пфуля также *žadaćer*) 'претендент' (ср. *žadar*, пример 64 на стр. 150).

...rozdzěli so dwěmaj *žadaćelomaj* stipendium Kraszewskeho (ČMS, 1895, 70); ...bu za prěnje 20 lět wudželenych 1227 hr. na 214 *žadaćelow* (ČMS, 1902, 96), ...*žadaćelam* kaž tež... druhim serbskim studentam, hdyž so z próstwu ...wobroća... (ČMS, 1895, 70); ...bǎ jenož jedyn *žadaćel*... (ČMS, 1891, 75); ...zo ma... Cyž ze *žadaćelom* kruće a pisnje wujednač... (ČMS, 1898, 63).

2) Образования от инфинитива на -ić.

1. *budzić* 'будить', 'пробуждать' — *budzićel* 'кто будит, пробуждает' (ср. *budžer*, пример 6 на стр. 140).

Nakhilnosť k... realnje skutkowacemu *budzićelej* (WP₆); ...Nowak w molerstwje: *budzićel*, pěstón... (BM₅₈). В образном употреблении: *Budzićelo* womłodzaceho žiwjenja! (о солнце) (BN₄₅).

2. *zbudzić* 'пробудить' — *zbudzićel* 'кто будит, пробуждает' (ср. *zbudžer*, пример 2 на стр. 152).

...sławni *zbudzićeljo* našeho naroda... (NW₈₃); ...wulkeho sławisty a *zbudzićela* Arnošta Muki... (ČMS, 1933, 76).

3. *darić* 'дарить' — *darićel*, *darićer* 'кто дарит' (у Пфуля *darjeť* в том же значении).

...bě so... 125 čísłow wot 30 *darićelow* do knihownje *dariło* (ČMS, 1865, 355); ...*podawaše dary*... 10. *darićelow*... (ČMS, 1901, 147); *Woporniwym darićelam*... (ČMS, 1901, 67); ...Z jednotliwych *darićelow*... (ČMS, 1898, 127); ...zo jenotliwych *darićelow*... (ČMS, 1888, 127); ...*wošadni fararjo darićelow* (ČMS, 1902, 94); ...jednotliwych *darićerjow*... (ČMS, 1902, 71 и ČMS, 1901, 68); *Darićerja* pomjenuje zhromadźizna za zakładneho Sobustawa domu M. S. (ČMS, 1902, 72); ...*pokazki narodneje drasty*... wot *darićerja*... *kurjene* (ČMS, 1902, 76).

4. *hanić* 'проклинать', 'ругать' — *hanićer* 'кто ругает, проклинает' (в словарях Пфуля и Якубаша также *hanićel*) (ср. *hanjer*, пример 10 на стр. 141); н.-луж. *haniš* — *hanišeř*.

Hanićeř ma sydom hubiskow (Př₂₇₄).

5. *hosćić* 'принимать гостей' — *hosćićel* 'кто принимает гостей'.

Po bohatym wobjedže podzakowa so Eduard *hosćićelej*... (DS₈₁); ...*njejěsć* ...to by tu *rěkało, hosćićela* česće skřiwdzić (BM₆₄); ...z našim prezidentom *hosćićelom*.. (NS₂₁₆); ...*naše holiča zawlečeja hosćićela hišće sobu*... (NS₂₁₇).

6. *knježić* 'править' 'господствовать' — *knježićer, knježićel* 'кто правит, господствует' (ср. *knježer*, пример 13 на стр. 140).

...ani jednoho Němca ani cuzeho *knježićerja* *njeběše*... (ČMS, 1901, 44); ...*knježićerjo* Milčanow... (JNS₁₀); ...*kotrychž wobknježahu wšelacy knježićerjo*... (ČMS, 1931, 78); ...*wola knježićerja*... (JNS₂₄). Образно: *knježićel nad wulkim bratstwom*... *žabow*... (NS₂₇₂); *Wólša je připoznata knježićelka błótowskeho pralěsa*... (NS₆₂). У Якубаша сложное *samoknježićel* 'самодержец'.

7. *chodźić* 'ходить' — *chodźićer* 'ходок' (у Пфуля также *chodźićel*) (ср. *ehodžer*, пример 5 на стр. 156).

Na woškroće móže tež najlěpši *khodźićer* *radnyć* (Př₂₈₇).

8. *zatožić* 'заложить', 'основать' — *zatožićel* (в словаре Якубаша также *zatožicer*) 'основатель' (ср. *zatožer*, пример 10 на стр. 153).

...*zatožićel* *jeneje z přěnich serbskich nowin*... (BM₅₃); ...*zatožićel* *serbskeje wědomosće a publicistiki* (BM₅₄); ...*zatožićel* *Krakes*... (NS₂₀₈).

9. *pretožić* 'перевести' — *pretožićel* 'переводчик' (ср. *pretožer*, пример 9 на стр. 153).

...jako *pretožićel* *na swoju ruku knihu čišćeć da*... (BM₅₃).

10. *radźić* 'советовать' — *radźićel, radźićer* 'советчик', но обычно 'советник' (в титулах) (ср. *radžer*, пример 29 на стр. 142); н.-луж. *raziš* — *razišel* и *razišeř*.

...*Mój radźićel zawostańće* (HS₁₃); *Mudry radźićel krala mudreho čini* (Př₇₉). В образном употреблении: *Hněw je slepy radźićel* (Př₄₁); *Rozhněwany duch je slepy radźićer* (Př₂₉₅); ...*radźićel* *Stan. Bierzt*... (ČMS, 1897, 154); ...*sudnik a radźićelowje* (ČMS, 1897, 101); ...wot *radźićelow* *cyrkwi*... (ČMS, 1892, 12); ...*gmejnski radźićel*... (BS₅₀); ...*gmejnskich radźićelow* (BS₃₅); ...*cyrkwinski radźićel*... (ČMS, 1886, 59); ...*cyrkwinscy radźićeljo*... (ČMS, 1886, 59); ...*wyššeho cyrkwinskeho radźićela*... (ČMS, 1896, 61); ...*krajny radźićel* *tuteho wokrjesa*... (ČMS, 1933, 72); ...*krajny sudniski radźićel*... (ČMS, 1900, 136); ...*hamtski radźićel*... (ČMS, 1902, 73); *Justicny radźićel* (ČMS, 1895, 165); ...*justicnemu radźićelej*... (ČMS, 1897, 73); ...*justicny radźićel*... (ČMS, 1894, 155); ...*dwórski radźićel*... (ČMS, 1894, 151 и ČMS, 1896, 144); ...*konsystorijalny radźićel*... (ČMS, 1848, 51); ...*statny radźićel*...

ČMS, 1894, 151 и ČMS, 1896, 146); ...sanitetski *radžičel...* (ČMS, 1900, 134); ...ze šulskim *radžičelom* (ČMS, 1896, 80); ...šulskjemu *radžičelej...* (ČMS, 1848, 52); ...tajny *radžičel...* (ČMS, 1899, 136); ...financneho a twarskeho *radžičela...* (ČMS, 1902, 76); ...duchownych *radžičerjow* serbskeho rodu... (ČMS, 1886, 59); ...dwórski *radžičeř* (ČMS, 1897, 148 и 149); Woprawdžity statny *radžičeř...* (ČMS, 1895, 166); ...knježeřski *radžičeř...* (ČMS, 1897, 151); ...krajny sudniski *radžičeř* (ČMS, 1901, 64).

11. *rodzić* 'родить', 'сотворить' — *rodžičer* 'кто породил, сотворил' (у Пфуля и Якубаша также *rodžičel*); н.-луж. *rožiš* — *rožišelka*.

Образно: ...połožnosć, ta trašna *rodžičeřka* wšeho njezboža (BN₆₀).

12. *slědźić* 'следить', 'выслеживать', 'исследовать' — *slědžičer* 'исследователь' (ср. *slědžer*, пример 33 на стр. 142).

...kiwaše *slědžičer...* (BM₂₆).

13. *srjedzić* 'занимать срединное положение' — *srjedžičer* 'посредник' (у Якубаша также *srjedžičel*). Переносно: ...rěč delnojužiska ...je *srjedžičeřka* mjez Brandenburgskej narěču a mjez tej pola Budyšina (ČMS, 1931, 80—81).

14. *stawičel* ('архитектор'), не отмеченное в словаре, употребляется в таком контексте, который дает возможность предполагать влияние чешского *stavitel* (с тем же значением):

Veránek, František, *stawičel* w Prahu... (ČMS, 1902, 6). (Ср. *stajić* 'строить' и *stajer* (см. пример 22 на стр. 154)

15. *předstejić* (или *předstojić* 'возглавлять', 'заведовать' — *předstejičel*, *předstejičer*, *předstojičer*, иногда *prjódkstejičer* 'глава'. Ср. *předstejer*, пример 2 на стр. 139.

...gmejnskeho *předstejičela...* (ČMS, 1897, 9); ...gmejnski *předstejičeř...* (ČMS, 1863, 68); ...cyrkwinski *předstejičeř...* (ČMS, 1900, 86); ...cyrkw. *předstejičeř...* (ČMS, 1896, 146); ...*předstejičerja...* cyrkwinskeje rady... (ČMS, 1900, 88); ...hamtskeho *předstejičerja...* (ČMS, 1900, 88); ...*předstejičerja* tutoho klóštra... (DP₆₉); Jeho *předstejičerja...* (DP₄₁); ...*předstejičerja* podkopkow... (DP₃₂); ...gmejnski *předstojičeř...* (BP₂₁); ...gmejnskeho *předstojičerja...* (BP₄₆); ...noweho *předstojičerja...* (DP₇₁); ...gmejnski *prjódkstejičeř...* (ČMS, 1848, 64); ...*prjódkstejičeř* serbskeho seminara... (ČMS, 1848, 62).

16. *stworić* 'создать' — *stworičel*, *stworičer* 'создатель', 'творец' (ср. *stworjer*, пример 30 на стр. 155); н.-луж. *stworiš* — *stworišel*.

...ze *stworičelom* serbskeje spisowneje rěče... (BM₅₃); Bóh tón *stworičel...* (SH, I, 263); ...wšodobročiwy *stworičel...* (NS₂₆₃); ...čert jako *stworičel*, a ...towař Boha Knjeza (ČMS, 1895, 129); ...Ptačata hdyž *stworičerja* Chwalo fifola a hudža (BW₂₇₀).

17. *wodzić* 'водить', 'руководить' — *wodžičel*, *wodžičer* 'руководитель' (ср. *wodžer*, пример 8 на стр. 156).

Wodžičel «Młodych Serbow» (BSP₁₆₇); ...*wodžičelow* Maćicy Serbskeje... (ČMS, 1898, 22—23); ...móc a prawo mocy, kiž bě lud *wodžičelam* dowěrił... (BM₂₆); ...tuteho *wodžičela* sławjachu... Frankojo a Saksojo... (BM₂₆); ...bjez starosciweho *wodžičerja...* (ČMS, 1892, 13); ...wučerjow a *wodžičerjow...* (ČMS, 1892, 11—12).

18. *žiwić* 'кормить', 'содержать' — *žiwičel* 'кормилец' (ср. в словаре Пфуля *žiwjer* с тем же значением).

...samostatností... bjeze njeje drje by Wórša dawno za druhim žiwicelom hladała (KR₅₃).

3) В образовании от инфинитива на *-eć*: *dźeržeć*; единственный случай, когда несомненно осложненный суффикс *-ićel*: *dźeržićel* 'кто держит', 'владелец' (ср. у Пфуля *dźeržeć* 'кто держит').

В сложном *městodźeržićel* 'наместник'.

...*městodźeržićel* českeho kralestwa... (ČMS, 1896, 19).

4) Образование от инфинитива на *-ować*: *spisować* 'составлять', 'писать' — *spisowacel*, *spisowacer* 'писатель'; употребляется только для обозначения представителя этой профессии, тогда как *spisowar* (см. пример 20 на стр. 162) употребительно не только в этом значении, но и как типичное агентивное существительное. Ср. также *spisacel* (пример 6 на стр. 185).

...*slawny spisowacel*... (WP₁₀); ...*Wulki ruski spisowacel*... (WP₁₀); ...*prěni serbski spisowacel*... (BSP₁₆₉); *Jurij Bržan, spisowacel* (BSP₁₅₃); ...*znateho cyrkwinskeho spisowacela*... (ČMS, 1896, 112); ...*płodny serbski spisowacel*... (ČMS, 1898, 117); ...*historiskemu spisowacelej*... (WP₆); ...*beletristiskim spisowacelom*... (ČMS, 1933, 74); ...*wobrotneho spisowacela*... (AL₄₀); ...*spisowacelow* a *basnikow*... (BSP₁₆₉); ...*cyły rjad basnikow, ale mało spisowacelow* (WP₃); ...*basnikej, spisowacelej, kritikej*... (BSP₅); ...*tak zo potom spisowacerjo tež wšelako pisaju* (ČMS, 1891, 70).

Некоторые образования от инфинитива на *-ować*, приведенные у Якубаша, см. ниже, стр. 191.

5) Образования от инфинитива, основа которого оканчивается гласным корня:

1. *dobyć* 'победить', 'завоевать' — *dobyćer* (у Якубаша также *dobyćel*) 'победитель', 'завоеватель'.

...*dobyćer nad wódnym mužom*... (ČMS, 1894, 126); ...*wulkosć dobyćerja* (BW₁₉₇); *Podobnje priwzachu dobyćerjo mjeno wot předobutyh tež w romskej republicy*... (ČMS, 1931, 79); ...*njemóžeše dobyćerja jenož wobdźiwać abo poraženych wobzarować*... (WP₁₆); ...*Po woli dobyćerjej być my přisahamy* (BN₂₃); *Njepřećel juž poražený ćeka. Naši ćerja za nim dobyćerjo* (JNS₅₈); *Ja chcu radšo z dobyćerjom sedžeć Za blidom a jako knježer knježić*... (JNS₅₆); *Podarmo chcedža tući dobyćerjam próh do města zalehnyć* (WH₃₆); *Prawo to je dobyćerjowe* (BN₂₄); ...*sylnemu nawalej motorizowaneho dobyćerja* (KR₁₇); ...*dobyćerka wot drjewjancow hać do wusmahnjeneho rubiška na hłowje* (BS₁₄).

2. *zadobyć* 'вломиться', 'проникнуть' — *zadobyćer* 'вломившийся', 'окупант'.

...*Steptani a wuklukowani wot cuzeho zadobyćerja*... (NS₂₃₄).

6) В некоторых производных выступают отклонения от нормального для этого типа слов отношения между производящим и производным.

1. От глагола *dobroćić* ('приносить пользу', 'делать добро') производное *dobroćel* образовано присоединением суффикса не к основе инфинитива, а к корню. Слово выступает также в форме *dobroćer*, т. е. с обычными для этого словообразовательного типа колебаниями в суффиксе⁵⁹. Производным с помощью суффикса *-ar* от *dobrota dobroćer* не может считаться потому, что этому противоречит неоправданное смягчение конеч-

⁵⁹ Возможно предположение, что *dobroćel*, *dobroćer* исторически являются серболоужицкими соответствиями чешскому устаревшему *dobroditel* ('благотель') *diti* — 'совершать', 'причинять') претерпевшими некоторые фонетические изменения.

ного согласного производящей основы. Н.-луж. *dobrošel* и *dobrošeř* (производящего глагола в словаре Муки нет).

...*šcedriwy dobrošel* (ČMS, 1897, 72); ...*wótčinc a dobrošel swojeho ludu...* (ČMS, 1897, 70); ...*lubowař a dobrošel serbskeho luda* (ČMS, 1900, 65); ...*dobrošel Łužicy...* (ČMS, 1897, 68); ...*podpěraný wot dobrošelow...* (ČMS, 1897, 68); ...*swojich wučerjow a dobrošelow...* (ČMS, 1848, 7); ...*do rjada... dobrošelow a sobustawow Mać. Serbsk.* (ČMS, 1895, 75); ...*Najwjetši dobrošeljo...* (NW₁₃); *Hołčo... swojich dobrošelow njepreradži* (KR₆₂); ...*česćić jako... swoju dobrošelku* (ČMS, 1933, 12); ...*dobrošeř cyłeho serbskeho luda...* (ČMS, 1862, 89); ...*dobrošeřjemi serbskeho luda...* (ČMS, 1898, 32); ...*załožerjam a dobrošeřjam klóštra...* (DP₆₉); *Dobrošeřjo mje... pola studijow njepodpjeraju...* (AL₂₅); ...*jeho dobrošeřja...* (ČMS, 1895, 26); ...*dopomni so na swoju dobrošeřku kěžorku Katrnu...* (DP₆₇); *Dobrošeřka njedakota* (Př₁₉).

2. От глагола *wjećić* 'мстить' образовано *wjećićer* 'мститель' (у Якубаша *wjećićel*). Пережив те же фонетические изменения, которые можно предложить для *dobrošel*, эти формы изменились в *wjećel*, *wjećer* (ср. также *wjeć* 'мести', приведенное в словаре Пфуля как устаревшее; *wjećer* можно было бы считать производным от *wjeć*, но наличие формы *wjećel* опровергает это предположение).

...*wjećićerjo přerady!* (BN₆₂); *Wjećel* *ći njewusnje, prjedy hać na marach njeje* (Př₁₅₇); *Najmudřiši wjećel winnikow z njerjada ćaha* (Př₆₈); ...*wjećer mócný njeprawdy* (JNS_{4r}).

3. В образовании *mějćel* 'владелец', 'кавалер' (ордена) используется основа мнимого инфинитива **mějic* (ср. подобный же случай в чешск. *majitel* в том же значении⁶⁰); ср. формы простого будущего времени от этого глагола, осложненного приставкой: *změju*, *wotměju*; причастие *mějacy*.

...*swojeho mějćela...* (ČMS, 1902, 101); ...*mějćel ryćeřskeho křiža...* (ČMS, 1933, 3); ...*mějćel sakskeho zaslužbneho křiža...* (ČMS, 1901, 51).

4. Подобный случай и в *wjedźićel*, *wjedźićer* 'вождь' от инфинитива *wjesć* (на согласный) 'вести' (ср. *wjedu*, *wjedžeš* и *wjedžeř*, имеющие то же значение, что и *wjedźićel*, пример 1 на стр. 157).

...*A dowěrić wjedźićerjej jenom' wšitku mócný...* (BN₂₁).

В использованной литературе примеры образований с суффиксом *-ćel* исчерпываются теми, которые здесь приведены. Помимо них, Якубаш приводит еще довольно большое количество примеров, которые, очевидно, являются менее употребительными. Ниже они приведены все: *hladaćel* 'зритель', также 'кто присматривает' (ср. *hladar*, пример 17 на стр. 146) от *hladać* 'смотреть', 'присматривать'; *chowaćel* 'хранитель' (ср. *chowar*) от *chować* 'хранить'; *jednaćel* 'управляющий', 'секретарь', (ср. *jednar* с другим значением) от *jednać* 'управлять', 'посредничать', 'примирять'; *podpěraćel* 'покровитель' (ср. *podpěrar*, пример 35 на стр. 148) от *podpěrać* 'поддерживать'; *romhaćer* 'помощник' (ср. *romhar*, пример 8 на стр. 176) от *romhać* 'помогать'; *popřewaćel* 'покровитель' от *popřewać* 'покровительствовать'; *požiwaćel* 'имеющий право пользования' от *požiwać* 'использовать'; *předobuwaćel* 'победитель' от *předobuwać* 'побеждать'; *wotkazaćel* 'кто оставляет наследство' от *wotkazać* 'завещать в наследство'; *wužiwaćel* 'пользователь' (ср. *wužiwar* с тем же значением), от

⁶⁰ Fr. Trávníček. Указ. соч., стр. 316.

wužiwać 'пользоваться'; *zjednaćel* 'примиритель' от *zjednać* 'примирить'; *činićel, činićer* 'делец' от *činić* 'делать, действовать' (н.-луж. *synišel*, наряду с *synař* от *syniš*); *čolićer* 'полировщик' от *čolić* 'полировать'; *džędźićel* 'наследник' от *džędźić* 'получать в наследство'; *hajićel* 'хранитель', 'сторож' (ср. *hajer* в том же значении) от *hajić* 'хранить', 'охранять'; *hojićel* 'исцелитель' (ср. *hojer* с тем же значением) от *hojić* 'исцелять'; *modlićer* 'поклонник', 'обожатель' (ср. *modler* с другим значением, пример 53 на стр. 144) от *modlić so* 'поклоняться'; *morićel* 'убийца' от *morić* 'убивать'; *myslićel* 'мыслитель' (ср. *mysler*, пример 22 на стр. 141) от *myslić* 'мыслить'; *njerokojićel* 'нарушитель спокойствия' от *njerokojić* 'нарушать спокойствие'; *nosyćel* 'кто носит' (ср. *nošer*, пример 6 на стр. 156) от *nosyć* 'носить'; *ptodźićel* 'родитель', 'производитель' (ср. *ptodźer* в том же значении, пример 28 на стр. 142) от *ptodźić* 'производить'; *pokojićel* 'утешитель' от *pokojić* 'утешать'; *prawićel* 'руководитель' от *prawić* 'руководить', 'направлять'; *prosyćel* 'проситель' (ср. *prošer*, пример 4 на стр. 144) от *prosyć* 'просить'; *prěwodźićel* 'проводжатель' (ср. *prěwodźer*, пример 32 на стр. 155) от *prěwodźić* 'проводжатель'; *ranićel* 'кто наносит рану' от *ranić* 'ранить'; *ručićel* 'поручитель' от *ručić* 'ручаться'; *skorźićel* 'жалующийся' от *skorźić* 'жаловаться'; *sptodźićel* 'изготовитель' от *sptodźić* 'изготовить'; *spokojićel* 'утешитель', от *spokojić* 'утешить'; *sporićel* 'кто приумножает' от *sporić* 'приумножать'; *sprawićel* 'управляющий' от *sprawić* 'улучшать', 'направлять'; *tworićel, tworićer* 'создатель' от *tworić* 'создавать'; *wabićel* 'кто привлекает, вербует' от *wabić* 'привлекать', 'вербовать'; *wěrićel* 'верующий', от *wěrić* 'верить'; *winićel* 'обвинитель' от *winić* 'обвинять'; *wobknjezićel* 'кто господствует' от *wobknjezić* 'господствовать'; *wobradźićel* 'кто дарит' (ср. *wobradźer*, пример 31 на стр. 155) от *wobradźić* 'дарить'; *wobtwjerdźićel* 'кто подтверждает' от *wobtwjerdźić* 'подтвердить'; *wokřewićel* 'кто освежает, ободряет' от *wokřewić* 'освежить', 'ободрить'; *wudźićer* 'удильщик' (ср. *wudźer*, пример 48 на стр. 143) от *wudźić* 'удить'; *wuswobodźićel* 'освободитель' (ср. *wuswobodźer*, пример 25 на стр. 154) от *wuswobodźić* 'освободить'; *zjewićel* 'объявляющий', 'провозглашающий' от *zjewić* 'объявить', 'провозгласить'; *rozkazowaćel, rozkazowaćer* 'командующий', 'начальник' (ср. *rozkazowar* в том же значении) от *rozkazować* 'приказывать'; *rukowaćel* 'поручитель' от *rukować* 'поручать'; *splahowaćel* 'изготовитель', 'кто разводит' от *splahować* 'изготавливать', 'разводить'; *zrjadowaćel* 'распорядитель' от *zrjadować* 'приводить в порядок'; *žohnowaćel* 'кто благославляет' (ср. *žohnowar*, пример 37 на стр. 169) от *žohnować* 'благославлять'.

Как можно судить по источникам приводимых примеров, суффикс в основном характерен для книжного языка. Показателем этого является небольшое число образований в языке народных песен и поговорок (можно указать лишь *dawaćel*, пример 2 на стр. 185; *džětaćer*, пример 4 на стр. 185; *hanićer*, пример 4 на стр. 187; *chodźićer*, пример 7 на стр. 187; *radźićel* пример 10 на стр. 187; *wjećel*, пример 2 на стр. 190).

В нижнелужицком языке количество образований совершенно ничтожно. Некоторые из них помечены в словаре Муки как устаревшие или встречающиеся только у Якубицы. Кроме приведенных *synišel, dobrošel* (и *dobrošeř*), *hanišeř, psijašel, ražišel (ražišeř), stworišel, sužišeř, žětašeř* и *sobužětašeř*, можно добавить лишь *póznašeř* 'исповедующий', 'верующий' (ср. *póznajař* с тем же значением, стр. 139) от *póznaš* 'исповедовать'; *sromišer* 'клеветник', 'поноситель', 'хулиль', от *sromiš* 'клеветать', 'поносить'; *wótražišel* 'кто отговаривает' (ср. *wótražowar* с тем же значением) от *wótražiš* 'отсоветовать'; *zakazyšeř* 'губитель' от *zakazyš* 'погубить' и *zdrowišer* 'спаситель' от *zdrowiš* 'лечить', 'спасать'.

В начале XIX в. верхнелужицкий язык характеризовался незначительным количеством производных с суффиксом *-ćel*, о чем можно судить по словарю Бозе (см. ссылку на стр. 147). Здесь, наряду с большим количеством примеров на *-ar*, с суффиксом *-ćel* приведены лишь три образования, из которых первые два, как показано выше, характерны и для разговорного языка: *dzětaćer*, *radźićel* и *stworićel*. Некоторая активизация этого суффикса, сказавшаяся в разбираемых в этом разделе примерах и в значительном количестве образований, приведенных Якубашем, объясняется развитием литературного языка. Нижнелужицкий язык, переживший этот процесс в более слабой степени, дает и меньшее количество образований.

В других западнославянских языках соответствия суффиксу *-ćel* употребляются очень широко и представляют наиболее продуктивный способ образования имен действующего лица⁶¹.

На этом основании небольшое в верхнелужицком и незначительное в нижнелужицком языках количество производных с суффиксом *-ćel (-ćer)*, н.-луж. *-šel (-šer)* следует считать показателем падения его продуктивности.

СУФФИКС -С

Суффикс *-с* широко употребляется в серболужицком языке в образованных от прилагательных названиях лиц — носителей качества: *brašniwc* 'калека', 'инвалид' (*brašniwy* 'хилый', 'покалеченный'); *fachowc* 'специалист' (*fachowy* 'квалифицированный'); *horliwc* 'энтузиаст' (*horliwy* 'усердный'); *lubic* 'любимец' (*luby* 'любимый'); н.-луж. *lubic* — *luby*; *njewěriwc* 'недоверчивый' (*njewěriwy* 'недоверчивый'); *njewědomc* 'невежда' (*njewědomy* 'невежественный'); *skupc* 'скупец' (*skupy* 'скупой'); *starc* 'старец' (*stary* 'старый'); н.-луж. *starc* — *stary*; *surowc* 'изверг' (*surowy* 'суровый', 'зверский'); *šedźiwc* 'старик' (*šedźiwy* 'седой'); *njedótkliwc* 'недотрога' (*njedótkliwy* 'неприступный', 'неприкосновенный'); *złósciwc* 'злодей' (*złósciwy* 'злобный'); *žadlawc* 'отвратительный, мерзкий человек' (*žadlawy* 'отвратительный', 'мерзкий') и т. д.

Большую группу составляют слова, образованные от прилагательных на *-ny* и причастий прошедшего времени страдательного залога, из которых многие ощущаются уже как прилагательные: н.-луж. *brašeńc* 'раненый' (*brašeny* 'раненный'); *bronjenc* 'вооруженный' (*bronjeny* с тем же значением); *cybnjenc* 'чудак' (*cybnjeny* 'чудаковатый', 'взбалмошный'); *dowěrjenc* 'доверенное лицо' (*dowěrjeny* 'доверенный'); н.-луж. *hobožranc* 'обжора' (*hobožrany* 'прожорливый'); н.-луж. *hobožreńc* 'пьяница' (*hobožřeny* 'пьяный'); *hubjenc* 'бедняга' (*hubjeny* 'жалкий'); *mazanc* 'непрятный, нечистоплотный человек' (*mazany* 'грязный'); *nježenjenc* 'холостяк' (*nježenjeny* 'холостой'); н.-луж. *pijańc* 'пьяница' (*pijany* 'пьяный'); *ročmurjenc* 'мрачный человек' (*ročmurjeny* 'мрачный'); *póstanc* 'посланец' (*póstany* 'посланный'); *roztorhanc* 'оборванец' (*roztorhany* 'оборванный'); *stawjenc* 'юбиляр' (*stawjeny* 'чествуемый'); *społnomócnjenc* 'уполномоченное лицо' (*społnomócnjeny* 'уполномоченный'); *ćeknjenc* 'беглец' (*ćeknjeny* 'бежавший'); *wobskorženc* 'подсудимое лицо' (*wobskorženy* 'подсудимый'); *wobtorhanc* 'оборванец' (*wobtorhany* 'оборванный'); *wobžranc* 'обжора' (*wobžrany* 'прожорливый'); н.-луж. *hobožranc* — *hobožrany*; *womazanc* 'грязный человек' (*womazany* 'испачканный'); *wostawjenc* 'юбиляр' (*wostawjeny* 'чествуемый'); *wotrodženc* 'ренегат' (*wotrodženy* 'отступивший',

⁶¹ Fr. Trávníček. Указ. соч., стр. 316; N. Ułaszyn. Указ. соч., стр. 220; J. Łoś. Указ. соч., стр. 103; B. Letz. Mená čin. znač. (Кмењ. úvahy), стр. 107.

'изменивший'); *wotsudźenc* 'осужденное лицо' (*wotsudźeny* 'осужденный'); *wipokazanc* 'изгнанник' (*wipokazany* 'изгнанный'); *wipóstanc* 'посланный' (*wipóstany* 'посланный'); *wuzwolenc* 'избранный' (*wuzwoleny* 'избранный'); н.-луж. *zagnańc* 'изгнанник' (*zagnany* 'изгнанный'); *zahorjenc* 'энтузиаст' (*zahorjenu* 'воодушевленный'); н.-луж. *zakosćeńc* 'скряга' (*zakosćony* 'закостенелый'); *zaspanc* 'соня' (*zaspany* 'сонный'); н.-луж. *zaspañc* — *zaspary*; *zasydanc* 'домосед' (*zasydany* 'много сидящий'); *zawrjenc* 'арестант' (*zawrjenu* 'запертый'); н.-луж. *zedrańc* 'оборванец' (*zedrany* 'оборванный'); *zranjenc* 'раненый' (*zranjenu* 'раненный').

Образования от причастий страдательного залога прошедшего времени обнаруживают в своем значении оттенок пассивного отношения к действию, оттенок испытания на себе соответствующего действия, а не активного совершения его. Пассивное отношение к действию ярко проявляется в противопоставлении этих образований образованиям с суффиксом *-ar*: *hladanc* 'питомец', 'воспитанник' — *hladar* 'воспитатель'; *chowanc* — *chowar* и *kubtanc* — *kubtar* (с теми же значениями); *chostanc* 'наказываемый' — *chostar* 'наказывающий'; *lubowanc* 'любимец' — *lubowar* 'любитель'; *namakanc* 'подкидыш', 'найденый' — *namakar* 'лицо, нашедшее что-либо'; *poručenc* 'подопечный' — *poručer* 'опекун'; *škitanc* 'защищаемый' — *škitar* 'защитник'; *wotpóstanc* 'посланец' — *wotpóstar* 'отправитель'; *zapóstanc* 'депутат' — *zapóstar* 'отправитель'; *zastaranc* 'подопечный' — *zastarar* 'опекун' и т. д.

Ср. такие же противопоставления в нижнелужицком: *kubtańc* 'питомец' — *kubtar* 'воспитатель'; *namakańc* 'найденый' — *namakar* 'кто находит'; *póstańc* 'посланник' — *póstar* 'отправитель' и т. д.

Ближе к именам действующего лица стоит очень немногочисленная группа образований, включающих основу отглагольного имени существительного.

1. *branc* 'берущий' (*branje* от *brać* 'брать').

Dary-brancej wotrubajće Dary-bjerne razory! (ČMS, 1868, 5).

2. *pobranc* 'грабитель' (*pobranje* 'грабеж' от *pobrać* 'грабить').

Činjenu paduch je hórsi, hač rodženy *pobranc* (Př₁₃).

3. *čěkanc* 'беженец' (*čěkanje* 'бегство' от *čěkać* 'бежать').

...my we wójnje jako *čěkancy* sem přindžechmy (KR₄₉); ...*čěkancy* z dalších narańšich stron... (KR₂₅); ...wot zhromadneho čaha *čěkancow*... (KR₁₉); ...z *čěkancami* ze Šlezyskeje... (NS₁₉₃); ...na wbohich *čěkancow* (WH₃₃).

4. *hłupjenc* 'глупец' (*hłupjenje* 'глупое поведение').

Hłupjenc kaž wo! (MH₂₈₋₂₇); *Zo-li so hłupjencej ślachći, je bórzy za mudreho měty* (Př₁₈₄); *Hłupjenc wostanje hłupjenc*... (Př₂₇₈).

5. *wumyslenc* 'выдумщик' (*wumyslenje* 'выдумывание' от *wumyslić* 'выдумать').

Wumyslencej žana całta běła dosć njeje (Př₁₁₁).

6. *znošenc* 'составитель', 'автор' (*znošenje* 'составление' от *znošeć* 'составлять').

Jedyn... ljeńšich znošeńcow... (SH, 1, 26).

7. *skupjenc* 'скупец' (*skupjenje* 'скупость' от *skupić* 'скузиться', 'быть скупым').

Bohaty skupjenc je mało lépsi hač paduch (Př₅); *Skupjenc, tak gramny, zo wohryzki wosucyje* (Př₂₅₅); *Pjenježny zmij jeno skupjencej nosy* (Př₁₀₀).

8. *tradanc* 'терпящий нужду' (*tradanje* 'бедствование' от *tradać* 'терпеть нужду', 'бедствовать').

Za blido *tradancow* 'sadzeć (MH₅₃).

9. *złobjenc* 'озлобленный человек' (*złobjenje* 'озлобление'; *złobić so* 'озлобляться').

Złobjenc ma sleru pjasć (Př₃₁₂).

10. *žlokanc* 'пьяница' (*žlokanje* 'запой' от *žlokać* 'пить').

«Pijanc» praja wori temu knjezeje, a «*žlokanc*» wori temu burej (Př₉₀); ... *žlokanc*, zakliwar abo njedočink... (NS₂₈₈).

11. *žranc* 'пожирающий' (*žranje* 'пожирание' от *žrać* 'жрать'), в *serbowžranc* 'пожирающий сербов'.

Serbowžrancu su zastali, Serbja su wostali (Př₁₂₂); ... zo *serbowžrancam* tamle so poča styskać (NS₂₁₆).

12. *žnjenc* 'жнец', созданное по тому же типу, хотя от глагольного существительного от *žnjeć* 'жать' в словарях не отмечено.

Žnjeńcy, kosu klepaće! (BSP₄₆); ... *žnjeńcy* leža wokoł šklě... (BW₄₅); ... Ducu domoj *žnjeńc* sej spěwa... (BW₂₁₉).

Из словаря Якубаши можно добавить: *surowjenc* 'суровый, жестокий человек' (*surowjenje* 'жестокость') и *žwanс* 'болтун' (*žwanje* 'болтовня' от *žwać* 'болтать').

Основу отглагольного существительного включают в себя нижнелужицкие: *gnileńc* 'ленивец' (*gnileńe* 'леность', 'тунеядство' от *gniliš se* 'лениться'); *hustroweńc* 'выздоровливающий' (*hustrowenje* 'выздоровление'); *huwołańc* 'глашатай' (*huwołańe* 'провозглашение', 'призыв' — *huwołaš* 'провозглашать'); *pakosćeńc* 'жадный человек' (*pakosćeńe* 'сильное желание' от *pakosćiš* 'сильно желать'); *sprańc* 'соня', 'лежебока' (*sprańe* 'спанье' от *spraš* 'спать').

Разбираемая группа имен существительных отличается от обычных имен действующего лица своим отыменным образованием. Разрыв с глаголом объясняется во многих случаях тем, что посредник между глаголом и существительным на -с — отглагольное существительное — порывает иногда связь с действием и становится обозначением абстрактного понятия (например: *pobranje*, *htupjenje*, *skupjenje*, *surowjenje*). Наличие осложненного суффикса *(-j)enc*⁶² приводит к тому, что имена существительные с суффиксом -с, связанные с отглагольным существительным и обозначающие лицо — носителя качества, осознаются производными от прилагательных с помощью суффикса *(-j)enc*. Поэтому *htupjenc* скорее является производным прямо от *htupy*, *skupjenc* — от *skupy*, *surowjenc* — от *surowy*; н.-луж. *gnileńc* от *gnity* и т. д. Близость к именам существительным, обозначающим лицо по качеству, видна и из контекстов приведенных примеров. Контекст позволяет считать настоящими названиями действующего лица лишь *branc*, *pošenc* и *serbowžranc*. Образованные суффиксом -с и включающие основу отглагольного существительного слова находятся, следовательно, на границе слов, обозначающих действующее лицо.

В отглагольных образованиях суффикс -с встречается в очень небольшом количестве слов. Так как суффикс начинался раньше на гласный звук (-сь), он присоединяется обычно к глагольному корню или к усеченной инфинитивной основе того же типа, что и в образованиях с суффиксом -ar или -ak.

1. *złoćinc* 'злодей' (*zło činić* 'чинить зло') (ср. *złoćinjer* в словаре Пфуля).

⁶² Ср. *cyrkwjenc* (рел. 'кистер') — от основы косвенных падежей *cyrkw(j)-* (им. п. *cyrkej* 'церковь'), *młodźenc* ('молодой человек') — от *młody* ('молодой'); н.-луж. *cerkwjeńc* (косв. падежи *cerkwj-* им. п. *cerkwja*); *chudźeńc* 'бедняк' от *chudy* 'бедный'.

Ruku na *zložinca* položíc (MH₄₇).
 2. *kurc* в значении 'купец' не является производным от *kupic* 'купить' (н.-луж. *kurc* — *kupis*).
 ...k. Hornig, *kurc* w Khróscicach... (ČMS, 1853—1854, 63).
 Ср. сложное *knihipurc* 'книготорговец'.
 ...*knihipurc* Smoleř... (ČMS, 1851—52, 98); ...někajki *knihipurc*... (NS₇₁). Ср. *ludžipurc* 'торговец людьми' и *žitokurc* 'торговец зерном' в словаре Якубаша.

Однако в большинстве случаев *kurc* имеет значение действующего лица от глагола *kupic*, что видно из примеров:

Khromy kón ze złotej ródkowu namaka *kurca* (Př₆₆); Něk rěkaše praweho *kurca* za konja namakać (DP₃₁); Khěžku předam... Ale hdže *kurca* hrabnu? (DL₄₈); Přěcahnyć dowěrneho *kurca* (MH₈₃); Zaćahnyć *kurca* na wikach (MH₉₀).

sobukurc 'один из покупателей', 'тот, кто покупает вместе с кем-либо'.
 Herold bě... Handrija Hohlfelda... šobu do kurje jako *sobukurca* přijat... (ČMS, 1859, 82).

Как имя действующего лица *kurc* совпадает в значении с *kurpowar*, образованном от итеративной основы того же глагола (ср. пример 11 на стр. 161).

3. *prekurc* 'купец' (*prekupić* 'купить для продажи', 'торговать') (н.-луж. *pšekurc* — *pšekupis*; ср. *pšekurpowar* от *pšekupowaś*).

...k. Mróz, *prekurc* w Hodziju... (ČMS, 1853—54, 63); ...*prekurcy* na Mostowskej hasy... (AL₉₇); ...wulkeho *pšekurca* syn... (SH, 1, 107); ...sem přichadžechu *prekurcy*... (BM₂₈); ...ćehnjechu-li *prekurcy* ze swojimi tworami do Prahi... (WH₅₃).

wulkoprekurc 'крупный торговец'.

...*wulkoprekurc* w Prazu... (ČMS, 1897, 148).

4. *samochwalc* 'хвастун' (*chwalić* 'хвалить').

Близко по значению к словам, обозначающим лицо как носителя качества (в противоположность *chwaler*, см. пример 6 на стр. 176):

Tu njejsy naduwak a *samochwalc*... (NS₁₈₄).

5. *trělc* 'стрелок' (от *trěleć* 'стрелять'), скорее обозначение должности, чем имя действующего лица (для последнего — *trěler*, см. пример 29 на стр. 155) (н.-луж. *stšělc* и *stšělar* от *stšělaś*).

...z *trělcami* francoskeho kejžora... (NS₂₀₇).

6. *twarc* 'архитектор', 'строитель' (обычно как обозначение представителя профессии, тогда как для названия действующего лица — *twarjer*, ср. пример 45 на стр. 143) от *twaric* 'строить'; н.-луж. *twařc* и *twařar* от *twařaś*.

...z *twarcom* Mauererom... (ČMS, 1897, 80); ...Budyški *twarc* Mauerer... (ČMS, 1897, 73); ...w domje *twarca*... (ČMS, 1898, 65); ...přez jebaceho *twarca*... (WP₁₂); Dobrego *twarca* róznamy na jeho architektonicy... (ČMS, 1933, 56); Z hořeje hlíny ani najlěpsi *twarc* žaneje khěže njestaji (Př₁₈₀).

Но иногда и это образование используется для обозначения действующего лица:

...*twarcow* wonej serbskeje wustajeńcy... (ČMS, 1898, 16); ...*twarca*, tohole hrodu... (BP₄₉); Muka běše z *twarcom* a wjednikom noweje literarneje generacije... (ČMS, 1933, 78).

В сложных *kulisowtwarc* 'рабочий сцены'; *strojotwarc* 'машиностроитель'; *wagonotwarc* 'вагоностроитель'.

...režiser, *kulisowtwarc* a hrajer... (BM₆₅); ...*ći strojotwarcy* a *wagotwarcy*... (BM₅₂).

7. *warc* 'повар' (*warić* 'варить') (ср. *warjer*, приведенное у Якубаша, 'кто варит').

Warc a *warča* (ČMS, 1894, 73).

8. *herc* 'музыкант' (*hrać* 'играть') (ср. *hrajer* 'актер', см. пример 11 на стр. 137) (н.-луж. *gerc* и *grajař* от *gráš*).

...*herc* na *tarakawu* (ČMS, 1887, 110); ...*hercom* na *huslički* (ČMS, 1887, 119); *Korčmy*, *karty* a *hercy* *wuklukaja* *wšě kroški* z *kapsy* (WH₄₀); *Herc*, *hdyž hudzi*... (W₃₆); *Hercej* *smyk* z *łojom našmórać*... (MH₄₃); *Hercej* *husle złamać* (MH₄₀); *Z kerkow wuńdźechu hercy* a *ročachu piskać* (KSB₁₆); *Herc móže traš bjez wóckow być*, *ale bjez wušow nic* (Př₃₉); *Žiwi so z wětrom*, *kaž hercowe dudki* (Př₂₆₉); ...*herc* a *husle*... (ČMS, 1894, 73); ...*stupaju hercy prócujo so z trubami* a *wulkim bubonom*... (NS₃₀); ...*wo serbskich hudźbnikach a hercach*... (ČMS, 1894, 68); ...*běše herc* a *wěnowaše swój čas swojemu wumělstwu* (DW₇₉).

9. *hněwc* 'гневный человек' (*hněwać so* 'гневаться', но скорее следует считать производным от *hněw* 'гнев').

Radšo z čichim ludźikom kapalcu pić, *hać z hněwcami wino* (Př₁₁₆).

10. *nahrabc* 'скупец', 'хапуга', 'жадный человек' (*nahrabać* 'загрэбать').

...*skurc* a *nahrabc*... (W₇₃).

11. *zajimc* 'интересующийся', 'проявляющий интерес' (*zajmać so* 'интересоваться'; *zajim* 'интерес').

...*zajimcow wšelakeho raza* (NS₂₀₇); *Zajimcy namakaju*... (ČMS, 1933, 51).

12. *krawc* 'портной' (связь с *krać* 'резать', 'кроить' вряд ли осознается; в словаре Пфуля отмечено также устаревшее *krawać* 'кроить'); н.-луж. *kšajc* от *kšajaš*.

Dyž mój wujk mi z krawcom bješe, *Da mi zeši howzy*... (SH, I, 212); ...*Krawc Wosal*, *kotryž smjerć rady uniformy šiješe* (BS₂₃); *Krawc šiješe pola jeneje žony* (ČMS, 1897, 15); *Krawcy dyrbjja so nas wo radu prašeć*, *hdže maja knefle přišiwac*... (DW₁₀₅); *Krawc dyrbješe pschińc* a *drastu schic*z a *platacz* (DWP₁₃); *Łoché ničo krawcej njepomha*, *hdyž ničo k měrjenju nima* (Př₆₇); ...*tkalca a krawca*... (HS₂₃); ...*krawca* w *Njezdašecach*... (ČMS, 1895, 88); ...*přińdze krawc*, *płokaca žena*... (AL₁₀₄); *Krawca* *my dyrbimy w domje méć*... (AL₇₉); *Hdyž maja krawcow*, *wari so pěkniša jědz* (Př₃₂).

13. *měwc*, *njeměwc* 'имущий', 'неимущий' (*měć*, *měwać* 'иметь') — обозначение лица по положению, тогда как *mějicel* — имя действующего лица (ср. пример 3 на стр. 190).

Měwc boji so wójny; *njeměwcy* *praja*: *Ničo nam njeb'dže* (Př₇₅); Ср. *dobroměwc* с тем же значением, что и *měwc*: *Dobroměwc wosrjedza Khudec* a *Bohatec bydli* (ČMS, 1891, 68; Př₁₉).

14. *namrěwc* 'наследник' (*namrěwać so* 'получать наследство').

Za to přizwoli so Rostokowym namrěwcam *10 hr. zarunanja* (ČMS, 1895, 70).

15. *mjenorubc* 'уничтожающий имя', 'переименовывающий' (*mjeno* 'имя' и *rubac* 'рубить').

...*hitlerskim mjenorubcam*... (NS₁₇₇).

16. *směwc* 'хохотун', 'кто смеется' (*směwać so* 'смеяться').

Lutki sam być je lěpje, *hać w towařstwje směwcow* (Př₇₂).

17. *wusměwc* 'кто высмеивает, издевается' (*wusměwać* 'высмеивать').

Hdyž *wusměwca swariš, dostanješ wusměch* (Př₂₇₇); *Z wusměwcati do hnoja zajec* (MH₅₃).

18. *šewc* 'сапожник'; производность от *šic* 'шить' не осознается; н.-луж. *šeje* от *šyś, šyju* и *šyjom*.

Šewc ma rady-być džerawo wobuće (Př₁₃₄); *Šewc* najskerje w džerawym wobući khodži (Př₁₃₄); *Pře* wostup nima žadyn *šewc* črijow (Př₁₁₁); *A* hdyž so *ci škornje něhdze puknu, dyrbjja k šewcej...* (AL₁₀₅); *...khudy šewc ze wsy...* (DS₁); *...ze šewcom* Funkom, *kž bě zwónk kapałki* (DP₈₄); *W Budyšinje pod hrodom bydleše šewc...* (CMS, 1897, 91).

19. *tkalc* 'ткач' (от причастия *tkat*; *tkac* 'ткать') (ср. *tkajer* в том же значении); н.-луж. *tkalc* — *tkat*, *tkas*.

... „Přaza je hubjena była“ tkalc praji, hdyž je hubjenje natkał (Př₁₀₀); *Z limbory tež kralowi tkalcy hamana njezwjedu* (Př₁₈₂); *...zaklepotachu krosna, tkalcow...* (KR₁₇); *Tuž tkalc budu... natkaju sej kholowu...* (HS₁₄); *...němskich tkalcow...* (DP₇₂); *...za khudych tkalcow...* (DP₇₂); *...tkalca a krawca...* (HS₂₆); *...ci hórnicu a tkalcy a předlice...* (BM₅₂).

В словаре Якубаша приведено ещё сложное *złototkalc* 'ткущий золотом'.

20. *wandrowc* 'путешественник' (*wandrować* 'путешествовать').

Lidora — *wandrowc* (HS₁₅).

Словарь Якубаша может дополнить список примеров еще несколькими образованиями: *jokawc* 'кого тошнит' (*jokac* 'тошнить'); *piwarc* 'пивовар', очевидно, фонетически измененное *piwowarc* от *piwo warić* 'варить пиво' (н.-луж. *piwarc* — *piwo wariś*); *spěwc* 'певец' (*spěwac* 'петь', ср. обычное в этом значении *spěwar*, пример 36 на стр. 148); *škrěwc* 'плавильщик' (от *škrěc*, *škrěju* 'плавить', ср. *škrějer* в том же значении); *twórc* 'создатель' (*tworić* 'создавать'); *wěrc* 'верующий' (*wěrić* 'верить'); *zběrc* 'собиратель' (*zběrac* 'собирать', ср. обычно употребляющееся в этом значении *zběrar*, пример 2 на стр. 145 и *zběraćel* пример 1 на стр. 185); *znałc* или *znawc* 'знаток' (от причастия *znał* и глагола *znać* 'знать', ср. обычное в этом значении *znajer*, пример 18 на стр. 138), также в сложном *řečeznawc* 'знаток языка; žrawc 'обжора' (от *žrac* 'жрать', связывается также с прилагательным *žrawy* 'прожорливый') и в сложных *wjeležrawc* с тем же значением и *ludžižrawc* 'людоед'; ср. также употребление лишь в сложных словах: *morjopławc* и *wětroplawc* 'мореплаватель' и 'воздухоплаватель', значение не мотивировано (*plawić* 'сплавлять') (н.-луж. *plawc* у Якубицы — *plawiś*) (ср. чешск. *mořeplavec* и *větroplavec*); *winopiwc* 'пьющий вино' (*pić* 'пить'); *zemjěměrc* 'геометр' (*měrić* 'мерить').

В нижнелужицком языке в суффиксе -с совпали два старых суффикса: -с и -ć. Следы старых различий сохранились лишь в том, что суффикс -с из старого -ьс-ь требует предшествующего согласного, а -с из старого -ć-ь присоединяется к инфинитивной основе на гласный. Кроме приведенных нижнелужицких соответствий, образованных суффиксом -с < -ьс-ь, из словаря Муки можно добавить: *gralc* 'игрок' — от причастия *grał*; *hudc* 'музыкант' (производящего глагола у Муки не дано, а фонетическая форма заставляет предполагать заимствование из чешского, на что указано и в словаре Муки); *klepc* 'попрошайка' от *klepaś* 'стучать' (в дверь); *łowc* 'охотник', 'ловец' от *łowiś* (обычно *łojś*) 'ловить', ср. *łojač* с тем же значением; *młósc* 'молотобоец' от *młósiś* 'молотить'; *radc* 'советник' от *raziś* 'советовать', наличие *d* вместо *ž* (ср. *młósc*) позволяет предполагать влияние чешск. *rádce*; *sejc* 'сеятель' от *seś, seju* и *sejom* 'сеять' (ср. *sejač*); *sprawc* 'правитель' (соответствующего глагола у Муки нет); *sřebc* 'пьяница' от *sřebaś* 'пьянствовать' (ср. *sřebač*

в том же значении); *stwórc* 'творец' (в словаре Муки производящего глагола не дано); *trubc* 'трубач' от *trubiś* 'трубить' (у Якубицы); *wótkupc* 'покупатель' от *wótkupis* 'купить'; *wyprawc* 'исполнитель' (производящего глагола у Муки не дано); *żeńc* 'жнец' от *żeś, żni* 'жать'; *źńejc* то же (ср. *źnějar* в том же значении) от *źněś, źněji* и *źnějom* 'жать'.

Таким образом, количество примеров, образованных с суффиксом -с непосредственно от глаголов, приблизительно одинаково в верхнелужицком и нижнелужицком языках и составляет незначительную группу среди имен действующего лица. Многие из них, как было показано на верхнелужицких примерах, приобрели дополнительную особенность обозначения лица как носителя качества или как представителя профессии и не являются названиями действующего лица в строгом смысле слова. Большинство их имеет параллели, образованные суффиксом -аг. Для образования некоторых можно предполагать иноязычное влияние.

Непродуктивность суффикса -с в отглагольных образованиях, имеющих значение действующего лица, отражает особенность этого суффикса во всех западнославянских языках.

История всех западнославянских языков показывает падение продуктивности праславянского суффикса -ьс-ь в образованиях, имеющих значение действующего лица.

В праславянском языке суффикс -ьсь, употребляясь в названиях лица мог присоединяться не только к глагольным, но и к именным основам (обычно к основе имени прилагательного), в зависимости от чего он образовывал либо имя действующего лица, либо имя лица как носителя качества⁶³. История этого суффикса в западнославянских языках представляет все большие ограничения его употребления в названиях действующего лица при сохранении продуктивности в отыменных образованиях. Наиболее яркую картину в этом отношении дает польский язык, где суффикс -ес не продуктивен в отглагольных образованиях не только в современном языке⁶⁴, но никогда не отличался продуктивностью в отглагольных производных на всем протяжении истории языка⁶⁵. В современном польском языке суффикс -ес сохранился лишь в нескольких отглагольных образованиях, в которых связь с глаголом или совершенно не ощутима, или чувствуется в слабой степени⁶⁶. Вполне согласуются с этим и данные поморского языка, в котором количество имен действующего лица, образованных разбираемым суффиксом, также ограничено лишь несколькими примерами⁶⁷.

Значительное количество отглагольных образований с суффиксом -ес в чешском языке представляет вторичное явление, связанное не с собственно словообразовательными закономерностями, а с заменой суффиксом -ес ст.-чешск. -сѣ, употреблявшегося в названиях действующего лица. Замена эта объясняется грамматической аналогией, вызвавшей в чешском языке наиболее последовательно перестройку типов склонения имен существительных в зависимости от их рода, что приводило

⁶³ M. Dokulil. Указ. соч., стр. 64.

⁶⁴ N. Ułaszyn. Указ. соч., стр. 220.

⁶⁵ W. Doroszewski. Monografie słotowórcze. Formacje z podstawowem-*k*-... «Prace filologiczne», XIII. Warszawa, 1928, стр. 103.

⁶⁶ J. Ramberg. Dzieje przyrostków -*ec* i -*ca* w nazwach osobowych. «Prace filologiczne», XI. Warszawa, 1927, стр. 7.

⁶⁷ F. Lorentz. Указ. соч., zesz. 6, стр. 698.

к резкому сокращению имен существительных мужского рода, не оканчивавшихся на согласный⁶⁸. Многие чешские отглагольные имена существительные с суффиксом *-ec* являются новообразованиями, и их соответствия не засвидетельствованы в других славянских языках⁶⁹.

Небольшим количеством образований имен действующего лица с суффиксом *-с* серболужицкий язык согласуется с другими западнославянскими языками. Рамберг правильно заметил, что этим суффиксом в серболужицком языке характеризуется среди отглагольных образований ограниченная группа тех самых слов, которые сохранили этот суффикс и в польском языке⁷⁰. Образования, приводимые Лорентцом, также почти все представляют поморские соответствия польским и серболужицким словам: *g^oónc*, *krówc*, *k^zurc*, *st^rělc*, *цота^{nc}*, *v^odr^zyc*⁷¹.

Внутри системы суффиксов действующего лица в отдельных западнославянских языках между продолжениями праславянских суффиксов *-ьс-ь* и *-ьс-а* проявляется особо тесное взаимодействие, выражающееся либо в существовании дублетов, либо в вытеснении одного суффикса другим в разные периоды истории. Употребляясь в праславянском языке в названиях действующего лица, образованных исключительно от именных основ с указанием на действие, суффикс *-ьс-а* характеризовался в отдельных западнославянских языках возрастающей продуктивностью в отглагольных образованиях со значением действующего лица, вытесняя из области употребления в отглагольных образованиях суффикс *-ьс-ь*. У Рамберга и Дорошевского приведено много примеров, показывающих, что как в польском, так и в чешском языках при многих отглагольных именах существительных на *-ec* появлялись параллельные формы на *-са* (ст.-чешск. *-сѣ*), которые вытесняли образования на *-ec*. В чешском языке, как уже сказано, впоследствии произошла новая активизация суффикса *-ec*, причем она проявилась также в пределах только тех имен существительных, которые были образованы суффиксом *-сѣ*, т. е. речь шла также о взаимодействии этих двух суффиксов.

Вытеснение соответствия праславянскому *-ьс-ь* суффиксом, *-ьс-а*, по-видимому, было характерно и для поморского языка. У Лорентца, наряду с небольшим количеством примеров на *-с* (или *-ec*, *-iec*), приведена большая масса примеров, образованных от глаголов суффиксом *-са*⁷². Серболужицкий язык — единственный среди западнославянских языков, в котором суффикса, соответствующего праславянскому *-ьс-а*, нет совершенно⁷³. В словарях можно найти лишь один пример: в.-луж. *sudca*, н.-луж. *sudca*. Это изолированное образование, которое, возможно, является к тому же заимствованием из чешского языка, само по себе не может служить доказательством наличия в серболужицком языке когда-либо большего количества образований с этим суффиксом.

Однако Рамберг предполагает распространенность суффикса, соответствующего праславянскому *-ьса*, и в истории серболужицкого языка, пользуясь следующим ходом рассуждений.

⁶⁸ J. Ramberg. Указ. соч., стр. 34; M. Dokulil. Указ. соч., стр. 66—67.

⁶⁹ M. Dokulil. Указ. соч., стр. 66; J. Ramberg. Указ. соч., стр. 37.

⁷⁰ J. Ramberg. Указ. соч., стр. 37—38.

⁷¹ F. Lorentz. Указ. соч., zesz. 6, стр. 698.

⁷² Там же стр. 699—700.

⁷³ Отсутствие таких образований в полабском языке (Лер-Славинский в указанной грамматике не приводит ни одного среди имен действующего лица) может не приниматься в расчет, поскольку оно может быть следствием недостатка фактического материала.

Серболужицкие соответствия имен действующего лица, имеющих в других западнославянских языках *-ьс-а*, почти всегда характеризуются суффиксом *-аг*. Этот же суффикс образует и те имена существительные, имеющие значение действующего лица, которые еще в праславянском языке имели *-ьс-а* (в.-луж. *tojer, hudžer, honjer*). Из этих фактов Рамберг выводит постоянное отношение: праслав. *-ьс-а*, луж. *-аг* и предполагает развитие этих имен существительных из **lovyca, *godyca, *gonyca*, усматривая, таким образом, в серболужицком суффиксе имени действующего лица *-аг* замену старого *-ьс-а*⁷⁴.

Аргументация Рамберга теряет силу, если учесть общую высокую продуктивность суффикса *-аг* в именах действующего лица в серболужицком языке. Поэтому легко обнаружить регулярные соответствия серболужицкого суффикса *-аг* не только для соответствий праславянскому *-ьс-а* других западнославянских языков, но и вообще для многих суффиксов действующего лица, широко распространенных в западнославянских языках.

Материал серболужицкого языка не дает никаких следов суффикса *-ьс-а*. Предположить наличие этого суффикса в серболужицком языке в прошлом можно лишь на основании его повсеместного распространения в западнославянских языках.

Таким образом, если для других западнославянских языков утрату продуктивности праславянского *-ьс-ь* в отглагольных образованиях можно объяснять вытеснением этого суффикса суффиксами, соответствующими праславянскому *-ьс-а*, в серболужицком языке нет оснований для такого объяснения. Достоверно лишь широкое распространение в образованиях имен действующего лица суффикса *-аг*, приведшее к ослаблению или к полному прекращению продуктивности других суффиксов имен действующего лица.

Что касается образований от разного рода причастий или от абстрактных имен существительных, имеющих отглагольное происхождение и обозначающих действие, то данные серболужицкого языка согласуются с показаниями других западнославянских языков, в которых такие образования часты вследствие широкого распространения рассматриваемого суффикса в отыменных производных⁷⁵.

СУФФИКС -Ѓ

Образования с суффиксом *-Ѓ* в серболужицком языке очень немногочисленны. Все примеры, приведенные в словаре Якубаши, являются отглагольными производными. Большинство их не имеет значения лица. Например: *hwizdać* 'вид утки' (*hwizdać* 'вистеть'); *kaćać* 'кинжал', 'шпага' (*kaćać* 'колоть'); *kukać* 'смотровое окошечко' (*kukać* 'смотреть'); *pikotać* 'вид синицы' (*pikotać* 'трещать'); *šcowkać* 'лающая собака' (*šcowkać* 'лаять'); *tykać* 'штепсель' (*tykać* 'втыкать'); *čahać* 'постромка' (*čahać* 'тянуть'). Лишь одно образование — *barbić* 'кисточка' (*barbić* 'красить') — связано с глаголом на *-ić*, остальные все — с глаголами на *-аć*. Благодаря этому появился осложненный суффикс *-аЃ*, который присоединяется к основе настоящего времени глагола *drěć, dru* 'драть', давая широко распространенное *drać* 'живодер', 'притеснитель', 'палач', впоследствии нечто вроде 'десятник', 'начальник над рабочими'.

⁷⁴ J. Ramberg. Указ. соч., стр. 38—39.

⁷⁵ Там же, стр. 85—90; W Doroszewski. Указ. соч., стр. 94; F. Lorentz. Указ. соч., zes. 6, стр. 698.

Dračowski wotročk dračuje hórje hač *drač* (Př₂₂); ...wo žonje *drača* abo kata... (CMS, 1897, 9); ...Kóždy *drač* je Němc, ale kóždy Němc njeje drač (Př₆₁); ...dański *drač*... (Př₂₀₁); ...někajki *drač* popadnył tamneho nyksa... (CMS, 1894, 127); ...swojeho hospodarja-*drača*... (NS₅₆); Robotnicy běchu tak rozhorjeni, to sebi samo *drač* njezwěri džensa přečiwo nim ze swojim křudom wustupić (DW₄₄); ...prošeše... *drača*, hač jemu njeby dowolił kusk prjedy z džěła domoj hić (DW₃₈).

В сложном *ludźidrač* с тем же значением.

Najskerje běše tón *ludźidrač* Puc samsny šosar, kotrehož Kołwascy roboćenjo... kaž skaženeho psa zarazychu (NS₁₉₂); Wot *ludźidrača* budža so rapaki kormić (Př₃₀₈).

Остальные образования этого типа употребляются очень редко.

Njechač 'кто не хочет чего-либо' (*njechać* 'не хотеть'); обычно с уменьшительным суффиксом *-k*.

Pris a pras na čestny posledk je *njechačkej* strowe (Př₁₁₂); Z njeपालнпум porjełom *njechačkej* pomhać (MH₅₂); *Njechačkej* šwap — na spjećiwu gjar (Př₂₁₄); *Njechačkej* na kóžde džěłš plampa z kućikow wisa (Př₂₈₆).

Storkač обычно 'буфер' (*storkač* 'толкать'), но в следующем примере — имя действующего лица: 'кто толкает'.

Storkača storkaju zaso (Př₂₀₉).

Ludźizrač 'людоед' (*žrač* 'жрать') — очень редкое образование, чаще с вторичным *-k* (см. ниже, стр. 203).

Ludźizrač — njezatóže w rowje sprac (Př₂₁₀).

В *pohonč* 'погонщик', 'кучер', очевидно, следует считать фонетическое изменение из *pohonič* (*pohonić* 'погонять'), ср. чешск. *pohonič*, словц. *pohonič*, польск. *pogonicz*. Слово широко употребительно (ср. *ponjer* в том же значении, пример 6 на стр. 153).

Pohonč a z dwěmaj konjomaj wóz (W₃₃); Stawaj mi horje, *pohončo*. Seduj mi a tebi konje... (SH, I, 160); ...kněži *pohonč*... (SH, I, 140); ...njech pak tež *pohonč* přindže! (NW₆₁); Bě jemu mašiny žel kaž dobremu *pohončej*, bje-li něchtó konje (JB₃₅); ...knjezowy *pohonč* z nazdala praska (Př₁₀); ...za namaj štapaše stejo wódný *pohonč* z dołhim... wjesłom čołm doprědka (NS₆₆₋₆₇).

Словарь Якубаша приводит еще со значением лица: *běhač* 'бегун' (*běhać* 'бегать'); *buchač* 'кто стучит' (*buchać* 'стучать'); *klepač* 'кто стучит, отбивает косу' (*klepać* 'стучать', 'отбивать'); *truhač* 'кто скоблит, скребет' (*truhać* 'скоблить', 'скрести'); *wukač* 'зевака' (*wukać* 'таращить глаза', 'уставиться').

В нижнелужицком производных на *-c* (<č), имеющих значение лица, больше и возможности их образования шире, чем в верхнелужицком, так как суффикс здесь присоединяется не только к инфинитивам на *-aš*: *bačhac* 'хвостун' (*bačhaš* 'хвастать'); *gódac* 'гадатель', 'предсказатель' (*gódaš* 'гадать', 'предсказывать'); *grac* 'игрок, особенно карточный' (*gráš* 'играть'); *kichac* 'кто чихает' (*kichaš* 'чихать'); *kwikac* 'визгун' (*kwikaš* 'визжать'); *pósthac* 'слушатель' (*pósthachaš* 'слушать'); *pósměwac* 'насмешник' (*pósměwaš* 'насмехаться'); *pśisłhac* 'слушатель' (*pśisłhachaš* 'слушать'); *rigac* 'кричащий ребенок' (*rigaš* 'кричать'); *šěgac* 'бурлак' (*šěgaš* 'тащить'); *tkac* 'ткач' (*tkaš* 'ткать'); *wórac* 'пахарь' (*wógaš* 'пахать'); *žwacac* 'жующий с трудом' (*žwakaš* 'жевать с трудом'), *bic* 'драчун' (*biš* 'бить'); *cynic* 'деятель', 'работник' (*cyniš* 'делать'); *kněžyc* 'правитель' (*kněžyš se* 'править'); *twaric* 'плотник', 'строитель' (*twariš* 'строить'); *žnic* 'жнец' (*žniš* 'жать'); *pogońc* 'погонщик' (*pogoniš* 'погонять'); *drěc* 'живодер', 'притеснитель', 'палач' (*drěš* 'мучить', 'притеснять'); *žrěc* 'пьяница' (*žrěš* 'пить').

Старый суффикс *-č* можно видеть также в н.-луж. *hugojc* 'врач' и *skótagojc* 'ветеринар' (*hugojs* 'вылечить', *gojs* 'лечить') (ср. чешск. устар. *hojič* 'кто лечит' от *hojiti* 'лечить').

Рассматриваемый суффикс принадлежит к числу старых общеславянских суффиксов имен действующего лица. Он присоединялся к инфинитивной основе на гласный. Инфинитивный суффикс *-a-*, характеризовавший большинство глаголов, с которыми употреблялся старый суффикс *-č-ь*, обусловил появление осложненного суффикса *-ač*. Наличие почти исключительно осложненного суффикса *-ač*, присоединяющегося преимущественно к основам инфинитива с тематическим гласным *-a-*, характерно для польского и поморского языков⁷⁶. Верхнелужицкий язык отличается от них, следовательно, лишь непродуктивностью этого суффикса, выражающейся в очень ограниченном количестве образований, тогда как, например, в польском языке суффикс *-acz* — один из наиболее продуктивных. Присоединение чешского суффикса *-č* к инфинитивным основам с различными тематическими гласными особенно развилось в последнее время. Суффикс *-č* в чешском языке чрезвычайно продуктивен⁷⁷. Возможностью употребления суффикса с основами на различные тематические гласные нижнелужицкий язык напоминает чешский. Но если в чешском языке эта возможность представляет живое явление, для нижнелужицкого языка это лишь остатки былой продуктивности суффикса, присоединявшегося к основам различных глаголов.

СУФФИКС *-čk*

Специфическим серболужицким суффиксом имени действующего лица является *-čk* (н.-луж. *-ck* или *-šk*; последний вариант наиболее вероятно объяснить фонетически: старое нижнелужицкое *č* в положении перед *k* иногда не переходит в *s*, но утрачивает затворный элемент⁷⁸).

Возникновение суффикса объясняется несколькими причинами.

В очень небольшом количестве отглагольных образований используется суффикс *-k*, который можно найти и в других западославянских языках, где он употребителен обычно в немногочисленных именах действующего лица⁷⁹.

Jědźk 'едок' от *jěsc* 'есть*' (ср. такие формы, как 3-е лицо мн. ч. наст. вр. *jědza*, имперф. *jědźach*, причастие наст. вр. *jědźacy*, деепричастие наст. вр. *jědžo*). Ср. *jědźer* (стр. 137).

Serb nabudže němskeho *jědźka*, hdyž je sej tykancow napjekł (Př₂₉₈); ...zo njebych so na kermuši woħańbjał jako słaby *jědźk*... (NS₁₀₇).

В словаре Якубаша приведены еще сложные *mjasojědźk* 'питающийся мясом', *wšoјědźk* 'всеядный' (о человеке) и *zornojědźk* — о птице, питающейся зерном. Там же приведены образованные по такой же модели: *běžk* 'бегун' от *běžec* 'бежать' или *běhač* 'бегать' (ср. *běhar* с тем же значением, пример 1 на стр.155), *jěšk* 'всадник' от *jěchač*

⁷⁶ W. Doroszewski. Monografie słowotwórcze, стр. 213 и след.; J. Łoś. Указ. соч., стр. 64; F. Lorentz. Указ. соч., zes. 6, стр. 709.

⁷⁷ M. Dokulil. Указ. соч., стр. 126 и след.; Fr. Trávníček. Указ. соч., стр. 317.

⁷⁸ Несколько примеров на это явление см. К. Е. Муске. Указ. соч.

⁷⁹ Fr. Trávníček. Указ. соч., стр. 318; J. Łoś. Указ. соч., стр. 79; F. Lorentz. Указ. соч., zes. 5, стр. 662.

‘ехать на лошади’ (ср. *jěchar* в том же значении, пример 20 на стр. 146) и *žlōčk* ‘пьяница’ от *žlōkać* ‘пить’.

Уменьшительный суффикс *-k*, присоединяясь к основам на *-k* и *-c*, вызывает изменение конечного согласного основы в *-č*: *htupak* — *htupačk*, *tradak* — *tradačk*, *tkalc* — *tkalččk* (н.-луж. *bok* — *bóck*; *cesak* — *cesack*).

Иногда уменьшительное значение суффикса перестает ощущаться. Например, *žračk* ‘кто пожирает’ имеет то же значение, что и *žrać* от *žrać* ‘жрать’.

Wjelce deno ma dno, ale *žračk* ma bjeze dna deno (Př₁₅₇).

Утрата уменьшительного значения наблюдается и в сложном *ludźiž-račk* ‘людоед’ (ср. *ludźižrać*, стр. 200)

Powěda so tež, zo je *ludźižračk* a sebi wosebje mjaso bělych... khwali (DS₇₆).

Такая же утрата уменьшительного значения в нижнелужицких *bick* ‘драчун’ (ср. имеющее то же значение *bīc*) от *biś* ‘бить’ и *grack* ‘игрок’ (ср. *grac* в том же значении) от *gras* ‘играть’.

В тех случаях, когда производящего на *-c*, *-k* или *-č* нет (оно или утратилось или вообще не существовало), возникает суффикс *-čk*.

1. *hračk* ‘игрок’ (обычно карточный) от *hrać* ‘играть’.

Po někotrym času wupadže jednemu *hračkej* karta (KSB₃₄); Jebawy *hračk* je hotowy paduch (Př₄₉); Nichtó wšak njewě, što su ci *hračcy* w čornych kabatkach byli (W₂); Mjez *hračkom* a sadženym rubježnikom, kajki je to rozdźěl? (W₅₄); Před wjele lětami zhromadźowachu so... njedzelu wot njedzele *hračcy* (ČMS, 1896, 5); ...kowař, młynk abo *hračk* (ČMS, 1895, 125); Přečinjak a *hračk* je (DW₂₈); Jara lubowana je moraliska plista pola *hračkow* (BP₁₄); Dži tež naposledku k *hračkam*, kotrymž so pjenjezu... po blidze kuleja... (BP₃₈); Přistupi k *hračkam* (DZ₂₇); ...spěwaju, rejwaju, hrajanajlěpši spēwarjo, hudźbnicy, *hračcy* a hercy a rejwarjo wšěch narodow swěta... (NS₂₂₉).

Sobuhračk ‘партнер’.

Sobuhračkam kapsu wuklukać (MH₄₂).

В словаре Якубаша приведено еще образованное от приставочного глагола *přehračk* ‘проигравший’ от *přehrać* ‘проиграть’.

2. *pičk* ‘пьяница’ от *pić* ‘пить’ (н.-луж. *pičk* или *pišk* от *piś*, то же, что *pijař*).

Wěsty H. bě khětro *pičk*... (ČMS, 1894, 103); ...při tym pak by waše H. přeco wjetši *pičk*... (ČMS, 1894, 104); *Pičcy*, jak so powěda, so njedzelu po kemšach w korčmje njepokazachu swój žiwy dzeń (BP₄₈); Z hněwom... rjekny k *pičkam*... (BP₄₇); Ja sym tón tajki *pičk* a *hračk*... (ČMS, 1893, 158); Čim bóle ma na kědźbje tych, kotřiž we wjetšich hrěchach tča, kaž *pičcy* a *hračcy*... (CMS, 1896, 5); ...hać je nuzu čerpjacy sprawny a pomocy hódny, hać je *pičk* abo *hračk* (DS₆); ...*pičk* a *hračk* (CMS, 1894, 75); Jan sam njeje žadyn přečinjak, *hračk* abo *pičk* (DS₄₄).

У Якубаша еще *njeričk* ‘непьющий’.

Гораздо менее употребительны *bračk* ‘вор’ от *brać* ‘брать’ и *spračk* ‘соня’ от *sprać* ‘спать’.

Za młode *hračk*, a na stare *bračk* (Př₂₃₃); Po nosach *hračk*, za běly dzeń *spračk* (Př₂₁₇).

В словаре Якубаша приведено сложное *dźělobračk* ‘получающий работу’.

Якубаш приводит, кроме того: *kryčk* 'кровельщик' (*kryć* 'покрывать'), *ryčk* 'кто копает' (*ryć* 'рыть', 'копать'), *rowryčk* 'могильщик'. Словарь приводит также несколько параллелей, из которых формы на *-čk* образовались благодаря аналогии с другими образованиями на этот суффикс: *syčk* и *syčk* 'косец' (*syć* 'косить'), н.-луж. *scck* — *sec*; *młóčk* и *młóšk* 'кто молотит' (*młócić* 'молотить'), н.-луж. *młock* и *młošk* — *młosiś*.

Аналогия объясняется формальной близостью образований *seck* и *młóck* к образованиям с *-čk*: и те и другие односложны. Суффикс *-čk* вообще дает производные лишь от инфинитивов с односложной основой. Именно поэтому он закрепился в *žračk* 'кто пожирает' (о животном) (*žrać* 'пожирать'), *žwačk* 'болтун' (*žwać* 'болтать'), *pračk* 'фехтовальщик' (*prać* 'бить'), хотя исторически здесь, вероятно, утрата суффиксом *-k* уменьшительного значения (ср. *žrać*, н.-луж. *žrac*, *požrak* у Бозе, *žwak*).

Юст считает, что образованиям на *-čk* присущ особый оттенок в значении: они обозначают лицо, в большой мере и постоянно совершающее действие, выраженное производящим глаголом⁸⁰. Однако такой оттенок можно усмотреть лишь в наиболее распространенных *pičk* и *hračk*.

Большинство производных с этим суффиксом соотносимы с односложными глаголами I класса с основой инфинитива, оканчивающейся гласным корня. Словарь Якубаша все слова на *-ar*, образованные от таких глаголов, помечает как устаревшие. Возможно, что суффикс *-čk* вытесняет суффикс *-ar* в производных от этой узкой группы глаголов, хотя в использованной литературе эта особенность не отражена.

* * *

Если не принимать во внимание имен существительных с суффиксом *-nik*, в которых развитие значения действующего лица представляет вторичное явление, тогда как по форме для большинства их можно установить производность от имен существительных или прилагательных, тесно связанных с обозначением действия, категория имен действующего лица характеризуется в серболужицком языке следующими словообразовательными средствами.

Широко развившийся под влиянием немецкого языка способ образования имен действующего лица суффиксом *-ar* является наиболее характерной чертой серболужицкого языка. Если отвлечься от иноязычного влияния, то и внутри серболужицкого языка можно найти предпосылки для развития этого явления, заключающиеся в высокой продуктивности суффикса *-ar* в отыменных образованиях, имеющих значение лица. Значения отыменных образований, о которых говорилось выше и которые часто сопутствуют именам существительным, обозначающим лицо — производителя действия, являются связующим звеном, обусловившим возможность применения старого отыменного суффикса в отглагольных образованиях.

Если подходить с точки зрения формы, грамматические особенности производящих глаголов не являются препятствием для образования производных на *-ar*. Неодинаковое количество производных от глаголов различных классов объясняется, во-первых, разной продуктивностью

⁸⁰ Mikławš J u s t. Wo słowotwórbje w Serbštinje. — ČMS, 1914, стр. 61.

глаголов этих классов в серболужицком языке и, во-вторых, той особенностью имен действующего лица, которая характерна не для одного серболужицкого языка и которая заключается в их образовании преимущественно от глаголов несовершенного вида. Для глаголов одних классов обычен совершенный вид, для других — несовершенный, что также не могло не отразиться на количестве производных.

Многочисленные параллельные формы, образованные от различных основ лексически однозначных глаголов, а также существование для многих имен действующего лица, образованных другими суффиксами, параллельных форм на *-ar* свидетельствуют о широких возможностях употребления этого суффикса в отглагольных производных.

С точки зрения значений: показанных на конкретных примерах употребления слов в контексте, имена на *-ar* могут обозначать как действующее лицо в узком смысле слова, т. е. производителя действия без всяких дополнительных оттенков, так и имена, характеризующиеся дополнительными оттенками значений: наименованием лица как представителя профессии, обозначением лица как носителя качества и т. д. Такие дополнительные оттенки значений определяются исключительно лексическими возможностями производящего глагола, и их возникновение в словах, относящихся к разбираемой словообразовательной категории, обычно. Но первая особенность — обозначать действующее лицо в узком смысле слова — наиболее характерна только для суффикса *-ar*. Многочисленные ссылки, приведенные при рассмотрении слов, образованных другими суффиксами, на параллельные формы с *-ar*, показывают противопоставление этих образований как раз в том плане, что производные на *-ar* обладают способностью обозначать действующее лицо в узком смысле слова, тогда как образования с другими суффиксами часто обнаруживают приобретение дополнительных оттенков значения.

Продуктивность широко распространенного суффикса *-ak* ограничена не грамматическими особенностями производящих глаголов, а, в первую очередь, их лексическими значениями. Производящими для образований на *-ak* обыкновенно выступают глаголы, обозначающие действия, которые порицаются, осуждаются, которые вызывают к себе ироническое отношение. Это обычный первый этап в развитии суффикса, который придает характер субъективной оценки образованным с ним словам, в дальнейшем уже независимо от того, обладает таким характером значение производящего глагола или нет. Так же, как в истории чешского языка возможность субъективной окраски отглагольных производных с суффиксом *-s* усиливалась параллельно все более широкому употреблению суффикса *-tel* при образовании стилистически нейтральных имен действующего лица⁸¹, так развитие характера субъективной оценки в серболужицких производных на *-ak* шло параллельно распространению нейтральных образований на *-ar*. Верхнелужицкий язык, в котором налицо противопоставление производных на *-ak* и *-ar*, образованных от основы одного глагола, исключительно по наличию или отсутствию субъективной оценки, представляет в этом отношении следующую ступень по сравнению с нижнелужицким, в котором подобное противопоставление проявляется лишь в использовании для образований на *-ak* и *-ar* основ разных глаголов, т. е. объясняется и основой, а не только суффиксом.

⁸¹ M. Dokulil. Указ. соч., стр. 73.

Остальные суффиксы непродуктивны, либо мало продуктивны. Образования на *-cel* противопоставлены именам на *-ar* также в основном стилистически, так как используются, главным образом, в книжном языке. Иногда они отличаются от параллельных образований на *-ar* и дополнительными оттенками в значении. Несмотря на то, что небольшое количество слов с этим суффиксом в сравнении с его высокой продуктивностью в других западнославянских языках свидетельствует о падении его продуктивности в серболужицком языке, и несмотря на то, что в верхнелужицком языке производных на *-cel* больше, чем в нижнелужицком, последний не представляет собой следующей ступени развития образований с этим суффиксом. Вернее всего говорить о некоторой вторичной активизации суффикса *-cel* в верхнелужицком языке, связанной с развитием верхнелужицкой литературы и с влиянием других славянских языков.

Немногочисленность имен действующего лица, образованных прочими суффиксами, приводит к тому, что для каждого из них в отдельности установить какое-либо единство в форме или значении трудно.

Некоторой определенностью по форме отличается суффикс *-čk*, дающий образования от узко ограниченной группы односложных глаголов, в первую очередь от глаголов I класса с основой инфинитива на гласный корня. Непродуктивность соответствующих глаголов определяет и непродуктивность суффикса. Верхнелужицкий суффикс *-č* используется почти исключительно в образованиях от глаголов на *-ac*, т. е. так же, как и *-čk*, отличается ограниченностью глаголов, с которыми он может сочетаться. Образования на *-č*, даже если говорить о тех, которые явно связаны с глаголом, не являются, в большинстве случаев, именами действующего лица в узком смысле слова и характеризуются дополнительными оттенками значений.

Среди других западнославянских языков серболужицкий язык отличается прежде всего небольшим количеством словообразовательных средств, используемых для образования имен действующего лица. В то время как каждый из западнославянских языков характеризуется относительно многочисленной группой суффиксов имен действующего лица, среди которых значительную часть составляют суффиксы, унаследованные от общеславянского периода, а развитие некоторых может быть отнесено к периоду западнославянской общности, в серболужицком языке они все либо утрачены полностью, либо употребляются в очень ограниченном количестве случаев. Многочисленные и разнообразные противопоставления, проявляющиеся в разной мере в различных западнославянских языках даже внутри тех способов образования, которые сохранили свою старую продуктивность или развили ее, и выражающиеся в употреблении разных суффиксов в зависимости от того, к какому классу относится производящий глагол, обозначает ли он единичное или многократное действие, действие физическое или абстрактное, образуется ли имя действующего лица в узком смысле слова или с побочными оттенками значения, — все эти противопоставления в серболужицком языке упростились и почти полностью исчезли благодаря широкому распространению имен с суффиксом *-ar*. В системе имен действующего лица в серболужицком языке специальными продуктивными суффиксами оформлено лишь противопоставление стилистически нейтральных образований образованиям, имеющим оттенок субъективной оценки, но это противопоставление в полной мере развито только в верхнелужицком языке.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В РАБОТЕ ИСТОЧНИКОВ

- AL — Andric ki Mikławš. Listy z Prahy z lét 1886 do 95. Budyšin, 1925, 128 стр.
 BM — Brězan Jurij. Mjez Čornobohom a Błotami. Budyšin, 1953, 148 стр.
 BN — Bart Jakub. Na Hrodžišću. Budyšin. 1880, 68 + III стр.
 BP — Bje drich Mikławš. Plista. Duce z kowaŕnje. Budyšin, 1914, 70 стр.
 BS — Brězan Jurij. Stara Jančowa. Dwě nowelce, 1952, 94 стр.
 BSP — Brězan Jurij. Serbska pèseň. Wuběrk ze serbskeje lěriki wšech stotkow. Budyšin, 1953, 175 стр.
 BW — Bart-Ćišinski Jakub. Wubrana zběrka basni, 1951, 364 стр.
 CMS — Časopis Maćicy Serbskeje, Budyšin.
 DB — Dučman - Wólšinski Handrij. Boži narod. Budyšin, 1901, 39 стр.
 DP — Domaška Romuald. Pokładopytař a Le chevalier de Saxe, stawizniskej powědančcy. Budyšin, 1931, 85 стр.
 DS — Domaška Romuald. Swobodni. Budyšin, 1935, 112 стр.
 DW — Domaška Romuald. Wbohec Mosty, Pilatusowy jězor a druhe powědančka. Budyšin, 1936, 115 стр.
 DWP — Dučman H. Pschi macžeŕnym rowje. Budyšin, 1874, 31 стр.
 DWW — Dučman (Wólšinski). Wodzan. Budyšin, 1896, 36 стр.
 DZ — D(učma)n Wólšinski Handrij. Złote hrody abo Hans Klepotář na daň njese. Budyšin, 1897, VIII + 54 стр.
 HP — Hańčka A. Ptači kwas. Budyšin, 1928, 19 стр.
 HS — Hajnca Jan. Serbske basnje a pěsnje. Budyšin, 1925, 52 стр.
 JB — Brězan Jurij. Přenja bróžda. Nowelki, 1951, 129 стр.
 JK — Kubšćan Jurij. Knjez a robočan. Budyšin, 1931, 36 стр.
 JNS — Nowak Józef., Swobody njewiesta. Berlin, 1954, 64 стр.
 JP — Jenč K. A. Pismowstwo a spisowarjo delnjotužiskich Serbow, wot (1548) 1574—1880. Lipsk, 1881
 KK — Kubašec Marja. Khodojta. Budyšin, 1926, 52 стр.
 KR — Kubašec Marja. Row w serbskej holi a druhe powědančka. Budyšin, 1949, 63 стр.
 KŠ — Krawc Erich. Što radosć rjeńšu dawa hač dróhu pučować... , 1954, 56 стр.
 MH — Radyserb-Wjela Jan. Metaforiske hrona abo přenoški a přirunanki w řeči hornjołužiskich Serbow. Budyšin, 1905, 98 стр.
 NS — Nowak-Njechorński Měrćin. Serbski wšudžebył. Budyšin, 1954, 310 стр.
 NW — Bart-Ćišinski Jakub. Narodowc a wotrodźenc. Budyšin, 1937, 116 стр.
 Př — Radyserb-Wjela Jan. Přisłowa a přisłowne hrónčka a wusłowa hornjołužiskich Serbow. Budyšin, 1902, XIV + 314 стр.
 SH, I — Haupt L. und Schmalzer J. E. Volkslieder der Sorben in der Ober und Niederlausitz (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen der Kommission für Volkskunde, Bd 3), Berlin, 1953, Erster Teil. Volkslieder der Wenden in der Oberlausitz, 392 стр.
 W — (Radyserb-Wjela Jan). Worjeschki Přez džewjeć stow hódančkow z trěbnym klučom... Eudyšin, 1907, 96 стр.
 WH — Wingeł Jurij. Hronow, historiske powědančko, 1951, 78 стр.
 WP — Wingeł Jurij. Poslednja primica w Tuchorju. Budyšin, 1936, 26 стр.

Р. М. Цейтлин

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ ПРИИМЕННОЙ ПРИСТАВКИ *sq-* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Древнейшие именные сложения в славянских языках (с начальными *o-*, *o-*, *pa-*, *raz-*, *pra-*, *ra-*, *sq-* и др.) обладают рядом характерных особенностей, выявление которых по каждой приставке в отдельности, а затем и по данной словообразовательной категории в целом должно в определенной мере способствовать решению некоторых проблем, стоящих, в числе других, перед сравнительной грамматикой славянских языков.

Данная статья посвящена предварительному анализу основных значений приименной приставки *sq-* в славянских языках, при этом на данном, первом этапе исследования опускается целый ряд важных вопросов исторического плана: не рассматривается история изменения характера и места ударения в словах на *sq-*, не выделяются исторические пласты слов на *sq-* в конкретных славянских языках, их ареал, не ставятся и другие, более частные вопросы.

Возможно, слов с начальным *sq-* в праславянскую эпоху было значительно больше, чем в последующие периоды развития отдельных славянских языков, когда этот вид словообразования уступил место несравненно более продуктивному типу образования слов с глагольной приставкой *sz-*. Целый ряд предполагаемых слов с префиксом **sq-* типа **somyśb*, **somyrtb*, **sqvada* (ср. хотя бы др.-русск. *съмысль*, *съмыртъ*, *съвада*) так и не зафиксирован ни одним из славянских языков (насколько можно судить по изученным источникам). Сравнительно узкий круг слов с *sq-* в отдельно взятом славянском языке или говоре затрудняет исследование, а подчас делает его и вовсе невозможным в рамках одного языка или говора; к тому же большая часть слов с *sz-* принадлежит к редко употребляемым. Вместе с тем слова с префиксальным *sq-* встречаются во всех славянских языках, как в древних, так и в новых, состав их в целом довольно многочислен и семантически разнообразен, но до сих пор не изучен в совокупности, а потому не все значения этой многозначной приставки, в том числе и общеславянские, выявлены исследователями¹.

¹ Специальных исследований, посвященных анализу значений приставки *sq-* в славянских языках, нет, но о ней говорится во многих общих трудах по сравнительной грамматике славянских языков в отделе словообразования, а также в соответствующих статьях толковых и этимологических словарей.

Это обстоятельство в известной степени мешает до сих пор прийти к единому взгляду на происхождение интересующей нас приставки (или приставок, по мнению некоторых исследователей) в ряде конкретных слов. Так например, А. Мейе в своих работах по сравнительной грамматике славянских языков² выделяет слово *соугоубъ* из всех видов именных сложений в особый тип с исконным *суу-*, восходящим, по его мнению, к индоевропейскому **su* в отличие от слов с начальным *сж-* (в *сжьбрь*, *сжьпржгъ* и др.), восходящим к индоевропейскому **sm*. Основной аргумент А. Мейе заслуживает внимания: слово *соугоубъ* ни в одном из старославянских памятников, последовательно различающих юсы и соответствующие нососовые, ни разу не встречается с нососовым (**sqgubъ*). Противники А. Мейе в этом вопросе (Н. Ван-Вейк, А. Вайан и др.)³ считают, что первое *u* появляется под влиянием следующего корневого *u* (т. е. *соугоубъ* вместо **sqgubъ*). Дополнительные доказательства в пользу последней точки зрения дает анализ этого слова на фоне всех остальных слов с начальным *sq-* в славянских языках (см. ниже, стр. 216—218). А. М. Селищев расширяет круг слов с исконным *su-*, которому соответствовало древнеиндийское *si* со значением „хорошо“. Кроме *соугоубъ* он относит сюда ст.-сл. *сжьмьѣтиса*, болг. диал. *сугодем*, *сумалечок*⁴. Анализ данной приставки на материале всех славянских языков, как мы покажем ниже, опровергает эту точку зрения.

Наш материал не дает оснований согласиться и с точкой зрения акад. А. Белича на происхождение данной приставки. А. Белич рассматривает *су-* (в словах типа *сжсѣдѣ*, *сжвыше* = *сѣвыше*) как соединение приставок *с* и *у*, с перфективным значением, впоследствии осмыслившееся как префикс⁵.

Таким образом, очевидно, что и для решения собственно этимологических вопросов существенную помощь должно оказать выявление возможно большего числа конкретных слов с данной приставкой и определение их реальных значений.

Ф. Миклошич, А. Х. Востоков, Г. Хирт, В. Вондрак, А. Лескин, А. Мейе, А. Вайан и другие авторы общих трудов по старославянскому языку и по сравнительной грамматике славянских языков указывают обычно на одно-два значения *sq-*, так как опираются, как правило, только на материал древнейших славянских памятников, в которых число слов с начальным *sq-* невелико (*сжьбражь*, *сждлѣжь*, *сжьмьѣтник*, *сжьбрь*, *сжьпржгъ*, *сжьпостатъ*, *сжсѣдѣ* и некоторые др.).

Исследователи отдельных славянских языков — лексикографы И. И. Срезневский, Д. Н. Ушаков, С. Младенов, М. Плетершник, В. Махек,

² A. Meillet. *Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, I—II. Paris. 1902—1905, стр. 161—163, 234; А. Мейе. *Общеславянский язык*. М., 1951, стр. 300—303.

³ Н. Ван-Вейк. *История старославянского языка*. М., 1957, стр. 204; А. Вайан. *Руководство по старославянскому языку*. М., 1952, стр. 56, 376.

⁴ А. М. Селищев. *Старославянский язык*, ч. 1. М., 1951, стр. 278. Ср. А. Вайан. *Указ. соч.*, стр. 56.

Возражая сторонникам А. Мейе или А. М. Селищевой в вопросе о звучании в общеславянском языке приставки в названных словах, следует помнить, что префиксы **sū*, **su-*, **sq-* в индоевропейском плане очень близки друг к другу, они сопредельны, и это обусловлено характером префиксального гласного.

⁵ А. Белич. *Галички дијалект*. «Српски дијалектолошки зборник», кн. VII. Београд, 1935, стр. 91. Ср. также Цв. Тодоров. *Северозападните български говори*. «Сборник за народни умотворения и народопис», кн. XVI. София, 1936, стр. 102. Цв. Тодоров расширяет количество старославянских дублетов типа *нжда* и *ножда* за счет включения в их число *сжьржкъ* и *соужржкъ* и некоторых других слов с начальным *sq-*. Ср. Ст. Младенов. *Этимологически и правописен речник на българския книжовен език*. София, 1941 (слова *суграшица*, *сумрак* и др.).

Ф. Травничек, А. Брюкнер и многие другие также указывают одно-два значения *sq-*, при этом часть слов с начальным *sq-* в изучаемом языке или не подходит под слишком общие значения данной приставки, выделяемые в том или ином словаре, или вообще не может быть отнесена к названным в словаре значениям.

И грамматисты и лексикографы обычно выделяют следующие значения приставки *sq-*: 1) значение соединения, совместности, общности 2) значение неполноты, неопределенности; 3) значение отсутствия чистоты в составе, результат присоединения, примеси чего-либо. Между тем совсем не все слова с начальным *sq-* могут быть объяснены, если исходить из перечисленных значений.

Значения приставки *sq-* далеко не исчерпываются перечисленными, так как это приставка многозначная. Значения ее определяются путем сравнения данных, представляемых всеми славянскими языками, как новыми, так и старыми, как литературными, так и диалектами.

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретных слов на *sq-*, необходимо сделать одно предварительное замечание.

В результате известных фонетических процессов, связанных с историей носовых гласных, приставка *sq-* видоизменилась в отдельных славянских языках. В восточнославянских, в сербохорватском и западнославянских языках, кроме польского и кашубского, *sq-* перешло в *su-* (орфографически в восточнославянских языках — *су-*, в сербохорв. — *су-* или *su-*, в чешск. — *sou-*, в слов. — *su-*, в луж. — *su-*). В кашубском развился носовой дифтонг — *soy-*. В польском языке здесь сохранился носовой гласный — *sq-*, *sqm-*. В болгарском на месте *sq-* находим *съ-*, в словенском — *so-*. Таким образом, в болгарском и словенском в результате известных фонетических процессов, приведших к совпадению в одном гласном (в болгарском в *ѣ*, в словенском в *o*) нескольких звуков, количество привлекаемых слов для исследования ограничено только этимологически ясными случаями, так как здесь для большинства слов невозможно решить (не зная предварительно всех оттенков значений исконного *sq-*), какое слово восходит к *sq-*, какое к начальному *съ-* или *so-*. Большинство болгарских слов на *су-* — русизмы или сербизмы.

Рассмотрим значения слов с *sq-* в славянских языках⁶.

Н.-луж. *subagna* (Мука); ср. *bagna*; словин. *sôubāgn̂a* (Л.) 'беременная (о козе и овце)', т. е. с ягненком (с козленком) во чреве. Это субстантивировавшееся прилагательное, в котором приставка имеет значение 'представляющий единое целое (с тем, что выражено корнем)'. Ср. *суяная*. Ср. слав. * *agnę*; чешск. *bahnice*.

Русск. *субар* (Даль, смл., кстр.) 'обметки, смесь', т. е. то, что смели, что осталось после сбора. Корень *бар*, его варианты: *бър*, *бер*, *бор-бир*. См. *субор*.

⁶ Все слова приводятся в алфавитном порядке (по современному русскому алфавиту). Русские слова и примеры их употребления даются в современной орфографии (кроме древнерусских текстов). В словах и примерах из остальных языков сохраняется орфография источника. Место ударения в слове указывается, если оно показано в источнике. Производные слова приводятся в том случае, если основное слово не обнаружено в данном языке, а также если они помогают уяснить значение приставки. В тех случаях, когда материал имеется по нескольким языкам, он излагается в следующей последовательности: сначала приводятся данные восточнославянских языков, затем южнославянских, потом западнославянских. В пределах одного языка вначале указывается древнейший материал, затем диалектный, потом данные современного литературного языка.

Список условных сокращений использованных источников см. в конце статьи. Ссылки на источники, использованные частично, даются в тексте. Сокращения, принятые в цитируемых источниках, сохраняются.

Русск. *субарь* (Даль, кстр.) см. *субар*. Ср. *субор*.

Серб. *субаштиник* (Бак.), *sūbaštīnik* (Jur.) 'сонаследник' (юрида. термин). Ср. серб. *башта*, *баштина*.

Чешск. *souběh* (Тр., Kott); слвц. *súbeh* (Мич., слвц.-р.) 'состяжание, соревнование, конкурс'. Ср. чешск. *soutěž* (Тр.).

Чешск. *souběžný* (Тр., Kott); слвц. *súbežný* (слвц.-р.) 'параллельный', т. е. вместе, рядом идущий. Слвц. *súbežnica* (Мич.) 'параллельная линия'.

Ст.-сл. *сѣвъльнѣ* (Микл.); серб. *субел* (Кар.), *sūbel* (Jur.), *субеласт* (Кар., Бак.) 'беловатый', т. е. с большой примесью белого или почти белый.

Русск. *суберёжая* (Даль, Вятск. сл.) 'жеребая'. Корень *береж* (из *бер*). Некоторые исследователи сопоставляют с **bher-* (ср. **berme* 'бремя', и **berdja* 'беременная'), что не вызывает возражений и позволяет толковать данное сложение с *су-* как 'с бременем, беременная (жеребенком)'. Ср. *сужеребая* и др. Ср. др.-русск. *брѣжуи* (Срезн.).

Серб. *sūbesjednik* (Jur.); чешск. *soubesednik* (Тр.) 'собеседник', т. е. принимающий вместе с кем-либо участие в беседе.

В.-луж. *subjerk* (Pf.*⁷, К.) 'соединение, собрание; собранное'. Ср. *субор*.

Укр. *субіч* (Гр.) 'обок, возле, около'.

Серб. *субичина* (Кар., Бак.), *subičina* (Jur.) 'неудачно кастрированный бык'.

Серб. *субјел* (Кар.), *sūbjel* (Jur.) 'беловатый'. См. *сѣвъльнѣ*.

Словен. *sóblazen* (Пл.); серб. *sublazan* (М.) 'неприятность, досада'. Корень *blaz*. Ср. ст.-сл. и др.-р. *сѣблазнѣ*, *блазна*, *блазнѣ*, *блазнѣ*.

Ст.-сл. *сѣвлизь* (Микл.) 'вблизи, довольно близко'.

Русск. *субогать* (Череп. сл.) 'зажиточные люди', т. е. 'довольно богатые, почти богачи'. «*Субогати* у нас в деревне много» (Череп. сл.).

Белор. *субо́жнѣй* (Нос.) 'милосердный, сострадательный'. Букв.: 'с богом в сердце, помнящий бога'. «*Субо́жнѣй* человекъ! Маёць бога въ сердцу, о каждомъ пожалець» (Нос.).

Русск. *субой* I, *субо́ина* (Сл. 1847 г., Опыт, Доп., Даль, тул., Донск. сл.) 'снежный сугроб'.

Русск. *субой* II (Даль, пск.) 'шум, возня, гомон'. Даль сопоставляет с *убой*, но значение слова помогает понять материал других языков: серб. *субој* (Лавр.) 'столкновение', чешск. *souboj* (Тр., Kott), слвц. *súboj* (Мич., слвц.-р.) 'поединок, дуэль', в.-луж. *suboj* (К.) 'поединок' (поясняется словом *dwubój*). Ср. в словенском *sobojnik* 'борющийся с кем-либо'. Таким образом, русск. *субой* — это шум в результате столкновения, драки, возни. †

Луж. *subožna* (Pf.) 'беременная (о лошади)', т. е. с жеребенком во чреве, то же, что *prizrěbna*; в.-луж. *subožnica* (*su + zbožo*; К.) 1) 'беременная (кобыла)'; 2) 'беременность (о кобыле)'. Ср. *сужеребая*.

Серб. *суборац* (Бак.); чешск. *souhojovník* (Тр.) 'соратник, боевой товарищ'.

Русск. *суболоток* (Опыт, Даль, нвг., арх., Арханг. сл.) 'мочажина', т. е. мокрое, топкое место, почти болото, вроде болота.

Русск. *субор* I, *суборь* (вгд.), *субарь* (кстр.) (Опыт, Даль, Арханг. сл.) 'хороший строевой лес, бор; сосна, ель и пихта, растущие по суглинку', т. е. деревья бора в их совокупности.

⁷ Здесь и далее * означает, что, по наблюдениям Пфуля, данное слово несвойственно обычному употреблению.

Русск. *субор* II (Опыт, Даль, пск.) 'камень, валун, собранный с пашни и сложенный грудой'; болг. *сѣбрь* (Гер.) 'сбор'; чешск. *soubor* (Тр., Kott); слвц. *subor* (слвц.-р.) 'совокупность, собрание, набор, комплект'.

Русск. *суборь* I (Череп. сл.) 'ненастоящие господа, или люди, разыгрывающие из себя господ'. Ср. *сутолочь*.

Белор. *суборь* II (Нос.) 'смесь хлебных семян'; б.-р. *суборный* (Нос.) 'из смеси хлебных семян', например 'суборная мука', 'суборнымъ хлѣбомъ семью кормиць' (по Нос.). Ср. также *субырь* (Смоленск. сл.) 1) 'смесь хлебных зерен'; 2) 'дрянь, хлам'.

Русск. *суборь* III см. *субор*.

Русск. *суборины* (Грандил.) 'морщины, складки'. Ср. русск. *сборы*, *сборки*.

Чешск. *soubyt* (Kott) 'тождественность'; в.-луж. *subytny* (Pf.*) 'существующий', т. е. существующий одновременно с кем-, чем-либо. Корень *byt*.

Русск. *субалка* (Смоленск. сл., VEW) 'очески льна, конопли'; *субылык* (Смоленск. сл., VEW) 'пакля'. Ср. *суволока*.

Чешск. *souvědomý* (Kott) 'известный; знающий, сознающий совместно с кем-либо'. Ср. *vědomý*.

Серб. *сувез* (Бак.), *súvez* (Jur., M.) 'упряжка (волов)'; серб. *сүвезник* (Кар., Лавр.) 'лошадь, вол или другое животное, запряженное вместе с другим, ему в помощь'.

Русск. *сүвереза* (Даль, твр.) 'повреждение, незначительная, небольшая порча, беда'; *сүверезка* (Доп., Даль) 'беспокойство, помеха'. Ср. *вред*, *веред*, *вередить*.

Чешск. *souvěký* (Тр.); слвц. *súveký* (Мич.) 'современный'; чешск. *souvěk* (Kott) 'современное поколение'; чешск. *souvěkovec* (Тр., Kott) 'современник'. Ср. чешск. *soudobý*, *současný*. См. *сучасний*.

Серб. *сүвјерник* (Лавр.); чешск. *souvěrec* (Тр., Kott), в.-луж. *suwěrnik* (К., Pf.*) 'единоверец'.

Белор. *сүвертка* (Нос.) 1) 'завертка у оглоблей'; 2) 'палка, которой закручивают веревку, скрепляющую что-либо на возу'.

Русск. *сүверток* (Даль); белор. *сүвертокъ* (Нос.); укр. *сувертокъ*, *сүвертенъ* (Гр.) 'сверток', т. е. то, что получается после свертывания.

Белор. *сувертока*, *сувертоцина* (Нос.) 'дерево, свернутое спирально в слоях'.

Русск. *суверть* (Даль) 'снежный сугроб', ср. *сувой*, *сугроб*, *сумет*.

Русск. *сувет* (Донск. сл.) 'совет'. Ср. и см. *сждъ*.

Чешск. *souvislý* (Тр.) 'связанный (с чем-либо), зависимый (от чего-либо)'. Например: «Z toho jsem blázen, — rozkřikl se poručík — řekněte mně to nějak souvisle, krátce a nežvaňte nějaké volotiny» (Hašek, стр. 25).

Русск. *сүвѣтка* (Опыт, Даль) 'посох, трость'.

Русск. *сүвѣток* (Опыт, Даль) 'свернутая в рулон ткань'.

Серб. *сүвјерица* (Кар.) 1) 'короткое перемирие'; 2) 'человек сомнительной верности, ненадежный человек'.

Чешск. *souvztažný* (Тр.) 'соотносительный'.

Укр. *сувій* см. *сувой*.

Серб. *сүвѣшак* (Кар., Бак.) 'излишек'; *сүвѣшан* (Бак.) 'излишний'.

Серб. *сүвладаца* (Бак.) 'совладелец'.

Серб. *сүвласник* (Бак.) 'совладелец'; ср. *сүвладаца*.

Русск. *сувод* (Сл. 1847 г.) 'обратное течение воды от берега к середине (после удара волны о берег)'; ср. *сувой*, *сулой*, *суводь*, *суводок*.

Ст.-сл. *сждоднѣъ* (Микл., Вост.); др.-русск. *суводивъи* 'соединенный с водой, разбавленный водой, водянистый'. «Ту абиѣ по всеи вселенѣи ражаѣтъ вода животъ, не бы же праздна тогда ни тина, ни калъ, понеже *суводива* бы и по кѣству своему изведе жабы, пругы, комары, мшицю, вса родъ жюпелныи» (Пал. XIV в., 10; по Срезн.).

Русск. *сѣводистый* (Даль) 'с бурным течением воды, с водоворотами'. Ср. *сувод*, *суводь*.

Русск. *сѣводок* (Даль) то же, что *суводь*.

Русск. *сѣводь* (Даль, сиб.) 'водоворот, кружение воды от удара о берег, о мыс, от встречного течения, при впадении одной реки в другую', т. е. встреча, столкновение двух потоков воды. Ср.: «А вот смотри: видишь, вода быстро крутится? Это *суводь*, место опасное, здесь судно может потерять управление, надо итти быстро. Такая *суводь* бывает обычно за большими горами...» (А. Рыбаков. Екатерина Воронина, гл. VI). Ср. *сувод*, *суводистый*.

Русск. *сувой* I (Бурн., Даль, Грандил., Арханг. сл.) 1) то же, что и *суводь*; 2) 'прибой' (Бурн.). Ср. *сулой*.

Русск. *сувой* II (Доп., Даль, владим., вост., Уш.) 'свиток, сверток'; б.-р. *сувой* (Нос.) 'свиток, рулон полотна, холста (как мера)'; три *сувои* полотна выткала'; укр. *сувій* (П.) 'сверток'. Ср. *суверток*, *сувиток*.

Русск. *сувой* III (Даль, Уш.) 'витые и путаные слои дерева, свиль, болона'. Ср. *сувертока*, *суверточина*, *сукорки*.

Русск. *сувой* IV (Доп., Уш.) 'небольшой сугроб снега'. Ср. чешск. *závěj* 'сугроб', Ср. *сугроб*.

Русск. *сѣволока* (Опыт, Бурн., Даль) 'остатки конопли (негодной), плохая посконь, оставляемые в поле; дерганцы и всякая сорная трава, которая сволакивается бороной с поля на топливо и др. нужды'. Ср.: «...смотрит в щелку, которых много в плетневой стене, потому что *сѣволока*, которою обставляют пуньки на зиму, была отставлена» (Н. С. Лесков. Житие одной бабы, ч. II, гл. III). Белор. *сѣволока* (Нос.) 'пакля', 'пеньковая *сѣволока*'.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣвражъ* (Микл., Вост., Срезн.) 'противник, супостат', т. е. тот, кто „объединен“ с кем-либо враждебными отношениями, чей-либо враг. В древнегреческих текстах соответствует словам *ἀντίδικος*, *ἐχθρός*. Ср. словен. *souraž*.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣвражъи* (Микл., Вост., Срезн., в примерах Вост. и Срезн. *соу-*) то же, что *сѣвражъ*.

Чешск. *souvat* (Тр.) 'оборот плуга'. Ср. *сугибель*.

Др.-чешск. *souvatí* (Тр.) тѣ же, что *сугонь* II.

Серб. *суврѣлав* (Бак.), *suvrĭlav* (Jur.) 'раздваивающийся'. Ср. *врлав* 'косой, раскосый'.

Серб. *сѣврст* (Кар., Бак.), *sŭvrst* (Jur.) 'разряд', точнее 'того же, подобно ряда, разряда'. Ср. серб. *врста* 'ряд, разряд', словен. *souvrsta*. См. также *сѣврстникъ* (*сѣврстник*).

Ст.-сл. *сѣврстникъ* (Микл.); серб. *сѣврстник* (Кар., Бак.), *sŭvrstnik* (Jur.); словен. *souvrstnik* 'сверстник', т. е. одного с кем-либо возраста. Ср. др.-русск. *вьрста* 'возраст'.

Др.-серб. *соувьше* (Дан.) 'свыше'. См. *сувишак*.

Болг. *сугарѣ* (БТР) 1) 'сосунок', 2) 'поздно родившийся ягненок', 3) 'черношерстый ягненок'; болг. *сугарен* (БТР) 'поздно посаженный',

недозрелый; малолетний, например: «*сугарен* кукуруз», «децата му са още *сугарни*» (по БТР); серб. *сугаре*, *сугаре* (Ел., Кар., Лавр.), *sùgare* (Jur.) 'черношерстый ягненок'; серб. *гара* 'иссиня черная овца', *гарест* 'вороной (о масти лошади)'.

Русск. *сугат* (Опыт, Даль) 'толкотня, шум'; русск. *сугатный* (Доп., Даль) 1) 'тесный, загроможденный'; 2) 'хлопотливый, шумный, беспокойный; трудный, тяжелый'; 3) 'обильный, многочисленный'. Этимология этого слова неясна, возможно следует сопоставлять с др.-русск. *гаи* 'лес, роща' (см. Срезн., а также Даль), а также др.-русск. *гатъ* (ср. то же и в других славянских языках). Ср. русск. *гай* 'шум, крик, гам' (Даль, южн.), русск. *загатный* (Даль) 'тесный, битком набитый', словен. *zagota* 'закоулок, переулок', польск. диал. *gajno* (Линде) 'куча'.

Русск. *сугба* (Смоленск. сл.) 'середина, изгиб'; например, 'сугба полотенца' (там же). Ср. *сугубый* и *сугибель*.

Чешск. *souhvězdí* (Тр.) 'созвездие'.

Русск. *сугибель* [Доп., Даль, Грот (из Тургенева)] 'сгиб, крутой поворот в овраге'. Ср. *сугубый*.

Ст.-сл. *сѣгласиѣ* (Вост.); др.-р. *сѣгласиѣ* (Срезн.); серб. *сугласје* (Лавр.); чешск. *souhlas* (Тр.); в.-луж., луж. *suhtós* (К.; Pf., * Jur.) 'созвучие, гармония'. *гѣслѣныа стрѣны многы сѣтъ, нѣкъ къ єдино сѣгласѣе прихѣдаѣце, красенѣ нѣкъны износаѣтъ гласѣ* (Златоустр. 55, по Срезн.); 2) 'согласие'.

Серб. *сугласник* (Лавр.); чешск. *souhláska* (Тр.); луж. *suhtósnik* (Pf.) 'согласный звук, буква'.

Русск. *суглинок* (Сл. Ак. Р., Бурн., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.), *суглинь* (Грандил); белор. *суглінак* (Р.-бр.) 'почва песчаная (или глинистая) с примесью глины (или песка); укр. *суглинок* (русск.-укр.)

Укр. *суглоб* (русск.-укр.) 'сустав'. Ср. болг. *сглоб* 'сустав', серб. *зглоб* 'сустав'.

Русск. *суглобый* (Даль), *суглоба* (Смоленск. сл., VEW) 'хмурый, неприветливый, нелюдимый'; *суглобый* (Доп., Даль) 'бестолковый' (?). Фасмер (VEW) сопоставляет с *глоба* 'бревно', ср. также *оглобля*, если принять это сопоставление, то *суглобый* первоначально имело значение 'как бревно, похожий на бревно'.

Укр. *сугловок* (Гр.) 'угол сундука', т. е. то, что накладывается поверх на угол сундука. Из *суголовок*.

Болг. *суглѹминѣ* (Млад., обл.) 'придурковатый, глуповатый'; ср. русск. обл. *глум* 'глупый'.

Русск. и белор. *сугляды* (Смоленск. сл., Нос.) 'смотрины'. «Сваты въ *сугляды* приѣхали». Ср. *суглянуть* (Донск. сл.) 'оглядеть'.

Укр. *суговѣра* (Гр.) 'разговор'. Первоначально, вероятно, небольшой, немногословный. Ср. укр. обл. *говірка*, укр. *говір*.

Болг. *суголем* (Мич.), *сугольмый* (Гер.) 'великоватый, довольно большой'. Ср. *вѣзголем*.

Русск. *суголовьѣ* (Уш.) 'часть уздечки'. См. *суголов* (2).

Укр. *сүголов*, *сүголовок* (Гр.) 1) 'межа между двумя полями', 2) 'часть уздечки' (та, что надевается на голову).

Русск. *суголовый*, *суголовный* I (Доп., Даль) 'блажной, буйный; взбаломошный, своевольный'.

Русск. *суголовный* II (Уш.) о части уздечки. См. *суголовьѣ*.

Русск. *сугонь* I (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Опыт, Даль, Яросл. сл., Олонек. сл.) 'погоня'. Ср. др.-русск. *сугнати* (Срезн.), *сунати* (Дюв.). Конкретнее, чем *погоня*; *сугонь* — это такая погоня, когда преследуемый

недалеко. Ср. в *сугонь* и *всугрев*, *всутерпль* и т. п. Ср.: «*Сугонь* по пятамъ бѣжить» (Опыт.). В *сугонь* 'вдогонку'. «Скричит за молодым, как в *сугонь*, Быстра река Смородина человеческим языком...» (Сб. «Русская баллада», 1936, стр. 291). «Въ *сугонь* гостя не уподчнешь» (Яросл. сл.).

Русск. *сугонь* II (Бурн.) 'край пашни, обыкновенно заросший травой, которую щиплет лошадь, прежде чем повернуть'. Ср. чешск. *souvatí*. Ср. *сугонье*. Ср. русск. *гон* (Даль) 'полоса земли, длина покоса'.

Русск. *сугонье* (Опыт) 'концы смежных участков земли'.

Русск. *сугор* (Доп., Даль, влгд.), *сугорон* (Даль, прм., пск.), *сугорок* (Доп., Даль, Вятск. сл.) 'пригорок, холм'. *Сугор* (Доп.) иногда 'овраг' («Въ *сугорь* полетѣль и съ конемъ», пск., твр., Доп.). *Сугорный, сугористый* (Доп. Даль) 'холмистый, изобилующий возвышенностями'. *Сугорье* (Даль) 'основанье горы'. «По *сугорью* хороши пашни, а по низамъ всѣ почти вымокли» (Даль). Ср. у Даля: *пагорок, рагорок*. См. *сугорб*.

Укр. *сугорб, сугорбок* (Гр.) 'холм, пригорок'. 'Київ роскинувся по *сугорбах* та по ярах' (Гр.). См. *сугор*.

Русск. *сугорбый* (Даль) 'сутулый'. Ср. др.-русс. *сугрбитиса* (Срезн.) 'согнуть, склониться'. «Ходил *сугорбившись* и все словно думает что про себя» (Елпатьевский. Отлетает мой соколик. Цит. по кн.: В. И. Чернышев. Правильность и чистота русской речи. Изд. 2-е, вып. 2. Пг., 1915).

Чешск. *souhra* (Гр.) 'сыгранность'.

Серб. *суградица* (Кар., Бак.) то же, что *сугражица, суграшица* (см.).

Ст.-сл. *сжгражданинъ* (Микл., Вост., Срезн.); др.-русс. *соугражданинъ* и *сугражанинъ* (Срезн.) 'согражданин'. Серб. *суграђанин* (Кар., Бак.) 'согражданин, земляк'.

Болг. *суграшица, сугражица* (Гер., БТР., Млад., Поп.) 'мелкий град, крупа'⁸.

Ст.-сл. *сугревъ* (Срезн., Дюв., Кочин); русск., *сугреб* (Сл. 1847 г., Колымск. сл., Донск. сл., Даль) 1) 'собранное в груды, в кучу'; 2) 'определенная мера (соли, желѣза)'. «Даша на томъ ... 30 бѣль. а полонька два *сугреба* желѣза» (Срезн., Новг. купч. XIV—XV вв.). «Продаль ... росолу три двѣнадцатыхъ *сугреба*, четверть варницы» (Купч. Кирил. мон. 1578 г.). Таким образом, *сугребъ* — это то, что сгребается.

Болг. *сугреб* (Гер., БТР, Млад.), *сугреп* (Поп.); серб. *сугреб* (Ел., Кар., Бак., Лавр.) 1) 'взрытая земля (собаками или лисицами)'; 2) 'крапивная лихорадка' («Народ верује да се ова болест до бије кад се нагази тамо где пси ногама гребу земљу». — Елезовић). Ср. *сугроб*. Ср. луж. *pahrob* (Pf). 'небольшая насыпь около канавы, рва, ложбины (обычно из вырытой земли)'.

Русск. *сугрев* (Даль, Доп., Островский, Донск. сл.) 'избное тепло'. '*Сугреву* нет, полом стынет' (Островский). *Сугрево* (по говорам) в том же значении. Ср. наречие *всугрев* (Даль, I, стр. 276), т. е. почти совсем тепло, не холодно, терпимо.

⁸ С. Младенов считает, что это слово, как и слова *сугреб, сумрак*, отражает неносовой дублет приставки *сж-* — *соу-*, как слово *нужда* есть старославянский дублет слова *нжда*. Маловероятно здесь заимствование из сербского. Во всяком случае, наличие в болгарском ряда слов с начальным *су-* вместо ожидаемого *сѣ-* или наряду с ним (например, *сумрак* и *сѣмрак*) требует специального исторического изучения на материале болгарских памятников с широким привлечением диалектного материала, так как имеющиеся на эту тему исследования (Облака и др.) не дают исчерпывающего ответа на этот вопрос.

Русск. *сугрево* (Опыт, Даль) 'солнечное тепло, умеренное, не солнцепек (когда солнце чуть пригревает)'. «Хутор млея под сентябрьским прохладным *сугревом*» (Донск. сл.). Ср. наречие *всугрев* (Даль, I стр. 276). См. *сугрев*.

Русск. *сугрэва*, *сугрэвушка* (Даль. Опыт, Эрд., Олонецк. сл.) — ласковое обращение, преимущественно к женщине.

Русск. *сугрób* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Опыт., Бурн., Даль, Уш., Ож.) 'куча снега'. «Поземок навил возле ног *сугрób*» (Шишков) (Цит. по статье в «Вопросах языкознания», 1956, № 5, стр. 96). Ср. *сувой*, *сумет*.

Укр. *сугроба* (Гр.) 'большая выбоина'. Др.-р. *гробъ* (Срезн.) одно из значений 'яма', т. е. *сугроба* 'небольшая яма, выбоина'. Ср. *сугреб*.

Болг. *сугрозен* (Гер., Млад.) 'довольно некрасивый'. Ср. *грозен* 'уродливый, некрасивый, страшный'.

Ст.-сл. *соугоувь*, *соугоувь* (Микл., Вост., Sadnik); др.-русск. *соугоувь*, *соугоувь* (Срезн.); русск. *сугубый* (Поликарпов, Алексеев, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль⁹, Уш., Ож.); др.-серб. *соугоувь* (Дан.); серб. *сугуб* (Бак.), *sūgub* (Jur., M.). Данное слово, широко распространенное в старославянских текстах (Мар. ев., Зогр. ев., Савв. кн., Супр. рук., Син. Пс. и др.) и связанных с ними по традиции древнерусских и древнесербских памятниках, не встречается в современных славянских языках, если не считать исключительно литературного, книжного употребления этого слова и его производных в современном русском и в современном сербохорватском языках при отсутствии их в говорах этих языков.

Слово *соугоувь* имеет сложную историю. Не останавливаясь сейчас на этимологических спорах о природе *соу-* в этом слове¹⁰, отметим только, что *соугоувь*, по всей вероятности, представляет собой искусственно созданное слово старославянского языка, образованное по типу лат. *sim-plex* 'простой', *semel* 'однажды', греч. $\alpha\text{-}\pi\alpha\zeta$ 'один раз' и $\alpha\text{-}\pi\lambda\acute{o}\varsigma$ 'простой', санскр. *sa-kṛt* 'один раз', авест. *ha-karət* 'один раз' (в которых первый элемент сложения восходит к и.-е. **sem-*, **sm-*¹¹) и значившее первоначально 'один раз согнутый, сложенный' а затем 'двойной, двоякий'. Вторая часть слова *-гоувь-* восходит к тому же корню, что и русск. *гнуть*, *гибать*, болг. *гънь* 'сгиб, складка', словен. *guba* 'складка', польск. диал. *gub* 'складка', лтш. *gubstu*, *gubt* 'горбиться'; ср. лат. *plec-* в *simplex* из *plicare* 'складывать, свивать', восходящее к **pel-*¹².

Одним из доказательств существования первоначального значения *соугоувь* 'один раз согнутый, сложенный' является одновременное употребление образованных тем же книжным путем слов *двогубь*, *тригубь*, *четвергубь* (ср. лат. *duplex*, *triplex*, *quadruplex*, греч. $\delta\iota\pi\lambda\acute{o}\varsigma$ $\delta\iota\pi\lambda\acute{o}\upsilon\varsigma$). Внутренняя форма этих слов и их производных прозрачна, и значение

⁹ Даль приводит только литературные примеры и не дает ни одной ссылки на народные говоры.

¹⁰ См. указанные работы А. Мейе, А. М. Селищева, соответствующие гнезда в словарях М. Фасмера и А. Преображенского, особенно статью Г. Ильинского «Славянские этимологии. XVII. Др.-р. *сугубь* 'сугубо'» (РФВ, т. 62, № 3—4, 1909).

¹¹ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 409; А. Мейе. Основные особенности германской группы языков. М., 1952, стр. 148; П. Шантрен. Историческая морфология греческого языка. М., 1953, стр. 121; А. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М., 1950, стр. 139; В. П. Мажилис. Индоевропейская десятичная система числительных, «Вопросы языкознания», 1956, № 4, стр. 53—54.

¹² Ср. Václav Machek. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brno, 1934, стр. 42—43; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 301; В. Пизани. Этимология. М., 1956, стр. 106. Возможно, что когда-то существовали дублиеты: *соугоувь*, образованное по типу греч. $\alpha\text{-}\pi\alpha\zeta$, лат. *sim-plex*, и *сжгоувь*, которое деликом соотносилось с глаголом *сгнуть*.

сгъ = гънтьнть

соу = гъубъ - отъже бот. гиссимилатъ,

Вост.-Вост. Диалект. 1904.

их легко определяется из имеющихся контекстов. Например: «Творите ꙗко сна огневи *двогубь* вась» (διπλότερον ὄμων) (Ев. 1164 г., Мф. XXIII, 15, по Срезн.); «Стою *двогубьну* ризоу очистивъ крѣвию» (Мин. сент., XII в., по Срезн.); «От двери надъ дверьми *трегубо*» (ἀπό τοῦ θυρώματος ἐπὶ θύραν τρισσοῦς) (Цар. 3., по Срезн.); «*Четверогубь* цѣна» (Никон. Панд., по Срезн.). Следовательно, *соугубь* 'раз сложенный', *двогубь* 'дважды сложенный', *трыгубь* 'трижды сложенный', *четверогубь* 'четырежды сложенный', но так как 'раз сложенный' — это 'увеличенный на один раз', т. е. 'двойной', то постепенно *двогубь* и *сѣгубь* стали путаться в употреблении, пока *соугубь* почти не вытеснило из употребления *двогубь* и стало употребляться в значении 'удвоенный, двойной, вдвое больший'. Ср. «Двери же ковчегу сътвориши въ страну, пожда съ стропы *сугубы*, *трегубы* сътвориши в не» (Быт. VI, по Срезн.); «Тѣмъ *сугубо* и *трегубо* имя нынѣшній приемлетъ праздник» (Кир. Тур., по Срезн.); «Извѣсти и запрети пресвятая богородица о *трегубои* аллилуйя и повелѣтъ православнымъ християномъ говорити *двогубое* аллилуйя, а въ третіе слава тебѣ, боже» (Стогл. 42, по Срезн.).

Потере значения 'один раз согнутый' в слове *соугубь* способствовало и то обстоятельство, что обычно количественные слова в индоевропейских языках теряют первую часть сложения со значением 'один раз взятый' при сохранении первого элемента сложения со значением 'два (три... и т. п.) раза взятый'¹³, поэтому *соу-* в *соугубь* тем скорее стало осмысляться в ряду других значений приставки *сѣ-* в значении 'два', а слово в целом закрепилось в значении 'двойной, удвоенный'.

В старославянском языке *соугубь* и его более древняя форма *соугубь* (неизменяемое прилагательное) имеют производные (*сѣгубатиса*, *сѣгубина*, *сѣгубити*, *сѣгубитыи*, *сѣгубица*, *сѣгубьство*, и некоторые др.) и образовали ряд устойчивых сочетаний.

Основное значение *соугубь* в древнейших славянских памятниках 'двойной, удвоенный, двойкий', соответствующее в греческих текстах словам διπλούς, διπλός. Например: «Да дасть емоу *сугубь* отъ всего» (Втз. XXI, по Срезн.); «И за единь днь пришельствіа твоего *сѣгуба* възраститъ ти» (Зах. XI, по Срезн.); «и *соугубь* за ꙗдно възаша» (Супр. рук., по Ист. хр. Булаева, стр. 308); «горе вамъ ꙗко гнигъчиѣмъ и фарисѣи гнигрити ꙗко прѣходите море и *соуж* сътворити единого пришельца. і егда вѣдетъ творите и сна ѣзоникъ *соугубиша* вас» (Зогр. ев.¹⁴). «*Сугубый* монастырь» (мужской и женский): «Не подобактъ отъселѣ быти *соугубоу* монастырю» (Ефр. крм., по Срезн.), «*сугубая* аллилуйя» (когда слово «аллилуйя» произносится дважды). «И о добрых женах рече... руцѣ свои простираеть на полезная, локти же свои утвержаеть на вретено... *сугуба* одѣниа створи мужю своему, очервѣлена и багряна себѣ одѣниа...» (Новг. 1 лет., Ком. сп., стр. 129); «Врѣху же *сугубы* комары создаша» (Иос. Фл., по Срезн., II, стр. 1264; в греч. тексте: διπλαῖ αἰ στοαί). При счете др.-русск. *сугубо* означало 'вдвое, дважды'.

В отдельных случаях имеется оттенок 'двойного, двустороннего, раздвоенного'¹⁵, а не 'двойного, соединенного', который восходит к первоначальному значению 'один раз сложенный, согнутый'. Например, в выражении: «і *выстѣ* *соугубь* *бѣ* *вѣкоупѣ* и *чѣ*» в следующем отрывке на Синай-

¹³ Ср. K. Brugmann. Setzung und Nichtsetzung des Zahlworts *eins* zu Quantitätssubstantiva in den idg. Sprachen. «Indogermanische Forschungen», Bd. XXI. Strassburg, 1907.

¹⁴ «Зографское евангелие», изд. В. Ягичем. Berolini, 1879, стр. 83—84.

¹⁵ Ср. выше серб. *сугрѣав* 'раздваивающийся'.

ской псалтыри: еже са прѣстаа троица речеть. оцъ и снъ і сты дхъ. три състави сълично въ единомъ вжъствѣ. слово же то вжне. въ сы отъ ба. нашего ради спеніи пльтижъ обложивъ свое вжство. въ дѣвѣ прѣстѣи. стымъ дхомъ. всеѣмени зачатъ са. і выстъ соуговъ въ вькоупѣ и чкъ¹⁶.

сѣгъница 'двойной плащ', которым можно было обернуться два раза а не просто 'широкий плащ' (как полагал И. И. Срезневский). Например: «Твой же одежда тепла, а врази ихъ, ꙗко и въ соугоубицѣ, въ срамъ облякоутьса» (καθάπερ διπλοῖδα αἰσχύνῃ περιβάλλονται) (Панд. Ант. XI в., по Срезн.). Ср. выше 'двоугобъну ризоу' (Мин. сент. XII в.) и δίπλαξ.

В русском литературном языке более употребительным стало переносное значение, а первоначальное значение бытовало как термин в церковной литературе, а иногда и как лингвистический термин в течение всего XIX в. Например, у А. Х. Востокова постоянно встречаем выражения «сугубое оу», «усугубление гласных», «древнее усугубление окончаний»¹⁷ и т. п. То же у Ф. И. Буслаева: 'усугубленное окончание -дхъ вм. -дхъ' (Ист. хр., стр. 288).

В современном русском литературном языке *сугубый* употребляется преимущественно в значении 'очень большой, особенный, предпочтительный в сравнении с чем-нибудь другим' (Уш.).

Серб. *сугубица* (Кар.) 'род плаща'. Ср. соугоубица (?) и гънь.

Серб. *сугупка* (Лавр.) 'дубликат'.

Ст.-сл. сѣжжстъ (Микл., Вост.); русск. *сугустый* (Сл. Ак. Р.), *сугустый* (Даль) 'густоватый', 'довольно густой, нередкий'. 'Сугустая борода', 'сугустый кисель' (Даль).

Русск. *судворень*, *судворок* (Даль), *судворень*, *судворок* (Доп.) 'смежный или общий с кем-либо задний двор'. *Судворни* (Доп., Даль) 'соседи, имеющие смежные или общие задние дворы'. Даль объясняет только как 'смежный', но это скорее всего 'общий'.

Ст.-сл. и др.-русск. сѣдъ, судъ (Микл., Вост., Срезн.); русск. *суд* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.); белор. *суд* (Нос., р.-бр.); укр. *суд* (Гр., р.-укр.); болг. *сѣдъ*; словен. *sod* (Пл., Glonar); серб. *суд* (Бак.); чешск. *soud* (Тр.); словин. *sōud* (Л.); н.-луж. *sud*; польск. *sąd* (Линде, Карл.) 'разбор дела, дознание, в котором принимает участие несколько человек'. Например: «Како боудешъ въ Новѣгородѣ оу оца своѣго оу влдицѣ и оу своихъ мужъ, намъ съ нимъ соудъ передѣ тобою, гне» (Дог. гр. Новг. с в. к. Мих. Яр. ок. 1307 г., по Срезн.).

В древнерусском и западнославянских языках это слово употребляется также в значении 'рассуждение, обсуждение, мнение обычно нескольких человек'. Например: «Испытаніемъ и сѣдомъ многомъ творити слышима, ти тако износити отвѣтъ» (Никиф. м. посл. Влад. Мон., 68, по Срезн.). В современных западнославянских языках возможно в отношении одного человека. Например, в польском: *Mieć sąd zdrowy* 'иметь здравый рассудок'.

Образовано из *sq-* и **dh-o* (*dhē*¹⁸). Т. е. *суд* — совместное обдумывание,

¹⁶ R. Nahtigal. Euchologium Sinaiticum, II. Tekst s komentarjem. Ljubljana, 1942, стр. 182—185.

¹⁷ А. Х. Востоков. Переписка в повременном порядке. СПб., 1873, стр. 80, 115 и др.

¹⁸ A. Meillet. Указ. соч., стр. 162. Ср. Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование, гл. XI. Значение суффикса **-dh-*. М., 1955, стр. 219—241. См. также этимологические словари Фика, Вальде-Покорного, Фасмера, Преображенского.

размышление. Ср. тот же корень в слове *мудрый*. Ср. аналогичное образование из *sq-* и и.-е. **men* в белор. *сум* 'сомнение'. М. Фасмер сопоставляет *суд* с и.-е. *samdhiṣ, samdhá* 'объединение, союз, соединение' и лит. *samdà* 'наем, аренда', т. е. то, что получается в результате определенного соглашения, договоренности.

Слвц. *súdelnik* (Мич.) 'сотрудник'; ср. серб. *суделовање* (Бак.), *súdjelovanje* (Jur.) (от *суделовати, súdjelovati*) 'соучастие, сотрудничество; солидарность'. «*Veliko sudjelovanje naroda*». Ср. словен. *sodélavec*.

Русск. *судёнки* (арх., Архив АН СССР, фонд П. И. Кеппена, № 30, оп. 1) 'сумерки', т. е. уже неполный день, день на исходе.

Др.-русск. *сударевъ* (Срезн.) 'смежно (о пограничных участках земли)'. «А тая земля... за рѣчку пошла за Черницу и съ Савою съ Русановичемъ *сударевъ* и съ Иванковцы *сударевъ*» (Купч. зап. 1508 г.; по Срезн.). Др.-русск. *сударевъныи* 'смежный, общий (о рубеже)'. «По *сударевному* рубежу» (Срезн.).

Русск. *судерёма* (Доп., Даль) 'грубый холст'. Ср. *дербина* 'дерюга' (Преобр., 179), *дерба* (Преобр., VEW). В том же значении *судержина, судержница* (Доп.), ср., с одной стороны, *дѣрганка* (Преобр., 179), с другой, *подержанный*. Корень не ясен.

Др.-русск. *судивъныи, сѣдивъныи* (Срезн.) 'имеющий, отличающийся чудесами, с чудесами'. Срезневский воздерживается от перевода и ограничивается примером: «На гороу бо *сѣдивъныи* възити повелѣваѣщоу ти» (Мин. Пут. XI в.). В Мин XII в. — '*судивъноюю*' (Срезн.).

Серб. *судланица* (Лавр.), *súdlanica* (Jur.) 'тыльная сторона ладони'. *Су-* здесь вносит в слово значение противопоставления объединенных предметов.

Чешск. *soudobý* (Тр., ч.-р.); слвц. *súdobý* 'современный'; (слвц.-р.) ср. чешск. *současný, souvěký*.

Др.-русск. *судодъныи* (Срезн.) 'дождевой, связанный с дождями'. «(Птицы) иногда отъ студени, другоици же отъ *судодъныхъ* мокротъ, рамѣно измираютъ» (Пал. XIV в., по Срезн.).

Ст.-сл. *сѣдълъжь* (Микл., Вост.); др.-русск. *сѣдълъжь, сѣдълъжь* (Срезн.) 'должник'. «(Егда) займъ *судълъжю* отдаеть и въсхищение възвратить, вси грѣси его, ѡже сгрѣшилъ естъ, не поманеться» (Пов. вр. л. 6523 г., по Срезн.). Др.-русск. *судълъжникъ* (Вост., Срезн.) известно в трех значениях: 1) 'должник', 2) 'заимодавец', 3) 'противник'. Последнее соответствует греч. *ἀντίδικος*.

Укр. *судоба* (Гр.) 'судорога, корчи'. Ср. *судорога*. Корень *дом/дѣм*.

Словен. *sódotec* (Пл.) 'небольшая часть, доля'.

Словен. *sódolica, sódolina* (Пл.) 'долина, небольшая низменность, лощина'.

Русск. *судорога* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Грандил., Арханг. сл., Колымск. сл., Донск. сл., Уш., Ож.); в говорах обычно в форме *судорога* (Колымск. сл., Донск. сл. и др.); укр. *судорга* (Гр.); белор. *сўтарга* (р.-бр.) 'судорога'. Корень *дерг*, т. е. *судорога* — небольшая дрожь, подергивание. Бернекер и некоторые другие исследователи сопоставляют со словен. *sódrga* 'дождливая погода', что маловероятно. Фасмер (VEW) сравнивает с лит. *soudirgti* 'сердиться' (и ссылается при этом на работы: MiEW, 42; Brückner, KZ, 48, 216, Pedersen, Kelt. Gr. I, 105. Преобр. I, 179; 2, 413).

Русск. *судорожица* (Доп., Даль) 'распутица, плохая дорога'. «Ужь такая ноньма *судорожица*, ни пѣшкомъ, ни на конѣ» (Доп.).

Ср. *підорога* 'распутица, плохая дорога'. Ср. словен. *sódraga*

(Пл., Хост.) 'овраг, ущелье, лощина', а также 'плохая, неровная дорога, дорога с ухабами'. Ср. VEW (*судорожица*).

Русск. *сúдорожь* (Доп., Даль) 'легкая дрожь, озноб'.

Русск. *сúдра* (Опыт, Даль, Арханг. сл.) 'метель, вьюга, буран'; словен. *sódra, sódrica* (уменьш.) (Пл.) 1) 'мелкозернистый град', 'крупа', 2) 'сброд'. Словен. *sódrga* (Хост.) то же, что *sódra* (см. выше). Плелершник объясняет что слово как *so-grad*, т. е. вроде града, не совсем град. Миклошич выделяет здесь тот же корень, что в *drgniti* 'смести в кучу, сволочь'. Ср. словен. *sódržica* (уменьш. от *sódrga*) (Пл., Хост.) 'хлам'. 'Vsako sodržico sem že prenažal na Kranjskem', Jurč (по Пл.).

Серб. *сúдрнут* (Ел.) 'своевольный; подвижный', ср. *sùdřnut* (Jur.).

Чешск. *soudruh* (Тр., ч.-р.); слвц. *súdruh* (Мич., слвц.-р.) 'друг, товарищ'.

Др.-чешск. *soudruži* (Тр.) 'соединенный, скрепленный'. Чешск. *soudr-žný* (Тр.) 1) 'соединенный, компактный, соединившийся в сплошную массу', 2) 'сплоченный, дружный, солидарный'; чешский термин *soudržnost* (Ч. техн. сл.) 'сцепление, сила сцепления'.

Ст.-сл. *сѣдружьвьннѣ* (Микл.) 'лукавый' т. е. как бы друг, друг только с виду.

Серб. *сúдружна* (Кар.) 'беременная'. Ср. *сужеребая, супоросая* и др.

Русск. *суём* (Труды, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Опыт, Даль, Колымск. сл., Олонецк. сл., Булич) 1) 'крестьянская сходка'; 2) 'толпа народа, сборище, шумная толпа народа'. «Ишь дѣвки *суемь* собрали» (своими песнями и танцами; Олонецк. сл.). Ср. калужск., нижегор. *сойма* 'сходка' (Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. М., 1949, стр. 173—174). Ср. чешск. *součet* (Тр.) 'сумма, совокупность' (редко употребляется) и *snět* 'сейм' (Тр.), ср. польск. *sejm* 'сейм'. См. также снм.

Луж. *souzělny* (Pf.) 'сострадательный, сочувственный, сочувствующий'; в.-луж. *suželność* (К.) 'сострадание, сочувствие', Ср.в.-луж. *žel*, н.-луж. *žal*.

Русск. *сúжелть* (Даль) 'желтоватость, что-либо с желтым, с желтоватым оттенком'.

Русск. *сужеребая* (Бурн., Даль, Уш.); серб. *сúждребна* (Кар.); н.-луж. и в.-луж. *sužrěbna* (Мука; К.); словин. *sočždrěbjā* (Л., также об ослице) 'сужеребая, жеребая'. Ср. *subožna*.

Н.-луж. *sužel* и *sužog* (Мука); в.-луж. *sužoh* (К.; Pf.) 'зажженный фитиль, факел, т. е. факел с огнем'.

Ст.-сл. *сжжѣть, сжжѣтель, сжжѣтникѣ* (Микл., Вост., Срезн.), др.-русск. *соужить, соужитель, соужитникѣ* (Срезн.) 'супруг', 'супруга'. Ср. *сжлогѣ*. *Соужить* также известно в значении 'спутник'; «Слнци оумьнѣмъ соужить сы и лоуча того въсприкѣмѣмъ, ꙗже по соуществѣ прѣвѣкъ онѣ ѣсть» (Мин. 1096 г., по Срезн.). Др.-чешск. и чешск. *soužití* (Тр.) 'совместная жизнь, сожителство'.

Чешск. *souzvuik* (Тр.) 'аккорд', *souzvučny* (Тр.) 'созвучный, гармоничный'.

Русск. *сúзелень* (Даль, Грандил., Арханг. сл., Бурн., Опыт, Олонецк. сл.) 1) 'зеленоватость'; 2) (чаще) 'не совсем созревший хлеб'. Ср. болг. *сузелен* 'зеленоватый' (Теодоров-Балан, стр. 273).

Русск. *сузёмок, сузём* (Олонецк. сл., Арханг. сл.) 'чернозем с примесью песка'¹⁹.

Русск. *сузёмье* (сл. 1847 г., Даль) старинное русское слово со значением 'смежность, соседство владений; смежные, соседние владения,

¹⁹ Не путать с омонимом *суземок, сузем* 'трудно проходимое место в лесу, в тундре', заимствованным в русских северных говорах из финского (см. VEW, *сузем* II).

обычно в пустых, незаселенных и дальних местах'. Ср. *сумежье*, *судворень*.

Русск. *сузёмый* (Доп., Даль) 'низкий, приземистый'.] ? ср. *сузёмом*, 1/2

Серб. *сўзетица* (Кар.) 'муж какой-либо родственницы (но не дочери или сестры), т. е. „вроде“ зятя, но не зять; «etwa Halb-zet; quasi-zem» (Кар.).

Чешск. *souznápný* (Тр., р.-ч.) 'однозначный, синонимический, того же значения, что и другой'.

Ст.-сл. *сѣзъмѣ* (Микл.) 'зуб с зубом, зубец с зубцом, соприкасаясь'. «*соузъмѣ* мечевы оудареше се» (Микл.). Серб. *Жиделѣг* - Сб, *Михаилѣ*

Луж. *suzynk* (Pf.*) — 1) 'созвучие', 'аккорд'; 2) 'согласный звук'.

Луж. *suzmysl* (Pf.*) 'единодушие, единомыслие, согласие'.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣимъ* (Микл., Срезн.) 'схватка, битва'. «Убьенъ бысть на первомъ *суимѣ*». (Новг. IV л., Срезн.). См. *сует*.

Чешск. *soujtmenný* (чешск., Тр., ч.-р.) 'одноименный'; *soujtmenná jména* 'омонимы'.

Укр. *сукалеченый* (Гр.) 'поврежденный, искалеченный'. «*Сукалеченую* ногу потрогав». Как исходное следует предположить значение 'слегка, немного искалеченный'.

Русск. *сукалінка* (Смоленск. сл.) 'коленный сустав'; 'зломлю калинку па самую *сукалинку*'.

Серб. *сўклата* (Ел., Кар., Бак.), *sūklata* (Jur.) 'неповоротливый человек; растяпа'. Корень *-клат-* из **kolt*. Ср. серб. *клати се* '1) кусаться; 2) ссориться'; русск. обл. *колотник* 'вздорный, сварливый человек' (ж. *колотовка*); польск. *ktotnia* 'спор, ссора', *ktotliwy* 'сварливый'. Возможно, что этот корень следует сопоставить с лат. *clades* 'вред, ущерб, повреждение', греч. *κλαδρός* 'ломкий, хрупкий'. Ср. *сулитъа*.

Др.-русск. *суклѣтъникъ* (Срезн.) 'сожитель по келье, сосед'.

Русск. *суклѣтый* (Донск. сл.); укр. *суклѣтий* (Гр.) 'проклятый'. 'То же, что и проклятый, но в усиленном значении' (Гр.).

Чешск. *souktemný* (Тр.) 'соплеменный, одного с кем-нибудь племени'; слов. *sūktemovec* (Мич.) 'человек одного племени (с кем-либо)'.

Серб. *сукнежица* (Лавр.) 'кого зовут князем', т. е. ненастоящий князь, тот, кого только зовут князем.

Серб. *сўкоб* (Бак.) 'столкновение'.

Серб. *сўкобица* (Кар.) 'маленькая кадушка, кадочка'. Ср. *кѡба* 'кадушка'.

Чешск. *soukolí* (Тр., Техн. сл.) 'система колес'.

Белор. *суколѣнный* (Нос.) 'имеющий много коленьев', 'суколенное дерево' (Нос.) Ср. белорус. *суколѣнце* (Нос.) 'место на стебле растения, где бывают кругом усики или сучки'. 'На самом *суколѣнцѣ* зломалась палка' (Нос.).

Русск. *сукорѣтки* (Доп., Даль) 'лихорадка'. Ср. *корь*.

Русск. *сўкоротка*, *сўкороть* (Даль) 'обвой одной нити или пряди вокруг другой'.

Н.-луж. *sukotak* (Мука) 'ленивый, медлительный человек'.

Чешск. *soukojenec* (Тр.) 'грудной младенец, которого одновременно с другим младенцем кормит одна женщина, молочный брат (сестра)'. Ср. словен. *sodojēpec* 'молочный брат'. *Kojenec* (Тр.) 'грудной ребенок'.

Русск. *сукѡрки* (Олонецк. сл.) 'полоски теста, отрезанные с краев пирога, с целью выровнять края', т. е. то, что остается сверх корки.

Русск. *сукѡтая*, *сукѡтная* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Бурн., Опыт, Даль) 'беременная (о кошке)'. Ср. *сукошна*.

Русск. *сукошна* (Бал.) то же, что *сукѡтая* (см.)

1/2
франк
сѣб
неи
сѣб

Серб. *сукраљивац* (Бак.) 'соучастник в краже'; болг. *сѣкрадец* (Млад.) 'укрыватель краденого'.

Русск. *сукрасень* (Ломоносов. Грамматика, § 251). Прилагательное в функции наречия в значении 'с красноватым отливом, оттенком'. *Сукраснь* (Доп., Даль) 'краснота, с красноватым оттенком'.

Русск. *сукрашенный* (Донск. сл.) 'приукрашенный, с прикрасами'. Ср. укр. *сукрасити* (Гр.) 'разукрасить, украсить'.

Русск. *сукрест* (Олонецк. сл.) 'крест на крест', т. е. двойной крест.

Серб. *сукрив* (Лавр.) 'соучастный в преступлении', серб. *sukrivac* (М., Југ.), (Бак.) 'соучастник какого-либо преступления'.

Русск. *сукровица* (Гелтергоф, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.); белор. *сукравіца* (р.-бр.); укр. *сукровиця, сукроватиця, сукервиця* (Гр.); болг. *сукрѣвица* (Млад., Гер., Пон.), *сукарвица* (Каб.), *сукѣрвица* (Бтр); серб. *сукрвица* (Кар., Бак.); словен. *sokroica* (Пл.); чешск. обл. *sukroica* (Варт., Мал.); польск. *sukroica* (Линде) 'сукровица', т. е. жидкость с примесью крови, жидкость, похожая на кровь, то же, что русск. обл. *пасока*, белор. обл. *мусока*. Ср. значение укр. *сукроватий* (Гр.) в следующем контексте (из Шевченко): «і вицідять сукровату і наллють живої козацької... крови чистої, святої».

Серб. *сукровник* (Кар.) 'соучастник в убийстве'.

Русск. *сукрой* (Даль, «Сборник Кирши Данилова») 'ломоть хлеба во всю ковригу'. «...отрезал хлеба великой *сукрой*, а и солью насолил его в Волгу опустил, а спасибо тебе матушка Волга река...» («Садко богатой гостю»).

Русск. *сукром* (Доп., Даль, Опыт) 'засек, заком'; *сукром* (Доп., Даль, Пешн. сл.), *сукром* (Опыт), *сукромы* (Яросл. сл.), *сукромь* (Олонецк. сл.) 'сруб' (вчерне сделанный). *Кром* старинное 'кремль', 'огороженное место'. «В Пскове был и *кром*, а внутри его кремль, за *кромом* же было застенье, слобода» (Даль, т. II, стр. 200). Ср. *сусек*.

Чешск. *soukromý* (Гр.), *súkromie* (š.) 'частный'; словц. *súkromne* (словц.-р., Мич.) 'частным образом'. Ср. русск. *укромный*. См. *крома* в словаре Преображенского.

Русск. *сукротивный* (Эрдманн), см. *супротивный*.

Русск. *сукротный* (Яросл. сл.) 'тихий, кроткий (о лошади)'.

Русск. *сукрупь* (Череп. сл.) 'овсяная крупа'.

Русск. *сукрутина* (Даль, Бурн., Кашинск. сл.); укр. *сукрутки* (Гр.) 'ссучившиеся нитки, неровность в пряже'.

Белор. *сукруха* (Нос.) 'сердечное сокрушение'.

Чешск. *soukrip* (Гр.) 1) 'тот, кто покупает с кем-нибудь вместе'; 2) 'соучастник в краже'.

Укр. *сукупний* (Гр.) 'совокупный, совместный, нераздельный, общий, цельный'. «*Сукупние* городи». «Наша земля *сукупна* з поповою». «У мене *сукупні* гроші — тільки й е 25 бумажка» (по Гр.)

Др.-серб. *соукръвьникъ* (Дан.) 'единокровный родственник'.

Чешск. *soulad* (Гр.); словц. *súlad* (словц.-р.) 'согласие, гармония'.

Русск. *сулага* (Бурн.), *сулага* (Даль) 'доска для прижимания тех досок, которые наклеиваются', т. е. та доска, которая кладется сверху; деревянные столярные тиски, гнет. Фасмер (VEW) выделяет здесь корень *лаг* (ложить).

Русск. *суладу* (Даль) 'с общего согласия'.

Белор. *сулдыга* (Нос.) 'кость ноги от колена до пятки'.

Русск. *суленковый* (Даль) 'из смеси льна с пенькой (о пряже, холсте)'.

Русск. *сулея* (Сл. 1847 г., Даль, Уш.) 'плоская склянка, бутылъ с горлышком'. Из **sq*-(су-) и **lĕja* (от *лить*) — по Фасмеру (Горьев и Преображенский объясняют иначе). Слово не вполне ясное по составу и значению. Востоков сопоставляет *сулея* со *сливать*.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣличь* (Микл., Вост., Срезн.), *ссуличь* (Микл. Срезн.) 'пред лицом кого-, чего-нибудь, по направлению к...' 'Иже зрѣть *соуличь* поустыня' (Чис. XXI. 20. Биб. 1499 г.; Срезн.).

Серб. *сулитња* (Кар.) каже се лијену човјеку. Ср. *сѣкланда*.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣлогъ* (Микл., Вост., Срезн.), *соулогъ*, *соуложъ* (Срезн.) 'супруг, супруга'; серб. *суложник* (Кар.) 'любовник'; чешск. *soulož*, *souloh* (Тр.) 'половая связь'; словц. *súložníctvo* (Мич.) 'конкубинат'. Фасмер (VEW) сопоставляет с греч. *ἄλογος* 'супруга' (**smloghos*).

Русск. *сулой* (Бурн., Сл. 1847 г., Опыт, Гоголь, Островский, Доп., Яросл. сл., Арханг. сл., Герасимов, Грот) 'хлеб, мука, греча, овес и т. п., разведенные молоком или водой для приготовления закваски для варки киселя'; собственно *сулоем* называется образующаяся при этом жидкость, которая сливается для приготовления киселя. *Сулой* по говорам также означает: 1) 'рассол квашеной капусты' (Герасимов), 2) 'сок ягодный' (Доп.), 3) 'сусло пивное' (Доп.), 4) 'подливка', т. е. вода, которая подливается в бочки с соленым маслом, рыбой и пр. (Опыт), 5) 'мутный квас' (Опыт), 6) 'сырой кисель' (Опыт), 7) 'молодой, еще не выбродивший квас' (Арханг. сл.), 8) 'всплески волн при противном течении воды' (Сл. 1847 г.), 'встреча течений между собою' (Грот), 9) (также *солрой, сувой*) 'рассол от грибов, мяса, рыбы' (Олонецк. сл.), 10) 'сусло, репный квас' (Олонецк. сл.).

В современном русском языке *сулой* — морской термин, обозначающий особый тип волнения в море, при котором образуются водовороты, преимущественно в проливах, устьях рек и т. п. местах, где стесняется поток воды, а также на стыке двух течений (см. БСЭ, т. 41, стр. 264). Ср. *суводь*.

Русск. *сѣлока* (Даль) 'остатки посохшей, поломанной поскони, конопли, бурьян, сорная трава, сволокиваемые с поля бороною'. Ср. *суволока*.

Серб. *сѣлуд* (Кар.) 'глуповатый, придурковатый'; ср. *луд* 'глухой, сумасшедший'; *сулудник* (Ел.) 'придурковатый человек'; болг. *сѣлудничавый* (Гер.), *сулѣдничавый* (Млад.) — областное слово вместо общепринятого *налудничав*.

Русск. *сѣлянковый* (Опыт, Даль) — то же, что *суленковый* (см.).

Серб. *сѣмагица* (Бак.) 'небольшой, редкий туман, испарение'.

Болг. *сѣмалечек* (Гер.) 'маловатый, довольно маленький'; ср. *възмáлѣк* в том же значении.

Русск. *суматоха* (Сл. Ак. Р., Даль, Уш., Ож.); белор. *суматоха* 'беспорядочная, беспокойная беготня, метание'. Русск. *суматошиться* (Яросл. сл., Опыт) 'торопиться, суетиться'. Ср. *сумятица*²⁰.

Серб. *сѣмахнит* (Кар.) 'глуповатый'; ср. *махнит* 'глупый'.

Серб. *сѣмауна* (Кар.) 'сукотная'; *мачка* 'кошка'.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣмеждѣнникъ* (Вост.), *сѣмеждѣнникъ*, *сѣмеждѣнникъ* (Срезн.); серб. *соумеждѣнникъ* (Дан.) 'сосед, житель сопредельной страны'; „супажитници и *сумежници*“ (Амарт. 1456 г., по Срезн.); др.-русск. *сумежный*: «И егда тое *сумежные* земли межа отъворотитца, то, буде згодитца от холма, то так и записать, а буде отъворотит она меж холмов, то после старые межи учинить холм не на самой меже, но

²⁰ Болг. *суматоха* (БТР) — русизм.

сажень место уступя от межи...» (Посошков, стр. 263); укр. *сўмеж*, *сўміж* (Гр.), *сўміх* (Грунский, Грамматика) 'смежно'; *сумѣжник*, *суміжник* (Гр.) 'сосед по земельным владениям'; *суміжний* 'смежный' (о владениях), например: «Семенове жито зародило надиво. Густе, високе, воно гнуло додолу важкий колос, наче згиналось до Романового, що зараз таки на *суміжному* полі стирчало догори, рідке та мізерне» (Коцюб., стр. 26). Др.-русс. *сумежіе* (Срезн., Дюв., Бак.), *сумѣжье* (Сл. Ак. Р., Опыт, Даль); серб. *сўмежа* (Кар.); чешск. *soumezí* (Мал.) 'пограничное место, межа, граница, рубеж'; чешск. *súmez* (Bart.), 'широкая межа, рубеж'.

Русск. *сўмендач*, *суменда* (Даль, Опыт, Бурн.) 'сосна, лучший мандач, посуше, покрепче'. *Мянда*, *менда*, *мендач* 'болотная сосна'.

Русск. *сўмерки* (Гелтергоф, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Доп., Даль, Смоленск. сл., Уш., Ож.) 'полутьма'. Чаше употребляется в значении вечерний полумрак'. Ср. *сумрак*.

Чешск. *souměřitelný* (Гр.) 'соизмеримый'.

Др.-русс. *сумесный* (Посошков) 'смешанный'; серб. *сўмјеса* (Кар.) 'смесь'. Ср. русск. *сумесок* (Даль, 1, 53) 'выродок, ублюдок'; укр. *сумісний* (Гр.) 'совместный', укр. *суміш* 'смешанно'; серб. *сумеса* (Бак.) 'смесь'. Русск. астрах. *сумѣстно* 'сообща' (РФВ, т. LXIII, № 1, стр. 135).

Русск. *сумѣсок* (Даль, 1, 53) 'животное, родившееся от животных двух разных видов'.

Чешск. *souměř* (Гр.) 'симметрия, соразмерность', *souměrný* (Гр.) 'симметричный, соразмерный', слов. *súmer* (Мич.) 'соразмерность'.

Русск. *сумѣт* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Опыт, Доп., Уральск. сл., Арханг. сл., Грандил., Гоголь, Вятск. сл., Олонецк. сл., Уш.) 'сугроб, глубокий снег по краям дороги'. В вятских говорах также 'стог соломы, обмет'. Белор. *сумет*, *сумець* (Нос.) 'сугроб'. Ср. укр. *замет*.

Укр. *сумір* (Гр.) 'мир, согласие', *сумірний* (Гр.) 'смирный, кроткий'. Чешск. *souminulý* (Гр.) 'минувший', *souminulý čas* (устар.) 'имперфект'.

Укр. *всўміш* (Укр. сл.) 'вперемешку'. «Було тут немало дівчат і хлопців, немало старих бабусь і дідів, усякі люди були. Вони спали *всуміш*» (Фр., по Укр. сл.).

Др.-серб. *сумња* (Дан.), серб. *сўмња*, *сўмља*, *sumnja* (Југ., М.) (Кар.) 'сомнение, подозрение', *сумња* (Ел.) 'страх'; словен. *sъмljа* (Пл.) 'подозрение, сомнение'. Ср. *сумитъся* (Смоленск. сл.) 'печалиться'.

Ст.-сл. *сѣмьнѣникъ*, *сѣмьнѣник* (Микл., Вост.); др.-русс. *соумьнѣник* (Срезн.), русск. *сумлѣнье*, *сумнѣнье* (Поликарпов, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Опыт, Доп., Даль, Кашинск. сл., Грандил.) 'сомнение; колебание'. «Очисти си срце отъ *сѣмьнѣнныи* и проси оу него» (Панд. Ант. XI в., по Срезн.). «Потом проведаль Фрол Скобеев, что Аннушка уехала в Москву, и стал в великом *сумнени*, не ведает, что делать» (Пов. XVII в., стр. 158—159); «Вперед без страха и *сомненья*»²¹ (А. Н. Плещеев. Вперед). Срезневский указывает также значения: 1) 'трепет'; «И бысть яко приоужастень и въ *сумнении* и в радости и въ дерзновѣнны къ богу» (Іак. Бор. Гл. 113, по Срезн.); 2) 'благоговение'; иже ветъ хыи тревы въкоушаху, много имаху *соумьнѣник* (Изб. 1073 г., 52, по Срезн.).

На древнерусское значение этого существительного в известной мере проливает свет значение глагола *сумнѣтисѧ*, *сѣмьнѣтисѧ* 'сомневаться,

²¹ С XVI—XVII вв. *су-* в русском литературном языке обычно уступает место *со-* в таких словах, как *сумненье*, *сосед* (позднее других), и некоторых др.

не доверять' («Не емь вѣры емоу, нъ сжмннимъси», Панд. Ант. XI в., по Срезн.); 'колебаться, не решаться' («Петръ *соумняшешя* оумыти нозѣ», Новг. триод. XIII в., по Срезн.); 'остерегаться' («въ незазорныхъ *соумнишиша*», Изб. 1073 г., по Срезн.); 'бояться' («Жена бо бестоудьна ничсо же не *сумн'итса*», Изб. 1073 г., по Срезн.); 'удивляться' («Вѣдять бо мужскы доброты *сумнитися* и ратници», Жит. Еутх., по Срезн.).

В остальных славянских языках это слово употребляется в значении 'совесть', 'сознание': белор. *сумленне*, *сумнѣне* (Нос.), *сумненя* (Виш.). «А ты всѣгда в корчмѣ живеши и сам шинкарем еси: кормы запродаеши, людские *сумнѣня* опиваеши...» (Виш., стр. 42); укр. *сумління* (Гр., П.); «Хто *сумління* не має, той правди не знає; Хто чисте *сумління* має, той спокійно спать лягає; Бородажк у владики, а *сумління* — як у шибеника» (Укр. посл., 67 bis, 151). Болг. *сѣмнѣние* (Млад.); др.-польск. *sqmnie*, *sumnie* (Линде, Бр., Карл.); польск. *sumienie* (Карл., Дубр.).

Таким образом, су- в этом слове двузначно²². Ср. *соумы*.

Русск. *сумора* (сл. XVIII в.) 1) 'большая глыба льда'; 2) 'человек, который всем мешает'.

Белор. *сумордак* (Нос.) 1) 'удар по лицу; пощечина' 2) 'подымающий кверху нос, упрямец'; 3) 'упрямство'. Ср. *мордасы*, *мордовать*.

Ст.-сл. *сжмракъ*; *сѣумракъ* (Микл., Вост.); др.-русск. *сумракъ*, *суморокъ* (Срезн.), русск. *сѣумрак* (Берында, Поликарпов, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Опыт, Даль, Уш., Ож.); белор. *змрок* (р.-бр.); болг. *сумракъ* (БТР), *сѣмракъ* (Гер., Млад. Ст.); серб. *сумарак*, *сѣумрак*, *sumrak* (Кар., М., Бак); словен. *sqmrak* (Пл.). «*Somrak* je, ko še nekaj manjka, da bi bil pravi mrak», Св. (По Пл.); чешск. *soumrak* (Тр.) 'сумрак'. «*Strážmistr zapálil si dýmku, dal naspat Švejkovi, závodčí přiložil do kamen, a četnická stanice proměnila se v nejpříjemnější místo na zeměkouli v klidný kout, teplé hnízdo za blížícího se zimního soumraku, kdy se drží černá hodinka*» (Наšek, стр. 52).

Русск. *суморошный*, *сумарошный* (Опыт); серб. *сѣумрачан* 'сумрачный'.

Серб. *сѣмузга* (Кар., Бак.) 'время, когда бьет град, идет снег, дождь'; ср. *музга* 'то, что выдается за один прием; удар, капля'.

Русск. *сумятица* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Вятск. сл., Уш., Ож.) 'суматоха, неразбериха'. Ср.: «Они с усилием прочитывали нанизанные столбиками телеграммы — *сумятицу* разноречивых слов» (К. Федин. Первые радости). В Вятском словаре указывается также значение 'мятель, снежная погода'. *Сумятица* (белор., Нос.) — 1) 'суматоха, смятение'; 2) 'мятель'; «Въ гетакую *сумятицу* не выѣзжають добрые людзи» (Нос.). В белорусском языке в первом значении употребляется также слово *сумяння*, которое известно и в украинских говорах, но с другим ударением *сумя́тня* (укр., П.). Укр. *сум'яття* (р.-укр.): «Люди потовпились до Семена, оточили його. Зробилося *сум'яття*. Одні кричали, поривались щось говорити, другі зацитькували: цитьте, най каже!...» (Коцюб., стр. 22). Ср. *сумятель* 'сугроб' (РФВ, т. LXII, № 3—4, стр. 215).

Чешск. *souměřitý* (Тр.) 'подобающий, надлежащий'.

Серб. *сународник* (Бак.) 'соотечественник; соплеменник'. Ср. *соуродьникъ*, *суплеменик*.

Серб. *сунаследник* (Бак.) 'сонаследник'. Ср. *субаштиник*.

²² См. также А. А. Потембня. Из записок по русской грамматике, IV. М.—Л., 1941, стр. 272.

Русск. *суно́жка* (Опыт, Даль, Смоленск. сл.) 'ножка стула, стола'. Ср. белор. *суножка* (Нос.) 'перекладина между ножками стола или стула'; «Ногами не упирайся обь *суножку*, переломишь» (Нос.).

Русск. *сунозая* (Даль) — о доске: 'задористая, щепенистая, свилеватая' (Даль).

Болг. *суночь* (Гер., Доп.) 'целая ночь'.

Др.-чешск. *souosí* (Тр.) 'система осей, оси одного экипажа (?)'. Ср. *soukoli*.

Др.-чешск. и чешск. *souostrovi* (Тр.) (р.-ч.); слвц. *sustrovie* (слвц.-р.) 'архипелаг'.

Др.-серб. *суоучнице* (Дан.) — в выражении 'на *суоучнице*' 'с глазу на глаз', ср. современное *суочаванье*, *суочидба*, *суоченье* 'очная ставка'. Ср. *сѣпърь*, *супротивник* и др.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣпажитъникъ*, *суѣпажитъникъ* (Микл., Вост., Срезн.) 'имеющий с кем-либо смежное или общее пастбище'. В этом слове интересна сложная приставка *супа-*, причем здесь, вероятно, *пажитъникъ* (вторичное от *пажить*) не воспринималось уже как сложение, когда образовывалось *су+пажитъникъ* (т. е. не было *су+па+житъникъ*).

Белор. *супаньщина* (Нос.) 'крестьянское общество из крепостных двух помещиков, имеющих смежные владения'. Например: «У нас тут все *супанщина*» (Нос.).

Русск. *супарень* (Доп., Опыт, Даль, Вятск. сл.) 1) 'женщина, манерами похожая на мужчину'; 2) 'гермафродит'.

Русск. *супарыш*, *супарышка* (Опыт, Даль) 'орех-двойчатка'. Ср. *супурьжка* (Смоленск. сл.).

Серб. *супатња* (Лавр.) 'сострадание'; ср. *патња* 'мучение'.

Белор. *супередки* (Нос.) 'запуски, перегонки'. «Прясыць вь *супередки*», «бежим вь *супередки*» (Нос.).

Укр. *суперека* (Гр.), *суперечка* (П.) 'спор, несогласие, распря'. «*Суперечек* нема, ну й до діла далеко». «Нехай буде гречка, аби не *суперечка!*» (Укр. посл., стр. 222—245). Ср. новое укр. *класові суперечності*. Ср. *всупереч* (Укр. сл.) 'вопреки, против, противно чему'.

Ст.-сл. *сѣпърь* *суѣпърь* (Микл., Срезн.); др.-русск. *соупърьникъ* (Срезн.); русск. *суперник* (Поликарпов, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Донск. сл.); болг. *сѣперник* (Млад.); др.-серб. *суѣпърьникъ* (Дан.), *сѣрб. супарник* (Кар., Бак.); словен. *sôprnik* (сл., Пл.); словен. *zôper*, *zopernik* (Хвостн.); чешск. *soupeř* (Тр.); слвц. *súper* (слвц.-р.); др.-польск. *sapierz*, *sampierz* (Линде, Карл.) 'соперник', т. е. *сѣпърь* *сѣпърьникъ* и др. — это тот, кто вступил с кем-либо в препирательства, тяжбу, спор, борьбу, соединенный с кем-либо такими отношениями; *сѣ-* здесь имеет значение соединения, обычно двух сторон, двух человек, с оттенком противопоставления. Ср. *супротив*, *супротивник*. Ср. греч. ἀντίδικος.

Русск. *супесь*, *супесок* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Бурн., Даль, Смоленск. сл; Грандил.); белор. *супесак* (р.-бр.); укр. *супісок* (Гр.) 'земля с большим количеством песка'. Ср. *сулинок*.

Чешск. *soupis* (Тр., р.-ч.); слвц. *súpis* (слвц.-р.) 'опись, список'.

Укр. *суплаття* (П., Гр.) 'одежда, белье, домашняя рухлядь'.

Др.-русск. *суплетъка* (Срезн., Дюв., Кочин) 'спор, тяжба'. «А кому съ кимь *суплетка* есть о торговли, или о судѣ, или о поруцѣ... тому исправа давати» (из грамоты, Срезн.).

Серб. *суплеменик* (Бак.) 'соплеменник'; ср. *súkmenovec*.

Н.-луж. *suplöse* (Мука) 'изгородь'; н.-луж., в.-луж. *suptot* (Мука, К.) 'плетень, забор'.

Русск. *сүплошный* (Доп., Даль) 'сплошной'; *сүплошь*, *сүполошь*, (Доп., Даль) 'сплошь, беспрестанно', «Онъ *суполошь* бранится» (Даль); *сүплоть* 'вплотную'; укр. *сүплаш* (Гр.) 'пластами, сплошь'.

Серб. *сүпојник* (Кар., Бак.) 'тот, вместе с кем пасут и поят скот'.

Белор. *супокой* (Нос.), укр. *супокий* (Гр.) 'покой, спокойствие'. «Не сам же я плачу, плачуть чорні очі, нема *супокою* а ні вдень, ні вночі» (по Гр.).

Белор. *супокон* (Нос.) 'спокоен, искокон'.

Белор. *супокора* (Нос.) 'покорность'.

Русск. *сүполки* (Опыт, Даль, Бурн.) 'шелуха семян, лузга, мякина'.

Белор. *суполный* (Нос.) 'полный', 'довольно полный'.

Белор. *сүпол* (Нос.) 'пополам, в смеси'. «Хлѣбъ *суполь* съ с мякиною» (Нос.).

Русск. *супольный* (Опыт), *сүпольный* (Даль) 'смежный полями'. *Суполица*, *суполье* (Даль) 'смежные поля'. Ср. в польском названии *Sapolo* и *Serpolo* (Бр.) букв. 'на соприкасающихся полях'.

Русск. *супонь* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Арханг. сл., Бурн., Яросл. сл., Донск. сл. Грандил., Уш., Ож.); укр. *супоня* (П., Гр.); белор. *супоня* (р.-бр.) 'тонкий, крепкий ремень для стягивания (соединения) клешней хомута при запряжке лошади'. Корень *пон* (ср. *пнуть*, *пинать*, *попона*, *опона*, *запонка*, *препона* и др.).

Др.-русск. *супоръ* (Срезн.); русск. *супор* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г. — в обоих словарях с пометкой 'старинное', Опыт, Даль) 'спор, препирание'. «Тогда издвоишася люди: кто добрыхъ, тотъ по святой Софьи и по правой вѣрѣ; и створиша *супоръ*, вятшии велятся яти меньшимъ по числу» (1 Новг. лет., 82, л. 137 об.). *Сүпорный* (Даль) 'строптивый, противный, упорный', например «*сүпорная* вода». Укр. *сүпор* (Гр.); белор. *супор* (Нос.) 'сопротивление, вражда'; укр. *супорник* (Гр.) 'противник, соперник'; белор. *супорник*, *супорат* (Нос.) 'упрямец'; чешск. *súporný* (Bart.) 'упорный, неуживчивый'. Корень *пор* (*упор*, *упираться*, *переть* и др.).

Укр. *супора* (Гр.) 'подпорка'. Ср. *супоръ*.

Русск. *сүпоросая*, *сүпоросная* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Бурн., Вятск. сл., Смоленск. сл., Даль), *сүпороса* (Бал.); укр. *супоросая* (П.); серб. *супрасна* (Лавр.); чешск. *suprasí* (Гр.); словин. *sóprāsā* (Л.) н.-луж. *suprosna* (Мука); луж. в.-луж. *suprosna* (Pf.; К.) 'беременная (о свинье)'. В лужицких языках также и о собаке, о змеях (Pf.). Ср. *сужерѣбая*, *сукотная*, *сугная* и др.

Русск. *супороток* (Берында); укр. *супорток* (сл. XVII в.) 'праща', вероятно, небольшого размера. Корень *порт*.

Серб. *супоседник* (Бак.) 'совладелец'.

Белор. *сүпосконница* (Нос.) 'льняной холст пополам (с большой примесью) с посконной ниткой'.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣпостатъ*, *сѣпостатъ* (Микл., Вост., Срезн.) *супостѣт* Алексеев, Кочин. Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль Донск. сл. Уш.)²³; *Възвесели силою своею вѣрнаго князѣ нашего, повѣдасѣ даи кмѣд на сѣпостаты* (Служебная Минейя к. XI в., Каринск. Хр.); белор. *супастѣт* (р.-бр.); др.-серб. *сѣпостатъ* (Дан.) 'противник, враг'; 'дьявол, недруг'. «Исходли къ *сѣпостатомъ* на брань» (Кормчая 1282 г., по

²³ Об этимологии слова см. A. Meillet. Указ. соч., стр. 302. Фасмер возводит к *sp-* и **yo-stat* (VEW). А. Лескин *сѣп-остатъ* 'противник' понимает как 'собственно участник места стояния, *постать* определенное место стояния, ряд' [«Грамматика древнеболгарского (древнецерковнославянского) языка». Казань, 1915, стр. 148].

Ист. хр. Буслаева, стр. 384); «И станемъ на *соупостата* яко добрии воини бдѣнийсмь и постомь и млатвою...» (Псалтирь 1296 г., по Ист. хр. Буслаева, стр. 85); «Защитиль бо есть господь сию блаженую Олгу от противника *супостата* диавола» (1 Новг. лет., Ком. сп., стр. 121); «Законы святы, но исполнители — лихие *супостаты*» (В. Капнист. Ябеда); «Ведь говорят, что у порогу Наш *супостат*» (И. А. Крылов. Ворона и курица). Ср. *супротивник*.

Русск. *сѹпость* (Даль) 'гнев, злоба против кого-либо', ср. *супостат*.
Укр. *супочѹвок* (Гр.) 'отдых, успокоение'.

Словен. *sopraznik* (Хост.) 'церковный праздник'.

Чешск. *souprava* (Тр., р.-ч.) 'комплект, гарнитур, набор'. Ср. болг. *сѹправа* (Млад., Гер.) (?).

Чешск. *soupraktikant* (Тр.) 'тот, кто вместе с кем-либо делает что-либо; сопрактикант'.

Болг. *супрѹшка* (Гер.) 'горячая зола, пепел'; серб. *сѹпрашица* (Кар.) 'горячая зола', 'припарка из горячей золы с водой'.

Белор. *сѹпрежка* (Нос.) 'пристяжка'. «Дай въ *супрежку* свойго коня» (Нос.); белор. *супрежный* (Нос.) 'пристяжной, припряженный', т. е. запряженный вместе с другим животным. Ср. *супруга*.

Серб. *сѹпрет* (Кар.) 'горячие уголья, покрытые золой, жар'; ср. *претанье* 'покрывание пеплом, золой'. Ср. *попрет* (Кар.).

Русск. *сѹпрѣт* (Даль) 'запрет'; *супрѣтный* (Доп., Даль) 'запрещенный, недозволенный'.

Ст.-сл. и др.-русс. *сѹпротивѣкъ*, *сѹпротивѣ* (Микл., Срезн.) 'против, наперекор'; русск. *супротѣ*, *сѹпротѣв* (Даль, Кашинск. сл., Яросл. сл., Вятск. сл., Эрд.); белор. *сѹпроцивъ* (Нос.), *супроць*, например: «*супроць* хаты стаяу дуб», «*супроць* стала»²⁴; укр. *супротив*, *супротѣ* (Гр.) 1) 'напротив'; 2) 'встречу, навстречу'; 3) 'соразмерно, по надобности'. «У нас деньги *супротив* выходят» (Даль, т. е. сколько расходуеться, столько и зарабатывается, концы с концами сходятся); 4) 'сейчас, только что, ныне, теперь'. «Я *супроти* подоила корову, молоко парное» (Даль). *Супротивный* (Даль, Яросл. сл., Вятск. сл., Череп. сл.) 1) 'противоположный, расположенный напротив'; 2) 'свежий'. «Покушай, *супротивные* пироги-то» (Череп. сл.). *Супротивный* (Арханг. сл.) 'троюродный'. «Они брат и сестра *супротивны*, не рѣдны» (Арханг. сл.). *Супротивный* (Кочин) 'соперник'. Ср. в ботанике: *супротивное* расположение листьев.

В старославянских и древнерусских памятниках, а также в фольклоре и в русском литературном языке до XIX в. очень распространенным было слово *сѹпротивѣникѣ*, *сѹпротивѣникѣ* 'враг, протявник'. Например: ... *изволикъ же ксть, кгда изыва рѣчь отъ рѣчи ничесоже боле не неизлѣмѣнѹжште икоже ксть, прѹтивѣникѣ и сѹпротивѣникѣ* (Изб. 1073 г., по Каринск. хр., стр. 137). «Я губил *супротивника*, а не гостя» (А. С. Пушкин. Капитанская дочка).

Супротивник в старославянском и древнерусском языках и в народных говорах также известно в значении 'дьявол, враг'. Например: „Аггелъ бо человекѹ не стваряеть зла, нь благо мыслить ему всегда, паче же крестияномѹ помагаеть от *супротивнаго* врага диавола...» (Новг. 1 лет., стр. 172). Интересно значение слова *супротивник* (*супротивница*) в песне о женитьбе князя Владимира: «Все вы в Киеве переженаны, только я Владимир князь холост жожу... А кто знает мне *супротивницу*?» По этому поводу К. С. Аксаков писал: «Слово замечательное,

²⁴ Т. П. Ломтев. Белорусский язык. М., 1951, стр. 116.

т. е. ту, которая была бы *сопротив* меня, мне равная, как говорится, например: «Он *сопротив* его не будет, т. е. он ему не равен, он ему не пара»; здесь удержан в слове еще особенный оттенок противоположности²⁵.

Ср. серб. *супротива* (Лавр.), *suprotiva* (М.) 'что-либо противное, вызывающее отвращение'; русск. *супротивень* (Яросл. сл.) 'полка в подполье', *супротки* (Опыт) 'посиделки', т. е. когда сидят друг против друга.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣпрѣгъ*, *сѣпрѣгъ* (Микл., Вост., Срезн.); русск. *супруг* (Берында, Поликарпов, Алексеев, Гельтергоф, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.); болг. *съпрѣгъ* (Гер.); серб. *супруг* (Лавр.); словен. *sôprog* (Пл.) 'супруг'. В старославянском, древнерусском, древне-сербском языках — первоначальное значение — 'колесница, запряженная парой; пара волов в одной упряжке'. Это значение сохранилось в некоторых восточнославянских говорах (Даль, Гринченко). В украинских говорах (Гр.) встречается также значение 'три или четыре пары волов', т. е. столько, сколько нужно для плуга. В значении 'пара волов' употребляется и слово *супруга*. В сербском языке *супруга* имеет также значение 'палка, дубина'; в словенском языке *sôprog* также 'тот, кто запрягает своего вола (лошадь) с волом (лошадью) своего соседа в одну упряжку'. Ср. *сѣпрѣгъ* волокънѣихъ коупиухъ пать (Мар., Остр. ев., по Срезн.); «Овъ рече: *супругъ* воловъ хоцю искусити» (Кир. Тур., по Срезн.); «Приспѣвъ оубо на *соупроузѣхъ*» (Мин. чет., по Срезн.). В «Житии Бориса и Глеба» *супругъ* употребляется в переносном значении 'собрат, союзник': «Моученика свѣтати и *соупруга*, благороднаго брата» (Стихир. Новг. д. 1163 г., по Срезн.). Срезневский выделяет также значение 'сопутник': «Свѣтъ просилъ правдивоумоу и *сѣпрѣгъ* сего веселик» *σὺζυγος*; Гр. наз. XI в., по Срезн.). В старославянском языке, помимо сохранившегося во всех славянских языках значения 'один из супругов', имело место значение 'супружеская пара, чета, муж и жена'. Например: «Възложи на добрыи *соупругъ* блѣгословіа вѣнца» (Мин. чет., по Срезн.). Ср. ст.-сл. и др.-р. *сѣпрѣжнѣикъ*, *сѣпрѣжнѣикъ* (Срезн.) 'союзник'; *супружьный* 1) 'вместе запряженный, супружный вол'; 2) 'состоящий в браке'; ст.-сл. и др.-р. *сѣпрѣжъство* 'спряжение', грамматический термин. Ср. *супряга*. Болг. *супруг* — русизм (см. БЕ, 1958, № 4—5, стр. 311).

Русск. *супрун* (Даль, Фасмер) 'угрюмый человек', а также, вероятно, 'несговорчивый, спорщик'. Из *sq-* и **perti* (VEW). Ср. *сѣпри*, *супря*.

Ст.-сл. и др.-р. *сѣпрѣ*; *сѣпрѣ* (Микл., Вост., Срезн.) 'противодействие'; русск. *супря* (Сл. 1847 г., Даль) 'спор, распря'.

Русск. *супряга* (Уш.); укр. *супряга* (Гр.) — так называется крестьянский обычай совместной обработки земли, при котором объединяется рабочий скот и сельскохозяйственный инвентарь нескольких крестьянских дворов. «Он косил в *супряге* с Аникушкиной женой» (Шолохов, по Уш.).

Русск. *супрядка*, *супредки* (Опыт, Бурн., Даль, Островский, Вятск. сл., Смоленск. сл., Арханг. сл.); белор. *супрядки* (Нос.); серб. *супредак* (Кар.) 'посиделки', обычно в зимний вечер, когда девушки и женщины собираются в одну избу прясть, иногда в помощь хозяйке, которая их при этом угощает.

²⁵ К. С. Аксаков. Полн. собр. соч., I. М., стр. 358. Анализ значений предлога *проти* (и частности *сопротив*) см. А. А. Потебня. Указ. соч., т. IV, стр. 268—269.

Русск. *супёръ* (Даль) 'важный, напыщенный человек'. От *ср-* и **ру* (VEW). Ср. *пёрить* (Даль) 'топорщить; вздымать шерсть, перья'. Ср. чешск. *súporliví* *šovjek*, *súporlivec* (Мал.) 'упрямый, неуживчивый, нетерпимый человек'.

Укр. *супшен* (Гр.) 'растение, похожее на пшеницу' (*triticum spleta*).

Ст.-сл. *схпжтъница* (Микл.); чешск. *souputník* (Гр.) 'соучастник, сотоварищ'.

Чешск. *souřadný* (Ч. техн. сл., р.-ч.) 'упорядоченный, координированный'. Ср. чешск. *souřadnice* (Ч. техн. сл., р.-ч.) 'координаты'.

Русск. *сурáдок* (Арханг. сл.) 'небольшая рада, поросшая не только сосной, но и лиственным лесом', т. е. поросшая смешанным лесом. *Рада* (там же) 'мшистая, окруженная борами и поросшая мелким сосняком местность'.

Русск. *Суражий* (Даль) 'пригожий'. Ср. *несуразный*.

Русск. *сурамень* (лесоводческий термин) 'еловый (обычно с примесью сосны, осины, березы и др. пород) лес на супесчаных или глинисто-песчаных почвах' (по БСЭ, т. 41, стр. 302). Ср. *рамень* 'хороший еловый лес' (обычно таежный).

Чешск. *souředitel* (Гр.) 'соуправляющий, содиректор'.

Русск. *сурéпица*, *сурéпка* (Сл. 1847 г., Даль, Донск. сл., Уш., Ож.); укр. *суріпица* (Гр.), *суріпок* (р.-укр.); болг. *сурѣпица* (Гер.) — растения из семейства крестоцветных с корнями в виде корнеплодов, к этому же семейству относятся репа, редька, брюква и нек. др. овощи. *Су-* здесь имеет значение 'вроде, похожий', таким образом *сурепка* (*сурепица*) — 'растение, похожее на репу'. Ср.: «Ели молочай, благородный щавель, и какие-то просвирки, дудки дикого тмина, и, в особенности, похожие на редьку (разрядка моя. — Р.Ц.) корни свербиги, или свергибуса, или, вернее, *сурепицы*» (А. Куприн. Юнкера, гл. II).

Русск. *сýрeтoк* (Опыт, Даль) 'тесный, узкий пролив, проток'. Даль сопоставляет с *речка*, что сомнительно. Другие исследователи видят здесь корень *рѣт* (ср. *встреча*, *сретье* и др.), что более вероятно.

Русск. *сýржанка*, *сýржанок*, *сýржик*, *сýржа* (Опыт, Даль, Бурн., Уш.); др.-русск. *сурожыкъ* (Дюв.); белор. *суржанка*, (р.-бр.); укр. *суржик* (П., Гр.); болг. *сурѣжица* (БТР); серб. *сýражица*, *суѣржица* (Кар., Лавр.), *súražica* (Југ.); словен. *sòržica* (Пл.); чешск. *souržice*, *souřež* (VEW, Kott); др.-польск. *sażyca*, *sążyca* (Линде, Карл.) 1) 'смешанный посев на одном поле озимой пшеницы с озимой рожью, или всходы прошлогоднего посева, которые поднимаются ко времени посева нового хлеба'; 2) 'нечистая по породе пшеница, имеющая признаки смешения с рожью, перерод'.

Ст.-сл. и др.-русск. *съродьникъ*, *съродьникъ* (Микл., Вост., Срезн.); др.-серб. *съродьникъ* 'родственник; единомышленник', т. е. человек одного рода (или племени) с кем-либо. Ср. русск. *сурóдный* (Сл. 1847 г., Даль) 'единоплеменный' (церковный термин); *сýроди* (Доп.) 'сродни'; серб. *сýродица* 'дальний родственник', ср. *сузетица*; чешск. *surodý* (Гр.) 'соплеменный', *sourodak* (Гр.) 'соотечественник, соплеменник'.

Русск. *сýродка* (Доп., Даль) 'открытое болотистое место в лесу, покрытое белым мхом, поросшее морошкой'.

Чешск. *sourozenec* (Гр.) 'единоутробный ребенок'.

Русск. *сурóк* (смл., Даль) 'злой взгляд'. Из **ср-* и *рокъ* (*рок*, *реку*; VEW).

Русск. *сýром* (Даль, Фасмер) 'шум, крик, содом'. Фасмер сопоставляет с *ромодá* (Даль) 'толпа; шум, возня, толкотня'.

Русск. *сýружка* (Даль) 'крупинка, крошка, зернышко'.

Болг. *сурусый* (Гер.) 'рыжеватый', то же, что *възрус*.

Русск. *сурядный* (Даль, Опыт) 'опрятный, чистоплотный'; *сурядный* (Жив. ст., Череп. сл.) 'хорошо одетый, нарядный'. Ср. др.-русск. *рдѣть*.

Русск. *сусветный* (сл. XVIII в., Опыт, Даль) 1) 'всюду встречающийся'; 2) 'модный, обычный'; белор. *сусвѣтны* (Нос.) 1) 'всесветный, всюду встречающийся'. «*Сусвѣтны* челоувѣк, хто его знаецъ, откуль ёнь» (поговорка, Нос.); 2) 'изо всего света первый'. «*Сусвѣтны* злодѣй», (Нос.). Ср. русск. *несусветный*, белор. *несусветны*, укр. *несусвітений*. т. е. 'небывалый, не встречающийся', а позднее 'взорный, поражающий нелепостью' (Уш.).

Словен. *sóseb* (Пл.) 'отдельно, особо, особняком'.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣсѣдѣ*, *сѣсѣдѣ* (Микл., Вост., Син. пс., Срезн., Дюв., Клочков); русск. *сусѣд* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Опыт, Даль, многие говоры); *сѣсѣдѣ* (Кашинск. словарь); белор. *сусѣд* (р.-бр.); укр. *сусід* (Гр.), *сусід*, *сусіда* (П., р.-укр.); болг. *съседѣ* (Млад.); серб. *сѣсед* (Кар.); словен. *sósed* (Пл.); чешск. *soused* (Тр.); в.-луж. и луж. *susod*, *sused*, *susyd* (К., Пф.); словин. *sôusôd* (Л.); др.-польск. *sąsiad*, *sąsied*, *sąmsiad*, *siósiad* (Линде, Карл.); польск. *sąsied* (Линде, Карл., Дубр.) 'сосед'. «Буди вам вѣдомо: здѣсе мы с нѣмчи в розмирии Свѣею, и вы, наши сусѣдѣ, к нимѣ бы есте не приставалѣ, а по нимѣ не пособлялѣ, а к намѣ бы есте вѣсти слалѣ, а тымѣ бы есте намѣ издружилѣ» (Грамоты, № 50, стр. 88); «...брат брату не съжаляшеться, ни отецъ сынови, ни мати дѣчери, ни *сусѣдѣ* *сусѣду* не уламяше хлѣба» (Новг. 1 лет., стр. 71, л. 114).

А. А. Потехня отметил древнейшее употребление этого существительного в значении прилагательного: «море... акы багрѣнами вльнами играѣ пририцетъ къ земли *соусѣдѣ*» (Экз. Шестодн. 26)²⁶. В древних славянских языках было известно также значение 'бедный, безземельный крестьянин, живущий у кого-либо в качестве полузависимого человека': «Язѣ Окулѣ Кириловѣ сынѣ Деменской извощикѣ съ Путные улицы живу у Игнатѣя у орѣшника въ *сусѣдѣхѣ*» (А. Ю. а. 1568 р. 294, Дюв.). «Пійти у *сусіди*» 'жить в чужом доме, продавши свой, или не имея своего' (укр., П).

В чешском и словацком языках, в отличие от других, *soused* — литературная форма слова и в древнейшие эпохи и в современном употреблении. Например: «Jdou někam ted' v zimě k *sousedovi* si popovidat, a ty máš civil hned» (Hašek, стр. 33); «Sbilihování se *sousedními* jazyky může přispět k jazykové diferenciaci zvláště tam, kde jde o jazykové celky rozsáhlé, jež *sousedí* a různými jazyky» (Karel Horálek, Úvod do studia Slovanských jazyků, стр. 60).

Ст.-сл. *сѣсѣкъ* (Микл., Вост.); др.-русск. *сусѣкъ* (Срезн., Дюв., Кочин); русск. *сусѣк* (Поликарпов, Гельтергоф, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Подвыс., Колымск. сл., Вятск. сл., Гоголь и другие областные словари); белор. *сусѣк* (р.-бр.); укр. *сусік* (Гр.); болг. *съсѣкъ* (Млад.), чешск. *sousek* (Тр.); др.-польск. *sąsieć*, *samsięk* (Линде, Карл.) 'закром, мучница'. Например: «Өедорѣ отъ *сусѣка* пшеницу взимая, и ту своими рукама измилаше, заутра же въ *сусѣкъ* муку отдаваше» (Полик. Посл. Пат. Печ. 10, по Срезн.). П. Берында указывает значение 'цистерна, яма, ров'; в рязанских говорах (Ряз. сл.) известно значение 'большая кадушка для ссыпки зерна, выдолбленная из цельного отрубка дерева'. Ср. *сусѣчница* (Свенц.) 'закром'.

²⁶ А. А. Потехня. Из записок по русской грамматике, III, Харьков, 1889, стр. 45.

Чешск. *sousledný* (Тр., Ч. техн. сл.) 'последовательный, консеквентный'.

Др.-русск. *сусло* (Срезн., значение неясно); русск. *сусло* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Бурн., Опыт, Донск. сл., Уш., Ож.); белор. *сўсла* (р.-бр.) 1) 'густоватая жидкость — отвар злаков (или картофеля), из которого гонится спирт', употребляется в пивоварении и винокурении, 2) 'сладковатый навар на солоде и муке'; 3) 'сок из отжимаемого винограда'. Наиболее распространенным является первое значение. Обычно сопоставляется со словом *солод*. Слово *солодъ* в древнерусском языке имело значение 'хлебное зерно, проросшее и высушенное' (т. е. как раз то зерно, которое употреблялось при пивоварении и винокурении). Например: «Вирьникоу взати з вѣдеръ солодоу на не^алю» (Р. прав. Яр., по Срезн.); «А пѣшеходѣмъ изъ сель къ празднику рожь молоти и хлѣбы печи, солодъ молоть» (Уст. гр. м. Кипр., по Срезн.). Возможно, таким образом, слово *сусло* возводить к *ср-+сло*, т. е. *сусло* — результат отвара солода-зерна²⁷.

Русск. *суслон* (Опыт, Бурн., Даль, Эрд., Грандил., Арханг. сл., Яросл. сл., Вятск. сл., Уш.) 'несколько снопов (от 5 до 14), поставленных в поле для дозревания и просушки вверх колосом и покрытых снопом вниз колосом, так, что разнятая во все стороны солома предохраняет нижние снопы от птиц и дождя'. Фасмер (VEW) указывает два ударения: *сўсло́н* и *сусло́н* и производит от *ср-* и **slonъ* 'слонить' (ср. *заслонить*, *прислонить* и т. д.).

Серб. *сўсьнежица* (Кар.) 'снег вперемежку с дождем'.

Русск. *сўсоць* (Даль) 'всё, что сочится, каплет; сок'.

Др.-чешск. и чешск. *sousoří* (Тр.) 'скульптурная группа'.

Русск. *сўспница* (Даль); укр. *сўспниця* (Гр.) 'хвостец, охоботье' (при веянии хлеба), т. е. отбросы при веянии зерна. Ср. *суполки* [От *ср-* и **сѣра* (VEW)].

Укр. *сўспиль* (Гр.) 1) 'вместе, рядом', 2) 'сплошь'.

Чешск. *soustředěný* (Тр.); луж. *susrjedźny* (Pf. *) 'сосредоточенный, сконцентрированный'.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣставъ* (Микл., Вост., Срезн.); русск. *сустав* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.); белор. *сўста́в* (Нос.), *сўста́ў* (р.-бр.); укр. *сустав* (Гр.) 'сустав, подвижное сочленение'. Чешск. *soustav* (Тр., Ч. техн. сл.) 'система', *soustava souřadnie* 'система координат', *mzdová soustava* 'система оплаты труда'; ср. чешск. *soustavný*, *nesoustavný*.

Др.-чешск. *soustatí* (Тр.) 'svazek států'.

Чешск. *soustrast*, *soustrazen* (Тр.) 'сострадание, соболезнование'; *soustrasný* (Тр.) 'сострадательный, сочувственный, соболезнующий', „Svejk soustrastně kýval hlavou“ (Гашек, стр. 20, то же, стр. 24, 29).

Русск. *сустоек* (Череп. сл.) 'свежие сливки, еще не снятые с молока, отстой'.

Серб. *сустопище* (Лавр.) 'по стопам, по следам'.

Русск. *сустрѣча* (Даль); белор. *сўстрѣча* (Нос.); серб. *сўсрет* (Кар.) 'встреча'. Ср. др.-русск. *сўстрѣкати* (Срезн.), *сўстрѣтити* (Дюв.) 'встретить'. Ср. *-рѣт-* (Преобр.).

Др.-чешск. *soustrojí* (Тр.) 'система машин, механизмов'.

Серб. *сўстрима́к* (Кар.) 'гибрид, помесь'.

Чешск. *soustruh* (Тр.), *sústruch* (š.) 'токарный станок'.

²⁷ Горяев, Преображенский и Фасмер предлагают различные этимологии этого слова.

Др.-русск. *сустугъ* (Срезн., Кочин) 'металлическая нагрудная пряжка, застежка'. Ср. *въстугъ, въстуга* (Срезн.), *растуга, стуга* (VEW). «И рѣша князь: „неволя есть намъ; князь нашъ убиенъ бысть, а княгинѣ наша хоцеть за вашъ князь“; и понесоша я в лодыи. Онѣ же сѣдяще и гордящесе въ великихъ перегбехъ и *сустугахъ*» (Новг. 1 лет., Ком. сп., стр. 111). Русск. *сустѹг* (Даль) 'пряжка' (например, на груди женских мордовских рубах, Даль).

Русск. **сѹсыть, всѹсыть* (Даль) 'столько, чтобы не ощущать голода', т. е. еще не вполне досыта. «Работки *в-сѹ-терпъ*, хлеба *в-сѹ-сыть*, одежды *в-сѹ-грев*» (пословица; Даль, Буслаев²⁸).

Ст.-сл. *сѣсьнѣ* (Микл., Вост.) 'складчина; ссыпание'.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣсь, сѣсь* (Микл., Вост., Срезн.) 'вместе друг с другом, взаимно'.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣсь, сѣсь* (Микл., Вост., Срезн.) 'друг против друга; взаимно, наперерыв'. Ср. *сѣсь*.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣсь, сѣсь* (Срезн.) 'взаимно'.

Ст.-сл. и др.-русск. *сѣсьничный* (Микл., Вост., Срезн.) 'противоположный'.

Серб. *сутал* (Лавр.) 'проба металла'; ср. *тал* 'часть, порция'.

Чешск. *soutěž* (Тр.) 'состязание, соревнование, конкурс'; *soutěžný* (Тр.).

Русск. *сутѣлая, сутѣльная* (Даль, Опыт, Доп.); словин. *součelâ* (Л.); в.-луж. *sučelna* (Pf.), *sučelnica* (К.) 'беременная (о корове)', т. е. с плодом, с телятком во чреве.

Русск. *сутѣменки, сутѣмки, сѹтемя, сѹтемень, сѹтиски, сѹтычки* (Даль, Арханг. сл.) 'полумрак, сумерки'. Ср. *сумерки, сумрак*.

Укр. *сутемний* (Гр.) 'почти черный, темный'; *сутемно* (Гр.) 'темновато'. Ср. укр. *сутемрява* (Гр.) 'темнота, сумрак'.

Русск. *сѹтепель* (Даль) 'легкое тепло, не жара', т. е. только что не холодно, умеренное тепло.

Русск. *сѹтерпъ* (Даль), *сѹтерепъ* (VEW) 'едва терпимо, едва можно вытерпеть, стерпеть, едва сносно'; *сутерпъ* (Доп.) 'терпение'. *Сутѣрка* (Череп. сл.) в выражении: «не в *сутѣрку*» 'не вытерпеть, невтерпѣж'. Ср. также более употребительное *всѹтерпъ* (Даль, I, стр. 276); «мороз не *всутерпъ*» (Даль). Ср. также: «...колиж так по счастью моему случилось, что ты обо мне тревожишься, в *сутерп* ли мне здесь и проч., то скажу тебе, что очень и очень не в *сутерп*» («Сочинения и письма Хемницера», изд. Я. Грота, СПб., 1873, стр. 91, письма от 29/18 февр. 1784 г.).

Чешск. *soutěska* (Тр.) 'ущелье, теснина'; *soutka* (Тр.) — в говорах; серб. *сѹтјеска* (Кар.) (в том же значении).

Серб. *сѹтика* (Кар.) 'случай'.

Русск. *сутѣнок* (Даль) 'обрубок бревна; отрубленный кусок'. Ср. *сутѣнок*. Корень *тин*. Ср. *тяги, тин* 'удар, надрез' (Преобр.).

Русск. *сѹтѣиски, сѹтѣники* (Труды, Опыт, Даль) 'сумерки'; ср. *сутон, сутеменки, сумерки, сумрак*.

Укр. *сѹтѣсок* (Гр.) 'узкая улица, тесный проход'. Ср. *тѣсний*.

Русск. *сѹтѣкѹ, сѹтѣчки, сѹточь, сѹток* — распространено в восточнославянских языках в разных значениях. Корень *тк* восходит к *тѣк* (ср. слова *ткнуть, тыкать, заткнуть, приткнуть, затычка* и т. п.). Первоначальное значение слова 'нечто соприкасающееся, стыкающееся

²⁸ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика. Синтаксис. Изд. 3-е, М., 1869, стр. 175.

концами, краями, оно по-разному конкретизировалось в различных говорах.

Сутки (Опыт, Даль, вост., кал., волог., костр.) 'место под образами в крестьянской избе, передний угол'; ср. в украинских говорах *сўточки* 'угол' (П.). *Сутки* (Даль, костр. и др.) 'печной угол, запечье, место, где у печи смыкаются два столба'. *Сутки* (Труды, Ярослав.) 'шкаф для посуды'. *Сутка* (Яросл.) 'скамейка, на которой дети катаются на маслянице'. *Сутки* (Вятск., сл.) 'очередь помольцев на мельнице' т. е. кто за кем впритык, кто за кем следует. «Чьи у нас *сутки-то* седня?». *Сутки* (Доп. Даль, нвг.) 'сени'. *Сутки* (Даль, астр.-чернояр.) 'сенокосный пай, тягловый участок в лугах'. *Суточки* (Бурн.) 'загоны одного хозяина, сошедшиеся концами один против другого'. *Сўточь* (Даль), *сўтычь* (Даль, стыкать), *всўтычь* (Даль, I, стр. 277) 'встык, упираясь, стыкаясь', «лечь *сўточь*», т. е. соприкасаясь ногами или головами, «доски положены *сўточь*». *Сўтачька* (курск. ²⁹) 'угол, образуемый веками глаза у переносицы'. В нижегородских говорах *сутки* 'сумерки'. *Сўтошная* (Опыт) 'сварливая женщина, во все встречающая' (по объяснению Ф. И. Буслаева 'ко всему *притыкающаяся*, как *прицепляющаяся* происходит от *цепляться*, и *привязчивая* от *вязаться*'³⁰). *Сўтычники* (Даль) 'смежные пашни, поля, загоны' (ср. *суточки* у Бурн.). Укр. *сўтки* (П., Гр.) 'узкий проход, коридор, переулочек'. *Сутюки* (Труды, Влад.) 'устье реки'. В древнерусском языке *сутюкъ*, *сутькъ* (Срезн., Дюв.) 'слияние; место, где сходятся межи, границы'. «...а от холму и от пни по ямам к Иванове земле Васильева сына Плещеева через паточину к старой меже к *суткам* на глиница Дмитрияева села Нового, направо земля и луг и лес княж Юрьев Ивановича села Ершовского, а налево земля митрополича Новинского монастыря Грибановские деревни» (Акты феод., стр. 38, № 18); «А межа и отвод тем землям, которые в сей купчей писаны, от Щербовские межи от Елдова болота речкою Черною на низ в речку в Горенскую, а речкою Горенскою на низ в реку Увоть, в Увотью на низ вокруг Турова лугу направо старую Увотью рекою к *сутюкам*, где сошлись старая Увоть да и новая...» (Акты феод., стр. 143, № 161); «Поперек болотца попошедъ, выкопаны двѣ ямы съ обѣ стороны межи, да изъ болотца прямо въ *сутки* къ Яковлевѣ землѣ Веригина деревни Ившенковы и стенки Ильицины» (Разъезж. 1554 г.; Срезн., Дюв.). В белорусских говорах *сутюка* (Нос.) 'место, где сходятся, стекаются две речки'. «Сънюкосъ подлѣ самой *сутюки*» (Нос.) В украинских говорах *сутки* 'проход'. Ср. чешск. *soutok* (Тр.) 'слияние', в польском названии *Sątok* (Бр.) — в том же значении³¹.

В русском литературном языке и в русских народных говорах (Сл. Ак. Р., Гелтергоф, Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.), а также в белорусском языке (*сўдки*, Нос.; *сўтки*, р.-бр.) и в украинском языке (*сўтки*, Гр.) *сутки* известно в значении 'единица времени, равная 24 часам' (продолжительности дня и ночи). Это значение, как убедительно показы-

²⁹ М. Г. Халанский. Народные говоры Курской губ. СПб., 1904.

³⁰ См. рецензию Ф. И. Буслаева на «Словарь областных речений великорусского наречья». — ИОРЯС, т. I. СПб., 1852, стр. 175. Там же см. анализ слова *сутки* в его значениях. См. также об этом слове: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика. Изд. 2-е, 1863, стр. 152, и статьи Л. А. Булаховского «Деэтимологизация в русском языке» («Труды Ин-та русского языка», т. I. М.—Л., 1949, стр. 174) и «Типы деэтимологизации в русском языке» («Вопросы славянского языкознания», кн. 3. Львов—Харьков, 1953, стр. 8).

³¹ Возможно, *сутюк*, *сутюка* 'слияние' следует сопоставлять не с *тѣк*, а с *тоу* (теку), но значение приставки от этого не меняется.

вает Ф. И. Буслаев, развилось из первоначального значения 'соприкосновение дня и ночи' (ср. выше значения слов *сутеменки*, *сутиски*, *сутычки*, *сумерки*), особенно в данном случае показательное слово *сутычки* и нижегородское *сутки* 'сумерки', т. е. время, когда сходится день с ночью, откуда *сутки* — день и ночь вместе³².

Русск. *сúтолока* (Опыт, Даль, Грандил., Вятск. сл., Уш., Ож.); б.-р. *сúтолока* (Нос.) 'беспорядочное хождение, толкотня, толчея'. В русских говорах известны также значения: 'толчея на воде, т. е. прибой, волнение' (Даль); 'крайне размятые снег и грязь на дороге' (Грандил.); 'сыпной хлеб или мука, сборное, мешаное зерно' (Опыт, Даль); *сúтолоки* 'рубка капусты осенью для одного хозяина с помощью соседских девушек' (Эрд., Доп., Даль). Ср. *толока́* 'уборка хлеба или сена одного хозяина при помощи соседей, родных'³³.

Русск. *сутоломня* (VEW) 'шум, сутолока, потасовка', из *sq-* и **tǔlm-*. Ср. польск. *łut* 'толпа, скопление народа; гряда, куча чего-либо'.

Б.-р. *сúтолочь* (Нос.) 'разный сброд'. «*Сутолочи* много нашло, а людей добрых мало» (Нос.). Ср. *сутолока*, *сутолпище* и др.

Русск. *сúтолпище* (Даль, Грот) 'толкотня, давка; 2) бестолочь'. Ср. *сúтоломня*, *сутолока*.

Серб. *сúтон* (Кар., Лавр.) 'глубокие сумерки'. Ср. *сумрак*, *сутеменки*.

Русск. *сúторма* (Даль) 'суета, беспорядок'; «... во время *сутормы* и первого замешательства» (Болотов, Записки); б.-р. *сúторма* (Нос.) 1) 'стечение народа', 2) 'кутерьма, сумятица'. Фасмер возводит к *sq-* и **torǔta*, *toriti*. Ср. *суторить* 'говорить, нести вздор'; *сутырь* 'спор; беспокойство, беспорядок'. Русск. *суторщина* (Соч. Аввакума) 'вздор, суесловие, болтовня'. Ср. русск. *тормошить* 'теребить, дергать' и переносно 'докучать, надоедать'. Ср. русск. *кутерьма* и *затор*.

Чешск. *soutrpný* (Гр.) 'сострадательный'.

Русск. *сутýга* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Гоголь, Арханг. сл.), *сутýга* (VEW) 'провода, употребляемая для стягивания и придания прочности глиняным сосудам, а также для вязки печей и др. целей'. *Сутужина* (Доп. Даль) 'тетива, проволока'.

Укр. *сутýговатый* (Гр.) 'жесткий'.

Укр. *сутýжный* (Гр.) 'тяжелый, трудный'. «Берись дружно — не будет *сутужно*» (Укр. посл., стр. 69). «Вже й тепер *сутужно*, вже й нині трудно, як з каміння» (Коцюб., стр. 21).

Русск. *сутýгий* (Доп., Даль) 'скуповатый, скупой'.

Серб. *сúтука* (Кар.) 'неудача, несчастье'.

Русск. *сутýлый* (Поликарпов, Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Даль, Уш., Ож.); белор. *сутýлы* (р.-бр.) 'слегка сгорбленный, с немного выгнутой спиной'.

Русск. *сутýнок* (Доп., Даль, Опыт) 1) 'обрубок'; 2) 'бревно, расколотое надвое для плах, две плахи'; 3) 'толстое бревно'; 4) 'бревно между оконными косяками'. *Сутýнок* (Колымск. сл.) 'колос стебля; наставок ремня; звено'. «По *сутункам* изрубил всего». Фасмер (VEW) возводит к *sq-* и **tor-*. Ср. *сутинок*.

Серб. *сúтурица* (Кар.) 'полутурок'. Так сербы зовут христиан, не чисто говорящих по-сербски, перемешивающих сербскую речь с болгаризмами и албанизмами.

³² Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика. Синтаксис, Изд. 3-е, М., 1869, стр. 55.

³³ Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, ч. I. М., 1949, стр. 173.

Русск. *сутяга* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Сл. XVIII в., Доп., Уш., Ож.); укр. *сутяга* (П.) «Був колись чолов'яга а тепер *сутяга*». (Укр. посл., стр. 18); белор. *суцяга* (р.-бр.) — первоначально 'тяжущийся', впоследствии 'любитель судиться'. Ср. др.-русск. *сутага*, *сутяжникъ* (Срезн., Кочин) 'тяжущийся'. В украинских говорах 'ябедник' (П.); укр. *суцяга* (Гр.) — бранное слово.

Укр. *сучасний* (Гр.); чешск. *současný* (Тр.) 'современный'. Укр. *сучасник* (Гр.); чешск. *současník* (Тр.;) Kott 'современник'; др.-чешск. и чешск. *současí* (Тр.) 'современность'. Например: «За чаем Іван зразу... почав розмову про *сучасні* події» (Коцюб., стр. 320); «Лаяв *сучасне* земство, в якому служив... Збирав всю погань *сучасних* відносин...» (Коцюб., стр. 321). См. *souvěky*.

Чешск. *součást* (Тр.) 'составная часть, часть чего-либо, часть слова' и т. п.

Чешск. *součet* (Тр.) 'сумма, итог'.

Чешск. *součin* (Тр.) 'произведение' (математический термин). Чешск. *součinitel* (ср. *spolučinitel*) 'коэффициент'; чешск. *součinnost* (Тр.) 'взаимодействие'. «Bylo jich mnoho, jež vypracovalo ministerstvo vnitra za *součinnosti* ministerstva zemské obrany, kterému podléhalo Četnictvo» (Hašek, стр. 45).

Белор. *сўчэски* (Нос.) 'очески от чесания льна, нитки от остатков пряжи'. Ср. *пачески* в этом значении в русских говорах.

Чешск. *soucit* (Тр.) 'сочувствие'. Ср. серб. *сућун* (Лавр.) 'сочувствие'.

Серб. *сўћеска* (Кар.) 'теснина'. Ср. *сутјеска*.

Белор. *сўцвль* (Нос.) 'целиком, ничего не отдавая'. «Усе *сўцвль* отдавъ» (Нос.); белор. *сўцвльный* (Нос.), укр. *суцільний* (Гр.) 'цельный, непочатый, сплошной, совсем полный'. «*Суцільная* трубка полотна», «*суцвльное* окно вставить», «*суцвльныя* ведры принесла березовику» (Нос.).

Др.-русск. *всуцвль* (Срезн., Срезневский предполагает *суцвль*): (Аристотель строя храм) «внутри стѣнъ *всуцвльы* желѣзные положи, яко правила на вертенехъ» (Соф. вр. 1476 г., по Срезн.).

Словин. *soščićiġā* (Л.) 'беременная (о собаках)'.

Русск. *суютный* (Доп., Даль) 'уютный, мирный, ладный, согласный'. «*Суютная* семья» (Даль).

Ст.-сл. *сжжзъ* (Микл.) 'союз'.

Русск. *суюнная* (Сл. Ак. Р., Сл. 1847 г., Гоголь, Даль, Арханг. сл., Уш., Ож.); серб. *суюнна* (Бак.); укр. *суюнна* (Гр.) 'беременная (об овце)'.

Русск. *суюзно* (Донск. сл.) 'согласно'.

Русск. *суюмистый* (Даль) 'изрытый, с ямами', «*суюмистая* почва» (Даль).

Русск. *суюска* (Бурн.) 'порода диких уток'.

Укр. *суятрик* (Гр.) 'внутренний конус ятера', т. е. вроде ятера, маленький, меньший ятерь.

Мы рассмотрели около 400 слов, образованных с приставкой *-sq-*. Обзор собранного материала позволяет сделать ряд наблюдений как морфологического, так и лексикологического характера, так как приставка *sq-* как словообразовательный элемент обладает рядом характерных, исторически сложившихся особенностей.

Во-первых, общеславянский префикс *sq-* является одним из древнейших именных словообразовательных элементов. *Sq-* соответствует лтш. *suo-*, *si-*, лит. *są-*, *sán-*, др.-лит. *sa-*, *sú-*, др.-прусск. *san-*, *sen-*, греч. *α*, авест. *ham-*, *ha-*, др.-инд. *sam-*, *sa-*, представляющим собою первый элемент именных сложений со значением 'с, вместе'³⁴. Так, например, греч.

³⁴ См. этимологические словари Вальде—Покорного, Траутманна, Фасмера и др.

ἄ-δελφός (ἀδελφός) 'брат', точнее 'соутробный брат', 'свой (чей-то) брат'; греч. ἄ-κοιτις 'супруга', ἄ-κοιτης 'супруг', ἄ-λοχος 'супруга, наложница', последнее можно сопоставить, с одной стороны, с и.-е. *sa-garbhjas*, а с другой — со ст.-сл. *сжиржгъ*, *сжлогъ*. Следует отметить, что, по мнению исследователей, подобные образования как в индоевропейском, так и в древнегреческом были свойственны поэтическому, литературному употреблению, как и большинство типов сложения вообще³⁵.

Особенно близки к славянскому *sq-* соответствующие именные приставки в балтийских языках. Ср., например, с вышеприведенными славянскими словами на *sq-* следующие литовские слова: *sqjama* 'совокупность', *sqjaudis* 'раздражение', *sqjūdis* 'движение, волнение', *sqjunga* 'союз', *sqjungis* 'сцепление', *sqlydis* 'припой', *sqlyga* 'условие', *sqmalas* 'помол, размол', *sqmata* 'смета', *sqmatas* 'супонь', *sqmatumas* 'сметливость', *sambaris* 'складчина'; то, что сложено, ссыпано в одно место', *sambaudis* 'стачка, заговор', *sambriškis* 'сумерки; рассвет', *sambūzdis* 'суматоха, сумятица, кутерьма', *samburgos* 'наледь', *sambūris* 'скопление, сборище, стечение народа; сближение', *samdinys* 'наемник', *sqmyšis* 'замешательство, смущение', *samplovus* 'нанос (водою), наплыв', *sandora* 'согласие, мир', *sangaida* 'созвучие', *sangreb(stos)* 'остатки', *santėris* 'сумерки', *sqvalkos* 'сброд, толпа, чернь', *sažinė* 'совесть' и мн. др.

В латышском языке слов с начальным *suo-*, *sū-* значительно меньше, чем в литовском, но и здесь можно указать такие слова, как *suobara*, *suodara*, *suoraibs*, *subvārdis*, *suovīsta*, *submēklis*, *submazgas*, *suonaris* (Endz.)³⁶.

В задачу настоящей статьи не входит исследование соответствий *sq-* в других индоевропейских языках, но для правильного подхода к природе *sq-* необходимо иметь в виду, что корни этого древнейшего славянского именного префикса следует искать не в праславянском, а в индоевропейском языке.

Во-вторых, приставка *sq-*, с глубокой древности известная каждому славянскому языку (в таких, например, словах как *суд*, *сукровица*, *сумнение*, *сусед*), в настоящее время в большинстве славянских языков (кроме чешского и словацкого) непродуктивна, с ней не образуется новых слов. С течением времени в отдельных языках *sq-* все больше и больше сливается с корнями тех слов, в которые она входит, образуя новые непроеизводные, с точки зрения говорящих, основы. Слияние *sq-* с корнем нельзя отнести в истории славянских языков к какой-нибудь определенной эпохе, время этого слияния различно у конкретных слов и групп слов. Например, следует думать, что *sq-* в праславянском **sqdъ* не выделялось уже в старославянском языке, а возможно и ранее. Позднее перестал ощущаться как морфема префикс *sq-* в таких словах, как *сутки*, *сумятица*, и, напротив, в таких словах, как *сукровица*, *сумрак*, *су-* еще ощущается как приставка в русском языке наших дней.

В-третьих, приставка *sq-* в славянских языках с подвижным ударением обычно несет на себе ударение, что характерно для древнейших приименных префиксов (*o-*, *o-*, *pa-*, *pa-* и др.). Ср. русск. *сүвалка*, *сүболоток*, *сүверток*, *сүводь*, *сүдорога*, *сүжелть*, *сүкровица*, *сүмрак*, укр. *сүголом*, *сүтінь*, *сүгорбок*, *сүбіч*, *сүспиль*, *сүпшен*; болг. *сүголем*, *сүгреб*, *сүгрозен*; серб. *сүбаштиник*, *сүмацна*, *сүлуд*, *сүкрадливац*.

³⁵ Н. Нirt. Indogermanische Grammatik, I. Heidelberg, 1927, стр. 127; А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 300—303; А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 296—300.

³⁶ Ср. также И. Эндзелин. Латышские предлоги, I. Юрьев, 1905, стр. 196—198.

Акцентологические данные сербского и русского языков свидетельствуют о том, что приставка *sq-* была ударной в общеславянскую эпоху, а перемещение ударения в ряде слов с *sq-* на корень является вторичным явлением, обусловленным самыми различными причинами морфолого-акцентологического характера³⁷.

В-четвертых, с слова начальным элементом *sq-* в значительной своей части характеризуются бессуффиксальным образованием (имеем в виду собственно славянские, а не индоевропейские суффиксы). Этой особенностью отличаются прежде всего слова, известные в старославянском языке и в древнейшие периоды образования отдельных славянских языков. Например, *сжгжстѣь, сждѣь, сжзжѣь, сжлжгѣь, сжмржѣь, сжпржгѣь, сжстжвѣь, сжсѣдѣь, сжсѣкѣь, соутоуѣь*, а также различные, часто диалектные, слова новых языков: русск. *суем, сузем, сукрест, сукром, сумет, супор*, белор. *супокон, супол*, укр. *сумир, супшен*, серб. *сукоб, сукрив, сулуд, супрет*, чешск. *soudruh, souzvuik, soukup, soupis*, луж. *suzynk, suzmyst* и т. п. При этом значительное число слов относится к типу *i*-основ. Например, ст.-сл. *сжжитѣь, сжличѣь, сжложѣь, соутоуѣь*, русск. *судорожь, сужельть, сузельнь, сукрасень, сукрупль, супель, суполь, супонь, супость* и др. Многие из них имеют отчетливое собирательное значение: русск. *суборь, субогать, сугодь* и др. К основам на *i*- относится ряд старинных слов, употребляющихся часто в функции неизменяемого прилагательного типа *соутоуѣь, сукрасень* и т. п. Склоняемая форма оканчивалась на *-ѣь*.

В-пятых, применная приставка *sq-* соотносится с глагольной приставкой *sz-* (*so-*) и с предлогом *sz(so)*. Между соотношением *sq-* и *sz-* наблюдаются те же основные морфолого-лексикологические особенности, как и между применной приставкой (*v*)*q-* и соответствующей глагольной приставкой *vz-*. Те же соотношения следует предположить и между предлогом *kz* и приставкой **kz-/kzn*³⁸.

Наблюдается в ряде случаев определенный параллелизм существительных (значительно реже прилагательных) и глаголов с данными приставками. Например: *сжпржгѣь* и *сжпржштѣь*, *сжпльрѣь* и *сжпльрѣкти сѣь*, *сжсѣдѣь* и *сжсѣсти сѣь* 'свернуться (о молоке)³⁹, *соутоуѣь* и *сжгжитѣь*, *суборь* и *сжбрати*, *сувой* и *сжвити*, *сумерки* и *сжмьркноутѣь* и т. п.

Это соотношение связано с генизисом глагольных и применных префиксов, так как *sz-* и *sq-*, *vz-* и (*v*)*q-* (а также и *kz-* и *kr-*) образовались в соответствии с различными фонетическими условиями (конца и середины слова) из первоначально единой звуковой формы наречного значения⁴⁰.

В-шестых, судьба слов с начальным *sq-* имеет свои особенности в каждом отдельно взятом славянском языке. Помимо небольшого числа

³⁷ Ср. J. Kuryłowicz. L'accentuation des langues indo-européennes. Kraków, 1952, стр. 361—371. См. также Л. А. Булаховский. Акцентологический комментарий к чешскому языку, вып. 2 и 3. Киев, 1956, стр. 27—28, 38.

³⁸ К числу таких образований относится, с одной стороны, др.-русск. *кзвередѣь* (Срезн.), с другой — русск. *кзколь* (серб. *куколь*, чешск. *koukol*, польск. *kałoi*, возможно с этими словами следует соотнести и лит. *kankalas* 'маленький колокольчик'); чешск. *kouzelnik*, т. е. «прибегающий к зелью». Во всяком случае славянские слова с начальным *kr-*, большинство которых в этимологических словарях помечены как слова с неясной этимологией (Преобр., VEW), следует рассмотреть относительно возможного наличия в них словообразовательного элемента **kr-* типа **sq-*, *(*v*)*q-*.

³⁹ Пример А. Вайана.

⁴⁰ J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, стр. 233, а также Е. Курилович. О балто-славянском языковом единстве. „Вопросы славянского языкознания“, М., 1958, № 3.

слов, известных всем или большинству славянских языков (*суд, сумрак, супруг, сосед, суперник, сомнение, сукровица, сужеребая, сугласие, суржик* и нек. др.), состав слов данного типа по языкам довольно разнообразен при сравнительно ограниченном круге значений самого *sq*- в пределах одного языка, говора.

В большинстве славянских языков состав слов с начальным *sq*- ограничен в литературных языках и весьма разнообразен по говорам. Так, например, в русском литературном языке состав интересующих нас слов немногочислен. Это слова *суглинок, сугроб, сугубый, суд, судорога, сукровица, суматоха, сумерки, сумрак, супесок, супесь, супонь, супоросая, супруг, сурепица, сурепка, сусло, сутки, сутки, суролюка, сутяга, сугная*; большая часть из них — термины, другие — слова, стилистически ограниченные в своем употреблении. Наоборот, состав слов на *sq*- в русских народных говорах очень разнообразен и довольно многочислен даже в пределах одного говора. Это объясняется не только тем, что в народных говорах часто сохраняются архаизмы, утраченные литературным языком, но и тем, что к XVI—XVII вв. в восточнославянской книжной традиции устанавливается мода (миновавшая народные говоры) заменять, где только возможно *съ-* и *су-* на «высокое» *со-*. Отсюда довольно часто в этот период находим *сопротивно, сопротивник, сопостат, состав* вместо современного *сустав, встречается сосѣдъ* и т. п.⁴¹

Например: «... еже бы наполнити на край предел земли своя воинственным чином, дабы против *сопостат* крепцы были украинныя города» (Авр. Пал., 106—107); «Обличает вас на земли, яко вы правдѣ *сопротивници*» (Виш., 94); «Мы же, правовернии, тако исповедуем... в членах, еже есть в *составех*, Христос, бог наш, в зачатии совершен обретеса... и родися младенец, а не совершен муж, яко 30 лет» (Соч. Авв., стр. 211) и многие др. В результате установилось, что *сусед, сумненье* и др. — слова областные, нелитературные, а слова *сосед, сомнение* и др. — «правильные», литературные⁴², в итоге число слов с *су-* в русском литературном языке с этого времени резко уменьшилось, а новые слова с *су-* не образуются: это мертвый префикс.

Несколько больше слов с начальным *су-* в украинском литературном языке (при большом разнообразии их состава в говорах). Это слова *суміжний, сумісник, сум'яття, супісок, супряга, суржок, сукроватиця, сусід, суспільство, сучасний, суцвіття* и некоторые др. Значение соучастия, совместности в современном украинском языке выражается главным образом предлогом *спів-* (*співавтор, співбесідник, співзвучний, співумісник, співучасник, співчутливий, співжиття, спієробитник* и др.⁴³

⁴¹ Правда, возможно было и одновременное употребление в одной и той же функции всех трех конкурировавших между собой приставок. Например: «Яко же апостоли Христу *сраспинаеми, и ссумежывляеми, и совоскрещаеми* будут, тако и вам подобает усердно последствовать великому чудотворцу Кирилу, и предание его крепко держати...» («Послания Ивана Грозного» под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951, стр. 167).

⁴² В русском языкознании даже установилась точка зрения, по которой *су-* считалось испорченным *со-*. Впервые их природу определил А. Х. Востоков: «*Су* и *со* (или *съ*) два разные предлога, не происходящие друг от друга, хотя их и смешивают иногда неправильно. Они имеют различное значение» (цит. по кн.: А. А. Кочубинский. Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Начальные годы русского славяноведения. Приложение III. Одесса, 1887—1888, стр. CVI).

⁴³ Примеры взяты главным образом из кн.: В. С. Ильин. Префиксы в современной украинской мове. Київ, 1953, стр. 16—17.

Похожая картина наблюдается в белорусском языке. Значительно меньше слов с **sq-* в болгарском и словенском языках, хотя они и встречаются в говорах этих языков. В болгарском литературном языке этих слов немного: *суграшица*, *сугреб*, *сукървица*, *сумрак*, *суръжица*; в говорах встречается еще несколько слов с этой приставкой, обычно это прилагательные типа *сумалечек*, *сугрозен*, в которых *су-* имеет то же значение, что и общеславянская приставка *въз-* в словах *възблед*, *въздебел*, *възкисел*, *възрус*, *възслаб* и др. Обычной же приставкой существительных в функции общеславянской *sq-*, русской *со-*, украинской *спів-* является префикс *съ-*: *съборянин*, *съветник*, *съвременник*, *съгражданин*, *създател*, *съименник*, *съкварталац*, *съмишленик*, *сънародник*, *сънаследник*, *съперник* и т. п., который нельзя непосредственно возводить к **sq-*, хотя фонетически ст.-сл. *сѣ-* в болгарском соответствует *съ-*. То же можно сказать и относительно словенского *so-* в *sobrat*, *sočasen*, *sogornik*, *sonarodniak* и многих др.

В сербохорватском языке приставка *су-* довольно употребительна в словах со значением человека, испытывающего какое-либо состояние, производящего какое-либо действие и т. п. совместно с другим лицом, или так же, как и другое лицо. Например: *сувласник*, *сувреник*, *сукрвник*, *суплеменик*, *супоседник*, *сучлан* и т. п. В этом значении с *су-* довольно часто образуются и новые слова, но в других значениях *су-*, как правило, не знает новообразований. Количество слов в целом с данным префиксом в сербохорватском языке невелико.

В польском литературном языке (современном и древнем) и в польских народных говорах это единичные слова: *sqd*, *sqmnienie*, *sqsiek*, *sqpierz*, *sqsiad*, *sqzyca*. Почти тот же состав слов с *sq-*, что и в польском, наблюдается в серболужицких и кашубском языках.

В серболужицких языках в функции совместности употребляется обычно приставка *sobu-*. Например: *sobučice*, *sobučerpenje*, *sobudar*, *sobuhtosnik*, *sobuwinnik* и т. п. Известна также приставка *spolu-*. Например, *spolučěšnik* 'молочный брат' (ср. ту же приставку в чешском).

Во всех перечисленных языках с префиксом *sq-* почти не образуются новых слов. Многочисленные новообразования с *sq-* знают только современные чешский и словацкий языки, в которых, главным образом вследствие характерной для них тенденции избегать иностранных слов, наблюдается довольно большое количество новых и переосмысленных старых слов с приставочным *spu-*, преимущественно терминов. Например: *součet*, *součin*, *součinitel*, *souhláska*, *souhra*, *souhvězdí*, *souzvuk*, *souměřitelný*, *soustava*, *soustředeni*, *souradnost*, *souvztáznost*, *soupraktikant*, *souprava*, *souputnik* и др.⁴⁴

В значении совместности, соучастия приставка *sou-* употребляется наравне с приставкой *spolu-* (ср. укр. *снів-*): *soubesednik*, *soubojovník*, *součit*, *součast*, *soudruh*, *souhlas*, *snis*, *soutok* *sutrpitel*, *souzvuk*, *soužití* и др.⁴⁵ Ср. *spoluautor*, *spolubojovník*, *spolubratr*, *spolučlen*, *spoludělník*, *spolupachatel*, *spolupracovník* и др. (Тр).

Таким образом, приставка *sq-* в ряде языков частично вытеснена продуктивными приставками: русск. *со-*, *с-*, укр. *спів-*, болг. *съ-*, словен. *so-*, чешск. *spolu-*, луж. *sobu-* и т. п.

Таковы основные особенности *sq-* как словообразовательного элемента.

⁴⁴ См. указанный словарь Травнича и «*Rusko-český technický Slovník*».

⁴⁵ Фр. Травничек. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950, стр. 252 и 256.

Семантический анализ слов с префиксальным *sq-* показывает, что данная приставка в большинстве случаев вносит в слово определенный оттенок значения. При этом в ряде случаев (когда параллельно употребляются соответствующие непрефиксальные слова) значение приставки ощущается более или менее отчетливо и самими говорящими. Ср. хотя бы такие слова, как русск. *корки* и *сукорки*, *мрак* и *сумрак*, *дрожь* и *судорожь*, *зелень* и *сузелень*, *мендач* и *сумендач*, серб. *луд* и *сулуд*, *маглица* и *сумаглица*, *мећа* и *сумећа*, *наследник* и *сунаследник*, *владалац* и *сувлладац*, чешск. *boj* и *souboj*, *hvězda* и *souhvězdí*, *kojenes* и *soukojenes*, н.-луж. *bagna* и *subagna* и т. п.

Наряду с вышеприведенными словами и им подобными существуют в каждом отдельном славянском языке такие именные сложения с начальным *sq-*, в которых префикс говорящими не выделяется и слово, с точки зрения современного употребления, имеет непроеизводную основу⁴⁶. Это происходит обычно в тех случаях, когда отсутствует соответствующее слово без *sq-* (с близким значением корня). *Sq-* в этих словах обычно ударное⁴⁷, и слово, как правило, не имеет суффикса. К таким словам принадлежат, например, общеславянские *суд* и *супруг*, русск. *суроб*, *сумет*, *сутки*, *судорога*, *сусло*.

Выделить приставку в подобных словах и определить ее значение можно, только сопоставляя данные по всем славянским языкам в совокупности, как в хронологическом, так и в территориальном отношении, так как в каждом отдельно взятом языке или исторически ограниченном периоде таких слов немного. Особенно ценный материал для решения поставленной задачи дает диалектная лексика.

Древнейшим значением *sq-*, которое можно выделить на основании изученного материала, является значение присоединительное, т. е. то основное значение, которое имеет соответствующий глагольный префикс и предлог *съ* во всех славянских языках. Это значение уходит своими корнями в индоевропейскую эпоху (см. выше. стр. 236). Именно из этого значения присоединения, соединения кого(чего)-либо с кем(чем)-либо и развились все остальные значения (или оттенки значений⁴⁸) приименного *sq-* в различные исторические эпохи существования славянских языков.

Перечислим значения слов с префиксальным *sq-*.

1) Значение человека (или животного), производящего или испытывающего какие-либо действия, совершающего какие-либо поступки одновременно или с равной долей участия, обладания, как и другое такое же лицо (животное). Например, ст.-сл. *сѣпажитъникъ* 'имеющий с кем-либо смежное или общее пастбище', серб. *сувлладац* 'человек, который владеет чем-либо в такой же мере, на тех же условиях, что и другой человек, один из двух владельцев, один из нескольких владельцев'.

⁴⁶ В таких случаях возможно и изменение слова, ставшего непонятным по своему составу; так, например, в некоторых русских говорах из *суполока* получилось *смуполока* (VEW).

⁴⁷ В данном случае действует общая языковая закономерность — ударение на приставке объединяет все значимые элементы слова в единое целое, а значение отдельных элементов обычно перестает отчетливо ощущаться. Ср. в этом отношении слова *супесь* и *суслинок*, *сържа* и *сурѣпка*, *сумерки* и *суслон*; внутренняя форма довольно отчетливо выступает в словах с ударением на корне и затемнена в словах с ударной приставкой.

⁴⁸ В ряде случаев следовало бы говорить не о значениях, а о семантических оттенках, вносимых данным префиксом в ту или иную группу слов, но так как в лексикологии (и лексикографии) эти понятия еще недостаточно четко разграничиваются и в понимании их нет единения мнения, то мы здесь условно называем все семантические модификации *sq-* значениями, хотя многие из них представляются нам оттенками основного значения присоединения.

То же значение *sq-* можно отметить в ст.-сл. *сѣжити*, *сѣложь*, серб. *субаштиник*, *субезник*, чешск. *soukojenec*, *soubesedník* и многих др. Данное значение, одно из древнейших в славянских языках, является одновременно и одним из самых распространенных и весьма разнообразным по составу слов (особенно в сербохорватском, чешском и словацком языках). Следует также отметить, что в новых славянских языках оттенок объединения двух действующих лиц (существ) постепенно отходит на второй план, значение слова становится более общим, подразумевается совместное, объединенное действие, участие одного лица (реже животного) с одним или многими ему подобными.

2) С первым значением связано и значение удвоения, усиления обычно не в результате объединения, соединения двух отдельных элементов, а в результате удвоения одного и того же элемента. Это значение имеет общеславянское, искусственное по своему происхождению прилагательное *суготичъ* 'двойной, двойкий, удвоенный' (см. выше). Этот же оттенок удвоения наблюдается и в русск. *супарыш* 'орех-двойчатка', и в серб. *суврѣлав* 'раздваивающийся, дwoящийся', и в ст.-сл. *сѣпрѣгъ* ('пара (волово)') и в некоторых других словах.

3) В определенной связи с двумя предыдущими значениями находится одно из старых общеславянских значений *sq-* в словах со значением беременной самки, самки с детенышем, который еще неотделим от матери. Например, в.-луж. *subagna* 'беременная (об овце)', серб. *сумацна* 'беременная (о кошке)'. То же значение в русск. *суберѣжая*, *сужеребая*, *сукотная*, *сутельная*, *суягная*, луж. *subožna*, *sućelna*, н.-луж. *suprosna* и др. Это значение всегда связано с прилагательными, обычно употребляющимися в функции существительного.

4) Значение объединения, совместного действия или его результатов, иногда с оттенком собирательности; значение совокупности каких-нибудь однородных деталей в составе цельного механизма, приспособления, орудия и т. п. Например, луж. *suzupnk* 'созвучие', чешск. *soukolí* 'система колес, все колеса данной машины, механизма', русск. и белор. *сумет* 'вся масса снега, сметенная ветром в одно место', слвц. *suostrovié* 'архипелаг'. К этому же значению следует отнести русск. *суроб*, *сувой*, *субор* II, белор. *сугляды*, укр. *суплаття*, *сукупний*, чешск. *souosi*, *souhvězdí*, *soupis*, *sousoši*, *souvozi*, слвц. *súlad*, *sústava*, *súvetie*, в.-луж. *suhlos*, *suzmysl*. Часто это *pluralia tantum*.

Это значение — одно из самых богатых по составу слов и разнообразных по семантическим оттенкам, свойственным отдельным группам слов, сюда относящихся.

5) Тесно примыкает к четвертому значение какого-либо сообщества, содружества, возникшего в результате объединения двух (или нескольких) членов для совместной работы, коллективного решения чего-либо. Например, белор. *супаньщина* 'крестьянское общество из крепостных двух соседних помещиков, имеющих смежные владения'. Это же значение свойственно ст.-сл. *сѣжъзъ*, русск. и укр. *супряга*, *супрядки*, русск. *сует* 'сходка'. Сюда же следует отнести общеславянское *суд*.

6) Значение отдельного предмета из ряда однородных, связанного, соотношенного с ему подобными. Например: ст.-сл. *сѣстагъ* 'сочленение, один из членов, сустав', чешск. *součást* 'составная часть, часть чего-либо, часть слова'. Сюда же следует отнести др.-русск. *сустугъ*, укр. *суглоб*, серб. *сутал* и некоторые др.

7) Значение соприкосновения, смежности, сопредельности. Например, русск. *супольный* 'смежный полями', др.-русск. *судеревный* 'смеж-

ный, общий', укр. *subič* 'обок, возле'. Это же значение имеют ст.-сл. *сѣмьждьникъ*, *сѣсѣдъ*, *сѣблизъ*, *сѣзжъ*, русск. *судворень*, *суплоть*, *суюнье*. Обычно это значение находим у прилагательных и наречий, но иногда и у существительных; в последнем случае это значение тесно примыкает к первому значению, а в ряде слов наблюдается при одном значении два семантических оттенка — общности и сопредельности.

8) Прилагательные со значением 'существующий, сосуществующий одновременно с кем, чем-либо, соотносительный с чем-либо, такого же происхождения, что и другой подобный'. Например, луж. *subytny* 'существующий одновременно с кем-, чем-либо', укр. *сучасний* 'современный', чешск. *současný* 'одного с кем-нибудь племени'. Сюда же относится чешск. *současný*, *soudobý*, *souvěký*, *soujmený* и многие другие, особенно чешские и словацкие слова.

9) Из значения соединения, общности развилось, первоначально как одно из его оттенков, значение встречи, столкновения, а затем и противопоставления, борьбы друг с другом. Например, ст.-сл. *сѣсь* 'друг против друга', *сѣпротикъ* 'в сравнении с кем-, чем-либо, против кого-, чего-либо, в отличие от кого-, чего-либо, в противовес' (см. выше это слово), *сѣмостатъ* 'враг, противник', серб. *сукоб* 'столкновение'. То же значение находим в словах: ст.-сл. *сѣвражъ*, др.-русс. *соупротивникъ*, русск. *сувод*, *суводь*, *сустреча*, серб. *сусрет*, *суочидба*, *суоченье*, в.-луж. *suboj* и многих др.

10) Значение нарушения чистоты состава в результате соединения, смешения, добавления чего-либо во что-либо. Например, русск. *сузем* 'чернозем с примесью песка', белор. *суборь* 'смесь хлебных семян', серб. *сустримак* 'помесь, гибрид'. К этому же значению относятся русск. *суглинок*, *супесь*, *суводивый*, *суржик*, *сумендач*, *сурадок*, *супосконница*, *суленковый*, *суборный*, *супарень*, *сукровица* и многие др.

11) Тесно связано с предыдущим значением значение внешнего сходства, близости, похвасты. Например, серб. *сукнезица* 'как бы князь, вроде князя, но ненастоящий князь', *сузетица* 'вроде зятя, „неродной“ зять'. Сюда следует отнести русск. *сурепка*, укр. *супшен*, серб. *сутурица*, *сужерица* и многие др.

12) Непосредственно вытекает из предыдущего значение отрицания, осуждения при обманчивом внешнем сходстве. Например, ст.-сл. *сѣдрожьльникъ* 'как бы друг, притворяющийся другом, лукавый человек', русск. *сумесок* 'выродок, ублюдок' (ср. русск. *пародок* 'выродок'). Это же значение свойственно русск. *судорожица* (ср. *падорога*), серб. *субичина*, словен. *sōdraga* и некоторые др.

13) Значение уменьшения размера, силы проявления или ослабления, уменьшения какого-либо свойства, качества сравнительно с однокоренным словом без приставки. Например, ст.-сл. *сѣмракъ* 'неполный мрак, полумрак', *сѣгжстъ* 'густоватый', болг. *сузелен* 'зеленоватый', серб. *сулуд* 'придурковатый, глуповатый'. Это же значение свойственно русск. *субогать*, *сутулый*, *сугустый*, *сутолока*, *сумерки*, *судорога*, *судрожь*, *сужелть*, *сувережа*, болг. *суграшица*, *сумалечек*, *суглумин*, *сугрозен*, серб. *сумахнит*, *сулуд*, *субел*, словен. *sōdolec*, *sōdolica* и многим др. Это значение ярко выступает в русской народной пословице: «Работки *всутерпъ*, хлеба *всусуть*, одежды *всугревъ*», где *всутерпъ*, *всусуть*, *всугрев* имеют значение 'едва хватает, почти достаточно, терпимо'. В определенной группе прилагательных данное значение непосредственно связано со значением смешения; например, *сужелть*, *суводивъ* и другие, первоначально, несомненно, значили 'смешанный с желтым', 'разбавленный водой' и т. п., затем 'с желтизной',

‘с водой’, а потом уже ‘желтоватый’, ‘водянистый’. Данное значение в основном характерно для восточнославянских и южнославянских языков. Это одно из немногих значений слов с префиксальным *sr-*, где довольно употребительны суффиксы. Например, русск. *сугорок*, *суболоток*, болг. *суграшица*, словен. *sódoles* и т. п., в которых уменьшительный суффикс принимает на себя в сознании говорящих значение уменьшения, ослабления. Слова данной семантической группы с приставкой *sr-* переключаются со словами, начинающимися на другую общеславянскую применную приставку — *pa-* в этом же значении. Ср., например, *пагорок*, *памороз*, *паморось*, *панизка*, *пауепка* и др.⁴⁹

14) Значение остатков, того, что остается сверх обычного количества, объема, иногда значение отбросов. Например, русск. *сукорки* ‘корки пирога, которые срезаются для выравнивания краев пирога’, русск. и белор. *суволока* ‘негодные остатки конопли, плохая посконь, оставляемые в поле, дерганцы и всякая сорная трава, которая сволакивается бороной с поля на топиливо; пакля’. То же значение находим в русск. *сучески*, *суполки*, *сулока*, укр. *суплиця*. Ср. слова на *pa-* в этом же значении: *пабелки*, *пачеси*, *пасевки*, *паобедки* др.⁵⁰ Для этого значения также характерны суффиксальные образования.

Два последних значения отличаются от всех остальных. Слова, сюда относящиеся, имеют, как правило, уменьшительные суффиксы, переключаются по смыслу с соответствующими словами, начинающимися общеславянской приставкой *pa-*. Эти значения сравнительно со всеми предыдущими наименее связаны с исходным значением *sr-*, значением присоединения, соединения, от которого веером расходятся все названные выше значения. Данные значения — наиболее поздние по времени появления из известных нам слов, начинающихся префиксом *sr-*.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

(С УКАЗАНИЕМ ПРИНЯТЫХ В ТЕКСТЕ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ)

- „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения“. М., Academia, 1934 (Соч. Авв.).
- „Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв.“, ч. 1. М., 1951 (Акты феод.).
- Алексеев П. А. Церковный словарь или истолкование речений славенских древних. М., 1773 (Алексеев).
- Андрейчин Л., Георгиев Л., Илчев Ст., Костов Н., Лекор Ив., Стойков Ст., Тодоров Цв. Български тълковен речник. София, 1955 (БТР).
- Бакотић Л. Речник српскохрватског книжевног језика. Београд, 1936 (Бак.).
- Балов А. По говору Любимского уезда. „Живая старина“, вып. I—II. СПб., 1900 (Бал.).
- Bar to š Fr. Dialektologie moravská, první díl, slovník abecední. Brno, 1886, стр. 198—304 (Bart.).
- Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901 (Колымск. сл.).
- Берында Памва. Лексикон славеноросский и имен толкование. Киев, 1627 (Берында).
- Br ü c k n e r A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927 (Br.).
- Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., т. 1, 1843; т. II, 1844 (Бурн.).

⁴⁹ Подробнее см. в моей статье «К вопросу о значениях применной приставки *pa-* в славянских языках». «Ученые записки Ин-та славяноведения АН СССР», т. IX. М., 1954.

⁵⁰ Там же.

- Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия. М., 1861 (Буслаев. Ист. хр.).
- Васнецов Н. М. Материалы для объяснительного словаря вятского говора. Вятка, 1907 (Вятск. сл.).
- Вишенский И. Сочинения. М.—Л., 1955 (Виш.).
- Восток А. Х. Словарь церковнославянского языка. СПб., т. I, 1858; т. II, 1861 (Вост.).
- Гелтергоф Фр. Российский целлариус. М., 1771 (Гелтергоф).
- Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора. Сб. ОРЯС, т. 87. СПб., 1910 (Череп. сл.).
- Героуь Найдень. Рѣчникъ на българский языкъ. Пловдивъ, 1901 (Гер.)
- Героуь Найдень. Допънение на българския рѣчникъ. Събрадь, наредиль и изтъкуваль Т. Панчевъ. Пловдивъ, 1908 (Гер. Доп.).
- Glonar J. Slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1936 (Glonar).
- Гоголь Н. В. Материалы для словаря русского языка. Собр. соч., т. IX. М., Изд-во АН СССР, 1952 (Гоголь).
- Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka sa světové války. Díl II. М.—Л., 1934 (Hašek).
- Holub J., Konečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952 (Holub).
- Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Изд. 2-е, Тифлис, 1896 (Горячев).
- „Грамоты Великого Новгорода и Пскова“ под ред. С. Н. Валка. М.—Л., 1949 (Грамоты).
- Грандилевский А. Родина М. В. Ломоносова. СПб., 1907, Сб. ОРЯС, т. 83. (Грандил.)
- Гринченко Б. Д. (ред.). Словарь украинского языка, тт. 1—4. Киев, 1907—1909 (Гр.).
- Грот Я. К. Филологические разыскания (материалы для словарей). Изд. 4-е, СПб., 1899 (Грот).
- Даничић. Рјечник из књижевних старина српских, т. 1—3. Биоград, 1863—1864 (Дан.).
- Disalović V. und Müller Jakob. Serbisch-Deutsches Wörterbuch, 1922 (с.-н.).
- Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. (Смоленск. сл.).
- „Дополнение к Опыту областного великорусского словаря“. СПб., 1858 (Доп.).
- Дювернуа А. Л. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1894 (Дюв.).
- Елезовић. Г. Речник косовско-метохийског дијалекта. Свезка I, Београд, 1932; свезка II, Београд, 1935 (Ел.).
- Endzelīns J. un Milēnbachs. Latviešu valodas vārdnīca. Rīgā, 1923—1946 (Endz.).
- Jakubaš F. Hornjoserbsko-němski slovník. Budyšin — Bautzen, 1954. (Jak.).
- Jurančić J. Srbohrvatsko-slovenski slovar. Ljubljana, 1955 (Jur.).
- Кабасанов Ст. Говорът на с. Момчиловци, Смолянско. „Известия на Института за български език БАН“, кн. IV. София, 1956 (Каб.).
- Караџић Вук Стеф. Српски рјечник истумачен њемачкием и латинскием рјечима. Изд. 4-е, Београд, 1935 (Кар.).
- Каринский Н. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам, ч. I. Древнейшие памятники. Изд. 2-е, СПб., 1911 (Каринск.).
- Karłowicz J., Kruński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego, t. VI. Warszawa, 1915 (Карл.).
- Карпов А. Б. Сборник слов, синонимов и выражений, употребляемых амурскими казаками. СПб., 1909 (Карпов).
- Клочков М. Указатель слов и выражений, встречающихся в судебных актах 1497, 1550 и 1589 гг. Юрьев, 1902 (Клочков).
- Kott Fr. Št. Česko-německý slovník, díl I—III, Praha, 1878—1882 (Kott).
- Коцюбинський М. М. Вибрані твори, Укривдав, 1943 (Коцюб.).
- Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937 (Кочин).
- Kral J. Serbsko-němski slovník hornjołužiskeje řeče. Budyšin, 1931 (K.).
- Куликовский Г. Словарь областного олонедкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898 (Олонедк. сл.).
- Лавровский П. А. Сербско-русский словарь. СПб., 1870 (Лавр.).
- Linde S. B. Słownik języka polskiego. Lwów, 1854—1860 (Линде).
- Lorentz. F. Słowinzišches Wörterbuch, ч. I—II. СПб., 1908—1912 (Л.).
- Лоя Я. Латышско-русский словарь. М., 1942.
- Машек В. Etimologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957 (MES).
- Mažuranić VI. Prinosi za hrvatski pravno-povjestni Rječnik. Zagreb, 1908—1922 (М.).
- Маринское четвероевангелие. Изд. И. В. Ягича. СПб., 1883. Словоуказатель.
- Malina J. Slovník nářečí místřického. Praha, 1946 (Мал.).

- Meyer K. H. Altkirchenslavisch-griechisches Wörterbuch der Codex Suprasliensis. Glückstadt—Hamburg, 1935 (Meyer).
- Миртов А. В. Донской словарь. Ростов н/Д., 1929 (Донск. сл.).
- Miklosich Fr. Lexicon linguae slovenicae veteris dialecti. Vindobonae, 1850 (Микл.).
- Miklosich Fr. Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum. Vindobonae, 1862—1865 (Микл.).
- Мичатек Л. А. Словенско-(словацко)-русский словарь. Турчанский св. Мартин, 1900 (Мич.).
- Младенов С. Этимологически и правописен речникъ на българския книжовенъ езикъ. София, 1941 (Млад.).
- Мука Э. Словарь нижнелужицкого языка и его наречий. т. I, Пг., 1921; т. II, Прага, 1928 (Мука).
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л. 1950 (Новг. I лет.).
- Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870 (Нос.).
- Ожегов С. И. Словарь русского языка, 3-е изд., М., 1953 (Ож.).
- Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852 (Опыт).
- Островский А. Н. Материалы для словаря русского народного языка. Собр. соч., т. XIII. М., ГИХЛ, 1952 (Островский).
- Пересветов И. Сочинения. М.—Л., 1956 (Пересв.).
- Пискунов Ф. Словарь живого народного, письменного и актового языка русских южан. Изд. 2-е, Киев, 1882 (П.).
- Pleteršnik M. Slovensko-nemški slovar, tt. I—II. Ljubljana, 1894—1895 (Пл.).
- Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Изд. имп. археогр. комиссии. СПб., 1910 (Лавр. лет.).
- Попов К. Говорът на с. Габаре, белослатинско. „Известия на Института за български език БАН“, кн. IV. София, 1956 (Поп.).
- Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1937 (Посошков).
- Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885 (Арханг. сл.).
- Поликарпов Ф. П. Лексикон треязычный. М., 1704 (Поликарпов).
- Преображенский А. Этимологический словарь русского языка. М., 1910—1914 (Преобр.).
- Pful. Lužiski serbski słownik. Budyšin, 1866 (Pf.).
- Рамулт Ст. Słownik języka pomorskiego. 1893 (Р.).
- Речник на съвременния български книжовен език, т. I Институт за български език. София, 1955 (Речн. БАН).
- „Русская повесть XVII века“. ГИХЛ, 1954 (Пов. XVII в.).
- Русско-белорусский словарь под ред. Я. Коласа, К. Крапивы, П. Глебки. М., 1953 (р.-бр.).
- Русско-чешский словарь (Большой русско-чешский словарь), Прага, т. 1, 1952; т. 2, 1953 (р.-ч.).
- Русско-чешский технический словарь. Прага, 1953 (Ч. техн. сл.).
- Русско-украинский словарь под ред. М. Я. Калиновича. М., 1949 (р.-укр.).
- Sadnik L. und Aitzetmüller R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen texten, Heidelberg, 1955 (Sadnik).
- „Сборник рязанских областных слов“, сост. чл. сотр. Диттелем. „Живая старина“, вып. II. СПб., 1898 (Ряз. сл.).
- Свенцицкий И. Опыт сравнительного словаря русских говоров (галицко-бойковский говор). „Живая старина“, вып. I—II. СПб., 1900 (стр. 213—229) (Свенц.).
- Симони П. К. Два старинных областных словаря XVIII ст. „Живая старина“, вып. III—IV. СПб., 1898 (Сл. XVIII в.).
- Синайская псалтырь, изд. С. Северьянова. Пг., 1922. Словоуказатель.
- Сказание Авраамия Палицына, под ред. Л. В. Черепнина. М.—Л., 1955 (Авр. Пал.).
- Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806—1822 (Сл. Ак. Р.).
- „Словарь книжной малорусской речи по рукописи XVII века“. — П. Житецкий. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Киев, 1889, приложение (Укр. сл. XVII в.).
- Словарь словацко-русский. Братислава, 1951 (слав.-р.).
- Словарь церковнославянского и русского языка. СПб., 1847 (Сл. 1847 г.).
- Смирнов И. Т. Кашинский словарь. Сб. ОРЯС, т. 70. СПб., 1901. (Кашинск. сл.).
- Соколов Н. Словарик говора д. Пешневы. РФВ, 1909, т. LXII, № 3 и 4 (Пешн. сл.).
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, тт. I—III. СПб., 1893—1912 (Срезн.).

- Стойков Ст., Костов К. и др. Говорът на с. Говедарци, Самоковско. „Известия на Института за български език БАН“, кн. IV. София, 1956 (Ст.).
- Теодоров-Балан А. Български залиси с език, книжина и общество. София, 1956 (Теодоров-Балан).
- Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля. Изд. 2-е и 4-е (Даль).
- Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова, тт. I—IV. М., 1935—1940 (Уш.).
- Trávníček Fr. Slovník jazyka českého. Praha, 1952 (Тр.).
- Труды общества любителей российской словесности, ч. XX. М., 1820 (Труды).
- Українські народні прислів'я та приказки. Київ, 1955 (Укр. посл.).
- Українсько-російський словник, головний редактор І. М. Кириченко, т. 1. Київ, 1953 (Укр. сл.).
- Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950—1956 (VEW).
- Хостник М. Словинско-русский словарь. Горница, 1901 (Хост.).
- Šimek Fr. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947 (Š.).
- Щепкин В. Н. Саввина книга. Указатель к тексту. СПб., 1903 (Савв. кн.).
- Эрдманн Ф. И. Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. „Ученые записки Казанского ун-та“, кн. II. Казань, 1857 (Эрд.).
- Юшкевич А. Литовский словарь, Вып. 1—3. СПб., 1897—1922 (Юшк.).
- Якушкин Е. И. Материалы для словаря народного языка в Ярославской губернии. Ярославль, 1896 (Яросл. сл.).

В. Н. Топоров

ОЧЕРК ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙШИХ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

История изучения этого вопроса чрезвычайно поучительна. В течение целого века идет непрекращающаяся дискуссия, в которой принимали участие Шлейхер, Шмидт, Фик, Бругман, Мейе, Эндзелин, Розвадовский, Буга, Ван-Вейк, Пизани, Френкель, Вайян, Курилович, Лер-Сплавинский, Отрембский, Станг, Зени и многие др. За это время было собрано огромное количество материала, были сделаны важнейшие открытия, в результате которых стали ясными многие факты. Однако балто-славянский «вопрос» до сих пор остается нерешенным, и сейчас трудно сказать, насколько ближе мы теперь к его решению, чем в прошлом веке. Во всяком случае, несомненно одно — проблема оказалась более сложной, чем представлялось раньше; ее объем и даже содержание с течением времени претерпевали различные изменения по пути усложнения. Каково бы ни было последнее слово науки по поводу балто-славянского вопроса, оно сейчас не может быть принято с той спокойной уверенностью в его правильности, которая была характерна для заключений Шлейхера, Бругмана или Поржезинского во второй половине XIX в. и в самом начале XX в. Долгий путь изучения древнейших балто-славянских языковых отношений изобилует многочисленными примерами, когда на основании одних и тех же данных делались прямо противоположные выводы, когда ученые, выступавшие друг против друга, по существу, отстаивали одну и ту же мысль и, наоборот, когда внешнее согласие точек зрения таило в себе принципиальные расхождения. Неизбежная неясность многих рассуждений почти всегда сопровождалась терминологической путаницей.

Разумеется, что все это нельзя объяснить простой случайностью. История изучения древнейших балто-славянских языковых отношений в значительной своей части является производной от истории эволюции общих взглядов на вопросы языкового родства, членения первоначально единой языковой территории, возникновения и развития диалектов. Поэтому рассмотрение истории изучения древнейших балто-славянских связей на фоне истории развития взглядов, относящихся к проблеме возникновения отдельных индоевропейских языков, объясняет многое из того, что оказалось бы непонятным без этого фона.

Следовательно, в этом очерке придется не только изложить определенный круг теорий и фактов, связанных с попытками решения балто-славянского вопроса, но и определить логическую и историческую за-

зависимость этих теорий от более общих проблем. Лишь при таком подходе история вопроса не исчерпывается обращением в прошлое, но содержит в себе намеки и на будущее, с которым связано так много надежд¹.

* * *

Когда говорят о древнейших балто-славянских языковых отношениях, то прежде всего имеют в виду решение основного вопроса. Говоря в общем, его можно сформулировать так: был ли между индоевропейским праязыком², с одной стороны, и праславянским и балтийским языками — с другой, особый балто-славянский язык?

Понятно, что в таком виде этот вопрос мог возникнуть не ранее, чем в середине XIX в., когда Шлейхером была предложена первая теория, объясняющая происхождение отдельных индоевропейских языков из единого индоевропейского праязыка (теория «родословного древа»).

Однако вопрос о древнейших языковых связях славян и балтов возник гораздо раньше; правда, на другой основе. Издавна ученые интересовались проблемой происхождения балтийских и славянских народов, выдвигая в связи с этим различные теории. Естественно, что историки были первыми, кто заинтересовался этим вопросом. Особенного внимания заслуживают работы, посвященные происхождению балтийских народов, поскольку уже задолго до XIX в. были сделаны первые попытки связать балтийские и славянские языки и народы. Сейчас нецелесообразно рассматривать многочисленные теории о происхождении балтийских и славянских народов, берущие начало в недрах средневековья. Одни из них носят характер примитивных этиологических легенд, широко распространенных и за пределами претендующей на научность литературы³; другие пытаются опереться на исторические сведения различного достоинства; третьи используют некоторые лингвистические факты (как правило, из области лексики). Происхождение балтийских народов связывалось непосредственно с евреями, финикийцами, киммерийцами, скифами, сарматами, аланами, готами, гепидами, герулами, армянами, индийцами, греками, римлянами, фракийцами, кельтами, финнами, славянами и т. д. Столь же разнообразны были и точки зрения о происхождении славян. Разумеется, что многие из этих теорий остались без всякого отклика и не оказали никакого влияния

¹ «Очерк» будет состоять из трех частей: первая охватывает период до начала XX в., вторая посвящена периоду с 1908 г., когда появилась известная книга А. Мейе об индоевропейских диалектах, до кануна второй мировой войны; третья часть, уже напечатанная в виде статьи в третьем томе «Вопросов славянского языкознания», охватывает работы последних пятнадцати лет.

² Здесь и в дальнейшем мы употребляем чисто условно термин «праязык» (а также «праславянский», «пбалтийский» и т. д.), предпочитая его другим терминам на тех же основаниях, что Г. Ильинский (см. Г. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 3) и Т. Лер-Сплавинский [см. T. L e h r - S p ł a w i ń s k i. Przegląd i charakterystyka języków słowiańskich. Warszawa, 1954, стр. 16, сн. 1 (в соавторстве с В. Курашкевичем и Ф. Славским)]. Тем не менее, разумеется, этот термин нельзя признать вполне удачным, поскольку с ним связаны некоторые положения явно устаревших теорий.

³ Ср. сведения старых польских хронистов о происхождении балтийских народов от латинян на основании сопоставлений типа *Lituania* (<*Litalia*) — *Italia* или анализа собственного имени *Palemon* — *Palemonas* и т. д.; ср. также рассуждения на тему происхождения пруссов и русских в древнерусской литературе, прежде всего в «Послании Спиридона-Саввы» и в «Сказании о князьях Владимирских» и др.

на развитие науки, однако некоторые из них оказались довольно устойчивыми и вызвали более или менее значительную полемику⁴.

Наиболее существенный след в истории науки оставили те исследования XVII—XVIII вв., которые опирались на лингвистические данные. Среди ученых, внимательно относившихся к ним при определении древнейших судеб балтийских народов и языков, выделяются Христофор Гарткнох из Торуня в XVII в. и Иоганн Тунманн и Людвиг Шлёцер в XVIII в. Гарткнох в своих исследованиях, прежде всего в уже упомянутой работе 1684 г., подверг детальному анализу вопрос о связях прусского (и литовского) языка с греческим, латинским, немецким и славянскими (преимущественно с польским) на лексическом материале и пришел к выводу, что прусский язык вместе с литовским составлял некогда одно целое, что прусский и славянский (вендский) языки происходят от одного и того же предка, а именно от скифского языка⁵. Выводы Гарткноха и его методы исследования (выделение заимствованных слов, указания на важность анализа грамматических элементов, широкое привлечение различных языков и т. д.) в значительной степени предопределили направление исследований почти на полвека вперед⁶. Характерно, что критика Гарткноха со стороны других ученых

⁴ Среди особенно популярных теорий следует отметить мнение, впервые высказанное Кояловичем (Kojałowicz. *Historiae Lituanae. Dantisti*, 1650, lib. I, стр. 55 и след) и в той или иной степени поддержанное Гарткнохом (Hartknoch. *Alt- und Neues Preußen oder Preußischer Historien zwei Teile*. Francfurt und Leipzig, MDCLXXXIV, стр. 96; его же. *Selectae Dissertationes Historiae de variis rebus prussicis*, MDCLXXXIX, стр. 36), Гедерусом (Hederus. *Schediasma de lingua Herulica seu Lituana et Samogitica, tum Prussica, deinde Hettica et Curlandica, deinde Werulica*, II. *Miscelanea Berolini*, 1727, стр. 311—323), Богушем (Bogusz. *O początkach narodu i języka litewskiego*. Warszawa, 1808, стр. 44, 67 и след.; текст лекции, прочитанной в 1806 г. в Варшавском Товариществе друзей наук), Лелевелем (Leliewel. *Rzut oka na dawność litewskich narodów i związki ich z Herulami*. Wilna, 1808, стр. 42 и след.) и др.] и основанное, главным образом, на приведенной Вольфрангом Лазисом «герульской» молитве «Отче наш» в его кн. «*De gentium aliquot migrationibus, sedibus fixis, reliquis, linguarum initiis et immutationibus ac dialectis*» (Изд. 2-е, Francfurti, MDC. De herulis, стр. 628, изд. 1-е — Базель, 1557). О других источниках этой молитвы и о ее языке см. С. Schirren. *Das Vaterunser der Heruler, als Plagiat erwiesen*. «*Bull. hist.-phil.*», t. 16, стр. 131; Ad. Bezenberger. *Litauische und lettische Drucke des 16. Jahrhunderts*, Göttingen, 1875, IV. Anhang: *Das (angeblich altpreussische) lettische Vaterunser des Simon Grunau*, стр. 47—57; A. Bielenstein, A. Fick. *Das angeblich preussische Vaterunser des Simon Grunau*. «*K.-Schl. Beitr.*», Bd. VIII, 1875, стр. 292—300; R. Meringer. *Ein altes lettisches Vaterunser*. — *AfslPh*, Bd. 17, 1895, стр. 483—504. Несмотря на то, что установлена латышская принадлежность этой молитвы, «герульская» теория и сейчас находит своих сторонников. См. P. J. Gabrys. *Parenté des langues hittite et lituanienne et la préhistoire*. Genève, 1944. Точно так же «фракийская теория» нашла своих защитников уже в начале XX в. в лице И. Басанавичюса и некоторых его последователей (П. Климас, А. Срба, Б. Унтулис и даже ранний К. Буга). О готской, финской и славянской теориях происхождения балтийских народов и языков см. ниже.

⁵ M. Chr. Hartknoch. *Alt- und Neues Preußen oder Preußischer Historien zwei Teile*, стр. 108; стр. 101 (от сарматского).

⁶ Из последователей Гарткноха особенно стоит отметить Иог. Арн. Паули, см. его работу «*Kurtzer Entwurf einer weitläufigen Ausführung, einiger Sätze, von der alten Preußischen Sprache*». «*Acta Borussica ecclesiastica, civilia, literaria oder sorgfältige Sammlung allerhand zur Geschichte des Landes Preußen gehöriger Nachrichten, Urkunden, Schriften und Documenten*», III, 1732, стр. 581—609 (особенно стр. 583 и 592) и М. Преториуса, см. его работы: «*Historische Nachricht von der alten Preußischen Sprache*». «*Acta Borussica*», Bd. II, 1731, стр. 55—85 (особенно стр. 74); «*Von den unterschiedlichen Mundarten der alten Preußen*». Там же, стр. 534—564 (особенно стр. 556); «*Bericht von der Ausrede und Schrift der alten Preußischen Sprache*». Там же, стр. 780—791, и отчасти «*Beweis, daß die jetzige Preußische Sprache, der Wurzel nach, sei die alte Gothische Sprache*». Там же, стр. 883—902.

касалась не вопроса о родстве балтийских и славянских языков, а лишь определения предка этих языков⁷.

В 1771 г. в Галле вышла в свет «Allgemeine nordische Geschichte» Шлёцера, в которой ряд страниц посвящен вопросу о происхождении «леттского» народа и языка. Подчеркивая более чем случайное сходство между балтийскими и славянскими языками в области грамматики и словаря, Шлёцер указывает, что нет ни одного балтийского диалекта, который был бы так близок к славянскому, как, например, русский и хорватский. Поэтому Шлёцер предлагает следующую схему: русский и хорватский языки — братья; «леттский» и славянский — кузены первой степени; славянский, немецкий и греческий — кузены второй степени; славянский, финский и баскский — вообще неродственные языки⁸.

Большой популярностью в конце XVIII — начале XIX в. пользовалась теория Иоганна Тунманна, профессора риторики и философии университета в Галле, изложенная им в «Разысканиях в древней истории некоторых северных народов». Согласно этой теории, летты представляют собой славян, перемешанных с готами, и финнами⁹. Это положение Тунманн пытается подтвердить рядом лексических сопоставлений. Не трудно заметить, что взгляды Тунманна не были столь четкими, как у Шлёцера. Тем не менее, будучи изложены весьма подробно, они были восприняты следующими поколениями ученых как квинтэссенция взглядов XVIII в. по поводу происхождения балтийских народов и языков.

На рубеже XVIII и XIX вв. подобные взгляды (иногда с незначительными изменениями) были высказаны целым рядом ученых, причем в одних случаях имелись в виду все балтийские языки, а в других — лишь отдельные. В популяризации этих взглядов особенно видную роль сыграл Эрнст Генниг, видевший в балтийских языках результат смешения славянского и германского языков, но ограничивавший влияние финского языка исключительно латышской территорией¹⁰. Труды К. Г. Антона¹¹, И. Х. Гаттерера¹², М. Г. А. Лодера¹³, У. Э. Циммермана¹⁴, И. Х. Аде-

⁷ См. Philipp Ruhig. Betrachtung der Littauischen Sprache in ihrem Ursprunge, Wesen und Eigenschaften. Königsberg, 1745, стр. 9, 15, 46 и др. Следует обратить особое внимание на то, что, доказывая происхождение литовского языка от греческого, Руиг останавливается и на грамматических сходствах между этими языками (см. «Harmonia Grammatica. Wie die Littauische Sprache mit der Griechischen in Etymologicis und Syntacticis übereinstimme», гл. 7, стр. 41—46), выполняя тем самым то, чего не сделал Гарткнох.

⁸ См. A. Schloser. Указ. соч., стр. 316.

⁹ Joh. Thunmann. Untersuchungen über die alte Geschichte einiger Nordischen Völker. Berlin, 1772, стр. 8: «Die Letten machen keinen eigenen Völkerstamm aus. Sie sind Slaven, vermischt mit Finnen und Gothen». Между прочим, предположение о финском происхождении балтийских народов было сделано уже Гарткнохом в его комментариях к 69-й главе Хроники Дуисбурга (1679, гл. 4, стр. 172).

¹⁰ См. E. Hennig. Über den Ursprung und die Verwandtschaft der lettischen Sprache. «Preußisches Archiv», 1796, Julius, стр. 394—419; его же. Grammatisch-kritische Untersuchungen über den Ursprung der Lettischen Sprache, und über ihre Verwandtschaft mit der Altpreussischen und Littauischen. Там же, September, стр. 529—566; ср. также статью Геннига о латышском языке во втором томе «Митридата» Фатера и Аделунга.

¹¹ Karl Gottlob Anton. Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1783.

¹² См. его работы 1791—1795 гг., особенно в «Commentationes Societatis Regiae Scientiarum Göttingensis».

¹³ M. G. A. Loder. Versuch über den Ursprung der Lettischen Sprache. «Nordische Miscellaneen» Гупеля, кн. 13 и 14.

¹⁴ Ulrich Ernst Zimmermann. Versuch einer Geschichte der lettischen Literatur. Mittau, 1812.

лунга¹⁵, М. С. Б. Линде¹⁶, Х. Г. фон Арндта¹⁷, К. Ф. Ватсона¹⁸ и других¹⁹ в том или ином виде развивали теорию о славянском происхождении балтийских языков (иногда при участии готского), привлекая новые случаи балто-славянских совпадений. Отдельные скептические реплики, как правило, оставались без ответа²⁰.

Основным результатом исследований этого периода, кончившегося на рубеже 10—20-х годов XIX в., было признание несомненной близости балтийских и славянских языков и в несколько меньшей степени балтийских и германских, были накоплены некоторые фактические материалы, подтверждавшие эту близость (правда, они ограничивались сопоставлениями отдельных слов, как правило, без выделения заимствованных элементов, а также наиболее заметными сходствами в области грамматики), и, наконец, было установлено, что существуют определенные связи между балтийскими и славянскими языками, с одной стороны, и некоторыми другими, как-то: германскими, греческим, латинским, с другой.

Таким было состояние вопроса накануне выхода в свет в 1818 г. знаменитого труда Расмуса Раска «Разыскания о древнесеверном языке», положившего начало новому подходу к вопросу о взаимных отношениях языков и — специально — к вопросу о характере связей между балтийскими и славянскими языками²¹.

Устанавливая определенное сходство между германскими, греческим, латинским, балтийскими и славянскими языками и подтверждая его рядом фактов (лексических, морфологических и даже фонетических), Раск выдвигает проблему первоначального тождества всех указанных языков, опережая в этом отношении Боппа. Специальные разделы посвящает Раск анализу балтийских и славянских языков, сопровождая этот ана-

¹⁵ Johann Christoph Adelung. *Mithridates, oder Allgemeine Sprachenkunde mit dem Vater unser als Sprachprobe*, II, Berlin, 1809, стр. 696 и след.

¹⁶ S. B. Linde. *O języku dawnych Prusaków; rozbiór dzieła Prof. Vatera*. Warszawa, 1822 (извлечения в 18-й части «Трудов вольного об-ва любителей российской словесности»). СПб., 1822, № VI, стр. 280—334.

¹⁷ Chr. G. von Arndt. *Über den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der Europäischen Sprachen*. Frankfurt am Main, 1818 (особенно стр. 99).

¹⁸ Karl Friedrich Watson. *Über den lettischen Völkerstamm, was für Völker zu demselben gehörten, und welche Länder dieselben bewohnten*. Jahresverhandlungen der kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst, Bd. 2. Mitau, 1822, стр. 254—268 (особенно стр. 255); егo же. *Über die Abstammung der lettischen Sprache von der slavisch-russischen, und über den Einfluß des Gothischen und Finnischen aufs Lettische*. Там же, стр. 269—281 (особенно стр. 270). Обе статьи представляют собой доклады, прочитанные в 1818 и 1819 гг. Последний интересен довольно широким сопоставлением общих балтийским и славянским языкам черт в области морфологии и словообразования.

¹⁹ Некоторые неправильно причисляют сюда Фатера, который не раз протестовал против теории славянского (или славяно-готского) происхождения балтийских языков. См. Johann Severin Vater. *Die Sprache der alten Preußen*. Braunschweig, 1821, стр. X; егo же. *Analekten der Sprachenkunde*, Heft II. Leipzig, 1821, стр. 85, 86 и др.

²⁰ J. C. C. Rüdiger. *Neuester Zuwachs der deutschen, fremden und allgemeinen Sprachkunde in eigenen Aufsätzen, Bücheranzeigen und Nachrichten*. Leipzig (особенно V, стр. 233).

²¹ Ф. Бопп в своей работе 1816 г. о системе спряжения в ряде индоевропейских языков совсем не уделял внимания материалам балтийских и славянских языков. Следует также отметить, что в отличие от Раска Бопп в этой работе не интересовался вопросами родства сравниваемых языков и их взаимных отношений в целом, ограничиваясь лишь сравнением глагола без заключений более общего характера.

лиз сравнением славянских и балтийских фактов с соответствующими фактами других языков²².

К сожалению, Раск, следуя общему плану своей книги, не уделяет особого внимания сравнению балтийских и славянских языков между собой и не приводит в этой области новых фактов (если не считать сопоставления слав. *ich, im* с лит. *juse, jiems* и т. д.). Тем не менее, полемизируя с Тунманном, Раск отвергает мнение, согласно которому балтийский язык не является самостоятельным и представляет собой всего лишь результат смешения славян, готов и финнов. Точно так же не считает Раск приемлемой теорию о славянском или германском происхождении балтийских языков. По мнению Раска, балтийские языки происходят от того же корня, что и славянские и германские. Особо подчеркивается Раском, что балтийские языки более других близки к «фракийскому»²³, чем впервые в истории языкознания утверждается высокая научная ценность балтийских языков. Значение книги Раска для разработки вопроса о балто-славянских языковых связях заключалось в том, что впервые (хотя и в схематическом виде) проблема происхождения и взаимоотношения этих языков была поставлена в зависимость от решения более общей проблемы. Кроме того, именно Раск дал первый набросок сравнительного анализа балтийских и славянских языков. С этих пор вопрос о балто-славянских языковых связях прочно вошел в круг проблем, которыми занимается сравнительная грамматика индоевропейских языков.

Разумеется, что и после 1821 г. еще некоторое время появлялись работы на балто-славянские темы, продолжающие старые методы исследования^{23а}, однако они уже не имели никакого значения для решения вопроса и, строго говоря, остались за пределами науки²⁴.

Новые идеи Боппа, Гримма и Раска определили новое направление исследований и положили конец теории славянского происхождения балтийских языков.

Появляются труды, в которых шире, чем раньше, разбираются проблемы сходств и различий между отдельными языками; круг языков, которые сопоставляются друг с другом, расширяется, но, несмотря на это, становится более определенным. Показательна в этом отношении

²² См. R. K. Rask. *Undersøgelse om det gamle Nordiske eller Islandske Sprogs Oprindelse*. København, 1818, стр. 118—159.

²³ Подробнее об этом см. R. Rask. *Über die Thrakische Sprachklasse*. См. J. S. Vater. *Vergleichungstafeln der Europäischen Stamm-Sprachen und Süd-, West-, Asiatischer*, пер. с датского. Halle, 1822. Здесь разбросано немало славянского и особенно балтийского материала как в области фонетики и морфологии, так и в словаре (см. стр. 109—132).

^{23а} См., например, П. Кеппен. О происхождении, языке и литературе литовских народов. «Материалы для просвещения в России», кн. 3. СПб., 1827; И. Боричевский. Исследование о происхождении, названии и языке литовского народа. — ЖМНП, 1847, ч. LVI, № 12, стр. 1—43; его же. Сведения о древних литовцах. — ЖМНП, 1844, ч. XLII, № 13, стр. 1—53 и др.

²⁴ Об этих работах, как и о теориях, выдвигавшихся в более ранний период и не упомянутых нами ввиду их явной несостоятельности и малоинтересности, см. у Преториуса («Historische Nachricht...»), Г. Ф. Стендера («Neue vollständige Lettische Grammatik nebst einem hinlänglichen Lexico wie auch einigen Gedichten»). Braunschweig, 1761, особенно стр. 1—4), Ватсона («Über den lettischen Völkerstamm»), Шафарика («Славянские древности». М., 1848), Я. Карловича («O języku litewskim». «Rozprawę i Sprawozdania z posiedzeń wydziału filologicznego Akademii Umiejętności», t. II. Kraków, 1875; особенно гл. I, стр. 140—211), И. В. Ягича («История славянской филологии». СПб., 1910); см. также указанные работы Кеппена, Богуша, Унтулиса и др.

книга Х. С. Т. Бернда²⁵; в ней анализируются четыре предлога из германских, славянских, греческого и латинского языков и отмечается особая важность предлогов при установлении языкового родства ввиду специфического характера их природы. Но, по сути дела, автор уже исходит из положения о родстве указанных языков, и его анализ предлогов в этих языках выглядит только как еще одно доказательство²⁶.

Ознакомление европейских ученых конца XVIII—начала XIX в. с санскритом сразу же расширило горизонты сравнения, и уже до выхода в свет работ Раска и Боппа были сделаны первые попытки сравнения отдельных языков с санскритом. Между прочим, это относится и к славяно-санскритским сопоставлениям²⁷.

Несколько позже то же, но уже с большей авторитетностью было сделано в отношении сравнения литовского языка с санскритом²⁸.

В 30—40-е годы наиболее полное отражение балто-славянская тема получила в трудах профессора университета в Галле Августа Потта. В своих «Этимологических исследованиях» Потт еще разделяет ошибочное убеждение о славянском происхождении балтийских языков и отстаивает его с большой категоричностью, отвергая предположения об исконно смешанном характере балтийских языков²⁹. Зато в своей следующей работе³⁰, написанной через год после выхода в свет второй части «Этимологических исследований», Потт высказывает уже иные взгляды и довольно подробно аргументирует их и развивает. Не отвергая прежнего своего мнения о ближайшем родстве балтийских и славянских языков, Потт теперь смотрит иначе на характер этого родства

²⁵ Ch. S. Th. Bernd. Die Verwandtschaft der germanischen und slavischen Sprachen mit einander, und zugleich mit der griechischen und römischen. Bonn, 1822.

²⁶ В этом, между прочим, существенное отличие данной книги от исследования Х. фон Канне («Über die Verwandtschaft der griechischen und deutschen Sprachen»). Leipzig, 1804).

²⁷ См. анонимную статью «Etymologies slavonnes tirées du Sanscrit», в «Fundgraben des Orients», Bd. I, 1809, стр. 459—460 (приписывается Федору Головкину. См. Н. М. Петровский. Библиографические мелочи, XII. «Кому принадлежит первое лексическое сравнение санскрита со славянскими языками»). ИОРЯС, т. XXII, кн. 1, 1917, стр. 144—149; см. также анонимную брошюру «Rapports entre la langue Sanscrit et la langue Russe», СПб., 1811 (приписывается Ф. П. Аделунгу). Ср. еще А. в. Мihanovich. «Zusammenstellung von 200 laut- und Sinnverwandten Wörtern des Sanskrites und Slawischen». «Archiv für Geschichte, Statistik, Literatur und Kunst», 1823, № 66—67. Подробнее о первых славяно-санскритских сопоставлениях см. G. M. Murko. Prvi usporedivači sanskrita sa slovenskim jezicima. «Rad Jugoslavenke Akademije Znanosti i Umjetnosti», t. CXXXII, 1897; С. К. Булич. Очерк истории языкознания в России, т. I. СПб., 1904, стр. 635 и след.).

²⁸ См. P. von Bohlén. Über die Verwandtschaft zwischen der Litauischen und Sanskrit-Sprache. Historische und litterarische Abhandlungen der deutschen Gesellschaft zu Königsberg, Bd. IV, 1830; егo же. Über die Sprache der alten Preußen. В кн. J. Voigt. Geschichte Preußens von den ältesten Zeiten bis zum Untergange der Herrschaft des deutschen Ordens, Bd. I. Königsberg, 1827, стр. 709—723; особенно стр. 715—723). Интересно, что К. Хр. Ульманн, следующий за Раском, дополняет его выводы указанием на сходство с санскритом и подчеркивает особую близость балтийских языков со славянскими. См. Carl Chr. Ulmann. Grammatical-lexicographic Beiträge. «Magazin der Lettisch-Literarischen Gesellschaft», Bd. III, Heft I, 1831, стр. 1—140 (особенно стр. 4).

²⁹ A. F. Pott. Etymologische Forschungen auf dem Gebiete der idg. Sprachen mit besonderem Bezug auf die Lautumwandlung im Sanskrit, Griechischen, Lateinischen, Litauischen und Gottischen. Lemgo, 1833, стр. XXXIII. Здесь Потт прямо заявляет, что балтийские языки суть «in ihrem Kerne echt slavischen Klasse». Во второй части этой работы (1836) Потт выделяет внутри индоевропейской семьи языков особую «литво-славянскую» группу. Второе издание этой работы вышло в свет в 1867 г. под названием «Wurzel-Wörterbuch der indogermanischen Sprachen».

³⁰ A. F. Pott. De Borusso-Lithuanicae tam in slavici quam lettici linguas principatu commentatio. Halle, 1837.

и на взаимные отношения этих двух групп языков. Во-первых, Потт выделяет особо балтийские языки; во-вторых, он доказывает большую их древность по сравнению с германскими и славянскими языками, и, наконец, в-третьих, в отличие от своих более ранних взглядов Потт теперь считает, что балтийские языки относятся к славянским, как старшая сестра к младшей. Значительная часть этой книги посвящена полемике с другими учеными, высказывавшимися по вопросу балто-славянских языковых связей. Но больше всего места Потт уделит анализу фонетических особенностей балтийских и славянских языков с преимущественным вниманием к балтийским данным (славянские факты представлены в этой работе в небольшом количестве, причем взяты у Добровского из «Institutiones»). Сравнительный анализ лексики балтийских и славянских языков был дан Поттом в другой его работе 1841 г.³¹ Она значительно увеличила количество балто-славянских сопоставлений, многие из которых остаются действительными и в наше время. К сожалению, Потт, как и его предшественники, не делал сколько-нибудь четкого различия между исконным наследием и заимствованными словами³².

Своими трудами Потт восполнил существенный пробел «Сравнительной грамматики» Ф. Боппа³³, в которой не нашло себе места достаточно удовлетворительное исследование балтийской и славянской фонетики и лексики.

Как известно, Бопп интересовался не столько вопросом внутренних связей между отдельными индоевропейскими языками, сколько установлением круга языков, составляющих индоевропейскую семью. Поэтому в своих многочисленных трудах он уделит очень небольшое место высказываниям относительно древнейших связей между балтийскими и славянскими языками. Из предисловия к первому изданию «Сравнительной грамматики» можно заключить, что Бопп в это время разделял распространенное мнение о близости германских, славянских и балтийских языков³⁴. По-видимому, Бопп в эти годы еще не полностью освоился с балтийским и особенно славянским материалом (он брал его из работ Добровского, Копитара, Греча). Во всяком случае, в «Сравнительной грамматике» эти материалы использованы недостаточно³⁵.

Более подробно говорит о «балто-славянских отношениях» Бопп в статье «Über die Sprache der alten Preußen in ihren verwandtschaftlichen Beziehungen» (Berlin, 1853), представляющей собой доклад, прочитанный в мае 1849 г. на заседании Академии наук. Бопп вполне определенно говорит здесь о «летто-славянской» ветви, причем — и это очень важно — впервые намечает относительную хронологию выделения

³¹ A. F. Pott. De linguarum letticarum cum vicinis nexu commentatio. Halle, 1841.

³² Ряд балто-славянских соответствий был указан Г. Прейсом. См. его «Донесение». — ЖМНП, 1840, ч. XXVI, стр. 17—30 (особенно стр. 21—24). Следует указать на особое внимание Прейса к проблеме славянских и германских заимствований в литовском языке.

³³ F. Boopp. Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Zend, Griechischen, Lateinischen, Litthauischen, Gothischen und Deutschen. 1. Abteil., Berlin, 1833; 2. Abteil., 1835 (этот отдел содержит в себе уже и старославянскую часть).

³⁴ Ср. F. Boopp. Vergleichende Grammatik. . . , Bd. I, стр. IV.

³⁵ Впрочем, нужно отметить то место, где Бопп сопоставляет местоименные и именные формы литовских и славянских прилагательных (2. Abteil., стр. 368—370). В дальнейшем эти факты неоднократно привлекались исследователями и по-разному интерпретировались.

(собственно, обособления, «Absonderung») этой группы из семьи индоевропейских языков. Теоретическая основа установления относительной хронологии заключается в утверждении, что более близкое или более далекое родство связано с более поздним или более ранним обособлением языков³⁶. Сейчас подобное положение несомненно вызвало бы известные возражения или, по крайней мере, уточнения, однако в середине XIX в. оно было весьма эффективным приемом для установления некоторых хронологических вех и, в известной степени, подводило к той картине эволюции некогда единого языка, которая несколько позднее была предложена Шлейхером. Конкретный вывод Боппа заключался в том, что «летто-славянская» ветвь отделилась от азиатской ветви («asiatische Schwestersprache») позднее, чем наступило обособление классических, германских и кельтских языков³⁷. Внутри «летто-славянской» ветви особенно архаична, по мнению Боппа, балтийская группа; в подтверждение этого положения Бопп приводит некоторые примеры (например, сохранение конечных согласных).

Таким образом, можно сказать, что в этой работе Бопп фактически признает существование балто-славянского языка, имевшее место после выделения из «азиатского» состава основных индоевропейских языков³⁸. Еще определеннее говорит Бопп о теснейшем родстве балтийских и славянских языков в предисловии ко второму изданию «Сравнительной грамматики»³⁹; тут же указывается, что между славяно-балтийской и германской ветвями не было никакого особого родства, кроме того, которое является результатом их общего происхождения. Напротив, Бопп в трудах последних лет своей жизни все настойчивее подчеркивает связь балто-славянских языков с индо-иранскими⁴⁰.

В этом отношении взгляды Боппа расходятся с мнениями двух других крупнейших авторитетов той эпохи — Я. Гримма и К. Цейсса, которые подчеркивали особенно тесное родство между германскими, славянскими и балтийскими языками, видимо, скептически относясь к идее выделения особой, «летто-славянской» ветви. Во всяком случае, именно так следует понимать те немногие места «Истории немецкого языка», которые посвящены вопросу взаимных отношений указанных выше трех языковых групп. Подчеркивая близость этих языков, известную и ученым XVIII в., Grimm рассматривает ее в новом свете: он отрицает воз-

³⁶ См. F. Bopp. Über die Sprache der alten Preußen... , стр. 4.

³⁷ См. там же.

³⁸ Любопытно, что Бопп не выделял особой итало-кельтской ветви ни в 1823 г., когда им был прочитан доклад «Über die Pronomina der beiden ersten Personen im Sanskrit und den mit ihr verwandten Sprachen» о родстве кельтских языков с санскритом, ни в 1839 г., когда появилась его работа «Die Celtische Sprache in ihrem Verhältnisse zum Sanskrit, Griechischen, Lateinischen, Germanischen, Lithauischen und Slawischen», в которой итало-кельтские сходства объяснялись как результат независимого развития общего индоевропейского наследия.

³⁹ F. Bopp. Vergleichende Grammatik... , Bd. I. Zweite Ausgabe, Berlin, 1857, стр. XIX—XX; ср. также §§ 21^a, 145, 211, 214, 265.

⁴⁰ В этом отношении на Боппа оказала несомненное влияние статья А. Куна (A. Kuhn), появившаяся еще в 1845 г. и перепечатанная в «Indische Studien», Bd. I, Heft 3, 1850, стр. 321—363 под названием «Zur ältesten Geschichte der idg. Völker». В России идея балто-славяно-санскритских связей нашла в 50-х годах приверженцев в лице С. П. Микуцкого (см. о нем ниже) и А. Ф. Гильфердинга. См. А. Ф. Гильфердинг. О родстве языка славянского с санскритским. СПб., 1853; его же. Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1859, и др. Однако эти работы не оказали влияния на дальнейшее развитие науки. Первая из указанных работ Гильфердинга подверглась уничтожающей критике. См. «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slavischen Sprachen» (в дальнейшем — «K.-Schl. Beitr.»), Bd. I, 1858, стр. 265—266.

возможность происхождения балтийских языков из смешения германских и славянских, так же как не допускает мысли об унаследовании германскими и славянскими языками древнейших элементов в их составе из балтийских языков⁴¹. Для Гримма все эти три группы являются самостоятельными единицами⁴², образующими тесную общность («Gemeinschaft»). Греческий, латинский и кельтские языки отличаются от германских, славянских и балтийских гораздо больше, чем эти последние между собой⁴³.

Примерно таких же взглядов придерживался Цейсс с тем отличием, что в своем известном труде⁴⁴ он сосредоточивает внимание на анализе теснейшего родства германских и славянских языков, оставляя в стороне балтийские. Подобно греческому и латинскому языкам, находящимся, по мнению Цейсса, в отношениях ближайшего родства, «северные члены» индоевропейской семьи (т. е. германские и славянские языки) тоже характеризуются особой близостью, которая демонстрируется на ряде примеров⁴⁵. С другой стороны, немецкий ученый не забывает указать на связь славянских языков с «айстийскими» и далее с древнеиндийскими. Мысли Цейсса и отчасти его терминология в известной степени подготовляют и предвосхищают теорию А. Шлейхера о «северо-восточном отделе» индоевропейских языков.

Таким образом, к концу первой половины XIX в. в науке существовало две основных точки зрения о характере языковых отношений балтийской и славянской групп: одна из них признавала единое происхождение этих языков⁴⁶, другая — предпочитала говорить о преимущественной близости германских, балтийских и славянских языков⁴⁷.

⁴¹ Jacob Grimm. Geschichte der Deutschen Sprachen, Bd. I. Leipzig, 1848, стр. 170.

⁴² Там же, стр. 169, 171.

⁴³ Там же, Bd. II, стр. 1030.

⁴⁴ Kaspar Z e u s s. Die Deutschen und die Nachbarstämme. München, 1837, стр. 18—20.

⁴⁵ Между прочим, Цейсс дополняет бопповское сопоставление двух типов склонения славянских и балтийских прилагательных третьим членом, а именно двумя типами склонения немецких прилагательных. Сопоставления такого рода показательны для Цейсса, предпочитавшего сравнение категорий сравнению генетически родственных элементов. Однако и этот метод позволил в ряде случаев отметить германо-славянские сходства. Ср., например, анализ каузативных, дуративных и итеративных глагольных форм.

⁴⁶ Эту точку зрения разделял и П. Шафарик. См. его «Славянские древности». Перев. И. Бодянского, т. I, кн. 2. М., 1848, стр. 279—280; ср. еще его же «Slovanský národopis» (Praha, 1842, Kmen litevský), где говорится о ближайшем родстве славянских и балтийских языков. О взглядах другого крупнейшего слависта того времени — И. Добровского, касающихся балто-славянской проблемы, см. J. Dobrowský. Über die ältesten Sitze der Slaven in Europa. «Landesgeschichte des Markgrafen-thums Mähren», Bd. I, стр. XIX—XX. Ср. также высказывание Добровского в письме к Копитару: «Slaven sind Slaven und haben der Sprache nach die nächste Verwandtschaft mit den Litauern». (В. Ягич. Письма Добровского и Копитара в одновременном порядке. СПб., 1885, стр. 119).

⁴⁷ История эволюции этой точки зрения изложена в работе Е. Георгиева «Балто-славянско-германского языкового родство» («Известия на семинара по славянска филология», кн. VIII—IX, 1948, стр. 1—46. См. особенно главу «Исторически преглед на възгледите върху родството на балтославянските и германските езици»). Разумеется, продолжала еще свое существование и старая точка зрения о славянском происхождении балтийских языков. Но ее распространение ограничивалось, как правило, популяризаторскими компиляциями, не имевшими серьезного научного значения. Ср., например, F. G. Eichhoff. Parallèle des langues de l'Europe et de l'Inde, étude des principales langues romanes, germaniques, slavonnes et celtiques, comparées entre elles et à la langue sanscrite. Paris, 1836, стр. 16, 21, 30 и др.

Этим двум направлениям в подходе к решению вопроса суждено было сыграть основополагающую роль в изучении балто-славянской проблемы. Они же, правда, в значительно модифицированном и усложненном виде, существуют и в настоящее время.

Таково было состояние разработки вопроса, когда началась научная деятельность великого немецкого ученого Августа Шлейхера — центральной фигуры балто-славянского языкознания в XIX в.

По своим знаниям балтийских и славянских языков Шлейхер, несомненно, превосходил Раска, Боппа, Потта и других ученых предшествовавшего и современного Шлейхеру периодов. Он сам в значительной степени обогатил науку новыми фактами и новыми мыслями, относящимися к области славянских и особенно балтийских языков. Без всяких преувеличений можно сказать, что Шлейхер был первым, кто в полной мере ввел балтийские и славянские данные в сравнительную грамматику индоевропейских языков. С другой стороны, Шлейхеру принадлежит заслуга первой последовательной интерпретации в сравнительно-историческом плане литовского языка, а также (вместе с Миклошичем) старославянского языка⁴⁸.

Для того чтобы понять взгляды Шлейхера по вопросу о характере древнейших балто-славянских языковых связей и правильно оценить их, необходимо иметь в виду некоторые более общие положения Шлейхера, а именно теоретическое постулирование индоевропейского праязыка и практическую реконструкцию его звуков и форм, а также теорию распадаения этого праязыка («Stammbaumtheorie»). Только в свете этих теорий стало возможным рассмотрение балто-славянских языковых отношений в исторической перспективе и в закономерной (а не в случайной, как это было до Шлейхера) связи с другими индоевропейскими языками. Шлейхер воссоздал широкий индоевропейский фон, который нельзя игнорировать при решении частных проблем индоевропейского языкознания, и объяснил природу и происхождение промежуточных «праязыков». И как бы в дальнейшем ни решались вопросы членения индоевропейской языковой области, нельзя было не учитывать того, что сделано Шлейхером.

К сожалению, точка зрения Шлейхера относительно древнейших судеб балтийских и славянских языков обычно излагается, не достаточно точно или даже вовсе неправильно. Как правило, указывают, что Шлейхер в этом вопросе продолжал линию Цейсса и Гримма, признавая ближайшее родство между германскими, балтийскими и славянскими языками. Действительно, Шлейхер всегда подчеркивал особенно тесную связь балтийских и славянских языков с германскими и подозрительно смотрел на попытки непосредственного сближения этих языков с арийскими, иногда впадая в крайность⁴⁹. Но при этом часто недооценивали или просто упускали из виду то, что Шлейхер внутри близко-

⁴⁸ Следует отметить, что Шлейхер в отличие от Миклошича правильно определил место старославянского языка среди других славянских языков. См. A. Schleicher. Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn, 1852, стр. 26—30; см. его же. Ist das Altkirchenslawische altslawisch? «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, 1858, стр. 319—327. Уместно напомнить, что Шлейхер уделял большое внимание вопросу членения праславянского языка. Шлейхеровская схема 1865 г. в значительной степени повлияла на более поздние схемы такого рода и во многом обусловила их. См. об этом Степан Смаль-Стоцкий. Розвиток поглядів про сем'ю словянських мов і їх взаїмне споріднення. Прага, 1927, стр. 18—19.

⁴⁹ Ср. мнение Шлейхера по поводу соответствия др.-инд. ś и лит. š в рецензии на книгу Боппа «Über die Sprache der alten Preußen» («K.-Schl. Beitr.», Bd. I, 1858, стр. 107—116).

родственной группы трех языков всегда особо подчеркивал близость славянской и балтийской ветвей и указывал, что она особого рода по сравнению с близостью германских языков с балтийскими и славянскими. То, что в дошлейхеровский период было альтернативой (или германо-балто-славянский, или балто-славянский), благодаря теории «родословного древа» стало возможным объединить в виде необычайно стройной и логически продуманной теории в одно целое, но с установлением хронологических градаций. В данном случае хотелось бы особенно подчеркнуть взгляды Шлейхера на балто-славянские языковые отношения, совпадающие, по сути дела, с точкой зрения Потта⁵⁰. Они были отчетливо выражены уже в ранних работах Шлейхера⁵¹. И впоследствии, когда были уже сформулированы основные положения общей теории праязыка, Шлейхер не отказался от своих ранних взглядов о балто-славянских связях, хотя эти взгляды и были по-новому осмыслены. Наиболее полное выражение взгляды Шлейхера получили в статье «Краткий очерк доисторической жизни северо-восточного отдела индогерманских языков»⁵² (Ср. также «Kurzer Abriss der Geschichte der slawischen Sprache»)⁵³. Их суть сводится к следующей картине. «Индогерманский праязык» (Шлейхер уже употребляет термин «Ursprache») первоначально распался на две большие ветви: «арийско-греко-итало-кельтскую» и «славяно-немецкую (собственно говоря, «германо-балто-славянскую»). Эта последняя распалась в свою очередь на «немецкий» и «славяно-литовский» языки, и, наконец, «славяно-литовский» дал начало славянским и балтийским языкам, впоследствии подвергшимся новому разделению. Ряд подобных дихотомических делений пережила и другая ветвь индоевропейских языков⁵⁴. О том, что некогда существовал германо-балто-славянский язык, по мнению Шлейхера, свидетельствует ряд сходств («Ähnlichkeit») в области лексики, фонетики и прежде всего грамматики, приоритет которой в подобных вопросах не раз подчеркивается немецким лингвистом. Шлейхер указывает эти сходства: *-m-* вместо *-bñ-* в ряде косвенных падежей; утрата аблатива; потеря сослагательного наклонения на *-a* (типа лат.

⁵⁰ Об этом говорит сам Шлейхер в своей книге о старославянском языке (см. его «Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache...», стр. 3).

⁵¹ Приведем несколько характерных цитат из работ Шлейхера: «Slawische und Lettische sind ebenfalls unter einander unverkennbar näher verwandte als mit irgend einer anderen idg. Familie. Sie bilden das slawisch-lettische Paar». («Die Sprachen Europas in systematischer Übersicht», Bonn, 1850, стр. 125); («Die lautliche Organisation beider Familien (балтийской и славянской. — В. Т.) ist zwar im Ganzen und Großen dieselbe, die lexikalische und grammatische Übereinstimmung beider ist meist schlagend, dennoch dürfen...» (там же, стр. 187); «Allerdings schließt sich unser Familienpaar zunächst an die germanische Familie an...» (там же, стр. 188); «Die lettische und slawische Familie stehen sich besonders nahe, so daß ich sie nach dem Vorgange anderer, so z. B. Potts, zu einem ganzen, einer Familie zusammenfaßen möchte» («Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache...», стр. 3); «Die lettisch-slawische Familie räumlich und sprachlich zunächst steht die germanische» (там же, стр. 4); «Slawisch, Littauisch und Deutsch sind besonders nahe verwandt und bilden ein Ganzes für sich; Slawische und Littauische aber gleichen sich in manchen Teilen der Grammatik und im Wortvorrat so sehr, daß man geneigt sein könnte sie für Glieder einer und derselben Sprachfamilie zu halten...» («Handbuch der Litauischen Sprache», Bd. I. Prag, 1856, стр. 1) и др.

⁵² См. «Записки ИАН», т. 8, кн. 1—2, Приложение. СПб., 1865, стр. 1—64.

⁵³ См. «K.-Schl. Beitr.», Bd. II, 1858, стр. 1—27.

⁵⁴ Ср. схемы, приведенные Шлейхером в его работах: «Die Deutsche Sprache». Stuttgart, 1859, стр. 82; «Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen». Weimar, 1861, стр. 7; «Die Darwinsche Theorie und die Sprachwissenschaft. Offenes Sendschreiben an Herrn Dr. Ernst Haeckel». Weimar, 1863 (приложение в конце); «Краткий обзор», стр. 61, 62.

vehat); сохранение различия между глаголами совершенного и несовершенного вида; вставка -s- перед рядом суффиксов, начинающихся с *t*⁵⁵; лексические сходства (Шлейхер настаивает на исключении заимствований, хотя практически нередко ошибается) и т. д. Как видно, Шлейхер не проводит различия между сходствами положительного и негативного характера, между специфическими совпадениями и совпадениями, часто встречающимися в разных языках. Примерно такого же достоинства различия между германскими и балто-славянскими языками, приводимые Шлейхером: отсутствие перебора согласных в балто-славянском, меньшее количество аблаута в этих языках(!?), сохранение локатива в балтийском и славянском, иное образование полных прилагательных, различия в консонантизме и т. д. Но несмотря на очевидные теперь несовершенства, указанные сходства и различия никогда до Шлейхера не проводились с такой подробностью. При этом важно указать на новое методологическое требование Шлейхера — сравнивать звуки и формы родственных языков, возводимых к их древнейшему состоянию⁵⁵.

Из балто-славянских совпадений Шлейхер указывает исчезновение придыхательных согласных; лит. *é*, слав. *ě* из и.-е. **á*⁵⁷; лит. *š*, лтш. *s*, слав. *s* из и.-е. **k*; лит. *ž*, лтш. *z*, слав. *z* из и.-е. **g*, **gh*; отсутствие прошедшего совершенного (имеется в виду перфект); сигматическое будущее время⁵⁸; образование полных прилагательных; отсутствие и.-е. общего залога; общность падежной системы; лексические сходства (впрочем, не слишком значительные, по мнению Шлейхера)⁵⁹.

И в других своих работах Шлейхер неоднократно касается общих вопросов балто-славянской грамматики и фонетики, даже если исследование посвящено только балтийской или только славянской теме⁶⁰.

Большое значение имел тот факт, что Шлейхер в отличие от Боппа и других своих предшественников уделял много внимания вопросам фонетики, причем уже на рубеже 50—60-х годов он был весьма близок к такому пониманию фонетических законов, которое в полной степени стало

⁵⁵ См. A. Schleicher. Germanisch und Slawisch. — KZ, Bd. 1, 1852, стр. 141—144 (речь идет о суффиксах, соответствующих слав. *-stv-*, *-stvo*, а также об *-vsk-*, *-isk-*, *-išk-*). Ср. также W. Burda. Einige Bemerkungen zu Schleicher's Compendium (Zweite Auflage). «K.-Schl. Beitr.», Bd. VI, Heft 2, 1869, стр. 188—194 (особенно стр. 194).

⁵⁶ См. А. Шлейхер. Краткий обзор, стр. 16.

⁵⁷ Ср. еще A. Schleicher. *t̃, ě*. «K.-Schl. Beitr.», Bd. II, 1861, стр. 122—124.

⁵⁸ Ср. также A. Schleicher. Das Futurum im Deutschen und Slawischen. — KZ, Bd. 4, 1855, стр. 187—197.

⁵⁹ См. также A. Schleicher. Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache. . . , стр. 9—10.

⁶⁰ Помимо уже указанных работ Шлейхера отметим еще некоторые: «O infinitivě a supinu v jazyku slovanském». «Časopis Českého Musea», 1849, sv. 3, стр. 153—157. (в дальнейшем — ССМ); «Was entspricht im Litauischen dem Kirchenslawischen *ь* und *ѣ*?» В прибавлении к книге «Die Sprache Europas», 1850, стр. 244—256 (раньше эта статья была напечатана в ССМ); «Über *v* (*-ov*, *-ev*) von den Casusendungen im Slawischen». «Sitzungsberichte der philos.-hist. Classe der kais. Akademie der Wissenschaften». Bd. VIII (B), Wien, 1852 (в дальнейшем — SB); «O jazyku litevském zvláště s ohledem na slovanský» — ССМ, 1853, sv. 2, стр. 320—334; «Lituanica». — SB, Bd. XI, 1853, стр. 76—156; «Handbuch der litauischen Sprache», Bd. 1—2. Prag, 1856—1857. «*-tē* (d. i. *tai*) als Endung des Infinitivs im Litauischen». «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, 1858, стр. 27—29; «Das Auslautgesetz des Altkirchenslawischen». Там же, стр. 401—425; «Ein Zischlaut vor und nach gutturalem Wurzelauslaute im Litauischen». Там же, стр. 49—50; «Всеславянский словарь». «Записки ИАН», т. IX, кн. 2, 1866, стр. 1—5; «Темы имен числительных (количественных и порядочных) в литво-славянском и немецком языках». Там же, т. X, кн. 1, 1866, приложения № 2, стр. 1—69; «Склонение основ на «у» в славянских языках». Там же, т. XI, кн. 1, 1867, приложения № 3, стр. 1—19 и др.

достоянием науки лишь в самом конце 70-х годов. Именно это позволило Шлейхеру отбросить ряд старых сопоставлений и установить новые⁶¹ и тем самым создать надежную основу для дальнейших исследований в различных областях и, между прочим, в этимологии⁶².

Наконец, следует отметить, что Шлейхер не ограничивался выявлением сходств между балтийскими и славянскими языками; в нескольких его статьях на примере анализа частных фактов разбираются отношения балтийских языков к италийским⁶³ и славянских к германским.

Заключая обзор работ Шлейхера в области балто-славянского языкознания, нужно подчеркнуть, что именно со времени Шлейхера выкристаллизовался и занял вполне определенное место вопрос о древнейших балто-славянских языковых отношениях. Разумеется, что многие общие положения шлейхеровской сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков не позволяли более точно определить место балтийских и славянских языков (например, учение о гуттуральных, об индоевропейском вокализме и т. д.); однако было бы несправедливо вменять это в вину Шлейхеру. Важнее то, что в течение многих последующих лет, вплоть до начала XX в., точка зрения Шлейхера по вопросу о балто-славянских языковых связях оставалась общепризнанной, если не считать некоторых малосущественных исключений.

Одновременно с литовской грамматикой Шлейхера появились в Копенгагене две части книги К. Г. Смита о балто-славянском вокализме и склонении имен⁶⁴. К сожалению, особая позиция автора в отношении к сравнительно-историческому методу и почти полное игнорирование данных других языков не могли не отразиться на качестве книги, особенно на разделе, посвященном вокализму, который содержит ряд элементарных ошибок⁶⁵. Тем не менее подробное сопоставление балтийских и славянских данных и превосходное по тому времени знание старолитовских текстов позволили Смигу сделать некоторые уточнения и поправки, касающиеся, между прочим, и отдельных утверждений Шлейхера в его литовской грамматике. Однако в целом книга Смита оказалась малозаметным явлением в балто-славянском языкознании⁶⁶.

⁶¹ См. A. Schleicher. Das Pronomen lit. *szī*, slaw. *si-* goth. *hi*, grundf. *ki*. «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, 1858, стр. 48—49 (раньше эти слав. и балт. местоимения сравнивались с **sjas*; характерно замечание Шлейхера: «Jene Erklärung verstößt also geradezu gegen die festen Lautgesetze beider Sprachen»).

⁶² В этом отношении первостепенную роль сыграла статья Шлейхера «Das Litauische in Curtius griechischer Etymologie» («K.-Schl. Beitr.», Bd. II, стр. 124—126), положившая предел смешению лит. *e*, *é*, *ie* при этимологических исследованиях.

⁶³ См. A. Schleicher. Litauisch und Altitalisch. — KZ. Bd. 4, 1855, стр. 240; его же. Oskisch *deivaum*, lettisch *deevatees*. KZ, Bd. 12, 1863, стр. 339—400 [через полвека это же сопоставление вновь было предложено В. Шульце (см. W. Schulze. Oskisch *deivaud* und lateinisch *divoes*. — KZ, Bd. 45, 1912, стр. 190), забывшим о статье Шлейхера. См. также W. Schulze. Vergessenes. — KZ. Bd. 45, 1913, стр. 374]; его же. Lit. -ai, griech. -ī, umbr. -ei (-ī, -ē). «K.-Schl. Beitr.», Bd. V, 1868, стр. 113—114.

⁶⁴ Casp. Guil. Smith. De locis quibusdam grammaticae linguarum balticarum et slavonicarum. Particula I. De elementis imprimis vocalibus; Particula II. De nominum declinatione. Havniae, 1857. Известное дополнение ко второй части представляет большая работа Смита (Smith. «Bemerkungen über die primitiven Fürwörter der baltischen und slavischen Sprachen.» «K.-Schl. Beitr.», Bd. II, 1861, стр. 330—350; Bd. III, 1863, стр. 97—112 и 129—151).

⁶⁵ С критикой их выступил Шлейхер в своем разборе этой книги в «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, стр. 385—388 и 496—498.

⁶⁶ Гораздо более удачной в методологическом отношении оказалась статья Смита (K. G. Smith. Litauisches. «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, стр. 506—508), в которой автор удачно использует древнеиндийские данные.

Точно так же не имели особого значения для решения вопроса о древнейших балто-славянских языковых связях две в других отношениях чрезвычайно важные работы А. Биленштейна⁶⁷ и Ф. Куршата⁶⁸. Оба лингвиста придерживаются в основном шлейхеровской точки зрения⁶⁹, причем Биленштейн указывает ряд новых балто-славянских соотношений, как правило, небольшой доказательной силы или вовсе бездоказательных, например: наличие двух рядов — шипящие и свистящие; отсутствие придыхательных согласных, кроме *x*; диссимилиация *t(d)* в *s* перед *t(d)*; ассимиляция гуттуральных перед гласными переднего ряда; слияние *j* с предшествующим согласным; отсутствие индоевропейского пассива; образование нового среднего залога; утрата удвоительного перфекта и аугмента и т. д.

Для индоевропейского языкознания третьей четверти XIX в. характерен неустанный интерес к вопросам членения индоевропейского «праязыка» и взаимного отношения отдельных языков. В эти годы было выдвинуто немало теорий и предложений, направленных к решению указанных вопросов. Некоторым из них было суждено сыграть видную роль в дальнейшем развитии языкознания и, в частности, в эволюции взглядов, касающихся балто-славянской проблемы. В первую очередь это относится к высказанному в 1853 г. Максом Мюллером предположению, согласно которому при первом разделении индоевропейского праязыка выделились арийские и европейские языки⁷⁰. Лоттнер поддержал и развил мысль Мюллера, представив картину членения праязыка как ряд последовательных отщеплений, начавшихся с выделения индо-иранских, потом греческого, итальянских, вероятно, кельтских, германских языков и окончившихся разделением оставшейся части на балтийские и славянские языки⁷¹. Эта схема во многом противоположна схеме Шлейхера и прежде всего в определении относительной хронологии выделения балто-славянского языка и в вопросе о месте кельтского и латинского языков, которые Лоттнер сначала сближал с «северными» языками⁷², а потом окончательно отрывал от греческого, рассматривая их как две наиболее близко друг к другу стоящие языковые ветви⁷³. Вначале к мнению Лоттнера по последнему вопросу вполне присоединился и Г. Эбель⁷⁴, впоследствии выступивший несколько более осторожно⁷⁵. Собранные в работах Лоттнера, Эбеля, Шлейхера и Куно⁷⁶ итало-кельтские совпа-

⁶⁷ A. Bielenstein. Die Lettische Sprache nach ihrem Lauten und Formen. Berlin, Bd. I, 1863; Bd. II, 1864.

⁶⁸ F. Kurschat. Grammatik der Littauischen Sprache. Halle, 1876, работа, подводящая итог литовским штудиям автора с 40-х годов.

⁶⁹ См. А. Биленштейн. Указ. соч., стр. 1—5 (правда, автор не касается вопроса об отношении «литво-славянского» языка к германским и заявляет также о своем согласии с мыслями Потта по поводу балто-славянских связей); Ф. Куршат. Указ. соч., стр. 7—8.

⁷⁰ См. Max Müller. The Veda and Zend-Avesta, vol. I, 1853, стр. 62 и след.

⁷¹ См. C. Lottner. Über die Stellung der Italiker innerhalb des indoeuropäischen Stammes. — KZ, Bd. 7, 1858, стр. 18—49 и 161—193 (особенно стр. 193).

⁷² См. там же, стр. 49.

⁷³ См. C. Lottner. Celtisch-Italisches. «K.-Schl. Beitr.», Bd. II, стр. 309—321 (особенно стр. 320). Эта статья была написана в 1859 г.

⁷⁴ H. Ebel. Celtisch, griechisch, lateinisch. — «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, стр. 429—437.

⁷⁵ H. Ebel. Die Stellung des Celtischen. «K.-Schl. Beitr.», Bd. II, стр. 137—194. Между прочим, в этой статье автор высказывает мнение, что славянские языки имеют некоторые специальные совпадения с иранскими, приводя при этом в пример широкое распространение в этих языках суффикса *-ka*. Ср. также H. Ebel. Griechisch-italisch-keltisch. «K.-Schl. Beitr.», Bd. IV, 1865, стр. 351—355.

⁷⁶ Joh. Gust. Cuno. Keltisch-italische Studien. «K.-Schl. Beitr.», Bd. IV, стр. 99—112, 217—238, 345—350.

дения были настолько поучительны, что стало невозможным отрицать особую близость этих языков. Чтобы спасти «греко-итало-кельтский» язык, Шлейхер вынужден был указать на особую близость итальянских и кельтских языков по сравнению с греческим, т. е. предполагать те же отношения, что и внутри германо-славяно-балтийской группы⁷⁷. В связи с этим Шлейхер выдвинул важное методологическое положение, заключающееся в том, что два или три языка, постоянно находящиеся в условиях географического соседства, обнаруживают наибольшее внутреннее родство⁷⁸. Другим важным положением, окончательно установленным во время дискуссий 50-х годов, было признание первостепенной роли грамматики при определении родства⁷⁹, причем подчеркивалась необходимость оперировать древнейшими из засвидетельствованных форм (в противном случае получались ошибки, о которых писал Лоттнер⁸⁰).

Эти новые установки и требования привели к тому, что в конце 50- — начале 60-х годов произошли существенные изменения во взглядах на членение индоевропейского праязыка. Наиболее значительным результатом было установление особо тесных связей между итальянскими и кельтскими языками⁸¹; эти связи были подтверждены рядом весьма надежных для того времени совпадений (-r в пассиве⁸², Gen. sg. о-основ на -ī, конъюнктив на -ā, суффикс -tībŋ- и т. д.)⁸³. Несомненно, что эти достижения не могли не оказать влияния и на рассмотрение балто-славянской проблемы.

70-е годы отмечены повышенным интересом к изучению проблемы места балто-славянского языка среди других индоевропейских языков; прежде всего, естественно, анализируются отношения балто-славянского к германским и иранским языкам. С критикой учения Шлейхера о германо-балто-славянском языке и его теории «родословного древа» в 1872 г. выступил И. Шмидт в книге «Родственные отношения индогерманских языков», представляющей собой доклад, прочитанный на собрании филологов в Лейпциге. Одновременно он возражал и против принятия

⁷⁷ См. A. Schleicher. Die Stellung des Celtischen im Indogermanischen Sprachstamme. «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, стр. 437—448.

⁷⁸ Сходные мысли были высказаны также Эбелем во второй из указанных работ и особенно подробно Адольфом Пикте (A. Pictet. Les origines Indoeuropéennes, vol. I. Paris, 1859), усиленно подчеркивавшим первостепенную важность географического момента и отразившего его в своей эллиптической схеме членения индоевропейских языков (в ней балто-славянский находится между германскими и иранскими языками). Географическим соседством объяснял также Фёрстеманн (E. Förstemann) ряд литовско-древнесеверных параллелей. См. KZ, Bd. 19, 1870, стр. 353—381.

⁷⁹ Кроме Шлейхера, см. H. Ebel. «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, стр. 429—437, и особенно С. Lottner. — KZ, Bd. 7, 1858, стр. 18—49 и 161—193.

⁸⁰ См. С. Lottner. — «K.-Schl. Beitr.», Bd. II, стр. 309.

⁸¹ В это же время немало писалось и об индо-иранских языковых связях; ср., например, H. Kierert. Andeutungen zu Untersuchungen über den arischen Charakter der medischen Sprache. — «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, стр. 38—47; F. Spiegel. Kurzer Abriss der Geschichte der éranischen. Там же, Bd. II, стр. 1—37, 217—235 и др.

⁸² См. указание Эбеля на важность этого совпадения в связи с его отсутствием в других языках. «K.-Schl. Beitr.», Bd. I, стр. 436.

⁸³ Впрочем, еще довольно долгое время повторялась старая точка зрения об особой близости греческого и латинского языков. См. L. Diefenbach. Origines Europaeae. Die alten Völker Europas mit ihren Sippen und Nachbarn. Frankfurt am Main, 1861; E. Förstemann. Gräcoitalisch. — KZ, Bd. 17, 1868, стр. 354—376; ср. также его более ранние труды с применением статистического анализа: «Numerische Lautverhältnisse im Griechischen, Lateinischen und Deutschen». KZ, Bd. 1, 1852, стр. 163—179; «Numerische Lautbeziehungen des Griechischen, Lateinischen und Deutschen zum Sanskrit.» — KZ, Bd. 2, 1853, стр. 35—44 (см. еще KZ, Bd. 2, 1853, стр. 401—414).

распада индоевропейского праязыка на европейский и азиатский языки⁸⁴. Шмидт не отрицал тесных связей между балто-славянским⁸⁵ и германским языками и даже привел некоторые новые аргументы в их пользу: общее стяжение *-jā* в *-ī* в им. п. ед. ч. ж. р. (особенно в причастиях): гот. **frijōndi*, ст.-сл. *вержшти*, лит. *auganti*; сходные образования презентных основ с носовым элементом для выражения инкоативного или непереходного значения; некоторые параллели из области числительных⁸⁶ и, наконец, словарные сходства⁸⁷. С другой стороны, он подверг сомнению доказательную силу некоторых германо-балто-славянских совпадений, принятых Шлейхером. Так, например, Шмидт показал, что потеря придыхательных согласных произошла позднее, чем обычно думали и, во всяком случае, в германском и в балто-славянском независимо. Точно так же ценность старого сопоставления двух типов прилагательных в германском и в балто-славянском языках значительно снизилась после того, как Шмидт указал на различие в принципах образования этих прилагательных и на наличие сходных типов в древнеиранском. Подобного рода критика была сделана и по поводу сопоставления глаголов совершенного и несовершенного видов в этих трех языках⁸⁸. Анализ германо-балто-славянских связей привел Шмидта к выводу, что ни один из европейских языков не стоит столь близко к балто-славянскому, как германский.

Но, в отличие от Шлейхера, Шмидт не прошел и мимо ирано-балто-славянских связей, особенно подчеркивая сходство в трактовке старых гуттуральных звуков в языках балто-славянской и индо-иранской ветвей⁸⁹ и указывая еще целый ряд соответствий (род. п., ед. ч. личного местоимения 1-го: лица др.-иранск. *mana*, лит. *māno*, ст.-сл. *мене*; особенности местоимения *ava*, *овъ*; предлог *rādiy*, *ради*; сложные слова типа *dvandva* и др.)⁹⁰.

Исследуя эти двусторонние связи балто-славянского языка, Шмидт обратил внимание на важную роль географического фактора: славянские языки стоят ближе к иранским, чем к индийским; балтийские языки менее тесно связаны с иранскими, чем славянские, и т. д. Эти закономерности не могли быть случайными, однако с точки зрения теории «родословного древа» их нельзя было объяснить. Попытка применения этой теории ставила перед исследователем альтернативу, порочную по существу: или не считаться с явными ирано-балто-славянскими «сходствами», или реконструировать два противоречащих друг другу языка — германо-балто-славянский и арио-балто-славянский. Поэтому Шмидт вынужден был прибегнуть к новому объяснению членения индоевропейской языковой области и к новому решению проблемы взаимоотношений между отдельными языками. В этом отношении шмидтовская «волновая» теория оказалась весьма удачной, а ее критика по существу, которая велась в основном с шлейхеровских позиций, наоборот, несостоятельной⁹¹.

⁸⁴ Эта теория стала модной благодаря трудам М. Мюллера, Лотнера (KZ, Bd. 7, 1858, стр. 161 и след.) и особенно А. Фика (см. A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen. Изд. 1-е, Göttingen, 1868, стр. 1053 и след.).

⁸⁵ В терминологии Шмидта — «Slavolettisch».

⁸⁶ См. J. Schmidt. Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872, стр. 6—8.

⁸⁷ См. там же, стр. 36—45, особенно стр. 36—41 (здесь приведено 59 общих германо-балто-славянских слов, не отмеченных в других языках).

⁸⁸ См. там же, стр. 5—6.

⁸⁹ Это сопоставление приобрело особое значение, после того как Асколи установил наличие в индоевропейском праязыке двух рядов гуттуральных.

⁹⁰ См. J. Schmidt. Die Verwandtschaftsverhältnisse... стр. 9—15.

⁹¹ См. возражения Шмидта критикам в «Jenaer Literaturzeitung» (1874, стр. 201) и во второй части книги «Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus» (Weimar,

Окончательный вывод Шмидта в отношении балто-славянского языка, сделанный с точки зрения «волновой» теории, заключался в том, что «slawolettische weder vom arischen noch vom deutschen losgerissen werden kann, sondern die organische Vermittelung beider ist»⁹². Характерно, что при этом целостный характер балто-славянского языка оставался вне сомнений⁹³. Этот факт тем более любопытен, что «волновая» теория предоставляла Шмидту возможность по-иному взглянуть на характер балто-славянских связей.

Несмотря на то, что книга Шмидта непосредственно не рассматривала вопроса о балто-славянских языковых связях, ее значение для решения этого вопроса трудно переоценить. Оно заключалось в том, что совершенно по-иному были поставлены и решены основные вопросы индоевропейской диалектологии; в значительной степени Шмидту удалось избавиться от гипотезы многочисленных промежуточных праязыков; была еще раз подчеркнута важность географического фактора и, как его следствие, наличие дву-(или много-)сторонних отношений каждого языка. Дальнейшие исследования, особенно от Мейе до наших дней, показали, что ряд положений теории Шмидта имеет непреходящую ценность⁹⁴.

Однако сначала работа Шмидта вызвала острую критику со стороны ряда крупнейших ученых того времени — Фика, Авэ, Мейера, Бецценбергера, Жолли, Уитнея, Ферстеманна, Хассенкампа, хотя были и такие, которые защищали «волновую» теорию (Овелак, Шпигель, Гюбшман, Шрадер). Значительная часть ученых критиковала утверждение Шмидта о том, что германо-балто-славянского языка никогда не существовало. Среди подобных исследований прежде всего следует отметить книгу А. Фика «Die ehemalige Spracheinheit der Indogermanen Europas. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung» (Göttingen, 1873). Соглашаясь с частью выводов Шмидта (из европейских языков к балто-славянскому ближе всего германские языки), Фик отрицает одно из самых важных положений Шмидта, а именно установление тесных связей между балто-славянским и иранским языками. Фик считал, что у Шмидта было лишь

1875), где в главе «Ergebnisse für die Verwandtschaftsverhältnisse der slawischen Sprachen unter einander» (стр. 178—201) он распространяет принципы «волновой» теории на анализ отношений между славянскими языками (см. схему на стр. 199).

⁹² Там же, стр. 17—18.

⁹³ Там же, стр. 17.

⁹⁴ Нельзя не назвать и ряд конкретных исследований Шмидта, относящихся отчасти или полностью к балто-славянскому языкознанию: см. J. Schmidt. Über das litauische Nominalsuffix *-i*. «K.-Schl. Beitr.», Bd. IV, стр. 257—267 (о колебаниях в *i*-основах в балтийских языках с указанием на аналогичные факты в славянских и в германских языках, особенно стр. 266); е го же. Die Entwicklung von unursprünglichem *j* im Slawischen und Litauischen. «K.-Schl. Beitr.», Bd. VI, 1869, стр. 129—152; е го же. «Miscellanea.» «K.-Schl. Beitr.», Bd. VII, 1872, стр. 239—244 (опровержение шлейхеровской точки зрения о ст.-слав. переходе *t, d > s* перед *m, l* с привлечением балтийских данных и анализом ряда словообразовательных элементов); е го же. Was beweist das *e* der europäischen Sprachen für die Annahme einer einheitlichen europäischen Grundsprache. — KZ, Bd. 23. 1877, стр. 333—375 (в частности о дифтонге *eu* в балто-славянском; см. также A. Bezenberger. Göttinger Gelehrte Anzeigen, 1875, стр. 1322); см. также его книги: «Die Wurzel *ak* im Indogermanischen». Weimar, 1865; «Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus», Bd. I—II. Weimar, 1871, 1875 (особенно обилие балто-славянский материал во второй части), и поздние работы: «Die Pluralbildung der idg. Neutra». Weimar, 1889; «Kritik der Sonantentheorie». Weimar, 1895; ряд статей Шмидта посвящен отдельным проблемам прусского, литовского и славянских языков; вопросу о германском влиянии на славянские языки, в частности, посвящена статья «Gotisch *vorija* „ich rufe“». — KZ, Bd. 21, 1873, стр. 283—286, в которой утверждается, что славянский глагол *voriti* был заимствован из готского вместе с флексией.

два веских аргумента в пользу арио-балто-иранских связей — трактовка гуттуральных и словарные сходства. Оба эти аргумента Фик подверг тщательному рассмотрению. По его мнению, ни один из них не является вполне состоятельным. Наличие в праязыке не одного, а двух рядов гуттуральных и исключения типа слав. *svekry*, лит. *pekus* приводят Фика к выводу, что полагаются на рефлексы гуттуральных в отдельных языках едва ли целесообразно. Не менее подробно разбирает Фик и второй аргумент Шмидта. Он кажется ему лишенным значения и опровергающим «волновую» теорию, поскольку при 65 балто-славяно-арийских словарных сходствах (вместо 61, по Шмидту)⁹⁵ имеется 82 примера подобных сходств между удаленными друг от друга германскими и арийскими языками⁹⁶. Таким образом, итог первой главы книги Фика заключается в том, что, вопреки мнению Шмидта, некогда существовал германо-балто-славянский язык⁹⁷. Остальные главы посвящены Фиком ряду других вопросов индоевропейского языкознания и имеют целью доказать существование европейского языка как результата первой дихотомии и тем самым подорвать основные положения «волновой» теории⁹⁸.

Однако заслуга Фика перед балто-славянским языкознанием заключается не в его критике теории Шмидта или в попытке нового обоснования германо-балто-славянского единства, а в его многочисленных работах в области балтийской и славянской этимологии⁹⁹, обобщенных в знаменитом этимологическом словаре¹⁰⁰, который выдержал четыре издания немногим более, чем за двадцать лет. Этот словарь отражал в своем строении общие представления Фика об этапах распада праязыка. Но независимо от этих общих представлений часть, посвященная балто-славянскому словарю¹⁰¹ и, в меньшей степени, германо-балто-славянскому, представляла значительный вклад в науку, поскольку давала в распоряжение исследователя большое количество хорошо проверенных фактов сходства между балтийскими и славянскими языками в области лексики.

В 1874 г. появилась известная книга Э. Фёрстеманна о германских языках¹⁰². Автор этой книги полностью разделяет теорию Шлейхера о дроблении индоевропейского праязыка, что находит отражение и в построении его книги¹⁰³. Но в отличие от Шлейхера и Фика он не пре-

⁹⁵ См. A. Fick. Die ehemalige Spracheinheit. . . , стр. 48—56.

⁹⁶ См. там же, стр. 41—48.

⁹⁷ См. там же, стр. 1—61.

⁹⁸ О «волновой» теории Фик писал и позднее. См. A. Fick. Die Indogermanen. — KZ, Bd. 41, 1907, стр. 336—356.

⁹⁹ Они публиковались чаще всего в бецценбергерских «Beiträge» и в куновском журнале.

¹⁰⁰ См. A. Fick. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Göttingen, изд. 1-е — 1868; изд. 4-е — 1890. В эти же годы в России большое внимание балто-славянской этимологии уделял С. П. Микуцкий. Ср. его «Наблюдения и замечания о летославянском языке сравнительно с прочими арийскими языками», «Записки русского географического общества», т. I. СПб., 1867, стр. 541—613; его же. Сравнение слов славянских (и литовских). СПб., 1852, а также многочисленные его статьи в академических изданиях тех лет. Однако эти этимологии не отличались достаточной надежностью и большей частью остались незамеченными. То же следует сказать и о его славяно-санскритских и балто-санскритских этимологиях. См. «Сравнение корней и слов санскритских со славянскими (и литовскими)». СПб., 1852.

¹⁰¹ См. A. Fick. Указ. соч., VI. Wortschatz der leto-slavischen Spracheinheit.

¹⁰² Ernst Försteman n. Geschichte des deutschen Sprachstammes, Bd. I. Nordhausen, 1874.

¹⁰³ I. Die vorlavogermanische Zeit. II. Die slavogermanische Zeit. Anhang. Charakter des Lituslavischen. III. Die urdeutsche Zeit. Влияние Шлейхера сказалось и на уже упоминавшейся работе Карловича. Особенно ср. гл. III. Stopień powinowactwa

уменьшает арио-балто-славянских связей и пытается их объяснить, предлагая двоякое решение: первое — германо-балто-славянский язык существовал на ограниченной территории внутренней части Азии, причем все диалекты праязыка находились в это время в тесной связи; второе — сходство между балто-славянским и индо-иранским объясняется влиянием последних на первые уже после распада германо-балто-славянского языка. В приложении ко 2-й книге Фёрстеманн довольно подробно останавливается на перечислении балто-славянских совпадений в области фонетики, словаря, словообразования, морфологии, значения (так!) и синтаксиса; кроме того, Фёрстеманн указывает на результаты влияния других языков на балтийские и славянские. Перечисление балто-славянских параллелей сделано весьма малоудачно, но все же можно отметить ссылку на употребление творительного предикативного (пример, повторенный впоследствии много раз) и указание на комплекс процессов, способствовавших увеличению числа открытых слогов¹⁰⁴. Понятно, что эта работа не оказала сколько-нибудь значительного влияния на исследования в области балто-славянских языковых связей.

В 1876 г. появилась последняя из крупных работ, вызванных книгой Шмидта и направленных в поддержку линии Цейсса, Гримма, Шлейхера, Фика, Фёрстеманна, а именно книга Р. Хассенкампа (R. Hassenkamp) «Über den Zusammenhang des Lettoslavischen und Germanischen Sprachstammes» (Leipzig, 1876). Много места уделяет Хассенкамп критике шмидтовских положений об арио-балто-славянских сходствах (важнейшими из них Хассенкамп считает судьбу гуттуральных и образование двойственного числа); в ряде случаев он удачно опровергает сопоставления Шмидта (ср. вопрос о *dvandva*)¹⁰⁵, но, к сожалению, в частях, посвященных выявлению германо-балто-славянских сходств, метод Хассенкампа оказывается на низком уровне [ср., например, сравнение гот. *nasja*, др.-в.-нем. *periu* и болг. *jama-jemi*, *jak-jeki(a|e)* и др.]. Все же некоторые примеры Хассенкампа оказались новыми или, во всяком случае, малоизвестными: ср. *sr* > *str*, отпадение *t*, *d* в конце слова, образование деноминативных глаголов на *-ja*, причастия на *-ta* и *-na*, крайне редкое употребление суффикса *-tara*, потеря дифтонгических основ в склонении, использование приставок в глаголах совершенного вида, особые причастные конструкции (самостоятельные) и др. Некоторое значение имеет также составленный Хассенкампом список германо-балто-славянских (70 слов) и арио-балто-славянских (всего 13 слов) лексических сопоставлений, особенно если сравнить с аналогичными перечислениями у Шмидта и Фика.

Однако в целом книга Хассенкампа не дала ничего существенно нового, особенно в области идей, если не считать, что в отличие от Шлейхера Хассенкамп полагал, что германо-балто-славянский язык существовал еще в то время, когда остальные ветви индоевропейской семьи уже стали самостоятельными¹⁰⁶.

Новое слово в истории изучения балто-славянской проблемы было суждено сказать не критикам Шмидта, а А. Лескину, пытавшемуся найти некоторый компромисс между теориями Шлейхера и Шмидта и

języka litewskiego ze słowiańskim, germańskim i innymi aryjskimi, okazany w gramatyce i słowniku, стр. 225—248.

¹⁰⁴ См. E. Försteman. Geschichte des deutschen Sprachstammes, стр. 323 и след.

¹⁰⁵ Ср. также критику Хассенкампом предложенных еще Куном сходств между индо-иранским и балто-славянским в области «культурных» слов. См. Р. Хассенкамп. Указ. соч., стр. 55.

¹⁰⁶ См. там же, стр. 62.

пересмотревшему окончательно вопрос о германо-балто-славянском языке в своей знаменитой книге «*Deklination im Slavisch-litauischen und Germanischen*». Как и другие представители младограмматической школы, Лескин хорошо понимал несовершенства обеих теорий¹⁰⁷, но в отличие от своих соратников по направлению Лескин попытался синтезировать наиболее плодотворные идеи теории «родословного древа» и «волновой» теории. Он был первым, кто заявил, что эти теории не противоречат друг другу¹⁰⁸, поскольку уже в историческое время отмечены случаи деления в шлейхеровском смысле и «географическая непрерывность» („*geographische Kontinuität*“) в духе Шмидта. Объединение этих двух

теорий в одной было проиллюстрировано Лескином формулой $a \overset{+}{b} \overset{+}{c}$, в которой a — германский, b — балто-славянский, c — арийский, $|$ — знак деления, $a \sim$ — обозначение географической непрерывности (см. стр. XI—XII). С помощью этой формулы Лескин объясняет, что общая судьба гуттуральных в b и c и общая флексия склонения $-m$ в a и b никак не исключают друг друга. С другой стороны, нет никакой необходимости принимать германо-балто-славянский или балто-славяно-арийский языки. Более того, на примере последовательного сравнения и скрупулезного исследования именного и местоименного склонения в германских, балтийских и славянских языках Лескин показывает, что в склонении нет таких фактов, которые бы свидетельствовали об особой близости балто-славянского с германским¹⁰⁹. Единственный, по мнению Лескина, серьезный аргумент заключается в сходстве некоторых косвенных падежей, имеющих элемент $-m$. Но и значение этого факта существенно уменьшается Лескиным, предполагающим фонетический переход $bh > m$ ¹¹⁰.

Книга Лескина оказала весьма значительное влияние на развитие взглядов по вопросу о балто-славянских языковых отношениях, хотя сам автор принимал балто-славянский язык за уже доказанное. Дело в том, что даже после того, как уверенность в существовании балто-славянского языка сменилась скептическим отношением к нему, по-прежнему остались незыблемыми некоторые общие теоретические положения Лескина, относящиеся к критериям определения языкового родства¹¹¹. Точно так же в течение долгого времени исследования Лескина, по-

¹⁰⁷ Подробный разбор их дан во «Введении» к указанной книге Лескина.

¹⁰⁸ См. А. Leskien. *Deklination im Slavisch-litauischen*. Leipzig, 1876, стр. XII. Некоторые сходные мысли, но выраженные гораздо менее определенно, можно найти в книге Грегора Крека (G. Krek. *Einleitung in die slavische Literaturgeschichte*. Graz, изд. 1-е — 1874, изд. 2-е — 1887. Однако практически Крек рассматривает те же этапы в эволюции от индоевропейского праязыка до отдельных славянских языков, что и Шлейхер. В целом же эта книга дает достаточно полный свод данных, относящихся к решению балто-славянского и германо-балто-славянского вопросов, как их понимали в середине 70-х годов XIX в.

¹⁰⁹ См. А. Лескин. Указ. соч., стр. 157—158.

¹¹⁰ См. там же, стр. 99—103. В этом отношении, видимо, более прав был А. Берген (A. Bergaigne. *Du prétendu changement de bh en m en paléoslave, en lithuanien et en gothique*. — MSL, vol. II, 1872, стр. 213—217), который выступил против отождествления флексий на $-bh$ и на $-m$. Однако объяснение $-m$ в указанных языках, предложенное Бергеном, было неудовлетворительным и подверглось критике Лескина. Этой же теме было посвящено исследование А. Людвиг (См. А. Ludwig. *Das Verhältnis der m-Formen der Germanischen Deklination zu denen Lettischen und Slavischen*), опубликованное в Трудах чешского научного общества.

¹¹¹ Прежде всего см. А. Лескин. Указ. соч., стр. VII: «Die Kriterien einer engeren Gemeinschaft können nur in positiven Übereinstimmungen der betreffenden Sprachen, die zugleich Abweichungen von den übrigen sind, gefunden werden».

священные конкретным вопросам балтийского и славянского языкознания, доставляли обильный материал, без знания которого невозможно было дальнейшее изучение древнейших судеб балтийских и славянских языков¹¹².

После 1876 г. вопрос о германо-балто-славянском языке утратил всякую привлекательность для ученых¹¹³, и их внимание сосредоточилось прежде всего на частных проблемах балто-славянского языкознания. Единственная в последней четверти XIX в. работа, охватывающая вопрос о существовании балто-славянского языка в целом, была написана молодым польским лингвистом Я. Ганушем¹¹⁴. Исходя из положений К. Бругмана, согласно которому о более близком родстве определенных языковых групп можно говорить лишь в том случае, если они обладают не одним или несколькими новообразованиями, но целым рядом их, причем и в фонетике, и в словообразовании, и в морфологии, и в синтаксисе, и в словаре, Гануш пытается ответить на вопрос, что заставляет принять существование балто-славянской эпохи. Он указывает 22 новообразования, общие балтийским и славянским языкам и отличающие балто-славянский язык от индоевропейского праязыка (попутно указываются сходные новообразования в других индоевропейских языках): 1) *a* и *o* дали звук, напоминающий польское *a ścieśnionę*; 2) *ā* и *ō* также совпали в звуке типа *á ścieśnionę*; 3) *eu > ou*; 4) *ŋ, m, r, l > in (bn), im (bm), ir (br), il (bl)*; 5) *gh, dh, bh > g, d, b*; 6) *k', g', g'h. >* лит. *š, ž*, слав. *s, z*; 7) *-m > -n*; 8) Gen. sg. *o*-основ *-ō*; 9) Instr. sg. *ā*-основ имел в конце носовой звук (лит. *rankà* из **rankq*); 10) *-m* в окончании ряда косвенных падежей; 11) Dat. sg. личного местоимения 1-го лица: *тынѣ*, прусск. *mennei*, лит. *manei*; 12) притяжательные местоимения двойного рода; **menos*, **tovos* (из **tevos*) **sovos* (из **sevos*) и **mojos*, **tvojos*, **svojos*; 13) вытеснение указательных местоимений **sos*, **sā* местоимениями **tos*, **tā*; 14) переход ряда согласных основ на *-i*; 15) сильная форма суффиксов *-men*, *-ter*; 16) переход Part. praes. act. и Part. perf. act. в склонение *īo*- и *īā*-основ; 17) Part. perf. act. от глаголов типа *хвалити, vālgyti*, а именно *хвалитъ, *vālgyoēs*, заменяются через *хвалѣа, vālgēs*; 18) Part. praes. pass. на *-mo*; 19) инфинитив на *-ti*; 20) *nomina agentis* на *-tojis*, *-тан*; 21) определенные прилагательные; 22) спряжение глагола *дѣти, duōti* в настоящем времени. Несмотря на то, что многие из указанных сходств по тем или иным причинам являются несостоятельными для доказательства существования балто-славянской эпохи, все-таки в целом анализ этих сходств Ганушем значительно выделяется среди предшествующих ему попыток

¹¹² Из числа наиболее важных работ Лескина в этой области стоит отметить: «Spuren der stammabstufenden Deklination im Slavischen und Litauischen». — AfsIPh, Bd. 3, 1879, стр. 108—111; «Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen». «Abhandlungen der philosophisch-historischen Klasse der königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften», Bd. IX, N 4. Leipzig, 1884, стр. 263—454; «Die Bildung der Nomina im Litauischen». Там же, Bd. XII, N 3. Leipzig, 1891, стр. 151—618; «Untersuchungen über Betonungs- und Quantitätsverhältnisse in den slavischen Sprachen». — AfsIPh, Bd. 21, 1899, стр. 321—398; Bd. 24, 1902, стр. 104—137 и др.

¹¹³ Впрочем, изредка появлялись работы, посвященные отношениям между германским и балто-славянским языками, но уже в другом плане. См. С. С. Uhlenbeck. De verwantschapsbetrekkingen tusschen de Germansche en Balto-slavische talen. Leiden, 1888; е го же. Die lexikalische Urverwantschaft des Baltoslavischen und Germanischen. Leiden, 1890.

¹¹⁴ J. Hanusz. O dobie litewsko-słowiańskiej w stosunku do prajęzyka indoeuropejskiego. «Rozprawy i Sprawozdania z posiedzeń Wydziału filologicznego Akademii Umiejętności». т. XI. Kraków, 1886, стр. 249—272.

своей полнотой и стремлением выявить сходства там, где впоследствии они исчезли (ср. 1, 2, 7, 9). Кроме того, следует отметить, что многие из черт сходства, указанные Ганушем (4, 8, 11, 16, 22), были признаны весьма авторитетными и неоднократно приводились (а иногда приводятся и до сих пор) в качестве доказательства существования балто-славянского языка. В заключение своей статьи Гануш пытается возможно точнее определить хронологические границы «литовско-славянской» эпохи. Справедливо критикуя слишком прямолинейные выводы Ю. Фирлингера, считавшего, что *ei* в *Neuroi* свидетельствует о существовании балто-славянского языка еще в V в. до н. э.¹¹⁵, Гануш использует более обширный материал для определения хронологии балто-славянского языка: балтийские и славянские заимствования в финских языках¹¹⁶, данные топонимии (названия рек с корнем **ner-*, **neur-* и т. д.), показания древних авторов. Сопоставление всех этих данных приводит Гануша к выводу, что еще перед началом нашей эры существовал балто-славянский язык. Основная ошибка польского ученого заключалась в том, что балтийские заимствования в финских языках он неправильно принимал за балто-славянские (ошибка, исправленная в известной работе В. Томсена)¹¹⁷. Однако принципиальная сторона вопроса (использование заимствований для определения хронологии) не могла остаться незамеченной.

Исследование Лескина о склонении в балто-славянском и германском языках убедительно показало, насколько шаткими были критерии, которые использовались при определении ближайшего родства языков. Они, естественно, уже не могли удовлетворить ученых. Очередная задача заключалась в том, чтобы выработать новые, более строгие критерии. Особенно много в этой области было сделано представителями «младограмматического» направления. Установление ими понятия звукового закона и аналогии (Шлейхер в этом отношении остановился на полпути) в значительной степени устранило произвол при этимологических и фонетических исследованиях¹¹⁸, а определение Бругманом новых критериев при анализе родственных связей языков¹¹⁹ заставило по-новому взглянуть на многие выводы предыдущей эпохи. Основные положения, выставленные Бругманом в указанной статье, заключаются в следующем. Наличие в разных языках общих новообразований не может быть решающим аргументом в пользу более близкого родства между двумя или несколькими языками, поскольку новообразования могут возникнуть независимо в разных языках и, следовательно, оказаться случайными. Поэтому имеют значение лишь те новообразования, которые возникли из общего источника двух или нескольких языков.

¹¹⁵ См. J. von Fierlinger. Miscellen. — KZ, Bd. 27, 1885, стр. 480. О балто-славянском *ei* см. также А. Бецценбергер. — GGA, 1875, стр. 1322.

¹¹⁶ Эта проблема стала особенно модной после выхода в свет статьи О. Доннера (Donner. Uden ber Einfluß des Litauischen auf die finnischen Sprachen. «Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. I, 1884, стр. 257 и след.), с которой Гануш был знаком.

¹¹⁷ V. Thomsen. Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. En sproghistorisk Undersøgelse. København, 1890.

¹¹⁸ См. весьма показательную в этом отношении статью Л. Гейтлера «О паразитических gutturalih iza dentalah u litavskih i slavenskih jezicah» («Rad Jugoslavenske Akademije Znanosti i Umjetnosti», 44 knjiga, 1878, стр. 122—149) и некоторые другие работы того же автора.

¹¹⁹ См. K. Brugmann. Zur Frage nach der Verwandtschaftsverhältnissen der indogermanischen Sprachen. «Internation. Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft», Bd. I, 1884, стр. 226—256 (статья была написана Бругманом еще в 1878 г.).

Но так как обычно именно вопрос об общем источнике и остается неясным, то единственным надежным критерием более близкого родства, исключая случайность, является, по мнению Бругмана, большое количество («die große Masse») совпадений в фонетических, морфологических, синтаксических и лексических новообразованиях. Вслед за Лескином Бругман считает, что наиболее надежные критерии следует искать в области словообразования и морфологии, хотя и здесь совпадения могут быть результатом сохранения древнего индоевропейского наследия или независимого параллельного развития. Менее надежны фонетические критерии. Совпадения же в области лексики и синтаксиса при определении более тесного родства должны использоваться в последнюю очередь, поскольку в этих областях речь может идти и о непосредственном заимствовании. Свои теоретические соображения Бругман подробно комментирует рядом примеров, среди которых балто-славянские занимают особенно значительное место.

Объективный вывод из рассуждений Бругмана состоял в том, что индо-иранское, балто-славянское и итало-кельтское языковые единства, строго говоря, не доказаны¹²⁰. Подобный скептицизм¹²¹ был характерен и для Б. Дельбрюка, заявившего, что «нужно скептически относиться ко всем группировкам индоевропейских языков, которые до сих пор делались учеными, за исключением одной лишь азиатской группы языков»¹²². Конкретно в отношении балто-славянского языка сомнения высказывались, правда, почти без всякой аргументации Ф. Миклошичем, П. фон Брадке, ранним А. Погодиным¹²³, К. Явнисом¹²⁴. «Ученой фикцией» считал балто-славянский язык И. А. Бодуэн де Куртене, изложивший свои взгляды по этому вопросу в «Лингвистических заметках и афоризмах»¹²⁵ в связи с критикой книги В. А. Богородицкого «Очерки по языковедению и русскому языку»¹²⁶.

Однако несмотря на все сомнения и возражения теория балто-славянского языкового единства оставалась непоколебленной до 1908 г. Более того, она получила новое подтверждение в трудах Бругмана,

¹²⁰ Ср., между прочим, замечание Бругмана (указ. соч., стр. 253) о неправомерности выделения индо-иранского языка только на основании перехода *e* в *a*.

¹²¹ Его критика была дана П. Кречмером (P. Kretschmer. Einleitung in die Geschichte der Griechischen Sprache. Göttingen, 1896, стр. 98—99).

¹²² B. Delbrück. Einleitung in das Studium der indogermanischen Sprachen. Leipzig, 1880; русский перев., СПб., 1904, стр. 139; ср. также характерные методологические замечания на стр. 144—145.

¹²³ Впоследствии Погодин признал возможность существования балто-славянского праязыка и указал некоторые его новообразования: сравнительная степень на *-ēs*, отдельные факты из морфологии и словообразования. См. его книгу «Следы корней-основ в славянских языках». Варшава, 1903, особенно стр. II—III. Более подробно вопрос о славянской сравнительной степени на *-ēs* рассмотрен в ИОРЯС, т. 8, 1903, стр. 206—211 (другой тип славянского компаратива интересовал В. Штрейтберга, см. W. Streitberg. Slav.-ējsъ und germ. -ōz im Komparativ. «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. 16, стр. 266—271). Особое внимание обращают на себя многочисленные этимологии Погодина, печатавшиеся преимущественно в РФВ и содержащие обильный балто-славянский материал.

¹²⁴ См. К. Явнис. Грамматика литовского языка. СПб., 1908—1916, стр. 35 (книга писалась в 1885—1897 гг.).

¹²⁵ См. ЖМНП, 1903, ч. 346, стр. 330.

¹²⁶ Вывод Бодуэна де Куртене («в пользу предположения общей «эпохи литво-славянской» говорит ничуть не больше и, пожалуй, даже меньше доводов, нежели против этого предположения. . .»), к сожалению, был построен исключительно на критике и опровержении крайне неудачной попытки Богородицкого приписать балто-славянскому языку два общих новообразования (*ei* > *iu* и ослабление *o* в предударном слоге: сьто, гьанти, лит. *ignis*). Более серьезные опыты доказательства балто-славянского единства были обойдены Бодуэном де Куртене.

где изложены ставшие впоследствии знаменитыми восемь пунктов балто-славянских сходств, которые, по мнению немецкого лингвиста, определенно свидетельствовали в пользу существования балто-славянского языка¹²⁷: 1) рефлексы слоговых сонантов; 2) упрощение геминат; 3) переход причастий на *-nt-* в склонение основ на *io*; 4) образование сложных прилагательных при помощи указательного местоимения *-is*; 5) переход ряда существительных с основой на согласный в склонение *i*-основ; 6) замена местоимения **so-* через **to-*; 7) образование *Dat. sg.* личного местоимения 1-го лица от основы *Gen. Sg.* того же местоимения; 8) замена в *o*-основах *Gen. Sg.* через *Abl. Sg.*¹²⁸ Бругман подчеркивал, что указанные сходства не исчерпывают всех случаев совпадений, но они являются основными и достаточными для признания общего балто-славянского периода, наступившего после распада индоевропейского праязыка. Ни одно из сходств, указанных Бругманом, не было новым¹²⁹, но именно такая комбинация их была предложена впервые. Авторитет Бругмана в индоевропейском языкознании и недостаточная известность статьи Гануша благоприятствовали тому, что эти восемь пунктов стали восприниматься, как итог балто-славянских штудий XIX в. Бесспорно, что такой взгляд был слишком упрощенным (тем более, что восемь пунктов Бругмана находились в некотором противоречии с его же теоретическими установками), однако именно он был характерен для критиков Бругмана в первом десятилетии XX в.

В действительности же наиболее ценной частью наследия XIX в. и первых лет XX в. были исследования, посвященные частным проблемам балто-славянского языкознания, разработка которых, помимо уже указанных ученых, связана с именами В. Ягича¹³⁰, А. Людвига¹³¹, А. Беценбергера¹³², О. Видеманна¹³³, К. Ф. Йохансона¹³⁴, Ф. Пру-

¹²⁷ См. K. Brugmann. Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. I. изд. 2-е, Straßburg, 1897, стр. 20—21; е го же. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1904, стр. 18.

¹²⁸ Особенно подробно это явление было описано М. Гатталой. См. M. Hattala. O ablativě ve slovančině a litvančině. — ССМ. 1857, стр. 227—250, 264—268; 1858, стр. 519—533 (здесь, кажется, впервые род. п. ед. ч. на *-a* сравнивается с латинским *abl.*). См. также K. Mühlentbach. Über die vermeintlichen Genitive oder Ablative auf *-ā*, *u* im Lettischen. — IF, Bd. 13, 1902, стр. 220—260; е го же. Nachträge. — IF, Bd. 13, 1902, стр. 261—266.

¹²⁹ Иное дело — впервые указанное Бругманом сопоставление слав. *li* с лтш. *lai* (< **lōi-* от **uel* 'хотеть'). См. Brugmann. Slavisch *li* und lettisch *lai*. — IF, Bd. 15, 1904, стр. 339—340.

¹³⁰ См. его работы: «Zum litoslavischen Sprachschatz». — AfslPh, Bd. 2, 1877, стр. 396—398; «Über einen Berührungspunkt des altslovenischen mit dem litauischen Vokalismus». Там же, Bd. 3, 1879, стр. 95—107; «Litauisch *te*: slavisch *ть*, *амь*». Там же, Bd. 6, 1882, стр. 284—287 (параллели к литовскому пермиссиву).

¹³¹ Кроме работы Людвига, уже упомянутой выше, см. еще: «Der Infinitiv im Veda mit einer Systematik des litauischen und slavischen Verbs». Prag, 1871; «Herkunft des litauischen *k*—Optativ» в Трудах чешского научного общества за 1898 г. и др.

¹³² См. прежде всего его статьи в ВВ, особенно Bd. 5, 6, 7, 9, 12, 18, 27 и др., а также в КЗ. Значительная их часть посвящена этимологии и фонетике балтийских языков.

¹³³ См. особенно O. Wiedemann. Das litauische Präteritum. Ein Beitrag zur Verbalflexion der indogermanischen Sprachen. Straßburg, 1891 (ср. также J. Baudis. Das slavische Imperfektum. — IF, Bd. 23, 1908, стр. 135—152); е го же. Zu den litauischen Auslautgesetzen. — KZ, Bd. 32, 1891, стр. 109—122; е го же. Handbuch der litauischen Sprache. Straßburg, 1897; е го же. Litu-slavisches. — ВВ, Bd. 29, 1905, стр. 311—320; ВВ, Bd. 30, 1906, стр. 207—223 и др.

¹³⁴ См. K. F. Johansson. Eine analoge Neubildung der Verbalflexion im altindischen und baltisch-slavischen. — KZ, Bd. 32, 1892, стр. 434—513 (особенно стр. 476 и след. о глаголах с суффиксом *-st-*).

сика¹³⁵, В. Штрейтберга¹³⁶, Э. Бернекера¹³⁷, Ф. Фортунатова¹³⁸, В. Миллера¹³⁹, Г. Ульянова¹⁴⁰ и др. В самом конце XIX — начале XX в. появляется новая плеяда ученых, внесших весьма крупный вклад в изучение балто-славянских отношений (А. Мейе, И. Миккола, Я. Розвадовский, И. Зубатый, К. Уленбек, Х. Педерсен, И. Эндзелин, Э. Лиден, В. Шульце, Р. Готью, В. Поржезинский, Г. Хирт и др.)¹⁴¹, но в основном их деятельность относится к более позднему периоду, который будет охарактеризован позже.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В НАЗВАНИЯХ ЯЗЫКОВ

алб. — албанский
англ. — английский
арм. — армянский
балт. — балтийский
болг. — болгарский
белор. — белорусский
вед. — ведийский
в.-луж. — верхнелужицкий
гот. — готский
греч. — греческий
др. — древний (др.-русс. — древнерусский, др.-польск. — древнепольский, др.-чешск. — древнечешский и т. д.)
др.-в.-нем. — древневерхне немецкий
и.-е. — индоевропейский
иранск. — иранский
кашуб. — кашубский
кельт. — кельтский
лат. — латинский
лтш. — латышский

лит. — литовский
луж. — лужицкий
макед. — македонский
нем. — немецкий
н.-луж. — нижнелужицкий
полаб. — полабский
польск. — польский
прус. — прусский
русс. — русский
серб. — сербский
словен. — словенский
слав. — словацкий
ст.-сл. — старославянский
турецк. — турецкий
укр. — украинский
фр. — французский
хет. — хеттский
чакав. — чакавский
чешск. — чешский
швед. — шведский
штокав. — штокавский

¹³⁵ См. «Slavische Miscellen. 2. Das Imperativsuffix *-dhi* im balto-slavischen». — KZ, Bd. 33, 1893, стр. 157—159 и др., а также его многочисленные этимологии.

¹³⁶ См. его «Der Genetiv Pluralis und die baltisch-slavischen Auslautgesetze». — IF, Bd. 1, 1892, стр. 259—299; «Vokalkürzungen im Baltischen». — IF, Bd. 2, 1893, стр. 415—435 и др.

¹³⁷ См. его «Von der Vertretung des indogermanischen *ēu* im baltisch-slavischen Sprachzweig». — IF, Bd. 10, 1899, стр. 145—167 и др.

¹³⁸ См. F. Fortunatov. Zur vergleichenden Betonungslehre der Litu-slavischen Sprachen. — AfslPh, Bd. 4, 1880, стр. 575—589; его же. Über Accent und Länge in den baltischen Sprachen. — BB, Bd. 22, 1897, стр. 153—188 (перев. Ф. Сольмсеном статьи из РФВ, т. 33, 1895) [в связи с этой статьей см. F. -de Saussure. A propos de l'accentuation lituanienne (intonations et accent proprement dit). — MSL, t. 8, 1894, 425—446]; его же. Критический разбор сочинения Г. К. Ульянова «Значение глагольных основ в литовско-славянском языке». СПб., 1897, и др.

¹³⁹ См. W. Müller. Über den letto-slavischen Infinitiv. — «K.-Schl. Beitr.», Bd. 8, 1874, стр. 156—174; его же. Die Praeposition *kū* im Slavischen. Там же, 1874, стр. 101—107 (особенно о слав. *po*, лит. *pa*).

¹⁴⁰ См. Г. К. Ульянов. Основы настоящего времени в старославянском и литовском языках. Варшава, 1888; его же. Значение глагольных основ в литовско-славянском языке. Варшава, т. I, 1891; т. II, 1895.

¹⁴¹ В центре внимания ученых этого периода стояли прежде всего вопросы этимологии и фонетики (в частности, акцентологии); несколько меньший интерес вызвали грамматические проблемы (см. Поржезинский).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И НАЗВАНИЯ СЛОВАРЕЙ И ЖУРНАЛОВ

- AM* — „Altpreussische Monatsschrift“, Königsberg.
Aph — „Archivum philologicum“, Kaunas.
BB — „Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen“, hrsg. von A. Bezzenberger, Göttingen.
BEW — „Slavisches etymologisches Wörterbuch“ von E. Berneker, Heidelberg.
BrSl — A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego, Kraków.
BSL — „Bulletin de la Société linguistique de Paris“.
Du. Cange. Glos. med. — „Glossarium mediae et infimae Latinitatis“, condit. a G. Du Cange.
IF — „Indogermanische Forschungen“, Berlin—Leipzig.
KEW — „Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache“ von Fr. Kluge.
KZ — „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen“, begründet von A. Kuhn, Göttingen.
Lfil — Listy filologické, Praha.
MEW — Fr. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen.
MSL — „Memoires de la Société de linguistique de Paris“.
PF — Prace filologiczne, Warszawa.
RESL — „Revue des études slaves“, Paris.
ZfCeltPh — „Zeitschrift für celtische Philologie“.
ZfSlPh — „Zeitschrift für slavische Philologie“.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Л. А. Булаховский.</i> Сравнительно-исторические комментарии к болгарскому ударению	3
<i>Л. Э. Калынь.</i> Категория твердых-мягких согласных фонем в белорусском языке	73
<i>М. А. Михайлов.</i> Суффиксы имен действующего лица в серболужицком языке	128
<i>Р. М. Цейтлин.</i> Материалы для изучения значений приименной приставки <i>SQ-</i> в славянских языках	208
<i>В. Н. Топоров.</i> Очерк истории изучения древнейших балто-славянских отношений	248

*Ученые записки института славяноведения,
том XVII*

*

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

*

Редактор издательства *В. В. Иванов*
Технический редактор *И. Н. Гусева*

РИСО АН СССР № 75-53В. Сдано в набор 9/IV 1959 г.
Подписано к печати 28/VII 1959 г. Формат 70 × 108^{1/16}.
17,25 печ. л. 23,63 усл. печ. л. 25,2 уч.-издат. л. Тираж 1400 экз.
Т-09133. Изд. № 2882. Тип. зак. № 64.

Цена 16 руб. 60 коп.

Издательство Академии наук СССР.
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21

1-я типография Издательства АН СССР.
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12.

102-637

УЧЕНЬЕ
ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
СЛАВЯНО-
ВЕДЕНИЯ

XVI

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1959